№ 54

ВОЙНА
РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1806—1812 гг.

Томъ II.

1808 и 1809 гг.

Кн. Прозоровскій и Кн. Багратіонъ.

Составлено по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоромъ **А. Н. Петровымъ.**

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининск. кан., № 78.
1887.

ВОЙНА
РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1806—1812 гг.

Томъ II.

1808 и 1809 гг.

Кн. Прозоровскій и Кн. Багратіонъ.

Составлено по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію

Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоромъ **А. Н. Петровымъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининск. кан., № 78.
1887.

ГПИБ России
10081679

Екатерининскій кан., № 78.
№ 2760.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
5789-81

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Отношенія Россіи въ Англіи и Франціи послѣ Тильзита. — Послѣдствія Слободзейскаго перемирія. — Неудовольствіе на Лошкарева. — Переписка съ визиремъ по поводу Слободзейскаго перемирія. — Обвиненіе Мейндорфа. — Неутвержденіе Императоромъ Александромъ Слободзейскаго перемирія. — Посредничество Франціи по замиренію Россіи съ Турціей. — Парижскіе переговоры 1807. — Опасенія сербовъ. . 1

II. Состояніе Сербіи въ августѣ 1807 г. — Вторженіе турокъ въ Сербію въ сентябрѣ 1807 г.—Битва при Соколѣ.—Неудачная попытка турокъ къ замиренію съ сербами, въ ноябрѣ 1807 г.— Злоупотребленіе сербскихъ воеводъ.—Новыя опасенія сербовъ въ концѣ 1807 г. — Интриги въ Сербіи, Авксентій, Младенъ и др. 16

1808 годъ.

III. Тильзитскій миръ по отношенію къ Турціи. Планъ Гарденберга о раздѣлѣ Турціи. — Посредничество Наполеона между Россіей и Турціей. — Разрывъ Россіи со Швеціей. — Открытіе въ Парижѣ переговоровъ о мирѣ Россіи съ Турціей.—Назначеніе кн. Прозоровскаго главнокомандующимъ Дунайскою арміею. Его распоряженія по войскамъ. — Госпитали. — Организація военнаго обоза.—Маркитанты, мясная и винная порціи.— Образованіе резервнаго корпуса.—Расположеніе арміи въ маѣ мѣсяцѣ. Нормальный боевой порядокъ арміи 26

IV. Переговоры о мирѣ съ Турціей.—Переговоры съ Мустафой.— Планъ Наполеона о раздѣлѣ Турціи.—Сношенія съ нимъ въ апрѣлѣ.—Силы турокъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и ихъ расположеніе.—Движеніе Мустафы-паши къ Константинополю для сверженія султана Мустафы 45

V. Эрфуртскій договоръ и его послѣдствія. — Революція въ Константинополѣ въ ноябрѣ 1808 г.— Расположеніе турецкой арміи на зимнія квартиры въ 1808 г. — Инструкція русскимъ уполномоченнымъ для переговоровъ о мирѣ съ Турціей 96

VI. Сербскія дѣла въ 1808 г.—Интриги Австріи. Іюнь. 128

VII. Переговоры съ Турціей, съ начала 1809 г. 165

VIII. Различныя мѣры къ улучшенію управленія Дунайской арміи. — Госпитали, магазины.—Полковая отчетность. — Продовольственныя заготовленія. — Расположеніе арміи къ марту 1809 г. 195

стр.

IX. Планъ кампаніи 1809 г.—Движеніе къ Журжѣ.—Осада Браилова.—Штурмъ крѣпости 20 апрѣля.—Отступленіе отъ Браилова.—Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій кн. Прозоровскаго . . . 206

X. Предположеніе Императора Александра идти на Константинополь.—Тактическія инструкціи.—Назначеніе резервнаго корпуса; новый планъ кампаніи. . 233

XI. Событія въ Сербіи, съ начала 1809 г.—Дѣйствія Исаева 1 въ Малой Валахіи.—Приступъ къ Кладово.—Пораженіе сербовъ при Нишѣ.—Побѣда сербовъ при Сеницѣ и Сувадолѣ.—Дѣйствія Чернаго Георгія у Нов. Базара.—Осада турками Делиграда.—Дѣло при Банѣ и оставленіе ея сербами.—Осада Кладово.—Неудачный штурмъ крѣпости.—Положеніе турокъ при Любошѣ и Лозницѣ.—Усилія турокъ противъ Делиграда.—Оставленіе сербами Делиграда и Чупріи.—Бѣгство Родофиникина изъ Бѣлграда.—Турки занимаютъ ост. Кербовъ.—Пораженіе турокъ 16 сентября и очищеніе ими предѣловъ Сербіи.—Переговоры Чернаго Георгія съ австрійцами.—Народное сербское собраніе въ Хасанъ-Пашинской Паланкѣ, и внутреннія смуты.—Турки предлагаютъ сербамъ замиреніе 251

XII. Переходъ князя Прозоровскаго черезъ Дунай.—Занятіе Исакчи 31 іюля, Тульчи 1 августа и Бабадага 2 августа.—Смерть кн. Прозоровскаго и назначеніе вмѣсто него кн. Багратіона . . . 316

XIII. Дѣйствія кн. Багратіона.—Занятіе Мачина 18 и Гирсово 22 августа.—Расположеніе турецкой арміи въ августѣ и сентябрѣ и взаимная вражда между ея начальниками.—Планъ визиря.—Визирская армія наступаетъ отъ Журжи къ Бухаресту.—Валахскіе бояре и диванъ по отношенію къ русской арміи.—Движеніе Ланжерона изъ Бухареста на встрѣчу визирской арміи.—Сраженіе при Фрасине и Дая 29 августа—Наступленіе кн. Багратіона къ Силистріи.—Сдача Кюстенджи 30 августа.—Сраженіе при Расеватѣ 4 сентября.—Занятіе Мангаліи.—Наступленіе кн. Багратіона отъ Расеваты къ Силистріи.—Осада и сдача Измаила 14 сентября.—Осада Силистріи.—Движеніе части визирской арміи отъ Рущука къ Силистріи.—Авангардное дѣло 24 сентября.—Вылазка изъ Силистріи 4 октября.—Сраженіе при Тарицѣ 9 и 10 октября.—Замѣчанія по поводу сраженія при Тарицѣ.—Отступленіе арміи кн. Багратіона отъ Силистріи къ Черноводамъ.—Дѣйствія на флангахъ.—Сдача Браилова 21 ноября.—Положеніе турецкой арміи въ ноябрѣ.—Переходъ арміи кн. Багратіона на лѣвый берегъ Дуная.—Зимнія квартиры въ Дунайскихъ княжествахъ.—Составъ боевыхъ частей арміи.—Милорадовичъ оставляетъ армію.—Высылка Филипеско.—Интриги бояръ противъ русскихъ 331

XIV. Планъ кн. Багратіона къ открытію кампаніи 1810 г.—Критическая оцѣнка этого плана. . 422

XV. Продовольствіе арміи въ 1809 г. и заготовленіе припасовъ на 1810 годъ 437

XVI. Сношенія кн. Багратіона съ визиремъ 454

XVII. Событія въ Сербіи, въ концѣ 1809 г. и началѣ 1810 годовъ.—Письма кн. Багратіона къ Черному Георгію и сербскому народному совѣту 468

XVIII. Внутреннее положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ 1808 и 1809 г.г.—Сношенія съ Персіей.—Царь Соломонъ въ Имеретіи.—Лишеніе престола царя имеретинскаго Соломона и бѣгство его изъ Кутаиса.—Враждебные замыслы Соломона.—Интриги Турціи и Персіи на Кавказѣ въ 1808 и 1809 годахъ.—Возмущеніе Селимъ-хана Шекинскаго, Сурхай-хана Казыкумыкскаго и Шихъ-Али Кубинскаго.—Переговоры съ Персіей.—Военныя дѣйствія на Кав-

стр.

казѣ въ 1808 и 1809 гг.—Затруднительное положеніе Персіи.—Сосредоточеніе арміи гр. Гудовича къ Тифлису, и расположеніе русскихъ войскъ въ маѣ 1808 г.—Возобновленіе переговоровъ съ Персіей.—Персія и Турція готовятся начать военныя дѣйствія противъ арміи гр. Гудовича и движеніе послѣдняго къ Памбаку. — Армія гр. Гудовича вступаетъ въ границы Персіи.—Дѣйствія подъ Эриванью.—Письменная переписка гр. Гудовича съ персами въ октябрѣ и ноябрѣ 1808 года.—Разбитіе войскъ Аббасъ-Мирзы при Кара-баба, и занятіе Нахичевани. — Штурмъ Эривани 17 ноября 1808 г., и отступленіе отъ крѣпости.—Расположеніе арміи гр. Гудовича на зимнія квартиры.—Возобновленіе

стр.

переговоровъ съ персами въ 1809 году.—Назначеніе генерала Тормасова на мѣсто гр. Гудовича.—Переговоры съ Персіей въ 1809 году; военныя предпріятія персіянъ и турокъ. — Расположеніе арміи Тормасова у Думаниса, и боевой составъ ея.—Наступательныя дѣйствія и ихъ безуспѣшность.—Персы просятъ о перемиріи.—Волненіе во всемъ Закавказьѣ. — Расположеніе арміи на зимнія квартиры въ 1809 г.—Продолженіе переговоровъ о перемиріи и о мирѣ съ Персіей.—Взятіе Поти 15 ноября.—Взятіе въ плѣнъ царя Соломона . . . 485

XXI. Дѣйствія на Черномъ морѣ въ 1809 г. — Занятіе кр. Анапы 15 іюля 531

Приложенія 541

ВОЙНА

РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1806—1812 годовъ.

ТОМЪ II.

1808—1809 гг.

I.

Отношенія Россіи къ Англіи и Франціи послѣ Тильзита. — Послѣдствія Слободзейскаго перемирія. — Неудовольствіе на Лошкарева. — Переписка съ визиремъ по поводу Слободзейскаго перемирія. — Обвиненіе Мейндорфа. — Неутвержденіе Императоромъ Александромъ Слободзейскаго перемирія. — Посредничество Франціи по замиренію Россіи съ Турціей. — Парижскіе переговоры 1807. — Опасенія сербовъ.

Сближеніе Россіи съ Франціей въ Тильзитѣ 1807 г. удалило ее отъ Англіи, съ которою Наполеонъ продолжалъ войну. Впрочемъ, какъ писалъ гр. Румянцевъ кн. Прозоровскому, отъ 18 сентября 1807 года: «Англія была съ нами всегда неискренна, наклоняя всякій свой шагъ, не къ общей и взаимной съ нами, но лишь къ частной своей пользѣ. Въ обезпеченіе операцій нашихъ противу Франціи, обольщала она насъ одними безплодными обѣщаніями». Швецію не подкрѣпила, а отъ Даніи потребовала выдачи ея флота и бомбардировала, за отказъ, Копенгагенъ, чѣмъ совершила «наглый поступокъ про-

тивъ Даніи», [1]) и это послужило къ разрыву Россіи съ Англіей [2]). Что касается Франціи, то гр. Румянцевъ полагалъ, что Наполеонъ не будетъ противъ присоединенія къ Россіи Молдавіи и Валахіи, и потому писалъ кн. Прозоровскому: «Я въ полной откровенности, говоря съ Вашимъ Сіятельствомъ, не хочу скрыть отъ Васъ, что изустныя Имп. Французовъ объясненія въ Тильзитѣ съ Е. И. В. совершенно удостовѣрили насъ о нерасположеніи его къ нынѣшнему Султану и къ самой Портѣ; слѣдовательно и пожертвованія на счетъ Державы сей будутъ для него равнодушны».

Петербургскій дворъ полагалъ, что послѣ Тильзитскихъ переговоровъ, Наполеонъ, дѣйствительно употребитъ свое посредничество по замиренію Турціи съ Россіей и станетъ дѣйствовать въ интересахъ послѣдней. Были и нѣкоторые признаки такой готовности Наполеона. По его внушенію, генералъ французской службы Савари [3]), состоявшій посломъ въ Петербургѣ, писалъ Гильемино письмо, съ цѣлью доказать, что Россія не можетъ вывести своихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ, какъ это было постановлено по Слободзейскому перемирію.

Съ другой стороны, и генералъ Себастіани оказывалъ теперь нѣкоторыя услуги русскому дѣлу въ Константинополѣ. Такъ, по его настоянію, до 300 русскихъ плѣнныхъ были доставлены турками въ Одессу и сданы мѣстнымъ властямъ. Турки, какъ писалъ Себастіани отъ 6 октября 1807 г., долго на это не соглашались, говоря,

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes. Turquie Prosorowsky 1807 и 1808 г.

[2]) Это письмо достаточно опровергаетъ мнѣніе иностранныхъ писателей, будто-бы, въ Тильзитѣ, Императоръ Александръ обѣщалъ Наполеону, потребовать отъ Даніи уступки ея флота Франціи.

[3]) Тотъ самый, который, не смотря на всю его дипломатическую ловкость и свѣтскую любезность, не былъ принятъ, послѣ Тильзитскаго свиданія, въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, чѣмъ и высказывалось неудовольствіе его противъ Наполеона.

что: «Этой мѣрѣ должно предшествовать очищеніе русскими Молдавіи и Валахіи. Я увѣрилъ ихъ, что русскій дворъ употребитъ, конечно, старанія выполнить свои обязательства».

Разсчитывая на содѣйствіе Себастіани, кн. Прозоровскій писалъ ему отъ $^{6}/_{21}$ октября, что безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ трактатѣ слободзейскаго перемирія оно существовать не можетъ. — «Никогда, сказано въ письмѣ, Е. В. Имп. Всероссійскій, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ принять пунктовъ перемирія, которые счелъ возможнымъ подписать министръ его, Лошкаревъ. Я вполнѣ увѣренъ, что и В. Превосходительство будете моего мнѣнія, что эти пункты не согласуются съ достоинствомъ и могуществомъ Россіи, тѣмъ болѣе, что генералъ Мейндорфъ, ратификовавшій перемиріе, не былъ на то уполномоченъ, за что и навлекъ на себя гнѣвъ Е. Величества.

«Дружба, къ счастію существующая между обоими Императорами, служитъ мнѣ залогомъ того, что В. Прев., въ качествѣ посредника между Россіей и Портой, употребитъ все свое значеніе и силу при Константинопольскомъ дворѣ, что-бы согласить его сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ пунктахъ перемирія, какъ для блага общаго, такъ и моего повелителя. Къ тому-же, это единственное средство для приведенія дѣлъ къ окончательному миру, ко благу народовъ: иначе, перемиріе никогда не будетъ принято Его Вел. моимъ Государемъ» [1]. Письмо это было отправлено въ Константинополь, съ флигель-адъютантомъ, полковникомъ Паскевичемъ. Въ томъ-же родѣ кн. Прозоровскій писалъ и верховному визирю, отъ 7 сентября [2], выставляя ему на видъ,

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Pr. Prosorowsky à Tchelebi Seid Mustaphe Pacha Gr. Visir. 7 Sept. 1807. — Гл. Ар. М. И. Д.

что Мейндорфъ не имѣлъ права ратификовать перемиріе, которое, сверхъ того, турки первые нарушили.

Кн. Прозоровскій не находилъ достаточныхъ словъ, что-бы выразить свое неудовольствіе на Лошкарева, за подписанное имъ условіе перемирія. Въ письмѣ къ гр. Румянцеву, отъ 26 сентября 1807 г., онъ говоритъ: «Я рѣшительно сказать долженъ, что въ Лошкаревѣ не нахожу никакихъ способностей. Все обѣщаетъ, все хвастаетъ знаніями своими, словомъ сказать — il fait le bouffon, et foncierement ce n'est qu'un brouillon».

Получивъ назначеніе управлять диваномъ княжествъ, Лошкаревъ и здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ главнокомандующаго, который доносилъ Императору, отъ 17 октября 1807 г.: «Опасаюсь безпрестанно новыхъ отъ него неистовствъ, которыхъ, можетъ быть, не только мнѣ, но и Вашему Императорскому Величеству исправить будетъ трудно; осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о избавленіи меня отъ него, поелику онъ мнѣ здѣсь вовсе не въ помощь, а единственно въ тягость» [1]).

Неудачный творецъ Слободзейскаго трактата, Лошкаревъ, желая убѣдить подписавшаго этотъ трактатъ Гулибъ-эфенди въ необходимости измѣнить нѣкоторые его пункты, намѣревался отправиться въ Рущукъ, для свиданія съ Гулибъ-эфенди.—«Я думаю, писалъ князь Прозоровскій къ графу Румянцеву, отъ 23 октября 1807 года,—что лучше было-бы, если-бы онъ вовсе не ѣздилъ, ибо отъ него надлежитъ болѣе опасаться вреда, нежели надѣяться пользы» [2]).

А между тѣмъ, турки, ссылаясь на предоставленное имъ, по перемирію, право торговли сухимъ путемъ и моремъ, отправили въ Галацъ три судна съ порохомъ и требовали дальнѣйшаго ихъ пропуска въ Дунай; съ

[1]) Донесеніе князя Прозоровскаго отъ 17 октября 1807 года. М. И. Д.
[2]) Тамъ-же.

другой стороны, изъ Рущука прибыло также въ Галацъ 20 турецкихъ судовъ съ 34 пушками и 300 солдатами, въ намѣреніи выйдти изъ Дуная. Понятно, что ни тѣ, ни другія не были пропущены чрезъ Галацъ, и это повело къ перепискѣ князя Прозоровскаго съ турецкими начальниками. При этомъ Князь Прозоровскій снова обвиняетъ Лошкарева, не умѣвшаго ясно опредѣлить въ актѣ перемирія условій движенія турецкихъ судовъ по Дунаю. — «Онъ (Лошкаревъ) болѣе даже причинилъ вреда, чѣмъ турки, которые, безъ подачи имъ повода, къ тому приступить-бы не осмѣлились. Почему и повторяю убѣдительнѣйшую мою просьбу, избавить меня отъ него, для пользы самого Государя Императора и службы его» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Прозоровскій писалъ Лошкареву отъ 14 октября: «Заключенное вами посрамительное для васъ перемиріе, вздумали вы принять за настоящій миръ и допустили на Дунаѣ торговлю съ турками, которые, кромѣ чумы, ничего намъ доставить не могутъ» [2]).

Послѣднимъ актомъ политической дѣятельности Лошкарева, которому было приказано *отправиться въ свои деревни*, было полученное имъ изъ Рущука, отъ Гулибъ-эфенди письмо, по поводу просьбы измѣнить нѣкоторые пункты перемирія. Въ этомъ письмѣ Гулибъ-эфенди говоритъ, что «такъ какъ перемиріе уже заключено и ратификовано, съ согласія обѣихъ сторонъ, то намъ остается только его выполнить теперь. Съ согласія Россіи и Порты, ведутся въ Парижѣ переговоры о мирѣ, при посредничествѣ Франціи, и тамъ обо всемъ будетъ переговорено».

---

[1]) Князь Прозоровскій къ графу Румянцеву 23 октября 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Тамъ-же.

Это письмо было доставлено, вмѣстѣ съ отвѣтнымъ письмомъ визиря, къ кн. Прозоровскому, на отзывъ послѣдняго отъ 7 сентября.

Въ письмѣ своемъ, въ октябрѣ 1807 г. изъ Адріанополя, визирь указываетъ на то, что такъ какъ онъ ратифицировалъ условія перемирія, заключеннаго съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, и Турція со всею строгостію выполняетъ свои условія, перевела всѣ свои войска на правый берегъ Дуная, оставивъ лишь незначительные гарнизоны въ принадлежащихъ ей крѣпостяхъ лѣваго берега этой рѣки, «то, сказано въ письмѣ — «я надѣюсь, что и вы, въ точности исполните всѣ постановленные пункты. Между тѣмъ, вы предлагаете разныя измѣненія. Если то, что было постановлено однимъ, будетъ другимъ измѣняться, то этому конца не будетъ; и впредь никто ни на что не могъ-бы положиться, потому что, можетъ быть, вы сами будете замѣнены кѣмъ либо другимъ, который станетъ также измѣнять условленное.

«Что касается до сербовъ, то они суть подданные Порты, которая властна ихъ простить или наказать; никакія конвенціи и ничто не даетъ Россіи права вмѣшиваться въ ихъ дѣла.

«Слѣдуя вашимъ доводамъ, изложеннымъ въ письмѣ, всякая держава могла найти-бы поводы ко вмѣшательству въ дѣла другой. Вы говорите, что сербы ваши единовѣрцы,—но въ Россіи есть цѣлые народы магометанскаго исповѣданія, и Порта, однако, никогда не вмѣшивалась въ ихъ дѣла»[1]). Въ заключеніе, визирь также говоритъ о началѣ въ Парижѣ переговоровъ о мирѣ. Словесно-же, чрезъ французское посольство, визирь поручилъ увѣрить кн. Прозоровскаго, что — «до заклю-

---

[1]) Prosorowsky 1807 г. Гл. Арх: М. И. Д.

ченія мира все будетъ спокойно, и сербовъ онъ тревожить не станетъ».

Въ томъ-же смыслѣ состояло и письмо Себастіани къ кн. Прозоровскому, отъ 8 ноября 1807 г.: — «я не могъ и даже не долженъ былъ вести переговоры о пользѣ перемирія съ Портою, а узналъ о немъ уже по его заключеніи. Но чтобы дать новое доказательство желанія со стороны Франціи достигнуть мира между Россіей и Турціей, я убѣдилъ Порту согласиться на отмѣну постановленія о взаимной выдачѣ взятыхъ на войнѣ кораблей. Его Вел. Султанъ, желая успокоенія сербовъ, принялъ мѣры, чтобы противъ нихъ не производилось никакихъ военныхъ дѣйствій, до установленія окончательнаго мира» [1]).

Хотя, такимъ образомъ, Турція и согласилась отмѣнить взаимную выдачу взятыхъ во время войны кораблей и обѣщала не тревожить сербовъ, но на это обѣщаніе разсчитывать было нельзя, такъ какъ было извѣстно, что Порта завела съ сербами сношенія, съ цѣлью обезоружить ихъ и, въ случаѣ отказа, могла снова на нихъ напасть, что́ и случилось, какъ увидимъ.

Тѣмъ не менѣе, турки не переставали требовать вывода русскихъ войскъ изъ княжествъ, на основаніи Слободзейскаго перемирія.

Если Лошкаревъ и былъ виноватъ, установивъ столь вредный для русскихъ интересовъ актъ, то генералъ Мейндорфъ былъ не менѣе виновенъ въ утвержденіи его.

Не смотря на лично хорошія отношенія кн. Прозоровскаго къ Мейндорфу, послѣдній получилъ отъ него весьма рѣзкое письмо отъ 30 сентября, въ которомъ кн. Прозоровскій выражался такъ:

«Если верховный визирь удивляется, что мы по-

---

[1]) Prosorowsky 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

нынѣ здѣсь находимся, то я еще болѣе удивляюсь тому, какимъ образомъ господинъ тайный совѣтникъ Лошкаревъ, могъ рѣшиться на заключеніе столь *постыднаго* для Россіи перемирія; и съ чего вы нашли поводъ назвать себя полномочнымъ отъ Государя Императора, тогда, когда, по правамъ народнымъ въ цѣлой Европѣ, таковыя довѣрія Монаршія даются на лицо, а не на званіе, кѣмъ либо носимое. Легко можетъ быть главнокомандующимъ одинъ, а полномочнымъ къ заключенію какихъ-либо трактатовъ другой. Сіе зависитъ единственно отъ воли и личной довѣренности Монаршей. Не менѣе того удивительно для меня, какимъ образомъ ваше превосходительство, послѣдуя совѣту г. Лошкарева, рѣшились утвердить столь постыдное для отечества нашего перемиріе, въ которомъ устранены и величіе и важность Имперіи; память и слѣды выгодъ, въ прежнія и настоящія времена, славнымъ оружіемъ россійскимъ надъ турками пріобрѣтенныхъ; обращены всѣ статьи въ единственную пользу сихъ послѣднихъ, и во вредъ Россіи, и подается цѣлому свѣту видъ, будто мы порабощаемъ уже отечество наше магометанамъ. Пройдите исторію всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ, и вы нигдѣ не найдете примѣра, гдѣ бы трофеи, кровію человѣческою пріобрѣтенные, какъ то́ суть корабли, при заключеніи перемирія, или даже мира, возвращены были. Какая же крайность, или какое несчастіе нашего оружія, могли принудить къ столь унизительнымъ условіямъ?

«Смерть генерала Михельсона подавала Вамъ наилучшій и вѣрнѣйшій способъ, не приступая къ утвержденію столь постыдныхъ пунктовъ, отправить оные на разсмотрѣніе къ Высочайшему Двору.

«Сказываютъ мнѣ, что генералъ Милорадовичъ, безъ Васъ было то и сдѣлалъ, но вы разсудили за благо отнять

у курьера его депеши, вмѣсто оныхъ отправить свои, означенное перемиріе утвердить и тѣмъ самымъ нанесть оружію нашему стыдъ, который теперь изгладить весьма трудно.

«Вы употребили всю возможную поспѣшность къ выводу войскъ изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, къ разоренію поправленныхъ и вновь сдѣланныхъ нами укрѣпленій, къ высылкѣ милиціи за Днѣстръ и къ оставленію важнѣйшихъ военныхъ позицій, какъ сухопутными войсками, такъ и флотиліею нашею, хотя имѣли вы уже предписаніе Высочайшаго Двора, отъ 20 августа, еще на имя покойнаго генерала Михельсона данное, чтобы до перемѣны турками постыдныхъ пунктовъ перемирія, медлить движеніемъ войскъ, а особливо, не переводить онаго за Днѣстръ: не взирая на то, послѣ полученія Вами сего предписанія, начали переправлать милицію черезъ Днѣстръ, какъ я изъ донесеній начальниковъ милиціонныхъ знаю. Какія-же отъ всего того для сербовъ, союзниковъ и единозаконниковъ нашихъ могутъ произойти пагубныя послѣдствія, о томъ я умалчиваю».

Затѣмъ, гр. Прозоровскій требовалъ отъ Мейндорфа подробныхъ объясненій, къ оправданію своихъ дѣйствій. [1])

Мейндорфъ представилъ крайне несостоятельныя объясненія. Онъ указывалъ на то, что еще Михельсонъ имѣлъ въ виду отступленіе отряда генералъ-маіора Исаева изъ Сербіи и приказалъ Милорадовичу отправить больныхъ изъ Бухареста въ Яссы. Это дало Мейндорфу, какъ онъ подагалъ, право предполагать, что «ежели бы кончины Михельсона, августа 19-го [2]) не воспослѣ-

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх. N 1367.

[2]) У Михайловскаго-Данилевскаго, не правильно показана смерть Михельсона, 5 августа 1807 г.

довало, то онъ, Михельсонъ — «доволенъ будучи оными пунктами, ратификовалъ-бы». [1])

Сознаваясь, далѣе, въ томъ, что не считаетъ себя дипломатомъ, Мейндорфъ говоритъ: «увѣренъ былъ, что генералъ Михельсонъ и тайный совѣтникъ Лошкаревъ, какъ опытные дипломатики, сдѣлали то, что Государь Императоръ на нихъ наложить изволилъ».

Затѣмъ Мейндорфъ оправдывался тѣмъ, что, по словамъ Гильемино, перемиріе, заключенное еще въ іюнѣ между Россіей и Франціей, заставляетъ обѣ стороны держать безполезно обѣ арміи въ Пруссіи, въ ожиданіи исхода переговоровъ съ Турціей, и что такая бездѣятельность французской арміи заставляетъ ее только терпѣть большую нужду. «Считая, говоритъ Мейндорфъ, что и наша армія въ Пруссіи, въ такомъ же положеніи, я въ отвращеніе сего безпокойства, полагалъ полезнымъ оное перемиріе ратификовать, въ той надеждѣ что турки, будучи необузданный народъ, сами къ перерывкѣ сего перемирія подадутъ причины, ежели сіи пункты не угодны.»

Здѣсь ясно видна неудачная натяжка съ цѣлью оправдаться. Заключать неподходящія условія, только потому, что ихъ легко можно будетъ нарушить, никогда не было принципомъ русской политики. Равнымъ образомъ, несостоятельно оправданіе Мейндорфа и по поводу статьи—не начинать военныхъ дѣйствій ранѣе апрѣля 1808 года. «Во всѣхъ мирныхъ трактатахъ, говоритъ онъ, всегда *вѣчный* миръ заключается; но, за всѣмъ тѣмъ, часто весьма скоро разрушается.» [2]) Этотъ Макіавелизмъ, не говоря уже о его нравственномъ значеніи, былъ ни съ чѣмъ не сообразенъ въ данномъ случаѣ.

---

[1]) № 1367 а В. Уч. Арх.

[2]) Тамъ-же.

Держать восемь мѣсяцевъ въ бездѣйствіи побѣдоносную армію, въ виду разбитаго повсюду непріятеля и, притомъ, въ зимнее и весеннее время, когда турецкія войска, разойдясь на зиму по домамъ, не могутъ ранѣе апрѣля собраться для дѣйствія въ полѣ—значило прямо предоставить всѣ выгоды туркамъ и лишить русскую армію всѣхъ преимуществъ, которыми она обладала, благодаря своей организаціи и дисциплинѣ.

Что же касается до постановленія о взаимномъ возвратѣ взятыхъ во время войны судовъ, то Мейндорфъ доносилъ, что условіе это было включено самимъ Михельсономъ, на томъ основаніи, что нами было взято у турокъ только два судна, а турки захватили шесть нашихъ лодокъ [1]).

Принимая во вниманіе несостоятельность приводимыхъ Мейндорфомъ въ свое оправданіе доводовъ, и указывая на то, что—«не имѣлъ онъ, отнюдь, никакихъ порученій, относительно мирныхъ договоровъ, слѣдственно и не былъ уполномоченъ ратификовать или утверждать перемиріе» [2]). Императоръ Александръ приказалъ отставить Мейндорфа отъ службы. Той же участи, какъ уже было сказано, подвергся и Лошкаревъ.

Сознаваясь въ письмахъ къ кн. Прозоровскому въ сдѣланной ошибкѣ, Мейндорфъ, указывалъ постоянно на то, что слѣдовалъ совѣтамъ Лошкарева, какъ человѣка, которому лучше, чѣмъ кому-либо, были извѣстны взгляды нашего правительства.

Кн. Прозоровскій отвѣчалъ Мейндорфу: «мнѣ остается только отъ всего сердца пожалѣть, что въ семъ случаѣ послѣдовали совѣту г. Лошкарева, который, по

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1367 г.: „причины для которыхъ я ратификовалъ". Мейндорфъ.

[2]) Канцлеръ гр. Румянцевъ гр. Прозоровскому отъ 2 сентября 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky 1807 г.

мнѣнію моему, ни въ какомъ обстоятельствѣ, хорошаго совѣта дать не въ состояніи“ [1])!.

При вступленіи кн. Прозоровскаго въ командованіе арміей, ему было повелѣно объявить турецкимъ уполномоченнымъ, что Императоръ Александръ только тогда согласится на заключенное перемиріе, когда будетъ исключена статья о возвратѣ взятыъ турецкихъ кораблей; когда перемиріе будетъ распространено и на сербовъ и когда статья о вовозобновленіи военныхъ дѣйствій будетъ измѣнена въ томъ смыслѣ, что ежели одна изъ двухъ договаривающихся сторонъ признаетъ за нужное прервать перемиріе, то военныя дѣйствія начинаются чрезъ 35 дней, послѣ сдѣланнаго о томъ заявленія противной сторонѣ.

Визирь заявилъ, что онъ не вправѣ измѣнить уже состоявшійся договоръ и что не его вина, если русскій главнокомандующій ратификовалъ его, не имѣя на то уполномочія.

Поэтому кн. Прозоровскій отвѣчалъ визирю, отъ 12 ноября 1807 г., что такъ какъ изъ его отвѣта, въ октябрѣ мѣсяцѣ, видно нежеланіе Порты удовлетворить нашимъ справедливымъ требованіямъ — что съ нашей стороны перемиріе считается несуществующимъ» [2])!

Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскому было предписано воздерживаться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, если только турки сами не начнутъ ихъ.

Въ то же время, въ письмѣ отъ 12 ноября 1807 г., къ генералу Себастіани, кн. Прозоровскій увѣдомлялъ его, что Его Величество не соизволилъ признать дѣйствительною, ратификацію Слободзейскаго перемирія, такъ какъ оно было утверждено Мейндорфомъ, не имѣвшимъ на то права; и такъ какъ визирь, не признаетъ

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky 1807 г.

[2]) Тамъ-же.

этого, то Его Вел. мнѣ повелѣть изволилъ прекратить безполезную переписку съ турками». Затѣмъ, кн. Прозоровскій высказываетъ убѣжденіе, что Себастіани будетъ дѣйствовать теперь въ интересахъ Россіи, дружественной Наполеону.

Тѣмъ не менѣе, перемиріе продолжалось съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ каждый изъ договаривающихся имѣлъ свои причины не прерывать его.

— На этомъ остановились въ 1807 году переговоры кн. Прозоровскаго съ визиремъ, такъ какъ вопросъ о замиреніи Россіи съ Турціей былъ перенесенъ уже въ Парижъ, и велся со стороны Порты тѣмъ самымъ Гулибъ-эфенди, который подписалъ актъ Слободзейскаго перемирія; а со стороны Россіи,—посломъ ея въ Парижѣ, графомъ Толстымъ.

Еще по Тильзитскому миру, Наполеонъ принялъ на себя посредничество по заключенію мира между Россіей и Турціей; причемъ сама Турція, принимая это посредничество, просила избрать Парижъ мѣстомъ переговоровъ, какъ такой пунктъ, который, находясь внѣ сферы военныхъ вліяній, всего лучше могъ способствовать ходу переговоровъ о замиреніи воюющихъ державъ. Русское правительство довѣрялось вполнѣ готовности Наполеона содѣйствовать интересамъ Россіи, когда министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи — Шампаньи, сдѣлалъ неожиданный запросъ: по какой причинѣ русскія войска не выступили по сіе время изъ Дунайскихъ княжествъ?

Графъ Румянцевъ, депешею къ графу Толстому, отъ 6 ноября 1807 г., велѣлъ отвѣчать на этотъ запросъ въ такомъ смыслѣ:

Полномочія для переговоровъ о перемиріи были даны Императоромъ Александромъ генералу Михельсону, съ тѣмъ, что когда актъ перемирія будетъ ратификованъ, войска наши очистятъ княжества.

По смерти Михельсона, генералъ Мейндорфъ, не

имѣя никакихъ уполномочій, ратификовалъ Слободзейское перемиріе, и наши войска приступили уже къ эвакуаціи княжествъ.

Несмотря на то, что р. Дунай была назначена демаркаціонною линіею, турки перешли ее и произвели въ Валахіи грабежи, насилія и даже убійства. Вопреки § 3 договора, турецкія войска заняли Галацъ, какъ только онъ былъ оставленъ русскими.

Такимъ образомъ, турки нарушили условія перемирія и наши войска должны были остановиться очищеніемъ княжествъ.

Сверхъ того, имѣя въ виду, что Мейндорфъ не имѣлъ права утверждать перемиріе и допустилъ два пункта, не согласныхъ съ нашими интересами: а) о возобновленіи военныхъ дѣйствій не ранѣе весны 1808 г. и б) возвращеніе взятыхъ у непріятеля кораблей,—Императоръ Александръ не призналъ условій Слободзейскаго перемирія, тѣмъ болѣе, что оно не было распространено на сербовъ, — нашихъ союзниковъ.

Турецкіе уполномоченные отказались сдѣлать требуемыя нами поправки въ договорѣ, который былъ съ нашей стороны ратификованъ — par le premier venu, и потому не имѣетъ никакой силы. *Мы хотимъ мира.* Если перемиріе было необходимо, то нужно имѣть въ виду § 22 Тильзитскаго договора, въ которомъ, буквально, сказано: «Русскія войска выйдутъ изъ Молдавіи и Валахіи, которыя не могутъ быть вновь заняты войсками Его Величества до обмѣна ратификацій будущаго, окончательнаго мира, между Россіей и Портой Оттоманской. Здѣсь не говорится ни слова о Бессарабіи, въ которую наши войска неминуемо должны вступить и гдѣ они владѣютъ уже нѣкоторыми крѣпостями.

Кромѣ того, ясно, что турки должны оставить всѣ крѣпости по лѣвому берегу Дуная, который назначается границею между обѣими арміями.

Необходимо также имѣть въ виду, что если, по перемирію, назначенъ 35-дневный срокъ для очищенія нами княжествъ, то потребуется столько-же времени для вторичнаго занятія ихъ, если перемиріе не закончится миромъ. Это условіе крайне для насъ невыгодно, такъ какъ туркамъ стоитъ лишь перейти Дунай, чтобы вступить въ княжества, которыми намъ пришлось-бы овладѣвать вторично.

Словомъ, миръ не можетъ состояться, безъ радикальнаго измѣненія условій Слободзейскаго перемирія.

Условія наши состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Мы требуемъ, чтобы Порта возобновила силу, заключенныхъ уже съ нею трактатовъ.

2) Мы требуемъ отъ нея, въ вознагражденіе (pour indemnité), границы, которая могла-бы сдѣлать заключенный миръ непоколебимо прочнымъ.

«Такъ какъ, по секретному соглашенію съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, обѣ договаривавшіяся державы пришли къ рѣшенію, освободить отъ турецкаго ига всѣ провинціи Европейской Турціи, кромѣ Константинополя и Ромеліи, то что могло-бы мѣшать постановить Дунай границею Россіи съ Турціей?

Порта не имѣетъ никакихъ, почти, выгодъ отъ провинцій, которыя она уступила-бы намъ, и онѣ нисколько не увеличиваютъ ея военнаго могущества.

Банды Кирджаліемъ-Пассевана-паши, виддинскаго, дерутся съ разбойниками рущукскаго Мустафы-Байрактара и Порта не можетъ разсчитывать на нихъ. Мятежные паши владѣютъ крѣпостями по Дунаю и грабятъ Молдавію и Валахію, какъ только онѣ не заняты русскими».

Въ переговорахъ съ Шампаньи, Графъ Толстой долженъ былъ оказать безграничное довѣріе (la confiance sans bornes) и согласиться, если веденіе переговоровъ

о мирѣ съ Турціей Наполеонъ пожелаетъ, продолжать въ Парижѣ [1]).

Дальнѣйшій ходъ переговоровъ, ваденныхъ въ Парижѣ, будетъ изложенъ при описаніи кампаніи 1808 года. Теперь же замѣтимъ только, что хотя Россія не признавала болѣе дѣйствительнымъ Слободзейскаго перемирія, тѣмъ не менѣ, никакихъ военныхъ дѣйствій въ концѣ 1807 года не предпринимала, имѣя, притомъ, обѣщаніе визиря, переданное черезъ генерала Себастіани, что турки не станутъ дѣйствовать и противъ сербовъ, во все время парижскихъ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе, мы уже видѣли, какую панику на сербовъ навело отступленіе отряда Исаева изъ Сербіи къ Краіову, и что сербскій совѣтъ просилъ снова выслать этотъ отрядъ въ Сербію.

Но кн. Прозоровскій имѣлъ приказаніе не начинать военныхъ дѣйствій съ турками, если они сами не вынудятъ къ тому. Поэтому, направлять отрядъ Исаева въ Сербію было невозможно и, къ тому же, не было въ томъ и надобности: турки пока не угрожали еще сербамъ, которые и сами были достаточно сильны, чтобы отразить нападеніе, если бы оно было сдѣлано.

II.

Состояніе Сербіи въ августѣ 1807 г. — Вторженіе турокъ въ Сербію въ сентябрѣ 1807 г.—Битва при Соколѣ.—Неудачная попытка турокъ къ замиренію съ сербами, въ ноябрѣ 1807 г. — Злоупотребленіе сербскихъ воеводъ. — Новыя опасенія сербовъ въ концѣ 1807 г. — Интриги въ Сербіи, Авксентій, Младенъ и др.

Современное состояніе Сербіи видно изъ слѣдующаго донесенія Родофиникина, отъ 26 августа 1807 года.

«Народонаселеніе Сербіи, одного мужескаго пола, *по самовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ*, доходитъ до 200.000

---

[1]) Comte de Romanzoff à l'ambas. Comte de Tolstoy. Гл. Арх. М. И. Д.— Prosorovsky 1807. № 328.

человѣкъ. Армія простирается до 60.000, изъ которыхъ 20.000, вмѣсто ружей, имѣютъ пистолеты или одну саблю.

«Къ Россіи всѣ приверженны, наипаче народъ, къ австрійцамъ питаютъ вражду довольно великую». Усилія французовъ *обольстить* сербовъ безуспѣшны. Сербы очень нуждаются въ деньгахъ, такъ какъ «хотя и имѣются малые доходы, но оные, по большей части, обращены въ пользу владѣющихъ провинціями. Всѣ деньги, кои имъ, до сего, отъ Высочайшихъ щедротъ были присылаемы, употреблены больше въ пользу частную, нежели общую».

Совѣтъ представляетъ собою — «токмо одну тѣнь пустую, состоящую изъ четырехъ неграмотныхъ, и дѣлающихъ то, что имъ прикажутъ». По требованію Родофиникина, въ совѣтъ выслано изъ каждой нахіи по одному выборному, всего 18 человѣкъ.

Изъ этого видно, что хотя въ Сербіи и было мало порядка, тѣмъ не менѣе боевая сила доходила до значительныхъ размѣровъ, и туркамъ приходилось считаться съ нею.

По уходѣ отряда Исаева 27 августа 1807 года изъ Сербіи къ Краіову, Миленко-Стойковичъ собралъ остатки своего отряда, бѣжавшаго изъ-подъ Неготина въ горы, сталъ у Порѣчья, гдѣ къ нему присоединился 500 отрядъ его брата, занимавшій до того островъ Кербовъ.

Въ это время главныя силы сербовъ были обращены противъ Босніи, откуда турки производили вторженіе, со стороны Дрины. Прибытіе Чернаго Георгія отъ Неготина къ своей дринской арміи заставило турокъ понести нѣсколько пораженій и отступить за Дрину.

Между тѣмъ, двѣ турецкія арміи открыли наступленіе отъ Ниша и стали уже по обѣ стороны р. Моравы.

Черный Георгій, въ концѣ августа, отправился къ Нишу, приказавъ идти туда всѣмъ, способнымъ носить

оружіе, и призвавъ туда же всѣ отряды сербскихъ войскъ, не принадлежавшіе къ дринской арміи. Это парализовало дѣйствія турокъ со стороны Моравы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ объ отъѣздѣ Чернаго Георгія къ Моравѣ, и разсчитывая на ослабленіе его дринской арміи, турки открыли снова наступленіе изъ Босніи. Черный Георгій поспѣшилъ вернуться въ Бѣлградъ, направивъ къ Дринѣ всѣ войска, высланныя къ Нишу.

Въ началѣ октября 1807 года, 4 000 турокъ, перейдя Дрину въ Мочвѣ, напали на сербовъ, которые, узнавъ о наступленіи непріятеля, стянулись къ Мочвѣ и разбили противника.

4-го октября другой отрядъ непріятеля перешелъ Дрину при Сикиричъ и окружилъ сербовъ. Узнавъ объ этомъ, Черный Георгій выступилъ къ нимъ на помощь, 5 и 6 числа изъ Бѣлграда, направивъ туда и всѣ войска, прибывавшія отъ Ниша. Предстояло ожидать сильнаго наступленія турокъ, какъ изъ Босніи, такъ и отъ Ниша, гдѣ 14 октября читался султанскій фирманъ о томъ, что «предстоитъ война рѣшительная. Боснійскому пашѣ было повелѣно, прежде Рамазана, прислать въ Константинополь ключи Бѣлграда, иначе лишится головы своей» [1]).

Наступленіе изъ Босніи дѣйствительно повторялось все настойчивѣе. Черный Георгій обратилъ къ Дринѣ почти всѣ свои войска. Кромѣ перехода Дрины къ Мочвѣ и при Сикиричѣ, значительный отрядъ турокъ направился къ Соколу, на отрядъ Протопопа Ненадовича, который отбросилъ ихъ за Дрину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, турки, въ числѣ 15.000 челов., выбивъ въ разныхъ мѣстахъ сербовъ, изъ занимаемыхъ ими шанцевъ, разослали партіи внутрь страны и стали жечь селенія. До 12.000 сербовъ собралось въ окрестностяхъ Сокола.

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому 20 окт. 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

Бэнъ Новокрещенцовъ, офицеръ русской службы, руководилъ дѣйствіями сербовъ. Онъ раздѣлилъ ихъ на три части. Одной велѣлъ переправиться черезъ Дрину ниже Сокола, вступить въ Боснію и зажечь турецкія селенія; когда покажется пожаръ, другая часть сербовъ направится во флангъ, а съ третьею Новокрещенцовъ ударитъ на центръ непріятельской позиціи.

Эти распоряженія были выполнены. Какъ только показался за Дриною пожаръ, турки бросились спасать свои жилища. Тогда сербы открыли общее наступленіе и уничтожили многихъ турокъ на переправѣ, получивъ въ добычу до 15.000 головъ рогатаго скота, 1.000 овецъ и до 300 лошадей. Черный Георгій, узнавъ о разбитіи турокъ, возвратился назадъ, въ свою деревню Тополь[1]).

Наступало суровое, осеннее время, когда турки не охотно ведутъ войну. Къ тому же, послѣдніе успѣхи сербовъ внушили Портѣ мысль сдѣлать попытку достигнуть съ ними замиренія. Поэтому, 13 ноября, прибылъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ митрополитъ Авксентій, съ письмами къ Черному Георгію и бѣлградскому митрополиту, подписанными константинопольскимъ патріархомъ; въ письмахъ этихъ «приглашаются сербы къ покорности, съ обѣщаніемъ милости и забвенія прошедшаго. Словесно же митрополитъ объявилъ, что султанъ соглашается дать землѣ сей такое устройство, какое пожелаютъ сербы».

Сербы вполнѣ довѣряли Родофиникину и обратились къ нему съ вопросомъ—что имъ дѣлать? Родофиникинъ сказалъ, что такой важный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ народнымъ собраніемъ. «Совѣтъ сербскій, доносилъ Родофиникинъ, передалъ дѣло сіе моему сужденію, и я надѣюсь, что старѣйшины его

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому, 20 окт. 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

дадутъ отвѣтъ, который вашему сіятельству угодно будетъ мнѣ прислать» [1]).

Кн. Прозоровскій, имѣя въ виду, что въ Парижѣ начались уже переговоры о мирѣ съ Турціей, совѣтовалъ дать такой отвѣтъ митрополиту Авксентію, который не обнаруживалъ бы упрямства или грубости, но не заключалъ бы въ себѣ ничего опредѣленнаго и давалъ бы возможность поступить сообразно съ будущими обстоятельствами.

Поэтому, по совѣту кн. Прозоровскаго, сербы должны отвѣчать, «что они султанское предложеніе пріемлютъ съ чувствительною признательностію, и съ благодарностію согласились бы воспользоваться его милостію; но, — сказано далѣе въ отвѣтѣ: «Минувшія военныя дѣйствія неизбѣжно должны были породить между турками многихъ враговъ сербскаго народа за тѣ опустошенія, какія произведены войною, и за лишеніе родственниковъ, погибшихъ на войнѣ. Поэтому сербы только тогда могутъ себя считать гарантированными отъ возможнаго мщенія со стороны турокъ, когда императоры Россіи и Франціи примутъ на себя ручательство въ ихъ безопасности. Сверхъ того, распустивъ въ настоящее врѣмя свои войска, сербы не въ состояніи будутъ защищать себя и семействъ своихъ отъ конечнаго несчастія и гибели!»

Получивъ-же требуемую гарантію, сербы «въ состояніи тогда будутъ пребывать вѣрными подданными Порты» [2]).

Въ письмѣ къ Черному Георгію, отъ того-же 29 ноября, кн. Прозоровскій, выражая надежду, что сербскіе старѣйшины дадутъ Авксентію отвѣтъ, согласно вышеизложенному, между прочимъ, говоритъ: «хотя доселѣ

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому, 14 ноября 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Кн. Прозоровскій Родофиникину 29 ноября 1807. Гл. Арх. М. И. Д.

не имѣю я удовольствія знать васъ лично, но знаменитые военные подвиги ваши сдѣлали имя ваше извѣстнымъ цѣлому свѣту. Добродѣтель вашей души, непоколебимая твердость духа вашего, достохвальная твердость, опытомъ дознанное усердіе ваше къ Россіи, многочисленные труды ваши, подъемлемые по благу вашихъ соотчичей,—возлагаютъ на меня пріятную обязанность имѣть къ вамъ душевное почтеніе и дружбу», въ знакъ которой кн. Прозоровскій проситъ принять въ подарокъ соболью шубу (стоимостію 2,000 рублей).

«Увѣрьте, сказано въ концѣ письма, храбрый народъ сербскій въ милостивомъ покровительствѣ всеавгустѣйшаго моего монарха, который печется о благѣ сего народа, и при постановленіи мирнаго трактата съ Портою Оттоманскою, при посредничествѣ императора Наполеона, не упуститъ изъ вида ничего, что только можетъ назидать благоденствіе вашея земли». Согласно желанію кн. Прозоровскаго, народный сербскій совѣтъ отвѣчалъ митрополиту Авксентію, какъ было ему внушено. 19 декабря 1807 г. Черный Георгій передалъ митрополиту Авксентію отвѣтъ къ константинопольскому патріарху. Въ этомъ письмѣ Черный Георгій, между прочимъ, говоритъ: «Весь свѣтъ знаетъ уже причины, побудившія насъ поднять оружіе. Причины сіи были столь справедливы, что никто противу учиненнаго нами не можетъ ничего сказать. Всевышній Богъ, всѣхъ милующій и защищающій невиннаго, защититъ и насъ. Достигши до желаемаго конца, т. е. изгнавши угнетавшихъ и мучившихъ насъ, мы ограничились охраненіемъ домовъ нашихъ, не позволяя себѣ никакого нападенія на сосѣднія земли.

«Болѣе ста тысячъ вооруженныхъ сербовъ охотно бы послѣдовали за мною всюду, но я, обуздавъ ихъ пылкость, желая удостовѣрить Его Султанское Величество и весь свѣтъ, что мы единственно для спасенія

себя возстали, а не для возбужденія другихъ къ возстанію [1])».

По отъѣздѣ Авксентія, Черный Георгій пріѣхалъ въ Бѣлградъ праздновать 30 ноября, день взятія столицы Сербіи, въ 1806 году, и имѣлъ совѣщаніе съ своими любимцами, начальниками сербскихъ войскъ, Милое, Младеномъ и княземъ Суцо, которые, вступивъ въ товарищество съ австрійскими купцами, выговорили себѣ исключительное право покупать все нужное для арміи. Сильно обогащенные, они не страшились никого, готовые, въ случаѣ опасности, бѣжать въ Австрію. Заинтересованные въ томъ, чтобы въ Сербіи не водворялся никакой порядокъ, они настаивали не покоряться Турціи, но и опасаться Россіи, чтобъ она не поработила Сербіи, что даетъ имъ право— «называть себя громко патріотами». Эти три интригана убѣдили бывшихъ съ ними въ товариществѣ австрійскихъ купцовъ, прибывшихъ въ Землинъ, распустить слухъ, будто бы въ Австріи положительно извѣстно, что французы вступаютъ въ Боснію съ тѣмъ, чтобы оттуда вторгнуться въ Сербію, и что Родофиникинъ выписалъ изъ Константинополя митрополита Авксентія съ цѣлью продать Сербію туркамъ. Эти внушенія подѣйствовали на Чернаго Георгія, которому, «съ рюмкою вина въ рукахъ, можно доказать желаемое, а наипаче, когда льстятъ его самолюбію и представляютъ ему, что онъ непобѣдимъ» [2]).

Происками Младена, Милое и Суцо, Черный Георгій былъ до того возбужденъ, что хотѣлъ арестовать митрополита Авксентія, а также и бѣлградскаго митрополита, которому угрожалъ даже смертью, за его дружбу съ Авксентіемъ. Самъ Родофиникинъ опасался за свою безопасность. «Тягостно было для меня думать, что всѣ

---

[1]) Receptions. Prosorowsky 1808. М. И. Д.

[2]) Родоф. кн. Прозоровскому 9 января 1808 г. М. И. Д.

труды и гарантіи въ пользу сербовъ кончатся, писалъ онъ, смѣхомъ для враговъ нашихъ; но вліяніе на Чернаго Георгія его умнаго секретаря Чердаклія измѣнило дѣло. Онъ доказалъ корыстные виды всѣхъ трехъ интригановъ, изъ которыхъ Младенъ, исполнявшій должность коменданта Бѣлграда, рѣшалъ, судилъ и казнилъ по собственному произволу. Собиралъ съ города до 50,000 піастровъ въ годъ и до 80,000 піастровъ съ таможень, оставляя деньги въ свою пользу. Вліяя на неграмотныхъ членовъ народнаго совѣта, онъ приказывалъ имъ давать ему росписки въ затраченныхъ имъ, будто бы, деньгахъ на нужды народа. Такихъ даровыхъ записокъ набралось у него не мало. Такъ что когда Черный Георгій запретилъ Младену сборъ денегъ, принадлежащихъ казнѣ, и поручилъ этотъ сборъ полиціи, то Младенъ и Милое предложили Черному Георгію подвергнуть продажѣ всѣ лавки въ Бѣлградѣ, принадлежавшія туркамъ. Лавки эти доставляли городу до 50,000 піастровъ въ годъ. Для покупки ихъ выступили покупателями все тѣ же Младенъ, Милое и Суццо, пріобрѣвшіе эти лавки за 100,000 піастровъ; но вмѣсто внесенія этой суммы ими представлены были, на сумму 100,000 піастровъ, росписки, выданныя имъ народнымъ совѣтомъ, удостовѣрявшія въ затратахъ, будто бы ими сдѣланныхъ, на нужды народа, но никогда не имѣющихъ мѣста. Черный Георгій измѣнилъ свой взглядъ на дѣло, понялъ значеніе интригъ и не поступилъ рѣзко съ Авксентіемъ. По поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ Бѣлградѣ, кн. Прозоровскій писалъ Черному Георгію, отъ 22 января 1808 года: «Душевныя мои чувства расположены какъ къ сербской націи, такъ, наипаче, къ именитому между ними мужу, истинному патріоту, и по власти Всевышняго Создателя одаренному способностями къ столь важному посту, на который для блага вашего отечества вы теперь поставлены. Но доходитъ

до свѣдѣнія моего, что и между вами есть коварные люди, и имѣющіе въ виду только свой собственный интересъ, какъ-то, поглавари. Мой истинный совѣтъ вамъ, чтобы какъ можно отъ такихъ заводимыхъ интригъ остерегаться.

Вы теперь находитесь, можно сказать, въ отеческомъ покровительствѣ Государя моего Императора, отъ коего толико и ожидать можно всего благостоянія земли вашей, а безъ сего вы останетесь одни».

Вліяніе интригъ и внутренняго непорядка въ Сербіи не могло не отразиться на положеніи дѣлъ въ этой странѣ.

Вотъ что писалъ по этому поводу Родофиникинъ, въ концѣ 1807 года. «Совѣта сербскаго я нашелъ одну токмо тѣнь. Самовластіе начальниковъ нахій, коихъ никто не обуздываетъ, дѣлаетъ имъ пріятнымъ настоящее ихъ положеніе, и они весьма мало желаютъ видѣть устройство въ землѣ и существованіе законовъ, коимъ бы они долженствовали покориться. Черный Георгій желаетъ устройства, надѣясь, что тѣмъ утвердится въ землѣ верховная его власть. По военнымъ дѣламъ дѣйствительно всѣ признаютъ его верховнымъ вождемъ; по прочимъ же всякій комендантъ, въ своей нахіи, дѣлаетъ, что хочетъ. Черный Георгій теперь въ полной мѣрѣ преданъ Россіи, ибо понимаетъ, что безъ ея сильной помощи все имъ сдѣланное понынѣ будетъ тщетно [1]). Сербы дѣйствительно нуждались во всемъ; провіантъ никѣмъ не заготовлялся. Выступая въ походъ, каждый бралъ съ собою столько кукурузной муки, сколько въ состояніи былъ поднять, и израсходовавъ ее, возвращался домой. Денегъ на нужды войскъ не было никогда въ кассѣ, пороху и свинцу также. По этому кн. Прозоровскій, въ концѣ декабря 1807 г., отправилъ

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому 9 ноября 1807 г. Гл. Арх. М. И. Д.

Черному Георгію, въ личное его распоряженіе, на нужды войскъ, 5.000 червонцевъ. Сверхъ того, 500 пудовъ пороха и 700 пудовъ свинца, которые съ лѣваго берега Дуная перевозились въ Ореову въ ящикахъ, принимавшихся австрійской стражей за пожитки сербовъ, возвращавшихся на родину, послѣ прекращенія тамъ военныхъ дѣйствій [1]).

Между тѣмъ, уклончивый отвѣтъ сербскаго совѣта на предложеніе Порты, побудилъ послѣднюю сломить силою сопротивленіе Сербіи. Въ этихъ видахъ, въ концѣ 1807 г., пашею въ Нишъ были назначенъ Гуссейнъ-Али, непримиримый врагъ сербскаго народа; въ то же время Бирза-Паланка, близь Кладова, и другія мѣста, турки начали усиленно укрѣплять, что указывало на ихъ намѣреніе разгромить Сербію. Это намѣреніе было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что теперь, въ виду общей опасности, мятежные Портѣ паши—Виддинскій, Рущукскій и Силистрійскій, прекратили свои раздоры и были въ повиновеніи Порты, которая поэтому могла послать въ Сербію сильную армію.

Сербы были очень встревожены, ожидавшею ихъ участью. Черный Георгій собралъ военный Совѣтъ, въ заключеніе котораго сказалъ Родофиникину, какъ представителю Россіи:

«Султанъ предлагалъ мнѣ двѣсти тысячъ піастровъ, съ тѣмъ, чтобы я оставилъ сербовъ и перешелъ въ Австрію для жительства: я на то не согласился, ибо не хотѣлъ оставить братью свою. Султанъ предлагалъ мнѣ потомъ прощеніе тѣмъ сербамъ и вольность подъ его верховною властью управляться намъ самимъ собою; вы приказали на то не согласиться, я выполнилъ. Теперь вся участь сербовъ зависитъ отъ царя нашего Александра, что скажетъ, то выполнится. Но я клянусь Бо-

---

[1]) Кн. Прозоровскій гр. Румянцеву отъ 23 декабря 1807 г. М. И. Д.

гомъ, что Черный Георгій не увидитъ турковъ въ своей землѣ, ибо не иначе пройдутъ они какъ чрезъ его тѣло» [1]).

Начались дѣятельныя сношенія сербовъ съ Босній-скими христіанами, которые готовились выставить у Банялуки до 15.000 челов., съ тѣмъ, чтобы идти на соединеніе съ сербами, если получатъ порохъ и свинецъ.

Однако, кн. Прозоровскій велѣлъ успокоить сербовъ тѣмъ, что ранѣе апрѣля 1808 г. турки ничего рѣши-тельнаго не предпримутъ, и совѣтовалъ имъ самимъ ни-чего не предпринимать, чтобы не дать непріятелю по-вода начать противъ нихъ военныя дѣйствія.

Турки, дѣйствительно, ничего болѣе не предприни-мали противъ сербовъ, такъ какъ это было выговорено уполномоченными, переговаривавшимися въ Парижѣ.

Къ обзору этихъ переговоровъ, а также политиче-скихъ сношеній съ Турціей, продолжавшимися въ тече-ніе всего 1808 года, и обратимся.

1808 ГОДЪ.

III

Тильзитскій миръ по отношенію къ Турціи.

Планъ Гарденберга о раздѣлѣ Турціи. — Посредничество Наполеона между Россіей и Турціей.—Разрывъ Россіи со Швеціей.—Открытіе въ Парижѣ переговоровъ о мирѣ Россіи съ Турціей. — Назначеніе кн. Прозоривскаго главнокомандующимъ Дунайскою арміею, его распоряженія по войскамъ. — Госпитали. — Организація военнаго обоза. — Маркитанты, мясная и винная порціи. — Образованіе резервнаго корпуса. — Расположеніе арміи въ маѣ мѣсяцѣ. — Нормальный боевой порядокъ арміи.

Мы видѣли, что къ концу 1807 года положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Турціей обусловливалось заклю-

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому, 1807 г., № 417. Гл. Арх. М. И. Д.

ченнымъ перемиріемъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ материкѣ. Съ Персіей, хотя Россія и не была въ войнѣ, но переговоры по окончанію всѣхъ недоразуменій, не пришли еще ни къ какому результату, такъ что относительно Персіи дѣла ваши находились въ положеніи, которое было мѣтко названо барономъ Будбергомъ,—«ни въ войнѣ, ни въ мирѣ».

Мы видѣли тоже, что послѣ смерти генерала Михельсона, принявшій временно начальство надъ арміей, какъ старшій, генералъ Мейндорфъ, въ условіи заключеннаго перемирія, включилъ въ обязательство вывести русскія войска изъ Молдавіи и Валахіи, и уже началъ приводить въ исполненіе эту мѣру, за что онъ былъ отставленъ отъ службы, а главнокомандующимъ дунайскою арміею назначенъ графъ Прозоровскій.

Прежде чѣмъ разсмотримъ дѣятельность новаго главнокомандующаго, ближайшею задачею котораго было дать надлежащее направленіе вопросу о перемиріи и мирѣ съ Турціей, послѣдствіемъ котораго было бы очищеніе Дунайскихъ княжествъ, необходимо обратиться къ тому времени, когда Императоръ Александръ, заключивъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ, принялъ его посредничество относительно примиренія Россіи съ Турціей и обѣщалъ, по заключеніи мира съ Портою, очистить Молдавію и Валахію. 27 іюня 1807 г. какъ результатъ личныхъ переговоровъ Императора Александра съ Наполеономъ, былъ ратификованъ въ Тильзитѣ договоръ, окончившій войну Россіи съ Франціей.

Уничтоживъ Пруссію и узнавъ силу Россіи, Наполеонъ не довольствовался прекращеніемъ войны съ Императоромъ Александромъ, но настаивалъ на союзѣ съ нимъ. Для этого онъ употребилъ весь свой политическій тактъ, всю силу своего генія и, рядомъ льстивыхъ рѣчей и пышныхъ обѣщаній, успѣлъ склонить Императора Александра. Изъ опаснаго противника, всегда сто-

явшаго во главѣ враговъ Наполеона, онъ сталъ его союзникомъ.

Впрочемъ, не обстоятельства неудачной войны 1807 года, приведшія къ фридландскому разгрому, побуждали Императора Александра принять отъ Наполеона предложеніе о союзѣ, но соображенія иного рода. Императоръ Александръ хорошо понималъ, что Наполеонъ нуждался въ мирѣ не менѣе чѣмъ Россія; что онъ также мало былъ подготовленъ вести съ Россіей войну, въ ея предѣлахъ, какъ Россія противустоять Франціи, и что только это обоюдное сознаніе роковой необходимости привело обѣ стороны къ заключенію тильзитскаго мира, столь желательнаго какъ для Россіи, такъ и для Франціи. Но обѣ эти державы смотрѣли на него какъ на временной переходъ къ будущей колосальной борьбѣ.

Наполеонъ настаивалъ на союзѣ съ Россіей для того, чтобы послѣдняя не препятствовала ему покончить свои счеты съ Испаніей и Австріей и сдѣлать приготовленіе для войны съ Россіей.

Императоръ Александръ, вступая въ союзъ съ Наполеономъ, имѣлъ въ виду покончить счеты съ Турціей, Персіей и Швеціей и также приготовиться къ великой борьбѣ съ повелителемъ Франціи, въ искренность котораго онъ давно уже пересталъ вѣрить. — «Раздѣлимъ миръ»—предлагалъ въ Тильзитѣ Наполеонъ Императору Александру. Это значило предоставить первому весь западъ, а послѣднему востокъ. Это значило, согласиться на окончательное уничтоженіе Пруссіи, своего союзника, и предоставить Наполеону весь Пиринейскій полуостровъ и Италію; тогда, владѣя Средиземнымъ моремъ, Наполеонъ могъ осуществить свою мечту, захвативъ Константинополь, управлять оттуда міромъ.

Императоръ Александръ не увлекся предположеніемъ и отстоялъ Пруссію, какъ европейское государ-

ство, ясно понимая, что Наполеонъ, овладѣвъ всѣмъ западомъ, двинется и на востокъ, т. е. на Балканскій полуостровъ.

Пруссія была крайне недовольна заключеніемъ тильзитскаго мира, низводившимъ ее на степень второстепенной державы, и только благодаря заступничеству Императора Александра не утратила своей независимости. Въ Берлинѣ былъ заготовленъ Гарденбергомъ оригинальный проектъ, заставить Турцію заплатить за пораженіе Пруссіи. Поэтому проекту, чтобы сберечь Пруссію и удовлетворить всѣхъ въ Европѣ, слѣдовало раздѣлить Турцію слѣдующимъ образомъ. Россія получаетъ Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію, Румелію, съ крѣпостями на азіатскомъ берегу. Австрія пріобрѣтаетъ — Далмацію, Боснію и Сербію. Франція за свои побѣды въ Пруссіи вознаграждается—Θессаліей, Ливадіей, Негропонтомъ, Мореею, Кандіею и островами Архипелага. На счетъ же Турціи вознаграждались также Фердинандъ, король Неаполитанскій, и король Сардинскій, за отобранныя у нихъ Наполеономъ владѣнія.

Но этотъ проектъ остался безъ всякаго исполненія. Наполеонъ опасался усилить Россію присоединеніемъ къ ней дунайскихъ княжествъ; Россія и вся Европа не желали усиленія Франціи новыми пріобрѣтеніями.

Въ Россіи были недовольны условіями тильзитскаго мира, особенно статьею ея, относительно очищенія Молдавіи и Валахіи. Баронъ Будбергъ, не участвовавшій въ переговорахъ, и энергическій противникъ Наполеона, не могъ оставаться долѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ, и былъ замѣщенъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ, который надѣялся извлечь для Россіи значительныя выгоды отъ сближенія съ Франціей. Онъ говорилъ французскому посланнику въ Петербургѣ Савари: «что такое Европа, гдѣ она? вся

Европа въ насъ съ вами». Румянцевъ говорилъ Савари о необходимости для Россіи пріобрѣсть Молдавію и Валахію, безъ чего народное чувство будетъ сильно возмущено условіями тильзитскаго договора, послѣдствіемъ котораго былъ разрывъ Россіи съ Англіей.

Но Наполеонъ, занятый въ это время планами о покореніи Испаніи и опасаясь, что Россія, безъ его согласія, удержитъ за собою Молдавію и Валахію, употреблялъ всѣ усилія возбудить войну между Россіей и Швеціей, для отвлеченія русскихъ силъ отъ Дуная къ сѣверу. Онъ предложилъ свое посредничество по заключенію мира съ Турціей, указывая, что переговоры лучше всего вести въ Парижѣ, куда собирались уполномоченные Россіи и Порты. Затянуть переговоры можно было всегда, при тайныхъ усиліяхъ Наполеона, а между тѣмъ онъ успѣетъ покончить свои дѣла на Пиринейскомъ полуостровѣ, заставитъ Россію бездѣйствовать на Дунаѣ и затѣмъ самъ вмѣшается въ турецкія дѣла.

Чтобы отвлечь вниманіе Императора Александра отъ этихъ скрытыхъ цѣлей, Наполеонъ писалъ ему отъ 2 февраля (н. ст.) 1808 г.: «у меня нѣтъ никакого чувства зависти къ Россіи; напротивъ, я желаю ея славы, благоденствія, распространенія. Вамъ нужно удалить шведовъ отъ своей столицы; вы должны съ этой стороны распространить свои границы какъ можно дальше. Я готовъ помочь вамъ въ этомъ всѣми моими средствами. Армія въ 30,000 чел. франко-русской, быть можетъ нѣсколько австрійской, которая направится чрезъ Константинополь въ Азію, не дойдетъ еще до Евфрата, какъ Англія затрепещетъ и бросится на колѣни передъ континентомъ. Я твердо стою въ Далмаціи, Ваше Величество на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ мы уговоримся, армія можетъ быть на Босфорѣ. Все можетъ быть рѣшено и подписано прежде 15 марта. Къ 1 мая наши войска могутъ быть въ Азіи и въ тоже

время войска В. Вел. могутъ быть въ Стокгольмѣ. Надо быть противъ воли болѣе великими. Тильзитское дѣло направитъ судьбу міра». Но это-то тильзитское дѣло и поссорило шведскаго короля Густава IV съ Россіей. Обвиняя Императора Александра въ томъ, что въ Тильзитѣ, въ угоду Наполеону, онъ отдалъ ему на жертву своихъ союзниковъ, Густавъ IV приказалъ возвратить Александру полученный отъ него орденъ Андреевской звѣзды. Нашъ посолъ успѣлъ, на время, удержать эту отсылку, что дало Императору Александру возможность, первому, возвратить Густаву шведскій орденъ св. Серафима [1]).

Россія дѣйствительно вскорѣ начала войну съ Швеціей и тѣмъ ослабила себя на Дунаѣ. Наполеонъ только этого и желалъ, вовсе не думая начинать противъ Англіи азіатскую кампанію, для нанесенія своему врагу удара въ Индіи. Прежде нужно было покончить дѣла въ Европѣ. Индійскій походъ Наполеона былъ только отводомъ, съ цѣлью парализовать наши дѣйствія на Дунаѣ.

Цѣль была достигнута. Занятая войною съ Швеціей, Россія должна была ослабить свои дѣйствія на Дунаѣ и потому согласилось на веденіе въ Парижѣ переговоровъ о мирѣ съ Турціей, при посредствѣ Франціи.

Съ отъѣздомъ Императора Наполеона въ Испанію, парижскіе переговоры почти совсѣмъ прекратились. Это способствовало оживленію прямыхъ сношеній Прозоровскаго съ визиремъ. Но прежде ихъ разсмотрѣнія, обратимся къ дѣятельности кн. Прозоровскаго, по званію главнокомандующаго дунайскою арміею.

---

[1]) Лекціи по новѣйшей исторіи въ Казанскомъ университетѣ въ 1884 году, профессора Н. А. Осокина. (Литографированныя).

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о смерти главнокомандующаго Дунайскою арміею, генерала Михельсона, на мѣсто его былъ назначенъ Высочайшимъ приказомъ, въ сентябрѣ 1807 г., генералъ отъ инфантеріи кн. Александръ Александровичъ Прозоровскій, бывшій въ Умани начальникомъ милиціи южныхъ губерній, съ производствомъ его въ генералъ-фельдмаршалы. Временно-же командовавшій арміею генералъ Мейндорфъ Высочайшимъ приказомъ 19 сентября былъ отставленъ отъ службы.

Не смотря на свои 75 лѣтъ и слабое здоровье, кн. Прозоровскій, сподвижникъ графа Румянцева-Задунайскаго и участникъ въ семилѣтней войнѣ, энергически принялся за дѣло и отправился въ Яссы, куда и прибылъ въ концѣ сентября.

Вынужденный остаться въ этомъ городѣ для предварительнаго ознакомленія съ дѣлами, онъ объявилъ отсюда, приказомъ по арміи отъ 1 октября 1807 г., о своемъ назначеніи, и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Бухарестъ.

Отправившись затѣмъ въ Краіовъ для обзора военнаго театра верхней Валахіи, осмотрѣвъ потомъ теченіе Дуная до Галаца, новый главнокомандующій возвратился въ Яссы, гдѣ и установилъ свою главную квартиру.

Первою его заботою было учрежденіе почтоваго сообщенія между Яссами и отрядами Дунайской арміи, съ цѣлью избавить обывателей отъ взиманія излишнихъ подводъ, такъ какъ, до сихъ поръ, всякій начальникъ и не начальникъ бралъ столько подводъ, сколько хотѣлъ, и даже не для военныхъ потребностей, а для личныхъ цѣлей, ѣздя безъ подорожныхъ, не платя прогоновъ, вымогая подводы побоями.

Обращаясь, къ войскамъ кн. Прозоровскій упоминалъ: что «званіе солдата есть званіе честное, какъ сказано

Петромъ Великимъ въ воинскихъ указаніяхъ. Дисциплина есть душа службы, безъ которой никакихъ военныхъ успѣховъ ожидать не можно».

Поэтому кн. Прозоровскій объявилъ, что всякое уклоненіе отъ правилъ воинской дисциплины и всякое злоупотребленіе властью онъ будетъ преслѣдовать по всей строгости законовъ. — «Бессарабія сдѣлалась степью отъ своевольства и распутства фурщиковъ и деньщиковъ; а между тѣмъ армія можетъ быть расположена въ ней по квартирамъ и во всемъ нуждаться.» Строго воспрещалось начальникамъ употреблять солдатъ для своихъ личныхъ услугъ. Требуя отъ войскъ постоянной осторожности и готовности къ бою, кн. Прозоровскій приказывалъ не производить никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ турокъ, такъ какъ ведутся переговоры о перемиріи.

«Обидъ и притѣсненій обывателямъ не дѣлать. Такъ называемыхъ мародеровъ, съ недавнихъ временъ въ арміи извѣстныхъ, въ войскахъ, ни подъ какимъ видомъ, не терпѣть» [1]).

Входя во всѣ частности военнаго управленія, кн. Прозоровскій обнаружилъ много другихъ злоупотребленій въ войскахъ. Такъ, напримѣръ, не смотря на то, что Валахскій диванъ отпускалъ значительную сумму на содержаніе русскихъ госпиталей, отъ него требовались еще деньги на больныхъ въ Бухарестѣ, состоящихъ при полкахъ, такъ какъ въ Бухарестѣ не было госпиталя. Запретивъ этотъ незаконный поборъ, главнокомандующій приказалъ трудно больныхъ и раненыхъ отсылать въ госпиталь, а больныхъ при полкахъ довольствовать изъ полковыхъ суммъ. Главный докторъ арміи, статскій совѣтникъ Миндереръ донесъ, что войска отправляютъ въ дальніе госпитали такихъ трудно боль-

[1]) В. Уч. Арх. № 1343. Приказы по арміи.

ныхъ, что отъ дальняго пути они, большею частію, умираютъ, прежде чѣмъ имъ можетъ быть оказана медицинская помощь. Поэтому, кромѣ ясскаго госпиталя, въ который отправлялись больные съ Дуная, приказано было учредить ближній госпиталь въ Фальчи. Заботясь объ организаціи обозовъ, кн. Прозоровскій, въ приказѣ отъ 28 февраля 1808 г., говоритъ по этому поводу: «извѣстно каждому военному человѣку, что нѣтъ на свѣтѣ, изъ самознатнѣйшихъ вождей, кто бы могъ съ обозами маневрировать успѣшно и съ пользою войска употребить». Поэтому обозъ раздѣлился на тяжелый и легкій, всегда слѣдовавшій за войсками, въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, по росписанію.

«Лишнія повозки, сказано въ приказѣ, будутъ мною, на мѣстѣ, гдѣ найду, сожжены». Легкій обозъ всегда слѣдовалъ за своими полками; а при составленіи колоннъ изъ нѣсколькихъ полковъ, сзади всей колонны, по порядку полковъ.

Въ тяжеломъ обозѣ, слѣдовавшемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ арміи, дозволялось имѣть больше повозокъ, но съ тѣмъ, чтобы число скота, потребнаго для возки, не превышало 40.000 шт., по затруднительности кормить его на пастьбѣ. Этотъ обозъ, въ случаѣ нападенія непріятеля, долженъ выстроить вагенбургъ. Погонцамъ и деньщикамъ раздавалось лишнее въ арміи оружіе; при этомъ же обозѣ слѣдовало особое отдѣленіе *подвижнаго* госпиталя, гдѣ оказывалась скорѣйшая помощь больнымъ, доставляемымъ изъ арміи, до отправленія ихъ, затѣмъ, въ постоянные госпитали.

При тяжеломъ обозѣ для возки больныхъ полагалось имѣть 100 пароволовыхъ фуръ. Здѣсь же находилась и главная аптека арміи, откуда выдавались медикаменты въ полки для легко больныхъ, остающихся для леченія при своихъ частяхъ.

Каждую недѣлю дѣлается осмотръ больнымъ въ подвижномъ госпиталѣ и тѣхъ изъ нихъ, которые не подаютъ надежды на скорое выздоровленіе, велѣно отправлять, на фурахъ подвижнаго лазарета, въ постоянные госпитали, именно въ Яссы, Бендеры и Хотинъ.

Составъ новаго обоза, при каждомъ гренадерскомъ и мушкетерскомъ полку, былъ слѣдующій:

Патронныхъ ящиковъ. 12
Палаточныхъ . . . . . 12 [1])
Повозокъ для больныхъ, по одной на баталіонъ . . . . . 3 [2])
Особой повозки для аптеки не полагалось. Медикаменты возились или при лекарскихъ повозкахъ или въ повозкахъ для больныхъ.
Провіантскихъ фуръ. . . . . 10 [3])
Церковная повозка 1 на корпусъ.
Инструментальная повозка, на которой укладываются и мѣхи, по одной на полкъ.
Солдатскихъ артельныхъ повозокъ, по одной на роту или на полкъ 12.
Вьючныхъ лошадей для возки котловъ, гдѣ таковыя полагаются, 12.

Въ Егерскихъ полкахъ палаточныхъ ящиковъ не полагалось.

Положеніе объ обозѣ въ другихъ полкахъ и батареяхъ видно изъ приложенія № 1 [4]).

---

[1]) На этихъ ящикахъ возились потомъ и офицерскія палатки.

[2]) На каждую полагалось четыре трудно больныхъ или отъ 6—8 слабыхъ. Сверхъ того, допускались подводы, когда число больныхъ очень увеличивалось.

[3]) Въ гренадерскихъ полкахъ по четыре, а въ мушкетерскихъ по три на баталіонъ.

[4]) См. прилож. № 1.

Прилож. № 1. Изъ дѣла В. Уч. Арх. № 1343, стр. 9.

Признавая необходимымъ имѣть при полкахъ частныхъ маркитантовъ, дозволено было имѣть на полкъ, при тяжеломъ обозѣ, по шести парныхъ повозокъ, а при легкомъ по три, на хорошихъ лошадяхъ и съ тѣмъ, что маркитанты состоятъ въ вѣдѣніи генералъ-гевальдигера, который обязанъ слѣдить за доброкачественностію припасовъ и назначаетъ имъ цѣну, донося о ней и главнокомандующему.

Цѣна на маркитантскіе припасы объявлялась приказомъ по войскамъ.

Маркитанты допускались только изъ лицъ безупречной нравственности, засвидѣтельствованной ихъ непосредственнымъ начальствомъ. Хотя для этого допускались люди разныхъ націй, но преимущество слѣдовало отдавать великороссіянамъ.

Вообще слѣдуетъ признать, что заботливость князя Прозоровскаго о ввѣренной ему арміи была чрезвычайная и распространялась даже на семейства воинскихъ чиновъ. Такъ, приказано было женамъ и дѣтямъ офицеровъ и солдатъ, оставившихъ свои семейства въ крѣпостяхъ и городахъ, отводить квартиры и отпускать дрова.

Женамъ военнослужащихъ запрещалось находиться при войскахъ. Допускалось только на полкъ имѣть по шести *бабъ*, въ качествѣ прачекъ, которыя слѣдовали при тяжеломъ обозѣ и имѣли повозки [1]).

По настоянію же главнокомандующаго, Высочайшимъ указомъ отъ 8 марта разрѣшено было выдавать войскамъ, находящимся заграницей, мясную и винныя порціи: строевымъ по три, а нестроевымъ по одному разу въ недѣлю, полагая въ порціи мяса, по полъ русскаго фунта, и по чаркѣ вина, считая въ ведрѣ 80 чарокъ. Мясная и винныя порціи оплачивались диваномъ, пола-

---

[1]) Приказъ по арміи отъ 12 марта 1808 г. кн. Прозоровскаго. В. Уч. Арх.

гая съ 1 апрѣля, по 8 паръ (копѣекъ) въ недѣлю на человѣка, по наличному состоянію чиновъ.

Чрезмѣрныя занятія сильно повліяли на слабое здоровье престарѣлаго главнокомандующаго. Онъ едва ходилъ и потому просилъ о назначеніи ему помощникомъ генерала отъ инфантеріи Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова, бывшаго въ то время генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ. «Буду употреблять Кутузова вмѣсто себя, писалъ князь Прозоровскій Государю.—Онъ почти мой ученикъ и методу мою знаетъ.» Въ письмѣ къ военному министру князь Прозоровскій такъ отзывался о Кутузовѣ: «я могу съ полнымъ удостовѣреніемъ свидѣтельствовать, что онъ должность генерала и часть военную хорошо разумѣетъ. Если говорить между нами, ваше сіятельство, то я въ немъ одинъ недостатокъ нахожу: что онъ въ характерѣ своемъ не всегда твердъ бываетъ, а паче въ сопряженіи съ дворскими дѣлами; при томъ же онъ отъ природы лѣнивъ къ письму; но по части войсковой совершенно имъ доволенъ, и онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ помощникъ. Впрочемъ, не затруднительно скажу, что я признаю его въ искусствѣ военномъ изъ лучшихъ генераловъ Государя Императора» [1]).

Кутузовъ прибылъ въ Яссы 20 апрѣля 1808 г.

Какъ на одну изъ практическихъ мѣръ, къ уменьшенію злоупотребленій по части провіантскихъ магазиновъ, можно указать на приказъ князя Прозоровскаго по арміи, отъ 3 мая 1808 года, въ силу котораго корпусные и отрядные начальники, лично или чрезъ довѣренныхъ людей, были обязаны осматривать, ежемѣсячно, доброкачественность и количество припасовъ въ магазинахъ, находящихся въ раіонѣ расположенія ихъ войскъ, и представлять о томъ отчеты главнокомандующему.

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1388, стр. 105.

Среди заботъ объ устройствѣ административной части въ арміи, кн. Прозоровскій получилъ въ маѣ мѣсяцѣ увѣдомленіе отъ генерала Себастіани, что веденные въ Парижѣ переговоры о перемиріи съ Турціей, хотя не привели къ окончательному замиренію, но остановились на томъ, чтобы продлить перемиріе.

Это заставило принять мѣрѣ на случай возобновленія военныхъ дѣйствій. Поэтому, приказано войскамъ 8-й и 22 дивизій, стоявшимъ за Днѣстромъ въ Подольской и Херсонской губерніяхъ, изготовиться къ переходу черезъ Днѣстръ, черезъ 24 часа по полученіи приказанія. Кн. Прозоровскій требовалъ такой же готовности и отъ войскъ, находившихся за границей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приступлено было къ образованію резерва Дунайской арміи, для чего во всѣхъ дѣйствующихъ полкахъ велѣно было отдѣлить вторые батальоны съ полнымъ снаряженіемъ, которые и назначались для образованія кадровъ резервнаго корпуса. Батальоны эти, въ случаѣ выступленія ихъ полковъ, остаются на мѣстѣ, до особаго приказанія. Затѣмъ, всѣмъ частямъ резервнаго корпуса, приказано было собраться у Бырлада и поступить въ общее командованіе Ессена I-го.

Въ составъ резервнаго корпуса назначалась и вся 15 дивизія, которая, очистивъ на основаніи тильзитскаго договора Іоническіе острова и Боко-ди-Каторо, собралась въ Падуѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Назимова.

По соглашеніи русскаго посла въ Вѣнѣ кн. Куракина съ Австрійскимъ правительствомъ, дивизія генерала Назимова получила право пройти чрезъ Австрійскія владѣнія на соединеніе съ Дунайскою арміей, и двинулась отъ Горицъ на Лейбахъ, Пештъ, Кашау, Пршемысль, Лембергъ, Залесчикъ и Черновицъ; [1]) от-

---

[1]) Высоч. рескриптъ кн. Прозоровскому отъ 8 января 1808 г. В. Уч. Арх.

туда направлена была на Ботушаны, гдѣ и остановилась въ началѣ мая мѣсяца. Общее расположеніе арміи кн. Прозоровскаго въ маѣ 1808 года представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Отрядъ генералъ-маіора Исаева I былъ расположенъ въ Большой и Малой Валахіи, имѣя главную квартиру въ Краіовѣ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 6 батальоновъ пѣхоты, ½ роты донской конной артиллеріи изъ 4-хъ орудій, 5-ти эскадроновъ кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ. Вступая въ связь съ сербскими постами, стоявшими скрытно на лѣвомъ берегу Дуная у Гогоша, передовыя войска Исаева наблюдали все теченіе лѣваго берега Дуная, отъ Гагоша до отряда генералъ-маіора Уланіуса, составлявшаго авангардъ корпуса Милорадовича. Такимъ образомъ, отрядъ Исаева I охранялъ правый флангъ арміи, наблюдалъ Виддинъ, и служилъ связью съ сербами. Для связи Исаева I-го съ корпусомъ Милорадовича, отъ послѣдняго былъ выставленъ небольшой отрядъ въ Слатинѣ.

Корпусъ Милорадовича состоялъ изъ 15 батальоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 8 батарейныхъ орудій, 1 конной роты, 1 піонерная рота, ½ рота понтонная и 3 полка казаковъ.

Главныя силы корпуса находились въ Сентешти. Бухарестъ былъ занятъ всего однимъ батальономъ. Впереди, на р. Аржисѣ, у селенія Копочени, стоялъ авангардъ отъ корпуса Милорадовича, подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса, который состоялъ изъ трехъ полковъ казачьихъ и 2-хъ полковъ пѣхоты. Корпусъ Милорадовича назначался для прикрытія Бухареста со стороны Журжи и для оказанія, въ случаѣ надобности, помощи далеко удаленному отряду Исаева I-го.

Поэтому аванпосты авангарда, начиная отъ деревни Русе-де-Веда, распространяются вправо, для связи съ разъѣздами Исаева I; а влѣво до Обилешти. для

вступленія въ связь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Платова, составлявшаго авангардъ главной арміи.

Авангардъ главной арміи состоялъ изъ трехъ батальоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, 1 роты донской конной артиллеріи, 9 казачьихъ полковъ и былъ расположенъ въ г. Бузео, по правую сторону рѣки того же имени.

Положеніе г. Бузео представлялось центральнымъ, относительно общаго расположенія Дунайской арміи. Поэтому то авангардъ Платова имѣлъ назначеніе подкрѣплять, если окажется нужнымъ, корпусъ Милорадовича и наблюдать все теченіе Дуная отъ Силистріи до Галаца. Съ этою цѣлью Платовъ выслалъ по одному казачьему полку въ Обилешти и Алексени, для связи съ лѣвымъ флангомъ Милорадовича. Сверхъ того, 1 баталіонъ пѣхоты и 2 казачьихъ полка заняли Слободзею, въ видахъ прикрытія пути отъ Бузео къ Бухаресту со стороцы Силистріи. Лѣвѣе этого поста, въ Ульмѣ и Градешти, также расположено по одному казачьему полку, для связи съ Галацкимъ постомъ и прикрытія сообщеній отъ Бузео на Фокшаны, на случай непріятельскихъ покушеній отъ Браилова.

Лѣвѣе, въ Галацѣ, стоялъ отрядъ генералъ-маіора Колюбакина, изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, 6 батарейныхъ орудій и 1 полка казаковъ. Назначеніе этого важнаго поста опредѣлялось положеніемъ Галаца, при впаденіи Серета въ Дунай. Пока постъ этотъ будетъ находиться въ нашихъ рукахъ, непріятель не могъ имѣть сообщенія по Дунаю, внизъ отъ Браилова, и ввести свои суда въ Серетъ. Поэтому, на берегу Дуная у Галаца, были построены редуты, вооруженные шестью батарейными орудіями. Независимо отъ того, въ Максимени, на р. Серетѣ, гдѣ предполагалось навести понтонный мостъ, былъ выставленъ для прикрытія моста Житомірскій драгунскій полкъ. Три сотни

казаковъ, занимая Шербешти и Галацъ, производили разъѣзды, вверхъ отъ устья р. Бузео, и внизъ по Дунаю до Рени, составляя связь съ корпусомъ графа Ланжерона.

Корпусъ г.-л. графа Ланферона состоялъ изъ 11-го егерскаго полка, 8 баталіоновъ пѣхоты разныхъ полковъ, 2 казачьихъ полковъ Власова и Сулина 9-го, 500 казаковъ разныхъ полковъ, 6 орудій батарейныхъ, $^1/_2$ роты Донской конной артиллеріи и Переяславскаго драгунскаго полка.

Назначеніе этого корпуса состояло въ наблюденіи низовьевъ Дуная, начиная отъ Рени до самаго устья Дуная. Главнымъ образомъ, Ланжеронъ долженъ былъ слѣдить за непріятелемъ, расположеннымъ въ Исакчи и Измаилѣ. Поэтому, главныя силы корпуса были поставлены лагеремъ при мѣстечкѣ Табакъ (Бѣлградъ). Отдѣльные же посты заняли Ренни, Хирофтей, Карталъ, Еникей и другіе.

Такое расположеніе корпуса Ланжерона ставило его въ всязь съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Ротгофа, имѣвшаго лагерь при Татаръ-Бунарѣ. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 15 баталіоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, $^1/_2$ батарейной и $^1/_2$ донской конной роты, 4 полковъ казаковъ и 1 піонерной роты.

На отрядъ Ротгофаа возлагалось охраненіе береговъ Чернаго моря, отъ устьевъ Дуная до устьевъ Днѣпра. Въ случаѣ надобности онъ могъ поддержать Килію или Аккерманъ; а при вторженіи непріятеля въ Бессарабію отъ Измаила, могъ ударить ему въ правый флангъ или тылъ. Наблюденію его также подлежала кр. Бендеры, которая, впрочемъ, имѣла особый гарнизонъ и могла считаться внѣ опасности. Передовые посты отряда, состоя изъ казаковъ, заняли, къ сторонѣ Дуная, деревни Дервенкуй, Карманкуй и Ташлыкъ.

Главныя силы арміи составлялъ корпусъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, расположенный лагеремъ на правомъ берегу Серета у Каліени. Это центральное положеніе давало ему возможность подать помощь каждому изъ наиболѣе отдаленныхъ пунктовъ Дунайской арміи. Такъ до Бухареста было 170 верстъ, или 6 форсированныхъ маршей, до Галаца 45 верстъ, или полтора марша; до Ренни, чрезъ Максимени 70 верстъ или три марша, до Табака 100 верстъ, по одной, и 125 верстъ по другой дорогѣ; слѣдовательно, въ четыре форсированныхъ марша можно было выслать подкрѣпленіе изъ Каліени до Табака.

Корпусъ Кутузова состоялъ изъ 19 баталіоновъ пѣхоты, 30 эскадроновъ кавалеріи, 2 роты батарейной артиллеріи, 1 конной, 1 піонерной и $1^1/_3$ понтонной роты, а также и 1 полкъ казаковъ. Небольшіе отряды были расположены отъ этого корпуса въ Яссахъ, Текучѣ и Бирладѣ. Лейбъ-кирасирскій Его Величества полкъ, по совершенной невозможности достать для него сѣна, стоялъ далеко позади, у Кетросъ, близь Сорокъ на Днѣстрѣ.

Независимо отъ этого общаго расположенія полевыхъ войскъ, находились въ гарнизонахъ: 2 баталіона въ Яссахъ, Нарвскаго мушкетерскаго полка, 1 баталіонъ въ Киліи а 2 — остальные, стояли лагеремъ при крѣпости; 2 баталіона Бутырскаго полка въ Аккерманѣ. Нижегородскаго мушкетерскаго полка 1 баталіонъ въ Бендерахъ и 2 — въ ея окрестностяхъ. По одному баталіону оставлено въ Каменецъ-Подольскѣ и Тирасполѣ, а два баталіона въ Хотинѣ, изъ прибывшей чрезъ Австрію 15-й дивизіи генералъ-лейтенанта Маркова.

15 дивизія, не считая 2 баталіоновъ въ Хотинѣ, состояла изъ 16 баталіоновъ пѣхоты, которые были расположены такъ: Козловскій и Куринскій полки въ Батушанахъ. Витебскій полкъ въ мѣстечкѣ Фальтичинѣ;

Колыванскій полкъ въ Бордузани; 13-й Егерскій въ Гирлау и 14-й Егерскій въ Дорогое.

Для усиленія Дунайской арміи ожидались еще 8 и 22 дивизіи. 8-я дивизія г.-л. Засса, была расположена въ Подольской губерніи въ м. Зиньковѣ, Барѣ, Ялтушовкѣ, Лучинцахъ, Мурафѣ, Тульчинѣ, Мясковкѣ, Летичевѣ и Винницѣ, въ составѣ 18 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи и 1 батарейной роты.

По востребованію, дивизія эта могла, на четвертый день, перейти границу.

22 дивизія, генералъ-лейтенанта Олсуфьева, стоявшая въ Херсонской губерніи, находилась въ готовности перейти границу въ два и въ три перехода. Части ея были расположены въ Апани, Балтѣ, Ольгополѣ и мѣст. Сабринѣ. Въ этой дивизіи состояло 12 баталіоновъ пѣхоты и 1 батарейная рота.

8 и 22 дивизіи для перехода черезъ границу имѣли сборный пунктъ въ Могилевѣ на Днѣстрѣ.

Вся же сила Дунайской арміи, въ маѣ мѣсяцѣ, состояла изъ 127 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ 13 баталіоновъ въ крѣпостяхъ; 90 эскадроновъ кавалеріи, съ 1 запаснымъ и 4 полу-эскадронами. Батарейныхъ ротъ 6, конныхъ 5, понтонныхъ 2, піонерныхъ 3 и 27 казачьихъ полковъ.

Сверхъ того, флотилія, подъ командою капитана Перскаго, имѣла 16 лодокъ при Киліи и 74 лодки въ Сулинскомъ гирлѣ, съ находившимся на лодкахъ Нашебурскимъ мушкетерскимъ полкомъ [1]).

Таково было расположеніе и сила Дунайской арміи въ маѣ 1808 г. Собирая главныя силы арміи въ лагерь при Каліени, князь Прозоровскій, во время слѣдованія войскъ, строилъ ихъ нѣсколько разъ въ боевой порядокъ,

---

[1]) Подлинный отчетъ кн. Прозоровскаго. Дѣло В. Уч. Арх. № 1353.

какой онъ полагалъ наилучшимъ для дѣйствія противъ турокъ. Порядокъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Въ передней линіи должны быть три каррея или движущіеся редута; между ними конница. Во второй линіи два каррея, имѣя также конницу въ промежуткахъ, а позади небольшой каррей, такъ что при окруженіи турецкою конницею, всюду имѣется отпоръ. Такой ордръ-дебаталь, столь-же движимъ, какъ и прочіе, употребляемые противъ регулярныхъ въ Европѣ войскъ. «Желая показать сіе построеніе, доносилъ князь Прозоровскій Императору, не бывшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, назначалъ я маршъ колоннами по тремъ дорогамъ. Признаться долженъ я вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что войско безпорядочно, и только при поправленіяхъ генерала Кутузова и моихъ устроилось» [1]).

Въ Каліенскомъ лагерѣ войска старательно обучались маневрированію, въ виду возможности начать военныя дѣйствія. Обстоятельства благопріятствовали тому. Въ іюнѣ послѣдовалъ бунтъ въ Константинополѣ и смѣна султана. Турція разлагалась во внутреннихъ раздорахъ. Слѣдовало спѣшить переходомъ за Дунай. Но парижскіе переговоры о перемиріи осуждали армію на бездѣйствіе. Была, однако, надежда, что Турція сама подастъ поводъ къ прекращенію парижскихъ переговоровъ, чѣмъ мы не замедлили бы воспользоваться. Императоръ Александръ полагалъ: 1) что Порта заключитъ союзный договоръ съ Англіей и отзоветъ своего посла изъ Парижа, и 2) что турки не замедлятъ, вопреки условіямъ перемирія, напасть на сербовъ. Но турецкое правительство хорошо понимало затруднительность своего положенія, и потому было крайне осторожно. Прекратить поэтому парижскихъ переговоровъ не представлялось возможнымъ.

---

[1]) Донесеніе кн. Прозоровскаго отъ 28 іюня 1808 г. В. Уч. Ар. № 1353.

Обратимся къ разсмотрѣнію хода переговоровъ съ Турціей, заставившихъ нашу армію потерять цѣлый годъ времени.

IV.

Переговоры о мирѣ съ Турціей. — Переговоры съ Мустафой. — Планъ Наполеона о раздѣлѣ Турціи. — Переговоры съ Мустафой. — Сношенія съ нимъ въ апрѣлѣ. — Силы турокъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и ихъ расположеніе. — Движеніе Мустафы-паши къ Константинополю для сверженія султана Махмуда.

Слободзейское перемиріе, заключенное 12 августа 1807 года и ратифицированное генераломъ Мейндорфомъ 25 числа, назначало срокъ перемирія по 3 апрѣля 1808 года. Было уже сказано, что князь Прозоровскій, тотчасъ по прибытіи своемъ къ арміи, увѣдомилъ верховнаго визиря о томъ, что Императоръ Александръ не утвердилъ заключеннаго договора, и что Мейндорфъ не имѣлъ полномочія заключать перемиріе. Визирь отвѣчалъ что это до него не касается, что это вина Мейндорфа, и что онъ (визирь) отправитъ договоръ къ султану.

Слѣдовательно, слободзейское перемиріе, не существовало. Тѣмъ не менѣе обѣ стороны до того нуждались въ немъ, что соблюдали его обоюдно, въ ожиданіи дальнѣйшихъ его послѣдствій, изъ опасенія расторгнуть начатые переговоры.

«Мы не начнемъ военныхъ предпріятій, писалъ кн. Прозоровскому визирь; желаемъ мира и, въ доказательство искренности нашихъ увѣреній, отпускаемъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ».

Императоръ Александръ съ своей стороны приказалъ кн. Прозоровскому не начинать военныхъ дѣйствій, въ ожиданіи хода переговоровъ о мирѣ съ Турціей, веденныхъ въ Парижѣ, между посланниками, русскимъ, графомъ Толстымъ, и турецкимъ, Мугидъ-эфенди. Мы уже говорили, что перенесеніемъ переговоровъ о мирѣ въ Парижъ, Наполеонъ имѣлъ только въ виду, помѣшать успѣш-

ному ихъ ходу и парализовать дѣйствіе русской арміи на Дунаѣ, чтобы тѣмъ временемъ, успѣть выполнить свои замыслы относительно покоренія Испаніи, что онъ считалъ легко исполнимымъ. Россія мало расчитывала на безкорыстіе посредничества Наполеона. Равнымъ образомъ и Турція не довѣряла ему,—уже по одному тому, что Франція считалась искреннимъ другомъ Россіи. Поэтому еще въ началѣ 1808 г. со стороны Порты обнаружено было желаніе вступить съ русскимъ правительствомъ въ прямыя сношенія, относительно мирныхъ переговоровъ, безъ посредства Франціи.

Пользуясь особымъ случаемъ, Рейсъ-эфенди, чрезъ посланнаго своего, отправленнаго въ Николаевъ, письменно сообщалъ графу Румянцеву—«о желаніи Порты заключить съ нами миръ, предлагая для того полное возстановленіе всѣхъ прежнихъ статей; особливо-же желая чтобы то могло совершиться безъ посредничества французскаго правительства». «Такое желаніе, писалъ графъ Румянцевъ кн. Прозоровскому отъ 15 января 1808 г.—«отношу я къ боязни Порты, что сіе посредничество можетъ скорѣе ее принудить къ большимъ пожертвованіямъ». Гр. Румянцевъ отвѣчалъ на это предположеніе Рейсъ-эфенди, что прежде всего между Россіей и Турціей должна существовать естественная граница (Дунай) [1]).

Съ своей стороны кн. Прозоровскій, пользуясь установившимися, еще прежде, дружественными отношеніями между имъ и Мустафой-пашею—Байрактаромъ Рущукскимъ, вступилъ съ нимъ, въ мартѣ 1808 года, въ переписку.

Мустафа-паша былъ другомъ низверженнаго султана Селима и врагомъ царствующаго Махмуда, почему его личное положеніе было крайне ненадежно. Поэтому кн.

---

[1]) Гр. Румянцевъ кн. Прозоровскому 15 января 1808 г. М. И. Д.

Прозоровскій писалъ ему, что признавая его военныя достоинства, и питая къ нему глубокое уваженіе. онъ не можетъ не остановиться на мысли, что какъ султанъ такъ и верховный визирь, завидуя и опасаясь его славы и силы, питаютъ къ нему затаенную злобу и только теперь, когда нуждаются въ его услугахъ, не оказываютъ ему вражды. По окончаніи же войны, онъ испытаетъ горькую участь. Поэтому, если онъ сдастъ русскимъ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, то Россія будетъ поддерживать всѣ его предпріятія въ Турціи, направленныя къ возстановленію сверженнаго султана. Если-же Мустафа пожелаетъ, то Россія предлагаетъ ему поселиться въ ея владѣніяхъ, будетъ оказывать ему всяческія почести и матеріальную помощь; а по заключеніи мира, выговоритъ ему безопасность личную и утвердитъ за нимъ особыя области, подъ покровительствомъ Россіи [1]).

Съ своей стороны императоръ Наполеонъ старался внушить увѣренность въ его искренней готовности отстаивать интересы Россіи на парижскихъ переговорахъ.

Основываясь первоначально на этихъ увѣреніяхъ, гр. Румянцевъ, въ инструкціи данной гр. Толстому 6 ноября 1807 г., наши требованія относительно Турціи, формулировалъ такъ: «Старайтесь достигнуть мира, согласнаго съ нашими интересами, и соотвѣтственнаго стариннымъ и постояннымъ преимуществамъ (reépondérance) надъ турками; мира, который былъ бы достоинъ того, кто такъ обязательно для насъ принялъ на себя посредничество. Мы требуемъ:

1) Забвенія прошлаго. Возобновленія трактатовъ дѣйствовавшихъ до войны.

2) Справедливаго вознагражденія и, что еще важнѣе, установленія границъ, способныхъ обезпечить, на будущее время, прочный миръ съ Турціей [2]).

---

1) Campagnes Turquie. Prosorowsky 1808 г. Арх. М. И. Д.
2) № 83. Гр. Румянцевъ къ гр. Толстому 1807—1808. М. И. Д.

Затѣмъ, развивая вопросъ о дунайской границѣ, гр. Румянцевъ писалъ, ему же, отъ 11 января 1808 года, что въ вопросѣ о назначеніи Дуная границею Россіи, слѣдуетъ настаивать, чтобъ границею, въ низовьяхъ Дуная, было признано Сулинское или Георгіевское гирло, какъ единственно способныя къ навигаціи. Весьма важно также опредѣлить границу по берегу озеръ Бабадагскаго и Розельмъ [1]).

Изъ словесныхъ объясненій графа Толстаго съ Наполеономъ можно было заключить, что требованія Россіи встрѣтятъ полное сочувствіе со стороны Франціи. 28 февраля 1808 г. гр. Румянцевъ писалъ по этому случаю кн. Прозоровскому: «изъ Парижа получили мы полное удостовѣреніе, отъ императора Наполеона, о согласіи его, чтобы съ одной стороны, шведская Финляндія, съ другой-же—княжества Молдавіи и Валахіи, на вѣчныя времена, были присоединены къ Россіи»; [2]) и потомъ, въ письмѣ отъ 10 марта, указывая на необходимость не начинать военныхъ дѣйствій, хотя срокъ перемирія уже истекаетъ, гр. Румянцевъ говоритъ, что— «въ послѣднемъ своемъ письмѣ, императоръ Наполеонъ сообщаетъ Его Величеству самые обширные планы къ совершенному разрушенію турецкой имперіи въ Европѣ. Государь Императоръ въ отвѣтѣ своемъ, представилъ нѣкоторыя къ тому замѣчанія, «мы ожидаемъ на сіе отзыва изъ Парижа, около 15 числа будущаго мѣсяца [3]).

Въ ожиданіи этого отвѣта кн. Прозоровскому было приказано, что такъ какъ было извѣстно намѣреніе турокъ просить продленія перемирія еще на три мѣсяца— принять это перемиріе, при чемъ не назначать ему срока, а только оговорить, что каждая изъ сторонъ, предупреж-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Prosorowsky 1808 г. Арх. М. И. Д.

[3]) Тамъ-же.

даетъ другую за 10 дней до открытія его враждебныхъ дѣйствій.

Чтобы понять сущность плановъ Наполеона относительно разрушенія турецкой имперіи, необходимо бросить взглядъ на положеніе, въ которомъ находилась Франція.

Въ апрѣлѣ 1808 года Наполеонъ свергнулъ Бурбонскую династію въ Испаніи. Началась упорная война на Пиринейскомъ полуостровѣ. Посланныхъ въ Испанію 80,000 французскихъ войскъ оказалось недостаточно. Для подкрѣпленія являлось необходимымъ употребить войска, занимавшія Пруссію, которая если и была слаба, за то дышала ненавистью къ Наполеону за свое униженіе. «Ненавижу того, кого я оскорбилъ» — говорилъ Наполеонъ. Отвлекаясь къ Испаніи, нельзя было оставаться спокойнымъ на счетъ Пруссіи. Съ другой стороны, сверженіе Бурбоновъ въ Испаніи, сдѣланное по прихоти Наполеона, не могло не встревожить и Австрійской Габсбургской династіи, такъ какъ Наполеонъ могъ поступить также точно и съ Австріей, чтобъ возвести на престолъ ея кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. Поэтому, на всякій случай, Австрія начала вооружаться и приближать войска къ границамъ Франціи.

Все это ставило Наполеона въ весьма непріятное положеніе. Англія отказалась закончить войну. Оставалась только Россія въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Франціи.

Но въ политикѣ нѣтъ дружбы, есть только расчетъ. Наполеонъ понималъ это хорошо, и потому, чтобы быть спокойнымъ на счетъ Россіи, т. е, чтобы не опасаться видѣть ее противъ себя, онъ не нашелъ лучшаго средства, какъ возбудить противъ нея опасеніе со стороны Австріи, по дѣламъ Балканскаго полуострова. Съ этою цѣлью, Наполеонъ предложилъ Императору Александру обширный планъ—«разрушенія Турецкой имперіи».

По этому плану Султану оставлялся только — «Константинополь и владѣнія, находящіяся за чертою, проведенною отъ Бургаса къ Эносу, включая Адріанополь [1]).

Понятно, съ какимъ ужасомъ должна была смотрѣть на этотъ проектъ Австрія, лишавшаяся своей добычи, на счетъ Турціи. Естественно, она должна была противиться этому плану и относиться враждебно какъ къ Франціи, такъ и къ Россіи. Близость Австріи къ дунайскому театру войны дѣлала возможнымъ вмѣшательство ея, съ цѣлью вредить Россіи, заставляя русскую армію опасаться за каждый шагъ и, слѣдовательно, не предпринимать ничего рѣшительнаго. Этого только и желалъ Наполеонъ.

Чтобы еще вѣрнѣе поссорить Австрію съ Россіей, Наполеонъ дѣлалъ видъ, будто бы раздѣла Турціи требовала одна Россія, а онъ согласился на это только изъ нежеланія вооружить противъ себя эту державу, поссориться съ которою онъ можетъ только тогда, когда будетъ имѣть за себя Австрію.

Винцентъ, посолъ Австріи въ Парижѣ, сказалъ Наполеону: «Мы не имѣемъ никакого интереса ускорить разложеніе больнаго тѣла Турціи».—«Правда, отвѣчалъ Наполеонъ, но вы не умѣете ни за что взяться. Вы порядочнѣе чѣмъ русскіе, и я бы желалъ сблизиться съ Вами».

Вслѣдъ затѣмъ, хитрый Талейранъ, говорившій, что языкъ служитъ человѣку не для того чтобы выражать, а чтобы скрывать свои мысли, сдѣлалъ коварный запросъ, знаменитому также по умѣнью скрывать свои мысли, графу Меттерниху: согласенъ-ли вѣнскій дворъ получить при раздѣлѣ Турціи Боснію и Болгарію?

Вѣнскій дворъ, конечно, не отказывался, соображая, что ежели даютъ, то значитъ находятъ это нужнымъ,

---

[1]) Гр. Румянцевъ кн. Прозоровскому отъ 19 марта 1808 г. М. И. Д.

а потому слѣдуетъ просить еще прибавки. Поэтому въ Вѣнѣ пожелали получить и Сербію, оговаривая, впрочемъ, что этихъ присоединеній для Австріи будетъ мало. Просили дать на долю ея — Хотинскую область, часть Валахіи до устья Дымбовицы, или до впаденія Алуты въ Дунай; турецкую Кроацію, Боснію, Сербію, Болгарію, до самаго устья Дуная, и связать эти области линіею по рѣкѣ Вардару до Салоникъ, т. е. до Архипелага. Ко всему этому Австрія присоединяла еще требованіе, чтобы, въ виду новыхъ пріобрѣтеній, отъ нея не отошло ни одной пяди земли изъ ея настоящихъ владѣній.

Имѣя въ виду, что русскія войска стоятъ на Дунаѣ, эрцгерцогъ Карлъ требовалъ занятія австрійскими войсками Орсовы и Бѣлграда, чтобы не дозволить Россіи, при раздѣлѣ Турціи, оставить за собою Молдавію и Валахію, такъ какъ это было бы очень невыгодно для Австріи.

Неизвѣстно, до чего дошли бы притязанія австрійцевъ, если бы по ходу переговоровъ съ Наполеономъ не оказалось, что въ Парижѣ смѣются надъ готовностію Австріи, не сдѣлавъ ничего, взять все. Императоръ Францъ лучше, повидимому, понималъ Наполеона. Онъ понималъ, что ежели Наполеонъ даетъ что нибудь другому, то это значитъ, въ сущности, что самъ намѣренъ отъ него что либо взять. Поэтому Императоръ Францъ былъ того мнѣнія, что для Австріи лучше всего сохранить нераздѣльность Турціи, такъ какъ иначе ей придется сдѣлаться сосѣдкой могущественной Россіи, съ сложнымъ пограничнымъ, восточнымъ вопросомъ.

Дѣйствительно, какъ только были получены въ Парижѣ извѣстія о притязаніяхъ Австріи на долю турецкихъ владѣній, какъ въ отвѣтъ на эти притязанія выставлены были другія комбинаціи, а именно: Россія получаетъ при раздѣлѣ все по лѣвому берегу Дуная, до самаго его устья; сверхъ того Болгарію и Румелію, ко-

торыя составятъ подчиненное Россіи владѣніе, для одного изъ русскихъ великихъ князей. Австрія получаетъ только Сербію и Боснію, а Франціи достанутся азіатскія земли и берега Адріатическаго моря.

Въ дѣйствительности, всѣ эти предположенія были только одною игрою, въ которой Наполеонъ подтасовывалъ карты. Ему нужно было, какъ и прежде, настроить Австрію противъ Россіи, удержать дѣйствія послѣдней на Дунаѣ, а самому, тѣмъ временемъ, покончить съ Испаніей. О серіозномъ раздѣлѣ Турціи онъ еще не думалъ, такъ какъ это было не своевременно.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ скоро, но все-же поздно, догадались о намѣреніяхъ Наполеона поссорить Россію съ Австріей, чтобъ развязать себѣ руки, относительно Испаніи.

Когда въ апрѣлѣ 1808 г. пала Бурбонская династія въ Испаніи, австрійскій эрцгерцогъ Карлъ сказалъ: «Теперь планы Наполеона стали ясны; нечего спрашивать чего онъ хочетъ: онъ хочетъ всего». — Такимъ образомъ Наполеонъ держался двуличной роли и относительно Россіи, и относительно Австріи. Слѣдуетъ прибавить къ этому еще и лукавую игру его противъ Турціи.

Въ данную минуту его занимала только Испанія, куда онъ для поправленія дѣлъ намѣревался лично отправиться. На отсутствіи его изъ Парижа, гр. Румянцевъ основалъ цѣлый проэктъ будущихъ событій. 22 Мая 1808 г. онъ писалъ гр. Толстому, что отсутствіе Наполеона изъ Парижа надолго затянетъ переговоры по миру съ Турціей.— «Дружба Франціи съ Россіей уже и прежде вызывала недовѣріе Порты къ посреднической роли Франціи. Замедленіе переговоровъ еще болѣе усилитъ ея недовѣріе. Между тѣмъ, турки уже теперь принимаютъ мѣры, не пропустить французскія войска, назначенныя на усиленіе Корфу, которыя должны были пройти чрезъ Албанію. Али-паша-Янинскій знаетъ о

желаніи Наполеона пріобрѣсть Превезу и Ярты, а потому можетъ считаться тайнымъ врагомъ Франціи, и собралъ къ Превезу свои войска.

Все это можетъ довести до совершеннаго разрыва между Франціей и Турціей и принудить, наконецъ, Порту рѣшиться на отзывъ полномочнаго своего изъ Парижа. Тогда мы уже достигнемъ желаемой цѣли и побудимъ Турцію согласиться, безъ пролитія крови и способомъ одной негоціаціи, опредѣлить границу Россіи по Дунай. По моимъ соображеніямъ, обстоятельства сіи неминуемы, и я почитаю ихъ наиблагопріятнѣйшими для окончанія дѣлъ нашихъ» [1]).

Чтобы дать первый поводъ къ разрыву Турціи съ Франціей, кн. Прозоровскій, въ частномъ письмѣ, сообщилъ Мустафѣ Байрактару рущукскому, что Россія по дружбѣ къ Наполеону не можетъ отказать ему въ посредничествѣ съ Турціей, которая сама просила объ этомъ посредничествѣ; но такъ какъ отъ парижскихъ переговоровъ трудно ожидать чего нибудь полезнаго, то было бы лучше, если бы Турція возбудила вопросъ о томъ, чтобы вступить съ Россіей въ непосредственныя сношенія.

На возможность достигнуть этой цѣли можно было тѣмъ болѣе расчитывать, что по свѣдѣніямъ изъ Константинополя, сообщеннымъ датскимъ посланникомъ Гюбшемъ, Турція дѣйствительно была очень расположена къ заключенію мира.

14 мая Наполеонъ уѣхалъ въ Баіону, куда съѣхались на судъ, новый король Испаніи Фердинандъ VII и отецъ его, ожидая рѣшенія отъ Наполеона.

Передъ отъѣздомъ своимъ, зная что Австрія начинаетъ уже вооружаться, а Турція завела переговоры съ Россіей чтобы заключить миръ безъ посредства Фран-

---

[1]) Румянцевъ гр. Толстому 1808 г. М. И. Д.

ціи, Наполеонъ, чтобы помѣшать ходу этихъ переговоровъ, началъ обнадеживать турокъ, обѣщая сохранить за ними Молдавію и Валахію.

Поэтому, въ разговорѣ съ гр. Толстымъ онъ сказалъ: «невозможно теперь осуществить виды на турецкую имперію. Дать вамъ Молдавію и Валахію—значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы; съ черногорцами, греками, вашими единовѣрцами и любящими васъ».

Высказывая такой взглядъ, Наполеонъ остался вѣренъ своей политикѣ. Онъ просто хотѣлъ поторговаться и затянуть дѣло. Понимая что вопросъ о Молдавіи и Валахіи сильно интересуетъ Императора Александра, и опасаясь, чтобы онъ не послужилъ охлажденію его къ Франціи, Наполеонъ прибавилъ затѣмъ Толстому: «чтобы сдѣлать угодное императору Александру, я исполню все относительно Турціи; я не могу не одобрить его желанія имѣть Дунайскія княжества». Но одобрить желаніе еще не значитъ содѣйствовать его осуществленію. Поэтому Наполеонъ прибавилъ: «Я свято исполню тильзитскій договоръ, если вы согласитесь очистить турецкія владѣнія или согласитесь на какую нибудь сдѣлку». Говоря объ этой сдѣлкѣ, Наполеонъ подразумѣвалъ требованія Россіи, относительно очищенія французскими войсками прусскихъ владѣній, въ силу тильзитскаго договора. Было ясно, что стоило только Императору Александру согласиться на эту сдѣлку, и тогда Наполеонъ не противился бы относительно Молдавіи и Валахіи. Но Императоръ Александръ былъ слишкомъ честенъ, чтобы выгадывать на счетъ своего союзника. Къ тому же, русскій дворъ отвѣчалъ Наполеону, что хотя по силѣ тильзитскаго договора Россія и обязалась вывести свои войска изъ предѣловъ Турціи, но потомъ, по словесному соглашенію обоихъ Императо-

ровъ, Наполеонъ далъ слово, не противиться тому чтобы русскія войска занимали Дунайскія княжества во время переговоровъ о мирѣ съ Турціей; а по окончательномъ замиреніи съ нею, княжества эти остались бы за Россіей. Этого Россія, тѣмъ болѣе вправѣ ожидать что, съ своей стороны, въ силу тильзитскаго договора, она объявила войну Англіи и Швеціи, какъ врагамъ Франціи.

Но Наполеонъ не привыкъ исполнять даже письменныхъ своихъ обязательствъ; поэтому о словесныхъ обѣщаніяхъ забывалъ очень легко. Уступчивость въ Тильзитѣ обусловливалась обстоятельствами времени. Теперь же обстоятельства измѣнились, а потому измѣнились и намѣренія Наполеона.

Въ отвѣтъ на настояніе Россіи, чтобы французы очистили прусскія владѣнія, Наполеонъ поручилъ своему послу въ Константинополѣ, генералу Себастіани, спросить турецкое правительство, что въ случаѣ, если Россія захочетъ удержать Молдавію и Валахію, то намѣрена ли Порта вести противъ нея войну, въ союзѣ съ Франціей?

Понятно, что этимъ вопросомъ Наполеонъ хотѣлъ только внушить Турціи надежды и сдѣлать ее болѣе упорной въ уступкахъ требованіямъ Россіи, относительно заключенія мирныхъ условій.

Тѣмъ не менѣе, готовность, обнаруженная Наполеономъ въ началѣ парижскихъ переговоровъ, поддерживать интересы Россіи, сильно встревожила турецкое правительство и склоняла его къ прямымъ соглашеніямъ съ Россіей.

Флигель-адъютантъ Паскевичъ, прибывшій въ Яссы 17 января 1808 года съ отвѣтнымъ письмомъ Рейсъ-Эфенди, отлично исполнилъ свое порученіе.

Кн. Прозоровскій доносилъ объ немъ отъ 22 января Императору: «сего молодаго человѣка поведеніе по всѣмъ отношеніямъ похвально. Разсудокъ имѣетъ онъ доста-

точный, скроменъ и исполненъ доброй воли къ службѣ В. И. В.» Въ письмѣ, присланномъ кн. Прозоровскому съ Паскевичемъ, Рейсъ-эфенди выражаетъ удовольствіе, «что россійскій дворъ старается найти средства къ увеличенію согласія и дружбы между обѣими сторонами, при посредствѣ существующихъ между ними трактатовъ и конвенцій. Спокойствіе и дружба съ обѣихъ сторонъ будутъ возрастать со дня на день, по установленіи вскорѣ ожидаемаго счастливаго мира» [1]).

Въ концѣ января, въ Константинополь прибылъ изъ Парижа курьеръ съ тайнымъ увѣдомленіемъ, о послѣдовавшемъ между Франціей и Россіей соглашеніи, *объ отдѣленіи земель отъ турецкой имперіи.*

Это подорвало довѣріе Турціи къ посредничеству Наполеона и усилило желаніе турокъ вести переговоры непосредственно съ Россіей.

Это тѣмъ болѣе было желательно, что Мустафа паша Байрактаръ Рущукскій, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ кн. Прозоровскому, который въ одномъ изъ писемъ къ гр. Румянцеву выразился: «Я пріобрѣлъ себѣ въ немъ (Мустафѣ цашѣ) новаго друга».

Эти отношенія способствовали установленію искреннихъ сношеній между ними, что было весьма важно, такъ какъ Мустафа былъ главнокомандующимъ турецкихъ силъ на Дунаѣ.

Увѣдомляя Мустафу, письмомъ 27 декабря 1807 г. о готовности Россіи возвратить всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, кн. Прозоровскій получилъ въ отвѣтъ весьма дружеское сообщеніе Мустафы паши, отъ 8 января 1808 г. «Мой просвѣщенный и великодушный другъ, сказано въ этомъ сообщеніи: невозможно выразить радость, испытанную мною при чтеніи адресованнаго ко мнѣ письма, въ которомъ вы высказываете желаніе установить согласіе

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky. 1808 г.

и добрыя отношенія между обѣими Имперіями. Высказанныя ваши желанія увеличили еще болѣе мою преданность и привязанность къ вамъ лично. Искреннее желаніе Порты Оттоманской установить съ Россіей прочный миръ и прежнюю дружбу не подлежатъ сомнѣнію.

«Прямые переговоры между вами и мною содѣлаютъ болѣе легкимъ, и ускорятъ столь желаемое окончаніе дѣла замиренія. Устраняя всякія формальности и церемоніи, безъ всякаго посредства съ чьей либо стороны, ведите переговоры прямо со мною. Слѣдуя правиламъ честности я, какъ военный человѣкъ, никого не впутываю въ мои дѣла. Равнымъ образомъ и вы, отличаясь честностью и великодушіемъ, признаете болѣе удобнымъ, безъ всякихъ церемоній, вести переговоры только со мною; такимъ образомъ, пусть Мустафа паша знаетъ только князя Прозоровскаго и, устранивъ всякія формальности, со всею искренностію и откровенностію, станемъ стремиться къ возстановленію дружбы между обѣими державами».

Кн. Прозоровскій, въ январѣ же 1808 г. отвѣчалъ Мустафѣ пашѣ, что—«очень радъ его готовности стремиться къ замиренію, и самъ желаетъ мира прочнаго и сообразнаго могуществу (conformée à la Majesté) Императора Всероссійскаго и достоинству его имперіи, право котораго никто не можетъ оспаривать. Я въ теченіи нѣсколькихъ дней разсуждалъ надъ содержаніемъ вашего письма, и скажу вамъ, со врожденною мнѣ откровенностію и подъ вліяніемъ моей къ вамъ дружбы, «что мы не можемъ устранить императора Наполеона отъ предоставленнаго ему въ Тильзитѣ посредничества, такъ какъ это могло бы повредить его дружбѣ къ Императору Александру, а это значило-бы: «кинуться изъ огня да въ полымя (Se jetter au milieu des flammes, pour eviter un petit feu)» Поэтому кн. Прозоровскій высказывалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ нужно подождать

исхода счастливаго замиренія, при посредствѣ императора Наполеона.

Чтобы смягчить необходимость отказа, кн. Прозоровскій называлъ Мустафу своимъ истиннымъ другомъ и послалъ ему въ подарокъ лучшій соболій мѣхъ, стоимостію въ 3000 руб. «Вы, милостивый государь мой, писалъ кн. Прозоровскій гр. Румянцеву отъ 30 января 1808 г., знаете сколь колючи политическія дѣла и для людей, упражнявшихся въ оныхъ съ молодыхъ лѣтъ; а я, если пріобрѣлъ нѣкоторыя объ оныхъ свѣдѣнія, то служа съ ружьемъ въ рукахъ», поэтому онъ просилъ не винить его, если отказъ, сдѣланный Мустафѣ Пашѣ, былъ неумѣстенъ.

Но при настоящихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, не время было рисковать дружбою Наполеона, ради турецкихъ дѣлъ. Къ тому же, для насъ было выгоднѣе, чтобъ Турція сама отозвала своего уполномоченнаго изъ Парижа и тѣмъ вооружила противъ себя Наполеона [1]).

Хотя начатые съ турецкимъ правительствомъ переговоры были далеки отъ всякихъ результатовъ, но вліяніе Франціи въ Константинополѣ не только начало слабѣть, но принимало характеръ явно ей непріязненный. Народъ волновался, обвиняя Францію во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и не расчитывая болѣе на ея посредничество, готовился къ продолженію войны.

Въ февралѣ одна женщина бросила на улицѣ камнемъ въ Себастіани, обвиняя его въ ощущавшейся дороговизнѣ, а одинъ янычаръ прицѣлился въ него изъ пистолета [2]). Посолъ, отправленный Себастіани въ Парижъ, генералъ Андренъ, проѣздомъ черезъ Вѣну, сообщилъ послу нашему, кн. Куракину, что Порта, въ февралѣ, сильно готовилась къ войнѣ, каждый день переправляя

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

[2]) Кн. Куракинъ кн. Прозоровскому $\frac{25\ \text{Февраля}}{8\ \text{Марта}}$ 1808 года.

пѣхоту и конницу изъ Азіи въ Константинополь и отправляя ихъ въ Адріанополь, гдѣ визирская армія доходитъ уже до 90000 человѣкъ [1]).

Явился новый поводъ къ неудовольствію на Францію. Въ мартѣ Наполеонъ приказалъ Себастіани лично передать Султану собственноручное къ нему письмо. Диванъ не дозволялъ этого сдѣлать, что очень возмутило Себастіани; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ вручить письмо Каймакану для передачи его Султану; въ письмѣ этомъ Наполеонъ просилъ дозволенія провести 4000 французскій отрядъ къ Албанскому берегу, для доставленія его, оттуда, на островъ Корфу, съ цѣлью обезпечить мѣстную крѣпость отъ нападенія англичанъ. Диванъ рѣшительно отказалъ въ этомъ, послѣ чего Себастіани, не смотря на полученную отъ султана въ подарокъ табакерку, стоимостію до 15000 піастровъ, началъ жаловаться на климатъ и готовиться къ отъѣзду [2]).

Но если народъ въ Турціи и не расчитывалъ на возможность скораго мира, то турецкое правительство хорошо сознавало всю затруднительность войны. Поэтому, на первой же конференціи, послѣдовавшей въ Парижѣ между гр. Толстымъ и Гулибъ Эфенди, послѣдній предложилъ продолжить срокъ истекшаго уже перемирія, на неопредѣленное время, впредь до окончанія переговоровъ.

Кн. Прозоровскій получилъ объ этомъ предложеніи увѣдомленіе 3-го апрѣля, дошедшее къ нему, одновременно, изъ Константинополя отъ Себастіани и изъ Рущука отъ Мустафы паши, и отвѣчалъ имъ обоимъ, что хотя ему ничего еще объ этомъ неизвѣстно, но онъ отдалъ по арміи приказаніе не начинать военныхъ дѣй-

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

[2]) Кн. Куракинъ къ кн. Прозоровскому $\frac{10}{22}$ марта 1808 г. M. И. Д. Prosorowsky.

ствій противъ турокъ, если они сами не подадутъ къ тому повода. Въ томъ же смыслѣ онъ отправилъ въ Константинополь, съ подполковникомъ Беклемышевымъ, письмо къ Визирю.

Такой отвѣтъ былъ результатомъ не столько расчета на успѣхъ парижскихъ переговоровъ, сколько опасеній кн. Прозоровскаго, начатіемъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ—подать поводъ къ неудовольствію со стороны Императора Наполеона, какъ посредника между Россіей и Турціей. Къ тому же, по имѣвшимся свѣдѣніямъ еще въ январѣ 1808 года, въ Далмаціи находилось до 70000 французскаго войска и ожидалось туда же еще 30000 человѣкъ. Съ такою силою необходимо было считаться, и не вооружать ее противъ себя: Наполеонъ могъ направить эти войска въ Сербію и оттуда въ Турцію, во флангъ нашей арміи на Дунаѣ. Приходилось дѣйствовать крайне осторожно относительно Франціи, хотя въ пользу ея посредничества никто не вѣрилъ ни въ Россіи ни въ Турціи. Еще 28 марта 1808 года Милорадовичъ писалъ, что по полученнымъ имъ изъ Парижа свѣдѣніямъ «тамъ все дѣлается чрезвычайно секретно. Императоръ занятъ важными проектами и переговоры съ турками почитаютъ самымъ побочнымъ дѣломъ, отчего и мирные переговоры дѣлаются медлительно, и уже о мирѣ въ Парижѣ не говорятъ».

Въ мартѣ же было получено въ Константинополѣ извѣстіе, что въ Парижѣ, Наполеонъ согласенъ на присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи и что будутъ проводить чрезъ Албанію нѣсколькихъ тысячъ французскихъ войскъ, для усиленія гарнизона въ Корфу; что Гулибъ-Эфенди въ особенности противится уступкѣ Дунайскихъ княжествъ, такъ какъ имѣетъ отъ султана, положительное приказаніе—не уступать Россіи ни пяди земли [1]).

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

Такимъ образомъ, ни Россія, ни Турція не вѣрили Наполеону и это естественно побуждало ихъ къ соглашенію между собою безъ посредства Франціи. Но кн. Прозоровскій желалъ, чтобы поводъ къ уничтоженію посредничества Наполеона подала Турція, отозвавъ своего посла изъ Парижа. Съ другой стороны въ Константинополѣ боялись вооружить противъ себя Францію. Только Мустафа паша рущукскій, въ званіи главнокомандующаго турецкихъ войскъ на Дунаѣ, не останавливался ни предъ чѣмъ, что могло бы быть непріятно Франціи. Ему было нужно только заручиться увѣренностію, что кн. Прозоровскій не начнетъ военныхъ дѣйствій прежде окончанія парижскихъ переговоровъ, чтобы воспользоваться этимъ временемъ, для приведенія въ исполненіе своего смѣлаго плана—возстановить на престолъ низверженнаго султана Селима, личнаго его друга.

Поэтому, не смотря на полученный уже отъ кн. Прозоровскаго отвѣтъ его съ отказомъ отстранить посредничество Наполеона, Мустафа паша рѣшился сдѣлать русскому главнокомандующему новыя предложенія. Не довѣряясь перепискѣ, которая могла скомпрометировать его передъ султаномъ и визиремъ, Мустафа паша отправилъ изъ Рущука, для личныхъ переговоровъ съ кн. Прозоровскимъ, довѣренное лицо, именно Богоса-Себастіани.

На аудіенціи, бывшей въ апрѣлѣ 1808 г. у кн. Прозоровскаго въ Яссахъ, Богосъ изъявлялъ удивленіе, что переговоры о мирѣ по сіе время не привели ни къ какому результату. Кн. Прозоровскій отвѣтилъ, что переговоры все еще продолжаются и, какъ увѣдомилъ его Себастіани и Мустафа паша, будто-бы рѣшено продлить перемиріе на все время веденія переговоровъ; но онъ не получилъ о томъ никакихъ официальныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, онъ завѣрялъ *честнымъ словомъ*, что до полученія повелѣній изъ Петербурга онъ не начнетъ воен-

ныхъ дѣйствій, если турки не подадутъ къ тому повода, и не тронутъ сербовъ. Богосъ отвѣчалъ, что вопросъ о сербахъ рѣшить легко, когда главные пункты замиренія будутъ установлены; и увѣрялъ въ искреннемъ желаніи мира, со стороны Мустафы Паши.—„Я также ничего такъ не желаю, какъ мира, отвѣчалъ кн. Прозоровскій, но мира прочнаго и согласнаго съ честью и достоинствомъ Россіи“. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что не знаетъ въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Парижѣ. и насколько подвинулись тамъ переговоры, такъ какъ не состоитъ въ перепискѣ съ гр. Толстымъ, а дурное состояніе дорогъ и громадное разстояніе отъ Парижа до Петербурга и отъ Петербурга до Яссъ, долго задерживаютъ курьеровъ въ пути.

„Если бы, сказалъ Богосъ, переговоры велись, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Бухарестѣ или Яссахъ, то миръ былъ бы уже давно заключенъ. Мы ничего не имѣемъ спорнаго (à demêler) съ Россіей. Порта была даже ея союзницей. Франція принудила насъ объявить ей войну и вооружиться противъ Англіи. Франція предписала Турціи заключить съ Россіей перемиріе; она же затѣмъ предложила свое посредничество, для веденія мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ. Порта согласилась и вотъ, вмѣсто мира, мы не знаемъ даже о томъ что дѣлается въ Парижѣ и продолжается ли перемиріе. Все это заставляетъ предполагать, что Франція старается только затянуть переговоры для того, чтобы выждавъ удобную минуту, разширить свои владѣнія и на счетъ Турціи, и на счетъ Россіи“.

Кн. Прозоровскій возразилъ, что Порта сама виновата, довѣряясь прежде Франціи безусловно. Теперь же, когда Франція находится въ дружбѣ и въ союзѣ съ Россіей, устранить ее отъ посредничества нельзя, и Порта сама просила этого посредничества.

—„Нельзя ли, замѣтилъ Богосъ, не прерывая переговоровъ въ Парижѣ и не задѣвая посредничества Наполеона, найти средство достигнуть замиренія путемъ обоюдныхъ соглашеній?“

—„Но вѣдь миръ не можетъ оставаться секретнымъ, и неизбѣжно долженъ быть опубликованъ, сказалъ кн. Прозоровскій“. Богосъ отвѣтилъ на это, что миръ можетъ быть въ свое время опубликованъ, но что это не мѣшаетъ Россіи и Турціи составить секретный договоръ съ тѣмъ, что обѣ стороны обязуются исполнить его. Къ тому же, можетъ быть, найдется средство и заставить Наполеона отказаться отъ посредничества. — „Турція, сказалъ Богосъ, можетъ назначить 40 или 50 дневный срокъ для окончанія парижскихъ переговоровъ и заявить, что если къ этому времени миръ не будетъ заключенъ, то она устраняетъ посредничество Франціи и будетъ трактовать только съ Россіей».

Кн. Прозоровскій указалъ на то, что Россія не можетъ поступить такъ съ своимъ союзникомъ, но что Турція свободна поступить, какъ пожелаетъ.

Здѣсь Богосъ сказалъ, что если миръ между Россіей и Турціей состоится, то послѣдняя обязуется выставить 300,000 чел., при Мустафѣ Пашѣ, для защиты интересовъ Россіи противъ ея враговъ, будутъ ли то французы или кто другой.

Кн. Прозоровскій далъ слово донести обо всемъ этомъ Императору и увѣдомить Мустафу Пашу о послѣдствіяхъ и о предложеніи, хорошо понимая, что всѣ эти предложенія имѣютъ фантастическій характеръ и доказываютъ только, что турецкая армія находится въ плохомъ состояніи. 13-го апрѣля при новомъ засѣданіи въ кабинетѣ кн. Прозоровскаго «Богосъ—Себастіани снова возбудилъ вопросъ о заключеніи условій мира между Россіей и Турціей, безъ посредства Франціи.

— Но вѣдь переговоры уже ведутся въ Парижѣ, возразилъ кн. Прозоровскій. Дѣло начатое всегда нужно закончить, потому что постоянныя и неожиданныя измѣненія въ немъ могутъ только вредить самому дѣлу.

Богосъ замѣтилъ, что вопросъ о посредничествѣ Франціи былъ рѣшонъ еще въ Тильзитѣ и потому Порта, не могла не послѣдовать примѣру Россіи и должна была принять посредничество Франціи.

Кн. Прозоровскій возразилъ на это, что въ то время когда онъ началъ переговоры съ визиремъ, имѣя уполномочіе даже къ заключенію мира, визирь отвѣтилъ ему, что переговоры начаты уже въ Парижѣ и что, слѣдовательно, не могутъ имѣть мѣста на Дунаѣ.

— Противъ кого у васъ дѣлаются военныя приготовленія, прибавилъ князь Прозоровскій, такъ какъ Австрія держитъ себя смирно относительно Порты, а французы ваши друзья и далеко отъ васъ?

Богосъ завѣрялъ честью своею, что Турція не имѣетъ ни малѣйшаго враждебнаго намѣренія противъ Россіи, и тѣхъ, которые распространяютъ слухи о воинственныхъ намѣреніяхъ Порты,—должно считать дѣйствительными врагами какъ Турціи такъ и Россіи, подобно тѣмъ, которые распускаютъ слухъ, что русскій главнокомандующій намѣренъ вести свою армію прямо на Константинополь.

Кн. Прозоровскій отвѣтилъ на это шутя: «Подобные слухи есть только басни, ходящія въ народѣ и лишены всякаго смысла. Слишкомъ далеко отсюда до Константинополя и чтобы достичь туда, сперва потребуется разбить турокъ». Богосъ указывалъ на то, что въ настоящее время вся Европа стоитъ въ вооруженіи и даже, не смотря на союзъ Россіи съ Франціей, обѣ державы держатъ другъ противъ друга готовыя арміи, на границахъ Польши. Не удивительно поэтому, что и Турція должна быть готова защищать себя, и если Мустафа

Паша двинетъ къ Дунаю 300.000 армію, то это должно быть даже пріятно Россіи, такъ какъ Турція хочетъ мира и лучше стать другомъ сосѣда сильнаго и не сокрушимаго, чѣмъ слабаго и бѣднаго.

Замѣтивъ, что Богосъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ силу турецкой арміи, и какъ бы указываетъ на то, что численность русскихъ войскъ гораздо слабѣе, кн. Прозоровскій сказалъ, что большая часть его арміи находится еще на лѣвомъ берегу Днѣстра, также какъ и милиція слѣдующая къ арміи, потому что тамъ имъ стоять удобнѣе а надобности въ нихъ пока еще нѣтъ. — «Я посѣдѣлъ въ бояхъ, прибавилъ онъ, и не первый уже разъ воюю съ турками. Да избавитъ насъ Богъ отъ новой войны. Но я знаю, что турецкія войска не оставятъ своихъ квартиръ и не выступятъ въ походъ ранѣе 23 апрѣля, т. е. до дня св. Георгія. Я знаю, что они опредѣляютъ свою армію числомъ ртовъ, тогда какъ мы считаемъ числомъ штыковъ». Затѣмъ условлено было, что миссія Богоса останется въ тайнѣ и пребываніе его въ Яссахъ будетъ объяснено переговорами по разнымъ торговымъ дѣламъ и о продолженіи перемирія.

На вопросъ кн. Прозоровскаго, въ чемъ же состоятъ главныя основанія мира, которыя принимаетъ Порта, Богосъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ; но уполномоченъ только условиться относительно готовности Россіи вести переговоры съ Турціей, безъ посредства Наполеона; тогда опредѣлятся и самыя условія мира.

«—Но, сказалъ Богосъ, императоръ Наполеонъ имѣетъ въ виду только единственную цѣль—увеличеніе своего могущества и удовлетвореніе своихъ честолюбивыхъ намѣреній. Несомнѣнно, что поглотивъ остатокъ Европы, онъ не замедлитъ обратить свои жадные взоры на Россію; поэтому союзъ послѣдней съ Портою можетъ представить важныя обоюдныя выгоды. Отсюда необходимость установленія секретныхъ основаній мира, проч-

наго для обѣихъ Имперій, и не объявлять о немъ Наполеону».

Предложеніе Богоса было поставлено умно и ловко. Онъ зналъ, что въ Россіи никто не вѣритъ въ дружбу Наполеона, и состояли съ нимъ въ дружбѣ только оттого, что не готовы къ борьбѣ, но что борьба эта неизбѣжна.

Поэтому союзъ съ Турціей былъ очень соблазнителенъ. Но для этого нужно было отказаться отъ главной цѣли настоящей войны: опредѣлить Дунай границею между обѣими имперіями, чему въ то время еще не противился Наполеонъ, занятый дѣлами въ Испаніи. Нужно было воспользоваться этимъ временемъ, покончить съ Турціей заключить съ нею выгодный миръ и тогда, союзъ съ Портою противъ Наполеона, былъ бы крайне желателенъ. Но было сомнительно расчитывать на такой союзъ, послѣ того какъ Турція будетъ принуждена уступить Россіи Дунайскія княжества. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что предложеніемъ союза, Турція хотѣла отклонить требуемую отъ нея уступку. Могло случиться и такъ что, заручившись письменнымъ согласіемъ Россіи на союзъ съ Турціей противъ Наполеона, Турція дала бы ему первому знать о томъ, поссорить его съ Россіей и побудить его воспротивиться уступкѣ Молдавіи и Валахіи въ пользу Россіи, для чего Турція могла бы предложить Наполеону и союзъ противъ императора Александра. Понимая все это, кн. Прозоровскій сказалъ Богосу, просившему дать ему письменный отвѣтъ, что дать такого отвѣта онъ не можетъ, такъ какъ ему не извѣстно какъ отнесется къ предложенію Турціи императоръ Александръ; но что по полученіи о томъ извѣстія, онъ тотъ часъ же увѣдомитъ Мустафу Пашу, которому и написалъ съ Богосомъ письмо, въ томъ же смыслѣ [1]).

---

[1]) Campagne Turquie Reception 1808 № 205 Prosorowsky M. И. Д.

17 апрѣля Богосъ сказалъ при прощальномъ визитѣ кн. Прозоровскому, что возбужденіе народа въ Турціи такъ велико, по случаю такъ долго тянущихся переговоровъ о мирѣ, что онъ не отвѣчаетъ за то, что мусульмане начнутъ истреблять задунайскихъ христіанъ, если скорый миръ не послѣдуетъ.

Кн. Прозоровскій отвѣчалъ на это, что онъ не отвѣчаетъ что въ такомъ случаѣ русская армія, перейдя Дунай, начнетъ возмещать на мусульманахъ страданія своихъ единовѣрныхъ братьевъ.

Изъ переговоровъ съ Богосомъ кн. Прозоровскій пришелъ къ заключенію, что Турція не согласится уступить свою границу по Дунай, и слишкомъ слаба, чтобы отстоять ее. Поэтому онъ писалъ гр. Румянцеву отъ 20 апрѣля, что нужно приготовить армію къ открытію наступательныхъ дѣйствій, въ іюлѣ или началѣ августа, и что турки начали не только не довѣрять французамъ, но даже питаютъ къ нимъ совершенную ненависть [1]).

Съ своей стороны, Турція также готовилась къ войнѣ. 15 мая были опубликованы фирманы, чтобъ войска приготовились къ открытію военныхъ дѣйствій, на верхнемъ Дунаѣ, противъ Сербіи.

Едва окончились переговоры кн. Прозоровскаго съ Богосомъ Себастіани, какъ прибылъ къ Яссы генералъ Себастіани, французскій посланникъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ находилъ болѣе невозможнымъ оставаться. Вмѣсто себя онъ оставилъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, своего секретаря Латуръ-Мобурга, и поспѣшилъ выѣхать изъ Константинополя.

27-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, Себастіани въѣхалъ въ Яссы. Ему устроена была почетная встрѣча. Всѣ члены дивана были собраны къ заставѣ города для привѣтствія.

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky. 1808.

Принятый кн. Прозоровскимъ, сперва оффиціально, потомъ въ кабинетѣ, Себастіани обрисовалъ положеніе дѣлъ въ Константинополѣ такими чертами:—«Султанъ, сказалъ онъ, дѣлами государственными не занимается. Все дѣлаетъ Диванъ и народъ, но они находятся въ большомъ замѣшательствѣ и не знаютъ что дѣлать. Впрочемъ, много войска прибыло изъ Малой Азіи».

Кн. Прозоровскій замѣтилъ ему, что его удивляетъ, какимъ образомъ азіатскія войска могли прибыть такъ рано; къ тому же, въ Азіи нужны войска противъ арміи гр. Гудовича.

—«Тамъ очень мало войскъ» отвѣчалъ Себастіани и поименовалъ нѣсколькихъ азіатскихъ пашей, дѣйствовавшихъ прежде противъ Гудовича, а теперь переправленныхъ черезъ Босфоръ. Себастіани сказалъ, что ѣдетъ для поправленія здоровья на воды, на два мѣсяца, и желаетъ остаться при арміи, дѣйствующей въ Испаніи.

Коснувшись политическихъ дѣлъ, Себастіани сказалъ: —«Порта усиливается собирать войска, потому что народъ никакъ не хочетъ согласиться уступить вамъ Молдавію и Валахію. Правительство само не знаетъ, что дѣлать. Флотъ у нихъ (турокъ) прекрасный, но снабдить его нечѣмъ. Матросовъ можно набрать, но никто не можетъ командовать. Недостатокъ во всемъ, а денегъ нѣтъ совершенно. Порта ничего такъ не желаетъ, какъ заключить миръ, какимъ бы то ни было образомъ. Если вы снова будете воевать съ ними, то навѣрное побьете ихъ. Я видѣлъ ваши войска, они прекрасны, и когда хоть разъ поразятъ турокъ, то послѣдніе согласятся на все. Можно быть увѣреннымъ, что, продолжая ваши побѣды, вы можете овладѣть Цареградомъ; но весьма трудно и, почти невозможно, привести тамошніе народы, какъ турокъ, такъ и грековъ, къ повиновенію законамъ благоустроеннаго государства. Я писалъ туркамъ отсюда, и

совѣтовалъ скорѣе съ вами заключить миръ и что иначе: ils s'attireront une leçon qu'ils n'oublieront jamais.

Затѣмъ Себастіани сказалъ:—«въ Константинополѣ всѣ греки противу васъ, также и Мурузи, который прежде къ вамъ былъ совершенно преданъ». Говоря о себѣ лично, онъ замѣтилъ, что долженъ былъ потерять довѣріе въ Константинополѣ, такъ какъ самъ же втянулъ турокъ въ войну, а теперь больше всѣхъ побуждаетъ ихъ къ миру. При свиданіи же съ генераломъ Кутузовымъ, Себастіани высказывалъ мысль, что существованіе Турціи необходимо для спокойствія и равновѣсія въ Европѣ.—«Турція сказалъ онъ это, un corps pourri, но паденіе ея породитъ волненія и войны, быть можетъ на цѣлыя сто лѣтъ. Если вы, русскіе, заставите Порту заключить постыдный миръ, то это послужитъ къ низверженію Султана; вы перевернете къ верху дномъ всѣ умы (tout sens dessus—dessous) и какъ исчислить всѣ послѣдствія этого?».

— «Но, замѣтилъ Кутузовъ, какъ же объяснить тогда присоединеніе къ Франціи семи острововъ, занятіе Далмаціи и т. д.».

— «Мы не хотимъ ничего, отвѣчалъ Себастіани, кромѣ двухъ незначительныхъ городовъ—Превезы и Ларты, которые намъ принадлежали, но которые были отторгнуты отъ насъ, во время вашего союза съ турками».

Переходя потомъ къ вопросу о перемиріи, Себастіани сказалъ: «Потребуется, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, для полученія рѣшительнаго отвѣта по этому вопросу».

— «Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Кутузовъ, я предложу фельдмаршалу, оставить приведенныя мною 40.000 войска, на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ Польшѣ, чтобы они не подверглись здѣшнимъ лихорадкамъ.

— «Что до этого, возразилъ Себастіани съ испугомъ, то я съ вами несогласенъ. Вы должны имѣть войска здѣсь! сила турокъ на Дунаѣ а не въ Польшѣ»...

— «Впрочемъ, прибавилъ онъ, при прощаніи, мы вѣдь здѣсь не дипломаты и все, о чемъ мы говорили, не должно имѣть никакихъ послѣдствій».

Однако, разговоръ этотъ не остался безслѣднымъ, особенно въ виду того, что пріѣхавшій съ Себастіани докторъ его, Онуфори, родомъ италіанецъ, въ разговорахъ съ разными лицами говорилъ, что слышалъ отъ Себастіани, не разъ, что Императоръ Наполеонъ, никогда не допуститъ и не согласится, чтобы Молдавія и Валахія принадлежали Россіи [1]).

Загадочное поведеніе Франціи къ Россіи возбудило новыя надежды поляковъ. Кн. Прозоровскій получилъ отъ посланнаго имъ въ Лембергъ, для закупки сукна, Селецкаго, увѣдомленіе, что въ Лембергѣ существуетъ убѣжденіе, что Галиція и Лодомирія присоединяются къ герцогству Варшавскому, а что Австрія, взамѣнъ этихъ провинцій, получитъ Сербію и Боснію. Убѣжденіе это было такъ сильно и повсемѣстно, что поляки не называли уже герцогства Варшавскаго иначе какъ возстановленнымъ королевствомъ Польши. На границахъ герцогства были даже поставлены пограничные столбы съ надписью: Королевство польское [2]).

Во время пребыванія своего въ Яссахъ, въ разговорѣ съ подполковникомъ Беклемышевымъ, Себастіани, между прочимъ, сказалъ—«миръ съ Россіей, конечно послѣдуетъ. Этого желаетъ Порта и султанъ». Но, прибавилъ онъ,—«Россія не можетъ получить такихъ выгодъ, какія могла бы пріобрѣсть до низверженія съ престола Султана Селима». Потомъ Себастіани доказывалъ, что народъ въ Турціи не дозволитъ заключить мира постыднаго и требуетъ мира приличнаго, по proposition décente.

---

[1]) Кн. Прозоровскій гр. Румянцеву отъ 3 мая 1808 № 219. М. И. Д. Prosorovsky.

[2]) Кн. Прозоровскій гр. Румянцеву № 224. М. И. Д. 1808.

Въ разговорѣ же съ графомъ Людольфомъ въ Константинополѣ, Себастіани, на сдѣланный ему вопросъ: «Чѣмъ могутъ кончиться мирные приговоры въ Парижѣ?» отвѣчалъ: «Россія найдетъ болѣе удобнымъ получить что нибудь въ Грузіи, и оставить мысль о Дунайскихъ княжествахъ» [1]).

При свиданіи Беклемышева съ Мобургомъ въ Константинополѣ, Мобургъ сказалъ: «Кажется дѣла сербовъ не должны-бы имѣть связи съ дѣлами Россіи».

Беклемышевъ сообщилъ по возвращеніи изъ Константинополя, что у Визиря собрано отъ 20—25 тысячъ человѣкъ, которые, въ концѣ мая, предположено направить къ Силистріи или къ Софіи, куда слѣдуютъ и азіатскія войска. Число послѣднихъ не болѣе 30.000, тогда какъ велѣно было собрать ихъ до 150.000.

Изъ результатовъ поѣздки Беклемышева въ Константинополь и его разговоровъ съ Мобургомъ, кн. Прозоровскій пришелъ къ заключенію, «что французскій дворъ желаетъ постановить миръ между Россіей и Портой; но ни подъ какимъ видомъ, не хочетъ согласиться, чтобы миръ безъ его имедіаціи могъ состояться, и чтобъ намъ не дать границы по Дунай, а еще того менѣе, чтобъ выгнать турокъ изъ Европы, для чего и негоціаціи въ Парижѣ столь долго продолжаются» [2]).

Въ это же время стала извѣстна и рѣчь Мобурга, сказанная въ Диванѣ, когда онъ предполагалъ, что собраніе многочисленной арміи подъ Константинополемъ, приведенной Мустафою пашею, для низверженія Султана, свидѣтельствуетъ о замиреніи Россіи съ Турціей безъ посредства Франціи [3]). «Никогда истинное дружество и согласіе, сказалъ Мобургъ, не были столь совер-

---

[1]) Журналъ подполковника Беклемышева. Prosorovsky 1808. № 24.311.
[2]) Кн. Прозоровскій къ гр. Румянцеву отъ 7 іюня 1808. М. И. Д.
[3]) В. Уч. Арх. № 1388, стр. 69—71.

шенны, какъ теперь, между Россіею и Франціею. Но, однако-же, сіе не препятствуетъ мнѣ замѣтить съ большимъ прискорбіемъ, что Порта производитъ мирныя негоціаціи съ Россіею и съ Англіею. Ей надобно вспомнить, что если разъ Франція сдѣлалась посредницею между Россіею и Турецкою Имперіею, то заключеніе, какого бы то ни было мира, безъ согласія Императора Наполеона, было бы обидою для него, со стороны Порты.

«Впрочемъ, никакое оскорбленіе не оставитъ Франція безъ должнаго наказанія. Если Порта надѣется на новый, тайно составляющійся противъ Франціи союзъ, то она ошибается. Два мѣсяца прежде чѣмъ союзъ сей состоится, Императоръ Наполеонъ будетъ уже о всемъ извѣщенъ, а вы прежде узнаете разрушеніе онаго, чѣмъ названіе державъ, вошедшихъ въ составъ его. Сверхъ того, кто бы могли быть сіи союзники? не шведы-ли? какія у нихъ средства. Австрійцы? — ихъ арміи были столько разъ поражаемы,—не россіяне-ли?—тѣ, кои трепещутъ при единомъ воззрѣніи на французскую армію, усиленно просятъ мира, которымъ обязаны они великодушію Императора французовъ, отъ единой воли котораго зависѣло покорить землю ихъ, уже готовую принять его. Вотъ члены сего союза, на который возлагаете вы надежды ваши. Узнайте же, что вскорѣ на границахъ вашихъ увидите вы французскую армію, вмѣсто русской, ибо Императоръ Наполеонъ не оставилъ намѣренія своего возобновить польское королевство. Заключая тильзитскій миръ, онъ упомянулъ о семъ Императору Александру, но отложилъ только на нѣкоторое время исполненіе сего предположенія, соображаясь съ обстоятельствами. Нынѣ-же, находя время для себя удобнымъ, онъ безпрерывно трудился надъ его выполненіемъ и вскорѣ увидите, какъ оно совершится. Ввѣрьте себя высокимъ видамъ Его Величества и вручите ему судьбу Оттоман-

ской Имперіи. Императоръ Наполеонъ приказалъ вамъ объявить все сіе въ такомъ только случаѣ, когда я замѣчу въ васъ готовность къ содѣланію чего-либо противнаго его волѣ. Теперь, не безъ основанія полагаю я, что ваши намѣренія клонились къ таковому дѣйствію, и я поспѣшилъ выполнить приказаніе Его Величества, сообщеніемъ великихъ плановъ, имъ предположенныхъ, и кои всѣ клонятся къ пользѣ Оттоманской Порты, благоденствіе которой всегда пребудетъ ему драгоцѣнно».

Послѣ словъ, высказанныхъ генераломъ Себастіани въ Яссахъ, нельзя было сомнѣваться, что и находясь въ Константинополѣ, онъ говорилъ тоже и турецкимъ министрамъ, усиливая ихъ сопротивленіе, касательно уступки княжествъ.

Можно было имѣть надежду только на содѣйствіе бывшаго аккерманскаго коменданта, Таяръ-бея, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Султана, и сторонника Россіи.

Таяръ-бей, которому русское правительство назначило пенсіонъ въ 12.000 руб., былъ сдѣланъ Султаномъ каймаканомъ, обѣщая по прежнему быть вѣрнымъ Россіи и способствовать ея замиренію съ Турціей. Таяръ-бей просилъ удвоить ему пенсію, наградить чиномъ генералъ-аншефа и дать орденъ голубой ленты (Андреевской звѣзды).

Отвѣчая на это письмо Таяръ-бея, гр. Румянцевъ, въ письмѣ отъ 5 іюня 1808 г. сообщилъ ему, что Императоръ соизволилъ на назначеніе пенсіи въ 24.000 руб. Что-же касается до испрашиваемаго ордена, то таковой дается лишь за чрезвычайныя услуги отечеству. Поэтому, просимый орденъ будетъ ему данъ только по подписаніи мира, съ непремѣннымъ условіемъ, постановить Дунай границею, причемъ всѣ магометане, живущіе въ княжествахъ, получаютъ право переселиться на правый берегъ Дуная.

Между тѣмъ, происками своихъ недоброжелателей, Таяръ-бей былъ вскорѣ смѣненъ съ своего важнаго поста, и только благодаря личному къ нему расположенію Султана, не былъ заключенъ въ тюрьму или казненъ, а назначенъ комендантомъ въ Варну. Гр. Румянцевъ писалъ ему, что такъ какъ новая революція въ Константинополѣ неизбѣжна, и Султанъ можетъ подвергнуть самую свою жизнь опасности, то русское правительство предлагаетъ ему,—въ критическомъ положеніи, если бы оно оказалось, пріютъ въ Россіи съ сохраненіемъ ему всѣхъ почестей, приличныхъ его сану, — «ручаясь священнымъ словомъ Императора, въ безопасности какъ личной, такъ и имущественной», и обѣщая содѣйствовать ему къ возстановленію своихъ державныхъ правъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскій не прекращалъ своихъ сношеній и съ Мустафой пашею, главнокомандующимъ на Дунаѣ, и отправилъ къ нему 16 іюня въ Рущукъ письмо съ своимъ адъютантомъ, Бервицомъ. Такъ какъ Мустафы въ это время не было въ Рущукѣ, то Бервицъ переговаривался съ драгоманомъ Манукъ-Беемъ, которому Мустафа паша далъ уполномочіе. Манукъ сообщилъ Бервицу, что на дняхъ въ Константинополѣ получена изъ Парижа депеша, въ которой французскій дворъ увѣряетъ Порту въ своей неизмѣнной дружбѣ и искреннемъ участіи, какое онъ принимаетъ въ интересахъ Турціи, которой нечего бояться, такъ какъ она не потеряетъ ни пяди своей земли [2]).

— «Но, сказалъ Манукъ-бей, французы вамъ говорятъ то-же самое, тогда какъ можетъ быть, мѣсяца черезъ два, объявятъ вамъ войну. Мустафа паша ненавидитъ французовъ и хочетъ мира съ Россіей. Онъ готовъ въ союзѣ съ русскими начать войну съ Франціей.

---

[1]) Арх. М. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

[2]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky 1808, № 258.

Даже англичане, не смотря на то, что съ вами въ войнѣ, болѣе всего желаютъ примириться съ Россіей и возобновить коалицію 1799 г.»

— «Вы хотите, прибавилъ онъ, установить границу по Дунай. Но въ настоящее время, важнѣе всего установить спокойствіе въ Европѣ, и потому было бы благоразумнѣе отказаться отъ этого плана, который можетъ быть въ будущемъ и осуществится».

Манукъ-Бей выражалъ въ сущности только мысли Мустафы паши который, обезпечивъ себя честнымъ словомъ кн. Прозоровскаго не начинать военныхъ дѣйствій, оставилъ Манукъ-бея на Дунаѣ, съ значительною частью войскъ, а самъ, съ остальными войсками, направился къ Адріанополю, строго приказавъ сохранять полное бездѣйствіе на Дунаѣ.

Въ іюнѣ 1808 года турецкія войска имѣли слѣдующее расположеніе. Визирская армія стояла у Адріанополя и доходила до 35.000 челов., постоянно увеличивающихся. Армія требовала выступленія въ походъ противъ сербовъ. У Мустафы паши въ Тырновѣ было до 20.000 чел., собраныхъ съ тѣмъ, чтобы идти въ Адріанополь, подъ предлогомъ свиданія съ визиремъ. Въ Рущукѣ и Журжѣ до 7.000. Сверхъ того въ трехъ-дневномъ разстояніи отъ Рущука, имѣлось до 20.000 челов.

Между тѣмъ, бездѣйствіе на Дунаѣ дало возможность, отважному Мустафѣ Байрактару [1]), осуществить давно задуманный имъ планъ возстановить сверженнаго Султана Селима III, въ его достоинствѣ.

Тщательно скрывая отъ всѣхъ, кромѣ преданнаго ему Манукъ-бея, настоящія свои намѣренія, Мустафа Байрактаръ послалъ къ визирю Ибрагиму своего друга, Беджи-Эфенди, бывшаго интендантомъ арміи рущукской, поручивъ ему передать о своемъ желаніи свидѣться съ

---

[1]) По турецки—знаменоносецъ.

нимъ, чтобы лично переговорить о мѣрахъ къ усмиренію янычаръ, захватившихъ власть въ столицѣ, не повинующихся султану, не слушающихся визиря и министровъ, которые принуждены были оставить Константинополь и переѣхать въ Адріанополь. Время для этого, казалось, было самое удобное, такъ какъ на Дунаѣ нельзя было ожидать никакихъ предпріятій со стороны русскихъ, о чемъ кн. Прозоровскій лично увѣрялъ турецкаго главнокомандующаго. Визирь охотно на это согласился и просилъ Байрактара привести съ собою 4000 челов., такъ какъ въ Адріанополѣ находилось до 4000 янычаръ. Оставивъ, вмѣсто себя, командовать войсками на Дунаѣ, друга своего Манукъ-бея, строжайше приказавъ ему ничего не предпринимать противъ русскихъ—Мустафа Байрактаръ, съ 4000 своихъ отборныхъ и вполнѣ преданныхъ ему войскъ, выступилъ, въ началѣ іюня, изъ Рущука въ Адріанополь. За нимъ слѣдовалъ еще 12000 корпусъ резервныхъ войскъ, о которыхъ онъ ничего не сказалъ визирю. Прибывъ въ Адріанополь, Мустафа расквартировалъ свои войска по окрестнымъ селеніямъ, оставивъ при себѣ только 1000 чел., въ видѣ свиты, съ которою и въѣхалъ въ городъ. Визирь, чуждый всякихъ подозрѣній, встрѣтилъ Мустафу съ пушечною пальбою.

Между тѣмъ, хитрый Мустафа-Байрактаръ вездѣ разослалъ агентовъ, привлекавшихъ на его сторону всѣхъ, недовольныхъ новымъ султаномъ и произволомъ янычаръ, которымъ онъ покровительствовалъ. Такихъ недовольныхъ оказалось очень много, такъ что армія Мустафы увеличивалась съ каждымъ днемъ. Сдѣланы были всѣ приготовленія къ дальнѣйшему походу въ Константинополь, собраны запасы продовольствія и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мустафа-Байрактаръ отправилъ въ Константинополь богатые подарки Муфти и Кабиджи-Оглу, стоявшему во главѣ революціи 1807 г., послѣ

которой новый султанъ назначилъ его главнымъ начальникомъ всѣхъ укрѣпленій по Босфору и Мраморному морю. Одаривъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, и увѣривъ ихъ въ самыхъ дружескихъ чувствахъ, хитрый Байрактаръ, приказалъ ночью поставить свои караулы, у всѣхъ выѣздовъ изъ Адріанополя, съ тѣмъ, чтобы никого не выпускать оттуда. Узнавъ объ этомъ, министры Порты, находившіеся, какъ сказано, при визирѣ, были поражены страхомъ, думая, что дѣло идетъ о головѣ визиря и объ ихъ собственномъ существованіи.

Но Мустафа-Байрактаръ, явившись передъ ними, сказалъ имъ: «миръ съ Россіей не требуетъ болѣе присутствія арміи на Дунаѣ и у подножій Балкановъ. Знамя Пророка (бывшее въ Адріанополѣ) оказывается, поэтому, какъ бы изгнаннымъ изъ столицы. Отнесите же его сами въ его священное помѣщеніе, во дворецъ султана. Я пойду за вами, въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы помочь вамъ въ случаѣ, если предъ вами закроются врата Стамбула. Я вступлю вслѣдъ за вами въ столицу, но останусь въ ней только на короткое время, для обузданія подлыхъ ямаковъ (артиллерійская прислуга въ фортахъ), всѣхъ насъ позорящихъ, и для утвержденія принадлежащей вамъ власти» [1]).

Визирь и министры рѣшились вести армію въ Константинополь, не увѣдомляя о томъ султана, чтобы не вызвать сопротивленія со стороны его приближенныхъ, имѣвшихъ всю власть въ своихъ рукахъ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ концѣ котораго арміи визиря и Мустафы Байрактара подошли къ столицѣ.

Незадолго до выступленія этихъ армій изъ Адріанополя, произошло обстоятельство, которое могло разрушить весь планъ Мустафы паши, основанный на увѣренности, что русскіе не начнутъ военныхъ дѣйствій на

[1]) Lamartine, 8 vol, 169 p.

Дунаѣ. Мустафа паша сохранялъ глубочайшую тайну, какъ о своемъ движеніи къ Адріанополю, такъ и о цѣли его. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что 25 іюня, Виддинскій паша напалъ на три пограничныя сербскія деревни, ограбилъ ихъ, женщинъ взялъ въ плѣнъ, а всѣхъ мущинъ предалъ смерти. Хотя, впослѣдствіи, оказалось, что ничего подобнаго не было, и что сербы сами ограбили пограничныя турецкія деревни, но въ данную минуту вопросъ принималъ значеніе того, что турки нарушили условленное перемиріе.

По поводу извѣстія о вторженіи Виддинскаго паши въ предѣлы Сербіи, кн. Прозоровскій распорядился, чтобы при повтореніи подобнаго вторженія, сербы отражали силу силою, но чтобы сами не вступали въ предѣлы Турціи, пока не объяснится: былъ ли то простой разбойничій набѣгъ, или же турки дѣйствительно прервали перемиріе. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Прозоровскій писалъ 8 іюня Мустафѣ пашѣ: «мое удивленіе было тѣмъ болѣе велико, что я объявилъ г. Богосу—Себастіани о моемъ намѣреніи, со всею строгостію соблюдать перемиріе, но съ условіемъ, чтобы оно распространялось и на сербовъ».

Поэтому кн. Прозоровскій требовалъ возвращенія взятыхъ въ плѣнъ сербовъ, оставшихся въ живыхъ, равно какъ и ихъ имущества, и категорическаго объясненія, какъ слѣдуетъ понимать возобновленіе враждебныхъ противъ сербовъ дѣйствій; простою ли случайностію или прекращеніемъ перемирія?

Предоставивъ Манукъ-бею уладить это дѣло съ русскимъ главнокомандующимъ, Мустафа Байрактаръ рѣшился не медлить выступленіемъ изъ Адріанополя, причемъ писалъ оттуда, въ началѣ іюля, Манукъ-бею:

«Выступилъ я изъ Адріанополя съ 35.000 моего войска. Труды мои, кажется, не тщетны, и помощію товарищей моихъ, визиря Али-паши и прочихъ союзниковъ,

достигну до цѣли моей, возстановить на престолѣ бывшаго нашего Султана Селима. Въ сіе самое время, когда вы читаете мое письмо, Селимъ или уже не существуетъ на свѣтѣ или снова вкушаетъ сладость престола. Надѣйтесь, однако, болѣе на послѣднее, потому что войска мои, какъ равно и союзниковъ моихъ, простирающіяся до 80.000 чел., заставятъ непріятелей Селима покориться» [1]).

Мустафа Байрактаръ задумалъ свой планъ и выполнилъ его чрезвычайно искусно. Ни онъ, ни его посланные къ визирю и въ Константинополь, ни разу не произнесли даже имени сверженнаго султана Селима, котораго Байрактаръ хотѣлъ снова возвести на престолъ, и для котораго и предпринялъ походъ въ Константинополь.

Имѣя въ виду произвести переворотъ, съ наименьшимъ для себя рискомъ, онъ, прежде всего, рѣшился уничтожить извѣстнаго Кабиджи-пашу, находившагося въ своемъ замкѣ Фанараки, на берегу Босфора, какъ единственнаго энергическаго человѣка, изъ числа приближенныхъ Султана.

Надѣялись, что со смертью Кабиджи-паши, съ назначеніемъ на его мѣсто другого, всѣ укрѣпленія на Босфорѣ, которыхъ онъ былъ начальникомъ, перейдутъ во власть визиря и Мустафы Байрактара.

Послѣдній, избралъ для осуществленія этого плана, до фанатизма преданнаго ему и отважнаго албанца, Гаджи-Али, которому визирь далъ разрѣшеніе убить Кабиджи-пашу и занять его должность. Съ своей стороны, Мустафа-паша далъ ему конвой изъ 100 чел. отборныхъ храбрецовъ, сознававшихъ трудность предстоявшаго имъ дѣла, но готовыхъ на все.

---

[1]) Донесеніе барона Бервица князю Прозоровскому 10 іюля 1808. М. И. Д.

Соблюдая строжайшую осторожность, двигать только ночью, самыми непроходимыми для другихъ тропинками Балкановъ, Гаджи-Али подошелъ ночью къ замку Фанараки, и сталъ скрытно за холмомъ, покрытымъ лѣсомъ. Когда всѣ въ замкѣ уснули, Гаджи-Али, взялъ съ собою четырехъ человѣкъ и, тщательно прикрывъ оружіе, подошелъ къ воротамъ замка и постучался. На вопросъ — «зачѣмъ?» — онъ отвѣчалъ что присланъ къ пашѣ изъ Константинополя по дѣлу, нетерпящему отлагательства. Открывшій ворота былъ мгновенно убитъ кинжаломъ. Войдя въ замокъ и убивъ по дорогѣ еще нѣсколькихъ слугъ, Гаджи-Али нашелъ Кабиджи-пашу въ постелѣ, въ своемъ гаремѣ, и со словомъ: «умри убійца и искупи свои убійства» вонзилъ ему кинжалъ въ горло.

Отрубивъ ему голову иославъ ее Мустафѣ Байрактару, въ доказательство исполненнаго порученія, Гаджи-Али, когда разсвѣло, одинъ въѣхалъ верхомъ во дворъ ближайшаго укрѣпленія, занятаго ямаками, созвалъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ, и прочелъ имъ визирскій фирманъ о своемъ назначеніи на мѣсто ихъ бывшаго начальника Кабиджи-паши, преданнаго смерти за измѣну.

Гарнизонъ былъ уже готовъ признать новаго начальника. Но въ это толпа женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ, вбѣжали на дворъ форта и съ ужасными воплями обратилась къ солдатамъ съ просьбою защиты и мщеніи румелійскимъ разбойникамъ, шайка которыхъ, человѣкъ во сто, спустилась съ горъ, заняла замокъ Фанараки, убила Кабиджи-пашу и его вѣрныхъ слугъ, бывшихъ ихъ мужьями и отцами несчастныхъ сиротъ. Эти жалобы произвели впечатлѣніе на солдатъ. Тогда другъ погибшаго Кабиджи-паши, Солиманъ ага, обратился ко всѣмъ съ рѣчью: «Янычары, будьте осторожны, васъ обманываютъ, сказалъ онъ, показывая на Гаджи-Али. Этотъ человѣкъ и его сообщники, не больше какъ подлые

убійцы. Ихъ нужно казнить и показать Байрактару, какъ вѣрные мусульмане поступаютъ съ его преступными сообщниками» [1]).

Солдаты бросились за оружіемъ, а Гаджи-Али вскочилъ на свою лошадь и едва успѣлъ ускакать къ своему отряду въ Фанараки, приведя немедленно замокъ къ оборонѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, приблизились къ замку янычары и открыли по немъ огонь, на который Гаджи-Али отвѣчалъ энергически. Янычары подожгли замокъ, деревянныя стѣны котораго воспламенились легко. Тогда Гаджи-Али, съ оставшимися у него въ живыхъ 80 чел., пробился чрезъ толпу янычаръ и засѣлъ въ находившейся по близости каменной башнѣ, рѣшившись отчаянно оборонять ее. Янычары подвезли пушки и трое сутокъ безпрестанно, днемъ и ночью, бомбардировали башню, но безъ успѣха.

Между тѣмъ, армія Байрактара уже подходила къ Константинополю и освободила отважнаго Гаджи-Али и его сподвижниковъ.

Въ столицѣ Порты, со смертію Кабиджи-паши, не нашлось ни одного человѣка, способнаго подать Султану разумный совѣтъ и принять мѣры, соотвѣтствующія обстоятельствамъ.

Небольшой отрядъ Гаджи-Али сочли за шайку румелійскихъ разбойниковъ, а о прибытіи армій верховнаго визиря и Мустафы Байрактара узнали уже тогда, когда онѣ расположились у воротъ столицы.

Получивъ извѣстіе о прибытіи арміи визиря и Мустафы паши къ Константинополю, со всѣми министрами, которые были при визирѣ, и вмѣстѣ съ нимъ находились теперь въ его лагерѣ—Султанъ не зналъ что подумать, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о причинахъ, вызвавшихъ такой поступокъ визиря.

[1]) Lamartine. 8. vol. 176. p.

Но вскорѣ къ Султану прибылъ посланный визиремъ Рейсъ-Эфенди, который объяснилъ, что «цѣль прибытія къ Константинополю арміи визиря и Мустафы Байрактара состоитъ въ томъ, чтобы положить конецъ своеволіямъ янычаръ, которые угнетаютъ жителей столицы и противятся самому Султану; что Султанъ можетъ вполнѣ положиться на вѣрность и преданность прибывшихъ войскъ, но что для этого необходимо, упразднить янычаръ и наказать ихъ начальниковъ“ [1]).

Султанъ, ожидавшій гораздо худшаго, успокоился этимъ заявленіемъ, и поспѣшилъ казнить, большую часть янычарскихъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ противъ Гаджи-Али. Затѣмъ, желая видѣть санджакъ-шерифъ (священное знамя), онъ прибылъ въ лагерь Мустафы Байрактара, которому оказалъ много милостей, и который, въ свою очередь, выразилъ ему всѣ знаки безпредѣльной преданности.

А, между тѣмъ, Байрактаръ все уже подготовилъ для сверженія съ престола Султана Мустафы, разославъ во всѣ стороны, и въ самый Константинополь, своихъ агентовъ, подговаривавшихъ народъ провозгласить сверженнаго Селима III, и сошелся съ капитанъ-пашею, подъ начальствомъ котораго состоялъ флотъ, стоявшій въ Босфорѣ. Только визирь все еще не зналъ настоящихъ намѣреній Байрактара, который готовился теперь вступить съ арміей въ самый Константинополь и занять сераль.

16 іюля, узнавъ что Султанъ Мустафа, ничего теперь не опасавшійся, отправился на цѣлый день въ свой любимый кіоскъ Гюэкъ-суэ, расположенный на азіатскомъ берегу Босфора, Мустафа паша, во главѣ 15.000 чел. вступилъ въ столицу и направился къ сералю, подъ предлогомъ внести туда санджакъ-шерифъ, такъ

[1]) Alix. Precis de l'histoire de l'Empire Ottoman. III v. 325 p.

какъ, будто-бы, война съ Россіей уже кончилась миромъ, очень выгоднымъ для Порты. Народъ встрѣчалъ войска Байрактара съ восторгомъ, какъ побѣдителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Байрактаръ отправилъ къ визирю, занимавшему свой замокъ въ столицѣ, приглашеніе, немедленно прибыть въ лагерь, такъ какъ въ войскахъ готовится возмущеніе. Визирь, дѣйствительно, вскорѣ прибылъ въ лагерь Байрактара, который только теперь объявилъ ему, что дѣло идетъ о сверженіи съ престола Мустафы и возвращеніи власти Селиму III. Визирь пришелъ въ недоумѣніе и видимо колебался. Но это не смутило отважнаго Байрактара. Сорвавъ собственноручно съ визиря печать, какъ знакъ его званія, Мустафа Байрактаръ продолжалъ движеніе къ сералю, имѣя во главѣ распущенное знамя Пророка. Янычары, занимавшіе посты въ сералѣ, отдали честь знамени; войска Байрактара вступили на первый дворъ сераля и готовились уже вступить во второй, на которомъ помѣщались всѣ служащіе въ сералѣ, — какъ желѣзныя ворота этого двора были заперты, по приказанію начальника эвнуховъ, который, скрываясь за стѣною, спросилъ Байрактара, что ему нужно? — «Открой ворота, требовалъ тотъ. Я иду во главѣ моихъ храбрыхъ войскъ, чтобы отнести въ сераль санджакъ-шерифъ". Ему отвѣчали что не отворятъ воротъ, пока не получатъ приказанія отъ Султана Мустафы. — „Нѣтъ болѣе Султана Мустафы, грозно отвѣчалъ Байрактаръ. Теперь къ Султану Селиму, подлый рабъ, ты долженъ обращаться. Мы пришли вырвать его изъ рукъ его враговъ, и возвести на тронъ его предковъ». Уступая этимъ словамъ и угрозѣ разбить ворота артиллерійскими орудіями, защитники сераля, не смотря на сопротивленіе ихъ начальника, готовились открыть ворота, когда прибылъ въ сераль султанъ Мустафа. Какъ только войска Байрактара приблизились къ сералю, мать султана, опасаясь за судьбу

своего сына, тайно отправила къ нему гонца и увѣдомила его объ опасности. Переодѣтый въ штатское платье, султанъ, на простой рыбачьей лодкѣ, поспѣшилъ возвратиться въ сераль, который, по оплошности, не былъ обставленъ стражей Байрактара. Муфти, посовѣтовалъ султану, не теряя времени, умертвить Селима и Махмуда, втораго брата султана, какъ единственныхъ членовъ царствующаго рода. Со смертію ихъ, жизнь и права царствующаго султана будутъ обезпечены, такъ какъ некого болѣе избрать султаномъ. Тотчасъ-же было приказано Кизляръ-агѣ, начальнику черныхъ эвнуховъ, удушить Селима и Махмуда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, султанъ приказалъ передать Байрактару, что покоряется своей участи, просилъ не дѣйствовать оружіемъ и сказалъ, что Селимъ скоро явится самъ передъ войсками Байрактара, требующими возвращенія ему престола. Байрактаръ успокоился и считалъ дѣло оконченнымъ.

Во время этихъ переговоровъ, Селимъ, ничего не зная о случившемся, совершалъ обычную молитву и лежалъ, ницъ, на коврѣ. Вошедшіе 10 эвнуховъ поспѣшно накинули ему шнурокъ на шею. Обладая громадною силою, Селимъ всталъ на ноги, и ударомъ кулака сбивалъ съ ногъ каждаго кто къ нему приближался. На крикъ его сбѣжались служители, но убійцы дѣйствовали противъ нихъ кинжалами. Селимъ, вскорѣ, лишился чувствъ и былъ удушенъ. Тогда султанъ послалъ сказать Байрактару, чтобы онъ пришелъ на свиданіе съ Селимомъ, трупъ котораго приказалъ положить у своихъ ногъ [1]).

Увидя трупъ своего благодѣтеля, Байрактаръ зарыдалъ и воскликнулъ: «несчастный! что я надѣлалъ. Я, самый вѣрный изъ твоихъ слугъ, былъ причиною твоей смерти. Неужели такая участь была предназначена тебѣ,

---

[1]) Alix. v. III, p. 137—322.

за твои добродѣтели» [1]).—«Не время плакать теперь, сказалъ ему капитанъ паша. Не слезъ, а мщенія требуетъ теперь Селимъ. Не дозволимъ кровожадному тирану воспользоваться преступнымъ убійствомъ своего брата» [2]).

— «Арестовать султана Мустафу, приказалъ Байрактаръ. Сейчасъ-же казнить всѣхъ, совершившихъ убійство Селима, и провозгласить Махмуда султаномъ». Махмудъ, который спасся отъ смерти только тѣмъ, что успѣлъ во время спрятаться подъ столъ, до полу покрытый скатертью, вступилъ на престолъ. Байрактаръ пожалованъ визиремъ. Бывшій-же визирь и Муфти были утоплены. Кизляръ-ага и его десять эвнуховъ лишились головы.

Совершивъ переворотъ въ Константинополѣ и зная что султанъ Махмудъ не рѣшится ознаменовать свое вступленіе на престолъ заключеніемъ постыднаго для Турціи мира, съ уступкою Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, Мустафа паша только теперь отвѣчалъ кн. Прозоровскому на его письмо, что по условіямъ слободзейскаго договора перемиріе распространяется на сербовъ, только, въ окрестностяхъ Виддина и Фетислама (Кладово). Что-же касается до другихъ таатровъ войны съ Сербіей, то Турція считаетъ себя въ правѣ начать тамъ военныя дѣйствія, не смотря на ходъ парижскихъ переговоровъ.

Въ отвѣтъ на это письмо, кн. Прозоровскій указалъ на «непринятіе Государемъ Императоромъ перемирія, въ Слободзеѣ заключеннаго, и признаніе его вовсе не существующимъ» и затѣмъ на неоднократныя обѣщанія Порты, въ оставленіи въ покоѣ всѣхъ сербовъ, безъ изъятія, до окончательнаго заключенія мира.

---

[1]) Колласъ.
[2]) Alix.

Поэтому кн. Прозоровскій требовалъ *яснаго* и *точнаго* объясненія, иначе онъ будетъ въ необходимости заключить, что Порта не расположена соблюдать далѣе прекращенія военныхъ дѣйствій и данныхъ ею формальныхъ обѣщаній [1]).

Хотя нападеніе виддинскихъ турокъ на сербскую территорію, какъ оказалось впослѣдствіи, было вымышлено и набѣги производились сербскимъ-же воеводою Велько, который первымъ перешелъ для разграбленія турецкихъ деревень, чрезъ турецкую границу; тѣмъ не менѣе отвѣтъ Мустафы паши показывалъ, что Турція не намѣрена стѣсняться относительно Сербіи.

Іюльская революція въ Константинополѣ показала, съ одной стороны, слабость всей государственной системы Порты, гдѣ всякій начальникъ отряда, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, можетъ разрушать и воздвигать новые престолы; съ другой, она выдвигала на первый планъ Мустафу пашу, извѣстнаго своею ненавистью ко всему французскому. Теперь можно было съ увѣренностію сказать, что ослабленное уже вліяніе Франціи окончательно будетъ уничтожено въ диванѣ и что начнется стремленіе Турціи замириться съ Англіей и сблизиться съ Австріей противъ Франціи, подобно тому какъ Мустафа паша предлагалъ уже союзъ Турціи съ Россіей противъ Наполеона. Но такъ какъ кн. Прозоровскій объявилъ, что подобный союзъ, въ настоящее время, не возможенъ, то нужно было ожидать скораго возобновленія военныхъ дѣйствій.

Получены были вѣрныя извѣстія, что новый визирь Мустафа паша, требованіе границы по Дунай сочтетъ за объявленіе войны. Поэтому кн. Прозоровскій находилъ необходимымъ прервать въ августѣ мѣсяцѣ перемиріе и начать военныя дѣйствія съ Портой [2]).

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorovsky 1808 г. № 267.

[2]) Prosorovsky 1808 г. № 272. Гл. Арх. М. И. Д.

Начать военныя дѣйствія было необходимо, чтобы воспользоваться внутренними волненіями въ Турціи.

Хотя визирь Мустафа паша и овладѣлъ властью, предавъ смерти многихъ своихъ противниковъ и сторонниковъ Франціи, тѣмъ не менѣе, онъ самъ находился въ критическомъ положеніи, возбудивъ противъ себя множество враговъ. Какія предстояли новыя событія въ Константинополѣ было неизвѣстно; во всякомъ случаѣ они могли только служить къ ослабленію Турціи.

А между тѣмъ, стало извѣстно, что французскій повѣренный въ Константинополѣ, Латуръ Мобургъ, высказывалъ публично свое убѣжденіе, что ежели Россія будетъ настаивать на присоединеніи Молдавіи и Валахіи, то Франція объявитъ ей войну [1]).

Агенты наши, бывшіе въ Рущукѣ, имѣли случай узнать, что въ концѣ іюля прибылъ туда изъ Константинополя курьеръ съ извѣстіемъ, что Франція въ самомъ непродолжительномъ времени, обѣщала Турціи свою помощь; при чемъ имѣлся въ виду такой планъ: турки перейдутъ Дунай и откроютъ наступленіе съ фронта; въ то же время французская армія перейдетъ Днѣстръ и ударитъ намъ въ тылъ; по истребленіи же русской арміи, французская армія соединится съ турецкою и вступитъ въ предѣлы Россіи для ея покоренія [2]).

Въ то-же время получено было извѣстіе, что Мустафа паша отправляетъ армію оъ 30.000 челов. къ Виддину при 16 пашахъ, чтобы начать дѣйствія въ Сербіи [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Мустафа паша издалъ фирмалъ, въ силу котораго всѣ, начиная съ 20-лѣтняго возраста, должны прибыть къ арміи, угрожая смертью

---

[1]) Донесеніе барона Бервица 28 іюля 1808 г. Гл. Арх. М. И. Д. Prosorovsky 1808 г. № 272.

[2]) Тоже отъ 1 августа 1808 г.

[3]) Lettre de M-r Kirico au Prosorovsky 3 aout. 1808.

всѣмъ уклоняющимся отъ службы. Необыкновенная строгость и даже жестокость Мустафы паши, предававшаго смерти каждаго, не исполнявшаго его приказаній, породила много враговъ противу него, даже въ войскахъ, такъ какъ за разбой и грабежъ виновные предавались смерти, а грабителей было не мало; множество лицъ было отправлено въ ссылку.

Сознавая опасность своего положенія въ Константинополѣ, Мустафа паша былъ постоянно окруженъ своей стражей и торопился отправиться къ войскамъ, чтобы начать военныя дѣйствія.

Но новый султанъ Махмудъ удерживалъ его, говоря публично: «вдали отъ вашей тѣни, безъ вашей опоры и указаній, я не въ силахъ ни царствовать, ни удержаться на тронѣ, на который вы возвели меня [1])».

Тѣмъ не менѣе, Мустафа паша энергично подготовлялъ армію къ походу, и къ августу расчитывалъ уже имѣть до 30.000 челов., при чемъ былъ выработанъ и планъ дѣйствій. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего ударить на Сербію, въ расчетѣ привлечь въ ту сторону значительныя силы русскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ главная армія, перейдя Дунай, двинется къ Бухаресту, съ четырехъ сторонъ— отъ Калараша, Видина, Журжи и Браилова.

Порта получила новыя надежды и Латуръ Мобургъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы придать Турціи болѣе энергіи. Онъ, отъ имени Наполеона, убѣждалъ турецкій диванъ не заключать мира съ Россіей,—«знайте, сказалъ онъ, что въ случаѣ мира съ Россіей, ваши границы будутъ заняты французскими войсками, которыя замѣнятъ русскихъ, такъ какъ Императоръ Наполеонъ никогда не оставлялъ своей мысли о возстановленіи польскаго королевства. Если онъ и отказался отъ нея въ

[1]) Тоже.

Тильзитѣ, то только потому, что того требовали обстоятельства» [1]).

Хотя Турція энергически готовилась къ возобновленію войны съ Россіей, но событія въ Константинополѣ заставляли ожидать новой развязки. Мустафа паша взялся за старое дѣло преобразованія янычаръ, и уничтожилъ многія изъ ихъ привилегій.

Янычары поклялись не покоряться. Къ тому же, у Мустафы паши были и очень вліятельные враги, какъ напримѣръ Капитанъ паша, хотѣвшій самъ возвести на престолъ нынѣшняго султана Махмуда. На дѣлѣ же вышло такъ, что Махмудъ былъ провозглашенъ Мустафой Байрактаромъ, а Капитанъ паша оказался на второмъ планѣ.

11 августа Махмудъ исполнилъ обрядъ коронованія. Но столица Порты все еще волновалась и султанъ не отпускалъ отъ себя Мустафу пашу.

Между тѣмъ, наступила уже осень, когда турецкая армія не распускается, но разбѣгается по квартирамъ; причемъ, какъ писалъ кн. Прозоровскій къ гр. Румянцеву «никакое наказаніе, даже опасеніе смертной казни ихъ отъ того удержать не могутъ».

Этимъ только и объясняется почему визирь Мустафа паша, такъ долго не отвѣчавшій кн. Прозоровскому на его рѣшительный запросъ, намѣрена ли будетъ Турція сохранять перемиріе нарушенное ею, относительно сербовъ? — Отвѣчалъ, только теперь, отъ 12 августа ст. стиля.

Въ письмѣ этомъ Мустафа паша говоритъ, по словамъ кн. Прозоровскаго — «только пустыя слова безъ матеріи. Изъ чего и заключаю я,—пишетъ онъ отъ 27 августа къ гр. Румянцеву,—что турки всемѣрно хотятъ отклонить меня отъ начатія военныхъ дѣйствій. Желаніе

---

[1]) Донесеніе Бервица, августа 1808 г. Prosorowsky 1808 И. М. Д.

ихъ состоитъ въ томъ, чтобы продолжить перемиріе до весны; а тогда собравши войска, предпріять нападеніе на насъ; и сверхъ того надлежитъ ожидать союза между Портою и Англіею, на что Порта также основываетъ свою надежду».

Поэтому было вполнѣ ясно, что слѣдуетъ воспользоваться неспособностію турокъ начать военныя дѣйствія весною, и въ это именно время открыть ихъ съ нашей стороны. Но это значило пресѣчь парижскіе переговоры, что было бы непріятно для Наполеона. Поэтому кн. Прозоровскій, чтобы устранить поводъ къ нареканію противъ Россіи за прерваніе перемирія, прибѣгнулъ къ другому средству.

Онъ написалъ Мустафѣ пашѣ рѣзкое письмо. «Доселѣ не говорилъ я съ нимъ съ такою твердостію и рѣшительностію,—писалъ онъ гр. Румянцеву:—поелику и мнѣ нужна была свобода для приведенія войскъ въ надлежащую исправность. Зная же надменный, суровый и вспыльчивый нравъ визиря Мустафы паши, я съ умысломъ писалъ къ нему въ такомъ вкусѣ, имѣя надежду, что онъ, послѣ моего письма прерветъ перемиріе».

Въ письмѣ кн. Прозоровскаго къ визирю было сказано: «Скажу откровенно, что я не зналъ, къ чему отнести причину столь долгаго молчанія по дѣлу имѣющему государственную важность. Что касается до меня, то я спѣшу отвѣтомъ на Ваше письмо.

«Въ вашемъ письмѣ нѣтъ ничего важнаго, касающагося государственныхъ дѣлъ. Но вы полагаете, что нашъ Высочайшій Дворъ ставитъ препятствія для заключенія окончательнаго мира между обѣими Имперіями.

«Порта первою подала поводъ къ войнѣ, и потому, по всей справедливости, Россія имѣетъ право на вознагражденіе расходовъ войны. Е. В. мой Императоръ не можетъ поэтому, никакимъ образомъ, согласиться на

заключеніе мира, несоотвѣтствующаго достоинству и чести Его Имперіи.

«Ваше Сіятельство дали мнѣ понять, что Порта Оттоманская не уступитъ ни пяди своей земли; слѣдовательно она полагаетъ, что война снова должна возгорѣться».

Переходя потомъ къ вопросу о перемиріи, кн. Прозоровскій указываетъ на то, что хотя слободзейское перемиріе и было отвергнуто Императоромъ Александромъ, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ начались переговоры въ Парижѣ, то было обѣщано словесно, не начинать никакихъ военныхъ дѣйствій, пока будутъ длиться парижскіе переговоры.

Это распространялось и на сербовъ, которыхъ турки обѣщали оставить въ покоѣ. «Я совѣтовалъ вамъ поступить такимъ же образомъ, выставляя на видъ что и для васъ будетъ выгоднѣе, ничего не предпринимать противъ сербовъ, такъ какъ по заключеніи мира, сербскія дѣла будутъ устроены полюбовно и приведены въ порядокъ. Но изъ содержанія письма вашей свѣтлости я вижу, что вы иначе смотрите на этотъ дружескій и полезный совѣтъ, который я вамъ далъ; равнымъ образомъ, изъ полученныхъ мною донесеній я знаю положительно, что въ Виддинѣ былъ публикованъ фирманъ о нападеніи на сербовъ. Я предупреждаю в. с. что немогу смотрѣть на это равнодушно, и что считаю прекращеніе военныхъ дѣйствій болѣе не существующимъ».

Но надежды кн. Прозоровскаго побудить турокъ первыми нарушить перемиріе не оправдались. 27 сентября онъ доносилъ Императору: «употреблялъ я всѣ усилія дабы, раздражая турковъ, довести ихъ до учиненія частнаго нападенія на войска В. И. В. либо на сербовъ; но старанія сіи остались безуспѣшными. Они крѣпко остерегаются, опасаясь того, чтобъ мы за нихъ ни вступились, что самое, къ неудовольствію моему, мнѣ совершенно руки связываетъ».

Между тѣмъ, Мустафа паша дѣятельно укрѣплялъ Журжу, гдѣ было до 20.000 челов.; Браиловъ, защищаемый 10.000 челов., и Измаилъ, котораго гарнизонъ въ концѣ сентября простирался отъ 15 до 30.000 челов.

Слѣдуя совѣтамъ Себастіани, Мустафа паша рѣшился въ будущую кампанію не вступать съ русскими въ генеральныя сраженія, а вести малую партизанскую войну,— «которая, Мустафѣ, доносилъ князь Прозоровскій, какъ бывшему разбойнику, весьма нравится».

Усвоивъ этотъ планъ и зная что съ наступленіемъ осени, турецкая армія начала уже разбѣгаться, визирь Мустафа, вопреки ожиданіямъ кн. Прозоровскаго, отвѣчалъ на его письмо, не только не рѣзко, но доноситъ кн. Прозоровскій отъ 27 сентября 1808 г.,—«съ крайнимъ удивленіемъ читалъ я отвѣтъ сей, можно сказать, уничижительный и преисполненный учтивостями и даже ласкательствами, лично ко мнѣ относящимися. Удовлетворилъ даже требованію моему относительно сербовъ, оставляя ихъ подъ покровительствомъ В. И. В. неприкосновенными, до постановленія мира, что всегда было самымъ большимъ преткновеніемъ. Все сіе служитъ доказательствомъ совершенной слабости правительства Порты Оттоманской, которое, особливо въ настоящую глубокую осень, не въ состояніи собрать многочисленнаго войска» [1]).

По этому кн. Прозоровскій полагалъ необходимымъ— «объявить визирю рѣшительныя условія, безъ которыхъ В. И. В. на заключеніе мира согласиться не изволите» и затѣмъ въ мартѣ 1809 г. открыть кампанію. «Уповаю что будетъ успѣхъ. По меньшей мѣрѣ очищу лѣвый берегъ Дуная отъ турецкихъ крѣпостей и буду стараться взять Браиловъ, Измаилъ и Журжу, писалъ онъ. Я имѣю въ виду начать съ Браилова, потому что крѣпость сія

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Prozorovsky. 1808 г. № 297.

слабѣе прочихъ двухъ» .Переходить же Дунай ранѣе марта 1809 г. полагалось невозможнымъ, по отсутствію полевого корма.

Необходимость начать военныя дѣйствія противъ турокъ сознавалъ и канцлеръ гр. Румянцевъ, который писалъ по этому поводу кн. Прозоровскому, отъ 17 августа, что—«такъ какъ Мустафа Байрактаръ, свергнувъ Султана, сдѣлался визиремъ и ненавидитъ Францію, то вѣроятно сойдется съ Англіей и прекратитъ въ Парижѣ переговоры, отозвавъ оттуда турецкаго посла. Этимъ слѣдуетъ воспользоваться, или для непосредственныхъ съ Портою переговоровъ, или для начала военныхъ дѣйствій, такъ какъ наступаетъ осень, когда турки не дерутся въ полѣ».

Начать военныя дѣйствія на Дунаѣ было тѣмъ болѣе важно, что вскорѣ должно было состояться въ Эрфуртѣ свиданіе Императоровъ Александра и Наполеона, долженствовавшее рѣшить многіе вопросы европейской политики, и послужить къ разъясненію дѣйствительныхъ отношеній, существовавшихъ между Россіей и Франціей, и опредѣлить ихъ политику относительно Австріи.

Въ это время Австрія начала сильно вооружаться, что не могло не безпокоить положеніе русской арміи на Дунаѣ и, въ особенности, не могло быть пріятно Франціи, на границахъ которой Австрія сосредоточила свои войска.

$\frac{3}{15}$ августа Наполеонъ, въ день празднованія своего ангела, сказалъ Меттерниху: «Ваше вооруженіе не политично, я не могу этого спокойно сносить. Я выставлю противъ васъ женщинъ. Вы соберете 400.000 а я соберу 800.000. Если вы не разоружитесь, то война неизбѣжна, война не на животъ а на смерть. Ваши вооруженія не нравятся и въ Петербургѣ. Александръ вамъ объявитъ, чтобъ вы разоружились и вы разоружитесь. Но тогда я буду вести дѣло вмѣстѣ съ Россіей, а вы будете только смотрѣть.» Меттернихъ, такъ опи-

сываетъ этотъ эпизодъ. Окруженный многочисленною свитою, въ день своего ангела $\frac{3}{15}$ августа, Наполеонъ присутствовалъ при богослуженіи въ С. Клу. Въ полдень, дипломатическій корпусъ былъ введенъ въ пріемную залу. Я занялъ мое обычное мѣсто, имѣя по правую сторону гр. Толстого. Всѣ стояли полукругомъ, въ центрѣ котораго находился императоръ, а за нимъ вся его свита.

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ непривычнаго молчанія, Наполеонъ, съ серіознымъ видомъ, подошелъ ко мнѣ и остановился въ двухъ шагахъ. «Итакъ, г. посланникъ,— сказалъ онъ громко,—чего желаетъ вашъ Императоръ? Думаетъ ли онъ заставить меня опять побывать въ Вѣнѣ?»

Наполеонъ говорилъ съ полчаса, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, видимо желая унизить австрійскаго посла и произвести впечатленіе на присутствующихъ и затѣмъ на полуфразѣ, круто повернулся на каблукахъ и ушелъ. Въ тотъ-же день Шампаньи, отъ имени Наполеона, передалъ Меттерниху, что «императоръ не имѣетъ ничего лично противъ него, но считалъ нужнымъ говорить такимъ тономъ по адресу Австріи» [1]). Но чтобы говорить такимъ языкомъ, Наполеонъ долженъ былъ вполнѣ увѣриться въ своемъ союзникѣ, Императорѣ Александрѣ. Союзъ же этотъ становился все болѣе и болѣе сомнительнымъ, такъ какъ изъ дѣйствій Наполеона было ясно видно, что принявъ на себя посредничество въ замиреніи Россіи съ Турціей, онъ только ловко мѣшалъ дѣлу, то возбуждая надежды Турціи, то стараясь поссорить Россію съ Австріей. Безуспѣшность парижскихъ переговоровъ о мирѣ съ Портой, вынуждала Императора Александра сдѣлать попытку, вести это дѣло безъ посредства Наполеона. Расчитывая на свое личное влія-

[1]) Metternich. Mémoires. Paris 1881 VI p. 63 et. 64.

ніе на Александра, чему доказательствомъ служилъ Тильзитъ, Наполеонъ просилъ устроить новое свиданіе въ Эрфуртѣ.

Необходимость выяснить взаимныя отношенія обоихъ союзниковъ, свели ихъ въ Эрфуртѣ. 15 сентября н. ст. императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ, въ сопровожденіи в. кн. Константина Павловича, гр. Румянцева, кн. Волконскаго и государственнаго секретаря Сперанскаго, которые всѣ принадлежали къ числу самыхъ горячихъ поклонниковъ генія Наполеона. Послѣдній, въ сопровожденіи Талейрана и Шампаньи, встрѣтилъ Александра за чертою города.

Въ Эрфуртѣ должно было, по мнѣнію Наполеона, закончиться дѣло, начатое въ Тильзитѣ. Вся роскошь парижскаго двора, не исключая и представительныхъ актрисъ, должны были говорить о величіи Франціи, и поражать воображеніе слабыхъ королей, Богеміи, Виртенберга, Вестфаліи, Саксоніи и др., съѣхавшихся въ Эрфуртъ. Но Александръ былъ уже менѣе довѣрчивъ въ Эрфуртѣ, чѣмъ въ Тильзитѣ, и Наполеонъ ошибся въ немъ.

Эрфуртское свиданіе имѣло важное значеніе. Наполеонъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, поссорить Россію съ Австріей. Императоръ Александръ, напротивъ, хотѣлъ исправить натянутыя отношенія къ этому двору и съ твердостію требовалъ, неприкосновенности австрійскихъ владеній. Только на этихъ основаніяхъ Россія соглашалась не расторгать союза съ Франціей и быть на ея сторонѣ, если Австрія сама объявитъ войну Наполеону. Съ своей стороны Наполеонъ соглашался, безъ оговорокъ, на желаніе Россіи присоединить къ своимъ владѣніямъ, по замиренію съ Турціей, Молдавію и Валахію; отказался отъ всякаго посредничества въ этомъ дѣлѣ и предоставилъ Россіи полное право вести съ Портой переговоры, вполнѣ самостоятельно.

V.

Эрфуртскій договоръ и его послѣдствія. — Революція въ Константинополѣ въ ноябрѣ 1808 г. — Расположеніе турецкой арміи на зимнія квартиры въ 1808 г. — Инструкція русскимъ уполномоченнымъ для переговоровъ о мирѣ съ Турціей.

Эрфуртская конвенція, подписанная $\frac{30 \text{ сентября}}{12 \text{ октября}}$ 1808 г. состояла въ слѣдующемъ:

1) Императоръ Всероссійскій и императоръ Франціи и проч. утверждаютъ и, если окажется нужнымъ, возобновляютъ союзъ, заключенный между ними въ Тильзитѣ, обязуясь не заключать съ ихъ общимъ врагомъ отдѣльнаго мира, а также не входить съ нимъ ни въ какія сношенія и не принимать никакого съ его стороны предложенія, иначе, какъ по обоюдному соглашенію.

2) Рѣшившись остаться нераздѣльно соединенными, обѣ державы постановили назначить уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ съ Англіей, въ томъ изъ городовъ континента, который будетъ избранъ Англіей.

3) Во все время переговоровъ, ни одна изъ договаривающихся державъ, не можетъ ни настаивать, ни поддерживать, ни даже одобрять (d'appuyer, mais même d'accueiller ou d'approuver) что либо вредное для другой державы, по требованію англійскаго уполномоченнаго.

4) Основаніемъ къ договору съ Англіей служитъ l'utipossidetis (существующее владѣніе).

5) Обѣ державы обязуются считать, непремѣннымъ условіемъ мира съ Англіей, готовность ея признать за Россіей Финдяндію, Молдавію и Валахію.

6) Равнымъ образомъ, Англія должна признать новый порядокъ вещей въ Испаніи.

7) Обѣ договаривающіяся державы обязуются не вступать, за все время переговоровъ, ни въ какія сно-

шенія съ Англіей и не принимать отъ нея никакихъ предложеній, иначе какъ съ обоюднаго согласія.

8) Рѣка Дунай составляетъ границу между Россіей и Турціей. Молдавія и Валахія присоединяются къ владѣніямъ Императора Всероссійскаго. Императоръ Наполеонъ признаетъ это присоединеніе (reconnait la dite réunion), равно какъ и Дунай границею Россіи и Порты.

9) Императоръ Всероссійскій обязуется сохранить въ глубокой тайнѣ постановленныя здѣсь условія. Франція отказывается отъ посредничества между Россіей и Турціей. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ условятся, въ томъ смыслѣ, чтобы не скомпрометировать существующую между Франціей и Портой Оттоманской дружбу, дабы и подвергнуть гнѣву Турціи французскихъ подданныхъ, живущихъ въ предѣлахъ Порты.

10) Если Турція не согласится на уступку Россіи Дунайскихъ княжествъ, война между этими державами должна возобновиться. Императоръ Наполеонъ не приметъ въ ней никакого участія, и ограничится только предложеніемъ своихъ услугъ въ Константинополѣ. Но если бы Австрія, или иная держава, соединились по этому случаю съ Турціей—императоръ Наполеонъ, немедленно, вступитъ въ союзъ съ Россіей. Въ случаѣ, если Австрія объявитъ войну Франціи, Императоръ Всероссійскій начнетъ войну противъ Австріи.

11) Россія и Франція обязуются, на означенныхъ основаніяхъ, поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи, не дѣлая сами никакихъ въ этомъ смыслѣ попытокъ, и не допуская къ тому никого другаго, безъ предварительнаго на то взаимнаго соглашенія.

12) Если переговоры о мирѣ окажутся безплодными, потому-ли что Англія не приметъ сдѣланныхъ ей предложеній, или потому, что начатые переговоры прекратятся, оба императора снова съѣдутся черезъ годъ, для соглашенія, относительно употребленія всѣхъ

своихъ боевыхъ силъ, къ достиженію ихъ обоюдной цѣли.

13) Во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ во время войны съ Англіей королемъ Датскимъ, онъ долженъ быть вознагражденъ за понесенныя имъ жертвы.

14) Настоящая конвенція остается секретною, по крайней мѣрѣ въ теченіи десяти лѣтъ.

Подписано: Гр. Румянцевъ

Шампаньи [1]).

По поводу Эрфуртскаго договора гр. Румянцевъ писалъ къ кн. Прозоровскому отъ $^{3}/_{15}$ октября, чтобы, не начиная военныхъ дѣйствій, и сохраняя въ тайнѣ статьи договора, написать визирю Мустафѣ пашѣ о нашей готовности вести переговоры съ Турціей безъ посредства Франціи, какъ третьяго лица. Съ этою цѣлью кн. Прозоровскій получилъ и полномочіе для веденія переговоровъ и заключенія мира, числомъ—годомъ назадъ, т. е. 15 сентября 1807 г., съ котораго начались переговоры въ Парижѣ.

Этимъ имѣлось въ виду показать турецкимъ уполномоченнымъ, что Россія, съ своей стороны, намѣревалась вести переговоры не въ Парижѣ, а непосредственно съ Турціей. Основанія мирныхъ условій были тѣ же, которыя были даны гр. Толстому, для переговоровъ въ Парижѣ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Подтвержденіе прежнихъ, заключенныхъ съ Турціей трактатовъ и конвенцій, съ оговоркою лишь тѣхъ статей, которыя будутъ отмѣнены.

2) Присоединеніе къ Россіи—Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, съ опредѣленіемъ границъ Россіи, по лѣвый берегъ Дуная, до озеръ Бабаде и Розельмъ.

---

[1]) Гл. Арх. М. И. Д. Prosorowsky 1808, № 81.

3) Признаніе Портою за Россіей Грузіи и Имеретіи, съ границею по р. Арпачай.

4) Обезпечить спокойствіе Сербіи дозволеніемъ ей установить правленіе, желанію народа соотвѣтственное, подъ покровительствомъ Россіи [1]).

Эрфуртскимъ соглашеніемъ Россія пріобрѣтала вторично согласіе Франціи на присоединеніе Молдавіи и Валахіи. Понятно, что это соглашеніе очень не нравилось Австріи, которая видѣла въ эрфуртскомъ свиданіи угрозу, направленную противъ нея и Англіи, и приступъ къ раздѣлу Турціи, безъ ея участія.

«Я предвидѣлъ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Меттернихъ, что отъ сближенія такихъ двухъ державъ, какъ Наполеона и Александра, послѣдуетъ рядъ самыхъ странныхъ соглашеній, и императоръ Франціи хотѣлъ только разставить сѣти Императору Александру. Но Наполеонъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Продолжая думать что Александръ находится въ прежнемъ заблужденіи, онъ ошибся во времени, которое ему было нужно для окончанія революціи въ Испаніи» [2]). Но гр. Румянцевъ былъ очень доволенъ результатомъ достигнутыхъ въ Эрфуртѣ соглашеній, и при свиданіи съ Меттернихомъ сказалъ ему: «J'ai Napoleon dans ma poche, croyez-vous que je lâcherai?»—«Il prenait cette alliance au sérieux», говоритъ по этому поводу Меттернихъ, находя, что хотя гр. Румянцевъ и умный человѣкъ, но имѣетъ талантъ лишь поверхностный и попался въ сѣти Наполеона. Обольщенный любезностями со стороны императора, онъ принималъ его выходки за чистую монету» [3]).

---

[1]) № 83 отъ $\frac{4}{16}$ октября 1808 г. Веймаръ. гр. Румянцевъ къ гр. Толстому 1807—1808 г. М. И. Д.

[2]) Metternich. VI, 60.

[3]) Тоже р. 61.

«Эрфуртское свиданіе, замѣчаетъ Меттернихъ (р. 65), привело Россію и Францію къ заключенію призрачнаго союза, котораго двойная цѣль состояла лишь въ томъ, что Царь, молча, согласился на захваты дѣлаемые Наполеономъ, и на раздѣлъ Оттоманской имперіи, между обоими государями».

Однако, гр. Румянцевъ иначе опредѣляетъ значеніе эрфуртскаго свиданія и, въ особенности, по отношенію къ Австріи. Въ письмѣ отъ $^{4}/_{16}$ октября 1808 г. онъ писалъ кн. Прозоровскому, въ качествѣ личнаго свидѣтеля: «первая и главная цѣль Его Величества, при эрфуртскомъ свиданіи, была та, чтобы не допустить распространенія войны и воспрепятствовать возгорѣнію оной между Франціей и Австріей, къ чему все уже было приготовлено, и безъ великодушнаго попеченія Е. И. В. война сія была неминуема» [1]).

Вторымъ послѣдствіемъ эрфуртскаго свиданія было желаніе обоихъ императоровъ примириться съ Англіей. что было важно особенно для Наполеона, дѣла котораго въ Испаніи приняли очень невыгодный оборотъ.

Чтобы произвести коллективное воздѣйствіе на Англію, оба императора, за обоюдною подписью, отправили королю Великобританіи письмо, отъ 12 октября, съ просьбою назначить мѣсто для переговоровъ, для веденія которыхъ уполномоченные Россіи и Англіи будутъ ожидать отвѣта въ Парижѣ. — «Много измѣненій произошло въ Европѣ, говорится въ этомъ письмѣ. Много государствъ потрясено (boulevrsés). Еще большія измѣненія могутъ произойти и, къ тому же, противно интересамъ англійскаго народа. Мы соединились, чтобы просить В. В. внять голосу человѣколюбія, заставивъ замолчать голосъ страстей. Съ нашей стороны; для веденія переговоровъ былъ назначенъ министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Ру-

[1]) Prosorovsky 1808. М. И. Д.

мянцевъ, во время отсутствія котораго, веденіе иностранныхъ дѣлъ было поручено товарищу гр. Румянцева—гр. Салтыкову.

Гр. Румянцевъ прибылъ въ Парижъ 14 октября, почти наканунѣ отъѣзда Наполеона въ Испанію, куда онъ отправился 17 числа, выѣхавъ въ Байону. «Я не могу довольно нахвалиться, писалъ гр. Румянцевъ кн. Прозоровскому отъ $^{5}/_{17}$ ноября, какъ пріемомъ Государя сего (Наполеона) и всей его фамиліи, такъ и вообще безчисленными ласками и уваженіемъ, каковыя со всѣхъ сторонъ мнѣ здѣсь оказываются» [1]).

Что касается до переговоровъ съ Англіей, то на предложенія ей сдѣланныя, министръ ея Канингъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, имѣя въ виду посовѣтоваться съ своими союзниками—Швеціей, и новымъ правительствомъ испанскимъ. Отвѣтъ этотъ полученъ въ Парижѣ 19 октября, т. е. спустя два дня по отъѣздѣ Наполеона. Затѣмъ, отъ 28 октября, Канингъ заявлялъ, что Король Великобританіи, принимая сдѣланное ему предложеніе о мирѣ, убѣжденъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется въ виду принять во вниманіе интересы Швеціи, какъ союзника Англіи, и предоставить ей при переговорахъ голосъ, также какъ и представителю Испаніи, отъ имени Фердинанда VII-го. Гр. Румянцевъ отвѣчалъ на это готовностію, предоставить голосъ Швеціи при переговорахъ съ Англіей. Но это не можетъ быть допущено относительно испанскихъ инсургентовъ, такъ какъ Россія признала уже Іосифа Банапарта королемъ Испаніи. Въ томъ же духѣ отвѣчалъ Канингу и Шампаньи, говоря,—«что бы сказала Англія, если бы Франція потребовала голоса для ея ирландскихъ инсургентовъ? Англіи пора понять изъ прошлаго, что она безсильна на континентѣ,

---

[1]) Арх. М. И. Д. Prosorovsky 1808.

особенно теперь, когда Франція состоитъ въ союзѣ съ Россіей.

Письмо Шампаньи къ Канингу задѣло національную гордость англичанъ. Всего-же болѣе возмущало Канинга то, что Россія оказалась вполнѣ солидарной съ Франціей.

Въ письмѣ отъ 9 декабря 1808 г. къ гр. Румянцеву, Канингъ высказываетъ удивленіе по поводу—«ожиданія Россіи и Франціи, что Англія можетъ согласиться начать мирные переговоры, оставивъ безъ вниманія интересы Испаніи и ея законнаго Государя, въ пользу безпримѣрной въ исторіи узурпаціи. Англія не можетъ понять, какой интересъ, какіе принципы политическіе могли побудить Е. Величество признать право Франціи низвергать съ престола и сажать въ тюрьму дружественныхъ ей государей, и принуждать къ покорности ей націи, пользующіяся независимостію. Если въ этомъ дѣйствительно состоятъ теперь принципы Императора Всероссійскаго, принципы, которымъ онъ пожертвовалъ достоинствомъ и благосостояніемъ своей Имперіи, и для которыхъ онъ вступилъ въ союзъ съ Франціей, съ цѣлью установить ихъ войною и поддерживать во время мира, то страданія Европы еще долго продолжатся» [1]).

Изъ этого письма гр. Румянцевъ пришелъ къ заключенію, что на успѣхъ переговоровъ съ Англіей расчитывать трудно, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ одерживалъ побѣды въ Испаніи, что еще болѣе побуждало Англію вредить ему всѣми средствами.

Для Россіи эрфуртское соглашеніе имѣло тотъ непосредственный результатъ, что давало ей возможность вступить въ прямыя сношенія съ Турціей; выяснить ея готовность приступить къ мирнымъ условіямъ или, въ противномъ случаѣ, начать противъ нея военныя дѣйствія.

---

[1]) Prosorowsky 1808 г. М. И. Д.

Съ другой стороны, выяснились и отношенія Россіи къ Австріи, готовившейся начать войну съ Наполеономъ.

«Не предпринимайте ничего, говорилъ въ Парижѣ гр. Румянцевъ Меттерниху—вы поставите Россію въ затрудненіе».

Дѣйствительно, что оставалось дѣлать Россіи противъ Австріи, если она начнетъ войну съ Наполеономъ, союзникомъ Александра, когда сознавалось, что этотъ союзникъ подготовляетъ для Россіи страшный ударъ въ недалекомъ будущемъ?

Оставалось поступить такъ, какъ сказалъ Императоръ Александръ Шварценбергу: «Я даю великое доказательство довѣрія, обѣщая вамъ, что сдѣлано будетъ все, человѣчески возможное, чтобы не нанести вамъ ударовъ съ нашей стороны. Мое положеніе такъ странно, что хотя мы стоимъ съ вами на противуположныхъ линіяхъ, однако, я не могу не желать вамъ успѣха» [1]).

Еще до эрфуртскаго свиданія, Императоръ Александръ, видя безуспѣшный ходъ парижскихъ переговоровъ съ турецкимъ посланникомъ, остановился на мысли, что въ виду внутреннихъ замѣшательствъ Турціи—«безъ пролитія крови, одними переговорами только, прямо съ Портою веденными, и безъ посредничества Наполеонова, можемъ мы достигнуть цѣли нашей—пріобрѣсти Молдавію и Валахію» [2]).

Поэтому, кн. Прозоровскому поручалось снестись съ Мустафа Байрактаромъ рущукскимъ, съ которымъ онъ былъ въ частой перепискѣ, и сказалъ отъ себя, что—«Россія не имѣетъ причинъ отринуть посредничество Наполеона, и не находитъ въ томъ для себя собственно никакого неудобства, видя, во всякомъ случаѣ, опыты дружбы его къ Императору Александру; но ежели Порта

---

[1]) Имп. Александръ I, С. Соловьевъ, 1877 г. стр. 190.

[2]) Гр. Румянцевъ къ кн. Прозоровскому отъ 15 мая 1808 г. М. И. Д.

полагаетъ не согласнымъ съ своими выгодами продолжать въ Парижѣ мирные переговоры, то въ томъ она сама себя винить должна, ибо она первая изъявила на то желаніе, на которое мы безпрекословно согласились» [1]).

Мы уже видѣли какого рода сношенія установились поэтому предмету между Мустафой пашею и кн. Прозоровскимъ, который, не смотря на прямыя указанія Императора, находилъ опаснымъ устранить посредничество Наполеона отъ переговоровъ съ Турціею.

Было сказано также, что успокоенный обѣщаніемъ кн. Прозоровскаго, не начинать военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, если турки не подадутъ къ тому повода, Мустафа паша двинулся за Балканы, вступилъ въ Константинополь и возвелъ на престолъ султана Махмуда. — «Когда Мустафа Байрактаръ съ 15,000 челов. успѣлъ овладѣть Константинополемъ и произвесть государственныя перемѣны, писалъ гр. Румянцевъ кн. Прозоровскому отъ 7 августа 1808 г., тогда позволено будетъ и намъ надѣяться, что храброе россійское войско, подъ мудрымъ предводительствомъ вашимъ, отвергнетъ всѣ препоны, какія успѣху предпріятія его могли быть противопоставлены».

Время дѣйствительно было самое удобное для нанесенія Турціи рѣшительнаго удара за Дунаемъ. Но несчастные парижскіе переговоры и посредничество Наполеона не позволяли ничего предпринять. Пока Наполеонъ не отказывался еще отъ своего посредничества, вступить въ прямые переговоры съ Турціей, не смотря на обоюдное согласіе договаривающихся сторонъ, признавалось невозможнымъ и грозило разсорить Наполеона съ императоромъ Александромъ.

Только послѣ эрфуртскаго свиданія вопросъ о переговорахъ въ Яссахъ былъ осуществленъ. Со стороны

---

[1]) Тамъ-же.

Россіи, кн. Прозоровскимъ были назначены уполномоченными, генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ, какъ представитель отъ русской арміи, сенаторъ Кушниковъ, какъ предсѣдатель Молдавскаго и Валахскаго диванов, слѣдовательно какъ представитель по гражданской части; и генералъ-маіоръ Гартингъ, какъ опытный инженеръ, который могъ быть полезенъ при опредѣленіи новыхъ границъ. Только теперь, письмомъ отъ $\frac{21\ \text{Октября}}{2\ \text{Ноября}}$ 1808 г., отправленнымъ съ капитаномъ Краснокутскимъ, кн. Прозоровскій увѣдомилъ визиря Мустафу пашу, что «Его Величество Императоръ Александръ дозволилъ мнѣ (ему) въ настоящее время заявить публично о имѣющихся у меня по этому предмету полномочіяхъ, чтобы вести переговоры прямо между нами и безъ всякаго вліянія или вмѣшательства какой либо другой державы, что дастъ намъ возможность установить прочный миръ и непоколебимую дружбу между обѣими державами».

Изъявляя готовность немедленно приступить къ дѣлу, кн. Прозоровскій просилъ прислать турецкихъ уполномоченныхъ въ Яссы.

Казалось бы, что положеніе дѣлъ въ Турціи, должно было склонить ее на уступки. Турецкія войска, собранныя въ Софіи, съ цѣлью направить ихъ къ Виддину, въ то время когда командующій ими Амосъ паша садился уже на лошадь чтобы двинуться въ походъ, потребовали отъ него жалованья, и не получивъ его, отказались выступить изъ Софіи. Другой разъ повторялось тоже, а 7 октября, весь Софійскій отрядъ разошелся по домамъ.

«Живущіе въ селеніяхъ турки говорятъ, что противъ русскихъ воевать не хотятъ; что лучше быть россійскими подданными и платить дань» [2]).

---

[1]) Донесеніе Г. М. Исаева. Prosorowsky 1808 г. № 326 с. М. И. Д.

Въ Константинополѣ также было не спокойно. Измаилъ-бей, съ своими измаильскими войсками, сталъ лагеремъ вблизи столицы Порты. Визирь Мустафа нѣсколько разъ звалъ его въ Константинополь, но получивъ отказъ, лично отправился въ лагерь Измаила-бея, инкогнито, убѣждая его идти къ Измаилу или Силистріи. Получивъ снова отказъ, Мустафа ударилъ Измаила-бея кинжаломъ, но въ то-же время былъ раненъ имъ въ ногу изъ пистолета [1]).

Враждебность отношеній между визиремъ и Измаилъ-беемъ обратилась въ ненависть. Многіе министры Порты и вліятельныя лица, принадлежали также къ числу тайныхъ противниковъ визиря, захватившаго въ свои руки всю власть и дѣйствовавшаго вполнѣ деспотически. Обнаружено было существованіе тайнаго заговора противъ Мустафы паши, и неизбѣжно нужно было ожидать въ Константинополѣ новой революціи.

Въ то-же время, послучаю свиданія въ Эрфуртѣ Императоровъ Александра и Наполеона, въ Константинополѣ все болѣе и болѣе сталъ утверждаться слухъ, что въ Эрфуртѣ рѣшено заключить союзъ между обоими Императорами—разгромить Австрію и Турцію и образовать въ Европѣ только двѣ державы (et d'eriger deux seules monarchies).

Капитанъ Краснокутскій вручилъ визирю письмо кн. Прозоровскаго, въ день своего пріѣзда, 27 октября. Мустафа паша былъ восхищенъ готовностью русскаго главнокомандующаго вести переговоры прямо съ нимъ. «Въ Константинополѣ удивлялись пріему, коимъ онъ меня удостоилъ; я былъ принятъ визиремъ съ большою пышностію весьма ласково», — писалъ Краснокутскій. — «Надняхъ я отрубилъ головы 12 вельможамъ, преданнымъ Франціи, сказалъ визирь; мое желаніе заключить

---

[1]) Тамъ-же. Prosorowsky. 1808.

миръ съ Россіей и Англіей, а съ французами, искреннимъ пріятелемъ быть не могу никогда, потому что много разъ былъ ими обманутъ». Три министра Порты и сынъ князя Мурузи, въ качествѣ драгомана, назначены уже были визиремъ для отправленія въ Бухарестъ, какъ уполномоченные по веденію переговоровъ о мирѣ. Но все измѣнилось неожиданно. Мустафа паша далъ великолѣпный балъ въ честь Краснокутскаго, а 1-го ноября визирь ужиналъ у перваго Муфтія. «На другой день, доноситъ Краснокутскій $^{2}/_{14}$ ноября, визирь намѣревался отправить Краснокутскаго съ письмомъ къ кн. Прозоровскому; въ ночь $^{1}/_{13}$ на $^{2}/_{14}$ число, въ Константинополѣ вспыхнулъ бунтъ противъ визиря. Краснокутскій писалъ: «я пріѣхалъ домой въ 3 часа пополуночи на $^{2}/_{14}$ ноября, а въ 6 часовъ услышалъ безпрестанные ружейные выстрѣлы. Портъ былъ запертъ, никого не пускали ни съ той, ни съ другой стороны; только видно какъ въ Константинополѣ жгли дома янычары, и почти весь городъ сожженъ». Въ городѣ начался новый бунтъ янычаръ, какого прежде не бывало. Мустафа паша, котораго всегда сопровождало 2000 отборныхъ арнаутовъ, заслышавъ выстрѣлы, вышелъ отъ Муфтія и съ отрядомъ своимъ поскакалъ въ Султанскій дворецъ. По немъ стрѣляли, но не попали. Окруживъ дворецъ своимъ отрядомъ, онъ началъ бой съ янычарами, также подошедшими къ дворцу. Въ первый день, каждая сторона потеряла до 1000 челов., при чемъ побѣда не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону. На другой день перевѣсъ обнаружился на сторонѣ визиря Мустафы. Расположенный въ его пользу флотъ, сталъ стрѣлять ядрами по городу и разсѣевалъ всѣ сборища янычаръ. Впрочемъ, послѣдніе отступали въ порядкѣ. Пользуясь этимъ, сторонники визиря зажгли роскошныя казармы Жебеджи, противъ собора св. Софіи. Большая улица Диванъ-Голонъ, по которой расположены эти казармы,

обращена въ развалины, покрытыя пепломъ. Но на третій день возстанія, къ янычарамъ присоединилось все городское населеніе, и ночью противники визиря овладѣли кораблями и заняли арсеналъ, послѣ чего двинулись къ сералю. Артиллеристы также перешли на сторону янычаръ [1]). Нѣсколько дней уже продолжался отчаянный бой между янычарами и визирскими арнаутами. Уже болѣе 6000 домовъ сгорѣло. Нѣсколько тысячъ труповъ брошено въ море, а бой все еще не прекращался. Султанъ, въ качествѣ главы мусульманъ, «предалъ янычаръ проклятію и исключилъ изъ рода мусульманскаго, какъ разбойниковъ и возмутителей государства»— ничто не помогало [2]).

Въ результатѣ, погибло до 15.000 чел. и сгорѣло до 7.000 домовъ.

Мустафа паша, какъ доносилъ кн. Прозоровскій, окруженный янычарами, видя свой дворецъ и окрестныя зданія въ пламени, а своихъ защитниковъ перебитыми, предпочелъ смерть возможности попасть въ руки своихъ враговъ. «Сѣвъ на сундукъ, наполненный его сокровищами, собственною рукою зажегъ имѣвшійся въ домѣ его большой пороховой магазинъ, наполненный также артиллерійскими снарядами и, такимъ образомъ, взлетѣлъ на воздухъ» [3]).

Краснокутскій иначе описываетъ смерть визиря Мустафы паши. Онъ говоритъ, что Мустафу пашу отыскали въ подвалѣ, дымомъ задушеннаго—кинжалъ за поясомъ и пистолетъ въ рукѣ; и когда янычары его узнали, то повѣсили на дерево, въ ротъ сунули трубку и кричали: «*вотъ румелійскій разбойникъ*»; потомъ та-

---

[1]) Puscich. 59 et 60.

[2]) Выписка изъ писемъ Краснокутскаго. Prosorowsky 1808 г. № 326. с.—М. И. Д.

[3]) Тоже № 330, K. и L.

скали по улицамъ съ возгласами: «вотъ визирь Мустафа! наконецъ, отрѣзали голову и на колъ поставили»[1]).

Это описаніе смерти Байрактара ближе къ истинѣ. Впослѣдствіи, подробности ноябрьской революціи 1808 г. въ Константинополѣ опредѣлились гораздо яснѣе.

Было уже говорено, что Мустафа Байрактаръ, своими жестокостями, возбудилъ противъ себя много враговъ, особенно между янычарами.

Съ другой стороны, опьяненный счастіемъ и безграничною властію, предъ которою преклонялся самъ султанъ, Мустафа Байрактаръ сталъ слишкомъ самоувѣренъ и презиралъ своихъ враговъ, которые не теряли времени.

Прежде всего они обратили вниманіе на то, чтобы ослабить число войскъ визирской арміи, занимавшей Константинополь, и бывшей не болѣе 16.000 чел.

Съ этою цѣлью они отправили многочисленныхъ агентовъ своихъ въ горы, отдѣляющія Болгарію отъ Румеліи, для возбужденія горцевъ къ возстанію и вторженія въ предѣлы Турціи. Ага Филипопольскій сталъ во главѣ этого движенія и къ нему присоединилось много недовольныхъ новымъ визиремъ. Начались грабежи и разбои. Инсургенты стали приближаться къ Константинополю. Визирь Мустафа выслалъ противъ нихъ 6.000 чел. изъ своей арміи. Инсургенты показали видъ что были разсѣяны, а между тѣмъ, устремились къ Рущуку и начали грабить его окрестности. Такъ какъ вся рущукская провинція принадлежала визирю, то для охраненія ея онъ отдѣлилъ еще 4.000 чел. къ Рущуку. Такимъ образомъ, въ Константинополѣ при немъ оставалось не болѣе 6.000 чел., необходимыхъ для охраненія столицы, которые и были расположены по

---

[1]) Кн. Прозоровскій гр. Н. П. Румянцеву $\frac{21\text{ Ноября}}{3\text{ Декабря}}$ 1808 г.

обывательскимъ квартирамъ. Самъ же визирь жилъ въ своемъ небольшомъ замкѣ, имѣя при себѣ конвой не болѣе 200 чел.

Враги визиря знали всѣ эти подробности и, за неимѣніемъ другихъ способовъ, искусно умѣли возбудить общее противъ него неудовольствіе жителей столицы. Болѣе всего старались при этомъ янычары. Наступилъ мусульманскій праздникъ Рамаданъ, когда, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, поклонники пророка, послѣ заката солнца, толпами собираются въ рощахъ, на кладбищахъ, на площадяхъ, въ кофейняхъ и баняхъ, и передаютъ другъ другу свои впечатлѣнія. При этомъ какой нибудь ораторъ говоритъ рѣчь, и всѣ его слушаютъ. Враги визиря подготовили такихъ ораторовъ, и всюду стали раздаваться протесты противъ жестокостей Байрактара, деспотически проливающаго кровь мусульманъ, заставляющаго ихъ работать въ праздникъ и т. п. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, капля переполнила чашу.

У турокъ есть обычай, по которому въ извѣстный день праздника Рамадана, визирь долженъ ужинать у муфти, какъ главнаго представителя духовенства. Отправляясь къ муфти, визирь окружилъ себя своею свитою, изъ 200 чел. Народъ, собравшійся посмотрѣть на этотъ кортежъ, запрудилъ дорогу. Визирь приказалъ разогнать его нагайками. Множество избитыхъ женщинъ разнесли по городу вѣсть о насиліяхъ визиря. Въ туже ночь было организовано возстаніе. Жители перерѣзали почти всѣхъ составлявшихъ армію визиря людей, размѣщенныхъ по частнымъ домамъ. Янычары двинулись къ замку визиря и окружили его. Мустафа Байрактаръ спалъ и, заслышавъ выстрѣлы, приготовился къ оборонѣ. Но у него было всего до 200 чел. Янычары подожгли деревянное зданіе замка. Видя неминуемую гибель, визирь, въ сопровожденіи своей лю-

бимой жены, родомъ албанки, пробрался потайнымъ ходомъ, сдѣланнымъ въ стѣнѣ, къ каменной, въ нѣсколько этажей, башнѣ, гдѣ хранились всѣ его сокровища, за пятью желѣзными дверями, ключъ отъ которыхъ былъ всегда при визирѣ. Запершись въ башнѣ и не подавая никакихъ признаковъ своего присутствія, Мустафа Байрактаръ ждалъ избавленія отъ преданныхъ ему войскъ и, въ то же время, чрезъ одного изъ своихъ слугъ распустилъ слухъ, что самъ онъ лично успѣлъ скрыться и скоро явится во главѣ сильной арміи, для наказанія зачинщиковъ бунта. Между тѣмъ, янычары, предполагая, что найдутъ въ башнѣ драгоцѣнности, выбили, послѣдовательно, всѣ пять дверей башни, и въ верхнемъ этажѣ нашли трупъ визиря, который, не видя спасенія, самъ поразилъ себя кинжаломъ [1]).

Султанъ Махмудъ, приписывая причину бунта интригамъ своего брата, бывшаго султана Мустафы, котораго янычары хотѣли снова возвести на престолъ, приказалъ отрубить Мустафѣ голову и бросить ее янычарамъ. Впрочемъ, Краснокутскій доноситъ, что султанъ Мустафа былъ удушенъ и похороненъ съ пышностію.

Эта новая жертва была совершенно излишнею, такъ какъ янычары хотѣли только смерти визиря и успокоились, когда стало извѣстнымъ, что онъ погибъ.

Вмѣсто энергичнаго, хотя и жестокаго Мустафы паши, визиремъ былъ назначенъ арнаутъ Гаджи — Мимишъ Эфенди, ни чѣмъ не замѣчательный; а Гулибъ Эфенди, подписавшій злополучное слободзейское перемиріе и переговаривавшійся въ Парижѣ о мирѣ съ Портою, былъ возведенъ въ званіе Рейсъ-Эфенди.

Гулибъ Эфенди былъ сторонникъ Франціи, которую бывшій визирь, могущественный Мустафа паша,

[1]) Lamartine VIII vol.

ненавидѣлъ. Поэтому есть основанія думать, какъ многіе и утверждаютъ, что бунтъ янычаръ былъ вызванъ интригами французскаго правительства чтобъ, избавиться отъ злѣйшаго врага Франціи.

Всѣ собранныя въ Константинополѣ, погибшимъ визиремъ войска, были выгнаны янычарами изъ столицы и разсѣялись по всей Румеліи, производя по дорогамъ разбой, такъ что всѣ сообщенія по дорогамъ Румеліи прекратились. Казармы визирскихъ войскъ были совершенно уничтожены янычарами. Всѣ магазины и лавки разграблены. Бумаги, заготовленныя Мустафа пашею кн. Прозоровскому, которыя предполагалось вручить капитану Краснокутскому $^{2}/_{14}$ ноября, сгорѣли, вмѣстѣ со всѣмъ дворцомъ Мустафы паши.

Новый визирь, узнавъ, что Краснокутскій не получилъ еще никакихъ отвѣтныхъ писемъ, вручилъ ему письмо къ кн. Прозоровскому отъ $^{8}/_{20}$ ноября 1808 г., въ которомъ излагалъ полную готовность вести переговоры на тѣхъ же основаніяхъ, какія были предложены его предшественникомъ, и просилъ скорѣе назначить уполномоченныхъ, которые со стороны Порты уже назначены.

Описывая происшедшія въ Константинополѣ событія, какъ ихъ очевидецъ, капитанъ Краснокутскій доносилъ отъ 5 ноября: «хорошо-бы воспользоваться теперь симъ случаемъ, можно бы взять съ малымъ числомъ Константинополь. Румелія взбунтовалась и вся Турція въ неустройствѣ; болгарскія и арнаутскія мѣстечки, кои я проѣзжалъ, ожидали съ нетерпѣніемъ русскихъ; слухъ оный давно у нихъ носился, и тогда бы они всѣ вооружились противъ турокъ. Въ самомъ Константинополѣ говорили армяне, греки и прочіе народы христіанскаго закона, также весьма много русскихъ, кои сдѣлались во время войны турецкими подданными, всѣ бы возстали, услышавъ приближеніе россійскаго войска» [1]).

[1]) Prosorowsky 1808 г. № 330 S... М. И. Д.

По умерщвленіи султана Мустафы, царствовавшій султанъ остался единственнымъ представителемъ Сулинской фамиліи.

Поэтому личность его была неприкосновенна. «Янычары, говоритъ Краснокутскій въ своемъ журналѣ отъ 6 ноября, съ большимъ торжествомъ вошли къ султану Махмуду, поздравили его съ миромъ и съ великою церемоніею повели его въ мечеть; съ пушечною пальбою вся церемонія производилась».

По окончаніи церемоніи опоясанія мечемъ, янычары требовали отъ султана Махмуда, чтобы всѣмъ сторонникамъ Мустафы паши въ Константинополѣ, число которыхъ доходило до 15,000 чел., были отрублены головы. — «Долго-ли вы будете проливать кровь своихъ братьевъ, — сказалъ султанъ, — вы еще не насытились звѣрствомъ свойственнымъ тиграмъ. Я вашъ повелитель и долженъ вами повелѣвать, а не вы мною. Если не хотите мнѣ покоряться, я сниму съ себя султанское достоинство и удалюсь въ предѣлы Азіи. Управляйтесь сами, какъ вамъ угодно, я не хочу быть свидѣтелемъ варварства».

Тогда янычары пали къ его ногамъ съ возгласомъ: — «мы ничего не желаемъ кромѣ исполненія твоихъ повелѣній» [1]).

13 ноября, при прощальномъ представленіи Краснокутскаго новому визирю Милишъ-Эфенди, Краснокутскій, между прочимъ, сказалъ: «Надѣюсь, что ваша свѣтлость сохранитъ дружбу къ нашему почтенному фельдмаршалу и полюбитъ его столько-же, сколько любилъ его вашъ предшественникъ».

— «Я постараюсь еще болѣе заслужить дружбу вашего фельдмаршала, котораго я хотя и не имѣю чести знать лично, но слава и репутація его, какъ воина,

[1]) Тоже. № 330.

заставляютъ меня, душевно, его почитать и искать его дружбы».

Узнавъ, что кн. Прозоровскій такой же старикъ какъ и онъ, Милишъ-Эфенди, со слезами на глазахъ, воскликнулъ: «Слава Богу, мы два старика, постараемся возобновить между нашими имперіями прежнее старое дружество» [1]).

Отвѣтомъ отъ 23 ноября ст. ст. кн. Прозоровскій увѣдомилъ визиря о своемъ желаніи вести переговоры въ Бухарестѣ, для чего и назначены уже съ нашей стороны, генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ, сенаторъ Кушниковъ и генералъ-маіоръ Гартингъ. Новый визирь обѣщалъ возобновить переговоры и прислать своихъ уполномоченныхъ въ Бухарестъ; но трудно было расчитывать на успѣхъ дѣла. Кн. Прозоровскій писалъ гр. Салтыкову отъ 29 ноября 1808 года, что—«янычары до такой степени возненавидѣли все, что дѣлалось или было начато визиремъ Мустафа пашею,—что намѣрены совершенно уничтожить всю систему, принятую покойнымъ визиремъ въ основаніе, и для того настаиваютъ на томъ, чтобы Порта не вступала ни въ какія мирныя негоціаціи съ Россіей, но возобновила бы съ нею войну».

Отправленіе капитана Краснокутскаго съ письмомъ прямо на имя погибшаго визиря и потомъ разговоръ его съ новымъ визиремъ Милишъ пашею, сильно встревожили французское посольство въ Константинополѣ; вслѣдствіе чего, посолъ Франціи Латуръ-Мобургъ, истощивъ всѣ попытки узнать отъ Краснокутскаго о цѣли его поѣздки и о содержаніи письма къ визирю, обратился къ кн. Прозоровскому съ письмомъ отъ 23 ноября н. ст. Въ письмѣ этомъ Латуръ-Мобургъ, указывая на существующую дружбу между Россіей и Франціей и на посредничество Наполеона, выражалъ удивленіе, что рус-

---

[1]) Тоже. № 330. R.

скій главнокомандующій сносится съ визиремъ, не предупредивъ о томъ посланника Франціи въ Константинополѣ. Это заставляетъ предполагать, что отношенія Россіи и Франціи измѣнились.

На это кн. Прозоревскій отвѣчалъ письмомъ отъ 29 ноября — 11 декабря 1808 г. «Хотя мнѣ неизвѣстны постановленія, принятыя нашими обоими Императорами при свиданіи ихъ въ Эрфуртѣ, относительно политическихъ дѣлъ въ Европѣ, тѣмъ не менѣе я имѣю оффиціальное увѣдомленіе, что свиданіе это способствовало утвержденію и еще большему укрѣпленію вѣчной дружбы, согласія и искренности, кои уже соединяли нашихъ августѣйшихъ монарховъ. Поэтому, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что все, что я уполномоченъ предпринять, касательно общихъ интересовъ Россіи и Турціи, сдѣлано съ общаго согласія Ихъ Величествъ, Императора Александра и Императора Наполеона».

Между тѣмъ, турецкіе уполномоченные еще не пріѣзжали въ Бухарестъ и не было о нихъ никакихъ извѣстій. Это подтвержало имѣвшееся уже прежде извѣстіе, что янычары противятся миру и требуютъ войны съ Россіей.

Для разъясненія настоящихъ намѣреній Порты, кн. Прозоровскій отправилъ къ турецкому драгоману Манукъ-бею, другу бывшаго визиря Мустафы паши, коллежскаго совѣтника Безака, съ цѣлью узнать о современномъ положеніи дѣлъ въ Константинополѣ.

Манукъ-бей былъ сторонникомъ мира съ Россіей, котораго такъ желалъ погибшій визирь Мустафа паша, и прибылъ въ Бухарестъ, въ качествѣ драгомана, для предстоящихъ переговоровъ о мирѣ.

Безакъ узналъ отъ Манукъ-бея что, дѣйствительно, янычары противятся миру.—«Я имѣю, сказалъ онъ, явныя подозрѣнія въ томъ, что французская миссія подстрекаетъ янычаръ, увѣряя ихъ, что коль скоро Порта

заключитъ миръ съ Россіей, то она примется, со всею силою, ускромлять ихъ, яко возмутителей, и тогда они пропали».

«Поэтому янычары, требуя войны, сами не согласятся идти въ походъ и оставить столицу, будучи увѣрены, что тотчасъ послѣ отбытія ихъ оттуда лишатся они, неминуемо всего нынѣшняго ихъ вліянія». За то всѣ главные аяны, т. е. высшіе администраторы страны, назначенные на свои посты уже послѣ революціи, а также новый визирь, подписали, *актъ соединенія*, составленный еще Мустафой пашею и состоявшій въ томъ, «чтобы, устраняя всѣ бывшія доселѣ между ними распри и несогласія, единодушно дѣйствовать къ общей цѣли правительства, т. е. къ достиженію твердаго и непоколебимаго мира, а потомъ къ приведенію внутренняго состава турецкой имперіи въ надлежащее устройство».

Всѣ эти высшіе администраторы и самъ визирь желаютъ мира и даже не послушаютъ янычаръ, зная, что они не рѣшатся выйти изъ столицы.

На вопросъ-же Безака, можно ли считать искреннимъ ихъ желаніе окончить войну, и не есть ли это только хитрость, протянуть время до весны, такъ какъ ранѣе турки не могутъ начать войны, Манукъ-бей, упомянувъ о томъ, что за приверженность его въ пользу мира и даже союза съ Россіей онъ нѣсколько разъ подвергался опасности лишиться жизни, сказалъ:—«Вѣрьте, что султанъ, новый визирь и всѣ главные начальники ничего такъ не желаютъ, какъ скорѣе возобновить миръ и древнее доброе согласіе между Россіей и Портой».

Разговоръ принялъ чисто частный, дружескій характеръ и, не имѣя оффиціальнаго значенія, дозволялъ Манукъ-бею высказывать свои мысли съ полною откровенностію; а это было важно потому, что въ этомъ случаѣ Манукъ-бей былъ выраженіемъ взглядовъ другихъ лицъ турецкой администраціи.

Коснувшись вопроса о Дунайскихъ княжествахъ, Манукъ-бей замѣтилъ, что Россія можетъ многое сдѣлать для улучшенія ихъ быта. Въ мирномъ трактатѣ можетъ быть выговорено запрещеніе выдавать Турціи ея христіанскихъ подданныхъ, перешедшихъ въ княжества, отчего народонаселеніе ихъ сильно возростетъ. Запретить обязательную поставку для Турціи хлѣба, по цѣнамъ, назначеннымъ самими турками, и установить торговлю хлѣбомъ на свободныхъ началахъ.

Оба княжества лучше соединить въ одно общее и поставить во главѣ его особаго князя. Русскій консулъ можетъ наблюдать, чтобы князь не преступалъ закона и не обременялъ жителей поборами. Грековъ не допускать къ занятію важныхъ должностей и не позволять имъ быть совѣтниками князя. «Тогда оба княжества въ полной мѣрѣ процвѣтать будутъ».

Когда-же Безакъ сказалъ, что было-бы лучше уступить оба княжества Россіи и установить границу по Дунай, что только тогда можно надѣяться на установленіе прочнаго мира между обѣими державами, то Манукъ-бей возразилъ: «мысли вашего фельдмаршала по сему предмету мнѣ извѣстны, изъ переписки его съ Мустафой пашею, который, какъ вы знаете, отвѣчалъ,— что султанъ запретилъ даже о томъ говорить. Вѣрьте, что Порта, никакимъ образомъ, на совершенную уступку княжествъ не согласится и согласиться не можетъ, потому что весь народъ взбунтуется, да и законъ вѣры ей того не позволяетъ, особенно въ отношеніи крѣпостей Измаила, Браилова и Журжи, лежащихъ на лѣвомъ берегу Дуная. Если-же Россія будетъ упорствовать въ своемъ требованіи, то хотя я согласенъ, что силы Порты не могутъ противиться русской арміи, тѣмъ не менѣе, однако, начнется кровопролитнѣйшая война, которую Порта до послѣдней возможности продолжать станетъ [1]).

---

[1]) Донесеніе Безака. кн. Прозоровскій 1808 г. № 336 М. И. Д.

Вскорѣ послѣ этого, 11 декабря, прибылъ въ Бухарестъ капитанъ Краснокутскій, съ письмами отъ визиря къ кн. Прозоровскому, въ которыхъ визирь увѣдомлялъ, что турецкіе уполномоченные уже выѣхали изъ Константинополя 2 декабря ст. ст. Кн. Прозоровскій ожидалъ ихъ прибытія въ Яссы не ранѣе 24 января 1809 года, такъ какъ дороги были усѣяны разбойниками.

Изъ словъ и журнала Краснокутскаго кн. Прозоровскій пришелъ къ заключенію, что—«Вѣсъ Россійскаго двора въ турецкой имперіи начинаетъ, паки, приходить въ прежнюю свою силу, и Порта уже показываетъ опять большее уваженіе къ Россіи. Напротивъ чего, никакому сомнѣнію не подлежитъ, что министерство Порты Оттоманской и весь народъ, потеряли все доселѣ существовавшее уваженіе къ французской миссіи» [1]).

Съ своей стороны гр. Румянцевъ писалъ кн. Прозоровскому отъ $^{13}|_{27}$ декабря 1808 г., что послѣ происшедшей въ Константинополѣ новой революціи и смерти Мустафы паши, единственнаго энергическаго человѣка, который могъ бы противиться требуемымъ отъ Турціи уступкамъ, нужно надѣяться, что Порта скорѣе согласится теперь заключить миръ, съ границею по Дунай и съ новымъ устройствомъ для Сербіи. Поэтому, слѣдуетъ снестись съ новымъ визиремъ, который былъ, къ тому же, всегда расположенъ къ Россіи. «Достигнуть скораго и выгоднаго мира съ Портою не можемъ мы иначе, какъ подкрѣпивъ мирныя предложенія угрозами; но угрозами не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ» [2]).

Въ этихъ видахъ, часть нашихъ войскъ слѣдовало перевести на правый берегъ Дуная, подъ тѣмъ предлогомъ, что при существующихъ въ Турціи волненіяхъ, мы не можемъ считать себя обезпеченными отъ того,

---

[1]) Prosorowsky 1808 г. № 339. М. И. Д.

[2]) М. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

что турки станутъ переходить Дунай и тревожить расположеніе нашихъ войскъ.

Кн. Прозоровскій былъ повидимому того-же мнѣнія, и въ письмѣ отъ 17 декабря 1808 года къ гр. Румянцеву писалъ, что не смотря на безпорядки въ Турціи и на вступленіе визиря въ переписку о мирѣ, турецкіе уполномоченные все еще не пріѣзжаютъ. Между тѣмъ извѣстно, что Турція сильно готовится къ войнѣ, и теперь намѣренно затягиваетъ переговоры, такъ какъ не можетъ начать войны зимою. Это заставляетъ думать, что новое правительство въ Турціи, не рѣшаясь сдѣлать требуемыя нами уступки, чтобы не стать предметомъ ярости народа, готово продолжать войну, весною. А потому слѣдуетъ рѣшительно выяснить настоящія намѣренія Порты и для того открыть дѣйствія еще зимою, когда Турція не готова [1]).

Недовѣріе кн. Прозоровскаго къ успѣшному окончанію переговоровъ съ Турціей, выражается и въ его всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 31 декабря 1808 г. Кн. Прозоровскій пишетъ: «нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что самая первая статья (граница по Дунай) встрѣтитъ главнѣйшее со стороны ихъ (турецкихъ уполномоченныхъ) противорѣчіе, и что они, никакъ, безъ кровопролитія, на постановленіе рѣки Дуная границею не согласятся, чѣмъ самымъ негоціація пресѣчется и перемиріе разрушится».

Въ письмѣ къ гр. Салтыкову, отъ того же числа, кн. Прозоровскій сообщаетъ свои опасенія на счетъ того, что начавшіеся въ Константинополѣ новые безпорядки могутъ стоить Султану жизни или престола, и тогда всѣ постановленія турецкихъ уполномоченныхъ обратятся въ ничто. Порта «въ настоящихъ стѣсненныхъ ея обстоятельствахъ, всюду мечется для своего спасе-

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1808. г.

нія, и въ такомъ, такъ сказать, чаду обрѣтается, что сама не знаетъ что дѣлать, за что приняться и на чемъ основательно положиться».

Новыхъ волненій въ столицѣ Порты дѣйствительно слѣдовало ожидать. Азіатскіе паши, протестуя противъ своеволія янычаръ, захватившихъ всю власть, выслали 9.000 азіатскаго войска для занятія Константинополя и поддержанія султана, который, впрочемъ, «никакой власти не имѣетъ и никто ему не повинуется» [1]).

Янычары, въ свою очередь, имѣя во главѣ Капитана пашу, готовились къ отчаянной оборонѣ.

Раздоры, начатые между Молла, пашею виддинскимъ, получившимъ начальство надъ всѣми войсками по Дунаю, и измаильскимъ Пегливанъ пашею, считавшимъ себя имѣющимъ болѣе права на такое командованіе, грозили перейти въ открытую борьбу.

Испанскій посланникъ въ Турціи, маркизъ Альшенора, такъ охарактеризовалъ положеніе дѣлъ въ Портѣ: «Я вижу, что въ Портѣ почти не съ кѣмъ вести переговоры и дѣлать соглашенія, такъ какъ не султанъ и не правительство, а народъ всѣмъ управляетъ [2]).

При такомъ положеніи дѣлъ, казалось бы, слѣдовало немедленно начать военныя дѣйствія, въ расчетѣ, что только занятіемъ Константинополя можно положить конецъ всѣмъ сомнительнымъ сужденіямъ и надеждамъ.

«Но, писалъ кн. Прозоровскій графу Салтыкову, настоящее зимнее время и долженствующія затѣмъ послѣдовать непроходимыя грязи и чрезвычайное разлитіе рѣкъ, никоимъ образомъ, не позволятъ начать военныхъ дѣйствій прежде марта мѣсяца 1809 года».

Въ такомъ положеніи, къ концу 1808 года, находились дѣла по ходу переговоровъ о мирѣ съ Турціей, не-

---

[1]) Prosorowsky 1808 г. М. И. Д.

[2]) Prosorowsky 1808 г. № 343 № Гл. Арх. М. И. Д.

реговоровъ, безплодно поглотившихъ много времени сперва въ Парижѣ, потомъ на Дунаѣ, ни къ чему не приведшихъ, заставлявшихъ насъ потерять цѣлый годъ времени и держать всю армію на Дунаѣ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи.

Еще въ ноябрѣ армія эта была расположена, слѣдующимъ образомъ, на зимнія квартиры.

Отрядъ Исаева I, главная квартира Краіовъ, занималъ Слатинъ, Каракалъ, Чернецы, Гогошъ и другіе пункты въ Малой Валахіи.

Особый отрядъ изъ резервныхъ войскъ. *г. м. Вукотича*, стоялъ въ Питешти, Фламундѣ, Бузукъ и ихъ окрестностяхъ.

Корпусъ Милорадовича, гл. кв. въ Бухарестѣ и его окрестностяхъ.

Авангардъ этого корпуса, въ Копочени, Синтешти, Русе-де-Веде, Мавродинѣ, Могурѣ, Терновѣ, Калугарени, Фалаштокѣ и др.

Авангардъ главной арміи, генерала Платова, въ Бузео, занимая Слободзею, Обилешти, Алекани, Глодени, Орашъ Ульмъ, Мортинанти и др.

Особые посты: въ Галацѣ, Ренни, Карталѣ, Каларашѣ и Максимени.

Корпусъ Ланжерона, въ Фальчи, съ отдѣльными частями по лѣвому берегу Прута, въ Формозѣ, Водулуй, Латрикѣ и др., съ отдѣльными постами въ Табакѣ, при озерѣ Котлабугѣ и оз. Китаѣ.

Главныя силы арміи, подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, гл. кв. въ Яссахъ, съ отдѣльными частями въ Фокшанахъ, Рымникѣ, Обилешти, Каліени и Плоешти, съ ихъ окрестностями.

8-я дивизія г. л. Эссена 3 въ Бырладѣ, Текучѣ, Пуцени, Никорешти и др.

22 дивизія Олсуфьева, въ Бакеу, Блажешти, Панчѣ, Аджудѣ и Тратушѣ, съ окрестностями.

16 дивизія г. л. Ртищева, въ Васлуѣ, Стокахъ, Серакѣ и др.

15 дивизія г. л. Маркова, въ г. Рошанѣ, Тургу-Формозѣ, Козмешти, Пятрѣ и др.

Резервный корпусъ, г. л. Эссена I, въ Яссахъ, Скуляны, Стефанешти, Ботушаны, Гирлоу, Кишиневѣ, Оргеѣ, Тузорѣ, Каушанахъ и др.

Гарнизоны, въ Киліи, Аккерманѣ, Бендеры, Хотинѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Тирасполѣ.

Резервная кавалерія, въ Могилевѣ, Шаргородѣ Балтѣ, Ольгополѣ и др.

Казачьи полки, по городамъ и селеніямъ на Днѣстрѣ, для большаго удобства въ продовольствіи, въ Рыбницѣ, Дубосары и др.

Какъ только Дунайская армія расположилась на зимнія квартиры, новый визирь Мимишъ-Юсуфъ-паша, могъ не опасаться болѣе открытія русскими войсками зимняго похода, и потому не торопился присылкою въ Яссы обѣщанныхъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ, и вступилъ въ секретныя сношенія съ Англіей.

Между тѣмъ, кн. Прозоровскій, въ ожиданіи прибытія турецкихъ полномочныхъ въ Яссы, составилъ инструкцію для переговоровъ съ ними.

Зная изъ опытовъ прежнихъ войнъ съ турками, что переговоры всегда затягивались ссылкою турецкихъ полномочныхъ на неимѣніе достаточныхъ полномочій, почему всякій спорный вопросъ требовалъ особыхъ разъясненій изъ Константинополя, слѣдовало, прежде всего, удостовѣриться, имѣютъ ли присланныя визиремъ лица *неограниченныя* полномочія, равносильныя тѣмъ, какими были снабжены назначенныя съ нашей стороны для переговоровъ лица. Затѣмъ, надлежало передать, какъ ultimatum, требуемыя Россіей условія, съ тѣмъ, что только по предварительномъ принятіи ихъ, вопросъ о перемиріи и мирѣ могъ вестись далѣе. Если же турецкіе уполно-

моченные не рѣшатся принять требуемыя отъ нихъ условія, безъ предварительнаго утвержденія ихъ султаномъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало объявить имъ, что мы не можемъ трактовать о перемиріи и не намѣрены ждать отвѣта изъ Константинополя, потому что такая потеря времени не входитъ въ наши расчеты. Поэтому существующее прекращеніе военныхъ дѣйствій само собою нарушается и турецкіе уполномоченные должны будутъ отправиться на правый берегъ Дуная, гдѣ и могутъ ожидать соотвѣтственныхъ разрѣшеній отъ султана. Этимъ, однако, русскій главнокомандующій не отказывается приступить, во всякое время, къ возобновленію прерванныхъ переговоровъ, но съ условіемъ, чтобы договаривающіеся съ турецкой стороны имѣли неограниченныя полномочія и чтобы, прежде всего, рѣка Дунай была признана границею между Россіей и Турціей. По принятіи этого послѣдняго условія, Россія согласится дозволить, по заключеніи мира, безпошлинный вывозъ нѣкотораго количества хлѣба, соли и другихъ предметовъ, изъ Дунайскихъ княжествъ въ Турцію.

Слѣдовало при этомъ объявить турецкимъ уполномоченнымъ, что ежели предстоящіе переговоры не состоятся, то впредь, даже при возобновленіи новыхъ переговоровъ, русскія войска не прекратятъ военныхъ дѣйствій, до окончательнаго заключенія дѣйствительнаго мира.

Въ случаѣ, если турецкія полномочія окажутся достаточными, то съ нашей стороны слѣдовало объявить, неизмѣнное желаніе Императора выяснить настоящія намѣренія Порты,—вести войну или заключить миръ? Если Турція намѣрена продолжать войну, тогда не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ перемиріяхъ. Если-же султанъ дѣйствительно желаетъ мира, то турецкіе уполномоченные, немедленно, должны принять требуемыя Россіей условія, предлагаемыя ею, какъ ultimatum.

Условія эти, выраженныя Императомъ Александромъ въ рескриптѣ къ кн. Прозоровскому отъ 19 декабря 1808 года, состояли въ слѣдующемъ:

1) Рѣка Дунай признается границею между Россіей и Портой.

2) Сербія признается независимою подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

3) Признаніе зависимости Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ Россіи.

«Въ случаѣ несогласія турецкихъ полномочныхъ на принятіе сихъ предложеній за основаніе мирныхъ переговоровъ, сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, я разрѣшаю васъ, съ Божіею помощію, начать военныя дѣйствія, дабы воспользовавшись послѣднею половиною зимней кампаніи, вы могли очистить, хотя нѣкоторыя крѣпости, по сю сторону Дуная лежащія, если время не позволитъ утвердиться по всему пространству лѣваго берега, какъ бы сего желалось» [1]).

Предвидя, что турецкіе уполномоченные будутъ возражать противъ этихъ условій и ссылаться на то, что Россія сама нарушила трактаты вступленіемъ ея войскъ въ предѣлы Турціи, даже безъ объявленія войны, кн. Прозоровскій указывалъ на необходимость выставить имъ на видъ слѣдующія обстоятельства.

Въ исходѣ 1805 года между Россіей и Турціей состоялся союзный договоръ, съ силу котораго подтверждались всѣ заключенные прежде между обѣими державами трактаты.

Россія и Турція обязались помогать другъ другу войсками, въ случаѣ войны которой либо изъ нихъ съ впѣшнимъ врагомъ. По этому-же соглашенію, русскія коммерческія и военныя суда, имѣли право свободнаго плаванія чрезъ Дарданеллы и Босфоръ.

---

[1]) Приложеніе № 2. (Дѣло № 1368, стр. 12). В. Уч. Архива.

Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи этого договора, именно въ началѣ 1806 года, русское правительство получило свѣдѣнія, что Турція находится въ постоянныхъ, дружественныхъ переговорахъ съ Франціей, съ которою въ то время Россія состояла въ войнѣ; и что сама Турція дѣлаетъ военныя приготовленія, усилила гарнизонъ Измаила до 10.000 челов., начала исправлять укрѣпленія Хотина, завела свои магазины въ Дунайскихъ княжествахъ и ввела значительный отрядъ войскъ въ Румелію. Всѣ эти дѣйствія Порты могли быть направлены только противъ Россіи, которая, поэтому, не могла отнестись къ намъ равнодушно. Сверхъ того, Порта не выполнила своихъ обязательствъ по Ясскому миру 1791 г., въ силу котораго она должна была возвратить жителямъ Молдавіи и Валахіи захваченныя у нихъ частныя земли, въ такъ называемыхъ *раяхъ* крѣпостей, и не обезпечила жителей Дунайскихъ княжествъ въ ихъ законныхъ правахъ. Извѣстный грабитель Пассеванъ-Оглу, 12 лѣтъ опустошалъ Валахію и привелъ этотъ богатый край въ крайнее раззореніе. Россія, на которой лежало обязательство покровительства Дунайскихъ княжествъ, неоднократно обращалась по этому предмету къ Портѣ, но всегда безуспѣшно. Равнымъ образомъ, безъ всякаго повода, султанъ смѣнилъ господарей Молдавіи и Валахіи, которые въ 1802 году были имъ утверждены въ ихъ званіяхъ, на семилѣтній срокъ. Россія, принявъ на себя, по договорамъ, покровительство надъ обѣими этими княжествами, протестовала, но не получила никакого удовлетворенія.

Было много другихъ случаевъ нарушенія Турціей заключенныхъ ею договоровъ съ Россіей, относительно стѣсненія русскихъ торговыхъ людей и т. п.

Независимо отъ того, Порта, уступая требованіямъ фрвнцузскаго правительства, запретила плаваніе русскимъ судамъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы и, не смотря

на то, что состояла въ союзѣ съ Россіей, благосклонно приняла угрозу со стороны Наполеона, выслать значительную французскую армію къ Днѣстру, чтобы дѣйствовать противъ Россіи съ этой стороны, тогда какъ Порта, по принятымъ на себя обязательствамъ въ 1805 году, должна была объявить за то войну Франціи. Напротивъ того, было извѣстіе, что Турція ведетъ дѣятельные переговоры о союзѣ съ Франціей, съ которой Россія состояла въ войнѣ. Уже одно это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, что, находясь въ войнѣ съ сильной Франціей, Россія не могла желать разрыва съ Турціей. Но въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ, что Порта сама намѣревается начать войну, Россія должна была принять мѣры къ обозпеченію своихъ границъ съ этой стороны, почему русскія войска и получили приказаніе вступить въ Дунайскія княжества.

Поэтому, зачинщикомъ настоящей войны является Порта, почему на нее и должна пасть отвѣтственность, за понесенныя Россіей жертвы. По заключеніи слободзейскаго перемирія, когда русскія войска начали очищать Дунайскія княжества, турки, вопреки условіямъ перемирія, тотчасъ-же перешли на лѣвый берегъ Дуная и начали грабить валахскія селенія, что и заставило русскія войска возвратиться назадъ. Затѣмъ, передъ истеченіемъ срока перемирія, Порта изъявила желаніе, чтобы дальнѣйшіе переговоры велись въ Парижѣ и чтобы военныя дѣйствія не возобновлялись до окончанія этихъ переговоровъ. Россія на это согласилась. Между тѣмъ, Порта, во все время парижскихъ переговоровъ, сильно готовилась къ войнѣ, укрѣпляя свои крѣпости, усиливая гарнизоны, и обнародовала фирманы, призывающіе всѣхъ мусульманъ, отъ мала до велика, поднять оружіе противъ христіанъ, т. е. противъ русскихъ. На Дунаѣ у Журжи собрана была новая армія, силою до 25.000 челов., которая во всякое время могла угро-

жать нашимъ войскамъ въ Валахіи, и заставляла ихъ быть въ постоянной готовности отразить нападеніе.

Итакъ, въ виду всѣхъ изложенныхъ выше обстоятельствъ, Порта, по всей справедливости, должна принять на себя отвѣтственность, какъ въ возникновеніи настоящей войны, такъ и въ безплодности переговоровъ о мирѣ; а потому, обязала принять выставленные ей условія, безъ чего дальнѣйшіе переговоры будутъ прерваны и возобновятся военныя дѣйствія, отъ результата которыхъ можетъ случиться, что Россія не ограничится уже настоящими условіями [1]).

Но визирь не присылалъ своихъ уполномоченныхъ, ссылаясь на разныя причины. «Я не могу сдѣлать иного заключенія, писалъ Императоръ Александръ кн. Прозоровскому, что Порта Оттоманская, при смутномъ положеніи, въ коемъ нынѣ находится, изъявила желаніе приступить къ мирнымъ переговорамъ, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы выиграть время, избавиться зимней кампаніи, тягостной для турецкихъ войскъ, и продолжать воинскія приготовленія, съ вящею дѣятельностію, для открытія лѣтней кампаніи. Почему, настоитъ нужда, побудить турецкое министерство обнаружить свои намѣренія, безъ потери времени, такимъ образомъ, чтобы за онымъ послѣдовалъ разрывъ перемирія или чистосердечное расположеніе къ миру, на извѣстныхъ условіяхъ.

Для достиженія одной изъ двухъ цѣлей, я признаю за нужное, чтобы вы отправили отъ себя нарочнаго къ новому визирю, съ объясненіемъ: «что медленность въ присылкѣ турецкихъ полномочныхъ или въ приступленіи къ мирнымъ переговорамъ, вы признаете за разрывъ перемирія» [2]).

---

[1]) Приложеніе № 3 (Дѣло № 1353). В. уч. Арх.

[2]) Рескриптъ отъ 19 декабря 1808 г. В. у. арх. дѣло № 1368

Время проходило. Наступилъ уже 1809 г., а вопросъ о перемиріи не двигался впредь. Если турецкія войска не могли дѣйствовать зимою, то турки хорошо знали, что и русская армія не намѣрена начинать зимою похода. Дѣйствительно, кн. Прозоровскій не считалъ возможнымъ, въ виду различныхъ затрудненій, открыть кампанію ранѣе марта 1809.

Обратимся теперь къ обзору событій происходившихъ въ Сербіи, въ теченіи 1808 года, такъ какъ Сербія, состоя въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи, вызывала съ ея стороны постоянныя заботы, какъ относительно упроченія внутренняго порядка страны, такъ и въ отношеніи готовности сербовъ быть нашими боевыми союзниками, въ борьбѣ противъ турокъ.

VI.

Сербскія дѣла въ 1808 году. — Интриги Австріи. Іюнь.

Мы уже видѣли въ какомъ положеніи находились сербскія дѣла къ концу 1807 года. Ожиданіе нашествія турокъ поселило панику въ странѣ и кн. Прозоровскій едва успѣлъ успокоить сербовъ увѣреніемъ, что ранѣе апрѣля 1808 года, турки не могутъ сдѣлать нападенія на Сербію.

Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи возобновленія новой борьбы, были приняты мѣры для снабженія сербовъ деньгами и оружіемъ.

Гр. Румянцевъ писалъ кн. Прозоровскому отъ 16 января 1808 г., что Россія учредила въ Вѣнѣ магазинъ, въ которомъ собрано покупкою 30.000 ружей; часть ихъ доставлена въ Броды, а остальные въ Землинъ, откуда они перевозились въ армію и въ Сербію. Въ тоже время Черному Георгію вручено было 6.000 червонцевъ, «отдавъ оныя въ его полное распоряженіе, дабы онъ

самъ имѣлъ попеченіе объ изысканіи случаевъ, заготовлять съ наибольшею выгодою все то, въ чемъ войска его будутъ имѣть надобность» [1]).

Но Австрія, дозволивъ вывезти купленныя въ ней ружья, прямо оговорила, чтобъ онѣ не были отправлены къ сербамъ. Поэтому всѣ ружья были сперва доставлены въ нашу армію, и уже потомъ, часть ихъ отправлена въ Сербію.

Независимо оттого, Черный Георгій обратился къ австрійскому Эрцъ-Герцогу Карлу, съ просьбою о снабженіи его порохомъ, свинцомъ и проч. [2]). Не находя ничего въ этомъ предосудительнаго, Императоръ Александръ признавалъ, однако, нужнымъ,—«чтобы при семъ случаѣ надзираемо было, дабы между ними (сербами) и австрійцами, не открылось какихъ либо другаго рода сношеній, не согласныхъ съ нашими видами.»

Слѣдовало быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, что съ нѣкотораго времени было замѣчено ослабленіе расположенія Чернаго Георгія къ Родофиникину.

Не говоря о матеріальной помощи, оказываемой сербамъ, русское правительство горячо отстаивало ихъ интересы, при всѣхъ сношеніяхъ съ Турціей. 15 мая гр. Румянцевъ писалъ кн. Прозоровскому—«Его Величество съ особливымъ удовольствіемъ усматриваетъ, что при всѣхъ объясненіяхъ съ турками, ваше сіятельство не забываете упоминать и о сербахъ. На случай возобновленія перемирія, Е. В. соизволяетъ, чтобъ и они въ оное, непремѣнно, включены, были» [3]).

Что же касается до просьбы сербовъ ввести въ Бѣлградъ русскій гарнизонъ, то гр. Румянцевъ писалъ кн. Прозоровскому 14 мая, что императоръ находитъ это

---

[1]) Prosorowsky. 1808 г. М. И. Д.

[2]) Тоже.

[3]) Арх. М. И. Д. Prosorowsky. 1803 г.

въ настоящее время не удобнымъ, въ виду предупрежденія разныхъ толковъ со стороны Австріи и Франціи. Только этимъ и можно объяснить, почему Бѣлградъ не былъ занятъ русскими войсками, не смотря на то, что и Родофиникинъ находилъ эту мѣру единственно способною ограничить произволъ сербскихъ воеводъ и сдержать самого Чернаго-Георгія, который, не смотря на все оказанное ему русскимъ правительствомъ покровительство и матеріальную помощь, искалъ еще покровительства Австріи.

«Въ январѣ 1808 года, извѣстные интриганы, Младенъ, Милое, Суццо и другіе, желая разсорить Чернаго Георгія съ русскимъ правительствомъ, уговорили его обратиться къ австрійскому Эрцъ-Герцогу Карлу съ письмомъ, въ которомъ выражалась благодарность «за оказанныя имъ, сербамъ, милость и покровительство— и съ просьбою отпускать изъ Австріи, за деньги, порохъ свинецъ, ядра и бомбы, такъ какъ Россія—хотя и прислала имъ эти припасы и присылала бы еще, но дальность разстоянія и трудность комуникаціи, содѣлываютъ теперь сіе невозможнымъ» [1]).

Кромѣ желанія поссорить русское правительство съ сербами, интриганы, окружавшіе Чернаго-Георгія, имѣли въ виду еще и корыстныя цѣли. Землинскій купецъ Милошъ, при посредствѣ Младена, Милое и Суццо, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой интриги. По случаю перемѣны калибра ружей въ австрійской арміи, Милошъ скупилъ, за безцѣнокъ, какъ старыя австрійскія ружья, такъ и патроны къ нимъ, и образовалъ изъ нихъ складъ въ Землинѣ. Нужно было теперь продать эти ружья и патроны дорогою цѣною Сербіи. И вотъ, устраивается посылка Милоша въ Вѣну

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 15 января 1808 г. Prosorowsky 1808 г. М. И. Д.

съ письмомъ къ Эрцъ-Герцогу Карлу. Само собою разумѣется, что Милошъ могъ и не представлять этого письма по назначенію, а имѣлъ въ виду, возвратясь изъ Вѣны, объявить, что Эрцъ-Герцогъ Карлъ, будто бы очень сочувственно отнесся къ просьбѣ сербовъ и приказалъ выдать Милошу значительное количество ружей для продажи сербамъ, по назначенной, очень дорогой цѣнѣ; что поэтому ружья необходимо купить, опасаясь, въ противномъ случаѣ, вооружить противъ сербовъ Эрцъ-Герцога Карла, который, при всемъ своемъ участіи къ сербамъ, такъ занятъ дѣлами, что не имѣлъ времени дать письменный отвѣтъ, на поданное ему Милошемъ письмо.

Не смотря на то, что Родофиникинъ довелъ до свѣдѣнія Чернаго Георгія объ этой интригѣ, Милошъ отправился въ Вѣну изъ Землина. Въ это время прибылъ въ Бѣлградъ извѣстный русскій полковникъ, маркизъ Паулучи. Милошъ распустилъ слухъ, что Паулучи французскій шпіонъ и предлагалъ народу убить его, имѣя въ виду ту-же цѣль, вызвать неудовольствіе русскаго правительства противъ сербовъ. Паулучи дѣйствительно подвергался опасности быть убитымъ, тѣмъ болѣе, что онъ ни слова не зналъ по русски. Онъ спасся только тѣмъ, что потребовалъ, чтобы его отправили къ Черному Георгію, который лично зналъ его, по прежней его поѣздкѣ въ Сербію.

Вскорѣ по отъѣздѣ Милоша въ Вѣну, Черный Георгій послалъ попросить къ себѣ Родофиникина. «Я нашелъ вождя сербскаго, доноситъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 15 января 1808 г., погруженнымъ въ крайнее уныніе, въ каковомъ я еще его никогда не видалъ. Я хочу оставить Сербію, сказалъ Черный Георгій; я не могу и не умѣю оною управлять. Мое рѣшеніе воевать съ турками, а другихъ дѣлъ не понимаю».

Черный Георгій былъ такъ разстроенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что военные начальники (поглавари), требовали отъ него денегъ: «Яко бы ими употребленныхъ на народныя надобности, въ такое время, когда народъ никогда ничего отъ нихъ не получалъ».

Для удовлетворенія своихъ претензій, поглавари настаивали на установленіи новаго налога съ народа. «Я на сіе никакъ согласиться не могу, сказалъ Черный Георгій, ибо народъ насъ всѣхъ убьетъ и правильно».

Затѣмъ, Черный Георгій убѣдительно просилъ Родофиникина разсмотрѣть счеты, представленные поглаварями, и прибавилъ: «научи меня что мнѣ дѣлать?»

Родофиникинъ, видя что Черный Георгій расположенъ къ полной откровенности и можетъ выслушать все что ему будетъ сказано, рѣшился высказаться, ничѣмъ не стѣсняясь. «Прискорбно мнѣ видѣть, сказалъ онъ, что всѣ ваши дѣянія стремятся болѣе къ разстройству, нежели къ введенію порядка. Совѣтамъ моимъ вы слѣдуете одинь день, а на другой дѣлаете противное, ко вреду лично вашему и народа.

«По моему постановленію учредили вы совѣтъ, коего только одна тѣнь существовала; учредили городской судъ для разбора множества тяжебныхъ дѣлъ; учредили полицію, которая служитъ и къ личной вашей безопасности. Вы дали власть совѣту управлять землею, я далъ оному правила. Всѣ коменданты покорились совѣту и начали доносить обо всемъ и требовать повелѣній. Вы удалили изъ совѣта коменданта Младена, который всегда приходилъ туда съ своими вооруженными слугами, и котораго страшились всѣ совѣтники, и не осмѣливались слова противу его приказаній сказать. Всѣ поглавари, Младена ненавидятъ. Но вы опять возвратили его и онъ, съ большимъ еще самовластіемъ, началъ управлять. Узнавъ сіе, другіе поглавари перестали повиноваться.

«Что васъ къ тому побудило?» Затѣмъ Родофиникинъ

сказалъ, что всѣ эти дѣйствія онъ объясняетъ себѣ опасеніемъ, которое интриганы внушили Черному Георгію, что русскіе захватятъ власть надъ Сербіей и тогда никто не станетъ признавать его вождемъ народа, и что Родофиникинъ продастъ сербовъ.

— «Неужели, продолжалъ онъ, вы понынѣ не узнали безкорыстія Россіи, и что единственно вашего благосостоянія она желаетъ? По требованію ли Россіи вы возстали противъ турокъ?—Нѣтъ. Оказали ли вы какія услуги Россіи?—Никакихъ». Между тѣмъ, Родофиникинъ указалъ на то, что Россія сильно противилась нежеланію турокъ распространить на сербовъ слободзейское перемиріе, посылала имъ значительныя суммы и военные припасы и отправила даже въ Сербію отрядъ своихъ войскъ, съ генераломъ Исаевымъ.

— «Что-же касается до продажи Сербіи,—сказалъ Родофиникинъ,—то увѣряю васъ, что никто за васъ не дастъ ни одной пари (копѣйки), ибо безъ воли первыхъ въ Европѣ державъ никто васъ не купитъ, а когда сіи захотятъ отдать васъ тому или другому, не спросятъ ни совѣта вашего, ни согласія, зная, что вы въ томъ ни малѣйшую препону поставить не можете, ибо Сербія предъ великими державами то же значитъ, какъ капля воды передъ моремъ».

Поэтому Родофиникинъ замѣтилъ, что все спасеніе Сербіи зависитъ отъ Императора Россіи. — «Вы же писали къ эрцъ-герцогу Карлу, въ противность моего представленія. Итакъ, скажите, какой я вамъ совѣтъ могу дать, когда вы онымъ не слѣдуете.»

Впрочемъ, Родофиникинъ закончилъ свой разговоръ обѣщаніемъ покончить со всѣми существующими недоразумѣніями по денежнымъ счетамъ, при чемъ прибавилъ:—«совѣтъ мой тотъ, чтобы вы были спокойны и не тревожились поминутно; чтобы не слушали и не поддавались на нелѣпыя внушенія, вамъ дѣлаемыя, и ска-

занное единожды не перемѣняли бы, развѣ докажется что вредно».

Черный Георгій искренно обѣщалъ слушаться впредь совѣтовъ Родофиникина. Смѣнить же Младена и его креатуру Милое не рѣшался, такъ какъ они имѣютъ за себя сильную партію [1]),

Находясь въ Бѣлградѣ, Черный Георгій почти каждый день получалъ какія-либо тревожныя вѣсти, доводимыя до него интриганами, чтобы еще болѣе смутить его, и искать опоры внѣ Россіи, зная впередъ, что кромѣ нея никто Сербіи не поможетъ, а это водворитъ въ ней желаемое господство произвола и наживы. Такъ, распространился слухъ, что англійскій флотъ стоитъ у Константинополя, изъ котораго Себастіани долженъ былъ уѣхать, и что какой-то французскій генералъ, секретно, ѣдетъ въ Бѣлградъ для переговоровъ съ Чернымъ Георгіемъ. Придя къ Родофиникину, Черный Георгій спросилъ, какъ ему принять французскаго генерала, когда онъ пріѣдетъ инкогнито? Родофиникинъ замѣтилъ на это, что съ такимъ секретнымъ посломъ, который не могъ скрыть своего пріѣзда отъ посѣтителей землинскихъ кофеенъ, откуда и пришла о немъ вѣсть—и разговаривать нечего. Черный Георгій согласился, что распространенный слухъ былъ ложенъ. Чтобы избавиться отъ новыхъ подобныхъ слуховъ, Черный Георгій уѣхалъ въ свою деревню Тополь, написавъ кн. Прозоровскому письмо, въ которомъ благодарилъ его—«за продолженіе къ намъ Высочайшей милости и покровительства» и просилъ: «повергнуть меня и весь народъ сербскій къ освященнымъ стопамъ Е. И. В. Всемилостивѣйшаго нашего благодѣтеля и покровителя».

Родофиникинъ не упускалъ случая внушить сербамъ о необходимости, почаще, благодарить русское прави-

---

[1]) Гл. Ар. М. И. Д. Prosorowsky 1808. № 134.

тельство за оказанныя имъ услуги.—Такимъ образомъ, доносилъ онъ,—«почаще будутъ приводимы сербамъ на память милости, на нихъ изливаемыя».

Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскій не могъ не замѣтить, что въ Сербіи становится слабѣе довѣріе къ русскимъ. Въ то время, какъ еще недавно, и народъ сербскій, и самъ Черный Георгій, возлагали всю надежду на Россію, обращеніе къ эрцъ-герцогу Карлу заставляло думать, что есть причины искать поддержки въ Австріи, къ которой, какъ доносилъ еще недавно Родофиникинъ—«сербы имѣютъ совершенное отвращеніе».

Вліяніе самого Родофиникина, какъ можно было замѣтить, сильно пошатнулось.

Желая, помимо Родофиникина, имѣть свѣдѣнія о сербскихъ дѣлахъ, кн. Прозоровскій, предписаніемъ, отъ 5 февраля 1808 года, къ генералу Исаеву, приказалъ ему разузнать, самымъ секретнымъ образомъ, о томъ что происходитъ въ Сербіи, и—«не подалъ ли и самъ Родофиникинъ повода» къ тому, что вліяніе его ослабѣло?

Не касаясь личности Родофиникина, достаточно замѣтить, что онъ былъ родомъ грекъ. Между тѣмъ, сербы, выражая свою просьбу еще маркизу Паулучи, просили прислать имъ чиновниковъ, *но только не изъ грековъ*.—«Вотъ, писалъ князь Прозоровскій къ гр. Румянцеву, отъ 13 февраля, можетъ быть, и причина всѣхъ настоящихъ раздоровъ въ Бѣлградѣ, и недовѣрчивости къ г. Родофиникину».

Генералъ Исаевъ, хорошо знакомый съ характеромъ сербовъ и самого Чернаго Георгія, пользуясь къ тому же дружбою Миленко Стойковича, лучшаго патріота въ Сербіи, которому были извѣстны всѣ внутреннія дѣла страны, писалъ кн. Прозоровскому отъ 11 февраля 1808 г.

«Находясь нѣкоторое время съ сербами, имѣлъ случай нѣсколько узнать характеръ ихъ, ровномѣрно и

Чернаго Георгія. Оный есть человѣхъ безъ всякаго просвѣщенія, изъ самаго низкаго состоянія. Находясь подъ правленіемъ турецкимъ и по врожденной къ нему ненависти, былъ въ шайкѣ охотниковъ полевыхъ. Наконецъ, при началѣ революціи, собралъ довольное число людей, коихъ былъ начальникомъ, продолжалъ оную; а случай и счастіе, болѣе страхъ свирѣпаго характера, ибо за неповиновеніе или малѣйшее ослушаніе, самъ рубилъ головы, что и по нынѣ продожаетъ дѣлать, возвели его на степень вождя народа сербскаго, котораго, какъ мнѣ кажется, носитъ одно имя».

«Каждый сербскій начальникъ войскъ или комендантъ, имѣетъ своихъ тѣлохранителей, готовыхъ отстоять своего начальника, противъ каждаго, не исключая и Чернаго Георгія. Поэтому послѣдній, безсиленъ противъ багатыхъ и сильныхъ, и можетъ наказывать только слабыхъ. Впрочемъ, онъ пользуется уваженіемъ всѣхъ вообще, ибо народъ къ нему довольно приверженъ. Георгій самолюбивъ, жестокъ, знакомъ съ ракіею и виномъ, часто употребляетъ оное и слишкомъ простъ, чтобы человѣкъ побуждаемый собственнымъ выгодами и съ малою хитростію и умомъ, не могъ его въ чемъ увѣрить».

Понятно, что такая личность, какъ хитрый Младенъ и его сторонники, Милое, Суццо, и другіе, сильно могли вліять на Чернаго Георгія, который, впрочемъ, былъ противъ нихъ безсиленъ, такъ какъ они нажились поставками и воровствомъ, и могли нанять себѣ приверженцевъ.

Что же касается народа сербскаго то онъ, по прежнему, былъ преданъ Россіи и только въ ней видѣлъ спасеніе. Младенъ, предсѣдательствуя въ Сенатѣ, другихъ членовъ заставлялъ только подписывать. Весь Сенатъ подалъ Черному Георгію прошеніе смѣнить Младена. Но Черный Георгій ограничился тѣмъ, что передалъ

это прошеніе самому Младену, который послѣ этого сталъ дѣйствовать еще деспотичнѣе.

Все что можно было забрать, было взято Младеномъ и его партіей. Народъ бѣдствовалъ и нуждался въ хлѣбѣ, для покупки котораго, къ Черному Георгію кн. Прозоровскій отправилъ 6.000 червонцевъ, при письмѣ 19 февраля 1808 года, съ обѣщаніемъ снабдить сербовъ военными припасами.

Черный Георгій былъ солдатомъ въ вольномъ корпусѣ, набранномъ австрійцами изъ сербовъ, въ послѣднюю ихъ войну съ Портою; а потому—«не удивительно, если сей человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о политическомъ положеніи его націи. Если онъ именованъ верховнымъ вождемъ сербскимъ, то сіе, не достоинство его, или военное искусство пріобрѣли ему, а единственно его свирѣпость, посѣявшая страхъ въ сердцахъ народа, ибо здѣсь болѣе погибло отъ его руки нежели отъ турокъ. Извѣстно всѣмъ, да и самъ онъ того не скрываетъ, что отца своего застрѣлилъ своею рукою, и своими же руками повѣсилъ родного своего брата, въ глазахъ матери своей. Къ тому же, удачныя его, два или три на помощь къ другимъ погловарямъ, противу турокъ пришествія, рѣшившія сраженіе въ пользу сербовъ, представили его, глазамъ народа, и страшнымъ и нужнымъ витязямъ».

«Все то что сдѣлано понынѣ, соотвѣтственное съ здравымъ разсудкомъ, сербы обязаны уму, находящагося у нихъ профессора Харьковскаго университета, Федора Филипповича, который въ прошедшемъ году умеръ, и капитана Чердаклія (секретаря при Черномъ Георгіѣ). который равномѣрно нынѣ умеръ».

Со смертью Чердаклія, всегда искренно расположеннаго къ Россіи и имѣвшаго сильное вліяніе на Чернаго Георгія, положеніе дѣлъ въ Сербіи могло получить еще

болѣе не желательный характеръ, подъ вліяніемъ интригановъ, окружавшихъ сербскаго вождя.

Чтобы имѣть возможность сильнѣе на него вліять, Родофиникинъ уговорилъ іеромонаха Іосифа, который воспитывалъ сына Чернаго Георгія, переселиться вмѣстѣ съ нимъ въ домъ, который занималъ Родофиникинъ.

Расчетъ оказался вѣрнымъ, такъ какъ Черный Георгій, пріѣзжая въ Бѣлградъ, всякій разъ заѣзжалъ къ Родофиникину для свиданія съ сыномъ, при чемъ выслушивалъ и совѣты Родофиникина [1]).

При нравственной неустойчивости Чернаго Георгія, такъ легко поддававшагося вліянію окружавшихъ его лицъ, на Родофиникинѣ лежала не легкая задача, парализовать эти вредныя вліянія, чтобы не допустить народъ отклониться отъ преданности къ Россіи, и не дозволить ему искать защиты у Австріи.

Съ этою цѣлью онъ указывалъ, при всякомъ случаѣ, на то, что въ то время какъ Австрія продавала хлѣбъ Турціи, 29 декабря 1807 г., въ Будѣ была объявлена прокламація: «Запрещается въ имперіи Е. И. В. и короля, продавать всякаго рода продовольственные припасы сербскимъ инсургентамъ, какъ мятежникамъ ихъ законному государю».

Съ своей стороны кн. Прозоровскій, въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 8 апрѣля 1808 г., высказываетъ мысль, что «слѣдуетъ дѣйствовать на архіереевъ и старѣйшинъ, выдавая имъ награды».

Но не смотря на всѣ старанія Родофиникина, Черный Георгій не переставалъ безпокоиться. Съ одной стороны онъ зналъ, что отъ Россіи, въ настоящее время, нельзя ожидать помощи войсками, тогда какъ въ началѣ марта 1808 г., на границахъ Сербіи снова начали сосредоточиваться значительныя турецкія силы.

---

[1]) М. И. Д. Родофиникинъ 1808.

Въ Нишѣ собралось до 9.000 турокъ. На Дринѣ турки возвели въ двухъ мѣстахъ укрѣпленія, очень обезпокоившія сербовъ. Близь Тимока турки прервали перемиріе и напали на постъ воеводы Велько.

Сербскій народъ не раздѣлялъ воззрѣній Чернаго Георгія, сомнѣвавшагося въ Россіи и искавшаго сближенія съ Австріей. Напротивъ того, Родофиникинъ писалъ кн. Прозоровскому отъ 2 марта 1808 г. «Они (сербы) знаютъ, что В. С. болѣе о сербахъ имѣете попеченія, нежели можетъ имѣть отецъ о своихъ дѣтяхъ».

Но сербскій вождь, убѣжденный окружающими его интриганами, расчитывалъ болѣе на Австрію.

18 марта 1808 г., доноситъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 26-го числа этого мѣсяца, пришелъ къ нему Черный Георгій вмѣстѣ съ Младеномъ и объявилъ, что австрійцы желаютъ переговорить съ Чернымъ Георгіемъ и сербскими старѣйшинами. Думая, что дѣло касается испрашиваемаго дозволенія провозить изъ Австріи хлѣбъ, Черный Георгій согласился на свиданіе съ австрійскимъ генераломъ Симбшеномъ, который прибывъ инкогнитно въ Землинъ, просилъ Чернаго Георгія пріѣхать туда и обѣщалъ выслать за нимъ свою карету. Но Черный Георгій, какъ вождь народа, не согласился на это, приглашая Симбшена пріѣхать въ Бѣлградъ. Послѣ переговоровъ о мѣстѣ свиданія, длившихся цѣлый день, было рѣшено, что свиданіе состоится на берегу Савы, отдѣляющей Сербію отъ Австріи.

Свиданіе состоялось 23 числа, при чемъ генералъ фельдмаршалъ лейтенантъ Симбшенъ сказалъ Черному Георгію, что ежели сербы обѣщаютъ быть вѣрными австрійскому дому, исключительно, тогда не только дастся имъ, безденежно, порохъ, олово, ружья и пушки, но пришлются къ нимъ солдаты и офицеры для обученія сербовъ; равномѣрно дадутся заимообразно и деньги, сколько бы Черный Георгій не потребовалъ. Затѣмъ

Симбшенъ доказывалъ, что надѣяться на Россію нельзя: «она васъ уже одинъ разъ обманула, русскіе были въ Сербіи и потомъ, оставивъ васъ, отошли въ Валахію. На дружбу же Россіи съ Франціей ни мало ни полагайтесь, потому что это мечтательная дружба». Трудно сказать, дѣйствовалъ-ли Симбшенъ по собственному побужденію, или-же по указаніямъ вѣнскаго двора. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Австрія пыталась поколебать довѣріе сербовъ къ Россіи и желала привлечь ихъ на свою сторону. Къ тому же, обѣщаніе дать Черному Георгію, *заимообразно*, какую угодно сумму, наводитъ на мысль, что имѣлось въ виду сдѣлать или *подкупъ*, или *куплю*, такъ какъ Сербія, не имѣя возможности уплатить долгъ, должна была бы поплатиться своими владѣніями. Поэтому, увидя Родофиникина, Черный Георгій сказалъ ему: «я понимаю намѣреніе ихъ (австрійцевъ) и не дамся имъ въ обманъ» [1]).

Потерявъ надежду на помощь Австріи и понявъ, къ чему вели ея заигрыванія съ Сербіей, а также опасаясь, что съ приближеніемъ срока окончанія перемирія турки могутъ начать военныя дѣйствія противъ сербовъ, Черный Георгій старался усилить боевыя средства страны. Онъ упрекалъ своихъ поглаварей въ томъ, что — «они занимаются только одною торговлею, не имѣя ни малѣйшаго попеченія о благѣ общемъ», и убѣдительно просилъ прислать въ Бѣлградъ русскій гарнизонъ. «Тогда, сказалъ онъ поглаварямъ, я буду знать какъ васъ исправить». Признавая всю пользу занять Бѣлградъ русскими войсками, кн. Прозоровскій, тѣмъ не менѣе, въ письмѣ къ Черному Георгію отъ 8 апрѣля 1808 года, пишетъ, что въ настоящее время «сдѣлать этого нельзя, такъ какъ турки не подали Россіи повода прервать перемиріе, хотя срокъ его и истекъ».

---

[1]) М. И. Д. Родофиникинъ 1808 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Черный Георгій сказалъ Родофиникину, что если не всегда слѣдовалъ его совѣтамъ, то только потому, что поглавари его обманывали и старались вооружить противъ русскаго повѣреннаго. Теперь же, говорилъ онъ при всякомъ случаѣ: «дѣлай, какъ знаешь, я буду доволенъ; а когда время придетъ, пойдемъ, куда укажешь, на непріятеля» [1]).

Такимъ образомъ, убѣдясь въ затаенныхъ намѣреніяхъ Австріи *купить* Сербію, Черный Георгій сталъ, на этотъ разъ, искренно на сторонѣ Россіи.

Но послѣ неудачной попытки Симбшена отвлечь Чернаго Георгія отъ Россіи, Младенъ, Милое и др. убѣдили его, что австрійцы непремѣнно, не позже 12 дней, вторгнутся въ Сербію, о чемъ будто бы уже дали знать сербскіе агенты. Черный Георгій разослалъ приказанія войскамъ собираться къ Бѣлграду и Шабацу, намѣреваясь самъ перейти Саву и жечь австрійскія деревни. Только съ большимъ трудомъ Родофиникинъ успѣлъ убѣдить его не дѣлать этого, что вызвало бы вмѣшательство Австріи въ сербскія дѣла, и увѣрить Чернаго Георгія, будто бы разосланные вездѣ русскіе агенты, которыхъ, впрочемъ, не было ни одного, дали знать, что австрійцы не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія вступить въ Сербію. Тогда Черный Георгій успокоился и уѣхалъ въ деревню [2]).

Видя новую неудачу своей интриги, вызвать столкновеніе между сербами и Австріей, въ надеждѣ, что Россія тогда откажется отъ покровительства сербамъ, которые по необходимости прильнутъ тогда къ Австріи; и зная, что Черный Георгій теперь твердо держится одной Россіи, интриганы Младенъ и Милое составили заговоръ противъ Чернаго Георгія.

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому 26 марта 1808 года.

[2]) М. И. Д. Родофиникинъ 1808 г.

3-го апрѣля сербскій народный совѣтъ, предводимый Младеномъ, собрался къ Родофиникину и Младенъ началъ говорить за всѣхъ. Онъ сказалъ, что—«въ надеждѣ скорой перемѣны и изъ любви къ миру, мы скрывали отъ васъ неспособность Чернаго Георгія для управленія землею; но теперь, крайность заставляетъ прибѣгнуть и просить совѣта у представителя Россіи. Младенъ упрекалъ Чернаго Георгія въ непостоянствѣ характера, легковѣріи, наклонности къ пьянству и злобѣ, питаемой имъ противъ всѣхъ, кои кажутся ему умными или пользующимися довѣріемъ народа, отчего жизнь всѣхъ находится въ безпрерывной опасности».

Затѣмъ, члены совѣта, руководимаго тѣмъ же Младеномъ, объявили намѣреніе вооружиться и разсмотрѣть, что нужно предпринять—«для избавленія отечества отъ зла, могущаго произойти отъ поведенія Кара-Георгія».

Младенъ видимо самъ расчитывалъ быть избраннымъ въ народные вожди, что было-бы очень не желательно въ интересахъ Россіи. Поэтому Родофиникинъ сказалъ собранію, что онъ готовъ исправить всѣ послѣдствія ошибокъ Чернаго Георгія; но что ежели вопросъ идетъ о томъ, чтобы сложить съ него званіе народнаго вождя, то во первыхъ, Черный Георгій не замедлитъ вступить съ войсками въ Бѣлградъ и перерѣжетъ всѣхъ возставшихъ противъ него; къ тому же, и русскія войска не замедлятъ явиться въ Бѣлградъ для усмиренія бунтовщиковъ. Эти доводы подѣйствовали. Совѣтъ присмирѣлъ, а Родофиникинъ отправился къ Черному Георгію въ деревню [1]).

Зная о внутреннихъ несогласіяхъ въ Сербіи, Австрія ловко волновала умы, съ цѣлью подорвать довѣріе сербовъ къ Россіи.

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому 7 апрѣля 1808. М. П. Д.

«Австрійцы, доноситъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 25 апрѣля 1808 г., не перестаютъ возмущать умы здѣшняго народа, поглаварей и Чернаго Георгія». Секретарь Чернаго Георгія, прежде очень искренній съ Родофиникинымъ, теперь замѣтно перемѣнился къ нему. «Не сомнѣваюсь ни мало, доноситъ послѣдній, чтобы онъ не получилъ уже хорошій подарокъ отъ австрійцевъ. Положеніе мое со дня на день становится здѣсь тягостнѣе. При внутреннихъ несогласіяхъ и волненіяхъ, вливаемыхъ австрійцами, недовѣріе къ намъ и лестныя обнадеживанія легко могутъ ввести сербовъ въ обманъ и заставить поддаться на шагъ, колико для нихъ вредный, толико и интересамъ нашимъ и славѣ противный. Не знаю. будутъ ли старанія мои успѣшны, имѣя дѣло съ людьми легкомысленными, легковѣрными и притомъ много о себѣ думающими» [1]).

Генералъ-лейтенантъ Симбшенъ не ограничился свиданіемъ съ Чернымъ Георгіемъ на Савѣ.

Чрезъ посредство землинскаго купца Милоша онъ сносился съ сербскимъ вождемъ, приглашая его пріѣхать для новыхъ переговоровъ въ Вардейнъ.—«Если хочешь на другомъ мѣстѣ моей границы намъ видѣться и объясниться и дѣло наше такъ утвердить, чтобы для тебя, для цѣлой храброй сербской націи, на счастіе славу, честь и къ общему удовольствію» [2]).

Черный Георгій отвѣчалъ Симбшену, что онъ готовъ устроить свиданіе, но только попозже, показалъ Родофиникину свое отвѣтное письмо, и сказалъ, «что безъ его вѣдома и совѣта ничего не хочетъ дѣлать».

Черный Георгій дѣйствительно видѣлъ теперь свою защиту только въ Россіи, въ лицѣ ея представителя въ Бѣлградѣ. Едва предупредивъ готовившуюся ревюцію въ Сербіи, Родофиникинъ снова долженъ былъ

---

[1]) Reception 1808 г. № 228 Prosorowsky—М. И. Д.
[2]) Reception 1807 № 228, Prosorowsky. М. И. Д.

защищать Чернаго Георгія, который,—«убивъ, на дняхъ безвинно, одного игумена, сказалъ въ пьяномъ видѣ, что придетъ время удобное, когда его совѣтники Младенъ и другіе его товарищи, не избѣгнутъ участи, которую я имъ готовлю».

Слова эти дошли по назначенію. Младенъ и компанія очень встревожились, и отъ имени сербскаго народнаго совѣта просили кн. Прозоровскаго «удалить Чернаго Георгія, согласно съ желаніемъ здѣшнихъ поглаварей».

Однако, доносилъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 25 апрѣля, что хотя удалить Чернаго Георгія и не трудно, но «человѣкъ сей, хотя не способенъ для управленія землею, и хотя трудно воздержать его отъ преступленій, необходимо, однако, нуженъ въ землѣ сей, ибо едина его свирѣпость и неразборчивость въ средствахъ можетъ удержать, подобныхъ ему разбойниковъ, разсѣянныхъ въ Сербіи, и управляющихъ дѣлами или войскомъ».

Въ просьбѣ сербскаго народнаго совѣта къ кн. Прозоровскому, отъ 25 апрѣля 1808 г. говорится, что «покровительство, оказываемое Императоромъ Александромъ Сербіи, подавало надежду на водвореніе въ этой странѣ порядка и безопасности. Но вскорѣ, послѣ возстанія нашего противу турокъ, Кара-Георгій, свирѣпостью своею и алчностію къ крови, ввелъ повсюду страхъ и ужасъ. Мало по малу началъ присвоивать себѣ судъ и расправу и, наконецъ, принудилъ признать себя верховнымъ нашимъ вождемъ.

«Хотя мы видѣли совершенную его неспособность къ сему важному посту, но съ другой стороны, понимая необходимость имѣть единый пунктъ соединенія и едину главу, заблагоразсудили утвердить его могущество, надѣясь, что по времени, честолюбіе и слава исправятъ его свирѣпость и всѣ злыя наклонности, и со-

дѣлаютъ хотя неспособнымъ, но сноснымъ начальникомъ. Надежда наша, однако, оказалась суетною. Сей человѣкъ не токмо многихъ, отличныхъ посреди насъ, мужей, предалъ смерти, своею рукою или чрезъ своихъ приверженныхъ, но распространилъ свою ненависть противу всѣхъ тѣхъ, кои храбростію или благоразуміемъ обратили къ себѣ любовь народа.

«Никто не можетъ жить спокойно въ своемъ домѣ, но всякій долженъ опасаться внезапнаго нападенія, убійства и разграбленія его имущества.

«Будучи окруженъ людьми самаго злого поведенія и безъ всякой нравственности, при легковѣрномъ своемъ характерѣ, онъ обращается ими удобно ко всякому злу, лишь только увидятъ, что оттого могутъ получить для себя какую либо выгоду. Не только мы, но и самый народъ чувствуетъ тягость его легкомыслія».

Въ просьбѣ упоминалось далѣе, что Черный Георгій согналъ въ свою деревню до 3.000 человѣкъ сербовъ для вырубки лѣса и обработки его земли. «Все сіе подаетъ намъ незатруднительное средство, съ согласія народа, смѣнить его. Ни что-бо не есть священно для человѣка, посягнувшаго противу своего отца и брата; привыкши съ малолѣтства жить въ лѣсахъ, съ подобными себѣ, онъ мало думалъ о славѣ своей и народа».

Но чтобы смѣна Чернаго Георгія не вызвала международной въ Сербіи войны, народный совѣтъ просилъ «удалить отъ насъ, благовиднымъ образомъ, настоящаго вождя» [1]). Многое сказанное въ этой жалобѣ было справедливо; но несомнѣнно также, что неудовольствіе противу Чернаго Георгія возбуждалось тѣмъ, что онъ слишкомъ сурово, когда только могъ, каралъ разныхъ хищ-

[1]) То-же № 228. F.

никовъ, обиравшихъ народъ. Поэтому удалить Чернаго Георгія изъ Сербіи, значило предать ее еще большему произволу и насилію разбогатѣвшихъ интригановъ.

Кн. Прозоровскій, рѣшившись не смѣнять Чернаго Георгія, какъ человѣка, имѣвшаго за себя силу и значеніе въ народѣ—указалъ ему въ письмѣ 13 мая только на то, чтобы онъ, пользуясь перемиріемъ, обратилъ особенное вниманіе на обработку полей. «Сербы, сказано въ письмѣ его къ Черному Георгію, подъявшіе столько трудовъ для освобожденія себя отъ претерпѣнныхъ ими угнетеній, должны быть нынѣ обезпечены въ полной мѣрѣ, относительно ихъ жизни и имущества. Кто противу сего поступитъ, какого бы званія онъ ни былъ, обратитъ на себя весь гнѣвъ Всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи и вами долженъ быть признанъ, яко врагъ общаго спокойствія и, яко таковый, преданъ сужденію и строжайшей казни» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Прозоровскій, не отвѣчая совѣту сербскому на его просьбу о смѣнѣ Чернаго Георгія, поручилъ Родофиникину передать совѣту, что онъ, кн. Прозоровскій, «съ крайнимъ прискорбіемъ видѣлъ изъ поданной ему просьбы, что милосердіе Всеавгустѣйшаго Монарха Россіи, удостоившаго народъ сей великаго и мощнаго своего дѣятельнаго покровительства, и желаніе Е. и. в. видѣть народъ сей процвѣтающимъ и благоденствіе его возростающимъ, по внутреннимъ раздорамъ между старѣйшинами народа, содѣлываются безуспѣшными. Напомните имъ, что «concordia res parvae crescunt, discordia res magnae dilabuntur» [2]). И потомъ:

«Верховный вождь народный, собственно ими избранный, во все время его предводительства, храбростію и

---

[1]) Тоже № 228. g.

[2]) Согласіемъ возрастаетъ и малое; раздоромъ разрушается и великое.

благоразумiемъ своимъ защитилъ землю и народъ отъ раззоренiя,—тѣмъ самимъ пріобрѣлъ себѣ право на почтеніе, уваженіе и признательность соотчичей. До заключенія мира, всякая перемѣна въ образѣ правленія земли, а паче столь именитаго полководца, должна неминуемо быть для нея пагубна» [1]).

Основываясь на извѣстныхъ уже фактахъ, кн. Прозоровскій, не безъ основанія, предполагалъ, что главную причину внутренней распри въ Сербіи нужно искать въ интригахъ Австріи, почему смѣна Чернаго Георгія, не поддававшагося внушеніямъ австрійцевъ, могла быть крайне вредна, какъ для самой Сербіи, такъ и для Россіи. Интриги австрійцевъ дѣйствительно не прекращались и были бы еще успѣшнѣе, «если бы, доноситъ Родофиникинъ, они лучше знали внутреннее здѣшнее положеніе и нравственность каждаго поглаваря»

Генералъ Симбшенъ все еще ожидалъ Чернаго Георгія къ себѣ для соглашеній. Родофиникинъ убѣдилъ его, что ему не прилично ѣздить на свиданіе съ каждымъ нѣмцемъ, а лучше послать вмѣсто себя своего секретаря Стефу и совѣтника Младена, которые ненавидѣли другъ друга. «Мнѣ можно быть спокойнымъ, говорилъ Родофиникинъ, что они, будучи вмѣстѣ, ничего противнаго не предпримутъ».

8 мая эрцъ-герцогъ Людвигъ и генералъ Симбшенъ пріѣхали въ Землинъ для переговоровъ съ Чернымъ Георгіемъ. Но видя вмѣсто него его уполномоченныхъ, отправились осматривать границу, назначивъ для переговоровъ землинскаго коменданта Перша, подполковника Станиславлевича, бургомистра Аджикъ и купца Милоша, которые 10 числа и открыли совѣщаніе, предлагая сербамъ: «написать прошеніе австрійскому Императору,

[1]) Reception 1808. № 228. H.

коимъ, повергая себя подъ его защиту. требовать присылки сюда (въ Сербію) эрцъ-герцога Карла, для предводительства ими, и чтобы притомъ, прислали имъ пушки и всякаго рода воинскихъ снарядовъ, какъ равно и денегъ, сколько желаютъ, ибо ни въ чемъ имъ отказано не будетъ».

Австрійскіе повѣренные обѣщали, — «что Младенъ будетъ въ такомъ случаѣ пожалованъ графомъ; секретарь Стефа барономъ, а Черный Георгій—княземъ и фельдмаршаломъ австрійскимъ. Прочіе же поглавари, по мѣрѣ достоинствъ ихъ, получатъ также награжденіе».

Стефа и Младенъ отвѣчали, что писать о принятіи сербовъ подъ покровительство Австріи они не имѣютъ права, и просили, чтобы австрійскіе уполномоченные изложили письменно свои предложенія и обѣщанія. На это, конечно, согласія не послѣдовало. 12 мая снова начались переговоры, при чемъ австрійцы предлагали ввести свои войска въ Сербію для ея защиты, такъ какъ скоро могутъ начаться военныя дѣйствія и турки уничтожатъ Сербію.

— «Мы не страшились турокъ. когда были одни. отвѣчалъ Стефа, а кольми паче теперь ихъ не опасаемся, состоя подъ защитою россійской арміи».

Сербы нарочно затягивали переговоры, съ цѣлью закупить прибывшій въ это время изъ Австріи хлѣбъ. Поэтому, они отложили окончательный отвѣтъ до 17 числа. хотя заранѣе рѣшились отказать австрійцамъ, самымъ положительнымъ образомъ.

Съ своей стороны австрійцы, для демонстраціи при землинскихъ совѣщаніяхъ, придвинули къ Землину цѣлую армію, до 20.000 челов., съ понтоннымъ паркомъ. Хотя и нельзя было ожидать, что Австрія рѣшится ввести свои войска въ Сербію, тѣмъ не менѣе демонстрація эта обращала на себя вниманіе и требовала разъясненій. Если сербы рѣшились обратиться къ Ав-

стріи за помощію, 20.000 челов. австрійцевъ перешли бы Саву, для того, чтобы не возвращаться уже изъ Сербіи, а остаться въ ней навсегда.

Кара Георгій, получивъ извѣстіе о приближеніи австрійцевъ, приказалъ усилить гарнизоны въ Шабацѣ и Семендріи, намѣреваясь защищаться до послѣдней крайности, и просилъ русскихъ о помощи.

Въ просьбѣ совѣта сербскаго отъ 14 мая сказано: «открыли мы злые замыслы ихъ (австрійцевъ), клонящіеся къ порабощенію насъ. Хотятъ они занять сербскія крѣпости своими гарнизонами и придать дѣлу такой видъ, будто бы и мы сами о томъ просили австрійскій дворъ».

— «Между тѣмъ, сказано далѣе, дошли сюда вѣрныя извѣстія, что австрійцы, если не согласятся, добровольно предать имъ наше отечество, искупленное отъ порабощенія кровію нашею и дѣтей нашихъ, намѣрены вооруженною рукою занять оное».

Прося помощи, сербы выражаютъ готовность защищаться до послѣдней крайности [1]).

Въ отвѣтъ на эту просьбу кн. Прозоровскій писалъ сербскому совѣту, отъ 19 мая 1808 г. что лучшее средство избѣжать для сербовъ опасеній со стороны Австріи, это: «уклоняться отъ всякихъ сношеній съ австрійцами. Пещись о внутреннемъ устройствѣ земли и обрабатываніи полей, дабы на будущее время не быть принужденными искать пособія въ чужестранцахъ.

«Дружественныя связи, существующія доселѣ между Августѣйшимъ дворомъ нашимъ и Императоромъ Австрійскимъ, удостовѣряютъ меня, что отъ сего послѣдняго не будетъ учинено никакого непріятельскаго нападенія на Сербію, и что войска австрійскія не войдутъ въ крѣпости сербскія, развѣ когда сербы, упустя изъ

[1]) Тоже № 232 В.

вида пользу своего отечества, добровольно оныя примутъ» [1]).

На случай же, если бы австрійцы рѣшились вступить въ Сербію, сербы, въ ожиданіи помощи, должны отражать силу силою [2]).

Но еще до полученія этого письма, Черный Георгій, какъ только получилъ извѣстіе о намѣреніи австрійцевъ вступить въ Сербію, приказалъ всѣмъ поглаварямъ вести свои войска къ Бѣлграду, куда и самъ готовился идти, съ 10.000 отборнаго войска.

Не малаго труда стоило Родофиникину успокоить Чернаго Георгія и увѣрить, что австрійцы собрались на Савѣ для маневровъ и никогда не посмѣютъ вступить въ Сербію. Этимъ только и была предупреждена возможность столкновенія съ австрійцами, что, благодаря пылкости Чернаго Георгія, неизбѣжно произошли бы.

—«Паническій страхъ, доносилъ Родофоникинъ отъ 19 мая, объялъ совершенно сердца сербовъ, по случаю движеній австрійцевъ. Умы поглаварей встревожились до крайности и сдѣлались совершенно неспособными къ здравымъ разсужденіямъ. Я еле могу удержать ихъ въ предѣлахъ наружной благопристойности».

Черный Георгій, въ письмѣ къ Родофиникину отъ 17 мая, прямо говоритъ, что приказалъ войскамъ всѣмъ нахій идти къ Савѣ для обороны границы, а самъ съ 10.000 челов. хотѣлъ перейти на лѣвый берегъ Савы, въ австрійскія владѣнія, и ударить въ тылъ австрійцамъ. Только по полученіи письма отъ Родофиникина, онъ отмѣнилъ свои распоряженія, приказавъ, однако, всѣмъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, а часть войскъ перевелъ въ Бѣлградъ, подъ предлогомъ очистки города отъ нечистотъ. Наряду съ этими приго-

---

[1]) Тоже № 232. С.

[2]) Campagnes Turquie Prosorowsky 1808 г. № 66. Reception.

товленіями, Черный Георгій отправилъ генералу Симбшену письмо, по поводу происходившихъ съ австрійцами переговоровъ, и упомянулъ въ этомъ письмѣ о томъ, что Сербія, состоя подъ покровительствомъ Россіи, вручила ей, и ея союзнику Франціи, рѣшеніе своего жребія.

Начатые австрійцами переговоры съ Чернымъ Георгіемъ заставляли его предполагать—«что переговоры эти могутъ касаться только торговыхъ соглашеній съ Австріей, почему онъ, лично занятый дѣлами, поручилъ своимъ довѣреннымъ лицамъ вести переговоры. Между тѣмъ, австрійскіе уполномоченные предложили: предавъ Сербію подъ верховную власть Австріи, просить о введеніи въ наши крѣпости австрійскихъ гарнизоновъ», писалъ онъ Симбшену.

«Таковое предложеніе, учиненное уполномоченными вашими, не могло не удивить насъ до крайности. Не сомнѣваюсь ни мало, что предложеніе вашихъ полномочныхъ сдѣлано не по волѣ вашей или по повелѣнію австрійскаго двора, а единственно отъ усердія ихъ къ своему Государю, мысля, что сдѣлаютъ тѣмъ угодное Его Величеству» [1]).

Но давая такой отвѣтъ, нужно было сохранять полнѣйшую осторожность, чтобы не подать австрійцамъ повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ. По этому, опасаясь присутствія Чернаго Георгія вблизи австрійскихъ границъ или въ Бѣлградѣ, такъ какъ его горячность могла увлечь его за предѣлы благоразумія, Родофиникинъ писалъ ему: «ради Бога не присылайте сюда (въ Бѣлградъ) больше войска и сами не пріѣзжайте. Для пользы общей нужно, чтобы вы были въ Тополѣ, ибо если-бы вы пріѣхали сюда, и къ несчастію заперли бы и васъ съ нами въ Бѣлградѣ, тогда земля, оставаясь безъ верховнаго коменданта, потеряетъ все. Напротивъ

[1]) № 242. Тоже.

того, будучи въ Тополѣ, можете давать свои повелѣнія и летѣть вездѣ, гдѣ нужно окажется ваше присутствіе».

Польщенный такою заботливостію о своей персонѣ, Черный Георгій отправился въ Тополь, т. е. подальше отъ Бѣлграда, что только и требовалось. Но съ другой стороны, чтобы подорвать вліяніе Родофиникина, враги его увѣрили Чернаго Георгія, что русское правительство послало для сербовъ цѣлые милліоны денегъ, которыя и остались у Родофиникина. Черный Георгій, желая разъяснить это дѣло, готовился, тайно отъ Родофиникина, проѣхать въ Яссы. Но Родофиникинъ, узнавъ объ этомъ, объявилъ Черному Георгію, что въ такомъ случаѣ онъ не ручается, что поглавари дозволятъ ему вернуться въ Сербію, чѣмъ и была отклонена предполагавшаяся поѣздка.

«Сердце содрогается, доносилъ Родофиникинъ отъ 23 мая кн. Прозоровскому, отъ единаго повѣствованія (о поступкахъ Чернаго-Георгія); но каковому терпѣнію и мукѣ подверженъ тотъ, который долженъ съ подобными людьми жить и ихъ обласкивать.

»На прошедшихъ дняхъ прислалъ сюда (въ Бѣлградъ) Черный Георгій взять къ себѣ въ деревню крещенную турчанку, съ которою живетъ; а родню ея, состоящую въ двухъ пожилыхъ женщинахъ и трехъ малолѣтнихъ, приказалъ бросить въ Дунай, что и исполнено секретаремъ его, который, умертвивъ ихъ ночью, всѣхъ пять бросилъ въ рѣку».

Отказъ сдѣланный австрійцамъ сербами, не остался безъ послѣдствій. 23 мая австрійскимъ правительствомъ объявлено было строжайшее запрещеніе, имѣть не только торговое, но и вообще, какое бы то ни было, сношеніе съ Сербіей.

Къ тому же, генералъ Милорадовичъ доносилъ кн. Прозоровскому, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, до 15.000 чел. арміи верховнаго визиря собралось, въ

концѣ мая, у Адріанополя, куда прибываютъ и азіатскія войска и имѣютъ назначеніемъ двинуться противъ сербовъ.

По поводу объявленнаго австрійскимъ правительствомъ запрещенія имѣть съ сербами торговыя сношенія, а также по поводу переговоровъ генерала Симбшена съ Чернымъ Георгіемъ, кн. Прозоровскій сносился съ нашимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ, кн. Куракинымъ.

Послѣдствіемъ запросовъ сдѣланныхъ кн. Куракинымъ, изъ Вѣны пришло разрѣшеніе, обнародованное въ Землинѣ $^{2}/_{14}$ іюня о дозволеніи продавать хлѣбъ сербамъ. Въ то-же время, австрійское правительство, самымъ положительнымъ образомъ, но далеко не искренно, отвергало всякое свое участіе въ переговорахъ съ сербами.

Хотя Черный Георгій зналъ, что только благодаря настояніямъ русскаго полка въ Вѣнѣ, Австрія разрѣшила продажу хлѣба въ Сербію, но ему все казалось, что Родофиникинъ не доноситъ главнокомандующему о всѣхъ нуждахъ сербскаго народа, и что только по этому, русскія войска не присылаются въ Сербію для занятія Бѣлграда. Вслѣдствіе такого недовѣрія, онъ намѣревался лично ѣхать въ Яссы для свиданія съ кн. Прозоровскимъ.

Въ письмѣ къ нему, Черный Георгій говоритъ о своей предполагаемой поѣздкѣ: — «чѣмъ болѣе переписка наша умножается, тѣмъ болѣе душа моя желаетъ видѣть лично и переговорить о всемъ съ особою, толикую любовь намъ оказавшею». Поэтому онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Яссы.

Кн. Прозоровскій отклонилъ это свиданіе, увѣдомляя Чернаго Георгія, что онъ пригласитъ его къ себѣ, когда будетъ въ Бухарестѣ.

«Сколь съ одной стороны желательно — писалъ кн. Прозоровскій — видѣться и переговорить съ знамени-

тымъ храбраго народа сербскаго вождемъ, коего подвиги для защиты и обороны своего отечества всей Европѣ стали извѣстны; столь съ другой стороны желаю я при семъ случаѣ устранить все, что васъ на долгое время отъ мѣстопребыванія вашего удалить можетъ».

Затѣмъ, говоря что скоро собирается быть въ Бухарестѣ, куда Черному Георгію, по краткости пути, пріѣхть будетъ удобнѣе, кн. Прозоровскій заканчиваетъ свое письмо словами: «Я вмѣню себѣ за особливое удовольствіе, лично съ вами познакомиться, и переговорить съ вами обо всемъ томъ, что къ пользѣ единовѣрнаго намъ народа сербскаго, Е. И. В. столь сильно покровительствуемаго, относиться можетъ» [1]).

Въ такомъ положеніи находились внутреннія дѣла въ Сербіи когда, въ среднихъ числахъ іюня, получены были свѣдѣнія, что турки, не смотря на продленіе перемирія, намѣреваются напасть на сербовъ. Къ Нишу собралось до 6,000 ч. турецкаго войска, а въ концѣ іюня прибыло еще 15.000 ч. изъ Софіи; къ н. Варошу собралось до 5.000 турокъ изъ Албаніи, и 2.000 направилось, оттуда-же, къ н. Базару.

25 іюня послѣдовало извѣстіе о столкновеніи на границахъ виддинскаго округа. Хотя впослѣдствіи оказалось, что сербскій воевода Велько, самъ вторгнулся въ турецкія владѣнія и раззорилъ три деревни, но въ то время полагали, что виддинскіе турки нарушили перемиріе и вторглись въ предѣлы Сербіи. Все заставляло предполагать, что вскорѣ турки намѣреваются напасть на сербовъ.

Этому много способствовалъ и австрійскій дворъ, чтобы отомстить сербамъ за полученный отказъ. Въ угоду туркамъ, австрійцы продали имъ нѣсколько судовъ на Дунаѣ и дозволяли турецкимъ лазутчикамъ, во-

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

преки нейтралитета, свободный проходъ по владѣніямъ Австріи. Донося о подобныхъ происках вѣнскаго двора, кн. Прозоровскій писалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Румянцеву, отъ 10 іюля 1808 г.—«Всѣ сіи происшествія, болѣе и болѣе удостовѣряютъ меня въ заключеніяхъ моихъ, на счетъ каверзовъ австрійскаго двора, мечущагося повсюду и изыскивающаго всѣ приличные и неприличные способы, къ пріобрѣтенію себѣ противу Франціи, которой онъ страшится, союзниковъ».

Состоя въ дружбѣ съ Россіей, вѣнскій дворъ искалъ сближенія и съ врагомъ ея, Турціей, гдѣ вліяніе Австріи съ каждымъ днемъ усиливалось. Австрія совѣтовала Портѣ разгромить сербовъ, чтобы тѣмъ побудить Россію не замиряться съ Турціей. При такой двойной игрѣ, Австрія расчитывала, что какъ Россія, такъ и Порта, охотнѣе вступятъ съ нею въ союзъ; а союзъ былъ нуженъ, изъ опасенія Франціи [1]).

Въ это-же время, едва не возникли важныя причины неудовольствія Австріи противъ сербовъ.

По приказанію Чернаго Георгія, велѣно было перехватывать на Дунаѣ австрійскія суда, подъ предлогомъ, что суда эти проданы туркамъ. 10 австрійскихъ судовъ съ товарами были остановлены въ Семендріи и Порѣчьѣ, при чемъ на нихъ не оказалось ничего, принадлежащаго туркамъ. Тѣмъ не менѣе, суда дѣйствительно назначались туркамъ и на нихъ были матросами австрійскіе сербы. Подъ угрозою оставить Бѣлградъ, Родофиникинъ настоялъ на возвращеніи взятыхъ судовъ, и тѣмъ предупредилъ возможность серіозныхъ столкновеній съ Австріей. Но бывшимъ на судахъ сербамъ было внушено чтобы они, пройдя берега Сербіи, потопили эти суда, какъ бы случайно, что и было исполнено ими, у австрійскаго берега.

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1808 г.

Мы уже видѣли изъ переписки кн. Прозоровскаго съ визиремъ Мустафа пашею, по поводу происшедшаго на границахъ Сербіи столкновенія, что турки вовсе не нарушали перемирія, и что, напротивъ, они употребляли всѣ средства, чтобы не подать повода русскимъ войскамъ начать военныя дѣйствія. Поэтому, въ настоящемъ, для Сербіи не представлялось никакой опасности со стороны турокъ.

Но зато, увѣренность во внѣшней безопасности, снова усилила внутреннюю вражду партій и борьбу противъ Чернаго Георгія, со стороны враговъ его.

2 сентября 1808 г. Родофиникинъ писалъ кн. Прозоровскому [1]), что въ Сербіи снова начались заговоры противъ Чернаго Георгія. Во главѣ заговора стоитъ тотъ-же Младенъ, который составляетъ тайныя совѣщанія съ своими единомышленниками.

Секретарь Чернаго Георгія, Стефанъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи печать сербскаго вождя, былъ также на сторонѣ Младена, который подарилъ ему домъ.

«Умы здѣсь опять возгорѣлись, доноситъ Родофиникинъ; все раздѣлено на партіи, дышущія злобой одна противу другой, и стремящіяся къ своей погибели. Младенъ съ товарищами, ищетъ всѣми средствами избавиться отъ Чернаго Георгія и основать свое владычество; простеръ даже дерзость до того, что самыя повелѣнія Чернаго Георгія въ совѣтъ, не допустилъ выполнить, и сдѣлалъ совершенно онымъ противное. Со мною въ объясненіяхъ своихъ представлялъ мнѣ, что онъ рѣшился непремѣнно убить Чернаго Георгія, и тѣмъ предупредить злое, будто-бы, его намѣреніе».

При разсмотрѣніи переписки кн. Прозоровскаго съ визиремъ Мустафа пашею, можно было придти къ заключенію, что Турція не согласится принять требуемыя

---

[1]) Prosorowsky 1808 г., съ 301. Д. И. М. Д.

Россіей условія, о признаніи рѣки Дуная границею между обѣими державами. Поэтому, нужно было ожидать возобновленія войны весною 1809 года.

Въ виду этой неизбѣжности, турецкое правительство рѣшилось сдѣлать попытку примириться съ Сербіей, чтобы имѣть возможность усилить свою армію, которая будетъ дѣйствовать противъ русскихъ войскъ на Дунаѣ.

Съ этою цѣлью Мулла паша виддинскій, по приказанію визиря Мустафы паши, уговорилъ виддинскаго архіерея, согласить сербовъ примириться съ турками. безъ чьего-бы то ни было посредства. 1 октября, въ селѣ Голубино—близь Порѣчья, съѣхались, со стороны турокъ, виддинскій архіерей, съ секретаремъ князя Суццо; со стороны-же сербовъ были бѣлградскій митрополитъ Леонтій, секретарь Чернаго Георгія и Родофиникинъ, сохранявшій инкогнито, въ качествѣ народнаго секретаря.

Виддинскій архіерей предложилъ — «посредство Муллы-паши для примиренія сербовъ съ Портою, увѣряя насъ, доноситъ Родофиникинъ отъ 2 октября 1808 года, что если потеряемъ настоящій случай, не найдемъ другаго никогда; что Порта скорѣе согласится, безъ посредства другихъ державъ, дать намъ, такъ сказать, *десять*, нежели *одно*, посредствомъ ихъ».

Затѣмъ начались увѣренія, что на Россію расчитывать нельзя, указывая на ея политику по отношенію къ Мореѣ, Іоническимъ островамъ, Молдавіи и Валахіи. Сербы отвѣчали, что напротивъ, на помощь Россіи они твердо расчитываютъ, но независимо отъ того — «нація сербская, имѣющая теперь подъ оружіемъ 80.000 войска, трудно согласится положить оружіе, не освободивъ все древнее свое достояніе, которое теперь еще въ турецкихъ рукахъ, какъ-то: Соколъ, Скопію и др. мѣста».

— «Помѣстите и это въ вашихъ требованіяхъ», сказалъ на это секретарь князя Суццо. Сербы заявляли,

что имъ необходимы гарантіи Россіи и Франціи. Имъ отвѣчали, что турки не могутъ согласиться на это, допуская возможность гарантіи только со стороны одной изъ этихъ державъ. Но, возражали на это сербы—«Порта можетъ войти въ войну съ сею державою, и тогда мы останемся безъ покровителя».

— «Предложите три или четыре державы, возражали имъ, и представьте Портѣ избрать двѣ изъ нихъ».

На этомъ переговоры остановились. Сербскіе уполномоченные объявили, что безъ Чернаго Георгія рѣшить ничего не могутъ и доложатъ ему обо всемъ.

Кн. Прозоровскій, узнавъ о вторичномъ намѣреніи турокъ замириться съ сербами, подобно тому, какъ попытка къ этому была уже сдѣлана въ ноябрѣ 1807 года, пришелъ къ заключенію, что визирь Мустафа паша, чувствуя себя слабымъ, намѣренъ замириться съ сербами, чтобы освободить часть войскъ, находившихся противъ нихъ, и усилить на счетъ ихъ свою армію противъ русскихъ; что для достиженія этой цѣли—«турки согласятся обѣщать теперь сербамъ большую часть ихъ требованій но, конечно, въ самомъ твердомъ предположеніи, всѣ таковыя обѣщанія, въ часъ нужды дѣлаемыя, основываясь на догматахъ вѣры магометанской, что мусульманинъ не обязанъ соблюдать слова, даннаго христіанину, при первомъ удобномъ случаѣ, не только нарушатъ, но даже и весь народъ сей, за столь долговременное противу Порты возмущеніе, истребятъ въ конецъ» [1]).

Отвѣтъ на предложеніе виддинскихъ уполномоченныхъ долженъ былъ послѣдовать отъ имени сербскаго совѣта и Чернаго Георгія. Кн. Прозоровскій, выставляя общія основанія этого отвѣта, писалъ Родофиникину въ

---

[1]) Prosorovsky. 1808 г. 13 октября № 308, М. И. Д.

октябрѣ 1808 года [1]). «Географическое положеніе Сербіи, на правомъ берегу рѣки Дуная, не позволяетъ намъ желать совершеннаго присоединенія края сего къ Россійской державѣ». Но въ видахъ необходимости, осуществить значеніе покровительства, принятаго Россіей надъ Сербіей «въ сохраненіе также на будущее время приверженности, не только въ однихъ сербахъ, но и въ другихъ христіанскихъ народахъ, обитающихъ въ предѣлахъ имперіи турецкой, для соблюденія симъ способомъ вліянія нашего у Порты»—было необходимо выговорить для сербовъ извѣстныя права и преимущества.

«Пусть, писалъ кн. Прозоровскій, будутъ они обязаны платить даже нѣкоторую дань Портѣ, если сіе неизбѣжно; но сія послѣдняя не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе, для котораго съ общаго согласія народнаго и подъ руководствомъ чиновника, назначаемаго отъ Е. И. В., яко великаго покровителя, сея страны, можетъ быть составлена конституція».

Отвѣтъ Мулла пашѣ, за подписью Чернаго Георгія и совѣта, послѣдовалъ 30 октября 1808 года; отвѣтъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «Хотя мы искренно желаемъ положить конецъ настоящей войнѣ, но какъ намъ извѣстно, что Блистательная Порта не почитаетъ себя обязанною наблюдать договоры и данныя обѣщанія подданнымъ своимъ, каковыми она насъ полагаетъ, то мы, для обезпеченія семействъ нашихъ, себя и имуществъ, просили и просимъ, дать намъ ручательство дворовъ россійскаго и французскаго, безъ чего приступить къ дальнѣйшему трактованію съ Блист. Портою не можемъ» [2]).

Мулла паша, отвѣчая совѣту сербскому, отвергалъ возможность употреблять слово *покровительство сербамъ*, съ чьей бы то ни было стороны, такъ какъ «никто не

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1808, № 308. F.

[2]) Prosorowsky 1808 г. № 323. M. И. Д.

слыхалъ никогда, чтобы высокій Султанъ не держалъ своего слова, да и впредь того дѣлать не будутъ. Поэтому, Мулла паша совѣтовалъ сербамъ, просить только о помилованіи и написать поэтому «смиреннѣйшее и нижайшее письмо» [1]).

На это сербы не отвѣчали вовсе.

Такимъ образомъ, попытка турокъ примириться съ сербами не удалась. Но въ виду предстоящихъ съ Турціей переговоровъ, кн. Прозоровскій желалъ разъяснить вопросъ о томъ, что можетъ быть выговорено въ пользу Сербіи и какъ ее устроить.

Родофиникинъ, отлично знавшій всѣ стороны современнаго быта Сербіи, представилъ по этому вопросу свои соображенія.

Мемуаръ Родофиникина, отъ 2 ноября, заключалъ въ себѣ слѣдующія, относительно Сербіи предположенія.

1) Установить древнія границы Сербіи со стороны Босніи по р. Дрину, при чемъ крѣпость Соколъ, на лѣвомъ берегу Дрины, должна отойти къ Сербіи. Со стороны Албаніи, турки отказываются отъ крѣпости Скопіи и Новаго Базара. Границей съ Македоніей служитъ горный хребетъ, по которому шла древняя граница Сербіи. Крѣпость Нишъ и все пространство до Софіи, также было прежде достояніемъ Сербіи. Восточная граница опредѣляется по р. Тимоку. Острова Дунайскіе присоединить не къ Сербіи, а къ Валахіи.

Но кн. Прозоровскій находилъ, что возстановленіе древней сербской границы «не возможно, и требованіе о томъ даже могущимъ вредить интересамъ Е. И. В., съ пріобрѣтеніемъ границъ россійскихъ по рѣку Дунай». Граница по Тимоку допускалась, но кр. Виддинъ должна остаться за Турціей.

---

[1]) Тоже № 333 Н.

2) Торговля Сербіи съ Турціей должна пользоваться защитою Россіи, и сербы платятъ пошлины, наравнѣ съ россійскими подданными. Родофиникинъ полагалъ также полезнымъ предоставить сербамъ право имѣть свою монету. Кн. Прозоровскій находилъ это излишнимъ.

3) Для интересовъ Россіи было-бы важно установить, чтобы иностранные дипломатическіе агенты въ Сербіи допускались только съ согласія россійскаго двора, подъ покровительствомъ коего Сербія находится, «иначе агенты эти могутъ налагать препоны къ водворенію вліянія Россіи на сей край».

4) Иностранныя державы, въ особенности-же Австрія, будутъ всегда стараться «чинить противное желаніямъ нашимъ въ Сербіи. Невозможно же думать, чтобы Австрія не старалась уменьшить наше здѣсь вліяніе, ибо безъ всякаго сомнѣнія видитъ, что, укоренивши мы здѣсь оное, пріобрѣтемъ знатную надъ нею поверхность, и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась-бы сія держава дѣйствовать противу Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также австрійское министерство, что край сей, будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Болгаріей, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ, возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и сдѣлать что хочемъ въ европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ».

—«Нельзя не согласиться, замѣчаетъ кн. Прозоровскій, съ проницательнымъ и дальновиднымъ въ семъ пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Турція будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ россійскаго двора, а Австріи послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней, и къ удержанію ея даже отъ вчинанія войны».

5) *Власть.* По настоящему состоянію Сербіи въ ней не можетъ быть установлено, ни демократическое, ни

аристократическое правленіе, такъ какъ все сведется къ взаимной враждѣ и интригамъ. Нужна сильная власть, въ рукахъ одного князя, какимъ всего способнѣе оказывается Черный Георгій; но князь долженъ избираться народомъ. Кн. Прозоровскій, напротивъ, высказывался въ пользу наслѣдственной власти князя, потому что иначе, при избраніи новаго князя, будутъ неизбѣжны внутреннія смуты и безпорядки. Турція и Австрія станутъ каждый разъ интриговать, а Россія, какъ держава покровительствующая Сербіи, будетъ имѣть серіозныя затрудненія. Поэтому, княземъ долженъ быть избранъ Черный Георгій, какъ человѣкъ твердаго характера и преданный Россіи.

Сына его и сыновей другихъ старѣйшинъ, воспитывать въ Россіи, которую они должны полюбить, и къ ней привыкнуть.

При князѣ состоитъ сенатъ или совѣтъ, подъ его предсѣдательствомъ. Но послѣ князя первый голосъ принадлежитъ русскому консулу или агенту. Австрія и Франція тоже имѣютъ въ сенатѣ или совѣтѣ своихъ представителей и общими усиліями ограничиваютъ произволъ и водворяютъ порядокъ. При такомъ порядкѣ вещей Австрія, если-бы и желала интриговать противъ Россіи, не можетъ этого сдѣлать.

Для обезпеченія внутренняго порядка въ Сербіи, необходимо ввести регулярные баталіоны изъ сербовъ, и поручить имъ занятіе крѣпостей. Россія дастъ опытныхъ техниковъ изъ артиллеристовъ и инженеровъ, а также строевыхъ офицеровъ, которые поступая на службу въ Сербію, будутъ считаться въ Россіи состоящими въ отпуску.

6) Такъ какъ сербы управляются одними обычаями, то необходимо дать имъ законы, сдѣлавъ нужныя извлеченія изъ русскаго законодательства.

7) Сербія должна платить Турціи дань, не свыше 100.000 піастровъ. «Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ сербамъ»; поэтому слѣдуетъ придать ей видъ уплаты Турціи этой суммы, въ вознагражденіе за тѣхъ болгаръ и босняковъ которые, состоя подданными Порты, переселились въ Сербію, изъ которой иначе они должны быть возвращены въ предѣлы Турціи. Кн. Прозоровскій полагалъ, что Сербія должна состоять подъ покровительствомъ Турціи, такъ какъ сербы «подъ австрійскою державою быть не согласны; присоединить же Сербію къ Россіи не можно, по положенію ея на правомъ берегу Дуная».

8) *Подати.* Каждая сербская семья платила Турціи податей по 40 піастровъ въ годъ. Кромѣ того, всѣ лица мужского пола, начиная съ 8 лѣтняго возраста, платили по 3 піастра, хлѣбной подати. Независимо отъ того сбиралась, натурою, десятая часть всякаго рода хлѣба и винограда. По двѣ пары платилось съ каждой штуки скота. Таможенный сборъ давалъ Турціи до 160.000 піастровъ въ годъ [1]).

Не смотря на такіе поборы, Сербія пользовалась значительнымъ достаткомъ, благодаря своему плодородію, и считалась даже житницею Константинополя. Поэтому, уплачивая Турціи по 100.000 піастровъ въ годъ, она могла, безъ всякаго затрудненія, нести внутреннія подати на нужды страны.

Опредѣленіе этихъ податей должно быть возложено на народный совѣтъ и утверждено Государемъ Императоромъ съ указаніемъ на то, что никто въ Сербіи не имѣетъ уже права налагать новые налоги и требовать дароваго труда, и народъ долженъ отбывать только повинность, по исправленію общественныхъ дорогъ [2]).

---

[1]) Во все время войны съ народа собиралось по 1/10 хлѣба и двадцатая коза и овца для войскъ.

[2]) Prosorowsky 1808 г. № 324. В. Гл. Арх. М. И. Д.

Въ случаѣ, когда пришлось бы выговорить для Сербіи ея независимость, и когда наступитъ время водворять въ ней новую конституцію, слѣдовало ожидать не мало затрудненій. «Самъ Черный Георгій, первый будетъ препоною по введенію устройства». «Всѣ почти поглавари, кромѣ двухъ или трехъ, были до сего или разбойники или свинопасы, изъ лѣса никуда не выходившіе, и понятія ихъ весьма ограничены».

Предстояло прежде всего удалить главнѣйшихъ изъ нихъ, Младена, и Милое, какъ наиболѣе интриговавшихъ противъ Чернаго Георгія. Для этого полагалось просить ихъ пріѣхать въ Петербургъ, какъ людей наиболѣе почетныхъ, для заявленія своихъ мнѣній по дѣламъ Сербіи, и удержать ихъ тамъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пока въ Сербіи не утвердится конституція.

Самаго Чернаго Георгія также нужно было пригласить, мѣсяца на два, для переговоровъ съ кн. Прозоровскимъ и, пользуясь его отсутствіемъ, устроить дѣла Сербіи такъ, чтобы по своемъ возвращеніи «онъ нашелъ уже все оконченнымъ».

Только этимъ путемъ будетъ отстранена междоусобная въ Сербіи война. «Я могу смѣло сказать, говоритъ Родофиникинъ, что единое присутствіе россійскаго чиновника спасло отъ гибели Сербію, безъ чего здѣсь была бы давно уже междоусобная война. Къ тому-же, Австрія не щадитъ усилій, чтобы интригами и происками препятствовать утвержденію въ Сербіи всякаго порядка.

«Австрія не можетъ никогда взирать равнодушно на благополучіе сербовъ. Болѣе 2 милліоновъ единоплеменцевъ и единовѣрцевъ ихъ состоитъ подъ владѣніемъ австрійскимъ, коимъ они весьма недовольны. Слѣдственно, австрійскій дворъ, когда край сей (Сербія) начнетъ процвѣтать, долженъ ожидать, или знатное число бѣглецовъ или совершенное возстаніе австрійскихъ сербовъ. А потому, интересъ онаго требуетъ, стараться всячески

безпокоить сію землю интригами и, не допускать никогда, чтобъ нація здѣшняя пользовалась спокойствіемъ и строгимъ правосудіемъ, дабы отнять отъ своихъ сербовъ всякую охоту бѣжать сюда, или послѣдовать примѣру здѣшнихъ въ возстаніи» [1]).

Этимъ обзоромъ закончимъ сербскія дѣла къ концу 1808 года, и обратимся къ ходу дальнѣйшихъ переговоровъ кн. Прозоровскаго съ турецкимъ правительствомъ.

VII.

Переговоры съ Турціей, съ начала 1809 г.

Уже въ концѣ 1808 г. можно было сильно сомнѣваться въ готовности Порты принять требуемыя отъ нея Россіей условія мира. Турція была осторожна только въ виду того, что не могла вести зимней кампаніи. Являлось необходимымъ ясно обнаружить ея истинныя намѣренія.

«Я изъяснилъ вамъ мое желаніе, писалъ Императоръ Александръ кн. Прозоровскому отъ 23 января 1809 г., какъ можно скорѣе обнаружить истинное расположеніе Порты къ миру или войнѣ, дабы воспользоватъся частію зимней кампаніи, въ случаѣ несогласія турецкихъ полномочныхъ на прилиминарныя статьи». По поводу доводовъ кн. Прозоровскаго, относительно невозможности открыть кампанію ранѣе марта 1809 года, въ рескриптѣ говорится:—«Я почитаю нужнымъ вторично поставить вамъ въ виду, что доходящія сюда извѣстія, совокупно утверждаютъ, о намѣреніи Порты медлить переговорами и выигрывать время, выжидая благопріятнѣйшихъ для себя происшествій, что весьма

---

[1]) Prosorovsky 1808 г. № 324. С. Гл. Арх. М. И. Д.

согласуется съ настоящимъ положеніемъ сей имперіи. Къ сей увѣренности присовокупляется еще другая, ни малѣйшему сомнѣнію не подверженная, что турки не согласятся уступить границы по Дунай, не бывъ къ этому принуждены силою оружія. А затѣмъ, вы сами видите, что не остается другого средства достигнуть до желаемаго мира, какъ посредствомъ войны, къ начатію коей, безъ отлагательства, сколько побуждаютъ, съ одной стороны, надежды на выгодное положеніе дѣлъ нашихъ относительно Порты, столько же и европейскія обстоятельства, дабы воспользоваться стеченіемъ происшествій, кои могутъ перемѣниться». [1]).

Возвращаясь вскорѣ опять къ этому предмету, Императоръ Александръ, собственноручно писалъ, отъ 5-го февраля 1809 г., главнокомандующему: «перемиріе, доселѣ съ Портою существовавшее, основано было на правилахъ умѣренности, коимъ я постоянно въ семъ дѣлѣ съ самаго начала держался, и на коихъ желалъ основать миролюбивое его окончаніе. Но среди сихъ мирныхъ сближеній, Порта перемѣнила свое поведеніе. Готовясь съ нами говорить о мирѣ она, между тѣмъ, допустила къ себѣ англійскаго полномочнаго, и слѣдовательно, отвергла на дѣлѣ то, что на словахъ предлагала. Поступокъ сей пріемлю я совершеннымъ разрывомъ и прекращеніемъ перемирія».

Вслѣдствіе того, кн. Прозоровскій немедленно долженъ былъ послать въ Константинополь довѣренное лицо, и именемъ императора объявить турецкому правительству: — «Что пріемъ англійскаго уполномоченнаго въ Константинополѣ, какъ писалъ Императоръ Александръ, считаю я совершеннымъ разрывомъ перемирія. Что вслѣдствіе того не будутъ приняты никакія предложенія о мирѣ, хотя бы даже уполномо-

---

[1]) Приложеніе № 4. Дѣло. В. Уч. Арх. № 1368, стр. 15.

ченные ихъ на мѣсто прибыли, если англійскій министръ не будетъ высланъ, и посланный вами чиновникъ *чрезъ два дня* не отправится съ отвѣтомъ, въ точности сему требованію удовлетворяющимъ. Что сей *двухдневный срокъ* есть послѣдній, и что по возвращеніи посланнаго отъ васъ, безъ удовлетворительнаго отвѣта, имѣете вы повелѣніе открыть военныя дѣйствія [1])».

Наступало время когда, по первоначальнымъ соображеніямъ кн. Прозоровскаго, войска наши могли уже начать кампанію 1809 года.

Между тѣмъ, въ началѣ февраля, прибыли изъ Видина, высланные визиремъ турецкіе уполномоченные, для ясскихъ переговоровъ. Но вслѣдствіе обнаруженныхъ переговоровъ Турціи съ Англіей о замиреніи между ними о союзѣ, тянуть время въ переговорахъ было невозможно. Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19 апрѣля, Императоръ писалъ кн. Прозоровскому: «положеніе дѣлъ политическихъ заставляетъ меня желать нанесть Портѣ силѣный и рѣшительный ударъ, дабы, кончивъ поспѣшно съ нею, могъ я располагать арміею вамъ ввѣренною, по обстоятельствамъ. Для достиженія сего предмета, переходъ за Дунай и быстрое движеніе на Царьградъ мнѣ кажутся необходимы. Для маскированія же крѣпостей можно оставить корпусъ особый».

Такое положительное рѣшеніе Императора Александра являлось, какъ результатъ, нашихъ отношеній къ европейскимъ государствамъ. Туже необходимость, подкрѣпить военными дѣйствіями успѣхъ предстоящихъ съ турецкими уполномоченными переговоровъ, высказывалъ и гр. Румянцевъ, въ письмѣ кн. Прозоровскому изъ Парижа, отъ $^{7}/_{19}$ января 1809 года [2]). — «Внутреннее без-

---

[1]) Приложеніе № 5 Дѣло № 1368, В. Уч. Арх., стр. 17.

[2]) Prosorowsky 1809 г. № 92. М. И. Д.

началіе въ турецкой имперіи, говоритъ гр. Румянцевъ, истощило послѣдніе ея способы, приближаетъ, конечно, державу сію къ паденію. Не можетъ она не чувствовать теперь, что скорое примиреніе съ Россіей содѣлывается для нея необходимымъ. Для насъ весьма было бы выгодно воспользоваться замѣшательствомъ дѣлъ ея, дабы, сколь можно, ускорить заключеніе съ нею мира, на извѣстныхъ уже правилахъ, ибо въ продолженіе времени, обстоятельства могутъ перемѣниться. Слабость, въ каковую теперь приведена Порта, можетъ возродить желаніе въ другихъ державахъ, къ совершенному раздробленію Оттоманской имперіи; а польза наша требуетъ, чтобы мы совершили пріобрѣтеніе занимаемаго уже нами края, не входя ни съ кѣмъ въ соучастіе, и не допуская, чтобы другіе, въ то-же самое время, на счетъ Порты воспользовались. Въ томъ критическомъ положеніи, въ каковомъ теперь находится Порта, конечно, для пріобрѣтенія съ нами мира, согласится она на пожертвованія; но чтобы ускорить тѣмъ, то нужно, по мнѣнію моему, мирныя наши предложенія подкрѣпить военною демонстраціею, и безъ потери времени».

По мнѣнію гр. Румянцева, слѣдовало, прежде всего, потребовать установленія границы по Дунай и—«обезпеченія жребія Сербіи, а до полученія на то рѣшительнаго отъ турецкихъ полномочныхъ отвѣта, не входить съ ними въ разсужденія о прочемъ [1])».

Затѣмъ, отъ $^{9}/_{21}$ февраля того же года, онъ писалъ: «первыя неудачи понудятъ Порту искать съ нами мира, и съ помощію Божіею онъ можетъ быть подписанъ, на подобіе Кайнарджисскаго, въ самомъ шатрѣ фельдмаршальскомъ». Воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Порта, вслѣдствіе происшедшей въ Константинополѣ революціи, было

---

[1]) Campagnes Turquie. 1809. № 1—86. Prosorowsky. М. И. Д.

важно уже потому, что иначе этимъ могъ воспользоваться, въ свою пользу, Наполеонъ.

«Боюсь, писалъ гр. Румянцевъ Императору Александру, еще $^{15}/_{27}$ декабря 1808 года, чтобы Императоръ Наполеонъ не сталъ говорить, сообразно съ происшедшими въ Константинополѣ событіями, и не предложилъ прибѣгнуть къ полному раздѣлу Оттоманской имперіи. Пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи, безъ чьего либо содѣйствія, для насъ чрезвычайно важно. Нужно стараться закончить то, что было постановлено по этому предмету въ Эрфуртѣ et l'achever vite. Безъ военныхъ дѣйствій мы не достигнемъ этого присоединенія: для этого нужно перейти Дунай. Было-бы важною политическою ошибкою, не воспользоваться бѣдствіями Константинополя» [1]).

Австрія также проявила свои намѣренія относительно Порты. $\frac{\text{27 декабря 1808 г.}}{\text{8 января 1809 г.}}$ гр. Румянцевъ доносилъ Императору Александру, что австрійскій посолъ въ Парижѣ, Меттернихъ, сообщилъ ему о важномъ открытіи, состоящемъ въ томъ что, по плану Наполеона, въ Варшавѣ учрежденъ секретный комитетъ, имѣющій цѣлью возбудить возстаніе въ Галиціи, съ цѣлью присоединенія ея къ герцогству Варшавскому. Князь Сапѣга отправился изъ Парижа для развитія этого заговора, и находится въ перепискѣ съ молдавскимъ митрополитомъ. «Меттернихъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ прямо: «наступитъ время, когда легко покончить съ имперіей оттомановъ; но для этого необходимо, чтобы Россія и Австрія сами завершили это дѣло, не допуская, чтобы кто либо третій, въ него вмѣшался и получилъ свою часть».

— «Я хранилъ молчаніе и быстро обратилъ разговоръ къ другимъ предметамъ», писалъ гр. Румянцевъ [2]).

Но не говоря уже о томъ, что кн. Прозоровскій не

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1809 г.
[2]) Prosorovsky 1809 г. M. И. Д.

находилъ возможнымъ открыть въ данную минуту военныя дѣйствія, онъ зналъ, что турецкіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ, находятся уже на пути слѣдованія въ нашу главную квартиру; поэтому нужно было узнать, въ чемъ состоятъ ихъ уполномоченія, и какой они дадутъ отвѣтъ на наши требованія; иначе, иностранныя державы могли бы упрекнуть русское правительство въ томъ что, не смотря на готовность Турціи приступить къ переговорамъ о мирѣ, Россія, не дождавшись даже пріѣзда уполномоченныхъ Порты, открыла военныя дѣйствія. Въ Константинополѣ хорошо понимали это неудобство и на него расчитывали: уполномоченнымъ велѣно было ѣхать медленно и кружнымъ путемъ, приискавъ причину, которою можно было-бы объяснить необходимость такого путешествія.

16 января 1809 г. кн. Прозоровскій писалъ гр. Салтыкову [1]), что такъ какъ турецкіе уполномоченные все еще не пріѣзжали то, вѣроятно, хотятъ только выиграть время; поэтому кн. Прозоровскій предполагалъ издать манифестъ, въ которомъ будетъ сказано что, относя замедленіе турецкихъ уполномоченныхъ въ пути къ ихъ желанію выиграть время, онъ прекращаетъ перемиріе и начинаетъ военныя дѣйствія.

24 декабря ст. ст. 1808 г., Рейсъ-Эфенди, Гулибъ Эфенди, и два другихъ турецкихъ уполномоченныхъ, увѣдомили кн. Прозоровскаго письмомъ, полученнымъ только 18 января 1809 года, о выѣздѣ ихъ въ Бухарестъ; но что сильный разливъ горныхъ рѣкъ и крайне дурныя дороги заставляютъ ихъ дѣлать кружный путь. Поэтому они не могутъ такъ скоро, какъ желаютъ, прибыть въ Бухарестъ.

Кн. Прозоровскій отвѣчалъ на это письмомъ отъ 22 января 1809 года, въ которомъ говоритъ что, со-

---

[1]) Prosorowsky 1809 г. № 92. М. И. Д.

гласно бывшимъ съ погибшимъ визиремъ Мустафа пашею условіямъ, Бухарестъ никогда не назначался мѣстомъ конгреса; напротивъ, имѣя главную квартиру въ Яссахъ, и не имѣя возможности оставить ее, онъ повторяетъ свое требованіе, чтобы конгресъ состоялся въ Яссахъ, гдѣ былъ уже заключенъ и мирный трактатъ 1791 года.

Съ этимъ письмомъ былъ отправленъ адъютантъ кн. Прозоровскаго, князь Меньшиковъ.

15 января турецкіе уполномоченные прибыли въ Виддинъ, намѣреваясь 20 числа переправиться въ Калафатъ и слѣдовать въ главную квартиру русской арміи, въ числѣ 150 человѣкъ всей свиты и 80 вьючныхъ лошадей. Генералъ Милорадовичъ распорядился, чтобы всей этой свитѣ была дана возможность прибыть по назначенію въ Яссы. Флигель-адъютанту Хитрово было поручено встрѣтить и проводить до Яссъ, Рейсъ Эфенди съ его свитою, приготовляя на каждой станціи, отъ Виддина до Яссъ, фуражъ для 80 лошадей и продовольствіе для 150 челов. свиты; заготовлять сверхъ того, 636 лошадей, принимая всѣ расходы на нашъ счетъ. Изъ Бухареста было выслано для турецкихъ уполномоченныхъ 6 каретъ, 16 колясокъ и 6 каруцъ [1]).

Порта дѣйствительно имѣла только въ виду выиграть время, въ ожиданіи новыхъ политическихъ комбинацій, способныхъ измѣнить къ лучшему ея затруднительное положеніе.

Изъявивъ готовность вести переговоры о мирѣ съ Россіей, она въ то же время входила въ союзъ съ Англіей, съ которой Россія и Франція находились въ войнѣ. Австрія, сдѣлавъ Россіи предложеніе о раздѣлѣ Турціи, устранивъ отъ него Францію, съ цѣлью поссорить Наполеона съ Императоромъ Александромъ, и видя безуспѣшность сдѣ-

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1809 r

ланной попытки, употребляла теперь усилія, воспрепятствовать замиренію Турціи съ Россіей, какъ союзникомъ Франціи, съ которою готовилась начать войну. Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ, не смотря на союзъ его съ Россіей и, вопреки своимъ эрфуртскимъ обѣщаніямъ, тайно старался возбудить въ Портѣ надежды сохранить за ней все ея достояніе, и тѣмъ побуждалъ ее противиться уступкамъ, которыя могли усилить Россію новыми пріобрѣтеніями.

Такимъ образомъ, Россія ни на кого не могла расчитывать; Турція расчитывала на всѣхъ и на все, какъ утопающій хватается за плывущую соломинку, и это, возбуждая ея надежды, усиливало рѣшимость не уступать.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Салтыковъ, писалъ кн. Прозоровскому отъ 7 февраля 1809 года: «хоть вѣнскій дворъ удостовѣряетъ насъ, что намѣренъ наблюдать строгій нейтралитетъ, въ разсужденіи турецкихъ дѣлъ, давая чувствовать что въ случаѣ, если бы дошло дѣло до расширенія предѣловъ россійскихъ на счетъ Турціи, и тогда бы оному не препятствовалъ; однако, сближеніе Австріи съ Англіей и склоненіе къ тому же Турціи, заставляетъ не довѣрять Австріи, и требуетъ наблюденія за движеніемъ ея войскъ въ Буковинѣ, чтобы не попасть, неожиданно, подъ угрозы Австріи, когда наши войска начнутъ въ Турціи новую кампанію. Но пока положеніе занятое Австріей, остается только сомнительнымъ, необходимо скоро одержать рѣшительные успѣхи надъ турками».

Но Австріи было не до новыхъ попытокъ противъ Россіи. Ей самой грозила новая война съ Наполеономъ, ставившимъ ей въ упрекъ то, что она сближается съ Англіей и дѣлаетъ военныя приготовленія, которыя заставляютъ его держать значительную армію въ Германіи.

Гр. Румянцевъ писалъ кн. Прозоровскому изъ Парижа, отъ $^{9}/_{21}$ февраля 1809 г.:—«Мало остается надежды, чтобы безъ войны у нихъ обошлось. Въ разговорахъ моихъ по сему предмету съ Императоромъ, хотя онъ и отзывался, что не начнетъ войны, пока Австрія къ тому его не принудитъ; но ежедневные противъ нея упреки, подъ конецъ же, нѣкоторая даже воздержность отъ колкихъ на счетъ ея выраженій, каковыя обыкновенно имъ были употребляемы—все сіе принимаю я за доказательство, что онъ готовится устремить на нее сильные удары».

Въ то самое время, когда $^{9}/_{21}$ февраля, гр. Румянцевъ, готовился сѣсть во Франкфуртѣ въ экипажъ, для отъѣзда въ Петербургъ, прибылъ изъ Константинополя курьеръ, съ депешами отъ Латуръ-Мобурга, который доносилъ что, не смотря на его усилія, Турція подписала союзный договоръ съ Англіей. Но усилія французскаго посла, съ цѣлью помѣшать Турціи заключить миръ съ Россіей, удались вполнѣ [1]).

Сближеніе Турціи съ Англіей ясно показывало неискренность намѣреній Порты относительно замиренія съ Россіей. Подтвержденіе этой мысли можно было найти и въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ изъ Вѣны, о которыхъ кн. Прозоровскій доносилъ Императору отъ 9 февраля 1809 года.

«Изъ офиціальнаго отношенія, пребывающаго въ Вѣнѣ, В. И. В. повѣреннаго въ дѣлахъ, Анстета, извѣстно мнѣ, что въ инструкціяхъ, данныхъ отъ Порты полномочнымъ, первая статья состоитъ въ томъ, чтобы медлить путешествіемъ своимъ, сколь возможно; а вторая, чтобы не принимать къ основанію прелиминаріи негоціацій другаго положенія кромѣ status quo, прежде начатія нынѣшней войны».

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky. 1809 г.

Но призвавъ турецкихъ полномочныхъ, находившихся уже въ предѣлахъ расположенія русской арміи, нельзя было прервать перемиріе, которое само собою должно было прерваться въ самомъ началѣ переговоровъ. Тогда князь Прозоровскій намѣревался, въ началѣ марта, приступить къ военнымъ операціямъ и, прежде всего, овладѣть крѣпостями на лѣвомъ берегу Дуная. Была надежда занять Журжу безъ сопротивленія, такъ какъ въ ней былъ только незначительный гарнизонъ изъ обывателей; можно было также расчитывать на занятіе Измаила безъ боя, такъ какъ энергическій Пегливанъ-паша былъ изгнанъ изъ Измаила, занялъ Тульчу, и самъ готовился дѣйствовать враждебно противъ Измаила. Затѣмъ, доносилъ кн. Прозоровскій, «къ 10 апрѣля надлежитъ ожидать травъ и корму для скота; тогда перенесусь съ арміею на правый берегъ Дуная».

Рейсъ Эфенди, исполняя данныя ему инструкціи, дѣлалъ все съ цѣлью замедлить свое путешествіе. Состояніе дорогъ давало ему средство ссылаться на невозможность болѣе скорой ѣзды. Онъ объявилъ, что долженъ не разлучаться со всею своею свитою, для слѣдованія которой по одному и тому-же тракту, требовались огромныя заготовленія лошадей, такъ что свита проѣзжала въ сутки не болѣе 20 верстъ [1]).

Итакъ, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что предполагаемые переговоры съ Турціей не приведутъ къ желаемому концу, тѣмъ болѣе, что сближеніе Порты съ Англіей было уже извѣстно.

Мы видѣли, что еще 5 февраля, Императоръ Александръ приказалъ кн. Прозоровскому требовать высылки изъ Константинополя англійскаго посла.

---

[1]) Гр. Румянцевъ къ кн. Прозоровскому изъ Франкфурта на Майнѣ $^{9}/_{21}$ февраля 1809 г. М. И. Д. Prosorowsky. 1809 г. М. И. Д.

Неудовлетворительнаго отвѣта на такое требованіе можно было ожидать уже изъ хода парижскихъ переговоровъ, о которыхъ гр. Румянцевъ, въ письмѣ кн. Прозоровскому отъ 19 марта 1809 года писалъ: «мирныя негоціаціи наши съ Портою Оттоманскою до сей поры ограничились въ Парижѣ *однимъ* только обмѣномъ обоюдныхъ полномочій»; и за нѣсколько дней предъ тѣмъ, отъ 11 марта: «Предметъ наивеличайшей для насъ важности есть поспѣшное заключеніе мира на извѣстныхъ правилахъ, и потому Е. В. угодно, чтобы и по окончаніи перемирія, ваше сіятельство не отвергали трактованія о мирѣ, но не останавливая уже для того военныхъ дѣйствій».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, гр. Румянцевъ указывалъ и на то, что успѣху нашихъ военныхъ операцій за Дунаемъ могутъ не мало содѣйствовать раздоры между турецкими военноначальниками, чѣмъ немедленно слѣдуетъ воспользоваться. Но въ письмѣ къ гр. Салтыкову, отъ 9 февраля 1809 г., Кн. Прозоровскій указывалъ на причины, которыя не дозволяютъ ему, въ настоящее время, открыть кампанію.

«Пребываніе, говоритъ онъ, за Дунаемъ, въ теченіе прошедшаго лѣта нѣкотораго числа турецкихъ войскъ, изнурили и истощили обывателей до того, что нельзя тамъ найти ни клочка сѣна и соломы». Что же касается до сдѣланнаго гр. Румянцевымъ совѣта воспользоваться раздорамъ турецкихъ начальниковъ и сдѣлать демонстрацію къ Балканамъ, то на это кн. Прозоровскій замѣчаетъ:—«Турки сами могутъ уразумѣть, да и особы при миссіяхъ европейскихъ въ Константинополѣ пребывающія, увѣрятъ ихъ, что ввѣренной начальству моему арміи, въ настоящее время, чрезъ горы, и глубокими снѣгами, пройти не можно. Слѣдовательно, демонстрація сія не можетъ произвести никакой перемѣны въ нашу пользу».

«Французское министерство льститъ туркамъ. Кажется, что политика французскаго двора противу Порты есть таже самая, что и прежде была, т. е. что какъ издревле, называли турокъ французскими гончими собаками: дѣлаютъ изъ нихъ что хотятъ. Весьма вѣроподобно, что теперь, по заключеніи мира между Портою и Англіею, въ Императорѣ Наполеонѣ возродится желаніе присвоить себѣ европейскую часть турецкой имперіи. Съ моей стороны я полагаю, что необходимо нужно, дабы Константинополь, полуостровъ Морея и острова Танедосъ и Лемносъ, закрывающіе входъ въ Дарданеллы, оставались за нами. Съ турками еще можно было ладить; но отъ французовъ трудно будетъ имѣть свободный проходъ чрезъ Дарданеллы, даже и для купеческихъ судовъ» [1]).

Между тѣмъ, употребляя всѣ возможныя средства замедлить свое путешествіе, турецкіе уполномоченные, во главѣ которыхъ находился Гулибъ Эфенди, прибыли наконецъ въ Яссы, 24 февраля.

Но еще 26 февраля, кн. Прозоровскій отправилъ въ Константинополь, съ полковникомъ Хитрово, письмо, въ которомъ требовалъ, именемъ Императора, категорическаго отвѣта, не позже какъ черезъ 48 часовъ, на русскій ultimatum, выслать англійскаго посла изъ столицы Порты.

Въ ожиданіи отвѣта на это письмо, Ясскіе переговоры не могли имѣть никакого рѣшительнаго характера. Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскій составилъ слѣдующую инструкцію лицамъ, назначеннымъ для веденія переговоровъ: г.-л. Милорадовичу, сенатору Кушникову и г.-м. Гартингу.

1) Враждебныя дѣйствія, прекращенныя съ обѣихъ сторонъ, не возобновляются до подписанія прелими-

---

[1]) Prosorowsky 1809. М. И. Д. 87—168.

нарныхъ условій мира и потомъ, до заключенія самаго мира.

2) Всѣ трактаты, акты и конвенціи, заключенныя между обѣими державами до войны, подтверждаются въ полной ихъ силѣ, съ измѣненіемъ лишь того, въ чемъ уже прежде было условлено, и что имѣетъ измѣниться по заключаемому трактату.

3) Молдавія, Валахія и Бессарабія навсегда присоединяются къ россійской имперіи, такъ что рѣка Дунай составитъ впредь границу между Россіей и Турціей. Всѣ острова Дуная, лежащіе влѣво отъ фарватера, ближе къ лѣвому берегу рѣки, будутъ принадлежать Россіи, а правѣе его остаются за Турціей.

Къ числу острововъ, отходящихъ къ Россіи, относится островъ, извѣстный подъ названіемъ Острова, противъ Малой Валахіи[1]), такъ какъ онъ лежитъ ближе къ лѣвому берегу Дуная.

Что касается до устьевъ Дуная, то лѣвый берегъ Георгіевскаго гирла признается границею Россіи, а правый берегъ границею Турціи.

4) Срокъ очищенія турецкими войсками крѣпостей, на лѣвомъ берегу Дуная, будетъ опредѣленъ въ окончательномъ мирномъ договорѣ.

Крѣпости эти будутъ сданы русской арміи, со всѣми находящимися въ нихъ пушками и военными припасами.

5) Блистательная Порта торжественно обѣщаетъ полную амнистію и забвеніе прошлаго всѣмъ своимъ подданнымъ, къ какой бы религіи они не принадлежали, которые принимали какое либо участіе въ настоящей войнѣ, и что никто изъ нихъ не подвергнется за это никакому преслѣдованію.

6) Блистательная Порта дозволяетъ Сербіи установить ея внутреннее правительство, согласно общему же-

---

[1]) Вѣроятно ос. Кербовъ.

ланію націи, и остаться во владѣніи землями и городами, которыми нынѣ владѣетъ, такъ что никто, къ какой бы религіи ни принадлежалъ, не можетъ быть обезпокоенъ или изгнанъ изъ своихъ владѣній. Въ благодарность за то, сербы уплачиваютъ Портѣ ежегодный взносъ (tribut), точный и неизмѣняемый, при чемъ Порта не имѣетъ уже права прибѣгать ни къ какимъ военнымъ экзекуціямъ въ Сербіи, и не имѣть въ ней ни своихъ сборщиковъ, ни другихъ чиновниковъ.

Для доказательства своей искренности и дружбы къ Россіи, Порта соглашается предоставить Россіи право, гарантировать для Сербіи точное исполненіе настоящаго условія.

7) Порта признаетъ Грузію, Имеретію, Мингрелію и Гурію въ вѣчномъ владѣніи Россіи и навсегда отрекается отъ своихъ притязаній на эти провинціи. Равнымъ образомъ, Порта соглашается признать покровительство Россіи надъ Сербіей, и отказывается отъ какихъ бы то ни было правъ своихъ, по отношенію къ Абхазіи.

Для избѣжанія въ будущемъ поводовъ къ спорамъ и несогласіямъ, Порта уступаетъ Россіи крѣпостцу Поти, на лѣвомъ берегу Ріона. Граница Азіатская съ Турціей останется прежняя, а именно: гребень горъ, идущихъ вдоль всей Карталиніи, до озера Топараваль, переходя затѣмъ цѣпь горъ, отдѣляющихъ пашалыки Карскій и Ахалцыхскій, и слѣдуетъ далѣе по рѣкѣ Арпачаю, который, проходя провинцію Шурагельскую, впадаетъ въ Куру.

8) Блистательная Порта соглашается дозволить русскимъ военнымъ судамъ, какого бы наименованія и величины они ни были, свободный проходъ по Босфору и Дарданелламъ [1]).

Невозможно было ожидать, чтобы Турція рѣшилась

---

[1]) Prosorowsky. 1809. № 120. М. И. Д.

принять эти условія. Но съ другой стороны, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что турецкіе уполномоченные, желая затянуть время, будутъ ссылаться на разныя причины, не дозволяющія имъ дать прямой отвѣтъ.

Поэтому кн. Прозоровскій въ инструкціи, данной русскимъ уполномоченнымъ, требовалъ чтобы, прежде всего, при первой же конференціи, повѣрить взаимныя полномочія. Если окажется что Гулибъ Эфенди не имѣетъ полной мочи подписать предварительныя условія мира, и сошлется на необходимость испросить дополнительныя указанія изъ Константинополя, то объявить ему, что въ такомъ случаѣ, приступать къ переговорамъ излишне, такъ какъ еще прежде, съ визиремъ Мустафа пашею было условлено, что турецкіе уполномоченные должны быть снабжены полною властью, трактовать и подписать условія. Прервавъ переговоры, слѣдовало объявить, что перемиріе прекращается и русскія войска начнутъ военныя дѣйствія.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ передать Гулибъ Эфенди наши требованія и добавитъ, что ежели Турція пожелаетъ вновь вступить въ переговоры, то чтобы имѣла въ виду, что предъявленныя ей условія есть ultimatum, и что если Россія и готова принять вновь турецкихъ уполномоченныхъ то, ни въ какомъ случаѣ, не прекратитъ военныхъ дѣйствій, отъ результатовъ которыхъ будутъ зависѣть и новыя наши требованія.

Что ясскіе переговоры ни къ чему не приведутъ, можно было ясно видѣть еще ранѣе прибытія въ Яссы турецкихъ уполномоченныхъ. Драгоманъ, назначенный со стороны русскаго правительства, для встрѣчи Гулибъ Эфенди и его свиты, статскій совѣтникъ Фонтонъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, завелъ разговоръ политическаго содержанія. Онъ сказалъ Гулибъ-Эфенди, что русское правительство очень недовольно перемѣною въ поведеніи Порты, именно ея рѣшеніемъ, заключить дого-

воръ съ Англіей, съ которой Россія находится въ войнѣ,—и что это можетъ затруднить переговоры наши съ Турціей.

—«Ни въ постановленномъ перемиріи, ни въ перепискѣ по поводу настоящихъ переговоровъ, Турція не принимала на себя никакихъ обязательствъ, относительно свободы своихъ сношеній съ Англіей, сказалъ на это Гулибъ Эфенди. Англія присылала въ Константинополь двухъ своихъ уполномоченныхъ для заключенія договора, но оба они получили уклончивые и неопредѣленные отвѣты. Тогда былъ присланъ третій уполномоченный, Адеръ (Adair), который, получивъ также уклончивый отвѣтъ, прибѣгнулъ къ угрозамъ и объявилъ, что такъ какъ Англія есть первая по могуществу морская держава въ Европѣ и не намѣрена вести пустую игру, то если Турція не дастъ удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе Англіи, послѣдняя начнетъ съ нею ожесточенную войну. Порта не была въ состояніи противиться этой угрозѣ. Къ тому же, министерство Порты получило свѣдѣнія, что въ Эрфуртѣ, Россія и Франція согласились сдѣлать Англіи предложеніе о мирѣ, и что если миръ между Франціей и Англіей не состоится, то Россія можетъ одна заключить миръ съ Англіей, не принимая лишь постановленій, явно вредныхъ для интересовъ Франціи. Наконецъ, Турція состояла въ войнѣ съ Англіей только по поводу угрозъ Арбутнота, поддерживавшаго требованія Россіи, передъ началомъ настоящей войны. Сверхъ того, Порта всегда была того мнѣнія, что война Россіи съ Англіей имѣла только видъ любезности (complaisance) къ Франціи, такъ какъ для этой войны Россія не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ и важныхъ для себя интересовъ.

«Такимъ образомъ, Россія легко могла примириться съ Англіей и Турціей. Не принявъ предложеній Англіи,

Порта осталась-бы одинокой, какъ это случилось и послѣ тильзитскаго мира» [1]).

Затѣмъ, по прибытіи турецкихъ уполномоченныхъ въ Яссы, Фонтонъ, желая лучше разъяснить ихъ намѣренія, имѣлъ 27 февраля свиданіе съ княземъ Мурузи, драгоманомъ турецкаго посольства. Мурузи распространился о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находится посольство, такъ какъ если переговоры не приведутъ къ желаемому концу, то посольство турецкое не можетъ, ни возвратиться въ Константинополь, гдѣ его возвращеніе будетъ признано преступленіемъ, ни остановиться въ какомъ нибудь городѣ за Дунаемъ, гдѣ оно не можетъ быть въ безопасности, въ особенности когда начнутся за Дунаемъ военныя дѣйствія.

Фонтонъ замѣтилъ на это, что и положеніе русскаго главнокомандующаго также будетъ весьма непріятнымъ, если турецкіе уполномоченные не рѣшатся удовлетворить настоятельнымъ требованіямъ Россіи; что тогда фельдмаршалъ, не ожидая никакихъ сообщеній изъ Константинополя, намѣренъ переѣхать 15 марта въ Фокшаны и приготовить армію къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій.

— «Посовѣтуйте фельдмаршалу, сказалъ кн. Мурузи, написать Гулибъ-Эфенди письмо, чтобы онъ объявилъ Адеру, что миръ, заключенный между Турціей и Англіей, препятствуетъ заключенію мира между Россіей и Портой. Поэтому, если отдѣльный миръ Турціи съ Англіей и Россіей не состоится, то Порта должна будетъ соединиться съ Франціей».

Фонтонъ отвѣтилъ на это, что подобное заявленіе Адеру ни къ чему бы не привело, а Россіи, союзницѣ Франціи, было бы странно предлагать союзъ по-

---

[1]) Rapport du cons. d'Etat Fonton au M-r Prince Prosorowsky. М. И. Д. Prosorowsky 1809 г. № 127 B.

слѣдней съ Турціей, съ которой мы еще не кончили войны [1]).

Въ разговорѣ, послѣдовавшемъ 28 февраля, Фонтонъ указалъ на крайне затруднительное положеніе Порты и что, поэтому, она неизбѣжно должна будетъ уступить Россіи требуемую часть своихъ владѣній и напрасно расчитываетъ на счастливыя обстоятельства, могущія отклонить ея паденіе.

—«Однако, сказалъ Мурузи, нужно сознаться, что подобный расчетъ лишенъ основаній. Зависть, руководящая другими державами, которая до сихъ поръ служила, такъ сказать, оборонительнымъ постомъ для турокъ, всегда будетъ заявлять себя въ пользу интересовъ Турціи и ея сохраненія; такъ, не смотря на дружественныя отношенія, нынѣ существующія между Россіей и Франціей, повѣренный въ дѣлахъ послѣдней, подалъ Портѣ официальную ноту, въ которой требуетъ ея обязательства не уступать Россіи ни пяди земли изъ своихъ владѣній. Порта желала избѣжать принятія такого обязательства, такъ какъ это могло стѣснить ея свободу дѣйствій. Но французскій повѣренный, съ энергіей и сердясь, продолжалъ настаивать, такъ что Порта должна была согласиться, но приняла только болѣе легкую форму для выраженія».

Справедливость того, что Англія силою заставила Турцію принять ея союзъ и увѣряла Порту, что Россія, находясь въ тайной дружбѣ, хотя и въ официальной враждѣ съ Англіей, не будетъ противъ такого союза, подтвердилъ и прибывшій 17 февраля въ Яссы, Леду, секретарь повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи при константинопольскомъ дворѣ, Латуръ-Мобурга.

Выражая мысли послѣдняго, Леду, подалъ кн. Прозоровскому записку, въ которой доказывалъ необходи-

---

[1]) Тоже № 130 А.

мость, чтобы Россія, предъ цѣлымъ свѣтомъ показала, что она съ Англіей состоитъ въ явной враждѣ.

Въ запискѣ своей Леду говоритъ, что англичане, то угрожаютъ Портѣ блокировать Дарданеллы, то даютъ ручательство, что Молдавія и Валахія не будетъ отъ нея отторгнуты въ пользу Россіи. Только благодаря опасенію потерять оба княжества, турки рѣшились впустить англичанъ въ свою столицу.

Турки полагаютъ, что Англія дѣйствительно можетъ рѣшить вопросъ о княжествахъ въ интересахъ Турціи, такъ какъ думаютъ, что Россія состоитъ въ тайномъ союзѣ съ Англіей.

Пока эта увѣренность будетъ существовать, турецкіе уполномоченные не сдѣлаютъ ни малѣйшей уступки требованіямъ Россіи, въ особенности же по вопросу объ уступкѣ княжествъ, и будутъ думать, что самое возбужденіе этого вопроса служитъ только маскою, что Англія давно уже выговорила отъ русскаго двора обѣщаніе отказаться отъ притязанія присоединить Молдавію и Валахію къ своей территоріи. Но когда турки убѣдятся, что Англія не имѣетъ никакого вліянія на политику Россіи, которая твердо рѣшилась присоединить къ своимъ владѣніямъ оба княжества, сродныя съ нею по нравамъ, религіи и общимъ интересамъ; и что она имѣетъ достаточныя силы, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ, тѣже турки уступятъ во всемъ, но прежде всего, нуженъ рѣшительный шагъ, показывающій, что Россія не только не состоитъ въ тайномъ союзѣ съ Англіею, но считаетъ ее своимъ врагомъ, что и слѣдуетъ объявить верховному визирю [1]).

Итакъ, турецкіе уполномоченные не могли взять на себя отвѣтственности подписать актъ объ уступкѣ Дунайскихъ княжествъ Россіи. Переговоровъ съ ними

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky. 1809 г. № 87—168. Докладъ Леду.

можно было бы и не начинать. Но мы видѣли, что еще 22 февраля, въ Константинополь былъ посланъ полковникъ Хитрово съ письмомъ къ визирю, въ которомъ требовалось выслать изъ Константинопля англійскаго посланника и дать рѣшительный отвѣтъ, не позже двухъ сутокъ.

25 февраля, проѣздомъ чрезъ Рымникъ, экипажъ Хитрово опрокинулся и онъ сломалъ себѣ руку. Оставшись въ Рымникѣ, онъ отправилъ, состоявшаго при немъ корнета Бока далѣе. Но находя, что сообщеніе визирю ультиматума было очень важно и требовало ловкихъ сношеній съ посланниками другихъ державъ, кн. Прозоровскій отправилъ въ Константинополь флигель-адъютанта Паскевича, приказавъ ему обогнать корнета Бока, и взять отъ него бумаги.

До полученія отвѣта отъ визиря, кн. Прозоровскій не рѣшался открыть кампанію. Съ другой стороны, онъ имѣлъ приказаніе не вступать, до того времени, ни въ какіе переговоры съ Гулибъ-Эфинди.

Въ свою очередь, Гулибъ-Эфенди, на сдѣланный ему намекъ на то, что турецкому посольству удобнѣе было бы отправиться назадъ до возобновленія военныхъ дѣйствій, отвѣчалъ, что онъ рискуетъ жизнью, если возвратится обратно, до полученія на свое письмо отвѣта изъ Константинополя, и что онъ ожидаетъ отвѣта не позже 20 марта.

Въ Константинополѣ сильно интриговало противъ Россіи французское посольство.

— «Со всѣхъ сторонъ, писалъ кн. Прозоровскій графу Румянцеву, отъ 13 марта 1809 года—и изъ источниковъ, довольно достовѣрныхъ, получаю я почти ежедневно новыя извѣстія о потаенныхъ интригахъ и даже публичныхъ дѣяніяхъ, утвержденіяхъ и объявленіяхъ французскихъ дипломатовъ, какъ въ Константинополѣ находящихся, такъ и по всему краю здѣшнему

разсѣянныхъ, клонящихся вообще ко вреду Высочайшаго двора нашего и, особенно, къ непремѣнному воспрепятствованію намъ пріобрѣтенія княжествъ Молдавіи и Валахіи и границы по Дунай. Французская въ Константинополѣ миссія и всѣ ея чиновники, безъ изъятія, открыто стараются истребить навсегда, всякое уваженіе, вліяніе и перевѣсъ Россіи у Порты, дабы ввесть первую въ такую ограниченность, которая сходна съ интересами Франціи, всюду первенство имѣть хотящей, и не позволяющей Портѣ дѣлать какія-либо уступки Россіи. Французскій консулатъ не перестаетъ вести переписку съ противниками нашими.

«Министерство Порты обѣщало г. Мобургу выслать англичанъ изъ Константинополя, коль скоро императоръ Наполеонъ исходатайствуетъ Портѣ выгодный съ Россіею миръ. Я крайне опасаюсь, что отвѣтъ Порты на требованіе Государя Императора будетъ на томъ-же основанъ, и что тогда дворъ французскій настоятельно требовать будетъ возвращенія сихъ княжествъ Портѣ» [1]).

8 марта Паскевичъ прибылъ въ Константинополь моремъ, а 9-го пріѣхалъ туда сухимъ путемъ. 9 числа Паскевичъ, вмѣстѣ съ Латуръ-Мобургомъ, требовалъ, чтобы его приняли въ диванѣ. Но ранѣе 10 числа пріемъ не состоялся, и то потому только, что Латуръ-Мобургъ сообщилъ Рейсъ-Эфенди о важности порученія, съ которымъ прибылъ Паскевичъ.

Въ часъ пополудни, Паскевичъ пріѣхалъ въ Порту и, вручая Каймакану русскій ultimatum отъ 22 февраля, сказалъ: — «Я прошу, чтобы все, что не будетъ говорено, было бы внесено въ протоколъ Порты».

— «Будетъ внесено».

— Его сіятельство, господинъ фельдмаршалъ, кн. Прозоровскій прислалъ меня для врученія сей депеши,

---

[1]) М. И. Д. Prosorovsky 1809 г. № 87—168.

вашей свѣтлости, приказавъ мнѣ не оставаться болѣе 48 часовъ, и что если по истеченіи сего времени не буду имѣть отвѣта, долженъ буду выѣхать изъ Константинополя.

Министры смутились, долго другъ на друга смотрѣли, и, наконецъ, Каймаканъ сказалъ: «вы будете имѣть отвѣтъ».

— «Я совѣтую вамъ какъ другу, сказалъ при этомъ Латуръ-Мобургъ, — обдумать, что вы предпримете въ семъ дѣлѣ. Ратификаціи съ англичанами еще не размѣнены. Вы можете остановить переговоры; вы можете заставить ихъ выѣхать, тогда столь желаемый миръ съ Россіей совершится».

11-го числа диванъ находился въ полномъ сборѣ. Паскевича просили остаться еще на нѣсколько дней. Онъ отвѣтилъ, что завтра уѣзжаетъ. Этотъ отвѣтъ сильно смутилъ весь диванъ.

Рея-бей, министръ внутреннихъ дѣлъ, упалъ въ обморокъ.

Только теперь диванъ серьезно взглянулъ на дѣло, —«будучи до того увѣрены англичанами, доносилъ Паскевичъ, — что мы съ ними уже почти въ союзѣ, считая привезенныя депеши подложными и подпись вашего сіятельства фалышивою».

12-го числа Паскевичъ имѣлъ послѣднюю аудіенцію у Каймакана, который окружилъ себя возможною пышностью и передалъ отвѣтъ Порты на русскій ultimatum. Въ тотъ же день были обнародованы фирманы, объявляющіе о возобновленіи войны. Паскевичъ хотѣлъ нанять судно для проѣзда въ Одессу, но ни за какія деньги его везти не соглашались, такъ что онъ, 14 числа, поплылъ на простой лодкѣ въ Варну, куда прибылъ 19-го, а оттуда поѣхалъ 21-го числа сухимъ путемъ въ Силистрію, гдѣ также едва не былъ задержанъ [1]). Де-

[1]) Тоже. № 145.

пеши же къ кн. Прозоровскому Паскевичъ отправилъ съ курьеромъ еще 13 марта.

Въ письмѣ Каймакана къ кн. Прозоровскому, по указанію причинъ, вызвавшихъ необходимость настоящей войны, между прочимъ, было сказано: — «До сихъ поръ мы не слыхали отъ Россіи ничего, ни за, ни противъ заключеннаго нами мира съ Англіей. Поэтому миръ, который мы только что заключили съ англійскимъ дворомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть предметомъ спора. Порта офиціальными нотами объявила всѣмъ, кому считала нужнымъ, что она заключила съ Англіей миръ, а не союзъ.

«Поэтому письмо, полученное нами отъ В. С., насъ удивило.

«Порта не знаетъ къ чему отнести сдѣланное ей предложеніе, разорвать ея сношенія съ Англіей. По полученіи настоящаго письма Ваше сіятельство предпримете то, что укажетъ Вамъ благоразуміе. Можно вести переговоры съ уполномоченными Порты, съ цѣлью ихъ закончить, согласуясь съ интересами обѣихъ державъ и на основаніяхъ правилъ и законности».

Такого отвѣта со стороны Порты давно уже ожидали. Турція снова стала между двухъ огней. Чтобы не возобновлять войны съ Россіей, слѣдовало удовлетворить ея требованію, т. е. выслать изъ Константинополя англійскаго посланника Адера, что было равносильно объявленію войны Англіи. Нота, отправленная 22 февраля кн. Прозоровскимъ, съ Паскевичемъ, въ Константинополь, заключалась въ слѣдующемъ [1]).

«Нижеподписавшійся, генералъ-фельдмаршалъ Его Императорскаго Величества Императора Россійскаго и проч., имѣетъ честь извѣстить Блистательную Порту, что онъ получилъ отъ Августѣйшаго своего Монарха офи

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1383 стр. 123 и 124.

ціальное приказаніе, коего сущность въ точныхъ словахъ заключаетъ, что соблюденіе перемирія, до сего существовавшаго съ Портою Оттоманскою, было основано на правилахъ умѣренности, коими руководствовался съ самаго начала Его Величество Императоръ, и посредствомъ коихъ желалъ онъ достигнуть мира; но что посреди таковаго полезнаго сближенія, и въ то самое время, когда Порта намѣревалась трактавать о мирѣ, она внезапно перемѣнила свое поведеніе и приняла англійскаго полномочнаго и, такимъ образомъ, опровергла то дѣйствіемъ, что одобряла словами; каковое поведеніе Его Величество почитаетъ совершеннымъ разрывомъ и прекращеніемъ перемирія. Вслѣдствіе чего онъ повелѣлъ, ни мало не медля, по полученіи сего, отправить въ Константинополь нарочнаго офицера и объявить министерству оттоманскому, именемъ его и, по силѣ точныхъ его приказаній, что принятіе англійскаго полномочнаго почитаетъ онъ прекращеніемъ перемирія, что съ сего времени, хоть бы турецкіе полномочные и прибыли уже на мѣсто конгреса, то никакое предложеніе о мирѣ не будетъ, не только принято, но даже и выслушано, если англинскій министръ не будетъ выгнанъ, и курьеръ посылаемый не возвратится обратно чрезъ два дни съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ; что сей двухъ-дневный срокъ есть рѣшительно послѣдній, и что если, по истеченіи онаго времени, офицеръ не возвратится, или возвратится безъ удовлетворительнаго отвѣта, то онъ дастъ приказаніе начинать военныя дѣйствія. Блистательная Порта можетъ изъ сего заключить, о справедливомъ негодованіи Его Величества, и нижеподписавшійся, предупредить надѣется бѣдствія, ожидаемымъ отъ нея отвѣтомъ скорымъ, рѣшительнымъ и согласнымъ съ желаніемъ Его Августѣйшаго Монарха».

Между тѣмъ, англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Коллингвуда, стоялъ въ то время у Дарданеллъ

грозя вступить въ Мраморное море и сжечь Константинополь. Опасность съ этой стороны была близка, тогда какъ русскія войска находились еще далеко и имъ многое предстояло еще сдѣлать, прежде чѣмъ угрожать столицѣ Порты.

Австрійскій интернуицій въ Царьградѣ, Штюрслеръ, также употреблялъ усилія противъ Россіи, такъ какъ послѣдняя была въ союзѣ съ Франціей, съ которою Австрія находилась наканунѣ войны. Указывая на то, что Россія, ведя войну въ Финляндіи, не можетъ быть опасна на Дунаѣ, онъ доказывалъ, что Турціи «лучше имѣть союзниковъ въ Австріи и Англіи, чѣмъ оставаться одной въ борьбѣ съ Россіей».

Все это не могло не отразиться на рѣшеніи Порты, относительно ultimatum'а русскаго Императора.

Министры Порты полагали, что такое рѣшительное требованіе русскаго посла, могло быть только проявленіемъ его личной инціативы въ этомъ дѣлѣ, и вовсе не выражало требованія главнокомандующаго,—до того настоящій ultimatum имъ казался невѣроятнымъ. Но вскорѣ, прискакалъ изъ Яссъ татаринъ, посланный бывшими въ Яссахъ турецкими уполномоченными, который привезъ категорическое подтвержденіе подлинности ultimatum'а.

Медлить далѣе было нельзя. Угрожаемый англійскимъ посломъ, диванъ, рѣшился ратификовать миръ съ Англіей и продолжать борьбу съ Россіей.

— «Вы вызываете насъ на войну съ англичанами, занимая наслѣдственныя владѣнія султана. Всѣмъ извѣстна строгость Порты въ соблюденіи договоровъ съ союзными державами, и она не знаетъ чему приписать сдѣланное ей вами предложеніе о разрывѣ съ Англіей» такъ писалъ, между прочимъ, визирь къ кн. Прозоровскому въ письмѣ, присланномъ съ Паскевичемъ.

Письмо это было получено 22 марта въ главной квартирѣ арміи съ курьеромъ, отправленнымъ Паскевичемъ, и заключалось въ слѣдующемъ: — «Офицеръ, присланный сюда, доставилъ мнѣ письмо вашей свѣтлости, въ коемъ, на основаніи воли Его Величества, излагаете вы, что буде прибывшій сюда англійскій посланникъ не будетъ высланъ, то война между Россіей и Портою снова возгорится. Русскіе, безъ сомнѣнія, поступили непріязненно, когда посреди мира и безъ всякой причины, вошедъ въ наши предѣлы, заняли крѣпости, принадлежащія Блистательной Портѣ. Если-же Англія, соображаясь тогда съ Россіею, также объявила войну Портѣ, то тѣмъ не менѣе, она всегда была наклонна къ соглашенію, а Порта, ко всему тому гдѣ видѣла истинное добро. На сей конецъ, когда вышеозначенный англійскій полномочный прибылъ въ Дарданеллы, то мы полагали, что Англія, когда заключимъ мы съ нею миръ, поможетъ намъ для общаго блага возстановить спокойствіе; посреди таковой надежды, въ то самое время, когда имѣли мы переговоры съ англійскимъ агентомъ, ваша свѣтлостъ прислали сюда офицера съ письмами, въ коихъ изъявили наклонность къ миру и предлагали, на основаніи полученныхъ вами отъ двора порученій, прислать полномочныхъ для трактованія объ ономъ. Получивъ сей отзывъ вашъ, Порта немедленно отправила своего Рейсъ-Эфендія, Гулибъ-Эфендія съ товарищами, для окончанія сего важнаго дѣла. Она съ достовѣрностію полагала, что Его Императорское Величество Императоръ Россійскій, не станетъ противорѣчить обѣщаніямъ своимъ; что все прошедшее будетъ предано забвенію, и что сближеніе будетъ пріятно для обѣихъ сторонъ. Болѣе 5 или 6 мѣсяцевъ прошло, какъ мы начали переговоры наши съ Англіею; нѣсколько мѣсяцевъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ они кончены, и уже почти годъ, какъ англійскій полномочный выѣхалъ изъ Лондона, а до сего времени ничего

на предметъ сей отъ Россіи сказано не было. Итакъ, миръ, заключенный между Портою и Англіею, не долженъ бы быть поводомъ къ распрямъ. Сверхъ того, Порта официальными нотами объявила всѣмъ о примиреніи своемъ съ Англіею, не въ намѣреніи войти съ нею въ союзъ, а единственно съ цѣлію, чтобъ возобновить дружбу, до разрыва столь долгое время существовавшую. Всему свѣту сіе извѣстно и полномочные, находящіеся теперь въ Яссахъ, могли бы удовлетворительно на оное отвѣчать. Послѣ всего этого, письмо вашей свѣтлости не могло насъ не удивить. Нѣтъ никакой выгоды для прочихъ державъ, чтобы Порта предприняла нынѣ морскую войну съ Англіею, тогда какъ наслѣдныя ея земли находятся въ рукахъ русскихъ. Всѣмъ извѣстна строгость, съ каковою Порта соблюдаетъ свое обязательство и выполненіе договоровъ съ державами, съ коими она находится въ мирныхъ отношеніяхъ. Она не знаетъ, чему приписать нынѣшнія предложенія Россіи насчетъ новаго разрыва мира съ Англіею, едва заключеннаго; впрочемъ, замѣчанія сіи примѣтны даже и въ самомъ письмѣ вашей свѣтлости. Отвѣтъ сей вручается отправляющемуся обратно вашему офицеру. При полученіи онаго ваша свѣтлость примете тѣ мѣры, кои вы признаете лучшими и ближайшими къ развязкѣ сего дѣла. Можно будетъ переговорить съ полномочными Порты, для окончанія онаго, къ обоюдной пользѣ державъ и съ должною справедливостію».

Отъ себя Паскевичъ доносилъ, что Порта — нетолько не согласилась исполнить требованія Государя Императора, но, напротивъ, объявила войну и разослала повсюду фирманы о собраніи и вооруженіи войска. За все время пребыванія Паскевича въ Константинополѣ, австрійскій интернунцій игралъ двуличную роль, и явно держался стороны Турціи. — «Если бы вы меня послушали назадъ тому шесть мѣсяцевъ, — гово-

рилъ онъ туркамъ,—и поставили 200.000 войска на границу, то Россія никогда бы не осмѣлилась поступать съ вами такъ, какъ теперь»[1]).

Итакъ, новая кампанія 1809 года становилась неизбѣжной. Поэтому, приказомъ отъ 21 марта, было объявлено по войскамъ: «По Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества, отправилъ я въ Константинополь, съ флигель-адъютантомъ Его Величества, гвардіи капитаномъ Паскевичемъ офиціальное, отъ имени Государя Императора, объявленіе Портѣ, что если она не вышлетъ изъ Царяграда принятаго ею англійскаго полномочнаго, какъ посла непріятельской съ нею державы, то имѣю я повелѣніе, до того времени не вступать ни въ какія мирныя негоціаціи, и по полученіи отвѣта неудовлетворительнаго, начать военныя дѣйствія. Сего же марта 20-го получилъ я рапортъ флигель-адъютанта Паскевича, что онъ ноту мою доставилъ Портѣ, на что сія послѣдняя, вмѣсто удовлетворенія справедливаго требованія Государя Императора, объявила войну Россіи, и разослала повсюду фирманы о собраніи войскъ. Такимъ образомъ, и существовавшее донынѣ перемиріе прекращено. Извѣщая о семъ армію, моему предводительству ввѣренную, предписываю всѣхъ турецкихъ подданныхъ почитать непріятелями, а войска ихъ, гдѣ только покажутся, разбивать и аттаковать, словомъ, поступать съ ними какъ съ войскомъ непріятельскимъ обращаться должно; но христіанамъ, противу насъ невооруженнымъ, равно какъ и туркамъ обезоруженнымъ и внутри предѣловъ арміею россійскою занимаемыхъ обрѣтающимся, никакого вреда не причинять».

Передовой отъ арміи стражѣ, съ строгостію и точностію наблюдать, дабы всякое сообщеніе между областьми и мѣстами, турками занимаемыми, съ здѣшними обы-

---

[1]) Журалъ капит. Паскевича. М. И. Д. кн. Прозоровскій. № 143.

вателями пресѣчено было, о чемъ отъ меня также сообщено миссіямъ австрійской и французской. Нерѣшительное положеніе наше съ Портою, во все время продолженія доселѣ существовавшаго перемирія, по всѣмъ отношеніямъ, было крайне отяготительно. На всѣ средства снисхожденія и умѣренности, Всемилостивѣйшимъ Монархомъ нашимъ употребленныя къ достиженію мира и спокойствія, отвѣтствовала Порта едиными коварными изворотами, обнаружившими явно неискренность ея расположенія. Не измѣнила она въ семъ случаѣ пагубнымъ и вредоноснымъ, а не менѣе того злоумышленнымъ противу всѣхъ христіанъ, и исповѣдуемыя нами православной вѣры, правиламъ, магометанскаго закона, по коимъ именуютъ они насъ, не только гяурами или невѣрными, но едва признаютъ людьми. По истощеніи всѣхъ миролюбивыхъ способовъ, Государемъ Императоромъ употребленныхъ, необходимость заставляетъ приняться за оружіе для доведенія Порты до пути истины, и для пріобрѣтенія мира твердаго и соотвѣтствующаго славѣ и достоинству имперіи. Итакъ, воззывая Бога въ помощь, ополчаемся противу врага православныя вѣры, противу непріятеля Милосерднѣйшаго Монарха и драгоцѣннѣйшаго отечества нашего. Возлагая все упованіе на милость Божію и основываясь на справедливости брани сей, противу столь несправедливаго объявленія войны, станемъ съ твердостію и вѣрою ожидать отъ Всевышняго благословенія оружію нашему, подъемлемому Государемъ Императоромъ къ защитѣ невинныхъ христіанъ, страдающихъ и угнетенныхъ подъ игомъ варварскаго правленія магометанъ. Послѣдуемъ по стезямъ предковъ и предшественниковъ нашихъ, побѣдимъ сіи неустроенныя войска турецкія, пріобрѣтемъ войску россійскому почтеніе цѣлаго свѣта, утвердимъ на вѣчныя времена славу имени россійскаго и, сими способами, довершимъ волю Августѣйшаго нашего Монарха и достиг-

немъ существенной пользы отечества, избравшаго насъ къ защитѣ и оборонѣ своей; но дабы всѣ лестные виды сіи могли приведены быть въ исполненіе, то точное и строгое сохраненіе субординаціи и дисциплины необходимы, и служатъ первымъ къ тому основаніемъ; для чего, о безпрекословныхъ наблюденіяхъ по правиламъ, мною уже предъ симъ предначертаннымъ, нынѣ вновь подтверждаю объявить всѣмъ чинамъ по арміи«.

Съ своей стороны Порта препроводила иностраннымъ дворамъ слѣдующую ноту: «Блистательная Порта строго соблюдала свои дружественныя обязательства въ отношеніи Россіи, когда сія послѣдняя, вопреки всему и безъ всякой причины, заняла внезапно цѣлыя провинціи и нѣсколько крѣпостей, принадлежащихъ Портѣ. Таковое поведеніе имѣло войну необходимымъ послѣдствіемъ; но когда обоюдныя арміи уже сблизились, то россійскій дворъ изъявилъ наклонность къ возобновленію мира, и съ обманчивымъ обѣщаніемъ возвратить обратно занятыя провинціи и крѣпости, онъ предложилъ перемиріе. Блистательная Порта, всегда готовая стараться избѣгать несчастій, сопряженныхъ съ войною, и возвратить спокойствіе своимъ провинціямъ, охотно согласилась принять сіе предложеніе. При объявленіи войны, Блистательная Порта, желая прекратить всякое сношеніе съ Россіею, возбранила проходъ въ Черное море и каналъ всѣмъ, безъ изъятія судамъ, и обстоятельство сіе по принадлежности было сообщено официальною нотою, всѣмъ министрамъ дружескихъ державъ, пребывавшихъ тогда въ Константинополѣ; и мѣра сія существовала до самаго перемирія, во время котораго плаваніе по Черному морю дозволено было снова всѣмъ купеческимъ судамъ. Тогда-же, когда Россія, вопреки сихъ правъ и обычаевъ, не только изъявила наклонность къ начатію военныхъ дѣйствій, но даже уже подвинула свои войска и сдѣлала покушеніе на Слободзею и Журжево, гдѣ съ

помощію Всевышняго армія ея была побита и отступила, Порта видѣла себя въ необходимости затворить каналъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ Черное море, дабы прервать всякое сношеніе съ Россіею, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. Запрещеніе сіе только временное, и какъ скоро обстоятельства позволятъ, то плаваніе по Черному морю будетъ свободно для судовъ и торговли всѣхъ державъ, кои до сего имѣли на то право; теперь-же, за исполненіемъ сего, строго предписано наблюдать всѣмъ начальникамъ прибрежныхъ крѣпостей. Блистательная Порта симъ офиціально извѣщаетъ о семъ ея распоряженіи всѣхъ министровъ».

Кн. Прозоровскій, вообще хорошо знавшій турокъ, ясно понималъ, что никакіе переговоры съ ними не могутъ имѣть желаемаго конца, безъ грозной боевой силы, которая одна была въ состояніи опредѣлить границу по Дунай.

Поэтому, еще по окончаніи военныхъ дѣйствій въ 1807 году, онъ трудился надъ организаціей своей арміи въ теченіе всего 1808 года, и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи весьма существенныя въ ней улучшенія. Разсмотримъ, хотя вкратцѣ, главнѣйшія изъ мѣръ, принятыхъ кн. Прозоровскимъ, по управленію Дунайскою арміею.

X.

Различныя мѣры къ улучшенію управленія Дунайской арміи. — Госпитали, магазины. — Полковая отчетность. — Продовольственныя заготовленія. — Расположеніе арміи къ марту 1809 года.

Обращая вниманіе на устройство медицинской части въ арміи и нуждаясь въ медикахъ, сдѣланъ былъ призывъ къ приглашенію военныхъ медиковъ изъ Австріи. Но число ихъ оказалось вскорѣ такъ велико, сравни-

тельно съ русскими докторами, что послѣдніе являлись, какъ бы отстраненными отъ дѣла.

Поэтому приказано было: «чтобы при каждомъ госпиталѣ, главный былъ изъ медиковъ или лекарей россійскихъ, такъ какъ прибывшіе изъ Вѣны, ни русскаго языка, ни обрядовъ россійскихъ госпиталей не знаютъ, ниже натуры россійскаго народа, ни здѣшняго климата, то ихъ и подчинить русскому лекарю» [1]).

Хозяйственная часть въ войскахъ, по отношенію военныхъ начальниковъ къ обывателямъ и обоимъ диванамъ княжествъ, была основана на полномъ произволѣ и насиліи.

«Полки и воинскія команды брали отъ исправниковъ, или-же прямо отъ обывателей, провіантъ, фуражъ и мясную порцію, безъ всякаго правила и письменнаго на полученіе документа, давая въ томъ квитанціи, возродившія только частныя претензіи объ уплатѣ за то, что отпущено было. Хлѣбъ и фуражъ, взятые по праву военному у турокъ, и составляющіе уже собственность коронную, также обращены въ число поставляемаго отъ земства. Словомъ, всѣ части продовольствія арміи, введены въ такую запутанность, что никакого счета по оному донынѣ не сдѣлано. Отъ полковъ поступаютъ требованія объ удовлетвореніи ихъ деньгами за провіантъ, фуражъ и мясную порцію, которыхъ войска вовсе не получали» [2]).

Изъ магазиновъ, учрежденныхъ въ княжествахъ и пополняемыхъ диваномъ, каждый бралъ сколько хотѣлъ, не упоминая даже сколько и для какой части взято, такъ что диванъ никогда не могъ знать, достанетъ-ли сдѣланныхъ имъ заготовленій на удовлетвореніе войскъ.

Вслѣдствіе такого порядка, завѣдующій въ Буха-

---

[1]) Приказъ по арміи отъ 24 сент. 1808 г. В. уч. арх. № 1343.

[2]) Тоже отъ 31 октября 1808 г.

рестѣ провіантскимъ магазиномъ, Круликовскій, ничего не могъ придумать лучшаго, какъ застрѣлиться, оставивъ по своему магазину чрезвычайно запутанныя злоупотребленія, «особенно по отчетности бывшихъ у него суммъ, вносимыхъ диваномъ на мясныя порціи».

«Нѣкоторые полки, кои были въ Фокшанахъ, гдѣ граница Молдавіи и Валахіи, брали двойную пропорцію потому, что порядку постановлено не было, такъ что за одинъ мѣсяцъ получалъ полкъ провіантъ отъ Валахіи и отъ Молдавіи.

«Чиновники сихъ двухъ княжествъ между собою о томъ не сносились, не говоря уже о томъ, что пріемщики, вмѣсто квитанцій, писали въ роспискахъ разныя вздорныя шутки [1]).

Чтобы прекратить эти злоупотребленія и привести въ ясность запутанные и крайне неопредѣленные счеты, представленные военными начальниками, былъ учрежденъ въ Яссахъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ маіора Бѣлуха-Кахановскаго, особый комитетъ, непосредственно подчиненный сенатору Кушникову, управлявшему диванами княжествъ, и главнокомадующему. Отдѣленіе этого комитета, для дѣлъ въ Валахіи, находилось въ Бухарестѣ, въ вѣдѣніи первоприсутствующаго, полковника Марчено. Этотъ комитетъ имѣлъ право требовать отъ всѣхъ начальниковъ войскъ, провіантскихъ коммиссій и гражданскихъ управленій, всѣ свѣдѣнія и отчеты, какіе ему понадобятся.

При продовольствіи арміи, главнѣйшее затрудненіе состояло въ недостаткѣ сѣна; почему Лейбъ-кирасирскій полкъ, «какъ не способный по роду лошадей быть въ здѣшнихъ походахъ» — былъ отосланъ изъ арміи въ Россію и замѣненъ Волынскимъ уланскимъ полкомъ, лошади котораго не требовали столь тщательнаго ухода,

---

[1]) Кн. Прозоровскій Г. М. Энгельгардту отъ 5 марта 1809 года.

и легче могли выносить недостатокъ сѣна. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ этотъ давалъ себя чувствовать постоянно, что и заставило кн. Прозоровскаго учредить, въ разныхъ мѣстахъ, запасные магазины сѣна, съ тѣмъ чтобы отпускъ его въ войска исполнялся, не иначе, какъ съ разрѣшенія самого главнокомандующаго. Что касается до запасовъ провіанта, то каждый полкъ, съ 1-го марта 1809 года, обязанъ былъ имѣть при полку 10-ти дневный запасъ сухарей, въ полковомъ обозѣ, и 15 дневный запасъ сухарей, которые, при выступленіи полка въ сборы, перевозятся на обывательскихъ подводахъ, по найму, за опредѣленную плату; а по прибытіи полковъ на сборныя мѣста, этотъ 15 дневный запасъ передается въ передвижные магазины.

Что-же до вопроса о заготовленіи продовольствія на 1809 годъ, то въ этомъ отношеніи главныя поставки были сдѣланы частными подрядчиками, отъ дворянства Каменецъ-Подольской и Херсонской губерній.

Первому изъ нихъ было заподряжено, въ началѣ августа 1808 года, поставить въ теченіи 1809 года 213 тыс. четвертей муки, 20.000 четв. крупъ и 160.000 четв. овса, въ мѣстные магазины Подольской губерніи. Цѣны на хлѣбъ въ Подольской губерніи, въ виду значительнаго заготовленія, быстро возвысились и дошли, за четверть муки 6 р. 50 коп., крупы 7 р. 50 к. и овса 4 р. 50 коп. ассигнаціями.

Всѣ эти запасы должны быть доставлены въ Днѣстровскіе магазины, въ сроки, отъ 1 мая 1809 года по 1 января 1810 года.

Для пониженія же цѣнъ въ Подольской губерніи, въ февралѣ 1809 года, военный министръ приказалъ, въ счетъ опредѣленнаго для поставки количества продовольствія изъ этой губерніи, заготовить въ Кіевской и доставить на Днѣстръ 98.000 четв. овса, окончивъ поставку къ 10 августа 1809 года.

Сверхъ того, Херсонская губернія приняла подрядъ на 92 тыс. четвертей муки, 9.000 четв. крупъ и 100 тыс. четв. овса.

Все это количество было размѣщено по магазинамъ въ К.-Подольскѣ, Могилевѣ, Царьгородѣ, Мясковкѣ, Тульчинѣ, Ольгополѣ, Балтѣ, Ушицѣ, Калюсѣ, Ярышевѣ, Яругѣ, Цѣкановкѣ, Рошковѣ, Рыбницѣ и Завертайловкѣ.

Дальнѣйшій подвозъ заготовленій изъ этихъ магазиновъ долженъ быть произведенъ въ Яссы; при чемъ предполагалось производить доставку также съ подряда. Однако желающихъ на подобную доставку не нашлось, почему для усиленія средствъ подвижного лазарета, потребовано было отъ обывателей Молдавіи и Валахіи собрать 9.000 воловъ и 1.000 арбъ, съ платою за каждаго вола по 30, а за арбу по 40 левовъ.

Преодолѣвая всѣ препятствія по заготовленію продовольствія, Дунайская армія была обезпечена на весь 1809 годъ, при чемъ состояніе магазиновъ. къ 1 февраля этого года, представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

	муки.	крупъ.	овса.
Въ Молдавскихъ магазинахъ	110.150	7.772	72.878 ч.
„ Валахскихъ	28.065	394	14.579 „
Ожидалось изъ трехъ губерній за Днѣстромъ	137.942	23.998	284.267 ч.

Сверхъ того, сѣна въ княжествахъ заготовлено болѣе 12 милліоновъ пудовъ.

Независимо отъ обезпеченія арміи продовольствіемъ, для удовлетворенія иныхъ потребностей воинскихъ чиновъ, существовали, какъ уже было сказано, особые при каждомъ полку маркитанты, обязанные продавать продукты не дороже цѣнъ, утверждаемыхъ главнокомандующимъ. Но и здѣсь не обошлось безъ злоупотребленій.

Оказалось, напримѣръ, что, не смотря на безпошлинный вывозъ водки изъ Россіи въ княжества, маркитанты продавали ее солдатамъ по 6 р. с. за ведро, когда продажная ея цѣна была 2 р. 50 коп. серебромъ. По этому поводу кн. Прозоровскій объявилъ приказомъ по арміи: «Не мало меня удивляетъ, что могъ позволенъ быть такой маркитантами грабежъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. За неисполненіе моего приказанія строго взыщу, а маркитантовъ велю высѣчь плетьми».

Если на долю Молдавіи и Валахіи пришлось нести тяжкія обязательства по удовлетворенію нашей арміи, то не менѣе того тяжесть эта увеличивалась еще произволомъ частныхъ лицъ, что кн. Прозоровскій старался, но не всегда успѣшно, искоренить. Такъ, не смотря на сдѣланныя имъ распоряженія относительно ограниченія выдачъ подорожныхъ, и непремѣнной уплаты за проѣздъ прогонныхъ денегъ по положенію, оказалось — «что проѣзжающіе чиновники и партикулярные люди, имѣя курьерскія подорожныя, берутъ лошадей подъ собственные экипажи, по 5 и 6, платя только за 2 лошади. А при недостаткѣ таковыхъ на станціяхъ, ѣдутъ безъ перемѣны по двѣ и болѣе станцій, отчего лошади до того изнурены, что оказываются совершенно къ возкѣ не способными» [1]).

Для облегченія почтовыхъ лошадей, особенно въ грязную дорогу, кн. Прозоровскій приказалъ — «курьерамъ ѣздить верхомъ; а когда оный изнеможетъ, то позволяется ему брать каруцу (повозку) на станціи, на коей проѣдетъ вечеромъ, и до свѣта уже въ оной и спать на ней можетъ, а со станціи, гдѣ разсвѣтаетъ, опять ѣхать верхомъ».

По строевой части войскъ, введено было за правило нѣсколько практическихъ мѣръ. Приказомъ отъ

---

[1]) Приказъ по арміи отъ 4 февраля 1809 г. В. Уч. Арх.

9 января 1809 года, объявлялось по арміи чтобы каждый полкъ, по полученіи повелѣнія, могъ выступить въ походъ «чрезъ 12 и не болѣе какъ чрезъ 24 часа».

«Лошади всегда должны находиться въ добромъ состояніи и отнюдь не были бы жирны, ибо жирная лошадь и держанная на стойлѣ для походу вреднѣе, нежели худая». Поэтому, чтобы не давать лошадямъ застаиваться на конюшняхъ, приказано было, каждую недѣлю, дѣлать двѣ или три проѣзки по 5, или лучше по 10 верстъ, впередъ и назадъ.

Обученіе войскъ зимою также составляло предметъ особенной заботливости главнокомандующаго. Къ 1 марта 1809 года всѣ войска должны быть твердо обучены новымъ построеніямъ, какихъ требовалъ кн. Прозоровскій. Прежде всего, указывалось на необходимость *быстраго* перехода изъ одного построенія въ другое, и при перемѣнахъ фронта. Всѣ движенія производить колоннами, а при встрѣчѣ съ непріятелемъ быстро перестроивать ихъ въ баталіонныя каре. Всѣ построенія исполнять по сигнальному барабанному бою, такъ какъ голосъ начальника можетъ быть не слышенъ.

Изъ развернутаго фронта строится походная колонна въ 4 или 6 рядовъ. Головной взводъ идетъ прямо, обыкновеннымъ шагомъ, а остальные вытягиваются въ колонну, учещеннымъ шагомъ и бѣгомъ, слѣдуя по діогонали впередъ.

При построеніи изъ колонны фронта, головная часть останавливается или идетъ впередъ, а остальныя строятся по ней, слѣдуя бѣгомъ, по діагонали, въ сторону построенія. При построеніи карре изъ колоннъ или развернутаго фронта, каждый баталіонъ строитъ отдѣльное карре. Артиллерія занимаетъ мѣста, смотря по мѣстности, а кавалерія развертывается въ линію.

Въ отрядѣ, состоящемъ изъ пѣхоты и кавалеріи, послѣднюю всегда строить въ линію, а по флангамъ ея

располагаютъ по одному карре, въ разстояніи одно отъ другого, не менѣе 300 шаговъ, чтобы пули изъ одного не долетали до другого. Сзади же кавалеріи, шагахъ отъ 500—1000 имѣть еще третье, хотя бы малое карре, для предупрежденія тыльной аттаки непріятельской конницы, имѣющей обыкновеніе заскакивать во всѣ стороны. Бой долженъ начинаться всегда пѣхотою и артиллеріею, но отнюдь не кавалеріей, которая при аттакѣ будетъ только препятствовать дѣйствію ружейнаго и пушечнаго огня. Къ тому-же, сравнительная малочисленность нашей кавалеріи, не можетъ имѣть шансовъ на успѣхъ, при встрѣчѣ со многочисленною турецкою конницею.

Дѣйствіе пѣхоты, главнымъ образомъ, должно быть основано на ружейномъ огнѣ. — «Въ штыки отнюдь не метаться: отъ того можете быть совершенно разбиты; а огнемъ и въ строевомъ порядкѣ себя держа, можете втрое сильнѣйшаго отъ себя непріятеля вѣрно разбить».

Когда же непріятель разбитъ, то для преслѣдованія его должно выслать часть кавалеріи. Такъ изъ пяти эскадроннаго полка, 2 эскадрона высылается для преслѣдованія, а остальные 3 идутъ въ сомкнутомъ порядкѣ, на извѣстномъ разстояніи, для поддержанія высланныхъ впередъ [1]).

Обученая по новой инструкціи Дунайская армія, снабженная всѣмъ необходимымъ на весь 1809 г., была расположена, къ началу марта мѣсяца, почти на тѣхъ-же мѣстахъ, въ которыхъ находилась на зимнихъ квартирахъ.

Въ мартѣ кн. Прозоровскій расчитывалъ начать военныя дѣйствія, почему были сдѣланы нѣкоторыя передвиженія войскъ, такъ что къ открытію дѣйствій Дунайская армія имѣла, въ мартѣ мѣсяцѣ, слѣдующее расположеніе.

---

[1]) Предписаніе Г. Л. Эссену, отъ 5 мая 1809 г. В. У. А. № 1353.

Отрядъ Исаева I, Главная квартира въ Краіовѣ, Слатинѣ и др. мѣстахъ по Дунаю. Всего 6 баталіоновъ пѣхоты, 3 полка казаковъ.

5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, и 1 казачій полкъ находились въ Бухарестѣ, Питешти, Гоешти и Фелорешти, съ ихъ окрестностями.

Корпусъ г.-л. Милорадовича, 16 баталіоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 3 полка казаковъ съ ихъ артиллеріею, занимали передовые посты въ Будешти, Нигоешти, Будени, Русе-де-Веде, Мавродинѣ и другихъ пунктахъ, главная квартира корпуса въ Копочени.

Авангардъ главной арміи, состоящій подъ начальствомъ г. л. Платова, имѣлъ главную квартиру въ Бузео. Его составляли 6 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи и 6 полковъ казаковъ.

Передовые посты авангарда, занимали Ольтеницу, и лѣвый берегъ рѣки Борцъ до Калараша, противъ Силистріи; далѣе Орашъ на Яломицѣ и до устья этой рѣки и вверхъ по р. Калмацуй до Ульма, имѣя разъѣзды между лѣвымъ берегомъ этой рѣки и правымъ р. Бузео, до ея устья.

Главныя силы авангарда, кромѣ Бузео, занимали Слободзею, Обилешти, Урзичени, Глодени, Марушнени и ихъ окрестности.

Отдѣльный *постъ въ Галацъ*, генералъ-лейтенанта Засса, главная квартира въ Галацѣ, имѣлъ 6 дѣйствующихъ и 4 резервныхъ баталіона, изъ которыхъ два назначались на флотилію; кавалерія, 5 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 8 батарейныхъ орудій. Кромѣ Галаца, войска этого отряда занимали Ренни, Журжулешти, посты по Ялпуху до Табака, Эникей, Карталъ, Пеку, Фундени, Шербешти, Максимени и др. пункты.

Галацкая флотилія, флота капитана Акимова, состояла изъ 20 баркасовъ съ яликами, 6 катеровъ и 10

перевозочныхъ паромовъ, на одномъ изъ которыхъ была устроена пловучая батарея, на 7 двѣнадцати фунтовыхъ морскихъ орудій.

Корпусъ г.-л. графа Ланжерона. Главная квартира въ Формозѣ, [1]) занималъ пространство между озерами, Ялпухъ и Сесикъ, имѣя посты въ Табакѣ, Татаръ-Бунарѣ, Фальчи и разныхъ пунктахъ по Дунаю, для наблюденія Измаила и Киліи.

Въ этомъ корпусѣ имѣлось 13 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, 3 полка казаковъ, и 8 батарейныхъ орудій.

Главныя силы арміи, или корпусъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, имѣлъ главную квартиру въ Фокшанахъ и окрестныхъ селеніяхъ. Его составляли 22 дивизія г.-л. Олсуфьева, съ главной квартирой въ деревнѣ Фаурлей; 15 дивизія г.-л. Маркова, квартира въ Панчу; 12 дивизія г.-л. гр. Каменскаго, квартира въ Годанешти. 8 дивизія г.-л. Эссена 3-го, квартира въ Каліени съ отрядами въ Мартинешти, Бокса, Максимени, Шербешти и др.; къ этому же корпусу принадлежала и 16 дивизія г.-л. Ртищева, квартира въ Рымникѣ.

Всего во всѣхъ четырехъ дивизіяхъ, составлявшихъ главныя силы, имѣлось 40 баталіоновъ пѣхоты, дѣйствующій 1 резервный баталіонъ, 25 эскадроновъ кавалеріи, 3 роты батарейной артиллеріи и 2 конныя артиллерійскія роты.

Позади расположенія дѣйствующихъ войскъ, стоялъ резервный корпусъ г.-л. Эссена 1-го, главная квартира въ Яссахъ. Кромѣ окрестныхъ деревень корпусъ этотъ занималъ Гирлау, Стефанешти (Степановецъ), Таборъ и др.

---

[1]) По дорогѣ изъ Фальчи въ Табакъ.

Въ резервномъ корпусѣ имѣлось 9 баталіоновъ пѣхоты, 25 эскадроновъ кавалеріи, 14 орудій батарейной артиллеріи и 3 полка казаковъ. Сверхъ того, генералу Эссену 1 былъ подчиненъ еще обсерваціонный корпусъ г.-м. Ребиндера, расположенный въ Хотинѣ, и его уѣздѣ. Онъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ резервной пѣхоты, 5 эскадр. кавалеріи, 4 конныхъ донскихъ орудій.

Затѣмъ, находились гарнизоны *въ крѣпостяхъ* Киліи, Аккерманѣ, Бендерахъ, Хотинѣ, Каменецъ-Подольскѣ и въ городахъ Тирасполѣ и Могилевѣ.

Особые посты имѣлись въ Текучѣ, Атакахъ и въ предмѣстьѣ Фокшанъ.

Дунайская флотилія, капитана Перскаго, имѣла разнаго рода 81 судно, и стояла въ Сулинскомъ гирлѣ. Для нея назначалось къ посадкѣ на суда, 1 баталіонъ Мингрельскаго и 1 баталіонъ Бутырскаго полковъ.

Весь-же составъ Дунайской арміи, въ мартѣ 1809 года, какъ дѣйствующихъ, такъ и резервныхъ войскъ, простирался до 124 баталіоновъ пѣхоты, 95 эскадроновъ кавалеріи, не считая 2-хъ запасныхъ эскадроновъ и 6 полуэскадроновъ; 7 ротъ батарейной, 5 конной, 5 осадной, 3 понтонныхъ и 3 піонерныхъ ротъ, при 27 полкахъ казаковъ [1]).

Общая численность арміи доходила до 80.000 челов. Турецкая армія имѣла также подъ ружьемъ до 80.000 челов., раздѣленныхъ на полевыя, дѣйствующія войска, силою до 40.000 челов., которыя были расположены на пространствѣ отъ Адріанополя до Дуная. Другая армія, также до 40.000 чел., занимала гарнизоны въ крѣпостяхъ. Такъ, до 12.000 стояли въ Браиловѣ, 10.000 въ Измаилѣ, 10.000 въ Рущукѣ и Журжѣ; остальныя зани-

---

[1]) Подлинная вѣдомость кн. Прозоровскаго за мартъ 1809 г. В. у арх. № 1353.

мали, не большими отрядами, Туртукай, Турно, Никополь, Ломъ-Паланку, Зимницу и Виддинъ.

XI.

Планъ кампаніи 1809 года. — Движеніе къ Журжѣ. — Осада Браилова. — Штурмъ крѣпости 20 апрѣля. — Отступленіе отъ Браилова. — Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій князя Прозоровскаго.

Еще до полученія отъ визиря отвѣта, присланнаго съ Паскевичемъ, отвѣта, неудовлетворительность котораго ожидалась, кн. Прозоровскій, армія котораго была уже расположена сообразно предполагаемымъ военнымъ дѣйствіямъ, долженъ былъ открыть кампанію 1809 года.

По составленному главнокомандующимъ плану, слѣдовало, прежде всего, овладѣть турецкими крѣпостями на лѣвомъ берегу Дуная. Слѣдовательно предстояло взять Журжу, Браиловъ и Измаилъ, въ то время какъ сербы овладѣютъ Виддиномъ. По очищеніи лѣваго берега Дуная, предполагалось перенести оружіе на правый берегъ этой рѣки, и искать непріятеля для нанесенія ему рѣшительнаго удара.

Охраненіе сообщеній арміи и обезпеченіе ея тыла, занятіемъ Дунайскихъ княжествъ, возлагалось на резервный корпусъ г.-л. Эссена 1-го.

Такъ какъ въ началѣ марта имѣлись уже положительныя свѣдѣнія о союзѣ между Турціей и Англіей, и былъ слухъ о предположеніи отправить союзный флотъ, съ 20.000 турецкихъ войскъ, въ Черное море, то охраненіе береговъ отъ Аккермана до Очакова, а также береговъ Крыма, возлагалось на корпуса Дюка-де-Ришелье и Адмирала, маркиза де-Траверсе. Въ случаѣ надобности, корпусъ Эссена I, долженъ былъ отдѣлить на усиленіе Дюка-де-Ришелье два баталіона пѣхоты,

но съ тѣмъ, чтобъ по минованіи въ нихъ надобности, они были возвращены обратно.

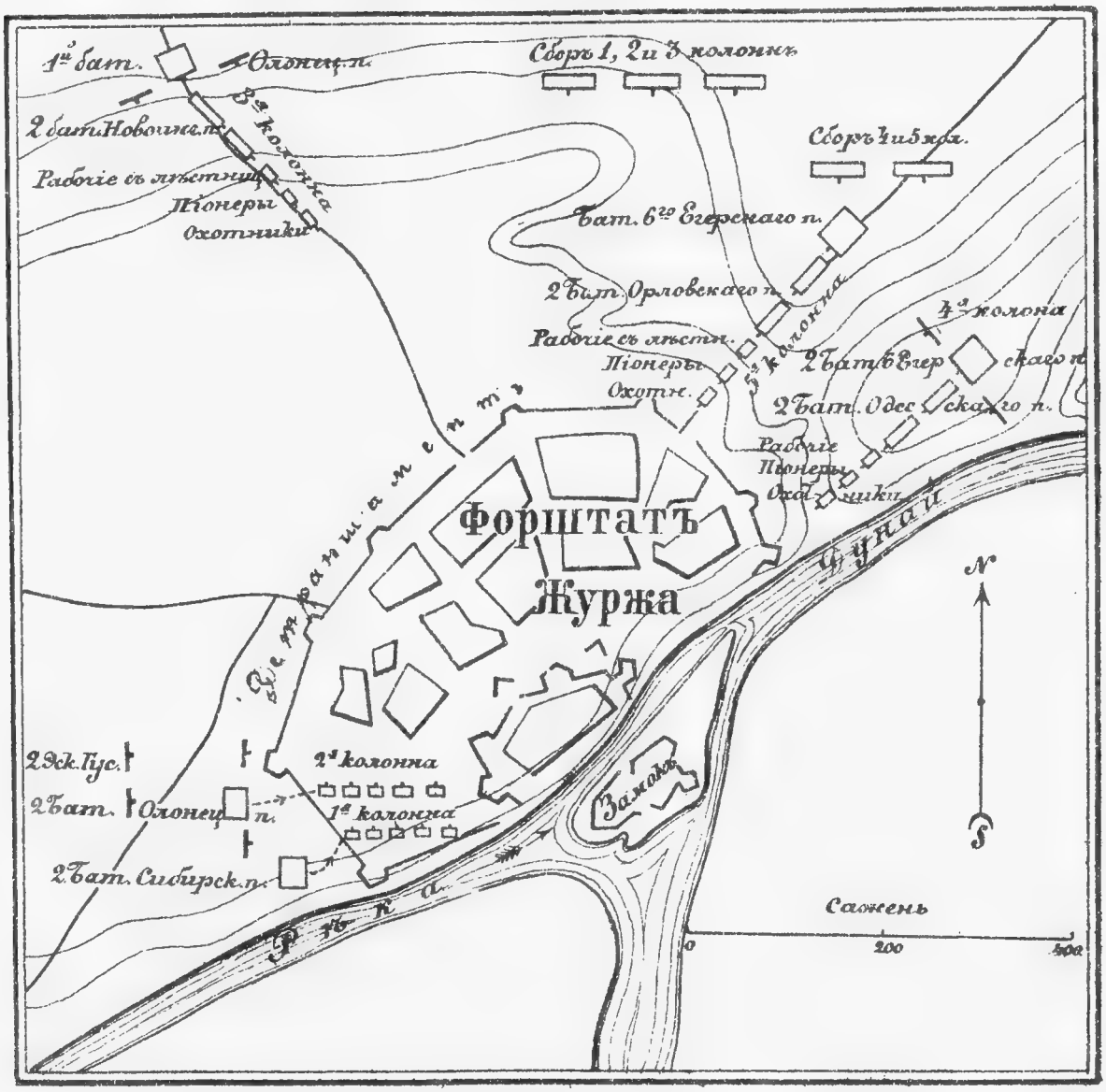
18 марта кн. Прозоровскій выѣхалъ изъ Яссъ въ Фокшаны, чтобы лично присутствовать при дѣйствіяхъ корпуса Милорадовича противъ Журжи, взятіемъ которой должна была начаться кампанія.

Еще въ началѣ марта Милорадовичъ вступилъ въ секретныя сношенія съ рущукскимъ пашею Ахметъ Эфенди который, находясь въ немилости у султана, не хотѣлъ спокойно ожидать смерти, къ которой былъ приговоренъ еще во время бунта янычаръ. Ахметъ паша изъявлялъ желаніе перейти въ Россію, и въ доказательство своей искренности, совѣтовалъ Милорадовичу аттаковать слабоукрѣпленную Журжу, обѣщая не подкрѣплять ее войсками изъ Рущука.

Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, князь Прозоровскій, приказалъ 10 марта Милорадовичу, торопиться приготовленіями къ аттакѣ Журжи. Но тутъ представлялся немаловажный вопросъ. Съ одной стороны, нельзя было начать военныхъ дѣйствій прежде полученія извѣстія отъ Паскевича, въ непринятіи турецкимъ диваномъ русскаго ультиматума; съ другой—увѣренность кн. Прозоровскаго,—«что ни подъ какимъ видомъ не можно ожидать удовлетворительнаго отъ Порты отзыва, тогда какъ въ военное время, если пропустить полезный часъ, то оный и въ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и никогда, болѣе не представится».

Поэтому, не назначая Милорадовичу дня аттаки Журжи, кн. Прозоровскій приказалъ ему только собрать весь свой отрядъ въ Бухарестѣ, присоединивъ къ нему два полка, высланныхъ изъ корпуса Каменскаго; запастись продовольствіемъ, которое на обывательскихъ подводахъ будетъ слѣдовать за арміей; приготовить лѣстницы и фашины и, какъ только все будетъ готово, идти

Планъ №3 Штурмъ Журжи 24го Марта 1809 года.



къ Журжѣ форсированнымъ маршемъ, чтобы подойти къ ней ночью и начать штурмъ на разсвѣтѣ.

— «Если бы при этомъ, писалъ кн. Прозоровскій Милорадовичу, пришлось начать военныя дѣйствія нѣсколько дней прежде срока возвращенія курьера изъ Константинополя, то беру я сіе на мою отвѣтственность. Счастливъ буду, если сіе мое предпріятіе удостоится одобренія Всеавгустѣйшаго моего Монарха, несчастливъ, если Его Величество оное апробовать не соизволитъ» [1]).

Расчитывая на внезапность нападенія, кн. Прозоровскій указывалъ на необходимость выслать отъ корпуса Милорадовича кавалерійскій отрядъ впередъ, къ самому Дунаю, чтобы не пропустить на тотъ беретъ ни одного человѣка.

Для развлеченія аттаки Журжи во время самаго ея производства, отрядъ Исаева долженъ былъ, на собранныхъ заранѣе лодкахъ, занять на Дунаѣ большой островъ выше Виддина, укрѣпить его и, оставивъ на немъ 1 баталіонъ, а другой баталіонъ на лѣвомъ берегу Дуная противъ острова, для прикрытія судовъ, отступить затѣмъ къ Краіову.

Кн. Прозоровскій, выѣхавъ изъ Яссъ 18 марта въ Фокшаны, прибылъ туда 20 числа, а затѣмъ отправился въ Бухарестъ, намѣреваясь пріѣхать ко дню аттаки въ Журжу. — «Но, какъ вы назначены отъ меня къ сей экспедиціи, писалъ онъ Милорадовичу, то вы оною и распоряжайтесь, а я буду только зрителемъ. Если бы, паче чаянія, вы нашли положеніе Журжи совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели намъ доселѣ представляется, и встрѣтили бы непреодолимыя препятствія къ произведенію того предпріятія въ дѣйствіе, то неприступная къ штурму, имѣете мнѣ объ ономъ донести» [1]).

---

[1]) Предписаніе Милорадовичу отъ 16 марта 1809 г. № 1333 В. Уч. Арх.
[2]) Тамъ-же.

Въ ожиданіи прибытія изъ корпуса гр. Каменскаго двухъ полковъ на усиленіе своего отряда, Милорадовичъ могъ прибыть къ Журжѣ только 24 марта; а такъ какъ курьеръ Паскевича прибылъ въ главную квартиру въ Рымникъ, съ отказомъ отъ визиря, за два дня передъ тѣмъ, именно 22 марта, то Милорадовичъ, немедленно, рѣшился аттаковать Журжу, для чего отдана была по войскамъ слѣдующая диспозиція.

Аттакующія войска раздѣляются на шесть колоннъ.

Первая г.-м. Палицина [1]).

Вторая, полковника Бриммера [2]).

Третья, генералъ-маіора Ставицкаго [3]).

Четвертая и *пятая* колонны, подъ общимъ командованіемъ г.-м. графа Цукато. Отдѣльно же колоннами этими командовали:

Четвертою г.-м. Ушаковъ [4]).

Пятою полковникъ Толбухинъ [5]).

Шестая, или обсерваціонная колонна, полковника Лопухина [6]).

При каждой колоннѣ находилось по 1 эскадрону гусаръ, сотнѣ казаковъ Астахова полка, 2 орудія батарейныхъ и 2 легкихъ, и по 20 челов. піонеръ.

Корпусъ Милорадовича, выступившій изъ Бухареста 22 марта, прибылъ въ Фалаштокъ. На другой день, въ 5 часовъ пополудни, движеніе продолжалось къ Дачѣ,

---

[1]) 2 бат. Апшеронскаго полка, второй батал. Сибирскаго гренадерскаго. Квартирмейстеръ при колоннѣ маіоръ Трокфъ.

[2]) 2 батал. Малороссійскихъ, второй баталіонъ Олонецкаго полка. Квартирмейстеръ инженеръ-поручикъ Гульповіусъ.

[3]) 2 бат. Новоингерманладскаго полка, первый бат. Олонецкаго. Квартирмейстеръ подпоручикъ Милорадовичъ.

[4]) 2 бат. Одесскаго полка, второй бат. 6-го Егерскаго. Квартирмейстеръ поручикъ Агавѣевъ.

[5]) 2 батал. Орловскаго полка, первый бат. 6-го Егерскаго. Квартирмейстеръ инженеръ-маіоръ Грашберхъ.

[6]) Первый батал. Сибирскаго гренадерскаго полка.

верстахъ въ 15 отъ Журжи, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ Даю прибыть къ полуночи на 24 число. Въ Даѣ войска получаютъ штурмовыя лѣстницы, для носки которыхъ назначаются особыя команды; по 60 человѣкъ рабочихъ, слѣдуютъ впереди своихъ колоннъ.

Въ такомъ порядкѣ, каждая колонна, соблюдая при движеніи возможную тишину, приближается къ Журжѣ, и занимаетъ мѣсто, по указанію своего квартирмейстера. Во время движенія отъ Дая, всѣ проходимыя деревни занимаются казаками, которые никого изъ деревни не должны выпускать.

Колонны прибываютъ на позиціи подъ Журжей къ 4 часамъ утра 24 марта. Самъ Милорадовичъ находился на правомъ флангѣ, между 1 и 2 колоннами.

Шестая, или обсерваціонная, колонна Лопухина, изъ Дая, направляется къ Слободзеѣ, выше Журжи въ двухъ верстахъ, и занимаетъ ее, имѣя въ виду не допускать изъ Рущука подкрѣпленій, которыя могутъ быть высланы на лодкахъ въ Журжу.

Остальныя пять колоннъ назначались для штурма крѣпости.

Крѣпость Журжа, обнесенная городскими строеніями и земляным валомъ, была усилена со стороны поля особымъ ретраншаментомъ, примыкавшимъ къ Дунаю, выше и ниже крѣпости. Все пространство между ретраншаментомъ и крѣпостнымъ валомъ занято было предмѣстьемъ, представлявшимъ видъ груды сожженныхъ развалинъ.

Милорадовичъ рѣшился вести главную аттаку на правый и лѣвый фланги крѣпостной ограды и ретраншамента, для чего и назначались 1, 2, 4 и 5 колонны. 3-я же колонна, Ставицкаго, должна была вести фронтальную аттаку, противъ центра, начиная дѣло раньше другихъ, съ цѣлью обратить на себя все вниманіе противника, чтобы ослабить его на флангахъ.

Колонна Ставицкаго должна была овладѣть ретраншаментомъ, и занять его, для чего при ней находились три эскадрона гусаръ. По овладѣніи ретраншаментомъ, два эскадрона гусаръ распространяются вправо, а одинъ влѣво по его окопамъ, до самаго Дуная.

Занявъ ретраншашентъ, колонна Ставицкаго останавливается; если же непріятель въ безпорядкѣ бросится въ крѣпость, то не останавливаясь, Ставицкій слѣдуетъ за нимъ, и старается ворваться въ крѣпость.

Между тѣмъ, фланговыя четыре колонны, какъ только ретраншаментъ будетъ занятъ 3-ю колонною, немедленно идутъ въ аттаку на самую крѣпость.

Каждая изъ колоннъ имѣетъ, въ 150 и 200 саженяхъ позади, резервъ, при которомъ находится и артилерія, которые назначались для прикрытія своихъ отступающихъ колоннъ, если бы штурмъ оказался не удачнымъ.

Въ диспозиціи Милорадовичъ говоритъ: «Я знаю солдатъ, коими я командую, въ успѣхѣ не сомнѣваюсь, а въ наблюденіи порядка увѣренъ. Я люблю добрыхъ солдатъ и истреблю виновниковъ» [1]).

На разсвѣтѣ 24 марта, Милорадовичъ подалъ ракетный сигналъ къ началу штурма. Третья колонна, Ставицкаго, быстро бросилась въ штыки на среднюю часть ретраншамента, слѣдуя по фокшанской дорогѣ. Ретраншаментъ былъ взятъ, защитники его бѣжали въ крѣпость, которая, какъ оказалось, была уже въ полной готовности встрѣтить аттакующихъ, и открыла по нимъ сильный пушечный огонь. Поэтому Ставицкій не двинулся за отступавшими, а ограничился прочнымъ занятіемъ ретраншамента.

Въ то-же время 1, 2, 4 и 5 колонны, перейдя ретраншаменъ, бывшій уже въ нашихъ рукахъ, двинулись

---

[1]) Приложеніе № 6. (Изъ дѣла № 1353). В. Уч. Архивъ.

для аттаки боковыхъ фасовъ крѣпостнаго вала. Прежде другихъ спустилась въ крѣпостной ровъ 1-я колонна Палицина. Но тутъ оказалось, что штурмовыя лѣстницы не соотвѣтствовали глубинѣ рва и высотѣ вала, который былъ значительно выше чѣмъ полагали.

Преодолѣвая неимовѣрныя трудности, солдаты втыкали штыки въ насыпь контръ-эскарпа, подсаживали другъ друга на плечахъ и, такимъ образомъ, вылѣзали изъ рва и вступали на валъ. Тѣмъ же порядкомъ, не обращая вниманія на сильный огонь изъ крѣпости, вступили на валъ 2, 4 и 5 колонны.

Турки, казалось, пришли въ замѣшательство, увидя успѣхъ фланговыхъ колоннъ; колонна Ставицкаго такъ же аттаковала средніе бастіоны крѣпостнаго вала. Но еще при началѣ штурма, Ставицкій палъ геройскою смертью. Начальство надъ колонной принялъ полковникъ Турчаниновъ, который овладѣлъ средними бастіонами крѣпости.

Такимъ образомъ весь валъ былъ занятъ русскими войсками.

Но въ это время изъ Рущука прибыло подкрѣпленіе на 17 судахъ и турки ободрились.

Убійственный картечный огонь по стоявшимъ на валу войскамъ, и ожиданіе новыхъ подкрѣпленій изъ Рущука, показывали невозможность расчитывать на легкость занятія крѣпости. Поэтому, видя, что обѣщаніе защищать Журжу, только для вида, не выполнилось, Милорадовичъ рѣшился отступить. Отступленіе это было произведено въ полномъ порядкѣ. Турки выступили изъ крѣпости для преслѣдованія, но казаки вогнали ихъ обратно въ крѣпость.

Солдаты, получившіе приказаніе отступить, просили чтобы ихъ вторично вели на штурмъ.

Но постоянно прибывающія изъ Рущука подкрѣпленія ослабляли вѣроятность успѣха, тѣмъ болѣе, что,

не смотря на всѣ усилія полковника Лопухина, занявшаго Слободзею, не могли преградить доступъ подкрѣпленіямъ высылаемымъ изъ Рущука.

Согласно диспозиціи, шестая колонна Лопухина аттаковала на разсвѣтѣ 24 числа деревню Слободзею.

Подпоручикъ, баронъ Геймаръ, высланный въ авангардъ, со 100 охотниками Сибирскаго полка и 50 казаками, быстро аттаковалъ пяти пушечную непріятельскую батарею, овладѣлъ ею, и черезъ калитку, ведущую въ замокъ, проникъ къ самому замку. Его поддержалъ штабсъ-капитанъ Руссау, также подоспѣвшій съ охотниками:—«положивъ на мѣстѣ до 200 турокъ, защищавшихъ замокъ, охотники овладѣли имъ».

При этомъ было взято у непріятеля 27 орудій, 32 знамени, большіе запасы пороху и хлѣбный магазинъ. Занявъ пашинскій замокъ въ Слободзеѣ, Лопухинъ приказалъ заклепать бывшія въ немъ орудія и, выставивъ на берегу Дуная свои пушки, открыть пальбу по переправлявшимся изъ Рущука судамъ съ подкрѣпленіями. Но ему удалось только потопить два изъ нихъ. Когда же послѣдовало отступленіе войскъ отъ Журжи, то колонна Лопухина, разрушивъ замокъ и предавъ огню слободзейскіе магазины, за исключеніемъ того что могло быть взято войсками — также отступила.

Проведя ночь въ виду крѣпости, Милорадовичъ отступилъ къ Даѣ, и затѣмъ, черезъ Фалаштокъ, возвратился въ Бухарестъ.

Хотя приступъ къ Журжѣ и не увѣнчался полнымъ успѣхомъ, выведя изъ рядовъ до 700 ч. убитыми и ранеными, тѣмъ не менѣе, перевѣсъ результатовъ былъ, несомнѣнно, на нашей сторонѣ. Турки потеряли болѣе 2.000 ч., 32 знамени и 13 орудій, изъ которыхъ 7, по невозможности ихъ увезти, были испорчены.

Но потеря 700 чел., безъ достиженія положительнаго результата, сильно опечалила Милорадовича. Войска дра-

лись геройски. Ошибочный расчетъ на глубину крѣпостнаго рва и высоту вала, сообразно съ чѣмъ были изготовлены, подъ наблюденіемъ генерала Гартинга, штурмовыя лѣстницы, не могъ быть поставленъ въ вину послѣднему. Гартингъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія объ Журжѣ. Онъ доносилъ, что—«профиль крѣпости хороша, ибо она не очень поднята, чѣмъ и даетъ горизонтальную оборону. Ровъ ширины до 5, и въ глубину мѣстами до 3 сажень». Поэтому штурмовыя лѣстницы и были сдѣланы длиною въ 3 сажени.

Комендантъ Рущука Ахметъ-Эфенди, бывшій въ сношеніяхъ съ Милорадовичемъ и осужденный султаномъ на смерть, успѣлъ бѣжать и скрыться въ Слободзеѣ (около Журжи), а потомъ пробраться въ Бухарестъ, не задолго до предполагавшагося штурма Журжи. Онъ объявилъ, что — «гарнизонъ Журжи былъ весьма слабый, укрѣпленія во многихъ мѣстахъ разорены, и вообще крѣпость въ весьма дурномъ положеніи [1])»; но за два дня до штурма, турецкій лазутчикъ, узнавъ о заготовленіи штурмовыхъ лѣстницъ и фашинъ, успѣлъ, не смотря на принятыя предосторожности, увѣдомить непріятеля о предстоящемъ штурмѣ, и объявить о тайныхъ переговорахъ между Милорадовичемъ и начальникомъ рущукскихъ войскъ, Ахметъ-Эфендіемъ. Послѣдній едва успѣлъ спастись, бѣжалъ въ Бухарестъ, куда прибылъ уже послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Журжи. Въ Рущукѣ и Журжѣ закипѣла усиленная дѣятельность.

Новый начальникъ войскъ, Хозревъ-Мегметъ паша, собралъ для возвышенія крѣпостнаго вала и углубленія рва все населеніе Журжи, и работа продолжалась днемъ и ночью, до самаго начала штурма. Вмѣсто неожиданнаго нападенія и легкаго штурма, пришлось встрѣтить

---

[1]) Кн. Прозоровскій г.-л. Эссену 1-му отъ 1 апрѣля 1809 г. В. Уч. Арх. № 1353.

бдительный надзоръ и энергическое сопротивленіе. Всего же болѣе повредило намъ увеличеніе высоты вала и глубины рва, отчего лѣстницы оказались короткими.

«Если бы была малѣйшая возможность, доносилъ Милорадовичъ, то мы взяли бы крѣпость. Всѣ выгоды были на сторонѣ непріятеля». Въ частномъ письмѣ къ Прозоровскому онъ писалъ: «я зналъ, что успѣхъ покроетъ славою корпусъ, а неудача падетъ на меня. Будь я эгоистъ, то не рѣшился бы на предпріятіе невѣрное, но на войнѣ удаются, иногда, предпріятія невѣрныя: надобно на нихъ отваживаться. Я увлеченъ былъ доброю волею. Въ этомъ дѣлѣ никто не виноватъ, кромѣ меня. Одинъ я долженъ за него отвѣчать».

Но Императоръ Александръ, умѣлъ по справедливости оцѣнить честность Милорадовича, никого не обвинявшаго, и бравшаго на себя всю отвѣтственность.

«Неудача, писалъ кн. Прозоровскому, военный министръ, отнюдь не перемѣняетъ выгодныхъ мыслей Его Величества объ усердіи его (Милорадовича), и знанія военнаго искуства [1])».

«Съ своей стороны, кн. Прозоровскій, отдалъ по арміи приказъ, въ которомъ было сказано: «Съ удовольствіемъ отличнымъ и съ утѣшеніемъ сердечнымъ вижу я, изъ всѣхъ дошедшихъ до меня донесеній, что въ поискѣ, предпринятомъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ Милорадовичемъ со ввѣреннымъ ему корпусомъ, на крѣпость Журжу и замокъ Слободзею, увѣнчанномъ видимыми успѣхами, не только всѣ господа начальствующіе, но и подчиненные и нижніе чины, начиная отъ старшаго до младшаго, обнаружили отличную храбрость, неустрашимость и мужество, доказали то примѣрное рвеніе и ту неограниченную любовь къ своему монарху, коими сердца ихъ преисполнены; соблюли во всей точности всѣ пред-

[1]) Письмо 10 апрѣля 1809 г. В. Уч. Арх.

писанія начальства, сохранили со всею строгостію предначертанныя мною правила дисциплины и субординаціи и, побѣжденіемъ непріятеля, пріобрѣтая себѣ новые лавры, воздержались отъ всякаго варварства и грабительства.

«Воздавая по обязанности званію моего корпусу сему, за таковые подвиги, надлежащую справедливость и совершенную похвалу, я не менѣе того имѣлъ уже счастіе, Всеподданнѣйше донести о всемъ томъ Государю Императору» [1]).

Одновременно съ приступомъ къ Журжѣ, отрядъ генералъ-маіора Исаева въ Малой Валахіи, открылъ свои дѣйствія для вступленія въ связь съ сербами.

Прибывъ 24 марта къ острову Кольмару, между Кладово и Виддинымъ, съ 2 баталіонами пѣхоты, Исаевъ переправилъ на островъ одинъ баталіонъ, который 25 числа и овладѣлъ имъ. Бывшіе въ укрѣпленіи на островѣ 60 турокъ сдались военноплѣнными. Исправивъ взятое укрѣпленіе и оставивъ въ немъ одинъ баталіонъ, Исаевъ расположилъ другой баталіонъ у Гогоша, для прикрытія судовъ, служившихъ для сообщенія съ островомъ. Исполнивъ такимъ образомъ въ точности все, что было ему приказано, Исаевъ увѣдомилъ сербскаго воеводу Миленко о своемъ прибытіи, съ цѣлью вступить въ соглашеніе, относительно совмѣстныхъ дѣйствій. Но отступленіе корпуса Милорадовича отъ Журжи не дозволило развить операцій отряда Исаева.

Не смотря на большую потерю въ людяхъ и на порчу значительнаго числа своихъ пушекъ, турки ликовали журжинское дѣло, какъ важную побѣду. По этому Гулибъ-Эфенди, выѣхавшій 3 апрѣля съ своею свитою изъ Яссъ, для возвращенія въ Турцію чрезъ Варну, писалъ кн. Прозоровскому изъ Галаца, отъ 9 апрѣля:

---

[1]) Приказъ по арміи 28 марта 1809 г. № 1343.

«Мы уже чувствовали, что Россія намѣревается прервать перемиріе и начать новую войну съ Блистательной Портой. Поэтому, вопросъ объ Англіи былъ только предлогомъ (fut jugé plaussible). Тотчасъ по выѣздѣ вашемъ изъ Яссъ, никакихъ уже не могло быть болѣе сомнѣній.

«Ходятъ слухи, что объявленіе войны должно быть отнесено къ Турціи. Я обязанъ офиціально заявить, именемъ моего Великаго Государя, что это увѣреніе ни чѣмъ не поддерживается.

«Блистательная Порта, по милости Всевышняго, имѣетъ достаточно войскъ и силъ, потребныхъ и способныхъ отразить своихъ враговъ и нападающихъ на нее. Но она не полагается никогда ни на свои силы, ни на свои военныя позиціи. Она всецѣло отдается защитѣ Высшаго Покровителя всего, всегда благого» [1]).

Но хотя Гулибъ-Эфенди и намекалъ, не безъ ироніи, что Турція способна отразить своихъ «враговъ», кн. Прозоровскій имѣлъ свѣдѣнія изъ Константинополя, что янычары не хотятъ выходить изъ столицы иначе, какъ чтобы и султанъ вышелъ съ ними. Сверхъ того, далѣе Адріанополя идти не намѣрены.

Поэтому рѣшено было продолжать выполненіе общаго плана кампаніи и овладѣть Браиловымъ, для чего назначались главныя силы арміи, т. е. весь корпусъ генерала Голенищева-Кутузова, стоявшій въ Фокшанахъ.

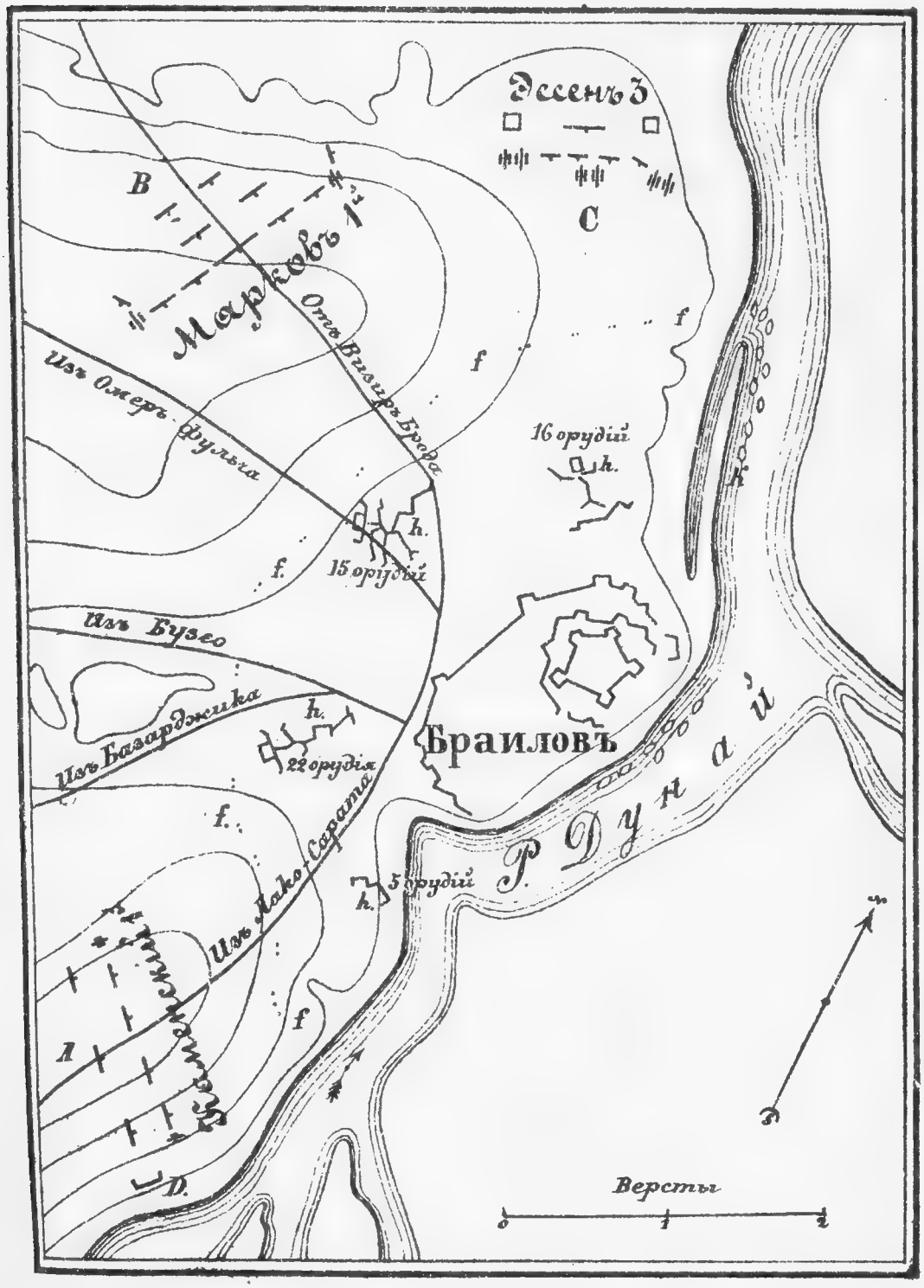
Въ концѣ марта приступлено было къ заготовленію туровъ, фашинъ и лѣстницъ для осады Браилова. Заготовленія дѣлались на р. Серетѣ и сплавлялись по рѣкѣ къ Шербешти. Мостъ для переправы черезъ Серетъ осадной артиллеріи, высланной изъ Текуча, былъ заготовленъ также на рѣкѣ и спущенъ въ Максимени.

28 марта корпусъ Кутузова выступилъ изъ Фокшанъ на Максимени къ Визирскому броду. Для связи съ кор-

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1809 г. № 87—168.

План №1й Осада Браилова 1809 года.



Библиотека Института

пусомъ Милорадовича, Кутузовъ выслалъ одинъ баталіонъ въ Бузео. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милорадовичъ получилъ приказаніе занять казаками Обилешти, для наблюденія непріятеля со стороны Силистріи, и 1 баталіонъ выслать къ Негоешти, на случай намѣренія непріятеля двинуться къ Бухаресту или Браилову.

Въ тѣхъ же видахъ, отъ авангарда главной арміи выставленъ въ Каларашѣ отрядъ изъ двухъ егерскихъ баталіоновъ, при 4 орудіяхъ Донской артиллеріи; 1 егерскій, съ двумя орудіями, поставленъ въ Орашѣ, для наблюденія Гирсово. Еще ниже по Дунаю; 1 баталіонъ расположенъ въ Ульмѣ и, какъ резервъ для нихъ обоихъ, 2 баталіона пѣхоты при 4 орудіяхъ заняли Слободзею; наконецъ, 1 баталіонъ выставленъ въ Богушени.

Такимъ образомъ, теченіе Дуная отъ Силистріи до Браилова тщательно наблюдалось, съ цѣлью не дозволить непріятелю выслать по лѣвому берегу Дуная подкрѣпленія изъ Силистріи, Гирсова, или промежуточныхъ пунктовъ. Для того же, чтобы преградить доступъ подкрѣпленій съ праваго берега рѣки, галацкій отрядъ, генералъ-лейтенанта Засса, усиленный тремя баталіонами пѣхоты и 60 казаками, получилъ приказаніе переправиться на правый берегъ Дуная и овладѣть Мачиномъ, въ чемъ ему должна была содѣйствовать и вся дунайская флотилія капитана Акимова, изъ которой оставлено подъ Браиловымъ только 6 судовъ.

Между тѣмъ, корпусъ Кутузова прибылъ 3 апрѣля къ Визирскому броду на р. Бузео, и расположился въ боевомъ порядкѣ, въ двѣ линіи: первая, подъ начальствомъ г.-л. Каменскаго 1-го, вторая—изъ дивизій Маркова 1-го и Олсуфьева 3-го. 5 апрѣля по наведенному черезъ р. Бузео, понтонному мосту, корпусъ Кутузова перешелъ на правый берегъ рѣки. Употребивъ слѣдующій день на рекогносцировку ведущихъ къ Браилову дорогъ, Кутузовъ, оставивъ для прикрытія мо-

ста 1 баталіонъ гренадеръ, выступилъ 7 числа къ Браилову и остановился въ четырехъ верстахъ отъ него при деревнѣ Лапобаратѣ. 8 апрѣля, съ утра, корпусъ Кутузова занялъ позиціи вокругъ крѣпости. Гарнизонъ Браилова сдѣлалъ при этомъ небольшую вылазку, которая скоро была отражена.

Облегающія Браиловъ войска расположились въ трехъ отдѣльныхъ массахъ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. На правомъ флангѣ, примыкая къ Дунаю, выше крѣпости, стоялъ отрядъ г.-л. Каменскаго 1-го (A) [1]) изъ 12 баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ драгунъ, при 10 батарейныхъ и 6 конныхъ орудіяхъ.

Въ центрѣ, на дорогѣ изъ Визирскаго брода, находился отрядъ г.-л. Маркова 1-го изъ 14 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ драгунъ, 10 батарейныхъ и 12 конныхъ орудій (B). Сзади его поставлены осадный паркъ, инженерное депо, піонерная рота и главная квартира.

На лѣвомъ флангѣ, примыкая къ Дунаю, ниже крѣпости, расположился отрядъ г.-л. Эссена 3-го, изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ драгунъ, 10 батарейныхъ и 8 конныхъ орудій (C). Впереди общаго расположенія выставлены казачьи пикеты (*f*), прикрывавшіе весь фронтъ корпуса.

Изъ приложеннаго плана видно, что отрядъ Каменскаго былъ раздѣленъ съ центральнымъ отрядомъ весьма значительнымъ разстояніемъ. Поэтому 9 числа было приступлено къ заложенію трехъ соединительныхъ редутовъ (*hh*).

Подобный-же редутъ былъ устроенъ, впослѣдствіи, между отрядами центра и лѣваго фланга.

Въ полдень 9 числа, турки произвели значительную вылазку изъ крѣпости. Цѣпь казачьихъ форпостовъ (*ff*)

---

[1]) Планъ № 1.

принуждена была отступить. При этомъ былъ убитъ храбрый подполковникъ Мельниковъ. Въ помощь казакамъ были немедленно высланы охотники изъ драгунъ и баталіонъ егерей, которые и принудили непріятеля возвратиться въ крѣпость.

Въ видахъ ближайшаго поддержанія передовыхъ форпостовъ, 10 числа, каждый изъ соединительныхъ редутовъ (*hh*) занятъ 150 челов. Для воспрепятствованія же непріятелю дѣйствовать съ своихъ судовъ во флангъ нашего расположенія, на берегу Дуная, на правомъ флангѣ Каменскаго, была устроена батарея (*D*) на шесть батарейныхъ орудій.

До прибытія къ Браилову осадной артиллеріи, нельзя было предпринять противъ крѣпости никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Осадныя орудія прибыли только 11 апрѣля изъ Шербешти. Въ тотъ же день подошла и дунайская флотилія капитана Акимова, изъ Галаца, въ составѣ 23 баркасовъ и катеровъ, съ нѣсколькими мелкими судами, отбитыми у непріятеля (к).

Прежде чѣмъ приступить къ осадѣ Браилова, кн. Прозоровскій отправилъ 11 апрѣля къ Браиловскому Назырь пашѣ предложеніе сдаться. Въ письмѣ къ Назырю было сказано: «Порта Оттоманская только что объявила Россіи войну. Это привело ввѣренную мнѣ армію къ дверямъ командуемой вами крѣпости. Чувства человѣколюбія побуждаютъ меня, прежде чѣмъ приступить къ осадѣ крѣпости и принудить васъ сдать ее моей арміи, привыкшей побѣждать, — предложить вамъ сдать ее, во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови. Я обѣщаю въ такомъ случаѣ полное обезпеченіе жизни и имущества всѣмъ. Всякое упорство, напротивъ того, подвергнетъ неизбѣжно какъ городъ, такъ и невинныхъ обитателей его, совершенному разрушенію и страшнымъ бѣдствіямъ. Жду съ посланнымъ отъ васъ безотлагательнаго отвѣта».

На другой день былъ полученъ отвѣтъ Назыря:

«Въ письмѣ вашемъ говорится, что Порта объявила вамъ войну. Весь свѣтъ знаетъ, какимъ образомъ вы начинаете войну. Мы-же мусульмане, и другія державы знаемъ, кто былъ причиною возникшей войны. Вы насиловали миръ. Что же касается до требуемой вами сдачи крѣпости, то нужно сказать вамъ, что если вы думаете дѣйствовать также, какъ дѣйствовали противъ нѣкоторыхъ другихъ крѣпостей, сравнивая нашу съ тѣми, и прибѣгая къ безполезнымъ словамъ, то сильно ошибетесь. Мы имѣемъ больше чѣмъ нужно, войскъ, пушекъ, снарядовъ и провизіи. Мы не нуждаемся въ подкрѣпленіяхъ. По всему этому, кому придется въ голову мысль о сдачѣ (упаси Богъ) крѣпости, безъ боя, будь то даже простая баба? Мы относимъ лишь къ вашей великой гордости предложеніе о сдачѣ. Всевышній врагъ гордецовъ. Мы не намѣрены уступить ни пяди земли принадлежащей крѣпости.

«Вы внезапно открыли военныя дѣйствія но, если угодно Богу, вы вскорѣ увидите и послѣдствія того. Вотъ нашъ отвѣтъ [1])».

По полученіи этого отвѣта приступлено было, 13 апрѣля, къ вооруженію четырехъ батарей (hh), находившихся въ разстояніи отъ 300 до 400 саж. отъ непріятельскаго ретраншамента. Батареи эти были приспособлены, на правомъ флангѣ на 5 орудій, у самаго берега Дуная. Въ центрѣ двѣ батареи на 22 и 15 орудій, и на лѣвомъ флангѣ на 16 орудій.

По обѣ стороны отъ этихъ редутныхъ батарей устроены ложементы для прыкрытія стрѣлковъ; а впередъ, по направленію къ ретраншаменту, выведены подступы.

Непріятель сдѣлалъ 13 числа сильную вылазку но, потерявъ до 50 челов. убитыми, былъ отбитъ. При этомъ

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky 1809 г. № 87—168.

подступы отъ центральной батареи были ведены такъ успѣшно, что лежавшіе передъ самимъ ретраншаментомъ сады и дома были сожжены, а предмѣстья заняты нашими егерями. Работы по окончанію батарей (hh) и вооруженіе ихъ осадными и батарейными орудіями, продолжались весьма успѣшно, такъ что 16 числа онѣ могли уже открыть огонь, не прекращавшійся и въ слѣдующіе дни. Большая часть предмѣстья города, примыкавшаго къ самому крѣпостному ретраншаменту, была обращена огнемъ нашихъ орудій въ груды развалинъ, и егеря заняли его, скрываясь въ уцѣлѣвшихъ садахъ.

Гарнизонъ Браилова, силою до 12.000 чел., готовился уже сдать крѣпость. Но бывшія въ ней войска, прибывшія изъ Хотина и Браилова, послѣ сдачи этихъ крѣпостей въ 1806 году, подняли духъ гарнизона, утверждая, что они по опыту знаютъ, какъ слабы были русскіе, на требованіе которыхъ сдались обѣ эти крѣпости, овладѣть которыми русскіе не были-бы въ состояніи, если бы дѣло дошло до боевой защиты.

Узнавъ о разногласіяхъ, возникшихъ между защитниками Браилова, и желая ими воспользоваться, кн. Прозоровскій, лично присутствовавшій при осадѣ, рѣшился взять крѣпость штурмомъ. Кутузовъ указывалъ на несвоевременность такой мѣры, такъ какъ ни одно изъ непріятельскихъ орудій въ крѣпости не было еще подбито и крѣпость представляла не поврежденную грозную твердыню. Кн. Прозоровскій ограничился поэтому, намѣреніемъ, овладѣть только крѣпостнымъ ретраншаментомъ, на которомъ нѣкоторыя батареи изъ туровъ были уже повреждены и, затѣмъ, утвердясь въ ретраншаментѣ, вести дальнѣйшую осаду. Аттака ретраншамента назначена была на 20 апрѣля.

Крѣпость Браиловъ состояла изъ пятиугольнаго, большаго каменнаго замка, бывшаго прежде греческимъ монастыремъ. По угламъ замка башни, приспособленныя

къ пушечной оборонѣ. Замокъ окруженъ рвомъ, съ каменными одеждами. Ширина рва доходила до 6, а высота до 3 саженей.

Затѣмъ этотъ сильный замокъ окруженъ земляным валомъ, съ пятью бастіонами. Одежда бастіоновъ каменная и имѣла высоту эскарпа въ 5 саженей.

Куртины, соединяющія бастіоны, состояли изъ земляного вала, съ эскарпомъ только въ $3^1|_2$ сажени.

Ровъ, окружающій весь крѣпостной окопъ, былъ шириною въ 4 сажени и имѣлъ земляной контръ-эскарпъ.

Наконецъ, впереди этого втораго укрѣпленнаго вала, былъ обширный земляной ретраншаментъ, окружавшій всѣ городскія строенія. Обширность этого ретраншамента требовала для о бороны его много войска и потому, собственно говоря, онъ представлялъ весьма слабую защиту крѣпости. На это и расчитывалъ кн. Прозоровскій, рѣшаясь овладѣть ретраншаментомъ.

Диспозиція аттаки была составлена генераломъ Кутузовымъ и утверждена главнокомандующимъ. Въ приказѣ по арміи отъ 19 апрѣля было сказано: «устроеніемъ батарей нашихъ достигли мы непріятельскаго ретраншамента, который надлежитъ, призвавъ Бога въ помощь, занять, и на ономъ укрѣпиться небольшою земляною работою, *въ нѣсколько минутъ*. Служа же около 60 лѣтъ въ войскахъ и сдѣлавъ прежде нынѣшней, болѣе 20 военныхъ кампаній, я имѣлъ случай видѣть всѣ происшествія, въ войнѣ бывающія, и пріобрѣсть въ нихъ опытность.

«Нижніе чины, виновные въ грабежѣ, будутъ наказаны, безъ суда, вмѣсто смерти, шпицрутенами, прогнаніемъ 12 разъ сквозь строй. Если-же, сверхъ ожиданія, окажутся виновными въ томъ же офицеры, то они, по лишеніи всѣхъ чиновъ и дворянства, будутъ сосланы на Нерчинскіе заводы».

Далѣе въ приказѣ говорится: «строго запрещаю бить людей не обороняющихся и не вооруженныхъ, особливоже женщинъ и дѣтей. Я даю честное слово и торжественно обѣщаю, что кромѣ военныхъ припасовъ, все, что собрано будетъ въ добычу денегъ, скота и прочаго, раздѣлено будетъ между аттакующими войсками». Для собиранія этой добычи были назначены особыя команды, при каждой аттакующей колоннѣ.

Распоряженія по аттакѣ ретраншамента состояли въ слѣдующемъ.

Назначенныя для аттаки войска, въ числѣ до 8.000 челов., раздѣляются на три колонны. Въ 10 часовъ вечера 19 числа, колонны, соблюдая возможную тишину, выступаютъ изъ лагеря и собираются къ батареямъ (*hh*), подступы отъ которыхъ были доведены мѣстами на 200, мѣстами на 250 сажень отъ ретраншамента.

На правомъ флангѣ, аттакующая колонна, подъ начальствомъ г.-м. Рѣпнинскаго, состояла изъ 2 баталіона 29 егерскаго, и баталіона Новгородскаго полковъ. При этой колоннѣ находился и генералъ-лейтенантъ Олсуфьевъ 3-й. Средняя колонна, г.-м. Хитрово, изъ 2 баталіоновъ Фанагорійскаго и баталіона Нижегородскаго полковъ. Лѣвая колонна, князя Вяземскаго, изъ втораго баталіона 13-го егерскаго и баталіона Вятскаго полковъ.

Впереди каждой колонны выставлено по 70 охотниковъ съ 2 офицерами, по 40 человѣкъ съ лѣстницами и 30 піонеровъ. Сзади-же каждой колонны шли по 200 рабочихъ, а за ними, въ резервѣ, по 3 баталіона пѣхоты. Наконецъ, въ видѣ общаго резерва, поставлены 5 эскадроновъ Тверскаго и 3 эскадрона С.-петербургскаго драгунскаго полковъ, съ 12 конными орудіями.

Для непосредственнаго сообщенія главнокомандующему о ходѣ дѣла, при каждой изъ колоннъ назначены, жребіемъ, состоять по одному изъ чиновъ его штаба. Жребіи эти

достались флигель-адъютантамъ, Паскевичу, графу де-Бальмену и адъютанту кн. Прозоровскаго князю Долгорукову.

Съ вечера 19 апрѣля всѣ передовыя батареи открыли усиленный огонь по ретраншаменту, направляя огонь на тѣ части его, на которыя должна быть ведена аттака тремя колоннами.

По сигнальной ракетѣ, колонны, пользуясь выведенными впередъ подступами, безъ выстрѣла приближаются къ ретраншаменту и аттакуютъ его.

Дѣйствительная аттака возлагалась на правую колонну Рѣпнинскаго, такъ какъ съ этой стороны ретраншаментъ болѣе былъ удаленъ отъ крѣпости, и къ нему можно было подойти подъ прикрытіемъ садовъ, занятыхъ уже нашими егерями.

Колонна Рѣпнинскаго поддерживается также дѣйствительною аттакою средней колонны Хитрово, идущею на среднюю часть ретраншамента.

Для успѣшнѣйшаго маскированія дѣйствительной аттаки, лѣвая колонна кн. Вяземскаго, показываетъ видъ нападенія на лежащую передь нею часть ретраншамента, который въ этомъ мѣстѣ отстоялъ, не болѣе 100 саж. отъ крѣпостнаго вала, и потому представлялъ наиболѣе сильную оборону.

Фальшивая аттака кн. Вяземскаго должна была начаться только тогда, когда двѣ другія колонны вступятъ въ дѣйствіе. Тогда Вяземскій высылаетъ изъ своей колонны двѣ партіи, по 200 чел. каждая, которыя, подбѣжавъ ко рву ретраншамента, открываютъ стрѣльбу и кричатъ ура! но не идутъ на самый ретраншаментъ, въ виду его силы, а стараются только надѣлать больше шума и обратить на себя вниманіе противника.

Но предписаніе это не было исполнено. Въ 11 часовъ вечера поданъ былъ сигналъ къ аттакѣ. Въ то время, какъ правая и средняя колонны не успѣли еще подойти ко

рву ретраншамента, колонна кн. Вяземскаго повела аттаку, и притомъ, не фальшивую, а настоящую. Охотники, направленные гвардіи прапорщикомъ графомъ Самойловымъ, и адъютантомъ генерала Эссена 1-го, бѣгомъ приставили лѣстницы къ валу ретраншамента и взошли на него. Быстрота приступа не дала непріятелю времени оправиться отъ замѣшательства. Но скоро турки пришли въ себя. Между тѣмъ, горсть охотниковъ продолжала занимать валъ. Если-бы они были, тотчасъ-же, поддержаны, то ретраншаментъ, въ этой его части, остался бы въ нашихъ рукахъ. Но прошло уже четверть часа, а Вяземскій все еще не подводилъ подкрѣпленій. Поэтому охотники были сбиты съ вала, при чемъ графъ Самойловъ былъ раненъ. Затѣмъ, прибывшія подкрѣпленія, вмѣсто того чтобы поддержать охотниковъ, спустились въ ровъ и тамъ начали стрѣлять. Пальба во рву, по невидимому непріятелю, была только безполезною тратою патроновъ.

Преждевременная аттака лѣвой колонны, въ то время, когда двѣ другія не подошли еще къ ретраншаменту, дала непріятелю время приготовиться къ отпору въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ.

Поэтому, когда средняя колонна Хитрово спустилась въ ровъ, то валъ ретраншемента уже былъ занятъ многочисленнымъ непріятелемъ, не позволявшимъ аттакующимъ приставить лѣстницъ. Засѣвъ во рву, войска открыли пальбу вверхъ, не имѣя возможности предпринять что-либо другое, тогда какъ по диспозиціи, правая и средняя колонны, должны были стрѣлять только по вступленіи на валъ и не открывать пальбы во рву.

Что касается до правой колонны, Рѣпнинскаго, то дѣйствія ея были болѣе удачны. Прикрываясь садами, колонна эта подошла къ ретраншаменту, набросала въ ровъ фашинъ, перешла его и, приставивъ лѣстницы, вступила на валъ, завладѣвъ непріятельскою батареею.

Генералъ Олсуфьевъ, бывшій при правой колоннѣ, потребовалъ присылки подкрѣпленій.

Кн. Прозоровскій выслалъ изъ резерва требуемое подкрѣпленіе, усиливъ въ то-же время и колонну Хитрово, надѣясь дать ей возможность выйти изъ рва и овладѣть валомъ ретраншамента. Но подкрѣпленія прибыли поздно. Правая колонна была сбита съ вала и спустилась въ ровъ. Подошедшій на усиленіе ея резервъ также засѣлъ во рву, изъ котораго и открылъ огонь. Колонна Хитрово, получившая подкрѣпленіе, видя, что правая колонна уже сбита съ ретраншамента, осталась стрѣлять во рву.—«Такому печальному позорищу я былъ свидѣтель, объявлялъ въ приказѣ по арміи кн. Прозоровскій. Не могу надивиться, отчего теперь ввелось въ войскахъ, что въ полѣ, гдѣ надобно стрѣлять, тамъ на штыки идутъ; тутъ, гдѣ штыки нужны, производятъ пальбу. Таковой поступокъ былъ причиною большой потери въ людяхъ безъ всякой пользы, что ни начальникамъ колоннъ, ни войскамъ славы не дѣлаетъ» [1]).

Начало уже свѣтать. Кн. Прозоровскій увидѣлъ общую картину боя. Всѣ наши войска сидѣли во рву, а надъ ними, на валу ретраншамента, виднѣлась густая толпа турокъ, стрѣлявшихъ сверху и спускавшихъ на нихъ въ ровъ бревна, камни и проч. Положеніе было безвыходное. «Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ и пролитіемъ слезъ, принужденъ былъ велѣть ретироваться—объявлялъ по арміи кн. Прозоровскій» [2]).

Но отступать при такихъ условіяхъ было еще труднѣе, чѣмъ оставаться на мѣстѣ. Идти днемъ, по открытой мѣстности, имѣя за собою, въ нѣсколькихъ шагахъ,

---

[1]) Приказъ по арміи 20 апрѣля 1809 г. В. Уч. Арх. № 1343 См. приложеніе № 7 (дѣла № 1388), стр. 146—150

[2]) Тамъ-же.

противника, скрытаго за ретраншаментомъ, значило обречь, на разстрѣляніе, всѣ отступающія войска.

Но тутъ-то и сказалась вся беззавѣтная доблесть русскаго солдата.

Получивъ приказаніе отступать, солдаты тихо вылѣзали изъ рва, и можно сказать, передъ дулами непріятельскихъ ружей, строили фронтъ и затѣмъ, разстрѣливаемые сзади, отступали *тихимъ* шагомъ, смыкая ряды, которые пустѣли съ каждымъ шагомъ.

Для прикрытія отступленія кн. Прозоровскій приказалъ открыть огонь изъ всѣхъ батарей (h h) и въ удобныхъ мѣстахъ выставилъ свѣжія войска, готовыя поддержать отступающихъ. Въ виду этихъ, своевременно принятыхъ мѣръ, непріятель не смѣлъ выступить изъ ретраншамента для преслѣдованія. Только на лѣвомъ своемъ флангѣ, прикрываясь садами, значительная партія турокъ выступила за ретраншаментъ, преслѣдуя колонну Рѣпнинскаго. Но послѣдняя дала непріятелю сильный отпоръ.

Высланный же для подкрѣпленія колонны эскадронъ драгунъ, съ однимъ орудіемъ конной артиллеріи, заставилъ непріятеля уйти обратно. Кн. Прозоровскій былъ въ отчаяніи отъ такого печальнаго исхода дѣла, которое стоило намъ 2,229 челов. убитыми и 2,550 ранеными.

По другимъ словамъ, потеря наша простирается до 9,000 челов. [1]).

Старый фельдмаршалъ, видя бѣдствіе своихъ войскъ, рыдалъ, падалъ на колѣни и рвалъ остатки своихъ сѣдыхъ волосъ. Стоявшій возлѣ него Кутузовъ молча смотрѣлъ на все и только сказалъ: «Не такія бѣды бывали со мною, я проигралъ аустерлицкое сраженіе, рѣшившее участь Европы, да не плакалъ».

---

[1]) Рукопись В. уч. арх. № 1352.

«Сердце мое обливалось кровью, доносилъ кн. Прозоровскій Императору отъ 23 апрѣля. Я желалъ умереть и если-бы была малѣйшая возможность подать пособіе и загладить несчастіе то, конечно, бросился бы я самъ съ войсками въ огонь. Но мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ умертвить въ душѣ моей стремленіе, омыть собственною кровью сіе пятно,—и я въ необходимости нашелся велѣть отступать».

Понятно отчаяніе престарѣлаго фельдмаршала, еще не успѣвшаго забыть печальную неудачу при Журжѣ и желавшаго загладить ее блистательнымъ подвигомъ. Но не понятно, какимъ образомъ кн. Прозоровскій, всегда честный, всегда любившій русскаго солдата, могъ рѣшиться оклеветать его передъ Государемъ и отечествомъ, оправдываясь въ неудачѣ, которая произошла лишь по его винѣ.

Неудачу подъ Браиловымъ онъ объяснялъ: «неопытностію генераловъ, отъ чего родилась нерѣшимость, а затѣмъ не нашлось въ нихъ ни храбрости, ни отваги, и войска не имѣли въ сраженіи должнаго повиновенія и довѣренности къ частнымъ начальникамъ» [1]).

Милорадовичъ всю вину неудачи подъ Журжей взялъ на себя, отдавая полную справедливость храбрости своихъ войскъ и ихъ начальникамъ. Кн. Прозоровскій, желая оправдать свою вину, клеветалъ на войска и обвинялъ ихъ начальниковъ. Факты на лицо. Кромѣ кн. Вяземскаго, всѣ начальники колоннъ: Олсуфьевъ, Рѣпнинскій и Хитрово были ранены. Аттакующія войска, почти поголовно перебитыя, или перераненныя, отступали *тихимъ* шагомъ, а не бросились вразбродъ; слѣдовательно они слушались своихъ начальниковъ и проявили безпредѣльную храбрость. Но кто-же виноватъ въ неудачѣ?

---

[1]) Донесеніе отъ 23 апрѣля 1809 года.

— Кн. Прозоровскій, не принявшій въ соображеніе многихъ обстоятельствъ дѣла.

Во первыхъ, вопреки заявленію фельдмаршала въ его приказѣ по арміи отъ 19 апрѣля, непріятельскія батареи на ретраншаментѣ вовсе не были сбиты, что и оказалось при штурмѣ, такъ какъ батареи эти дѣйствовали убійственно. Затѣмъ, не смотря на свою боевую опытность, кн. Прозоровскій не принялъ въ расчетъ тѣхъ неизбѣжныхъ случайностей, которыя являются при ночныхъ штурмахъ. Вмѣсто того чтобы подать сигналъ къ штурму, за полчаса до разсвѣта, такъ чтобы войска аттаковали ретраншаментъ уже при свѣтѣ занимающейся зари, сигнальная ракета была пущена въ 11 часовъ вечера, т. е. за пять часовъ до разсвѣта.

Поэтому аттакующія колонны, слѣдуя въ совершенной темнотѣ, теряли направленіе и не могли сообразоваться съ дѣйствіями другихъ колоннъ. Носильщики лѣстницъ часто падали и даже въ значительномъ числѣ теряли ихъ. Войска подходили ко рву въ разстроенномъ видѣ, спускались въ него, но по неимѣнію лѣстницъ не могли изъ него выбраться. Непріятель поражалъ ихъ сверху, скатывалъ въ ровъ камни и тяжести, нанося страшную потерю. Охотники, идя впереди своихъ частей, взбирались на валъ и геройски держались на немъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, пуская въ ходъ штыки, такъ какъ заряжать ружей было некогда. Между тѣмъ, подкрѣпленія блуждали въ потемкахъ, не видя пунктовъ, занятыхъ уже охотниками. Напрасно послѣдніе давали о себѣ знать барабаннымъ боемъ. Раздаваясь съ разныхъ сторонъ, онъ только болѣе сбивалъ подходившія подкрѣпленія. Колонна кн. Вяземскаго, переходя глубокую рытвину, приняла ее, въ темнотѣ, за ровъ ретраншамента и открыла изъ нее пальбу, которая только поражала, своихъ же охотниковъ. Храбрый Фанагорійскій полкъ былъ, почти весь, перебитъ, слѣдовавшим

за нимъ 29 егерскимъ полкомъ, принявшимъ фанагорійцевъ за турокъ.

Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что сила аттакующихъ колоннъ была слишкомъ слаба. Непріятель имѣлъ не менѣе 12.000 чел. Въ аттаку пущено всего 8.000, и только впослѣдствіи число это было увеличено изъ резервовъ. Къ тому-же, весь расчетъ аттаки долженъ бы основываться на первомъ внезапномъ ударѣ. Въ дѣло же войска пускались по частямъ, такъ что прибывающія, послѣдовательно, подкрѣпленія, находили уже бывшія впереди войска опрокинутыми, валъ сильно занятымъ, а недостатокъ лѣстницъ не дозволялъ штурмовать ретраншаментъ значительными силами.

Офицеры и солдаты проявили себя героями. Самъ кн. Прозоровскій не могъ достаточно нахвалиться дѣйствіями подъ Браиловымъ нашей артиллеріи.—«Дѣйствія всей вообще артиллеріи, объявилъ онъ въ приказѣ по арміи отъ 10 мая, было столь хорошо, что лучше, кажется, быть оно не можетъ, не взирая на то, что осадная артиллерія имѣетъ для услуги, большею частью, рекрутъ».

Вотъ въ чемъ заключалась настоящая причина неудачи штурма. Странно, что извѣстный писатель Михайловскій-Данилевскій, который имѣлъ возможность пользоваться и офиціальными документами, относящимися къ дѣлу, и описаніями его, дѣлаемыми многими участниками штурма, могъ сказать въ своемъ сочиненіи:—«Русское войско, постигнутое какимъ то остолбенѣніемъ, терпѣло великій уронъ». Никакого остолбенѣнія тутъ не было, а былъ только недостатокъ штурмовыхъ лѣстницъ и относительная слабость аттакующихъ, не имѣвшихъ возможности взбираться массами на валъ, густо занятый противникомъ. Приходилось оставаться во рву, а потомъ отступать подъ губительнымъ огнемъ непріятеля.

Вступивъ въ свои прежнія позиціи, войска кн. Прозоровскаго готовились къ отступленію за р. Серетъ. Транспорты съ больными и ранеными, а также продовольственные запасы, потянулись по дорогѣ въ Шербешти. Въ ночь съ 5 на 6 мая всѣ сооруженія, сдѣланныя подъ Браиловымъ, были срыты, а 7 числа войска отступили отъ крѣпости и расположились у Шербешти.

Браиловскій Назыръ, Аристъ паша, выслалъ конницу для преслѣдованія отступающихъ, которые стройно уходили, прикрываясь казаками.

Продолжая отступленіе, казаки отвлекли непріятеля, верстъ на шесть отъ крѣпости и, затѣмъ, г. л. Платовъ, быстро повернувъ ихъ назадъ, ударилъ на непріятельскую конницу. Потерявъ одно знамя и до 600 чел. убитыми и ранеными, турки обратились въ бѣгство.

Вслѣдъ за неудавшимся штурмомъ, главнокомандующій получилъ 22 апрѣля собственноручное письмо Императора, отъ 10 апрѣля, о необходимости быстраго перехода за Дунай и движенія къ Царьграду.

На другой день по полученіи этого письма, кн. Прозоровскій донесъ Императору о неудачномъ штурмѣ Браилова.

Послѣ отбитія штурма кн. Прозоровскій собралъ военный совѣтъ, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Планъ главнокомандующаго или, скорѣе Кутузова, состоялъ въ слѣдующемъ: Овладѣть Браиловымъ, правильною осадою. Затѣмъ, по появленіи подножнаго корма, перейти Дунай, въ трехъ мѣстахъ. Корпусъ Милорадовича переправляется у Туртукая и осаждаетъ Рущукъ. Главная армія переходитъ Дунай у Браилова, и овладѣваетъ Мачиномъ и Силистріей. Корпусъ Маркова, переправясь у Галаца, овладѣваетъ Исакчею, Тульчею и островомъ Чаталомъ, чрезъ что Измаилъ, которому преградятся всѣ сообщенія по Дунаю, будетъ постав-

ленъ въ невозможность сопротивляться. По овладѣніи всѣми дунайскими крѣпостями, предполагалось двинуться къ Балканамъ и поднять болгаръ. Если турецкая армія, перейдя Балканы, встрѣтитъ насъ въ Болгаріи, тогда, доносилъ кн. Прозоровскій: «Я дамъ ей волю перейти Балканы и, съ Божіею помощію, разобью ее. Тогда ретирада для нея будетъ трудна; болгары, съ подкрѣпленіемъ егерей, займутъ горы, и армія двинется черезъ оныя. Достигнувъ Адріанополя, должно ожидать, что турки будутъ просить мира» [1]).

XII.

Предположеніе Императора Александра идти на Константинополь. — Тактическія инструкціи. — Назначеніе резервнаго корпуса; новый планъ кампаніи. —

Намѣреваясь овладѣть Браиловымъ правильною осадою, кн. Прозоровскій приказалъ было сперва продолжать апроши къ крѣпостному ретраншаменту. Но черезъ недѣлю работы были пріостановлены, такъ какъ предвидѣлась большая трата людей. Обложить Браиловъ также не считалось возможнымъ, по случаю сильнаго разлива Дуная.

Такимъ образомъ, планъ кн. Прозоровскаго, слабо обдуманный, съ самаго начала его исполненія, оказывался неудобнымъ.

Весьма чувствительныя потери и неудачный исходъ предпріятій на Журжу и Браиловъ, достаточно указывали на чрезвычайный рискъ, сопряженный съ открытою аттакою укрѣпленныхъ пунктовъ, недостаточно ослабленныхъ предварительнымъ огнемъ артиллеріи. Императоръ Александръ, въ видахъ предупрежденія на бу-

---

[1]) Донесеніе отъ 23 апрѣля 1809 г. Prosorowsky 1809 г. М. И. Д.

дущее время подобныхъ случаевъ, счелъ нужнымъ изложить кн. Прозоровскому свой взглядъ, какъ относительно дальнѣйшихъ задачъ кампаніи, такъ и касательно различныхъ частныхъ случаевъ.

Въ рескриптѣ къ кн. Прозоровскому отъ 10 мая 1809 г., полученномъ 23 мая, было сказано: «раздѣляя съ вами сожалѣніе о неудачѣ, потерпѣнной при Браиловѣ, я далекъ, однако-же, отъ того, чтобы уменьшить симъ происшествіемъ степень довѣренности моей къ ревности, знаніямъ и опытности вашей». Затѣмъ, высказывается мысль, что—«въ отважныхъ военныхъ предпріятіяхъ мѣры среднія весьма рѣдко удаются: самая умѣренность ихъ и бережливость, по большей части, препятствуютъ успѣху. Напротивъ, великая рѣшимость одна можетъ ихъ удовлетворить. Но для сего надобно, чтобы предметъ ея былъ признанъ совершенно необходимымъ. Въ настоящемъ случаѣ (т. е. въ штурмѣ Браилова) не вижу я сей необходимости; а посему, если предметъ не стоитъ большой рѣшительности то, конечно, лучше было бы не отваживать средній [1])».

Другими словами, если Браиловъ нужно было взять, то слѣдовало ввести въ дѣло всѣ войска, да и то массами, а не посылать на штурмъ сравнительно слабыя части, не небольшими кучками, которыя приходилось покрѣплять послѣдовательно.

Относительно производства штурмовъ, вообще, Императоръ Александръ указывалъ, что ихъ нужно раздѣлять на двѣ категоріи: «приступъ посредствомъ пролома (бреши), когда густая колонна, фронтомъ цѣлаго дивизіона, можетъ войти въ крѣпость, и собственно, такъ называемая, эскалада». Насколько первый представляетъ шансы успѣха, настолько второй сопряженъ съ рискомъ и потерями.

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1368.

При эскаладѣ, т. е. при овладѣніи непріятельскими укрѣпленіями, съ помощію приставныхъ лѣстницъ, гибнутъ наиболѣе храбрые люди, и войска несутъ такія потери, которыя никогда не выкупаются, даже одержанными успѣхами. Такъ что подобная аттака можетъ быть допущена только въ крайнемъ случаѣ, когда отъ одержаннаго успѣха зависитъ исходъ цѣлой кампаніи.

Развивая далѣе свою мысль, Императоръ Александръ находитъ, что вообще терять время на овладѣніе непріятельскими крѣпостями, значитъ только безплодно затягивать войну, тогда какъ, напротивъ, рѣшительные результаты могутъ быть достигнуты только быстрымъ перенесеніемъ оружія за Дунай, угрожая самому Константинополю. — «Турція, находясь въ соглашеніи съ Англіей, дозволила уже англійскимъ судамъ вступить въ Дарданеллы. Если война затянется, то англійскій флотъ вступитъ въ Черное море, и тогда отъ медленнаго шествія одной войны тамъ возгорится другая. Напротивъ того, когда бы, противъ чаянія турокъ, армія наша двинулась, *миновавъ крѣпости*, быстрымъ шагомъ за Дунаемъ, нѣтъ сомнѣнія, что движенія сіи произвели бы самое сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ, всегда склонномъ къ смятенію и бунту, и впечатлѣніе сіе одно стоило бы уже сильнаго пораженія».

Поэтому Императоръ Александръ настаивалъ на томъ — «чтобы взять Браиловъ, когда взять его уже необходимо нужно, и маскировавъ другія крѣпости, съ помощію Божіею, не теряя ни одной минуты, и не ожидая непріятеля передъ Балканскими горами, идти на Константинополь. Съ тѣхъ поръ, какъ переходятъ Альпы и Пиринеи, Балканскія горы для русскихъ войскъ не могутъ быть преградою [1]).

Нельзя не признать, что мысли, высказанныя импе-

---

[1]) Рескриптъ кн. Прозоровскому отъ 10 мая 1809 г. В. Уч. Арх. № 1368.

раторомъ, наиболѣе соотвѣтствовали условіямъ времени и замѣчательны по смѣлости плана. Укоренившійся предразсудскъ, по которому армія не можетъ двинуться впередъ, прежде чѣмъ не будутъ взяты всѣ непріятельскія крѣпости въ тылу, достаточно выяснилъ несостоятельность военнаго таланта кн. Потемкина, во вторую Екатерининскую войну.

Предположеніе не терять время на взятіе непріятельскихъ крѣпостей, а только *наблюдать, маскировать* ихъ и идти впередъ, за Балканы, было смѣло по времени, но вполнѣ основательно. Эту мысль, впервые высказалъ Суворовъ послѣ Рымникской побѣды, когда онъ предлагалъ планъ, оставивъ отряды для наблюденія за Силистріей, идти прямо за Балканы. Кн. Потемкинъ не утвердилъ этого плана, и на нѣсколько лѣтъ затянулъ кампанію. Теперь эту мысль высказывалъ самъ императоръ, но и ей, благодаря неумѣстной осторожности престарѣлаго главнокомандующаго, не суждено было осуществиться.

Потерявъ, такъ сказать, всю свою энергію послѣ браиловской неудачи, кн. Прозоровскій провелъ май, іюнь и іюль мѣсяцы въ полнѣйшемъ бездѣйствіи; онъ не находилъ возможнымъ возобновить рѣшительныя дѣйствія и перенести оружіе за Дунай ранѣе осени 1809 года, не смотря на настоятельныя указанія Императора скорѣе переходить Дунай.

Убитый нравственно, физически немощный, кн. Прозоровскій не допускалъ теперь и мысли о возможности перенести оружіе за Дунай. Его пугала Австрія, Венгрія, погода, словомъ все.

22 марта онъ доносилъ Императору: «настоящее здѣсь время, малымъ чѣмъ только разнствующее отъ сѣверныхъ климатовъ Россіи, причиняетъ мнѣ великое неудовольствіе. Сдѣлалась совершенная распутица, такъ что я съ большимъ трудомъ ѣду на почтовыхъ лоша-

дяхъ. Не взирая на то, еще во многихъ мѣстахъ поля покрыты снѣгомъ».

Теперь его пугало то обстоятельство, что на австрійскихъ границахъ стоятъ венгерскія и австрійскія войска.

Но война, начавшаяся между Франціей и Австріей, заставила послѣднюю, еще въ апрѣлѣ, увести всѣ свои войска съ нашихъ границъ; поэтому опасаться Австріи было нельзя, тѣмъ не менѣе, 9 мая, кн. Прозоровскій писалъ графу Румянцеву: «если венгерскія войска, какъ увѣдомляетъ нашъ повѣренный въ Вѣнѣ, Аншетъ, вступятъ въ такомъ числѣ, какъ онъ показываетъ, въ предѣлы нами занимаемые, то мнѣ за Дунай переходить будетъ уже невозможно, а буду я обязанъ обратиться въ Валахію, и аттаковать помянутыя войска, или препятствовать ихъ вступленію».

И потомъ отъ 11 мая: «послѣ выѣзда нашего повѣреннаго въ дѣлахъ г. Аншета изъ Вѣны, открывается для Россіи еще четвертая война. Представляется совершенная для меня невозможность предпринять переходъ за Дунай. Я не былъ бы въ состояніи въ одно время противустоять, и турецкимъ и австрійскимъ силамъ, и не только здѣшнія княжества, но также и вся армія, Всемилостивѣйше мнѣ ввѣренная, была бы подвергнута опасности, совершенно погибнуть».

Но въ это время армія Наполеона была уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Вѣны. Австріи было не до новой войны съ Россіей. Гр. Румянцевъ неоднократно указывалъ кн. Прозоровскому, что Австріи опасаться не слѣдуетъ, и указывалъ на необходимость, во что бы то ни стало, переходить Дунай.

«Переходъ арміи за Дунай, отвѣчалъ ему кн. Прозоровскій отъ 29 мая, нельзя почесть такъ легкимъ и такою бездѣлицею» и указывалъ на то, что и «покойный родитель вашъ, до полученія рѣшительнаго Высочайшаго повелѣнія, не переходилъ. Горъ-же Балкан-

скихъ ни онъ, ни отрядъ его никогда не переходили; а въ оныхъ горахъ былъ только изъ Кайнарджи отрядъ, подъ командою Заборовскаго».

Говоря о своемъ намѣреніи перейти Дунай еще въ мартѣ мѣсяцѣ, кн. Прозоровскій выражается такъ: «что же дѣлать когда и стихія желаемой скорости противоборствуетъ; до послѣднихъ чиселъ апрѣля подножнаго корма не было. Я рѣшительно скажу, что и лучшій французскій генералъ (Наполеонъ) теперь, и при настоящихъ обстоятельствахъ, не перейдетъ черезъ Дунай, и сихъ препятствій природы преодолѣть не въ состояніи.

«Если-же кто съ арміей перейдетъ, то я подвергаю себя быть разстрѣленному, тутъ-же, на берегу. Когдабы мнѣ не удалось построить флотиліи и взять изрядное число купеческихъ судовъ непріятельскихъ, то бы не изъ чего было и мосты дѣлать.

«Балканы проходу препятствовать не могутъ, поелику по онымъ есть дороги,—но будутъ большія затрудненія въ продовольстіи арміи.—Французскія войска дѣлаютъ походы безъ магазейновъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ посредствомъ реквизіи все получить могутъ. Здѣсь-же сіе быть не можетъ. Небольшія партіи казаковъ, мною за Дунай посланныя, нашли тамошнія деревни совершенно опустошенными» [1]).

Такимъ образомъ, оставаясь въ бездѣйствіи, главнокомандующій довольствовался только обученіемъ войскъ, на случай столкновенія ихъ съ регулярными европейскими арміями.

«Такъ какъ, объявилъ онъ въ приказѣ отъ 24 мая, возгорается нынѣ опять война во всей Европѣ, и на земномъ шарѣ, и весьма ожидать можно и должно, имѣть съ регулярными войсками сраженіе, то построеніе войскъ

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1809 г.

къ боевому порядку, который противу турокъ употребляться полезенъ, будетъ вреденъ противъ европейскихъ регулярныхъ войскъ». Поэтому кн. Прозоровскій говоритъ: «Бросаться, по обычаю, въ штыки и кричать ура вездѣ, совершенно вредно, и доказываетъ, что прежней твердости войска не имѣютъ; ибо сіе значитъ, что войска, огня артиллеріи и мелкаго орудія не могутъ съ надобною твердостію выдерживать, какъ прежде бывало. Никогда не должно все войско пускать въ кулачный бой, а только часть онаго; прочіе же имѣть въ надлежащемъ построеніи и готовности подкрѣплять разсыпанныхъ».

«Когда всѣ войска разсыпаны, какъ это бываетъ всегда при аттакахъ, то начальники теряютъ надъ ними всякую власть; командовать и распоряжаться уже нечѣмъ, и гдѣ кто будетъ—неизвѣстно, остается *имъ* одно оторопѣніе». Занимая войска пальбою въ цѣль и построеніемъ для дѣйствій противъ турокъ, велѣно было обучать ихъ дѣйствіямъ и противъ регулярныхъ войскъ, для чего устанавливался боевой шахматный порядокъ (анъ-эшекіеръ). При наступленіи, въ шахматномъ порядкѣ изъ развернутой линіи, нечетные баталіоны идутъ впередъ усиленнымъ шагомъ, а четные, не останавливаясь, переходятъ въ тихій шагъ.

Когда между обѣими линіями образуется 120 шаговъ, тогда нечетные баталіоны останавливаются, ложатся и открываютъ пальбу. Въ то же время четные баталіоны продолжаютъ идти тихимъ шагомъ и, поровнявшись съ передними, переходятъ въ ускоренный шагъ, проходятъ подъ прикрытіемъ огня заднихъ баталіоновъ 120 шаговъ и, въ свою очередь, останавливаются и открываютъ огонь и т. д. [1]).

---

[1]) Приказъ отъ 13 іюня 1809 г. В. Уч. Арх. № 1349.

Не прошло еще и десяти лѣтъ послѣ смерти великаго Суворова, установившаго въ современой тактикѣ взглядъ, что *штыкъ молодецъ*, какъ значеніе штыка уже не признается и дается первое мѣсто въ бою пулѣ, которую Суворовъ называлъ *дурой*. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что излагая свои тактическія правила, кн. Прозоровскій примѣнялъ ихъ къ бою съ регулярными европейскими войсками. Но стратегическіе взгляды Суворова, относительно маскированія непріятельскихъ крѣпостей, нашли какъ мы видѣли, сторонника, въ лицѣ Императора Александра.

Кн. Прозоровскій продолжалъ указывать на невозможность перехода за Дунай, опасаясь за свой тылъ и ссылаясь на то, что нельзя полагаться на Австрію, съ которою Россія находилась въ войнѣ, хотя и фиктивной, но которая могла перейти въ настоящую, если Австрія примирится съ Наполеономъ.

Для возбужденія большей рѣшительности въ главнокомандующемъ, Императоръ отправилъ къ нему генералъ-адъютанта князя Трубецкого, съ письмомъ отъ 20 мая. Въ этомъ письмѣ указывалась снова необходимость открыть дѣйствія за Дунаемъ, что важно было не только въ военномъ, но и политическомъ отношеніяхъ. Въ маѣ Наполеонъ занялъ Вѣну. Исходъ кампаніи въ пользу Франціи былъ несомнѣненъ, и Австрія не могла долго продолжать войну. Во всякомъ случаѣ, нельзя было допустить, чтобы «Австрія, среди сей войны (съ Наполеономъ) или по окончаніи ея, вдругъ могла найти себя въ мѣрѣ, противудѣйствовать намъ на Дунаѣ».

Въ тоже время, отрѣченіе шведскаго короля и ходъ войны нашей съ Швеціей, давали полную надежду на скорое окончаніе нашей войны на сѣверѣ.

Поэтому писалъ Императоръ: «въ настоящемъ положеніи, всего важнѣе и драгоцѣннѣе, время. Не могу вамъ довольно изобразить, какъ всякая потерянная минута,

кажется мнѣ здѣсь наипаче невозвратною. Итакъ, я желаю, чтобы всѣ усилія употребили вы къ переходу за Дунай, и къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ».

Для обезпеченія тыла арміи, при переходѣ ея черезъ Дунай, и сохраненія переправы черезъ эту рѣку, Императоръ полагалъ достаточнымъ прикрыть мостъ на правомъ берегу Дуная тетъ-де-пономъ, а на лѣвомъ укрѣпленнымъ лагеремъ, который слѣдуетъ занять войсками резервнаго корпуса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при случаѣ, нужно было поставить непріятелю на видъ, что во 1) столица Австріи уже занята Наполеономъ; поэтому русскія войска не могутъ считать Австрію для себя опасною. 2) Война Россіи съ Швеціей приближается къ концу. 3) Персія дѣлаетъ положительныя заявленія о мирѣ съ Россіей.

Въ виду такого положенія дѣла, если только русская армія откроетъ дѣйствія за Дунаемъ, Турція, по всей вѣроятности, заговоритъ о мирѣ [1]).

Рескриптъ этотъ былъ полученъ главнокомандующимъ 23 мая, т. е. когда армія его уже стояла у Шербешти. Но не смотря на всѣ настоянія Императора, кн. Прозоровскій не находилъ возможнымъ начать наступленіе, рѣзко расходясь въ этомъ отношеніи съ Кутузовымъ, не видѣвшимъ такой невозможности. Такое противурѣчіе не нравилось престарѣлому фельдмаршалу, и онъ *подъ благовиднымъ предлогомъ* желалъ удалить отъ себя Кутузова.

Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ военному министру, жалуясь на Кутузова, который, будто-бы,—«порочитъ его дѣйствія, возбуждаетъ недовѣріе къ нему и служитъ ему не помощникомъ, а помѣхою». Поэтому Императоръ Александръ писалъ кн. Прозоровскому отъ 4 іюня 1809 г.—«желая изыскать лучшій и благовидный способъ къ пору-

[1]) Приложеніе № 8. (Дѣло. В. Уч. Арх. № 1368, стр. 87).

ченію отдѣленнаго отъ васъ поста генералу Кутузову, избралъ за лучшее назначить его командиромъ резервнаго корпуса (т. е. вмѣсто Эссена I). Полагаю, что таковое назначеніе, отдаляя его, непримѣтнымъ образомъ, отъ дѣйствующей подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ арміи, удовлетворитъ желанію вашему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалитъ всякія заключенія, могущія возродиться въ семъ случаѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Прозоровскому былъ доставленъ и рескриптъ на имя Кутузова, о новомъ его назначеніи, съ тѣмъ, чтобы рескриптъ этотъ былъ врученъ ему, если фельдмаршалъ найдетъ это нужнымъ [1]).

Унизясь до клеветы на войска, кн. Прозоровскій еще болѣе унизилъ себя клеветою на Кутузова, предполагая въ немъ даже способность пойти на измѣну, чтобы только повредить ему, Прозоровскому.

Вотъ что писалъ онъ, отъ 18 іюля, Императору, въ отвѣтъ на предположеніе назначить Кутузова командиромъ резервнаго корпуса:

«Будучи обращенъ въ резервный корпусъ, Кутузовъ имѣлъ-бы обширное поле обратить все дѣйствіе его интригъ противъ меня, такъ что онъ принудилъ-бы меня возвратиться изъ за Дуная, или-же, прижавшись къ сей рѣкѣ, послать къ нему отрядъ; сверхъ того, будучи тонокъ и зная службу, онъ могъ-бы допустить непріятеля сжечь магазины и, нѣкоторымъ образомъ, преподать туркамъ къ тому способъ, а вину возложить на частнаго, на постѣ находящагося, генерала, который-бы за то и пострадалъ; онъ-же самъ всегда былъ-бы правъ».

Не желая противурѣчить старику, Императоръ отправилъ ему и другое письмо, увѣдомляя его, что такъ какъ генералъ-адъютантъ Римскій-Корсаковъ только что подалъ просьбу объ увольненіи его, до излеченія, отъ

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1368.

должности литовскаго военнаго губернатора, то не назначить ли Кутузова на мѣсто Римскаго-Корсакова? Желая имѣть Кутузова подалѣе отъ себя, кн. Прозоровскій предпочелъ дать ему послѣднее назначеніе, равносильное почетной ссылкѣ; тогда какъ командованіе резервнымъ корпусомъ, было бы предлогомъ дѣйствительно весьма благовиднымъ, такъ какъ корпусъ этотъ получалъ особое, весьма важное назначеніе. Еще до отступленія отъ Браилова кн. Прозоровскій собралъ 26 апрѣля военный совѣтъ, на которомъ было опредѣлено: 1) «чтобъ штурмомъ Браиловъ взять — того и подумать нельзя, а надобно вести апроши, сперва на ретраншаментъ, а послѣ на крѣпость, и потерять много людей. Совсѣмъ тѣмъ, до іюня овладѣть ею не можно; а въ то время и турецкая армія можетъ уже собраться» [1]).

На этомъ основаніи рѣшено было, отступить 7 мая къ Шербешти, затѣмъ перенести главную квартиру арміи въ Галацъ, и сосредоточить здѣсь всю дѣйствующую дунайскую армію, для перехода на правый берегъ этой рѣки, когда обстоятельства дозволятъ это. Поэтому корпусъ генерала Милорадовича, занимавшій Валахію, долженъ былъ оставить Бухарестъ и присоединиться къ главной арміи.

Охраненіе же лѣваго берега Дуная, начиная отъ австрійскихъ границъ, занятіе княжествъ и бывшихъ въ нашей власти крѣпостей, равно какъ и прикрытіе тыла арміи, по переходѣ ея черезъ Дунай, возлагалось на резервный корпусъ, имѣвшій поэтому совершенно особое назначеніе.

Главная квартира резервнаго корпуса назначалась въ Бухарестѣ, откуда долженъ былъ выступить Милорадовичъ. Отрядъ генерала Исаева 1-го въ Малой

---

[1]) Кн. Прозоровскій генералу Эссену I отъ 29 апрѣля 1809 г. Дѣло В. Уч. Арх. № 1383.

Валахіи положено оставить, тамъ-же, для связи съ сербами.

Получая самостоятельное назначеніе, командиръ резервнаго корпуса, кромѣ выполненія военныхъ цѣлей, былъ посвященъ и въ современныя политическія отношенія наши къ иностраннымъ государствамъ.

«Высокомонаршая Его Императорскаго Величества воля есть, писалъ кн. Прозоровскій Эссену 1-му: — да и польза имперіи, въ настоящемъ смутномъ положеніи Европы того требуетъ, чтобы Франціи и Австріи, во всѣхъ случаяхъ показывать всевозможное, наружное дружелюбіе, благопріятство и уваженіе, не взирая на возгорѣвшуюся нынѣ между ними войну».

Россія, какъ союзница Франціи, должна была принимать участіе въ войнѣ послѣдней противъ Австріи. Но разгромъ Австріи Наполеономъ былъ крайне невыгоденъ для насъ, такъ какъ безпредѣльное честолюбіе Наполеона, уничтожившаго уже Пруссію и теперь занявшаго Вѣну, грозило въ близкомъ будущемъ нападеніемъ на Россію, въ чемъ никто не сомнѣвался. Поэтому, чтобы не ослаблять Австрію и дать ей возможность сосредоточить всѣ свои силы для борьбы съ Наполеономъ, русскія войска, подъ начальствомъ кн. Голицына, хотя и вступили въ Галицію, но оставались въ полномъ бездѣйствіи. «Увѣренность въ безопасности съ этой стороны, дѣйствительно дозволила Австріи, оставить безъ обороны свои границы къ сторонѣ русской Польши, Молдавіи, Валахіи и Сербіи».

Тѣмъ не менѣе, на резервный корпусъ возлагалось бдительное наблюденіе за австрійскими границами, въ виду возможности измѣненія политическихъ отношеній Австріи къ Россіи.

Маскировать наши отношенія къ Австріи, искавшей союза съ Россіей, было не легко, въ присутствіи находившагося въ Бухарестѣ французскаго консула Леду

(Ledoulx), одного изъ наиболѣе ловкихъ и довѣренныхъ лицъ французскаго посла въ Константинополѣ, Латуръ-Мобурга.—«Съ нимъ слѣдовало быть крайне осторожнымъ, не слишкомъ довѣрять его сообщеніямъ и оказывать великую любезность, въ предѣлахъ возможнаго».

Въ этихъ видахъ, дозволялось французскимъ и австрійскимъ курьерамъ, отправляться въ Константинополь и обратно, чрезъ княжества, занятыя нашими войсками. Даже торговые транспорты, съ особаго каждый разъ разрѣшенія главнокомандующаго, проходили чрезъ княжества. Такъ, былъ пропущенъ австрійскій товаръ изъ Виддина въ Константинополь, и французскій транспортъ, вышедшій изъ Леванта.

Что касается до сербовъ, то ихъ родство съ русскими и собственные интересы, обусловливаютъ ихъ приверженность къ Россіи. Была въ Сербіи только незначительная партія лицъ, недружелюбно относившихся къ Россіи; но партія эта не имѣла никакого значенія. Сербы объявили Турціи войну—«въ томъ предположеніи, дабы силою оружія освободиться навсегда отъ ига магометанъ, на что и имѣютъ они обѣщаніе Его Императорскаго Величества съ нашей стороны»; поэтому, требовалъ кн. Прозоровскій—«надлежитъ стараться питать болѣе и болѣе приверженность и преданность ихъ къ Россіи, въ каковой цѣли, сдѣланы и дѣлаются имъ, всегдашнія, по мѣрѣ возможности, пособія оружіемъ, воинскими снарядами и деньгами» [1]).

Распоряженія относительно новаго назначенія резервнаго корпуса являлось, какъ результатъ новаго плана кампаніи, въ виду сознанной необходимости снять, послѣ неудачнаго штурма, осаду Браилова. Теперь полагалось оставить мысль объ овладѣніи дунайскими крѣпостями, а прикрывая Дунай резервнымъ корпусомъ,

---

[1]) Инструкція г.-л. Эссену 1 отъ 5 мая 1809 года. В. Уч. Арх. № 1353.

сосредоточить всю армію у Галаца, перейти здѣсь рѣку и дѣйствовать за Дунаемъ.

На этомъ основаніи кн. Прозоровскій снялъ, какъ было сказано, осаду Браилова и отступилъ 7 мая къ Шербешти; а главная квартира была перенесена въ Галацъ.

Затѣмъ, въ теченіи слишнимъ двухъ мѣсяцевъ, кн. Прозоровскій не находилъ возможнымъ открыть наступленіе, отлагая дѣло до осени. Мы уже видѣли, что онъ, то выставлялъ на видъ опасенія на счетъ Австріи и недостаточную силу резервнаго корпуса для огражденія, съ этой стороны, нашего праваго фланга и тыла; то боялся за свой лѣвый флангъ, если англичане, вмѣстѣ съ турками, появятся въ Черномъ морѣ, то, наконецъ, ссылался на сильное разлитіе праваго берега Дуная. Въ концѣ іюня Дунай началъ входить въ берега. Только тогда приступлено было къ наводкѣ моста у Галаца и окончили работы 14 іюля.

На другой день, 15 іюля, князь Прозоровскій, сознавая слабость своихъ физическихъ силъ, просилъ о сложеніи съ него званія главнокомандующаго дунайскою арміею. Но еще ранѣе, Императоръ отправилъ на Дунай князя Багратіона, который и прибылъ въ Галацъ 25 іюля.

Такая энергическая личность, какъ кн. Багратіонъ, была необходима для предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій, что было не по силамъ слабому, болѣзненному фельдмаршалу, который еще письмомъ отъ 8 іюля заявлялъ военному министру о своей болѣзни,

Отсутствіе энергіи въ кн. Прозоровскомъ, дѣствительно нужно отнести къ сильнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, которымъ онъ, въ особенности, былъ подверженъ послѣ штурма Браилова. Неудача этого дѣла сильно повліяла на старика. Затѣмъ послѣдовалъ неудачный приступъ отряда Исаева къ Кладову, о чемъ

будетъ сказано ниже. Эта новая неудача еще болѣе разстроила кн. Прозоровскаго и, наконецъ, убѣдила Императора въ необходимости назначить ему преемника. Поэтому, вслѣдъ за отправленіемъ кн. Багратіона въ армію, послѣдовали Высочайшіе указы отъ 30 іюля,— кн. Прозоровскому о дозволеніи передать главное командованіе арміею кн. Багратіону, и послѣднему, о назначеніи его главнокомандующимъ.

Императоръ Александръ, цѣня заслуги фельдмаршала, писалъ ему отъ 30 іюля: «измѣряя степень болѣзни, васъ удручающей, извѣстнымъ мнѣ вашимъ неограниченнымъ усердіемъ, съ прискорбіемъ вѣрю, что одна невозможность продолжать командованіе ввѣренной вамъ арміи, заставляетъ васъ желать себѣ преемника. Убѣждаясь сею необходимостью и желая дать вамъ всѣ возможные способы къ облегченію, дозволяю вамъ, согласно желанію вашему, сложить съ себя командованіе арміи, доколѣ силы ваши не поправятся, сдавъ оную генералу отъ инфантеріи князю Багратіону.

«Изъявивъ вамъ многократно, съ какимъ особеннымъ вниманіемъ, въ теченіи всего времени управленія вашего, видѣлъ я опыты трудовъ, благоразумія, попечительности и знанія вашего; нахожу удовольствіе, здѣсь, паки возобновить вамъ увѣреніе въ признательности моей, къ такой неограниченной ревности, съ каковою, жертвуя всѣмъ любви къ отечеству, не взирая на слабость здоровья вашего, несли вы многотрудное дѣло, довѣренностію моею на васъ возложенное».

Рескриптъ оканчивается дозволеніемъ, по сдачѣ командованія арміею, избрать по собственному желанію мѣсто для своего пребыванія. «Вездѣ, гдѣ бы вы его ни избрали, будутъ васъ сопровождать желанія мои и мольбы къ Всевышнему, чтобы укрѣпилъ силы ваши

на пользу отечества и къ истинному моему удовольствію, писалъ *Императоръ*» [1]).

Такимъ образомъ, назначеніе кн. Багратіона имѣло, главнымъ образомъ, цѣлью, придать большую энергію дѣйствіямъ нашихъ войскъ за Дунаемъ, чего нельзя было ожидать отъ Прозоровскаго.

Тѣмъ не менѣе, опытность престарѣлаго фельдмаршала признавалась весьма полезною, и потому имѣлось въ виду, не мѣняя главнокомандующаго, дозволить ему остаться въ Молдавіи, а за Дунай послать Багратіона.

Въ этомъ смыслѣ, одновременно съ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 30 іюля, военный министръ писалъ кн. Прозоровскому: «Государь Императоръ, при отправленіи къ вашему сіятельству рескрипта своего за № 168, и заготовленнымъ на имя генерала отъ инфантеріи князя Багратіона за № 169, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вашему сіятельству слѣдующее: что до полученія еще донесенія вашего сіятельства ко мнѣ отъ 8 сего іюля, заготовленъ былъ на имя ваше проектъ Высочайшаго рескрипта, который для усмотрѣнія вашего при семъ прилагается, съ тѣмъ, что если по милосердію Всевышняго и къ совершенному удовольствію Государя Императора, степень болѣзни вашей подастъ вамъ возможныя силы, то Его Императорское Величество весьма доволенъ будетъ, еслибъ ваше сіятельство, не слагая съ себя званія главнокомандующаго, поручили (какъ въ проектѣ сего рескрипта означено) князю Багратіону, исполненіе перехода съ войсками за Дунай и дальнѣйшія съ оными дѣйствія; а сами, для успокоенія вашего, оставались-бы, доколѣ силы ваши не поправятся, въ Молдавіи, и избравъ тамъ мѣсто пребыванія, по собственному назначенію, не преставали-бы, къ истинному желанію Государя, содѣйствовать рас-

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1368.

поряженіями своими къ достиженію цѣли, сей арміи предназначенной. Въ случаѣ-же, если уже тяжкое изнеможеніе силъ вашихъ воспрепятствуетъ вашему сіятельству выполнить оное, тогда уже въ вашей волѣ состоять будетъ, учинить препровождаемый при семъ рескриптъ и указъ подъ № 168 и 169, исполнительными.

«Сообщая вашему сіятельству Высочайшую волю, заключить долженъ тѣмъ: что Его Императорскому Величеству весьма пріятно будетъ, если ваше сіятельство, не слагая съ себя званія, толикою довѣренностію на васъ возложеннаго, оставаясь для успокоенія вашего въ Молдавіи, не преставали-бы содѣйствовать распоряженіями своими и, довершая тѣмъ начатое вами поприще, споспѣшествовали-бъ въ пользу Государя и блага отечества. На что и буду ожидать, въ скорѣйшемъ времени, вашего увѣдомленія, для доклада Государю Императору».

Къ этому отношенію приложенъ слѣдующій проектъ рескрипта, также на имя фельдмаршала:

«Князь Александръ Александровичъ! Донесенія ваши отъ 8 іюля за № 787-мъ я получилъ, изъ коего видѣлъ, какъ учиненныя уже распоряженія ваши касательно резервнаго корпуса, такъ и заключенія въ разсужденіи предстоящихъ дѣйствій ввѣренной вамъ арміи. На сіе не имѣю ничего болѣе, какъ повторить вамъ, что намѣреніе мое о скорѣйшемъ переходѣ войскъ за Дунай остается, тѣмъ болѣе, непремѣннымъ.

«Изъ рескриптовъ моихъ извѣстны вамъ главнѣйшія къ тому побужденія. Чѣмъ болѣе проходило время тѣмъ предпріятіе сіе становилось необходимѣе.

«Изъ сего-же донесенія вашего усматриваю, что необходимость сія наиболѣе умножается, ибо къ исчисленнымъ уже мною прежде сего побужденіямъ, присовокупляется еще то обстоятельство, дабы скорѣйшимъ переходомъ арміи нашей за Дунай, сопровожденнымъ

быстрымъ и стремительнымъ дѣйствіемъ, помѣшать непріятелю въ приращеніи его войскъ, коихъ, какъ изъ донесенія вашего видно, визирь надѣется собрать еще около 50 тыс.

«Уничтожая сіе предпріятіе визиря, пріобрѣтемъ мы гораздо удобнѣйшую возможность, противостать силамъ непріятеля за Дунаемъ,—чѣмъ, допустя его до пріумноженія войска, встрѣтить, наконецъ, сильнѣйшее отраженіе. — Итакъ, рѣшительный приступъ къ немедленному переходу за Дунай, требуется безъ малѣйшаго отлагательства.

«Вслѣдствіе чего желаю нетерпѣливо совершить оное, не теряя ни одной минуты, дабы, переправясь съ войсками, начать дѣйствія, сходно съ предназначенною вамъ цѣлію.

«Изъ переписки вашей съ военнымъ министромъ, съ сожалѣніемъ, усматриваю слабость вашего здоровья; почему, въ случаѣ, если не получите вы облегченія, позволяю вамъ, для поправленія здоровья, не слѣдовать съ переходящими за Дунай войсками, а можете, по праву главнокомандующаго, остаться въ Молдавіи.

«Въ таковомъ случаѣ, имѣете поручить назначенныя къ переходу за Дунай войска, ген. отъ инф. кн. Багратіону, снабдя его вашими наставленіями».

Впрочемъ, судьба избавила старика отъ непріятности передавать свою власть другому: онъ умеръ 9 августа.

Для обзора дѣятельности кн. Прозоровскаго, какъ главнокомандующаго дунайскою арміею, остается указать на дѣйствія отряда Исаева 1-го въ Малой Валахіи и на мѣры, принятыя для перехода черезъ Дунай.

XIII.

Событія въ Сербіи, съ начала 1809 г. — Дѣйствія Исаева 1 въ Малой Валахіи. — Приступъ къ Кладово. — Пораженіе сербовъ при Нишѣ. — Побѣда сербовъ при Сеницѣ и Сувадолѣ. — Дѣйствія Чернаго Георгія у Нов. Базара. — Осада турками Делиграда. — Дѣло при Банѣ и оставленіе ее сербами. — Осада Кладово. — Неудачный штурмъ крѣпости. — Положеніе турокъ при Любошѣ и Лозницѣ. — Усилія турокъ противъ Делиграда. — Оставленіе сербами Делиграда и Чупріи. — Бѣгство Родофиникина изъ Бѣлграда. — Турки занимаютъ ост. Кербовъ. — Пораженіе турокъ 16 сентября и очищеніе ими предѣловъ Сербіи. — Переговоры Чернаго Георгія съ австрійцами. — Народное сербское собраніе въ Хасанъ-Пашинской Паланкѣ, и внутреннія смуты. — Турки предлагаютъ сербамъ замиреніе.

Въ то время, когда главная армія стояла въ бездѣйствіи у Шербешти, верховный визирь, Юсуфъ-паша, 80-лѣтній старикъ, также оставался въ бездѣйствіи. Когда-же его убѣдили въ томъ, что наступленія русскихъ опасаться нельзя, въ виду чрезмѣрнаго разлитія Дуная, затопившаго въ этомъ году правый берегъ рѣки, на пространствѣ отъ 25 до 30 верстъ въ ширину, тогда Юсуфъ-паша рѣшился обратить главныя свои силы на Сербію, чтобы покончивъ съ нею, имѣть свободную армію противъ русскихъ, ко времени возможнаго для нихъ наступленія. Обратимся къ обзору событій и военныхъ дѣйствій въ Сербіи, съ конца 1808 года.

Мы уже видѣли, что къ исходу 1808 г. внутренніе раздоры партій въ Сербіи усилились, вслѣдствіе увѣренности, что ранѣе марта или апрѣля 1809 года, турки не могутъ угрожать странѣ своимъ вторженіемъ.

Недовѣріе къ Родофиникину росло все болѣе и болѣе. Его обвиняли въ томъ, что онъ, будто-бы, не доносилъ кн. Прозоровскому о нуждахъ сербскаго народа. Не довѣряя и фельдмаршалу, сербы рѣшились отправить депутацію прямо въ Императору въ Петербургъ, и обратились къ посредству г.-л. Милорадовича.

21 декабря 1808 года въ Бухарестъ прибыли сербскіе депутаты, Павелъ Поповичъ, домашній учитель сына

Чернаго Георгія—Иванъ Юговичъ, и писарь его Янисій Дмитріевичъ, съ письмомъ Чернаго Георгія отъ 8 декабря, въ которомъ онъ просилъ генерала Милорадовича, отправить этихъ депутатовъ прямо въ Петербургъ, къ Императору.

Въ Сербіи дѣйствительно произошли въ это время не маловажныя событія.

Черный Георгій продолжая жить въ Тополѣ, не находился болѣе подъ вліяніемъ Родофиникина. Его окружали извѣстные уже интриганы, Младенъ и Милое.

5-го декабря Черный Георгій пріѣхалъ въ Бѣлградъ. Младенъ и Милое къ нему никого не допускали, такъ что одинъ изъ нихъ постоянно ночевалъ при немъ. «Легковѣрный Черный Георгій, доносилъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 18-го декабря 1808 года, поддался на всѣ внушенія ищущихъ его гибели».

Чтобы сильнѣе дѣйствовать на Чернаго Георгія, Младенъ и Милое убѣждали его, что и Родофиникинъ и самъ фельдмаршалъ Прозоровскій, продаютъ Сербію туркамъ, для того, чтобы выгоднѣе заключить съ ними миръ. Родофиникина подозрѣвали въ козняхъ противъ Сербіи, перехватывали, когда могли, его бумаги, такъ что онъ долженъ былъ сжечь копіи со всѣхъ своихъ донесеній кн. Прозоровскому. Митрополита Бѣлградскаго и другихъ лицъ, посѣщавшихъ Родофиникина, потребовали за это къ народному суду, при чемъ самая ихъ жизнь была въ опасности.

При свиданіи съ Чернымъ Георгіемъ Родофиникинъ старался разсѣять всѣ его опасенія и сказалъ при этомъ: «продать сербовъ никто не можетъ, да и никто съ ума не сошелъ, чтобы купить ихъ отъ частнаго человѣка: ибо безъ воли Высочайшихъ дворовъ, россійскаго и французскаго, никто не можетъ ихъ взять, даже если бы и сами сербы хотѣли продаться кому либо».

Это объясненіе успокоило Чернаго Георгія, котораго Младенъ и Милое уговорили скорѣе уѣхать изъ Бѣлграда въ деревню, чтобы удалить отъ него Родофиникина.

Не считая самую свою жизнь безопасною въ Бѣлградѣ, Родофиникинъ просилъ позволенія отправиться въ Краіовъ, а до того времени переѣхалъ въ Землинъ.

По поводу этихъ событій въ Сербіи, кн. Прозоровскій писалъ гр. Румянцеву [1]): «съ крайнимъ соболѣзнованіемъ вижу я, что народъ сербскій, истинно всѣмъ сердцемъ и всею душею преданный Россіи, управляется начальниками, не имѣющими ни тѣни просвѣщенія или благонравія, но обрѣтающими всегдяшнюю пищу свою въ звѣрствѣ и безчеловѣчіи. Черный Георгій, по слабоумію своему, вовлекается въ таковые поступки хитрыми изворотами, сущихъ его непріятелей. Если бы не жаль было народа, рождается мысль, предоставить ихъ, по заключеніи мира съ Портою, собственной ихъ судьбѣ, и не даровать имъ далѣе Высокомонаршаго Государя Императора покровительства, коего они обнаруживаются столь мало достойными». На просьбу сербскихъ депутатовъ, отправить ихъ въ Петербургъ, Милорадовичъ объявилъ имъ, что прежде всего они должны ѣхать въ Яссы и представиться главнокомандующему.

11 января 1809 года сербскіе депутаты прибыли изъ Бухареста въ Яссы, и 13 числа были приняты кн. Прозоровскимъ, въ кабинетѣ. Говорилъ только Юговичъ—«который *не глупъ*; а прочіе два, похожіе на мужиковъ, безмолвственно у меня пробыли»—писалъ кн. Прозоровскій графу Александру Николаевичу Салтыкову.

Юговичъ сказалъ, что депутація имѣетъ цѣлью лично изъявить Императору нужды Сербіи. На это кн. Прозоровскій замѣтилъ что, какъ лицо, удостоенное довѣріемъ Императора, онъ самъ можетъ удовлетворить ихъ

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1809 г. № 87.

нужды. — «Развѣ только хотятъ возобновить сербское царство, съ присоединеніемъ Босніи, Албаніи и др., того я рѣшить не состояніи.» — «Возстановить царство сербское никогда не входило и въ мысль нашу и Чернаго Георгія», отвѣчалъ Юговичъ. Г. Родофиникинъ сказалъ намъ: «Надобно подумать вамъ о себѣ». Сіе всѣхъ насъ устрашило и мы ѣдемъ просить одного Государя Императора, навсегда, покровительства».

— «Для этого вамъ не нужно ѣхать за 1.600 верстъ. Я могу васъ увѣрить, что Государь Императоръ пріемлетъ васъ навсегда подъ свое покровительство и, можетъ быть, Франція. Государь Императоръ не можетъ взять Сербію въ подданство, поелику на правомъ берегу Дуная не хочетъ онъ брать себѣ владѣній турецкихъ, да и державы французская и австрійская на сіе не согласятся. Судите сами: чтобы требовать отъ Россіи со всѣми воевать и всѣмъ жертвовать для возстановленія особой державы сербовъ, всякому здоровому разсудку сіе противно. Если по единому закону между нами заключать, то надобно бы Государю Императору взять въ подданство отъ р. Дуная всѣ христіанскія земли, и Морею, и Архипелагъ, но сіе исполнить было бы совершенно невозможно, въ разсужденіи прочихъ державъ. Можно ли вамъ воображать, столь маленькой землѣ, быть особою державою, и имѣя съ одной стороны Турцію, а съ другой Австрію. Хотите ли вы быть австрійскими подданными?»

— Нѣтъ, рѣшительно сказалъ Юговичъ.

— Такъ и нужно быть вамъ подданными Турціи, но такъ какъ Порта вамъ обѣщала, поставить правленіе Сербіи по желанію вашему.

— Турки не сдержатъ слова и откроется опять война.

Кн. Прозоровскій замѣтилъ еще разъ, что депутаціи нѣтъ надобности ѣхать въ Петербургъ. — «Скоро нач-

нутся переговоры, вамъ лучше здѣсь побыть, а когда турки не согласятся на миръ, съ границею по Дунай, то я начну войну не позже марта мѣсяца».

— Если будетъ война, то намъ не нужно и ѣхать въ Петербургъ, сказали депутаты съ радостію.

Этимъ уладилось дѣло, и сербы снова получили полное довѣріе къ кн. Прозоровскому.

— «Кажется, такой расторопный человѣкъ, каковъ Родофиникинъ, сдѣлалъ прошибку. По его донесенію ко мнѣ, я заключилъ, что я долженъ терять надежду устроить сербовъ; а теперь вся надежда возвращается, если привести ихъ въ разумъ» [1]), писалъ кн. Прозоровскій.

20 января 1809 года, сербскіе депутаты снова были приняты кн. Прозоровскимъ, причемъ просиля дать имъ письменное изложеніе всего сказаннаго на предыдущей аудіенціи. Кн. Прозоровскій на это не согласился, ссылаясь на то, что говорилъ съ ними какъ съ друзьями, съ полной откровенностію, что неможетъ быть выражено въ письменной формѣ. Двое изъ депутатовъ остались при главной квартирѣ, чтобы имѣть возможность увѣдомить Чернаго Георгія о ходѣ дѣлъ, а третій отправился въ Сербію.

Оставшійся при главной квартирѣ сербскій депутатъ, Югович, сообщилъ надворному совѣтнику Сиверсу, состоявшему при кн. Прозоровскомъ, что сущность данныхъ ему инструкцій состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Сербія требуетъ непремѣнно совершенной и безусловной независимости отъ Турціи, т. е. чтобы Порта отреклась отъ всякой верховной власти надъ Сербіей и признала ее самостоятельною.

2) Опредѣлить настоящія границы Сербіи.

Если Турція не согласится признать самостоятельность Сербіи, то Россія отъ себя и другихъ сосѣднихъ

---

[1]) Кн. Прозоровскій 1809 г. 16 января № 91 А. М. И. Д.

державъ, дастъ гарантію въ самостоятельности Сербіи: «въ томъ самомъ сербы полагаютъ главнѣйшій предметъ покровительства Россіи надъ Сербіею».

4) Если Россія заключитъ миръ съ Турціей, и послѣдняя не отречется отъ своихъ правъ на Сербію, «тогда предоставляется сербамъ на волю, вновь начать войну противу турокъ».

5) Сербы обѣщаютъ не дѣлать съ турками мира безъ согласія Россіи.

Секретный пунктъ: Сербія обѣщаетъ сохранить всегдашній союзъ съ Россіей и содѣйствовать ей противу всякаго непріятеля [1]).

Князь Прозоровскій въ разговорѣ съ Юговичемъ сказалъ ему, что въ настоящее время не можетъ быть даже и рѣчи о полной независимости Сербіи. Юговичъ сослался на манифестъ Михельсона, отъ 11 января 1807 г., въ которомъ было сказано: «нація сербская достойна быть націею, которой платить туркамъ дань есть постыдно. Не лучше ли деньги употребить на воинскія потребности, съ пользою, на освобожденіе себя отъ ига?»

— «Я не знаю, писалъ по этому поводу кн. Прозоровскій гр. Салтыкову отъ 9 февраля 1809 года, до какой степени мнѣ удастся согласить столь разнообразные интересы и требованія. Я замѣчаю, что генералъ Михельсонъ, при дачѣ тѣхъ обѣщаній, не принялъ во вниманіе могущихъ впредь послѣдовать обстоятельствъ и положенія государственныхъ интересовъ, а уважилъ только тогдашнюю малочисленность его арміи и хотѣлъ, возбуждая сербовъ къ войнѣ, умножить тѣмъ собственныя силы свои противъ непріятеля».

А между тѣмъ, «стремлясь къ обѣщанной Михельсономъ самостоятельности, сербы, по словамъ того-же Юговича, образовали въ 1808 году» съ герцеговинцами

---

[1]) Prosorowsky 1809 г. М. И. Д. № 87—168.

и черногорцами тайный союзъ, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, чтобы въ случаѣ войны противу турокъ, общими силами содѣйствовать и стараться выгнать изъ Босніи, или покорить, всѣхъ находящихся тамъ жителей магометанскаго закона. «Юговичъ далъ понять, что въ случаѣ успѣха этого тайнаго союза, герцеговинцы и черногорцы также признаютъ Чернаго Георгія своимъ верховнымъ вождемъ» [1]).

Понятно, что Сербія не могла расчитывать на успѣхъ войны съ Турціей, безъ содѣйствія Россіи которой, такимъ образомъ, снова пришлось бы начинать войну, ради самостоятельности Сербіи, если бы Турція не рѣшилась дать этой самостоятельности при заключеніи мира.

— «Поэтому, если бы сербы и недовольны были постановленіями въ разсужденіи ихъ, и начнутъ вновь войну съ турками, то Россія, писалъ князь Прозоровскій [2]), уже не будетъ болѣе соучаствовать въ дальнѣйшихъ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ», о чемъ и слѣдуетъ упомянуть секретною статьею, къ мирному трактату. Вслѣдствіе переговоровъ съ сербскими депутатами, какъ доносилъ Родофиникинъ 17-го января 1809 года, «умы мало по малу утихаютъ и начинаютъ чувствовать глупость дѣяній своихъ».

А Черный Георгій писалъ Родофиникину 23 января 1809 г.—«Я васъ увѣряю и клянусь всѣмъ, и Богомъ самимъ Творцомъ, что народъ сербскій теперь возбудился и повинуется повелѣніямъ, чтобы имъ приказано ни было».

Цѣль пріѣзда Юговича и сопровождавшихъ его депутатовъ, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы выяснить дѣйствительныя намѣренія Россіи, от-

---

[1]) Prosorovsky 1809 г. № 114. М. И. Д.

[2]) Тамъ же.

носительно устройства судьбы сербовъ. Намѣренія русскаго правительства были самыя безкорыстныя, и не согласовались со взглядами кн. Прозоровскаго, не допускавшаго даже и мысли о возможности независимости Сербіи, въ то время, какъ гр. Салтыковъ писалъ ему отъ 1-го февраля 1809 г.—«Россія, не мѣшаясь, непосредственно, во внутренній распорядокъ Сербіи, и отрекаясь отъ власти ей не свойственной и даже тягостной, будетъ довольствоваться ея тою властію, каковая добровольно пріобрѣтается, оказательствомъ помощи, покровительства, взаимною довѣренностію и признательностію сербовъ къ Россіи. Тогда, сербы не по одной только наружности, но и дѣйствительно, будутъ независимы, и при случаѣ могутъ быть намъ полезны. Независимость Сербіи есть безпрекословно важнѣйшая нужда» [1]).

Въ то-же время гр. Румянцевъ писалъ ему отъ $\frac{9}{21}$ февраля 1809 года:—«чтобы права Сербіи утверждены были одною только нашею гарантіею, и чтобы никакая другая держава, ни подъ какимъ предлогомъ, въ дѣла ея не имѣла права мѣшаться».

Вопросъ съ сербами далеко еще не былъ улаженъ, особенно въ виду сдѣланнаго Юговичемъ Сиверсу заявленія, о положительномъ требованіи сербской независимости. Находя такое требованіе преждевременнымъ, кн. Прозоровскій пригласилъ къ себѣ Юговича для объясненій, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Я буду говорить съ вами не какъ главнокомандующій и фельдмаршалъ, сказалъ Прозоровскій, но какъ другъ сербскаго народа. При первомъ моемъ разговорѣ съ вами, вы меня увѣряли, что сербы никогда даже и въ мысли не имѣли возстановить царство Серб-

[1]) Prosorowsky 1809 г. М. И. Д.

ское, а теперь, какъ я узналъ изъ разговора съ Сиверсомъ, вамъ вдругъ это пришло на умъ.

— Намъ была обѣщана генераломъ Михельсономъ совершенная отъ Порты независимость. Объ этомъ знаетъ весь сербскій народъ и полагаетъ въ томъ надежду свою.

— Генералъ Михельсонъ былъ здѣсь только главнокомандующимъ и не имѣлъ отъ Государя Императора полной мочи, которую я имѣю. Слѣдовательно, онъ не имѣлъ никакого права дѣлать таковаго обѣщанія сербамъ, и если оно воспослѣдовало отъ него, то содѣлывается не дѣйствительнымъ. Впрочемъ, если народъ сербскій питаетъ мысль сдѣлаться независимымъ, то надлежало совѣту заблаговременно о томъ объясниться, дабы я могъ его изъ заблужденія вывесть.

— Но еще въ прошломъ году совѣтъ просилъ васъ, дозволить депутатамъ явиться къ вамъ для объясненія; но эта просьба была отклонена подъ предлогомъ, что въ то время не было въ томъ надобности.

— Да, тогда дѣйствительно не время было. Потомъ я писалъ Черному Георгію, что независимость Сербіи, ни подъ какимъ видомъ, не совмѣстна съ географическимъ положеніемъ ея. Она окружена тремя большими государствами, между коими, такой малой землѣ, какова Сербія, невозможно оставаться самой себѣ предоставленною и быть совершенно независимою. А что вы утверждаете, что сербы заключили тайный союзъ съ прочими сербами на Черной горѣ, въ Герцеговинѣ, Босніи и Албаніи, для взаимнаго сверженія съ себя власти турецкой, я сему никакъ не вѣрю, и не думаю, чтобы существовали у васъ какія либо письменныя постановленія о таковомъ союзѣ. Вѣроятно они полагаются на какія нибудь пустыя обнадеживанія отъ эмисаровъ или конфидентовъ. Конечно, легко имъ было въ томъ успѣть надъ народомъ, въ тьмѣ невѣжества

находящимся. На народъ ссылаться не должно, ибо онъ истинно преданъ Россіи и повинуется старѣйшинамъ, имъ управляющимъ; сіи-же, не имѣя случая къ надлежащему просвѣщенію, не имѣютъ свѣдѣній ни о географіи, ни о политическихъ связяхъ Европейскихъ дворовъ.

Если же дѣйствительно существуетъ такой тайный союзъ, то весьма худо, что объ этомъ было сокрыто отъ насъ, столько сдѣлавшихъ для Сербіи.

Переходя потомъ къ вопросу объ образованіи сербскаго царства, въ составъ котораго должны были войти Герцеговина, Албанія и Боснія, кн. Прозоровскій замѣтилъ, что это представило бы непреодолимыя препятствія.

— Во первыхъ, что въ Албаніи и Босніи много магометанъ, и весьма мало христіанъ. Турція не уступитъ этихъ земель и это подастъ поводъ къ продолжительной войнѣ. Духъ свободы, который подыметъ возстаніе въ Босніи, передастся и въ Далмацію, которая также пожелаетъ свергнуть съ себя иго Франціи, нашей союзницы. Какимъ образомъ, моему Государю Императору, равнодушно смотрѣть на то, когда они взбунтуютъ далматинцевъ, подданныхъ первѣйшаго и вѣрнѣйшаго своего союзника? Изъ за сербовъ мы не можемъ начинать войны съ Франціей. Сверхъ того, сербы захотятъ привлечь къ себѣ и австрійскихъ сербовъ, чѣмъ рискуютъ поссориться съ Австріей. Россія, конечно, для поддержанія сербовъ, не станетъ воевать и съ Австріей; а поссорясь съ Франціей и Австріей, Сербія не можетъ уже расчитывать на покровительство Россіи.

— Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія, сказалъ Югович, дѣлать что-либо непріятное Его Величеству. Но если независимость Сербіи не будетъ совершенно и неограниченно утверждена, въ такомъ случаѣ сербы просятъ, чтобы Россія предоставила имъ, на волю, самимъ

управиться съ турками, которыхъ они, при помощи Божіей и вмѣстѣ съ своими союзниками, одолѣть надѣются.

— Чтобы сербы, замѣтилъ на это кн. Прозоровскій, могли противу регулярныхъ войскъ дѣйствовать, то они ни малѣйшей мысли о томъ имѣть не должны. Я конечно, отдаю справедливость народу сербскому, что онъ храбръ и неустрашимъ; но я беру на себя, съ 20 тыс. челов. арміи, мнѣ ввѣренной, преодолѣть всѣ силы сербскія. Какъ-же вы хотите противустоять многочисленнымъ войскамъ Франціи или Австріи, изъ коихъ каждая имѣетъ ихъ до 500.000? конечно, и Россія имѣетъ многочисленную армію, но не можетъ-же она всѣмъ подавать помощь, а еще менѣе, со всѣми воевать.

Затѣмъ кн. Прозоровскій сказалъ, что Сербія должна довольствоваться тѣмъ, что останется подъ покровительствомъ Россіи, и будетъ платить нѣкоторую дань Турціи, которая не станетъ уже вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи.

— Всякій, кто скажетъ народу что либо противное его независимости, сказалъ Юговичъ, подвергнетъ себя опасности лишиться жизни,—и сербы начнутъ войну съ Турцей.

— Тогда я отрекусь, торжественно, отъ ихъ поступка, дабы мнѣ совершить полезный для Россіи миръ.

Сербы, конечно, не могутъ требовать отъ Россіи, чтобы она предпочла пользы столь малой земли, какова Сербія, пользамъ пространной Россійской Имперіи, или чтобы она, жертвуя собою, вела за Сербію войну со всѣми прочими государствами. Да и самъ Государь Императоръ, не можетъ для угожденія сербамъ упустить изъ вида блага собственныхъ своихъ подданныхъ. Впрочемъ, не думаю я, чтобы конгресъ кончился миромъ; что-же послѣ войны для Сербіи постановлено будетъ, того никто предузнать не можетъ, а надлежитъ пола-

гаться на милость Божію и на высокое покровительство Государя Императора [1]).

Кн. Прозоровскій смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, и потому не могъ отнестись иначе къ вопросу о независимости Сербіи, такъ какъ это должно было послужить новымъ препятствіемъ къ заключенію, столь необходимаго для насъ, мира съ Турціей.

Въ письмѣ къ гр. Салтыкову, отъ 23 февраля 1809 года, онъ писалъ поэтому поводу: «подъ словомъ *совершенной независимости Сербіи* не могу я разумѣть ни что иное, какъ основаніе особаго царства сербскаго, равнаго во всѣхъ преимуществахъ съ другими Европейскими государствами, и слѣдовательно съ сосѣдними, какъ-то, Россіею, Австріею, Франціею и Портою. Сей клочекъ земли, между четырьмя столь великими державами, ни отъ кого независимый и управляемый людьми, не имѣющими ни образованія, ни просвѣщенія, былъ бы, по мнѣнію моему, навсегда камнемъ претыканія и причиною раздоровъ между тѣми державами, и каждая усиливалась бы присвоить оный себѣ. Покровительство въ семъ случаѣ Россіи навлекало бы ей новыя и безпрестанныя тягости. Далѣе, если въ одной статьѣ мирнаго трактата установить и гарантировать цѣлость и неприкосновенность владѣній Оттоманскихъ за Дунаемъ; а въ другомъ установить новое сербское царство, то одно другому явно и совершенно противурѣчитъ, и турецкіе полномочные не оставили бы то замѣтить и возразить имъ на оное нечего. Жертва Порты, уступкою намъ границы по Дунай, для нея уже такъ велика сама собою, что на совершенную потерю еще, сверхъ того, и Сербіи, она, естественно никакъ согласиться не можетъ. Сверхъ того, никакому сомнѣнію не подвержено, что и

[1]) М. И. Д. Prosorovsky 1809. № 122 A.

сама Франція, основаніемъ сербскаго царства, не была бы довольна, особливо, при оставленіи онаго подъ покровительствомъ Россіи; и простерла бы претензію свою за нарушеніе, такимъ образомъ, цѣлости владѣній турецкихъ на правой сторонѣ Дуная, Франціею гарантированныхъ».

Далѣе выражается мысль, что съ образованіемъ сербскаго царства, Россія принуждена была-бы отказаться отъ покровительства Сербіи, «что лишило-бы уже навсегда столь полезнаго для нея вліянія своего надъ христіанскими народами Порты» [1]).

Какъ ни вѣсски были доводы кн. Прозоровскаго, высказанные имъ Юговичу, онъ оставался непреклоннымъ въ вопросѣ о сербской независимости. «Я думаю, писалъ кн. Прозоровскій гр. Салтыкову, что вся цѣль его состояла въ томъ, чтобы со мною, такъ сказать, поторговаться, дабы вынудить сколь можно болѣе».

Затѣмъ, не имѣя времени убѣждать болѣе Юговича, дальнѣйшіе переговоры съ нимъ кн. Прозоровскій поручилъ вести генералу Голенищеву-Кутузову.

При разговорѣ 12 февраля съ генераломъ Кутузовымъ, Юговичъ снова сослался на манифестъ Михельсона, въ которомъ было сказано, что «сербы никогда подданными турецкими не будутъ. Такое торжественное обѣщаніе сербы долженствовали принять, какъ исходящее отъ самодержца Всероссійскаго. Не было бы ничего святаго, ничего твердаго, если бы таковыми не принимать обѣщаній письменныхъ или словесныхъ отъ главнокомандующаго. Я не совѣтовалъ бы никому объявлять противное сему въ собраніи народа сербскаго. Сербская нація привержена къ престолу православнаго Государя; но народъ, имѣющій 164.000 конскриптовъ, записавшихся для войны съ турками, воевать будетъ, хотя-бы и былъ

---

[1])Prosorowsky 180 9г. № 87—168. М. И. Д.

предоставленъ самому себѣ, и никогда не согласится ни на рабство, ни на отдачу шести крѣпостей, сербскою кровію пріобрѣтенныхъ; а также на выдачу христіанъ, перешедшихъ къ сербамъ, надѣясь на Бога и на единовѣрныхъ своихъ сербовъ, внѣ Сербіи живущихъ».

Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ успѣлъ убѣдить Юговича, что при трактованіи о мирѣ, интересы Сербіи будутъ горячо поддерживаться русскимъ правительствомъ, насколько это будетъ возможно, въ его собственныхъ интересахъ. 19 февраля Юговичъ, успокоенный этимъ обѣщаніемъ, уѣхалъ обратно въ Сербію.

Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что въ проектѣ предварительныхъ мирныхъ условій съ турецкими уполномоченными, статья о Сербіи получила опредѣленное значеніе.

Для присутствія на ожидавшемся конгресѣ, сербы прислали въ Яссы своихъ лучшихъ людей, о которыхъ Родофиникинъ говоритъ въ донесеніи кн. Прозоровскому, отъ 12 февраля 1809 года.

Первый изъ нихъ—«Порѣчскій комендантъ Миленко Стойковичъ, есть наилучшій во всей Сербіи, по приверженности своей къ Россіи, по храбрости, по удаленію своему отъ грабительства. Комендантъ Миланъ Обриновичъ, имѣетъ достаточно ума, любитъ прямо свое отечество, и поелику то возможно здѣсь, довольно честенъ. Третій, князь или начальникъ части нахіи Бѣлградской, Сима, партизанъ Младена, довольно силенъ здѣсь, простъ до крайности, при крайней также свирѣпости; онъ былъ въ австрійской милиціи капраломъ».

24 февраля прибыли въ Яссы турецкіе уполномоченные, а 25 февраля Миленко и другіе сербскіе депутаты.

1 марта сербская депутація представила кн. Прозоровскому письмо народнаго совѣта, съ цѣлью выяснить, письменно, отношенія Россіи къ Сербіи. Снова былъ поднятъ вопросъ о сербской независимости.

Въ отвѣтѣ своемъ сербскому совѣту, отъ 7 марта, кн. Прозоровскій повторилъ сущность всего того, что уже прежде было имъ сказано депутату Юговичу, называя высказанныя имъ претензіи — «проектами, сочиненными развѣ одною частью поглаварей, совершенно подобными сновидѣнію».

«Настоящая скрытая цѣль всѣхъ вышеописанныхъ предположеній состоитъ лишь въ томъ, чтобы истребить и уничтожить вовсе турецкое правительство въ Европѣ и возстановить древнюю греческую имперію. Я васъ на первомъ шагу вопросилъ бы, кто долженъ быть императоромъ возстановленной имперіи? Или-же прожектеры сербскіе кого-либо къ тому назначатъ?» Въ томъ-же духѣ кн. Прозоровскій писалъ и Черному Георгію, отъ 7 марта, приглашая его принять всѣ мѣры къ возобновленію военныхъ дѣйствій, такъ какъ на успѣхъ переговоровъ расчитывать было нельзя. Но пока не наступило еще время открыть кампанію, онъ просилъ сербскаго вождя—«ни къ какимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ противу турковъ не приступать».

Въ Сербію, для военныхъ приготовленій, было отправлено еще 30.000 патроновъ и болѣе 1.000 ружей, сверхъ отправленныхъ уже туда 5.000. Въ то же время, на случай необходимости замѣнить Родофиникина, жаловавшагося на нездоровье, отправленъ былъ къ нему помощникомъ, надворный совѣтникъ Недоба.

Въ сношеніяхъ его съ Чернымъ Георгіемъ онъ долженъ былъ разсѣять высказываемыя въ Сербіи сомнѣнія насчетъ Россіи которая, по тильзитскому трактату, будто-бы, отказалась отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, которымъ обѣщала свою помощь.

«Россія, находясь въ войнѣ съ Портою, начала войну и съ Франціей. Англичане, будучи съ нами въ то время въ союзѣ, обѣщанныхъ ими судовъ, въ устье Эльбы не прислали; австрійцы въ войну не вступили; Прус-

сія потеряла свою армію и земли съ крѣпостями, равно какъ и Саксонія. Государь Императоръ держался одинъ противу столь сильной державы, какъ Франція, потерявъ въ сраженіяхъ не малое число воиновъ. Къ сохраненію ихъ и къ спокойствію Европы, постановилъ онъ въ Тильзитѣ миръ, и принужденъ былъ уступить Франціи земли на берегахъ и островахъ Адріатическаго моря. Касательно мечтанія сербскихъ прожектеровъ о возстановленіи греческаго царства, — Недоба долженъ былъ сказать Черному Георгію, что для Россіи, конечно, было бы важно имѣть Босфоръ и Дарданелы. — «Но, сказано въ инструкціи, данной Недоба, таковыя объясненія можете вы ему давать токмо словесно; а письменно, ни подъ какимъ видомъ, не сообщайте, дабы оно не могло быть предъявлено актомъ».

Въ то время когда кн. Прозоровскій доказывалъ сербамъ невозможность полнаго ихъ отложенія отъ Турціи, турецкое правительство, зная о дѣятельныхъ переговорахъ, начавшихся съ начала 1809 года между Сербіей и русскимъ главнокомандующимъ, но находясь въ неизвѣстности, относительно сущности этихъ переговоровъ, рѣшилось сдѣлать новую попытку, вступить съ сербами въ соглашеніе.

Въ концѣ февраля, нишскій паша сдѣлалъ сношеніе съ Чернымъ Георгіемъ, предлагая примириться съ турками, обѣщая ему, что Порта признаетъ его верховнымъ княземъ Сербіи и установитъ ея границы: «лучше имѣть одного хозяина въ Сербіи, нежели двухъ», сказано въ письмѣ. Но Черный Георгій отвѣчалъ на это, что предложенія Турціи отправлены въ Яссы, къ русскому фельдмаршалу, и — «то, что будетъ тамъ заключено, сербы не преминутъ принять за свято».

Но сербы постоянно увеличивали свои притязанія. Не говоря уже объ извѣстныхъ требованіяхъ незави-

симости, высказанныхъ Юговичемъ, теперь обнаружились и другія желанія.

Сербскій князь, Иванъ Рошковичъ, бывшій въ плѣну у турокъ и теперь возвращающійся въ Сербію, былъ въ Яссахъ у кн. Прозоровскаго, и въ разговорѣ 7-го марта, выяснилъ настоящія желанія сербовъ: «Сербы желаютъ установить свои границы по рѣку Марицу, т. е. до самаго Адріанополя; возстановить независимое, подъ покровительствомъ Россіи, сербское царство, съ присовокупленіемъ къ оному Виддина, Ниша, Новобазара, однимъ словомъ, всего того, что въ древнія времена состовляло оное царство. Имѣть свободное по Дунаю плаваніе до Чернаго моря; дѣлать собственную монету изъ рудниковъ въ землѣ своей состоящихъ, завести у себя регулярныя войска, и имѣть своихъ начальниковъ и консуловъ, по примѣру другихъ державъ» [1]).

Категорическій отвѣтъ, данный кн. Прозоровскимъ Юговичу, а также письма къ Черному Георгію и совѣту сербскому, произвели однако, отрезвляющее дѣйствіе.

30 марта Родофиникинъ писалъ кн. Прозоровскому: «отзывъ сербскимъ депутатамъ, 7 числа сего мѣсяца данный В. С., произвелъ здѣсь чудотворное, во истину, дѣйствіе. Посрамленные возмутители умовъ здѣшнихъ, старались еще изліять ядъ свой, но все тщетно: всѣ умыслы ихъ ниспровергнуты».

Тѣмъ не менѣе, Черный Георгій, отвѣчая 1 апрѣля кн. Прозоровскому, на письмо его отъ 7 марта, возражаетъ противъ предположенія, что сдѣланное Юговичемъ требованіе сербской независимости, есть дѣло одной лишь партіи.

«Имѣю честь донести вашему сіятельству, что все, что ни подносили депутаты наши, дѣлано было по общему согласію народа, почему, если что не согласно

---

[1]) Prosorowsky. 1809 г., № 135 А.

было съ мнѣніемъ вашего сіятельства, прошу милостивѣйше извинить намъ.

«Изъ письма вашего я узналъ, что Порта Оттоманская объявила Россіи войну. Сіе объявленіе Порты мы пріемлемъ за милость Божію, ибо болѣе можемъ доказать истинную любовь нашу и приверженность, къ единовѣрной и единоплеменной намъ Россіи» [1]).

Хотя военныхъ дѣйствій противъ турокъ кн. Прозоровскій еще не начиналъ, но война была неизбѣжна, и приходилось серіозно подумать о сербахъ, чтобы они не примирились съ Портой, начавшей уже съ ними переговоры.

Гр. Румянцевъ писалъ по этому поводу кн. Прозоровскому, отъ 10 апрѣля 1809 года: «что, замѣчая въ Сербахъ нѣкоторую *остуду* къ Россіи и зная объ интригахъ Австріи, съ цѣлью привлечь сербовъ на свою сторону, онъ объясняетъ это тѣмъ, что кн. Прозоровскій заявилъ сербскимъ депутатамъ, о невозможности, теперь-же, выговорить для Сербіи независимость отъ Порты». Поэтому, гр. Румянцевъ указывалъ на необходимость,—«обнадеживать сербовъ, что когда мирныя негоціаціи опять откроются, то цѣлію попеченій нашихъ (кн. Прозоровскаго) будетъ то, чтобы освободить Сербію, *единожды навсегда*, отъ всякой зависимости отъ Порты и присвоить ей право, подъ покровительствомъ и съ утвержденія Россіи, учредить конституцію свою, по собственному распоряженію» [2]).

Вслѣдствіе этого, кн. Прозоровскій, письмомъ отъ 30 апрѣля 1809 года, увѣдомилъ Чернаго Георгія что—«по Высочайшему повелѣнію Всеавгустѣйшаго Государя Императора моего и Всемилостивѣйшаго покровителя храбраго народа сербскаго, поспѣшаю я, яко уполномочен-

---

[1]) М. И. Д. Prosorowsky 1809 г. № 88—168.
[2]) Prosorowsky 1809 г. 10 апрѣля. М. И. Д.

ный Монарха моего, объявить верховному вождю и правительствующему совѣту сербскаго народа, что Е. И. В., будучи объемлемъ безмѣрнымъ негодованіемъ противу Порты Оттоманской, мнѣ Высочайше повелѣть соизволилъ обнадежить сербскій народъ, что когда мирные переговоры опятъ откроются, то цѣлію попеченій моихъ, по Высочайшей Его волѣ, быть имѣетъ освобожденіе Сербіи, единожды навсегда, отъ всякой зависимости отъ Порты Оттоманской, и присвоеніе Сербіи правъ, подъ покровительствомъ и съ утвержденія Его Величества Государя Императора Всероссійскаго, учредить конституцію свою, по собственному распоряженію» [1]).

Отъ того же числа писалъ онъ гр. Румянцеву:— «Нація сербская вся, и отъ всей души, привержена къ Россіи, какъ по единоплеменію, такъ и по единозаконію, и если кто либо изъ сербовъ входитъ въ переговоры съ австрійцами, то, конечно, только нѣкоторые изъ старѣйшинъ, кои приступаютъ къ тому изъ какихъ либо личныхъ видовъ корысти, или же дабы минутно воспользоваться пособіями Австріи;—но въ твердомъ предположеніи, никогда не подчинять себя владычеству Австріи. Отвращеніе сербовъ къ австрійскому правительству столь велико, что они никогда не выпускаютъ изъ вида, при удобномъ случаѣ, взбунтовать австрійскихъ сербовъ» [2]).

Неудачная попытка турецкаго правительства вступить съ сербами въ переговоры чрезъ нишскаго пашу, и данный ему сербами отвѣтъ, заставили Порту отказаться отъ надежды обезоружить Сербію, и предпочесть рѣшительность противъ нея дѣйствій.

Чрезвычайный разливъ Дуная и нерѣшительность престарѣлаго главнокомандующаго, служили залогомъ

---

[1]) Prosorowsky 1809 г. № 163. М. И. Д.

[2]) М. И. Д. Prosorowsky. 1809 г.

того, что русская армія еще не скоро можетъ перейти Дунай. Этимъ обстоятельствомъ верховный визирь и намѣренъ былъ воспользоваться, чтобы разгромить Сербію, пока русскіе не отвлекутъ его главныхъ силъ къ среднему и нижнему Дунаю.

Съ своей стороны, Черный Георгій, получивъ офиціальное заявленіе кн. Прозоровскаго, что Императоръ Александръ намѣренъ требовать полной независимости Сербіи, и расчитывая поэтому на помощь русскихъ войскъ, рѣшился дѣйствовать наступательно противъ турокъ и соединиться съ черногорцами, а также съ христіанскими жителями Босніи, о союзѣ съ которыми говорилъ Юговичъ.

Кн. Прозоровскій не вѣрилъ въ возможность этого союза, а потому совѣтовалъ сербамъ не начинать наступленій, а ограничиться строго оборонительными дѣйствіями, пока русская армія не перейдетъ Дуная. Не смотря на это, Черный Георгій рѣшился наступать на западъ, югъ и востокъ, т. е. со всѣхъ сторонъ, кромѣ Дуная, въ сторону котораго наступать было некуда.

Съ этою цѣлью онъ раздѣлилъ всѣ сербскія войска на три арміи, которыя и должны были открыть военныя дѣйствія противъ турокъ, весною 1809 года.

Западная или Дринская армія. кн. Симы, должна была перейти Дрину, вторгнуться въ Боснію и приступить къ осадѣ Сокола, Янины, Сребницы и Вышеграда. Южная армія, подъ начальствомъ самаго Чернаго Георгія, имѣла въ виду вступить въ соединеніе съ черногорцами, почему весною сосредоточилась на пространствѣ между Синицею и Нов. Базаромъ.

Третья, восточная армія, подъ начальствомъ Милое, называлась также Моравскою, и двинулась для осады Ниша.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ армій, отдѣльный отрядъ сербскихъ войскъ находился въ Бирза-Паланкѣ,

съ воеводою Станковичемъ, и другой, подъ начальствомъ Миленко Стойковича, осаждалъ Кладово.

Между тѣмъ, въ началѣ мая мѣсяца, визирь собралъ 40.000 у Шумлы, намѣреваясь сперва идти съ нею на помощь Браилову. Отступленіе кн. Прозоровскаго къ Шеребешти дало визирю возможность отдѣлить отъ своей арміи, до 30.000 чел., въ Сербію.

Въ срединѣ мая войска эти вступили въ Сербію. 10.000 чел. направились къ Виддину, а остальныя, подъ начальствомъ Измаилъ Бея, къ Нишу, и ударили 20 мая на тылъ осаждавшихъ его сербовъ; а гарнизонъ Ниша. въ тоже время, сдѣлалъ сильную вылазку на Каменицу, гдѣ стоялъ съ 3.000 чел. Стефанъ Сингаличъ. Милое, изъ вражды къ Сингаличу, отказалъ ему въ помощи. Отразивъ нѣсколько приступовъ и, не смотря на то, потерявъ свой шанецъ, Сингаличъ взорвалъ его на воздухъ и погибъ вмѣстѣ съ турками, вступавшими въ него. Потерявъ до 3.000, Милое снялъ осаду Ниша, и въ безпорядкѣ отступилъ къ Делиграду [1]).

Сербы просили кн. Прозоровскаго оказать имъ помощь отрядомъ Исаева 1-го.—«Одно появленіе русскихъ въ Сербіи наведетъ страхъ на турокъ и спасетъ насъ» писалъ Черный Георгій.

Мы видѣли, что еще одновременно съ приступомъ къ Журжѣ, отрядъ Исаева 1-го получилъ, въ мартѣ, приказаніе, двинуться изъ Краіова къ Виддину, овладѣть лежащимъ выше него островомъ Кербовъ и вступить въ связь съ сербами при Кладово. Исаевъ исполнилъ все

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

При описаніи дѣйствій въ Сербіи я пользовался, преимущественно, рукописными дѣлами В. Уч. Архива и М. И. Д., такъ какъ печатные источники не представляютъ ничего документальнаго. Даже лучшіе изъ нихъ, напр., сочиненіе берлинскаго профессора Ranke: Serbische Geschichte 1829 г. составлено не по документамъ, а со словъ Караджина, и другихъ сербовъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, но не знавшихъ общаго ея хода. Поэтому у Ранке перепутаны числа и самыя событія.

ему предписанное, но отступленіе Милорадовича отъ Журжи, вызвало приказаніе отряду Исаева возвратиться къ Краіову.

Когда-же, въ апрѣлѣ, кн. Прозоровскій приступилъ къ Браилову, то Исаевъ просилъ о дозволеніи перейти Дунай и соединиться съ сербами. «Я намѣренія его не одобрилъ, писалъ по этому поводу кн. Прозоровскій Эссену 1-му отъ 29 апрѣля; но сказалъ, что теперь сіе предпріятіе было-бы вредно, а чтобы онъ хранилъ Малую Валахію съ островомъ. Когда же откроется надобность, въ то время дамъ повелѣніе».

Но время проходило, и ожидаемое повелѣніе не давалось, такъ какъ армія кн. Прозоровскаго стояла въ бездѣйствіи у Шербешти. Когда-же, въ маѣ мѣсяцѣ, сильная турецкая армія вступила въ Сербію, Черный Георгій снова умолялъ о помощи.

Въ донесеніяхъ Исаева о необходимости поддержать сербовъ, князь Прозоровскій видѣлъ только — «происки самаго генерала Исаева». Когда-же сербы отступили отъ Ниша и пришли въ совершенное разстройство, то кн. Прозоровскій, въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 29 мая, приписывалъ это — «объявшему ихъ паническому страху». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отвѣчалъ Черному Георгію, что: «русская флотилія стоитъ у Галаца и не можетъ подняться по Дунаю, мимо занятыхъ турками крѣпостей—Браилова, Силистріи, Рущука, Журжи, Никополя и Виддина; и потому Исаеву, съ артиллеріею и конницею, безъ флотиліи, на рыбачьихъ лодкахъ, переправляться нельзя. Совѣтую вамъ взять терпѣніе до перехода русской арміи черезъ Дунай».

Но сербы ожидали не совѣта, а дѣйствія. Русскіе когда-то еще перейдутъ Дунай, а между тѣмъ, турки уже распространились въ странѣ; предаютъ ее опустошенію и заняли въ ней многіе важные пункты. Жалобы сербовъ на русскихъ были понятны.

нятны. Такое печальное положеніе дѣлъ въ Сербіи, не говоря уже объ относительной слабости сербовъ, происходило еще и отъ интригъ, между начальниками ихъ войскъ.

Младенъ Миловановичъ, ловкій интриганъ, всегда имѣвшій большое вліяніе на Чернаго Георгія, какъ его землякъ и родственникъ, успѣлъ убѣдить его въ необходимости, дать начальство надъ войсками, осаждавшими Нишъ, пріятелю своему Милое, а войска на Дринѣ довѣрить князю Симѣ. Перваго изъ нихъ, Милое, Родофиникинъ называлъ *трусомъ*, а кн. Сима *глупцомъ*. Оба эти достойные предводители, тотчасъ успѣли перессориться со всѣми сербскими военноначальниками. Милое не хотѣлъ слушать совѣтовъ, закаленнаго въ бояхъ Петра Добрынца, указывавшаго ему на несообразность расположенія вокругъ Ниша сербскихъ войскъ, въ четырехъ отдѣльныхъ шанцахъ, не имѣющихъ взаимной обороны.

Когда турки сдѣлали сильную вылазку противъ одного изъ этихъ шанцовъ, при Каменицѣ, и не смотря на то, что были пять разъ отбиты, все таки овладѣли имъ, Милое прежде всѣхъ ускакалъ по дорогѣ въ Демиградъ. Оставшись безъ начальника, сербы потеряли и остальные шанцы [1]).

23 мая въ Бѣлградѣ было получено извѣстіе о пораженіи сербовъ при Нишѣ. Сербы умоляли о помощи и присылкѣ къ нимъ отряда Исаева, увѣряя, что съ паденіемъ Делиграда турки предадутъ огню и мечу всю Сербію, а изъ Босніи и Албаніи, другая турецкая армія, достигнетъ самаго Дуная.

«Я былъ бы преступникомъ», писалъ по этому поводу кн. Прозоровскій Родофиникину, если бы рѣшился послать какихъ-нибудь 5,000 съ Исаевымъ, за Дунай.

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

Это значило бы обречь ихъ на погибель. Если же назначить для того тысячъ 25 или 30, то они могли бы, развѣ на рыбачьихъ лодкахъ, переправиться черезъ Дунай, для чего потребовалось бы не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Сербы разбиты потому, что рѣшились начать наступательныя дѣйствія. До перехода нашей арміи за Дунай, они должны ограничиться строго оборонительными дѣйствіями».

Со стороны Дрины турки заставили сербовъ, осаждавшихъ Соколъ, разсѣяться, и отбили у нихъ двѣ пушки. Подкрѣпивъ гарнизонъ Сокола, и снабдивъ крѣпость всѣмъ необходимымъ, боснійскій—Скоплянъ паша, двинулся на югъ, противъ арміи Чернаго Георгія, все еще стоявшей между нов. Базаромъ и Синицею, въ ожиданіи соединенія съ черногорцами, которые выслали сербамъ лишь незначительный отрядъ, прибывшій изъ Рашки. Но главный ударъ сербамъ предстоялъ на востокѣ. Въ концѣ мая, къ бывшимъ уже тамъ у Ниша 20.000 турокъ, ожидался еще съ 18.000 арміею Измаилъ-бей Серасскій. Султанъ, какъ говорили,—«заранѣе подарилъ ему весь сербскій пашалыкъ и обѣщалъ башню денегъ, если возьметъ Делиградъ, куда турки и готовились идти». Пѣхота будетъ, какъ былъ слухъ, осаждать делиградскіе шанцы, а конница направится внутрь страны для ея раззоренія. Сербы, часть своихъ войскъ оставили внѣ Делиграда, чтобы имѣть возможность спасать страну отъ раззоренія турками [1]). Положеніе сербовъ было трудное. Черный Георгій писалъ 26 мая кн. Прозоровскому: «Мы непріятельскою арміею, со всѣхъ сторонъ, отъ рѣки Савы до Дуная, окружены; въ таковомъ пространствѣ намъ защититься нельзя безъ вашей помощи», которую и просилъ выслать въ Нишу. «Къ Нишу посылать да-

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 4 іюня 1809 г. М. И. Д.

леко, отвѣчалъ на это кн. Прозоровскій, увѣдомляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что отрядъ русскихъ войскъ будетъ высланъ къ Кладову—«далѣе котораго не пойдетъ».—«Впрочемъ, я нигдѣ не видѣлъ, чтобы Государь Императоръ обѣщалъ послать россійскія войска къ сербамъ, а обѣщалъ вамъ свое покровительство и возможную помощь, что мною и исполнено, да и впредь исполняться будетъ. Измаилъ-бей Серасскій не пойдетъ къ Нишу, а потому и ваше положеніе страшнымъ не считаю. Я вновь совѣтую вамъ вести войну оборонительную, къ защищенію границъ вашихъ, и дождаться, пока я перейду Дунай: тогда и весь страхъ вашъ тѣмъ самымъ пресѣчется». Сербы объясняли свое пораженіе тѣмъ, что они открыли наступленіе, имѣя въ виду, будто-бы, совершившійся уже переходъ русской арміи черезъ Дунай, и указывали на то, что объ этомъ говорилъ самъ главнокомандующій.

— «Кто вождю сербскому о томъ писалъ, того я не знаю, отвѣчалъ на это кн. Прозоровскій народному совѣту, отъ 19 іюня. Я ни въ чемъ, не только сербскую, дружественную намъ націю, но и никого въ жизни моей не обманывалъ, что ни мѣсту, ни чину моему, ни довѣренности Государя моего ко мнѣ не приличествуетъ».

Побѣда подъ Нишемъ возвысила духъ турокъ. 23 мая, они, въ числѣ до 1.000 челов., переправились черезъ Дунай у Виддина и вступили въ Калафатъ. Одна часть непріятеля двинулась къ деревнѣ Пленицъ, гдѣ стоялъ русскій постъ, и сбила его. Другая направилась по краіовской дорогѣ и окружила у Черой казачій постъ, стоявшій въ укрѣпленномъ шанцѣ. Казаки защищались отчаянно и увѣдомили Исаева, который выслалъ къ нимъ на помощь, 24 мая, баталіонъ Орловскаго полка съ 4 орудіями, при подполковникѣ Андріевскомъ.

Турки должны были отступить къ Калафату.

Ожидая встрѣтиться съ русскими войсками въ Сер-

бій, турки не рѣшались вступить внутрь страны. Но узнавъ, что русскихъ тамъ нѣтъ, они двинулись далѣе, отъ Ниша къ Делиграду. Отрядъ же изъ 10.000, высланный къ Виддину, долженъ былъ соединиться съ гарнизономъ этой крѣпости и выбить сербовъ изъ Бирза-Паланки.

Сербскія войска, раздѣленныя на нѣсколько отрядовъ, поняли опасность и начали сосредоточиваться. Такъ, отрядъ Миленко-Стойковича, выступя вечеромъ 23 мая изъ лагеря при Кладово, двинулся къ Бирза Паланкѣ, на соединеніе съ бывшимъ тамъ отрядомъ Михаила Станковича. 24 числа произошло соединеніе обоихъ сербскихъ отрядовъ въ Бирза-Паланкѣ. Въ этотъ же день турки, вышедшіе изъ Виддина для аттаки этого пункта, были уже въ Неготинѣ.

Въ то же время, 23 мая, 15.000 турокъ Боснійскаго Скоплянъ паши, прибыли въ Приполь, верстахъ въ 60 отъ Н. Базара. Узнавъ о приближеніи непріятеля, Черный Георгій занялъ выгодную позицію на горѣ Яворъ, между Н. Базаромъ и Синицею, гдѣ и намѣревался встрѣтить противника. Но, на слѣдующій день, онъ приблизился къ непріятелю, ставъ 24 мая на новой позиціи у Синицы, гарнизонъ которой сдался на капитуляцію. Здѣсь должно было произойти рѣшительное сраженіе, которое и послѣдовало черезъ два дня. Черный Георгій писалъ по этому поводу Родофиникину отъ 27 мая: «24 мая прибылъ я въ Синицу, а 26 напали на насъ турки и мы дрались почти цѣлый день, но слава Богу мы удержали мѣсто битвы, убивъ болѣе 100 турокъ». Въ тотъ же день турецкій гарнизонъ, занимавшій Нов. Базаръ, сдѣлалъ вылазку противъ стоявшаго здѣсь въ шанцѣ сербскаго отряда Плакича, и окружилъ его.

Отбитые у Синицы турки, отступили къ Сувадолу. Въ ту-же ночь, на 27 число, Черный Георгій, сдѣлавъ

ночной переходъ, аттаковалъ неожиданно непріятеля при Сувадолѣ [1]).

Неожиданная аттака, ночью, привела турокъ въ смятеніе.

Въ это время одинъ изъ лихихъ сербскихъ всадниковъ, Вула Иличъ, на отличномъ арабскомъ жеребцѣ, вскочилъ въ ряды непріятельской конницы и закричалъ по турецки: «турки бѣгутъ». Этого было достаточно, чтобы всѣ обратились въ бѣгство.

Побѣда при Сувадолѣ заставила турокъ отступить къ Дринѣ. Не рѣшаясь дѣйствовать наступательно, Черный Георгій, простоявъ нѣсколько дней на позиціи у Синицы, двинулся 31 мая къ Новому Базару, чтобы выручить Плакича. Черный Георгій такъ описываетъ Родофиникину свои дѣйствія съ 28 мая по 10 іюня.

«Выступивъ 31 мая изъ Синницы, прибылъ 3 іюня къ Нов. Базару. Турки не смѣли выйти въ поле. Три дня продолжалась перестрѣлка. 6-го сербы пошли на штурмъ и вступили въ предмѣстье. Много турокъ погибло; у сербовъ также много ранено и 20 убито. Сербы сожгли все предмѣстье, до самой крѣпости, и до рѣки Бошки, которая протекаетъ посреди предмѣстья. Домовъже по другую сторону р. Бошки сжечь не могли, и турки устроили тамъ береговой шанецъ».

Черный Георгій взялъ съ собою къ Н. Базару до 7.000 челов., 8 пушекъ и 2 мортиры. Прежде открытія дѣйствій онъ потребовалъ отъ коменданта сдачи Н. Базара, назначивъ три часа на размышленіе.

Капитанъ паша на письмо не отвѣчалъ, а посланнаго посадилъ въ тюрьму.

Рѣшившись аттаковать крѣпость, Черный Георгій вызвалъ охотниковъ, которыхъ оказалось до 4.000 чел., и за часъ до разсвѣта, сербы пошли въ аттаку. Городъ

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

взятъ, гарнизонъ укрылся въ цитадель. Но продолжать дальнѣйшую осаду Н. Базара Черный Георгій не рѣшился. Не имѣя осадной артиллеріи, онъ не могъ разбить прочной цитадели.

Къ тому-же, его сильно безпокоило положеніе дѣлъ на Моравѣ, гдѣ сильная армія отъ Ниша, готовилась открыть движеніе къ Делиграду.

Поэтому, отказавшись отъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Нов. Базара, Черный Георгій, 10 іюня, двинулся къ Тополу, рѣшившись сосредоточить тамъ всѣ силы для защиты Делиграда, и оставить на Дринѣ и на Южной границѣ, лишь необходимые для защиты границъ отряды.

Отступленіе Чернаго Георгія отъ Н. Базара, не дозволило развиться готовившемуся соединенію черногорцевъ съ сербами, о чемъ черногорскій митрополитъ Петръ Петровичъ писалъ Родофиникину 22 іюня, изъявляя готовность черногорцевъ вступить въ Герцеговину и потомъ соединиться съ сербами.

Но турки не нападали на Делиградъ, что и могло объяснить ихъ относительную слабость. Поэтому сосредоточивать, почти всѣ силы къ Делиграду, въ угоду лишь Милое и Младену, и открывать Дрину и южныя границы Сербіи, не было основанія, что Родофиникинъ и указывалъ Черному Георгію. Къ тому-же, если бы укрѣпить Чупрію, то Делиградъ могъ быть оттуда поддержанъ, и переправа черезъ Мораву была бы ограждена.

Тѣмъ не менѣе, дѣла сербовъ были въ крайне печальномъ положеніи и могли бы принять самый критическій оборотъ, если бы турки дѣйствовали энергичнѣе. Но турки, вмѣсто того, чтобы наступать со всѣхъ сторонъ и, такъ сказать, затягивать Сербію въ кольцо, боялись за свои сообщенія и потому, въ ожиданіи прихода русскихъ на помощь сербамъ, ограничивались тѣмъ, что укрѣпляли каждую занятую позицію и оставались на ней неподвижно.

Уступая совѣтамъ Родофиникина, Черный Георгій отказался отъ мысли сосредоточить всѣ силы Сербіи на Моравѣ, и приказалъ Дринской арміи Симы, по прежнему, защищать западныя границы, а отрядамъ, бывшимъ на югѣ, оставаться тамъ-же. Прибывъ въ Тополь, свою деревню, и зарывъ въ лѣсахъ всѣ свои цѣнности, онъ приказалъ всѣмъ отрядамъ, бывшимъ въ восточной части Сербіи, сосредоточиться къ Чупріи. Затѣмъ, Черный Георгій лично уѣхалъ въ Бѣлградъ, для принятія мѣръ къ защитѣ своей столицы; а войска свои передалъ Миленко, который также прибылъ къ Чупріи изъ Бирза-Паланки, гдѣ оставленъ только отрядъ Стойковича, такъ какъ выступившіе противъ этого отряда турки изъ Виддина, возвратились назадъ. Къ Чупріи были стянуты также отряды Младена, митрополита Леонтія и другихъ.

Прибывъ 25 іюля въ Бѣлградъ, Черный Георгій осыпалъ русскаго уполномоченнаго Недобу, злыми упреками, говоря, что онъ научился теперь цѣнить обѣщанія русскаго фельдмаршала, оставившаго его на произволъ судьбы. Родофиникинъ указывалъ на невозможность оказать, немедленно, помощь русскими войсками, увѣряя, что забота о сербахъ была всегда предметомъ вниманія русскаго правительства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ на неспособность и на неблагонадежность двухъ главныхъ вождей арміи, Милое и Младена, этихъ авантуристовъ, которыхъ слѣдуетъ выгнать изъ Сербіи. Черный Георгій, сознаваясь въ томъ, что подчинился вліянію этихъ лицъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ всю силу страны и думавшихъ только о наживѣ, тѣмъ не менѣе, не рѣшался принять противъ нихъ крутыя мѣры, изъ опасенія затруднить еще болѣе положеніе дѣлъ въ Сербіи. — «Сербы, сказалъ Черный Георгій Недоба, жертвуются интересамъ Россіи, и что

на дѣлаемыя имъ обѣщанія они не должны ни мало полагаться».

Родофиникинъ писалъ кн. Прозоровскому по этому поводу, отъ 2 іюня 1809 г.—«Жалоба сего человѣка и примѣчанія, для знающихъ коль далеко простираются его понятія, не долженствуя обращать на себя гнѣвъ, но сожалѣніе. Мы употребили въ дѣйствіе всю возможность для успокоенія его, объяснивъ ему, пространно, глупость внушеннаго ему опасенія, по случаю тому, что въ полномочіи не упоминается (будто-бы) о сербахъ» [1]).

Между тѣмъ, въ среднихъ числахъ іюня, турки открыли, наконецъ, наступленіе отъ Ниша, выславъ оттуда къ Делиграду до 6.000 чел., которые и заняли 26 іюня старые окопы подъ Делиградомъ, которые по оплошности не были заняты сербами.

Сербы, полагая силы непріятеля болѣе дѣйствительныхъ, ничего не предпринимали. 28 іюня отрядъ изъ нѣсколькихъ сотъ турокъ приблизился къ Делиграду для обозрѣній, но вскорѣ принужденъ былъ отступить въ шанцы.

Въ то же время Гушанцли-Али, съ 4.000 челов., приступилъ къ Бани и аттаковалъ стоявшее тутъ въ шанцахъ, которыми сербы обнесли эту крѣпостцу, войско воеводы Велько.

Гушанцли былъ отбитъ съ урономъ и сталъ лагеремъ у Бани.

Обзоръ делиградской позиціи убѣдилъ турокъ въ трудности овладѣть ею. Съ своей стороны сербы, увѣренные въ крѣпости Делиграда, рѣшились выслать подкрѣпленіе къ Бани, такъ какъ, занявъ этотъ пунктъ, турки могли бы чрезъ него обойти Делиградъ и, угрожая его сообщеніямъ съ Бѣлградомъ, принудить сербовъ къ отступленію. Завидя подходящія къ нему на

---

[1]) M. И. Д. Prosorowsky. 1809 г.

помощь войска, Велько, для соединенія съ ними, сдѣлалъ отчаянную вылазку изъ Бани и пробился чрезъ турецкіе окопы. Но подкрѣпленіе оказалось очень слабымъ, почему, взявъ изъ него только нѣсколько храбрецовъ, онъ снова пробившись къ Бани, занялъ ее.

Такимъ образомъ, главный театръ войны, съ обѣихъ сторонъ, сосредоточивался на Моравѣ. У Чупріи собрались уже отряды Миленко, Младена, Милое и другихъ, подъ общею командою Младена.

5 іюля Черный Георгій отправился изъ Бѣлграда къ Моравѣ, чтобы принять начальство надъ собранными у Чупріи войсками.

Между тѣмъ, турки начали бомбардировать Делиградъ еще 26 іюня, но до 8 іюля не нанесли городу замѣтнаго вреда.

До 1.000 человѣкъ выслано было внутрь Сербіи для рекогносцировки къ Чупріи. Подойдя къ Паратину, и предавъ огню этотъ городъ, никѣмъ не занятый и оставленный жителями, турки возвратились къ Делиграду.

Въ то же время турки три раза нападали на шанецъ Велько около Бани, и многіе уже ворвались въ самый шанецъ.

Эти храбрецы были всѣ переколоты, а прочіе отступили. Понимая важность удержать Баню для обезпеченія обороны Делиграда, сербскіе военноначальники настаивали на движеніи изъ Чупріи къ Бани, откуда можно было поддерживать и Делиградъ. Кромѣ главныхъ отрядовъ, прибывшихъ изъ Чупріи къ Бани, туда, въ началѣ іюля, прибыло также 1.400 челов. съ 1 орудіемъ, составленныхъ изъ разныхъ мелкихъ сербскихъ отрядовъ; а 4 іюля прибыло 3.000 челов. съ 2 орудіями изъ Крагуеваца. Всего-же, въ началѣ іюля, около Бани собралось до 15.000 челов. сербскихъ войскъ.

Между тѣмъ, турки продолжали бомбардировку Делиграда, съ цѣлью воспрепятствовать высылкѣ подкрѣпленій къ Банѣ и, въ теченіи семи дней, три раза дѣлали нападеніе на эту крѣпостцу, но были каждый разъ отбиваемы.

Превосходство силъ у сербовъ дало Миленко мысль, аттаковать непріятеля, стоявшаго подъ Баней. Въ успѣхѣ дѣла сомнѣваться было нельзя, такъ какъ турки имѣли у Бани не болѣе 4.000 челов. Но Младенъ, котораго можно назвать злымъ геніемъ Сербіи, увѣрялъ, что число турокъ доходитъ здѣсь до 20.000 челов., что поэтому, ихъ можно аттаковать только ночью, въ расчетѣ на неожиданность нападенія. Такъ какъ главныя силы сербовъ были подъ командою Младена, то Миленко, у котораго было всего 2.000 чел. при 2 орудіяхъ, долженъ былъ подчиниться этому рѣшенію.

Въ ночь на 7 іюля, сербы открыли движеніе. При этомъ, по неосторожности, сдѣланы были два ружейные выстрѣла.

Этого было достаточно, чтобы привести всю сербскую армію въ полное разстройство. Думая, что турки предупредили аттаку, Младенъ ускакалъ назадъ, приказавъ своимъ войскамъ отступать къ Чупріи. Темнота ночи усилила безпорядокъ. Каждый бѣжалъ назадъ, не зная куда, и только Миленко успѣлъ удержать изъ своего отряда до 1.000 челов., съ цѣлью прикрыть общее бѣгство. Но турки и не думали преслѣдовать, ничего даже не зная о происшедшемъ въ сербской арміи. Только на разсвѣтѣ 7 іюля они узнали о бѣгствѣ Младена. Но видя передъ Баней, въ знакомыхъ шанцахъ, войска Велько и присоединившагося къ нимъ Миленко, они не рѣшились аттаковать Баню и ограничились перестрѣлкой, продолжавшейся весь день 7 іюля. Къ ночи-же 8 числа, Младенъ прислалъ приказаніе, Велько и Миленко, отступить къ Чупріи, что они и исполнили,

подобравъ по дорогѣ брошенныя Младеномъ при бѣгствѣ въ Чупрію пушки [1]).

Положеніе сербовъ было самое критическое. Къ счастію ихъ, турки, ожидая со дня на день прибытія въ Сербію русскихъ войскъ, дѣйствовали ощупью. Но русская помощь не являлась, а отрядъ Исаева, высланный къ Кладову въ началѣ іюня, не принесъ сербамъ никакой пользы.

Только въ іюлѣ кн. Прозоровскій рѣшился дозволить Исаеву идти на помощь сербамъ.

Причину такого промедленія понять трудно. Сперва князь Прозоровскій боялся пустить Исаева за Дунай, неувѣренный что Австрія не откроетъ съ этой стороны своихъ дѣйствій противъ русскихъ.

Потомъ, когда опасеній на счетъ Австріи уже не существовало, нерѣшительность главнокомандующаго была просто непонятна, тогда какъ сербовъ слѣдовало поддержать въ іюнѣ, пока турки не успѣли еще утвердиться въ странѣ. Къ тому-же, даже разсчитывая на вмѣшательство Австріи, отрядъ Исаева за Дунаемъ могъ быть полезенъ, но только слѣдовало его значительно усилить регулярными войсками и не расчитывать на пандуровъ, входившихъ въ составъ его отряда.

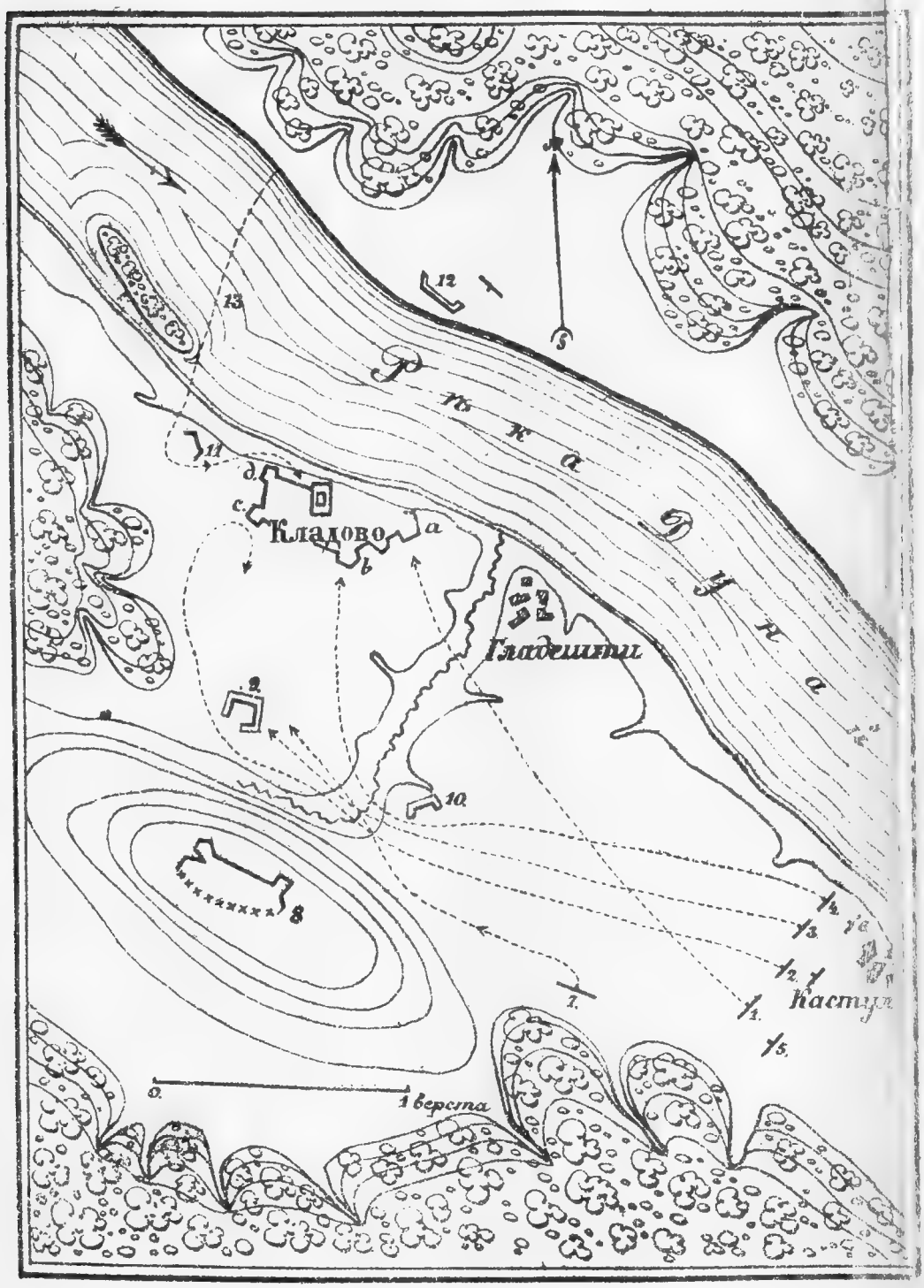
Равнымъ образомъ, разрѣшая Исаеву перейти Дунай, когда турки уже заняли почти всю страну, необходимо было дать ему значительныя силы, тѣмъ болѣе, что время было упущено, и потому вся тяжесть борьбы ложилась на однихъ русскихъ.

Наступленія со стороны турокъ на наши главныя силы ожидать въ іюнѣ было нельзя, по невозможности перейти Дунай. Уже по этому одному, наступленіе оказывалось возможнымъ только въ верхнихъ частяхъ Дуная, и именно на высотѣ Виддина, гдѣ дѣйствовали сер-

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

План № 2-й Аттака Кладово 9-го Іюля 1809 года



рхов-

толь-
види-

коты,
ъ изъ
вился
сер-
Кла-
крѣ-
, въ
каго
кро-
тора

рец-
при-
го со
тыре
Валъ
400

вос-
зомъ.
и де-
шаго
очнѣе
цѣль-
гору
гор-
былъ

бы, и куда направлялась большая часть арміи верховнаго визиря.

Но кн. Прозоровскій пустилъ за Дунай одинъ только слабый отрядъ Исаева, и тѣмъ обрекъ его на видимую неудачу.

Отрядъ Исаева состоялъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 2 полковъ казачьихъ и 300 пандуровъ. Выступивъ изъ Краіова, онъ, на трехъ легкихъ судахъ, переправился 2 іюля черезъ Дунай, у Гогоша, и соединился съ сербами, которые въ числѣ до 1.000 челов. стояли у Кладово [1]). На лѣвомъ берегу Дуная, противъ самой крѣпости, была устроена батарея (№ 12) на 4 орудія, въ прикрытіе которой оставленъ баталіонъ 6-го егерскаго резервнаго полка. Батарея эта назначалась для покровительства переправѣ, производившейся въ полутора верстахъ выше ея (№ 13).

Крѣпость Кладово, по образцу почти всѣхъ турецкихъ крѣпостей, состояла изъ крѣпкаго замка, примыкавшаго къ самому Дунаю, и изъ облегавшей его со стороны поля земляной ограды, представлявшей четыре бастіона и одну флешь, соединенные куртиною. Валъ обнесенъ былъ рвомъ. Въ крѣпости было всего до 400 человѣкъ гарнизона [2]).

Крѣпость лежитъ на равнинѣ, окруженной съ востока и юга значительными горами, покрытыми лѣсомъ. Ниже крѣпости, въ полуверстѣ отъ нея, находится деревня Гладешти, при впаденіи въ Дунай небольшаго ручья, протекающаго въ оврагѣ и проходящаго восточнѣе Кладово. За ручьемъ, болѣе къ югу, находится отдѣльная гора, командующая надъ всею крѣпостью. Эту гору заняли сербы, устроивъ на ней сильный окопъ (8), горжа котораго закрывалась рогатками. Окопъ этотъ былъ

---

[1]) Планъ № 2.

[2]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1288. стр. 156.

занятъ 1.000 сербовъ при 6 орудіяхъ. Впереди этой высоты, ближе къ крѣпости, сербы насыпали другой редутъ (9), также на 6 орудій.

Находясь въ такомъ положеніи, сербы производили пальбу по крѣпости и, хотя наносили ей значительный вредъ, но не могли расчитывать на рѣшительные результаты, до прибытія отряда Исаева.

Прибывъ къ Кладову, Исаевъ обошелъ вокругъ крѣпости и сталъ на позиціи, ниже ея, у дер. Костули, примыкая правымъ флангомъ къ Дунаю. Въ то-же время, занявъ деревню Гладешти, онъ приказалъ насыпать батарею (10) на 3 орудія.

По осмотрѣ крѣпости, Исаевъ, находя ее слабою, рѣшился, не теряя времени на бомбардированіе, идти на приступъ.

Отрядъ его, находясь на позиціи у деревни Костули, былъ расположенъ въ двѣ линіи. На лѣвомъ флангѣ (1) баталіонъ Старооскальскаго Мушкетерскаго полка полковника Турчанинова. Правѣе его (2) баталіонъ резервнаго Малороссійскаго гренадерскаго полка полковника Вейса. Далѣе (3) баталіонъ резервнаго Сибирскаго гренадерскаго полка, полковника Ахте. Еще правѣе, два баталіона Пензенскаго Мушкетерскаго полка (4) полковника Желтухина.

Во второй линіи, за лѣвымъ флангомъ (5), 1-й Уральскій, а за правымъ, Исаева 1-го казачьи полки (6) 300 пандуровъ полковника Курта поставлены отдѣльно (7) впереди лѣваго фланга.

Распоряженія Исаева къ аттакѣ состояли въ слѣдующемъ. Приступъ назначенъ съ разсвѣтомъ 9 іюля. По числу четырехъ бастіоновъ крѣпости, для штурма назначались четыре колонны, каждая баталіоннаго состава. 1-я колонна, слѣдуя съ лѣваго фланга, аттакуетъ правый бастіонъ (a). 2-я и 4-я другія два бастіона (*c* и *b*). 3-я колонна составляетъ резервъ, а четвертый бастіонъ (*d*)

долженъ быть аттакованъ баталіономъ 6 Егерскаго полка, по переправѣ его черезъ Дунай (11).

Впереди каждой колонны слѣдуетъ по 30 стрѣлковъ, а за ними сербы, съ лѣстницами и фашинами.

1-я колонна аттаковавъ назначенный ей бастіонъ (*a*), вступила на валъ, но скоро была сбита съ него и осталась во рву. Полковникъ Турчаниновъ былъ при этомъ убитъ, а замѣнившій его полковникъ Афанасьевъ раненъ.

2-я колонна также овладѣла своимъ бастіономъ (*c*) и держалась на немъ четверть часа, прося подкрѣпленія. Исаевъ выслалъ на помощь ей пандуровъ (7), которые, не дойдя до крѣпостнаго вала, разбѣжались. Тогда былъ двинутъ для поддержанія 2 колонны резервъ (3), который вмѣсто того, дойдя до сербскаго редута (9), остановился въ немъ, видя что 2 колонна уже сбита съ бастіона и засѣла во рву.

4 колонна, направившаяся на указанный ей бастіонъ (*b*), видя неудачу вправо и влѣво отъ себя, не могла даже вступить на валъ. Равнымъ образомъ, и колонна 6-го егерскаго полка (11), переплывъ Дунай и минуя бастіонъ (*d*) бросившаяся на замокъ, была также отбита.

«Видя вездѣ неуспѣхъ, доносилъ Исаевъ, и не имѣя никакихъ способовъ поправить дѣло, болѣе потому, что войдя въ ровъ войска разсыпались по немъ, я принужденъ былъ велѣть бить сборъ и защищать выходъ изъ рва артиллеріею».

Потеря наша состояла изъ 335 челов. убитыми и 603 ранеными [1]).

Снова повторялись причины неудавшихся приступовъ, отъ недостаточнаго дѣйствія артиллерійскаго огня и малаго числа штурмовыхъ лѣстницъ. Сербы, назначенные для несенія лѣстницъ, частью разбѣжались, частью растеряли ихъ.

---

[1]) Донесеніе Исаева отъ 10 іюня 1809 г. Милорадовичу В. Уч. Арх.

Къ довершенію неудачъ, дѣла сербовъ на Моравѣ, съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Благодаря Младену, была потеряна Баня; благодаря Милое былъ вскорѣ потерянъ и Делиградъ, этотъ важнѣйшій оплотъ Сербіи на востокѣ.

Сознавая громадный вредъ, наносимый сербскимъ дѣламъ, извѣстными интригами, Милое и Младеномъ, которые по словамъ самого Чернаго Георгія — «такую взяли надъ нимъ поверхность, что онъ ихъ даже опасается» — кн. Прозоровскій писалъ Родофиникину отъ 26 іюля 1809 года,— «чтобы онъ заявилъ Черному Георгію, будто-бы послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе сербскихъ депутатовъ въ Петербургѣ, какъ того сербскій совѣтъ просилъ неоднократно. Такъ какъ личности Младена и Милое, о которыхъ фельдмаршалъ часто упоминалъ въ своихъ донесеніяхъ,—извѣстны уже усердными и попечительными о благѣ ихъ отечества, то и было бы желательно, чтобы именно они и отправились въ Петербургъ, гдѣ ихъ предполагалось задержать подъ благовиднымъ предлогомъ».

Съ оставленіемъ сербами укрѣпленныхъ шанцевъ при Банѣ, турки могли легко проникать внутрь Сербіи, переходить на лѣвый берегъ Моравы и угрожать сообщеніямъ Делиграда съ Бѣлградомъ.

Черный Георгій встрѣтилъ въ Чупріи, отступившіе отъ Бани и не поддержавшія Делиграда, войска своей Моравской арміи, и принявъ надъ нею начальство, рѣшился идти на освобожденіе Делиграда, отрѣзаннаго отъ страны, съ которою сохранялось сообщеніе только черезъ Любошъ, на лѣвомъ берегу Моравы. Эту единственную переправу защищалъ доблестный Миленко Стойковичъ, устроивъ около Любоша нѣсколько шанцевъ. Здѣсь же, расчитывая на храбрость Миленко, находились и Младенъ съ Милое, полагая свое пребываніе здѣсь болѣе удобнымъ, чѣмъ въ Делиградѣ, посто-

янно обстрѣливаемомъ турками. Впрочемъ, турки не оставляли и любошскихъ шанцевъ безъ вниманія, въ надеждѣ лишить Делиградъ послѣдняго сообщенія съ страною.

Такъ, 16 іюля, они повели аттаку на любошскіе шанцы, но были отбиты съ потерею до 500 человѣкъ. Почти въ тоже время, турки понесли значительную потерю и на дринскомъ театрѣ войны.

18 іюля, до 6.000 непріятеля перешло Дрину для аттаки Лозницы. Турки овладѣли окружавшими ее сербскими шанцами. Сербы заперлись въ домахъ мѣстечка и продолжали отчаянно защищаться. Въ это время воевода Лука, бывшій въ Шабацѣ, соединясь съ отрядомъ Симы, прибылъ на помощь Лозницѣ и, неожиданно, ударилъ на торжествовавшихъ уже побѣду турокъ; выбилъ ихъ изъ занятыхъ окоповъ и обратилъ въ совершенное бѣгство за Дрину, овладѣвъ всѣмъ ихъ обозомъ и 4 пушками.

Эта побѣда дозволила Черному Георгію, направить отрядъ кн. Симы, изъ 2.500 челов., отъ Дрины къ Моравѣ. Понесенныя пораженія показали туркамъ, что они слишкомъ много расчитывали на легкость побѣждать сербовъ. Поэтому, они стали осторожнѣе и, въ ожиданіи прибытія новыхъ войскъ съ Измаилъ-пашею, ограничивались бомбардированіемъ Делиграда.

По прибытіи же къ Делиграду Измаила-паши, съ новою 18.000 арміею, турки обложили, 28 іюня, эту крѣпость со всѣхъ сторонъ, занявъ кромѣ бывшихъ уже занятыми высотъ на югѣ, еще и западныя высоты, со стороны Моравы, которыхъ Добрынецъ, при малочисленности своихъ защитниковъ, не могъ прежде занять.

Обложивъ тѣсно Делиградъ, Измаилъ-паша, вмѣстѣ съ тѣмъ, выслалъ значительный отрядъ внизъ по Моравѣ, который двинулся къ Столатъ. Сверхъ того, другой отрядъ непріятеля окружилъ Любошъ.

Сербскій вождь умолялъ о присылкѣ «откуда нибудь къ намъ помощи, ибо сильный гадъ навалилъ на насъ». Къ довершенію паники, распространился слухъ, что къ Делиграду приближается еще 20—25 тысячъ турецкаго войска, которое, заставивъ покориться васоевичанъ, направилось къ Моравѣ. «Сила турецкая такова, писалъ Черный Георгій Родофиникину отъ 28 іюля 1809 г.— что ежели-бы мы и въ соль претворились, то не могли бы всѣхъ ихъ посолить».

Жители оставили свои села и скрывались кто гдѣ могъ. Многіе сербы начали дезетировать изъ Делиграда, поспѣшая спасать свои семейства.

Турки могли перейти Мораву въ любомъ пунктѣ, такъ что въ концѣ іюля они стали уже показываться на лѣвомъ берегу рѣки. Черный Георгій дѣятельно стягивалъ всѣ войска, призывая къ оружію «всѣхъ безъ изъятія» отъ 12 до 70-лѣтняго возраста, чтобы не дозволить туркамъ переходить на лѣвый берегъ Моравы.

25 іюля турки сожгли на Моравѣ селеніе Столатъ, а 26-го снова напали на ретраншаментъ Миленки, у Любоша. Бой длился цѣлый день и кончился опять отступленіемъ турокъ, потерявшихъ много убитыми; потеря сербовъ не превосходила 40 человѣкъ [1]).

28 іюля Черный Георгій прибылъ, лично, въ Чуприю а 31 двинулся оттуда къ Делиграду. Но вмѣсто прямого пути, онъ, по совѣту Младена и Милое, направился чрезъ Крагуевацъ, куда прибылъ 2 августа. Младенъ и Милое имѣли въ виду, прежде всего, обезпечить безопасность Любоша, въ которомъ они оба находились, и потомъ уже подумать о Делиградѣ, для котораго каждый часъ защиты стоилъ неимовѣрныхъ лишеній и отчаянной храбрости.

Но храбрый Миленко обошелся безъ помощи Чернаго

---

[1]) Къ № 261. Кн. Багратіонъ 1809 г. М. И. Д.

Георгія. Въ самый день прибытія послѣдняго въ Крагуевацъ, онъ произвелъ, 2 августа, рѣшительную вылазку изъ своихъ любошскихъ шанцевъ и заставилъ турокъ отступить.

Наступала рѣшительная минута борьбы. Не опасаясь болѣе за участь Любоша, Черный Георгій двинулся къ Делиграду и 3 августа стоялъ уже у Ясики, въ четырехъ часахъ пути отъ крѣпости.

День и ночь продолжалась бомбардировка Делиграда. Въ него уже брошено было до 13.000 бомбъ. Ружейный огонь не прекращался; турки начали рыть, въ направленіи къ крѣпости, ровъ, въ 4 сажени шириною и въ 3 саж. глубиною,—«Не знаемъ, каковъ ихъ въ томъ планъ, писалъ Черный Георгій Родофиникину, отъ 27 іюля, что хотятъ съ тѣмъ копаньемъ дѣлать? Мину-ли или что другое. Я по разсужденію моему, думаю, что они намѣрены наполнить оный войсками, а потомъ нагнать болгаръ на первый огонь, а за ними уже броситься сами штурмомъ на Делиградъ. Всякій день бываетъ битва, но больше бьютъ Делиградъ турки пушками и бомбами, ибо крѣпко завѣрили Султана, что или Делиградъ возьмутъ, или всѣ тамъ погибнутъ».

Въ разныхъ мѣстахъ турки переходили уже партіями на лѣвый берегъ Моравы; между прочимъ, еще въ концѣ іюля, они появились у Ягодина, откуда жители не успѣли выйти и загнать въ горы свой скотъ. Ягодинъ и всѣ окрестныя съ нимъ селенія лишились всего своего имущества. «Здѣсь, доноситъ Родофиникинъ отъ 1 августа, уже начала показываться во многихъ дерзость отчаянія противу насъ, которая увеличивается по мѣрѣ приближенія опасности».

Къ 1 августа турки, пришедшіе изъ Албаніи вмѣстѣ съ серасскими, составили подъ Делиградомъ армію не менѣе 50.000 челов. Со стороны же Дрины и на границахъ Албаніи и Молдавіи, турки ничего не предпри-

нимали. Но и Черный Георгій, руководимый коварными совѣтами Младена и Милое, также не предпринималъ ничего рѣшительнаго.

«Могу положительно сказать, писалъ Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 1 августа, что доколѣ сіи люди (Младенъ и Милое) будутъ оставаться въ Сербіи, не бывать добру. Время докажетъ колико основательны мои предсказанія. Труды наши и знатныя издержки будутъ тщетны. Сіи люди измѣнятъ не только намъ, но и самому Богу, если увидятъ изъ того или денежную пользу, или вящее утвержденіе своего владычества. Ваше сіятельство усмотрѣть изволили легкоуміе верховнаго вождя—сегодня противу Младена, а завтра за него. Здѣсь, въ присутствіи г-на Недобы и другихъ, жаловался на Младена и Милое,—потомъ поѣхалъ къ войску; кого оставили главнымъ начальникомъ надъ всѣми?—Младена. Они влекутъ Сербію къ погибели, ибо самъ Миленко ко мнѣ пишетъ, что баньское дѣло, по его мнѣнію, было умышленное отъ Младена».

Милое и Младенъ находились въ Любошѣ, расчитывая на то, что храбрый и опытнѣйшій изъ сербовъ, Миленко Стойковичъ, не отдастъ туркамъ шанца, охраняющаго единственное сообщеніе съ Делиградомъ. Другой, доблестный боецъ, Петръ Добрынецъ, истощивъ всѣ запасы, все еще продолжалъ защищаться въ Делиградѣ и геройскимъ духомъ воодушевлялъ другихъ.

Петръ Добрынецъ, чтобы условиться о наилучшемъ способѣ соединенія съ Чернымъ Георгіемъ, стоявшимъ уже всего въ четырехъ часахъ пути отъ Делиграда у Ясики, просилъ Младена прислать кого нибудь замѣнить его, на 24 часа, такъ какъ онъ хотѣлъ видѣться съ Чернымъ Георгіемъ. Младенъ послалъ въ Делиградъ своего, alter ego, Милое.

Добрынецъ и Миленко согласились въ Любошѣ подождать прибытія изъ Ясика Чернаго Георгія и, сое-

диненными силами, произвести общую аттаку на турокъ, окружавшихъ Делиградъ. На случай-же неудачи, чтобы не потерять пушекъ, бывшихъ въ Делиградѣ и Любошѣ, предполагалось, за нѣсколько дней до боя, отправить ихъ въ Чупрію, гдѣ и образовать новый оборонительный пунктъ.

Но Младенъ, бывшій на этомъ свиданіи, былъ противъ отправленія пушекъ и сказалъ при этомъ: «если пушки отсюда пошлете, я закричу туркамъ и скажу, что бѣжите, и если пушки въ Делиградѣ пропадутъ, пусть и ваши всѣ пропадаютъ».

Между тѣмъ, прибывшій Милое въ Делиградъ будто имѣлъ въ виду — «подарить туркамъ и городъ, и пушки».

Едва увидѣлъ онъ ровъ, который еще въ началѣ осады турки начали рыть, съ цѣлью пресѣчь городу водопроводъ, какъ онъ тотчасъ же ускакалъ по дорогѣ въ Тополь—«не сказавъ никому и прощай», полагая, что турки готовятся подвести подъ городъ мину. Оставшись безъ руководителя, гарнизонъ Делиграда направился въ полномъ безпорядкѣ. къ Тополу, вслѣдъ за Милоемъ «Всѣ старѣйшины взволновались противъ Милое. Миленко, обнаживъ свою саблю, бросился на него съ яростію, но воевода Чарапичъ удержалъ его, представляя, что лучше выждать Чернаго Георгія, дабы всѣмъ вообще разсмотрѣть преступленія Младена и Милое».

Между тѣмъ, до 7.000 челов. турокъ, получивъ отъ шпіоновъ увѣдомленіе о томъ, что сербы оставили Делиградъ, вступили въ него 3 августа, предавъ смерти 200 брошенныхъ тамъ раненыхъ и продолжали настойчиво преслѣдовать бѣгущихъ къ Тополу, никѣмъ не руководимыхъ сербовъ.

Узнавъ объ отступленіи гарнизона Делиграда къ Тополу, отрядъ Миленко отправился туда-же изъ Любоша.

Между тѣмъ, Милое, прибывъ въ Чуприю, не думая ни о какомъ сопротивленіи, приказалъ зажечь городъ со всѣхъ сторонъ и продолжалъ путь къ Тополю.

Тогда турки, видя безполезность дальнѣйшаго преслѣдованія Милое, обратились назадъ, чтобы выбить отрядъ Миленко изъ шанца при Любошѣ. Найдя-же его уже пустымъ, они двинулись вслѣдъ за выступившимъ изъ Любоша къ Тополю Миленко, и нагнали его въ горахъ, на лѣвомъ берегу Моравы, причемъ отбили три пушки. Къ несчастію, лошадь Миленко, испугавшись, унесла его въ поле. Отступавшій отрядъ остался безъ начальника [1]).

Тогда, тотъ же отрядъ непріятеля направился къ Рисинѣ, и окружилъ находившихся тамъ 3.000 сербовъ. Весь день 5 августа длился подъ Рисиной сильный бой. Черный Георгій спѣшилъ на помощь осажденнымъ.

Вообще, изъ 30 пушекъ, которыя сербы имѣли въ Делиградѣ и Любошѣ, осталось только 8, остальныя 22 пришлось или потерять, или зарыть въ землю.

Между тѣмъ, Миленко, котораго считали погибшимъ, прибылъ въ Тополь, откуда Черный Георгій отправилъ его, съ Петромъ Добрынецъ, спасать Чуприю, куда снова направились турки. 7 августа Черный Георгій двинулся туда же изъ Ясики, перейдя вбродъ на лѣвый берегъ Моравы.

Въ полдень того-же числа, Черный Георгій, къ которому присоединился у Ясики 5.000 отрядъ коменданта Милана, прибывшій отъ границъ Албаніи, стоялъ уже противъ Чуприи, отъ которой его отдѣляла только Морава.

Чуприю защищали воеводы Іокичъ и капитанъ Радичъ, стоявшіе въ двухъ укрѣпленныхъ шанцахъ.

---

[1]) Еремія Гагичъ сербскому митрополиту Леонтію 5 августа 1809 г. М. И. Д. къ № 261. Prosorowsky. 1809.

7-го августа, видя, что турки проходятъ мимо обоихъ шанцевъ, оба коменданта, боясь быть отрѣзанными и не зная, что помощь такъ близка, не рѣшились оставаться долѣе въ Чупріи и распустили свои войска по селеніямъ. Радичъ едва успѣлъ потопить въ Моравѣ пушки, а Іокичъ срылъ оба сербскіе шанца. Увидавъ Іокича, Черный Георгій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Черный Георгій не могъ спасти Чупріи. Морава здѣсь была глубока и перейти ее вбродъ было немыслимо, а между тѣмъ, паромъ, дававшій единственное средство къ переправѣ, спущенъ былъ Радичемъ внизъ по рѣкѣ. Пока Черный Георгій готовился устроить переправу, чтобы вступить въ Чупрію, турки уже заняли городъ и выставили на стѣнахъ крѣпости свои пушки.

«На чемъ надежду мою полагалъ я, и думалъ защищаться отъ непріятеля, писалъ Черный Георгій Родофиникину отъ 8 августа 1809 г., то самыми нашими истреблено».

Тревога между сербами возросла еще болѣе, когда взятые въ плѣнъ два турка на допросѣ показали, что громадныя силы турокъ расположены «по край Дрины до Савы».—«Вы, говорили они, трудитесь, мучитесь и деретесь, но все понапрасно: вы проданы туркамъ. На сей годъ вы помощи не будете имѣть, а на другое лѣто какъ Богъ дастъ, отчего вся сила турецкая на васъ напала».

«Народъ громогласно, по увѣренію людей вѣры достойныхъ, проклинаетъ меня и тебя, писалъ Черный Георгій[1]), говоря: Господарь и Генералъ (Родофиникинъ) измѣнили намъ, довели насъ до погибели; Государь же никакъ насъ до того не отпустилъ, но они два дѣлаютъ, что дѣлаютъ.

---

[1]) Черный Георгій Родофиникину 8 августа 1809 г. изъ Тополя. Гл. Арх. М. И. Д. № 261. Prosorowsky. 1809 г.

Смотрите, чтобъ такой гласъ народа на насъ не наступилъ, но чѣмъ скорѣе и сколько возможно, войскъ намъ потребуйте въ помощь, дабы народу доставить бодрость, ибо слишкомъ встревоженъ» [1]).

Тактика турокъ теперь замѣтно измѣнилась. Они стали избѣгать аттаки укрѣпленныхъ позицій, и обходили ихъ, стремясь скорѣе вступить въ Бѣлградъ; почему сильный отрядъ Гутанцли-Али направился къ Пожарову, который и занялъ 11 августа, угрожая оттуда самому Бѣлграду. Чтобы помѣшать движенію турокъ, Черный Георгій приказалъ, на всѣхъ дорогахъ, по которымъ непріятель могъ слѣдовать, дѣлать засѣки, всячески затруднять непріятелю путь, чтобы выиграть время и дождаться прибытія русскихъ для спасенія сербовъ.

13 августа, 6.000 отрядъ турокъ, перейдя на лѣвый берегъ Моравы, занялъ Ягодинъ.

Такимъ образомъ, оба берега Моравы были во власти турокъ. Дорога къ Бѣлграду была открыта. Черный Георгій, для прикрытія своей столицы, стянулъ остатки своей, большею частью, разбѣжавшейся арміи, къ Баточину, гдѣ у него, впрочемъ, было не болѣе 3.000 чел.

Паника дѣйствительно распространилась по всей Сербіи. Всѣ, кто только могъ, искали спасенія въ предѣлахъ Австріи. Виновники этой паники, все тѣже Младенъ и Милое, во всемъ обвиняли русскихъ, такъ что и Черный Георгій «публично приписывалъ русскимъ всѣ несчастія, постигающія Сербію» [2]).

10 августа Милое пріѣхалъ въ Бѣлградъ, запретивъ, именемъ Чернаго Георгія, жителямъ переходить въ Австрію но, въ тотъ же день, самъ Черный Георгій приказалъ укрыть свое имущество въ горахъ, а Милое,

---

[1]) Родофиникинъ кн. Прозоровскому отъ 7 августа 1809 года.

[2]) Тоже.

державшій перевозъ черезъ Дунай, ночью перевозилъ черезъ рѣку множество своихъ свиней и другое имущество.

Въ то время какъ цѣлая армія Гушанцли-Али заняла 11 августа Пожаровецъ и оттуда угрожала Бѣлграду, до котораго было всего 13 часовъ пути, и гдѣ имѣлось только 40 челов. гарнизона, да и тотъ разбѣжался. Милое, опасаясь за свою жизнь, набралъ вокругъ себя до 300 бродягъ, поилъ ихъ и давалъ имъ деньги.

Петръ Добрынецъ, придя къ Родофиникину 15 августа, сказалъ, что Милое набралъ бродягъ по приказанію Чернаго Георгія, который надняхъ прибудетъ въ Бѣлградъ, и «намѣреніе его, внушенное Младеномъ и Милое, состоитъ въ томъ, чтобы схватить весь мой домъ, писалъ Родофиникинъ, предложить насъ туркамъ, яко виновниковъ продолженія бунта сербскаго» [1]). Поэтому Добрынецъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы Родофиникинъ, со свитою, спѣшилъ переѣхать въ Порѣчье.

Родофиникинъ дѣйствительно немедленно бѣжалъ въ Порѣчье, а оттуда, сопровождаемый Петромъ Добрынецъ, перѣхалъ Дунай на лодкѣ, въ Панчево, на австрійской границѣ.

Черный Георгій дѣйствительно пріѣхалъ въ Бѣлградъ въ ночь на 16 августа, и съ шайкою набранныхъ Милое бродягъ напалъ на квартиру, которую занималъ Родофиникинъ,—«гдѣ, не найдя меня, доносилъ послѣдній, вдался въ неописанную ярость и приказалъ разграбить все въ домѣ»— но архимандритъ Филиповичъ убѣдилъ Чернаго Георгія ничего не трогать.

Находясь уже въ неопасности, Родофиникинъ, 16-го августа, писалъ Черному Георгію изъ Панчева: «умыселъ, который составили Милое и компанія, противу моей жизни, заставили меня оставить Бѣлградъ. Все несчастіе народа, который ни въ чемъ не виноватъ,

---

[1]) Родофин. отъ 22 августа 1809 г. къ № 261. М. И. Д. Кв: **Багратіонъ**.

происходитъ отъ слѣпой вѣры, которую вы дали Младену и Милое».

Того-же 16 августа, Родофиникинъ писалъ сербскимъ старѣйшинамъ: «злой умыселъ, собственно противу моей жизни и всѣхъ чиновниковъ, при миссіи моей находящихся, существуетъ.

«Источникъ сего существованія есть глупость и, такъ сказать, полная слѣпота, трехъ или четырехъ старѣйшинъ, бывшихъ всегда виновниками всѣхъ неустройствъ въ Сербіи и ищущихъ теперь спасти себя истребленіемъ блюстителей благоденствія сербскаго народа. Тѣ особы вамъ извѣстны. Я рѣшился удалиться отсюда въ Валахію. Васъ-же, не токмо прошу, но заклинаю всѣмъ тѣмъ что есть свято, употребить всѣ ваши усилія къ содѣйствію вашему вождю, Черному Георгію. Еще нѣсколько времени удержитесь и Сербія спасена.

«Побѣдоносное оружіе россійское преслѣдуетъ турковъ на правомъ берегу Дуная; если достигнетъ великаго визиря и истребитъ армію его, въ чемъ ни мало не сомнѣваюсь, тогда турецкая сила, васъ нынѣ тѣсняцая, обртится вспять; тогда увидите разсѣянную всю тучу, вамъ нынѣ угрожающую».

Въ тотъ-же день Черный Георгій писалъ Родофиникину: «въ надеждѣ видѣть В. Пр. въ Бѣлградѣ и съ вами кое о чемъ переговорить, что должно дѣлать и устроить ради общаго добра, оставилъ я всѣ дѣла; но весьма удивительно было для меня, когда засталъ я домъ вашъ пустъ. Задолго не могъ я дойти, что бы то значило?

«Если отъ Государя получили вы повелѣніе отойти, прошу васъ объявить мнѣ, и прислать человѣка своего для забранія всего того, что въ домѣ вашемъ осталось; ибо я не былъ бы радъ, чтобы вы могли пожаловаться въ Россіи, что сербы вамъ наималѣйшее озлобленіе сдѣлали. Но если не имѣете такого отъ двора вашего

предписанія, то прошу васъ возвратиться въ Бѣлградъ, гдѣ будете мною и цѣлымъ народомъ почитаемы, какъ и до сего».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Черный Георгій писалъ и Добрынцу, задавая ему вопросъ—неужели онъ измѣнилъ? а если остался вѣренъ, то пусть возвращается назадъ.

«Я вамъ не измѣнилъ, отвѣчалъ 17 августа Добрынецъ; да и до сихъ поръ, кажется, не былъ невѣрнымъ —сіе и Богу, и народу извѣстно. Соберите народъ и спросите его—измѣнилъ-ли Петръ при Каменицѣ и Делиградѣ? измѣнники возлѣ васъ находятся, кои и васъ замутили и народъ въ гибель ввели. Пока Младенъ и Милое живы будутъ, я не приду въ Сербію. Кольскоро узналъ я отъ Георгія Чифтели, что вы на умѣ имѣете, вмѣстѣ съ Милоемъ, весь совѣтъ народа и г. генерала (Родофиникина) убить, я для избѣжанія таковаго несчастія, взялъ г. генерала и моего совѣтника Іову Протича, и переправился чрезъ Дунай. Я неустрашился турецкихъ силъ, ни изъ другой какой причины ушелъ, но дабы избавить народъ отъ вящаго стыда и несчастія, въ которое его Младенъ и Милое повергли» [1]).

Въ это время, вмѣсто кн. Прозоровскаго, умершаго 9 августа, главнокомандующимъ Дунайскою арміею былъ назначенъ кн. Багратіонъ, къ которому Родофиникинъ и отправился для личнаго доклада о сербскихъ дѣлахъ, и о причинахъ, заставившихъ его оставить Сербію. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли также, въ качествѣ народныхъ депутатовъ, и представились 7-го сентября кн. Багратіону, Петръ Добрынецъ, совѣтникъ Іовъ Протичъ и секретарь Живковичъ.—«Съ крайнимъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ душевнымъ вижу я, что сербы дошли до гибельнаго и несчастнаго положенія, изъ коего из-

[1]) М. Д. И. Bagration 1809г.

влечь ихъ крайне затруднительно—писалъ кн. Багратіонъ Родофиникину отъ 7 сентября 1809 г. Самъ комендантъ Добрынецъ признается, что главнѣйшею причиною его несчастія суть внутреннія распри частныхъ начальниковъ, а особливо злые поступки Младена и Милое и нѣкоторыхъ другихъ изверговъ, которые, ища удовлетворенія корыстолюбивыхъ ихъ видовъ, пожертвовали на то своимъ отечествомъ, пролили невинную кровь собратіи своей, и раззорили нѣсколько сотъ тысячъ семействъ.

«Какъ бы то ни было, сербовъ, ни подъ какимъ видомъ покинуть не должно, и сколько бы гибельно ни было ихъ положеніе, тѣмъ наиболѣе надлежитъ обнаружить твердость мужества и дѣятельности, для приведенія дѣлъ ихъ въ прежнее положеніе, чего и самые интересы отечества нашего непремѣнно требуютъ»[1]).

Чтобы сдѣлать возможное для безотлагательной помощи сербамъ, кн. Багратіонъ приказалъ отряду генералъ-маіора Исаева спѣшить изъ Малой Валахіи для соединенія съ сербами; отправилъ къ нимъ также Родофиникина и сербскихъ депутатовъ, для обсужденія наилучшихъ мѣръ къ поддержанію сербовъ; выдалъ имъ на расходы 3.000 червонцевъ, а коменданта Добрынца снабдилъ открытымъ листомъ на право собирать въ Малой Валахіи сербскихъ волонтеровъ, которые должны были дѣйствовать совмѣстно съ отрядомъ Исаева.

Сверхъ того, кн. Багратіонъ обѣщалъ, что по приближеніи его арміи къ Рущуку, оттуда будетъ отправленъ въ Сербію болѣе значительный отрядъ русскихъ войскъ.

Еще прежде, отъ 12 августа, кн. Багратіонъ писалъ Родофиникину: «я поручаю вашему превосходительству, торжественнымъ образомъ увѣрить, какъ верховнаго вождя

---

[1]) М. И. Д. Багратіонъ 1809 г.

такъ и правительствующій совѣтъ народа сербскаго, что мнѣ, не только пріятно будетъ доставлять имъ всю ту помощь и всѣ тѣ пособія, денежныя-ли или другія, которыя отъ власти моей зависитъ; но что я въ священнѣйшую себѣ обязанность вмѣняю, всѣми силами и съ крайнимъ напряженіемъ, содѣйствовать къ основанію на вѣчныя времена благоденствія сего храбраго, единовѣрнаго намъ народа, и къ пріобрѣтенію имъ совершенной его независимости отъ ига, его доселѣ угнетающаго».

Поддержать сербовъ было тѣмъ болѣе необходимо, что въ это время островъ Кербовъ, составлявшій единственную связь сербовъ съ русскими, былъ уже потерянъ.

Хотя наступленіе кн. Багратіона къ Силистріи и заставило верховнаго визиря вызвать большую часть своей арміи изъ Сербіи, тѣмъ не менѣе, дѣла тамъ были въ самомъ печальномъ положеніи.

Черный Георгій защищалъ лѣвый берегъ Моравы, занимая отдѣльными отрядами, стоявшими въ укрѣпленныхъ шанцахъ, всѣ удобные для переправы турокъ пункты, особенно Порѣчье, близь устья Моравы.

Турки, съ своей стороны, занимая правый берегъ Моравы, наблюдали удобные для переправы мѣста, имѣя отряды въ Крушевацѣ, Чупріи, гдѣ строили мостъ, близь устья Моравы, въ Петкѣ, гдѣ находился нишскій паша Гуршадъ.

Въ видѣ общаго резерва, Гушанцли-Али, съ главными силами, занималъ Пожаровецъ.

Такимъ образомъ, турецкая армія готовилась перейти Мораву, сосредоточиваясь болѣе на нижнихъ частяхъ рѣки.

Но опасеніе прихода русскихъ на помощь сербамъ удерживало непріятеля отъ рѣшительныхъ предпріятій.

Однако, русскіе не приходили и вскорѣ должны были очистить даже островъ Кербовъ.

Не смотря на приказаніе гр. Ланжерона Исаеву 1, укрѣпить и удерживать, во чтобы ни стало, этотъ островъ, обстоятельства однако сложились такимъ образомъ.

Для охраненія острова былъ оставленъ на немъ отрядъ подполковника Рыбникова, изъ 2 батал. пѣхоты при 4 орудіяхъ.

Привыкнувъ къ бездѣйствію турокъ, Рыбниковъ не счелъ нужнымъ строить на островѣ новыя укрѣпленія и, вообще, былъ не достаточно остороженъ. Пользуясь этимъ, турки, въ значительныхъ силахъ, сдѣлали нечаянное нападеніе на островъ, въ ночь на 23 августа. Опрокинувъ высланныя противъ нихъ три роты пѣхоты, непріятель захватилъ одно орудіе.

Подполковникъ Рыбниковъ, не успѣвъ призвать другаго баталіона, стоявшаго на лѣвомъ берегу Дуная, отчаянно бросился впередъ съ оставшеюся у него въ резервѣ ротою, чтобы возвратить орудіе. Но израненный множествомъ ударовъ кинжаловъ, онъ палъ, охвативъ руками свою пушку, которая тѣмъ не менѣе была потеряна. Лишившись до 200 челов. убитыми и ранеными, отрядъ нашъ долженъ былъ очистить островъ, и едва успѣлъ перебраться на лѣвый берегъ Дуная.

Генералъ Исаевъ выслалъ въ помощь ему Новоингерманландскій мушкетерскій полкъ и 50 казаковъ, съ тѣмъ, чтобы снова овладѣть о. Кѐрбовъ. Но прибывшій полкъ имѣлъ такъ много больныхъ и находился въ такомъ слабомъ составѣ, что предпринять что либо рѣшительное не представлялоеь возможнымъ. Поэтому Исаевъ долженъ былъ усилить высланный отрядъ еще Олонецкимъ мушкетерскимъ полкомъ.

Потеря связи между русскими и сербами побудила турокъ начать наступленіе. На западной границѣ, Дринская турецкая армія вездѣ встрѣчала неудачу и скоро принуждена была ограничиться бездѣйствіемъ. Но на Моравѣ, 31 августа, значительный турецкій отрядъ, фор-

сировалъ переправу черезъ бродъ на этой рѣкѣ, недалеко отъ лежащаго на лѣвомъ берегу мѣстечка Порѣчье, занятаго воеводою Миленко Стойковичемъ, которымъ всѣ усилія турокъ были отражены.

Эта неудача побудила турокъ, одновременнымъ сильнымъ натискомъ въ разныхъ пунктахъ, произвести переходъ черезъ Мораву, разбить сербскія войска и, занявъ Бѣлградъ, окончить кампанію въ Сербіи, чтобы имѣть возможность выслать изъ нея всѣ войска въ армію визиря.

Поэтому, 16 сентября, турки, въ числѣ до 25.000 человѣкъ, устремились къ переправамъ черезъ Мораву. Славный Гайдамакъ, Велько и воевода Стиноя, переплывъ на правый берегъ Моравы, аттаковали непріятеля въ оба фланга; въ то время какъ находившіеся въ укрѣпленныхъ шанцахъ сербы препятствовали переправѣ съ фронта.

Отбитые на всѣхъ пунктахъ, турки въ безпорядкѣ бѣжали по дорогѣ къ Чупріи, а часть возвратилась въ Петку и Пожаровецъ. Остановившись въ Чупріи въ ожиданіи окончанія строившагося тамъ моста, турки опять оставались въ бездѣйствіи, имѣя теперь, собственно на Моравѣ, въ разныхъ пунктахъ не болѣе 15.000 человѣкъ.

Гордясь побѣдою, 16 сентября, и приписывая ее одной храбрости сербовъ, Черный Георгій—«явно началъ говорить, что такъ какъ русскіе ихъ (сербовъ) покинули, то надлежитъ сербамъ искать другаго союза» [1]). Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Петервардейнъ своего секретаря Евтича, для переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ по этому предмету.

Спустя нѣкотрое время, два австрійскіе офицера, подъ предлогомъ закупки лошадей, прибыли въ Сербію для дальнѣйшихъ переговоровъ. Но рѣшась на такой

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

важный шагъ, Черный Георгій не могъ обойтись безъ народнаго совѣта, тѣмъ болѣе, что многіе воеводы и старѣйшины очень противились такому исходу дѣла. Поэтому, пріѣхавшихъ австрійцевъ, просили подождать въ Семендріи окончательнаго отвѣта, который и послѣдовалъ въ отрицательномъ смыслѣ, какъ это было рѣшено на совѣтѣ. Упрекъ, обращенный Чернымъ Георгіемъ къ Россіи, былъ несправедливъ, что и оказывается изъ слѣдующаго обзора. Мы видѣли, что кн. Прозоровскій могъ, въ свое время, поддержать сербовъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, но не сдѣлалъ этого, и въ этомъ его вина. Но со времени перехода главной русской арміи за Дунай, нельзя уже было отправить, въ помощь сербамъ, ни одного лишняго солдата. Тѣмъ не менѣе, наступленіе на Нижнемъ Дунаѣ, само собою отразилось и на Сербіи, откуда турки вынуждены были вывести почти всѣ свои войска.

Пораженіе турокъ при Фресинѣ и Россеватѣ, обезпечивъ Большую Валахію отъ опасности непріятельскаго вторженія, дало возможность усилить отрядъ Исаева I въ Малой Валахіи, и 7 сентября кн. Багратіонъ приказалъ ему поддержать сербовъ.

Вѣря кн. Багратіону болѣе чѣмъ кн. Прозоровскому, который мало стѣснялся въ разговорахъ съ сербскими депутатами, и зная, что Родофиникинъ далеко не лестнаго былъ мнѣнія о сербскихъ порядкахъ, сербскій народный совѣтъ, чтобъ парализовать дѣйствія Родофиникина, Петра Добрынца, и другихъ представившихся новому главнокомандующему лицъ, отправилъ къ нему новую депутацію.

Посланные депутатами, Валасій Миличевичъ и Михаилъ Грудевичъ, подали кн. Багратіону письмо, отъ имени сербскаго совѣта и Чернаго Георгія, писанное отъ 9 сентября 1809 г., въ которомъ было сказано: «марательства, которыми г. Родофиникинъ старался и

старается помрачить патріотизмъ, славу и честь верховнаго вождя нашего, истинно не дѣлаютъ ему никакой чести». Письмо-же его, присланное уже изъ Австріи сербскому совѣту — «изобличаетъ его передъ цѣлымъ свѣтомъ, сколь злобно и безъ пощады, несправедливо оскорбляетъ онъ народъ сербскій и вождя ихъ, съ ехидническимъ злословіемъ своимъ».

Что-же касается до Петра Добрынца и другихъ, представлявшихся кн. Багратіону лицъ, въ качествѣ сербскихъ депутатовъ, то о нихъ въ письмѣ было сказано: «относительно помянутыхъ сербскихъ чиновниковъ, отечество наше признаетъ ихъ быть бѣглецами и измѣнниками, которые, измѣнивъ своему, не могутъ служить вѣрно другому; и по сему В. С. именемъ народа сербскаго, яко депутаты онаго, всенижайше просимъ, не имѣть къ нимъ никакого довѣрія, въ случаѣ, если столь предерзскіе будутъ что-нибудь просить именемъ народа[1])».

Въ отвѣтѣ своемъ отъ 18 сентября кн. Багратіонъ, выражая удивленіе по поводу жалобъ на Родофиникина, будто-бы клеветавшаго на народъ, говоритъ, что, напротивъ того, «всѣ его донесенія содержали токмо ходатайство о удовлетвореніи разныхъ нуждъ и надобностей народа сербскаго»; что указанія на интриги частныхъ лицъ и ихъ злоупотребленія — «никогда не влекли за собою опороченіе народа; напротивъ-же того, онъ всегда ходатайствовалъ въ пользу народа». Если Родофиникинъ оставилъ Бѣлградъ, то это потому, что турки были уже въ 8 часахъ пути отъ него,— «а къ оборонѣ города не были взяты никакія мѣры». Петра Добрынца и другихъ съ нимъ бывшихъ въ качествѣ сербскихъ депутатовъ — «я нашелъ одушевленными любовью къ отечеству, преисполненными ревностнѣйшаго желанія из-

---

[1]) М. И. Д. Bagration 1809 г.

влечь соотечественниковъ своихъ изъ настоящаго гибельнаго положенія».

Поэтому, сказано въ письмѣ кн. Багратіона—«когда верховный вождь и всѣ благомыслящіе члены совѣта народа сербскаго представятъ мнѣ въ показаніяхъ ихъ явныя доказательства, тогда только могу я приступить къ какому либо разбирательству, по жалобамъ на Родофиникина».

Въ письмѣ-же къ Родофиникину, отъ того же 13 сентября, кн. Багратіонъ говоритъ, что съ сербскими депутатами,—«вообще, должно обходиться, какъ съ дѣтьми, и настоящія обстоятельства требуютъ того, чтобы мы ихъ лелѣяли».

Между тѣмъ, турки на Моравѣ стали менѣе рѣшительны, какъ только кн. Багратіонъ перешелъ Дунай и разбилъ непріятеля при Россеватѣ. Миленко Стойковичъ въ то время охранялъ Порѣчье, не дозволяя туркамъ, занявшимъ Пожаровецъ, переправиться на лѣвый берегъ Моравы, и послалъ Черному Георгію письменный совѣтъ укрѣпить Бѣлградъ и Семендрію. Но, говоритъ Миленко въ письмѣ къ митрополиту Леонтію отъ 31 августа:—«я здѣсь боюсь какъ турковъ, такъ и отъ нашихъ, дабы меня или туркамъ живаго не дали, или не лишили жизни. О весьма многихъ опасныхъ примѣрахъ могъ бы я васъ увѣдомить, если бы вамъ словесно могъ сказать».

Въ этихъ покушеніяхъ на личность Миленко, котораго Родофиникинъ называлъ лучшимъ изъ сербовъ, нельзя не видѣть происковъ Милое, который не могъ ему простить того порыва негодованія, когда Миленко бросился на него съ саблею, называя измѣнникомъ, за потерю Делиграда.

Но у Миленки истощились уже почти всѣ припасы, и потому долго держаться въ Порѣчьѣ онъ не находилъ возможнымъ, если русскіе не спасутъ его. «Я и народъ

васъ безпрестанно, какъ спасителя своего, вспоминаемъ, и отъ васъ ожидаемъ спасенія», писалъ онъ генералу Исаеву, отъ 31 августа. 14 сентября Родофиникинъ прибылъ въ Краіово, къ отряду генерала Исаева, и тотчасъ-же приступлено было къ обсужденію мѣръ, для немедленнаго движенія съ цѣлью подкрѣпить сербовъ.

Въ общихъ чертахъ, планъ дѣйствій Исаева состоялъ въ томъ, чтобы заготовить перевозочныя средства, для переправы черезъ Дунай. Взять Бирзу Паланку, сильно укрѣпить ее и занять 1.000 сербовъ, изъ отряда Миленко. Затѣмъ отрядъ Исаева останется на лѣвомъ берегу Дуная, съ тѣмъ чтобы, имѣя перевозочныя средства, переплыть на ту сторону рѣки, какъ только того потребуютъ обстоятельства. Тогда собрать къ своему отряду разбѣжавшихся по горамъ сербовъ, и часть ихъ направить на правый берегъ Моравы, для обезпокоенія тыла стоявшихъ тамъ, отъ Делиграда до Дуная 15.000 турокъ, и тѣмъ заставить ихъ отказаться отъ покушеній перейти на лѣвый берегъ Моравы, для движенія къ Бѣлграду. Въ виду важности удержать Порѣчье, овладѣвъ которымъ турки могли бы выслать изъ Виддина къ Бѣлграду суда и разгромить его, слѣдовало, прежде всего, снабдить отрядъ Миленко, у котораго было всего 200 челов., порохомъ и хлѣбомъ. $^{11}|_{23}$ сентября, каждому изъ волонтеровъ, набранныхъ въ Малой Валахіи Петромъ Добрынцемъ, дано было по 6 фунтовъ пороха, который они должны были доставить въ Порѣчье, изъ котораго Миленно выслалъ часть своихъ войскъ, съ цѣлью способствовать переправѣ черезъ Дунай, прибывшихъ для соединенія съ нимъ волонтеровъ. $^{18}|_{30}$ сентября волонтеры вступили въ Порѣчье и доставили Миленко порохъ.

За невозможностію-же доставить туда и хлѣбъ, Миленко были посланы деньги, чтобы онъ самъ могъ купить хлѣба въ Австріи [1]).

---

[1]) М. И. Д. Bagration 1809 г.

Къ 18 сентября положеніе дѣлъ въ Сербіи состояло въ такомъ видѣ. Всѣ покушенія турокъ со стороны Дрины были отражаемы. Войска Чернаго Георгія и другіе сербскіе отряды, были размѣщены по лѣвому берегу Моравы, вездѣ препятствуя туркамъ переходить на этотъ берегъ рѣки. Пожаровецъ и Пятку на Дунаѣ, занимали отряды Гусанцли и Нишскаго пашей. Сверхъ того, на Моравѣ турки стояли въ Чупріи, куда отступили послѣ дѣла 16 числа.

Миленко, получивъ порохъ и деньги, писалъ 18 сентября Родофиникину: «если нѣкоторые поглавари наши и показывали себя неблагодарными и васъ обидѣли, то потомки наши благословлять васъ будутъ, и по смерти вашей, надъ сотертымъ гроба вашего прахомъ, надъ алтаремъ безсмертія, свѣтлящую благодарность воздавать, за благодѣянія ваши станутъ».

Не такъ думалъ Черный Георгій, который еще 4 сентября писалъ генералу Исаеву: «Боже дай, чтобы всѣ слезы сиротъ несчастныхъ и мученія, висѣли на томъ свѣтѣ на душѣ того, который довелъ насъ до сего; да убіютъ слезы того, кто насъ издалъ—Богъ да убіетъ его. Довольно труда и мученія набрался я, бѣгая по войскамъ отъ лагеря до лагеря, окураживая войско и народъ. Утомивъ себя и коней, и слава Богу, опять народъ успокоилъ. Турки весьма боятся русскихъ; въ арміи ихъ говорится, коль скоро придутъ русскія войска, тотчасъ турки побѣгутъ и не будутъ долго держаться, ниже на насъ часто нападать.

«Имени Божьяго ради, пособите намъ днесь въ такой нуждѣ нашей. Нашъ покровитель и не вѣдаетъ о такомъ нашемъ мученіи. Проклята душа да будетъ того, кто воспретилъ пройти намъ, показать нужды наши нашему покровителю; а все сіе сдѣлалъ намъ генералъ Родофиникинъ и проклятый фельдмаршалъ Прозоровскій. Суди его Богъ на томъ свѣтѣ за то, что насъ обма-

нулъ и ввергъ въ погибель. Мы безъ труда могли быть въ мирѣ съ турками; они два раза, тайнымъ образомъ, увѣряли насъ, что все прошедшее будетъ намъ отпущено, лишь-бы только отъ русскихъ отдѣлались; но мы не хотѣли отъ стараго перваго завѣщанія отступить, держались и поступили по повелѣнію фельдмаршала и г. Родофиникина».

По поводу этихъ несправедливыхъ обвиненій, Родофиникинъ отвѣчалъ Черному Георгію, отъ 23 сентября. Высказавъ лишенную всякой вѣроятности мысль, будто бы отъ Императора были скрыты нужды сербскаго народа, Родофиникинъ, въ опроверженіе этого, указываетъ на все то что съ Высочайшаго соизволенія было сдѣлано для сербовъ, сколько имъ передано денегъ, пороха, свинца, и проч. — «Проклятіе, которое вы обращаете на покойнаго г. фельдмаршала кн. Прозоровскаго и на меня, ни мало меня не огорчаетъ; ибо долженъ вѣровать, что гнѣвъ Всевышняго постигнетъ тѣхъ, кои дѣйствительно были виновниками несчастія сербскаго народа. Я знаю и свидѣтельствую предъ цѣлымъ свѣтомъ, что вы желали, истинно, освобожденія сербскаго народа; но къ несчастію, всю вашу довѣренность дали людямъ, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ вообще, и также о управленіи землею; обращали токмо все свое вниманіе на то, чтобы обогащаться, позволяя себѣ всѣ средства, къ тому ведущія. Я могу сказать положительно, что всѣ бы дѣла Сербіи шли хорошо, если бы дѣлали хотя малѣйшее вниманіе къ наставленіямъ, кои вамъ преподавалъ покойный г. ген. фельдмаршалъ, какъ равно безпрерывнымъ моимъ настояніямъ. Посмотримъ, что вы представляли: представляли Сербію, не въ примѣръ сильнѣе, нежели она есть; изъявляли желаніе продолжать войну съ турками, если бы даже мы и миръ заключили» — поэтому кн. Прозо-

ровскій былъ въ правѣ расчитывать, что Сербія сама можетъ бороться въ настоящее время, когда главныя силы турокъ будутъ отвлечены противъ его арміи. Это вошло въ планъ его дѣйствій и Сербія, дѣйствительно, могли-бы защищаться, если бы главное командованіе надъ войсками не было отдано въ руки негодяевъ.

«Что-же касается до того, будто бы мы воспрепятствовали вамъ примириться съ турками, то положите руку на сердце ваше и признайтесь по совѣсти, было ли сіе когда либо и въ помышленіи вашемъ, чтобы съ ними мириться».

По тому-же поводу кн. Багратіонъ писалъ Черному Георгію отъ 2 октября. Что о нуждахъ сербскаго народа было всегда доводимо до свѣдѣнія Государя, служитъ доказательствомъ все то, что по Его повелѣнію было сдѣлано для Сербіи. — «Всѣ сіи пожертвованія, какъ и всей Европѣ извѣстно, не для пользы Россіи, но для единственнаго блага народа сербскаго, яко намъ единовѣрнаго и единоплеменнаго. Я долженъ непремѣнно полагать, что тайные враги народа сербскаго, нанесшіе ему таковую пагубу, находятся между имъ и посреди онаго. Почему первѣйшая обязанность ваша, яко правителей и старѣйшинъ сего храбраго и почтеннаго народа, состоитъ въ томъ, дабы устранить тѣхъ враговъ народа и отнять у нихъ способы ему вредить. Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что верховный визирь, находясь въ Рущукѣ, послалъ нарочныхъ чиновниковъ въ Виддинъ, Плевну, Ловчу, Никополь, Ломъ и другія мѣста, дабы войска оттуда, сколько можно поспѣшнѣе, шли къ нему. Сіе должно, неминуемо, отвлечъ силы турецкія изъ Сербіи. Съ моей стороны, исполняя священную для меня волю Всеавгустѣйшаго моего Монарха, я съ крайнею строгостію и точностію буду соблюдать данное мною обѣщаніе, и

всячески стараться стану споспѣшествовать къ основанію, навсегда, блаженства народа сербскаго» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Багратіонъ отправилъ къ Черному Георгію, чрезъ депутата Груевича, 10.000 піастровъ.

Успѣхи кн. Багратіона на Дунаѣ, дѣйствительно заставили визиря вызвать свои войска изъ Сербіи.

Это приказаніе пришло въ то самое время, когда турки, чтобы покончить съ сербами, предприняли общее наступленіе на лѣвый берегъ Моравы, 16-го сентября, окончившееся полнымъ ихъ пораженіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ началось общее отступленіе турокъ изъ Сербіи.

28 сентября они отступили отъ Чупріи къ Деліграду, а 6 октября очистили и эту крѣпость, которую сербы немедленно заняли, причемъ имъ достались и двѣ турецкія пушки. Воевода Велько опять вступилъ въ Баню. 7-го октября потянулись, вверхъ по правому берегу Моравы, турецкія войска, занимавшія Пожаровецъ и Пятку. Дальнѣйшее отступленіе турокъ было направлено къ Нишу, такъ, что въ среднихъ числахъ сентября, вся Сербія была уже свободна отъ турокъ, занявшихъ внѣ ея восточныхъ предѣловъ только наблюдательную линію между Нишемъ и Лесковецъ. Большая часть выступившихъ изъ Сербіи турецкихъ войскъ направилась къ Рущуку, въ армію визиря, и не малая часть разбѣжалась по домамъ.

Сербія вздохнула свободно. Она была спасена отъ врага внѣшняго, но внутренній врагъ существовалъ съ прежней силой.

Напротивъ того, по минованіи опасности, нужно было ожидать, что козни интригановъ возникнутъ съ новою силой, — такъ и случилось. Черный Георгій, въ началѣ октября, намѣревался собрать въ Хасанъ-Пашинской

---

[1]) М. И. Д. Bagration 1809 г.

Паланкѣ общій народный совѣтъ, на которомъ хотѣлъ обсудить мѣры для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ сущности, совѣтъ этотъ имѣлъ цѣлью избавиться отъ тѣхъ не многихъ личностей, которыя явно порицали Младена и Милое и называли ихъ измѣнниками. Измѣна дѣйствительно существовала. Младенъ и Милое, всегда пагубно вліявшіе на Чернаго Георгія, убѣдили его, что нечего расчитывать на Россію, и нужно искать покровительства Австріи. Съ этою цѣлью Черный Георгій, какъ увѣдомлялъ Миленко Стойковичъ Родофиникина, отъ 8 октября изъ Порѣчья,—«послалъ своего секретаря, Стефана Евтича, въ Цесарію, въ Петерсвардейнъ, къ тамошнему губернатору, уговоровъ ради и присоединенія Сербіи къ австрійскимъ владѣніямъ» [1]).

Понятно, что всѣ честные патріоты были сильно возмущены такою попыткою. Отъ нихъ то интриганы и желали избавиться. Черный Георгій поручилъ убить Миленко, намѣреваясь передать его постъ въ Порѣчьѣ другому. Друзья Миленко предупредили его объ этомъ и дали возможность принять предосторожности. Тогда Черный Георгій приказалъ Миленко спѣшить въ Бѣлградъ, для участія въ предполагавшемся общемъ народномъ собраніи въ Хасанъ-Паланкѣ.

«Нѣсколько дней назадъ, отвѣчалъ на это приказаніе Миленко, письмомъ отъ 6 октября 1809 г., писали вы здѣшнимъ новымъ комендантамъ, чтобы меня убили, здѣсь въ Порѣчьѣ. Благодареніе милостивому провидѣнію, что спасло меня. Что-же бы со мною послѣдовало, ежели-бы я пошелъ между тѣхъ, кои посягаютъ и на вашу голову, не боясь ни Бога, ни людей! Пощадили-ли бы они меня?

«Господарю! не награждаются такъ вѣрные сыны отечества. Но зло зломъ, а добро добромъ.

---

[1]) М. И. Д. Кн. Багратіонъ 1809 г. № 278.

«Пока будете вы слушаться тѣхъ, коихъ до сего вы слушались и съ ними совѣтовались; и доколѣ ихъ не истребите, дотолѣ ни на какой совѣтъ я съ вами не приступлю, и къ вамъ не приду.

«Справедливое дѣло написано на сердцѣ всякаго добраго патріота. Оправданіе ему не нужно».

Сербскій народъ началъ высказывать полное недовѣріе къ своимъ правителямъ и сербы вездѣ стали говорить, что не будутъ болѣе воевать, если ими не будутъ управлять русскія власти. Становилось необходимымъ ввести въ Сербію русскія войска, чтобы устроить тамъ дѣла, пока наступившее бездѣйствіе главныхъ силъ на Дунаѣ давало къ тому возможность.

«Теперь занимаюсь я, обстоятельнымъ образомъ, образованіемъ плана, дря произведенія въ дѣйство моего намѣренія, дать сербамъ дѣятельное пособіе, писалъ кн. Багратіонъ гр. Румянцеву отъ 23 октября 1809 г.»

Очищеніе Сербіи турецкими войсками не заспокоило края. Всѣ выходцы, бѣжавшіе въ Австрію, тотчасъ же начали возвращаться назадъ. Сербы болѣе не нуждались въ Австріи. Это побудило послѣднюю запретить ввозъ всѣхъ австрійскихъ товаровъ въ Сербію, чтобы заставить ее почувствовать свое значеніе и отомстить за неудавшіеся переговоры о союзѣ. Было уже указано на то, что во главѣ партіи, искавшей сближенія съ Австріей, стоялъ самъ Черный Георгій; но старѣйшины народа, и выдающіеся сербскіе патріоты, твердо держались Россіи. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ, не разъ уже заявившій свою преданность Россіи, и черногорскій архимандритъ Филиповичъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ Сербіи, гдѣ онъ и находился во время войны. Желая избавиться отъ него, Черный Георгій отправилъ съ нимъ собственноручное письмо въ Петербургъ къ Императору Александру, съ просьбою о помощи. Филипповичъ понялъ, что его хотятъ удалить,

подъ благовиднымъ предлогомъ, для ослабленія партіи патріотовъ. Поэтому, вмѣсто Петербурга, онъ отправился въ главную квартиру кн. Багратіона, куда и прибылъ 7 ноября. Кн. Багратіонъ, отправивъ письмо Чернаго Георгія въ Петербургъ съ нарочнымъ курьеромъ, посовѣтовалъ Филипповичу возвратиться въ Бѣлградъ, гдѣ онъ могъ оказать большую пользу, поддерживая партію народную, въ пользу Россіи. Филипповичъ не замедлилъ возвратиться назадъ, какъ разъ во время, такъ какъ дѣла приняли тамъ весьма серьезный оборотъ.

Отступленіе кн. Багратіона отъ Силистріи, снова дало туркамъ возможность угрожать Сербіи. 13.000 турецкой конницы прибыло 25 ноября въ Пиротъ, на соединеніе съ выступившими изъ Сербіи турецкими войсками, и Рушидъ паша отправилъ Черному Георгію письмо, съ предложеніемъ покориться, обѣщая всѣмъ участникамъ войны полное прощеніе султана. Въ противномъ случаѣ, снова грозилъ вторженіемъ въ Сербію. Въ письмѣ указывалось на тщетную надежду сербовъ получить помощь отъ русскихъ, которые вынуждены были снять осаду Силистріи, и сами находятся, будто-бы, въ полномъ отступленіи.

Черный Георгій, потерявъ вѣру въ русскую помощь, готовъ былъ принять предложеніе. Народъ былъ истощенъ войною, упалъ духомъ, не видя конца бѣдствіямъ и не получая ниоткуда помощи. На востокѣ снова стоитъ сильная турецкая армія; со стороны Босніи, на Дунаѣ готовится новое вторженіе. Запрещеніе Австріи ввозить въ Сербію хлѣбъ и другіе продукты, крайне необходимые, довершали бѣдственное положеніе края. Явилась сильная партія въ пользу отдѣльнаго замиренія съ Турціей. Нахіи Пожаровецкая, Рисовская и другія требовали мира.

Но зная, что дѣло не можетъ быть рѣшено безъ народнаго собранія и вліянія лицъ, пользовавшихся наи-

большимъ уваженіемъ въ странѣ, Черный Георгій не рѣшился лично начать переговоры съ Рушидъ-пашею, и предоставилъ вопросъ на рѣшеніе собранія въ Паланкѣ. Собраніе это открылось 23 ноября. На немъ участвовали почти всѣ вожди и старѣйшины народа сербскаго. Прежде всего начались рѣзкія нападки на Младена и Милое, которые выставлялись какъ злѣйшіе враги Сербіи. Собраніе потребовало отъ Чернаго Георгія удаленія обоихъ интригановъ отъ всѣхъ дѣлъ. Но зная, что и не пользуясь властью, но имѣя сильное вліяніе на Чернаго Георгія, они могутъ имѣть значеніе, собраніе постановило запретить Младену и Милое, даже письменныя сношенія, съ кѣмъ-бы то ни было, по дѣламъ Сербіи, и выѣхать изъ ея предѣловъ. Черный Георгій, противъ воли, долженъ былъ уступить.

На томъ-же собраніи было рѣшено: 1) избрать представителями сербскаго народа, Милана Обреновича, архимандрита Милентія и Петра Добрынца, съ тѣмъ, чтобы они отправились просить Россію: 1) о помощи войсками, 2) принять Сербію подъ свое управленіе и занять Бѣлградъ, 3) возвратить въ Сербію Родофиникина и 4) учредить комиссію для разъясненія положенія дѣлъ въ Сербіи. Въ тоже время главными членами народнаго совѣта были назначены архимандритъ Ненадовичъ, Добрынецъ и Обреновичъ. Русская партія въ Сербіи окончательно восторжествовала. Живковичъ, секретарь собранія, прибылъ 29 ноября въ Краіовъ объявить Родофиникину эту радостную для него новость. Но Родофиникинъ считалъ невозможнымъ осуществить состоявшіяся въ Поланскѣ предположенія. Вслѣдствіе чего, сербскій народный совѣтъ, считая Родофиникина, какъ грека родомъ, не лучше Младена и Милое, отправилъ 12 декабря къ кн. Багратіону жалобу на Родофиникина, прося, чтобы его не только не посылали въ Сербію, но воспретили-бы ему всякую переписку съ сербами, такъ какъ переписка эта

«не можетъ клониться иначе, какъ къ погибели сербскаго народа».

Родофиникинъ, явившись въ Гирсово къ кн. Багратіону, «выставлялъ себя жертвою враждебной ему въ Сербіи партіи и увѣрялъ въ своей невинности». Съ своей стороны кн. Багратіонъ, увѣряя сербскій совѣтъ въ неосновательности ихъ взгляда и Родофиникина, обѣщалъ, что скоро значительныя русскія войска вступятъ въ Сербію. Дѣйствительно, вступленіе въ Сербію входило въ планъ кн. Багратіона, выработанный имъ для кампаніи 1810 года; но смѣна кн. Багратіона Каменскимъ 2 измѣнила, во многомъ, составленныя относительно Сербіи предположенія.

20 декабря, избранные собраніемъ въ Паланкѣ сербскіе депутаты, представили кн. Багратіону, въ Гирсово, просьбу слѣдующаго содержанія: объявивъ о рѣшеніи народномъ «исключить навѣки, отъ дѣлъ народныхъ, домашнихъ нашихъ враговъ, Младена и Милое, ибо они были главною причиною нашего несчастія», сербы просятъ: 1) прислать имъ скорѣйшую помощь войсками. 2) Снабдить военными припасами. 3) «Если не возможно, какъ намъ то объясняетъ г. Родофиникинъ, принять насъ подъ совершенное управленіе всеавгустѣйшаго нашего покровителя», то не забыть Сербіи и «содѣлать ее счастливою при заключеніи мира» и во время переговоровъ о немъ, дозволить сербскимъ депутатамъ присутствовать, для разныхъ объясненій по дѣламъ Сербіи. 4) «Поелику мы всѣ поглавари и самъ предводитель народный не грамотны и просты», говорили депутаты, то если окажутся какія либо письма отъ имени сербскаго народа въ другія государства, то «таковыя письма дабы ничтожны были и не значущіи». 5) Занять Бѣлградъ русскимъ гарнизономъ. 6) Сербы изъявляютъ полную го-

товность дѣйствовать совокупно съ русскими и безусловно повиноваться волѣ Императора Россіи [1]).

— «Во всѣхъ моихъ разговорахъ съ сербскими депутатами, пишетъ кн. Багратіонъ гр. Румянцеву, старался я внушить и дать имъ уразумѣть, что одно покровительство Е. И. В. избавило ихъ отъ совершеннаго порабощенія, коему Сербія подвергалась неоднократно и, особливо, въ прошедшую кампанію; лишеніе же того покровительства, неминуемо, повлечетъ за собою несчастіе и погибель Сербіи».

Въ такомъ положеніи были сербскія дѣла, къ концу 1809 года.

Сербія находилась уже на краю совершенной гибели, когда переходъ русской арміи за Дунай спасъ ее.

Къ обзору военныхъ дѣйствій этой арміи и переходу ея черезъ Дунай теперь и обратимся.

XIV.

Переходъ кн. Прозоровскаго черезъ Дунай. — Занятіе Исакчи 31 іюля. Тульчи 1 августа и Бабадага 2 августа. — Смерть кн. Прозоровскаго и назначеніе вмѣсто него кн. Багратіона.

Неудача подъ Кладово была послѣднимъ ударомъ, который суждено было перенесть, и безъ того сильно разстроенному главнокомандующему. Болѣзнь его усиливалась съ каждымъ днемъ, онъ едва могъ ходить. Между тѣмъ наступило время перехода черезъ Дунай. Весь остатокъ своихъ силъ кн. Прозоровскій употребилъ на выполненіе этой задачи.

Мостъ ниже Галаца, оконченный 14 іюля, былъ прикрытъ связными бревнами, расположенными во всю ширину Дуная, выше моста, для задержанія тяжестей, которыя могли быть пущены турками, по теченію рѣки.

---

[1]) Bagration 1809 г. М. И. Д. № 309.

На обоихъ берегахъ устроены батареи, готовыя защищать мостъ, который, сверхъ того, охранялся брантвахтами, на баркасахъ.

Но хотя мостъ и былъ уже готовъ, правый берегъ Дуная, съ котораго только что сошла вода, представлялъ, верстъ на двадцать, топкую болотистую низменность, покрытую тростникомъ и мелкимъ кустарникомъ, движеніе по которой цѣлой арміи было невозможно. Для устройства дороги былъ высланъ драгунскій полкъ, которымъ и была устроена по топямъ плотина изъ фашинъ, положенныхъ поперегъ и засыпанныхъ землею.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ виду перехода за Дунай, кн. Прозоровскій составилъ новое росписаніе арміи, которое состояло въ слѣдующемъ:

Резервный корпусъ генерала Эссена 1-го, отозваннаго въ Россію, поступившій въ командованіе г.-л. гр. Ланжерона, имѣетъ главную квартиру въ Бухарестѣ, куда Ланжеронъ прибылъ 24 іюля.

Корпусъ этотъ состоялъ изъ 63 баталіоновъ пѣхоты, 37 эскадроновъ кавалеріи, 30 орудій батарейной и 12 конной артиллеріи, съ 4 полками пандуръ, силою до 1.000 челов. каждый. Всего, не считая пандуръ, до 16.000 челов. по спискамъ.

Резервный корпусъ имѣлъ назначеніе: «наблюдать крѣпости Измаилъ, Браиловъ и Журжу, защищать оба княжества Валахскія отъ набѣговъ турокъ и подкрѣплять сербовъ» въ то время когда главная армія перейдетъ на правый берегъ Дуная, у Галаца для овладѣнія Мачиномъ и Гирсово.

Не считая гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и двухъ баталіоновъ на флотиліи, резервный корпусъ былъ раздѣленъ на 4 отряда. 1-й г.-м. Воинова, наблюдалъ Измаилъ; 2-й г.-м. Колюбакина стоялъ въ Галацѣ; 3-й г.-м. князя Вяземскаго (потомъ г.-л. Олсуфьева)), находился у Визирскаго брода, наблюдая Браиловъ, и 4-й

подъ начальствомъ Ланжерона, въ Бухарестѣ, занимая вообще Большую Валахію, и наблюдая Дунай, отъ устья Ольты до Аржиса, на разстояніи 150 верстъ. На выполненіе этой задачи, въ распоряженіи Ланжерона, въ Большой Валахіи имѣлось всего: Олонецкій полкъ 800 челов., Нижегородскаго—180 человѣкъ съ 2 офицерами; въ 10 эскадронахъ Волынскаго уланскаго полка было 400 челов. и въ Тираспольскомъ драгунскомъ—350 чел. Сверхъ того, г.-л. Ланжерону былъ подчиненъ и отрядъ г.-м. Исаева 1-го, стоявшій въ Малой Валахіи, въ связи съ сербами. Отрядъ этотъ, какъ уже было замѣчено, состоялъ изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, весьма слабаго состава, отъ 200 до 350 чел. въ баталіонѣ, что составляло всего 1.850 челов. пѣхоты. Считая же съ казаками, всего 3.300 челов. Хотя при отрядѣ находилось 4 полка пѣшихъ пандуровъ, до 1.000 челов. въ каждомъ, но они по своему неустройству могли быть употребляемы только въ Малой Валахіи; переводить же ихъ за Дунай, въ помощь сербамъ, было невозможно. Съ этими ничтожными силами, Исаевъ долженъ былъ занимать всю Малую Валахію и охранять Дунай, на протяженіи 250 верстъ, отъ австрійской границы до устья р. Ольты.

Въ виду чрезвычайной малочисленности резервнаго корпуса, и неудачъ, понесенныхъ сербами, предстояло опасеніе вторженія турокъ въ Большую и Малую Валахіи, гдѣ войска наши были подвержены страшнымъ болѣзнямъ.

Въ теченіе одного мѣсяца Исаевъ, изъ 3.300 чел., потерялъ больными болѣе 1.000 челов. Равнымъ образомъ, въ Большой Валахіи, почти всѣ полки не превосходили численностью 200 челов., имѣя по 800 и болѣе человѣкъ больныхъ въ каждомъ полку [1]).

---

[1]) Журналъ военн. дѣйствій корпуса Ланжерона въ 1809 г. В. Уч. Арх. дѣло № 1353.

Оставлять при такихъ обстоятельствахъ резервный корпусъ безъ возможности получить подкрѣпленіе отъ дѣйствующей арміи, когда послѣдняя перейдетъ Дунай, значило рисковать ея сообщеніями. Поэтому, часть дѣйствующихъ войскъ была оставлена въ Валахіи, съ тѣмъ, чтобы переправить ее за Дунай не вдругъ, а послѣдовательно, сообразно съ дѣйствіями за Дунаемъ остальной части арміи.

Такимъ образомъ 27 іюля, войска *дѣйствующей* арміи получили слѣдующее росписаніе.

Корпусъ *Милорадовича*, 12 батал. пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, $^1/_2$ батарейной и 1 конной роты артиллеріи, занималъ Обилешти, откуда могъ оказать помощь Ланжерону, или подкрѣпить генералъ-маіора Жилинскаго, въ Слободзеѣ, стоявшаго тамъ съ авангардомъ отряда г.-м. князя Вяземскаго, находившагося у Визирскаго брода.

Корпусъ г.-л. *Эссена 3-го*, составляя часть главнаго корпуса арміи, подчиненнаго кн. Багратіону, стоялъ на правомъ берегу р. Бузео у деревни Сатжатъ, возлѣ г. Бузео, имѣя 14 батал. пѣхоты, 20 эскадроновъ кавалеріи, $^1/_2$ роты батарейной артиллеріи и 25 понтоновъ, для наведенія моста у Бузео.

Корпусъ этотъ долженъ былъ составлять связь между войсками, занимавшими княжества и находившимися въ Бессарабіи. Въ случаѣ надобности, изъ корпуса Эссена 3-го высылаются подкрѣпленія къ Визирскому броду, или къ Слободзеѣ. Есла-же турки, перейдя Дунай около Силистріи, вступятъ въ Валахію, то Эссенъ, вмѣстѣ съ корпусомъ Милорадовича у Обилешти, быстро переходитъ въ наступленіе, и оба идутъ на встрѣчу непріятелю.

Авангардъ главной арміи, состоя подъ начальствомъ г.-л. Платова, имѣлъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 1 роту конной артиллеріи, $^1/_2$ роты піонеръ и 9 казачьихъ полковъ.

Занимая деревню Привалъ, на правомъ берегу Серета (между Каліени и Макмеленъ), Платовъ долженъ былъ сообразоваться съ движеніями корпуса г.-л. Засса, который первымъ переходитъ Дунай, и занимаетъ Тульчу и Исакчу.

Когда Зассъ переправится, Платовъ также переходитъ Дунай, чтобы прикрыть корпусъ Засса со стороны Исакчи, и для развлеченія непріятельскихъ силъ, на правомъ берегу Дуная.

Корпусъ г.-л. Засса, въ составѣ 12 батал. пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 1 батарейной и 1 конной роты артиллеріи, съ ротою піонеръ и 3 полками казаковъ, занимаетъ Галацъ, въ 10 верстахъ ниже котораго находится мостъ черезъ Дунай.

Перейдя, когда будетъ приказано, рѣку и оставивъ въ Галацѣ отрядъ при г.-м. Колюбакинѣ, Зассъ занимаетъ Исакчу и Тульчу, черезъ что открывается Сулинское гирло Дуная, и наша флотилія, находящаяся при устьѣ Дуная, отрѣжетъ сообщеніе Измаила съ Браиловымъ.

Оставляемый въ Галацѣ отрядъ *Колюбакина* опредѣленъ силою въ 10 баталіон. пѣхоты, 1 полка казаковъ, 4 батарейныхъ и 9 осадныхъ орудій; Стародубовскій драгунскій полкъ, 25 понтоновъ, 1 понтонная рота и плавучая батарея на Дунаѣ. Отрядъ г.-л. *Маркова*, располагается по правую сторону Прута, при дер. Фультешти (между Рени и Журжулешти), имѣя 8 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи и $^1/_2$ роты артиллеріи. Отрядъ этотъ, въ случаѣ надобности, поддерживаетъ отрядъ у Визирскаго брода, или отрядъ Воинова, наблюдавшій Измаилъ, а также галацкій постъ Колюбакина; или же переходитъ Дунай для подкрѣпленія Платова или Засса [1]).

[1]) Подлинное росписаніе арміи кн. Прозоровскаго, въ іюлѣ 1809 г. Дѣло В. Уч. Арх. Арх. № 1353.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду большое число заболѣвающихъ лихорадкою, главнокомандующій приказалъ съ 23 іюля, выдавать снова войскамъ винныя порціи, по три раза въ недѣлю, такъ какъ въ лѣтніе мѣсяцы вино не выдавалось на томъ основаніи, что во время жаровъ водка приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Даже и теперь, солдатамъ приказывалось водку вливать въ воду, чтобы сдѣлать ее безвредною для питья.

27 іюня, кн. Прозоровскій отдалъ приказаніе корпусу Засса, перейти на правый берегъ Дуная. Переправу началъ авангардъ корпуса, въ числѣ 3 баталіоновъ пѣхоты съ 4 орудіями и 150 казаковъ. Авангардъ состоялъ подъ начальствомъ инженера г.-м. Гартинга.

27 числа Гартингъ перешелъ мостъ на Дунаѣ и вступилъ на полуостровъ Кунцефанъ (островъ, расположенный между Рени и Исакчею). Въ тотъ-же день Гартингъ перешелъ, по понтонному мосту, рукавъ Дуная, Чуленецъ, отдѣляющій Кунцефанъ отъ праваго берега Дуная. Здѣсь, немедленно приступлено было къ возведенію двухъ редутовъ, оконченныхъ 28 числа, съ цѣлью прикрыть мостъ съ непріятельской стороны.

Вслѣдъ за авангардомъ, того-же 27 числа, перешелъ мостъ и расположился на Кунцефанѣ, весь корпусъ Засса. На другой-же день, 28 числа, Зассъ перешелъ рукавъ Чуленецъ, и сталъ на правомъ берегу Дуная; 29-го Зассъ двинулся къ Исакчи, пройдя только 4 версты.

Отрядъ Гартинга въ этотъ день оставленъ былъ для прикрытія моста, а въ авангардъ назначенъ г.-м. Булатовъ, который выдвинулся впередъ, на три версты отъ своего корпуса.

Какъ только корпусъ Засса открылъ наступленіе къ Исакчи, отрядъ г.-л. Платова перешелъ 29 числа на полуостровъ Кунцефанъ. Сильный дождь, растворившій болотистую почву на полуостровѣ, сильно затруднилъ

движеніе конницы Платова, и не дозволилъ ему перейти рукавъ Чуленецъ, ранѣе 30 числа. Въ тотъ-же день, Платовъ выслалъ партію къ Мачину, а самъ двинулся къ Бабадагу.

Такимъ образомъ, давно ожидаемый переходъ черезъ Дунай совершился, хотя незначительною частью арміи. На случай, если бы турки могли встрѣтить наши войска за Дунаемъ превосходными силами, кн. Прозоровскій приказалъ, не вступая въ дѣло, возвратиться къ мосту и тамъ ожидать подкрѣпленій съ лѣваго берега.

Но турки были очень слабы на низовьяхъ Дуная.

31 іюля Зассъ подошелъ къ Исакчи. Непріятель, оставивъ крѣпость, сѣлъ на суда и спустился внизъ по Дунаю, намѣреваясь укрыться въ Тульчѣ или Измаилѣ.

Исакча была занята безъ выстрѣла. Только два судна открыли пальбу по нашимъ войскамъ. Но выставленныя на берегу конныя орудія заставили ихъ, вскорѣ удалиться.

Въ Исакчи найдено 7 орудій и значительные запасы военныхъ снарядовъ.

Оставивъ въ Исакчи двѣ роты пѣхоты, 50 драгунъ, и 100 казаковъ для разъѣздовъ, Зассъ двинулся къ Тульчѣ, куда безостановочно слѣдовалъ и авангардъ г.-м. Булатова. 1-го августа Булатовъ занялъ Тульчу, оставленную непріятелемъ, также безъ выстрѣла. Въ тотъ-же день, корпусъ Засса подошелъ къ Тульчѣ и, такимъ образомъ, сообщеніе Измаила, вверхъ по Дунаю, было прервано. Это давало надежду, что Измаилъ защищаться не будетъ, когда наши войска подступятъ къ нему.

Поэтому отрядъ г.-м. Волкова, наблюдавшій Измаилъ, получилъ приказаніе подвинуться ближе къ крѣпости и занять Табакъ (Бѣлградъ).

Между тѣмъ, на правомъ берегу Дуная, отрядъ г.-л. Платова занялъ, 2 августа, оставленный турками Бабадагъ, въ которомъ найдено 10 орудій, и выслалъ партіи

къ сторонѣ Гирсова, и также по дорогамъ въ Шумлу и Варну, куда спѣшили отступить, удалявшіеся изъ Добруджи, турки. Нигдѣ не было открыто скопленія значительныхъ силъ непріятеля. Это убѣдило главнокомандующаго въ необходимости поддержать, развить и ускорить дѣйствія за Дунаемъ, переведя на правый берегъ рѣки главныя силы арміи и, въ тоже время, дѣйствовать рѣшительнѣе противъ Измаила.

Съ этою цѣлью, отрядъ г.-м. Маркова получилъ приказаніе переправиться за Дунай, а г.-м. Назимовъ съ 4 баталіонами пѣхоты, при 2 орудіяхъ, выдвинутъ къ Фальчи, на случай поддержки Воинова у Измаила, куда направлена была отъ Исакчи и дунайская флотилія.

Прибытіе этой флотиліи къ мысу Чаталу заставило всѣ турецкія суда стать подъ стѣнами Измаила. Равнымъ образомъ, въ нее скрылись и всѣ турки, бывшіе, на островѣ Чаталѣ, который и былъ занятъ дессантомъ, подъ начальствомъ полковника Книппера.

Въ тоже время, 6 марта, отрядъ Маркова, перейдя Дунай, сталъ у Мачина и главная армія, кн. Прозоровскаго перешла на правый берегъ Дуная.

Выяснившаяся безопасность резервнаго корпуса дала возможность располагать корпусомъ г.-л. Милорадовича, которому было дано приказаніе слѣдовать къ Галацу, и тамъ перейти Дунай.

Корпусъ Милорадовича выступилъ изъ своихъ позицій отъ Обилешти на Бухарестъ и оттуда, 10 числа, къ Галацу.

Въ это время болѣзнь кн. Прозоровскаго свела его въ могилу. 9 августа скончался второй уже главнокомандующій дунайскою арміею.

Мы видѣли что, по случаю болѣзни кн. Прозоровскаго, Императоръ имѣлъ въ виду, назначить ему въ помощь, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности и замѣстить

его, генерала отъ инфантеріи кн. Багратіона, о прибытіи котораго въ Галацъ было объявлено кн. Прозоровскимъ по арміи, приказомъ отъ 25 іюля: «Сего числа явился ко мнѣ г. генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ кн. Багратіонъ, съ объявленіемъ мнѣ Высочайшаго Е. И. В. соизволенія, о послѣдовавшемъ ему Монаршемъ Его Величества повелѣніи, явиться ко мнѣ и быть въ арміи, мною предводимой. Я, опредѣляя его начальствовать главнымъ корпусомъ арміи (или коръ-де-баталь), какъ командовалъ онымъ г. генералъ Кутузовъ, предписываю г.-л. Эссену 3-му состоять въ командѣ его, съ симъ главнымъ корпусомъ, а ему, кн. Багратіону, находиться при гауптъ-квартирѣ, въ разсужденіи старости моихъ лѣтъ, а теперь и слабости моего здоровья, отъ которой я движимаго исполненія дѣлать не въ состояніи». Подчиненіе корпуса Эссена 3-го кн. Багратіону, ввело нашего извѣстнаго историка, Михайловскаго-Данилевскаго, въ ложныя предположенія, будто бы кн. Прозоровскій, желая удалить отъ себя кн. Багратіона, поручилъ ему корпусъ Эссена 3-го, стоявшій въ Бузео, т. е. въ тылу арміи, и такимъ образомъ не хотѣлъ его взять съ собою за Дунай, въ передовыя войска.

Изъ приказа отъ 25 іюля, мы видѣли, что это было не такъ, и что князь Багратіонъ былъ при главной квартирѣ, какъ лицо необходимое. Къ тому же, кн. Багратіонъ хорошо зналъ о своемъ дѣйствительномъ назначеніи и въ тылъ арміи не поѣхалъ бы. Въ приказѣ по арміи отъ 9 августа кн. Багратіонъ, объявляя о смерти кн. Прозоровскаго, послѣдовавшей въ этотъ день въ 5 часовъ пополудни, говоритъ: «Даю знать, что я по Высочайшему именному Е. И. В. повелѣнію, послѣдовавшему ко мнѣ отъ 30 числа *минувшаго іюля*, принялъ главное надъ арміей начальство».

Рескриптъ отъ 30 іюля къ кн. Прозоровскому, на который указано въ приказѣ кн. Багратіона, заключалъ

слѣдующее: «Князь Александръ Александровичъ: изъ донесеній вашихъ отъ 15 іюля, къ крайнему сожалѣнію, видѣлъ я тягостное состояніе вашего здоровья; измѣряя степень болѣзни васъ удручающей извѣстнымъ мнѣ вашимъ неограниченнымъ усердіемъ, съ прискорбіемъ вѣрю, что одна невозможность продолжать командованіе вамъ ввѣренной арміей, заставляетъ васъ желать себѣ преемника; убѣждаясь сею необходимостью и желая вамъ дать всевозможные способы къ облегченію, дозволяю вамъ, согласно желанію вашему, сложить съ себя командованіе арміей, доколѣ силы ваши не поправятся, сдавъ оную генералу отъ инфантеріи князю Багратіону, коему и вручите вы на сей конецъ указъ, подъ открытой печатью, при семъ препровождаемой. Изъявивъ вамъ многократно, съ какимъ особеннымъ вниманіемъ, въ теченіе всего времени управленія вашего, видѣлъ я опыты трудовъ благоразумія, попечительности и знанія вашего, нахожу удовольствіе здѣсь вновь возобновить вамъ увѣреніе въ признательности той неограниченной дѣятельности, съ каковою, жертвуя изъ любви къ отечеству, не взирая на слабость здоровья вашего, несли вы многотрудное дѣло, довѣренностію моею на васъ возложенное; а нынѣ, при изнеможеніи силъ вашихъ, поручая оное генералу отъ инфантеріи князю Багратіону, я увѣренъ, что не оставите вы ввести его во всѣ ваши предположенія, и раскрывъ ему планы ваши, тѣмъ самымъ, содѣйствуете скорѣйшему достиженію оной цѣли, которая арміи сей предназначена. Самый образъ сдачи вы, безъ сомнѣнія, такъ въ благоразуміи вашемъ учредите, чтобы не отнималъ онъ времени къ поспѣшному князя Багратіона за Дунай отправленію, на томъ основаніи, какъ рескриптомъ моимъ подъ № 98 было постановлено.

«Впрочемъ, по сдачѣ преемнику вашему арміи, отъ васъ зависѣть будетъ избрать мѣсто вашего пребыванія. Вездѣ, гдѣ бы вы его ни избрали, будутъ васъ со-

провождать желанія мои и мольбы къ Всевышнему, чтобъ укрѣпилъ силы ваши на пользу отечества и къ истинному моему удовольствію».

Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ, получено было и отношеніе военнаго министра слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ при отправленіи къ вашему сіятельству рескрипта своего за № 168-мъ и заготовленнымъ на имя генерала отъ инфантеріи князя Багратіона за № 169, Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ сообщить вашему сіятельству слѣдующее: — что до полученія еще донесенія Вашего за № 807-мъ по письму вашего сіятельства ко мнѣ отъ 8-го сего іюля, заготовленъ былъ на имя ваше проэктъ Высочайшаго рескрипта, который для усмотрѣнія вашего при семъ прилагается съ тѣмъ: что если, по милосердію Всевышняго и къ совершенному удовольствію Государя Императора, степень болѣзни вашей подастъ вамъ возможныя силы, то Его Императорское Величество весьма доволенъ будетъ, если ваше сіятельство, не слагая съ себя званія главнокомандующаго, поручили (какъ въ рескриптѣ означено) князю Багратіону исполненіе съ войсками за Дунай перехода, и дальнѣйшія съ оными дѣйствія; а сами для успокоенія вашего остались бы, доколѣ силы ваши не поправятся, въ Молдавіи, и избравъ тамъ мѣсто пребыванія, по собственному назначенію, не престали-бы, къ истинному желанію Государя, содѣйствовать распоряженіями своими къ достиженію цѣли, сей арміи предназначенной; въ случаѣ-же, если уже тяжкое изнеможеніе силъ вашихъ воспрепятствуетъ вашему сіятельству выполнить оное, тогда уже въ вашей волѣ состоять будетъ, учинить препровождаемый при семъ рескриптъ и указъ подъ №№ 168 и 169 исполнительными.

«Сообщая вашему сіятельству сію Высочайшую волю, заключить долженъ тѣмъ, что Его Императорскому Ве-

личеству весьма пріятно будетъ, если ваше сіятельство, не слагая съ себя званія, толикою довѣренностію на васъ возложенное, оставаясь для успокоенія вашего въ Молдавіи, не преставали бы содѣйствовать распоряженіями своими, и довершая тѣмъ начатое вами поприще, споспѣшествовали бы къ пользѣ Государя и блага отечества. На что и буду ожидать въ скорѣйшемъ времени вашего увѣдомленія, для доклада Государю Императору». Къ этому отношенію приложенъ слѣдующій проэктъ рескрипта, также на имя фельдмаршала: «Князь Александръ Александровичъ! донесенія ваши отъ 8 сего іюля за № 187-мъ я получилъ, изъ коего видѣлъ, какъ учиненныя уже распоряженія ваши касательно резервнаго корпуса, такъ и заключенія въ разсужденіи предстоящихъ дѣйствій ввѣренной вамъ арміи.—На сіе не имѣю ничего болѣе, какъ повторить вамъ, что намѣреніе мое о скорѣйшемъ переходѣ войскъ за Дунай остается тѣмъ болѣе непремѣннымъ.

«Изъ рескриптовъ моихъ извѣстны вамъ главнѣйшія къ тому побужденія. Чѣмъ болѣе проходило время, тѣмъ предпріятіе сіе становилось необходимѣе.

«Изъ сего же донесенія вашего усматриваю, что необходимость сія наиболѣе умножается; къ исчисленнымъ уже мною прежде сего побужденіямъ, присовокупляется еще то обстоятельство, дабы скорѣйшимъ переходомъ арміи нашей за Дунай, сопровожденнымъ быстрымъ и стремительнымъ дѣйствіемъ, помѣшать непріятелю въ приращеніи его войскъ, коихъ, какъ изъ донесенія вашего видно, визирь надѣется собрать около 50 т.

«Уничтожа сіе предпріятіе визиря, пріобрѣтемъ мы гораздо удобнѣйшую возможность противостать силамъ непріятеля за Дунаемъ, чѣмъ допустя его до пріумноженія войскъ, встрѣтить, наконецъ, сильнѣйшее сраженіе. Итакъ, рѣшительный приступъ къ немедленному

переходу за Дунай требуется, безъ дальнѣйшаго отлагательства.

«Вслѣдствіе чего желаю нетерпѣливо совершить оное, не теряя ни одной минуты, дабы, переправясь съ войсками, начать дѣйствіе, сходно съ предназначенною вамъ цѣлью.

«Изъ переписки вашей съ военнымъ министромъ, съ сожалѣніемъ, усматриваю, слабость вашего здоровья; почему въ случаѣ, если не получите вы облегченія, позволяю вамъ, для поправленія здоровья, не слѣдовать съ переходящими за Дунай войсками, а можете по праву главнокомандующаго остаться въ Молдавіи. Въ таковомъ случаѣ имѣете поручить назначенныя къ переходу за Дунай войска генералу отъ инфантеріи князю Багратіону, снабдя его вашими наставленіями.»

Того-же числа генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ получилъ отъ 30 іюля слѣдующій рескриптъ:

«По уваженію тяжкой болѣзни, одержащей генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, и по изображенной имъ невозможности продолжать командованіе, уволивъ его до поправленія силъ отъ командованія арміею, призналъ я за благо поручить оное вамъ.

Вслѣдствіе сего, принявъ отъ него всѣ части къ дѣлу ему ввѣренному принадлежащія, вы имѣете, немедленно, вступить въ распоряженіе ваше, что нужно къ достиженію цѣли для дѣйствія сей арміи предназначеннаго, руководствуясь въ томъ правилами, какія въ рескриптахъ моихъ на имя его данныхъ постановлены.

«Въ правилахъ сихъ найдете вы, что поспѣшный переходъ за Дунай признанъ необходимымъ. Вамъ извѣстно, сколь, по настоящимъ обстоятельствамъ, каждая минута драгоцѣнна. Я ожидаю и въ скоромъ времени надѣюсь получить отъ васъ изъ за Дуная донесенія».

Кромѣ краткаго по арміи приказа отъ 9 августа, кн. Багратіонъ объявилъ еще второй разъ отъ 11 числа:

«его сіятельство г. генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, сего августа 9 числа, въ 5 часовъ пополудни, въ лагерѣ на правомъ берегу Дуная при мачинскомъ гирлѣ, по волѣ Всемогущаго Бога скончался. Всѣ тѣ, кои имѣли счастіе служить подъ начальствомъ его, соединятъ, конечно, общую мольбу къ небу о совершенномъ для него блаженствѣ въ обители вѣчной, и раздѣлятъ печаль о потерѣ сего мужа, который долговременною службою, трудами, усердіемъ къ Государю, и любовію къ отечеству, пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе и признательность. Извѣщая о семъ печальномъ происшествіи всѣ войска, подъ командою покойнаго генералъ-фельдмаршала состоявшія, вмѣстѣ съ тѣмъ даю знать, что я, по Высочайшему Его Императорскаго Величества именному повелѣнію, послѣдовавшему ко мнѣ отъ 30 числа минувшаго іюля, принялъ главное надъ арміею начальство; вслѣдствіе чего и предписываю обо всемъ, до службы касающемся, относиться ко мнѣ».

Итакъ, обратимся къ обзору военной дѣятельности третьяго главнокомандующаго Дунайскою арміею.

Первою его заботою было, обезпеченіе тыла, усиленіемъ резервнаго корпуса, и поддержка праваго фланга, составлявшаго связь съ сербами. Еще состоя при главной квартирѣ, кн. Багратіонъ получилъ отъ генерала Ланжерона настоятельную просьбу усилить резервный корпусъ, который, по отозваніи корпуса Милорадовича въ Галацъ, оставался слишкомъ слабымъ, тогда какъ дѣла въ Малой Валахіи принимали серіозный оборотъ.

Мы видѣли, что послѣ неудачнаго приступа къ Кладову, 9 іюля, отрядъ Исаева возвратился на лѣвый берегъ Дуная и отступилъ къ Краіову.

Турецкія войска занимали на правомъ берегу Дуная многочисленные укрѣпленные пункты и крѣпости—Рущукъ, Систово, Никополь, Неготинъ, Брегово, Виддинъ,

Орсову и Кладово. Изъ трехъ послѣднихъ они часто дѣлали набѣги въ Малую Валахію и, хотя не наносили потерь русскимъ войскамъ, но заставляли ихъ, постоянно, переходить форсированными маршами съ мѣста на мѣсто, для встрѣчи противника, который всегда успѣвалъ во время уйти за Дунай. Эта малая война сильно утомляла наши, и безъ того крайне слабыя силы, въ Малой Валахіи. Частые набѣги турокъ поддерживались, бывшими у нихъ на лѣвомъ берегу Дуная крѣпостями Журжею и Турно, а также укрѣпленіями въ Фламундѣ, Зимницѣ и Слободзеѣ.

Для прекращенія подобныхъ набѣговъ, г.-л. Ланжеронъ имѣлъ въ виду, снова сдѣлать приступъ къ Кладову; почему въ отрядъ Исаева были высланы подкрѣпленія, въ размѣрѣ четырехъ полковъ пѣхоты и Тираспольскаго драгунскаго полка, всего до 1.700 человѣкъ. Полагалось, что усиленный отрядъ Исаева 1-го, соединившись съ 1.500 челов. сербовъ, стоявшихъ у Бирза-Паланки, будетъ въ состояніи парализовать дѣйствія непріятеля на верхнемъ Дунаѣ. Но обстоятельства вдругъ измѣнились. Въ началѣ августа, корпусъ Милорадовича направился къ Галацу; резервный корпусъ въ Большой Валахіи былъ, поэтому, предоставленъ собственнымъ лишь средствамъ, и потому изъ назначенныхъ къ Исаеву подкрѣпленій, отправленъ былъ одинъ только полкъ. Между тѣмъ, какъ уже было изложено, при описаніи военныхъ дѣйствій въ Сербіи, сильная турецкая армія наводнила Сербію и, по занятіи Делиграда, угрожала самому Бѣлграду.

Въ виду такого положенія дѣлъ въ Сербіи, генералъ Исаевъ опасался вторженія турокъ въ Малую Валахію, и потому просилъ о помощи. Но гр. Ланжеронъ еще болѣе боялся за Большую Валахію и за самый Бухарестъ, которому турки могли угрожать отъ Журжи и Силистріи. Къ тому-же, онъ думалъ, что непріятель не рѣшится проникнуть внутрь М. Валахіи и ограни-

чится только попыткою занять островъ Кербовъ. Поэтому,ославъ Исаеву одинъ только полкъ, Ланжеронъ приказалъ ему укрѣпить островъ Кербовъ и держаться на немъ до послѣдней крайности. Затѣмъ, для обезпеченія обороны Большой Валахіи, кн. Багратіонъ выслалъ Ланжерону Ладожскій и Нашебургскій мушкетерскіе полки, которые были въ сравнительно лучшемъ состояніи, и прибыли 12 августа въ Бухарестъ изъ Бузео, форсированными маршами. Эти полки, вмѣстѣ съ возвращенными назадъ подкрѣпленіями, отправленными къ Исаву 1, расположились лагеремъ при Копочени.

Независимо отъ того, весь корпусъ генерала Эссена 3-го получилъ приказаніе перейти изъ Бузео въ Обилешти, взамѣнъ ушедшаго оттуда корпуса Милорадовича.

Такія мѣры были необходимы въ видахъ опасенія за самый Бухарестъ, въ которомъ находилось до 6.000 челов. больныхъ, большіе запасы продовольствія и резервный артиллерійскій паркъ.

XV.

Дѣйствія кн. Багратіона. — Занятія Мачина 18 и Гирсово 22 августа. — Расположеніе турецкой арміи въ августѣ и сентябрѣ и взаимная вражда между ея начальниками. — Планъ визиря. — Визирская армія наступаетъ отъ Журжи къ Бухаресту. — Валахскіе бояре и диванъ по отношенію къ русской арміи. — Движеніе Ланжерона изъ Бухареста на встрѣчу визирской арміи. — Сраженіе при Фрасине и Дая 29 августа. — Наступленіе кн. Багратіона къ Силистріи. — Сдача Кюстенджи 30 августа. — Сраженіе при Россеватѣ 4 сентября. — Занятіе Мангаліи. — Наступленіе князя Багратіона отъ Россеваты къ Силистріи. — Осада и сдача Измаила 14 сентября. Осада Силистріи. — Движеніе части визирской арміи отъ Рущука къ Силистріи. — Авангардное дѣло 24 сентября. — Вылазка изъ Силистріи 4 октября. — Сраженіе при Татарицѣ 9 и 10 октября. — Замѣчанія по поводу сраженія при Татарицѣ. — Отступленіе арміи кн. Багратіона отъ Силистріи къ Черноводамъ. — Дѣйствія на флангахъ. — Сдача Браилова 21 ноября. — Положеніе турецкой арміи въ ноябрѣ. — Переходъ арміи кн. Багратіона на лѣвый берегъ Дуная. — Зимнія квартиры въ Дунайскихъ княжествахъ. — Составъ боевыхъ частей арміи. — Милорадовичъ оставляетъ армію. — Высылка Филипеско. — Интриги бояръ противъ русскихъ.

Вступивъ въ командованіе Дунайскою арміею, кн. Багратіонъ не могъ себѣ выяснить никакого опредѣ-

ленна́го плана своего предшественника. «Я стараюсь отыскать, доносилъ онъ Императору отъ 19 августа, общій планъ военныхъ операцій покойнаго главнокомандующаго, на нынѣшнюю кампанію, но въ бумагахъ его я ничего не нашелъ. Съ самаго моего прибытія къ нему въ Галацъ, нашелъ я его въ крайней слабости.

«Онъ иногда сообщалъ мнѣ мысли свои, но только частно, по нѣкоторымъ предметамъ и обстоятельствамъ; а никогда не говорилъ объ общемъ планѣ для дѣйствующей арміи. Такимъ образомъ, общій планъ его мнѣ вовсе неизвѣстенъ» [1]).

Новому главнокомандующему предстояло внести въ операціи Дунайской арміи ту энергію, которая составляла выдающуюся черту его характера. Войска приняли назначеніе новаго главнокомандующаго съ восторгомъ, такъ какъ имя Багратіона стало любимымъ именемъ въ русской арміи, послѣ славнаго боя при Голабрюнѣ въ 1805 году.

Занятіе Тульчи и Исакчи достаточно показало, что непріятель былъ очень слабъ на низовьяхъ Дуная. Поэтому кн. Багратіонъ рѣшился быстро развить дѣйствія за Дунаемъ, овладѣть Мачиномъ и Гирсово, заставить сдаться Браиловъ и Измаилъ и, въ тоже время, съ главными силами арміи, двинуться къ Силистріи. Имѣя въ виду возможность наступленія главной турецкой арміи отъ Шумлы для защиты Силистріи, князь Багратіонъ, для скорѣйшаго усиленія своихъ главныхъ силъ, приказалъ корпусу Милорадовича, бывшаго въ движеніи къ Галацу, повернуть вправо, чтобы перейти Дунай ниже Галаца, у Мачина или Гирсово, овладѣніе которыми поэтому являлось настоятельно необходимымъ.

Овладѣніе Мачиномъ возлагалось на отрядъ г.-м. Маркова, который съ этою цѣлью былъ усиленъ отъ

---

[1]) Подлинныя донесенія кн. Багратіона 1809 г. В. Уч. Арх. № 1384.

корпуса г.-л. Засса, полкомъ пѣхоты и гусаръ, при 10 батарейныхъ орудіяхъ и ротой конной артиллеріи.

Это составило въ отрядѣ Маркова до 5.000 челов. съ 100 казаковъ.

14 августа отрядъ подошелъ къ Мачину и расположился въ одну линію, для нагляднаго увеличенія своей численности, на высотахъ къ сѣверу отъ крѣпости.

Въ ночь на 15 число, на берегу Дуная, верстахъ въ двухъ выше Мачина, устроена батарея на 6 орудій, для воспрепятствованія сообщенію крѣпости съ Браиловымъ.

Въ слѣдующую ночь, на 16 августа, саженяхъ въ 300 отъ крѣпости, вырыта была первая параллель и въ ней установлено 14 батарейныхъ орудій, 2 мортиры и 1 осадный единорогъ, которые и открыли сильный огонь съ утра 16 числа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 15 числа, была занята егерями отъ 13-го егерскаго полка мечеть, бывшая всего въ 300 саженяхъ отъ крѣпости. Сильный огонь зажегъ предмѣстье Мачина, и въ крѣпости обнаружилось сильное смятеніе. Когда же въ ночь съ 16 на 17 число, на западной сторонѣ крѣпости у самаго Дуная, была возведена еще одна батарея на 6 орудій, то гарнизонъ крѣпости не могъ болѣе сопротивляться и предложилъ сдачу.

18 числа Марковъ занялъ Мачинъ. 338 чел. гарнизона сдались военноплѣнными. Занятіе Мачина было весьма важно, въ отношеніи обезпеченія тыла арміи, при дальнѣйшемъ ея движеніи за Дунаемъ. Бабадагъ, какъ уже было сказано, былъ занятъ г.-л. Платовымъ, еще 2 августа. Ближайшею теперь задачею было овладѣніе Гирсовымъ, что и возлагалось на авангардъ главной арміи, т. е. на отрядъ Платова.

Занявъ Бабадагъ, Платовъ выслалъ партіи къ берегамъ Чернаго моря. Генералъ-маіоръ Иловайскій 1 вступилъ 5 августа въ Кара-Арманъ. На другой день

г.-м. Денисовъ вступилъ въ Каргалыкъ, а старшина Иловайскій II занялъ Казимчи, куда прибылъ 9 августа и весь отрядъ Платова. Центральное положеніе Казимчи дозволяло разсылать разъѣзды къ Гирсово и вообще къ Дунаю, къ Черному морю и къ Траянову валу.

Имѣя приказаніе овладѣть Гирсовымъ, Платовъ выслалъ 13 августа небольшой отрядъ г.-м. Иловайскаго къ Гирсову.

Въ семи верстахъ отъ крѣпости, Иловайскій былъ замѣченъ непріятелемъ, сдѣлавшимъ вылазку изъ Гирсова. Иловайскій отразилъ нападеніе, вогналъ непріятеля въ крѣпость и обложилъ ее. Вслѣдъ затѣмъ, 17-го числа прибылъ къ Гирсову и остальной отрядъ г.-л. Платова. Въ подкрѣпленіе Платова кн. Багратіонъ выслалъ къ Гирсову и отрядъ г.-л. Маркова, какъ только онъ успѣлъ овладѣть Мачиномъ. Марковъ былъ усиленъ двумя полками изъ отряда г.-л. Засса.

Оставивъ длл занятія Мачина двѣ роты пѣхоты и одинъ баталіонъ гренадеръ, на полуостровѣ Кунцефанѣ, отрядъ Маркова двинулся къ Гирсово 19 августа.

Прибывъ въ Гирсово, и имѣя при отрядѣ 20 орудій полевой артиллеріи, г.-л. Платовъ, немедленно, приступилъ къ заложенію подъ крѣпостью трехъ батарей, которыя и были вооружены 12 орудіями. Утромъ 18 числа батареи открыли сильный огонь по крѣпости и произвели въ ней пожаръ. Тѣмъ не менѣе, турки упорно защищались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Платовъ выслалъ разъѣзды по дорогамъ къ Силистріи и къ Траянову валу, которые вскорѣ и дали знать, что силистрійскій Хозревъ-Мегметъ паша, выслалъ къ Россеватѣ 5.000 отрядъ, чтобы поддержать Гирсовскій гарнизонъ. Это заставило Платова отрядить къ Россеватѣ шесть полковъ казаковъ, при г.-м. Денисовѣ 6. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ схва-

токъ съ казаками, турки не рѣшились продолжать дальнѣйшее движеніе, и остались въ Россеватѣ.

Гарнизонъ Гирсово, потерявъ надежду на помощь, и сильно терпя отъ огня нашей артиллеріи, выслалъ 20 числа двухъ переговорщиковъ, предлагавшихъ сдачу, требовавшихъ свободнаго выхода гарнизона.

Платовъ отказалъ въ этомъ требованіи и назначилъ два дня для окончательной сдачи крѣпости, съ ея гарнизономъ.

22 августа Гирсовъ сдался безусловно, съ 20 орудіями и значительными военными запасами.

Сдача Гирсова имѣла то важное значеніе, что доставляла возможность установить болѣе удобное сообщеніе съ валахскимъ корпусомъ Ланжерона, и поддержать его, если бы непріятель сталъ угрожать Бухаресту. Поэтому приступлено было къ устройству моста черезъ Дунай у Гирсова. Валахскій диванъ долженъ былъ доставить для этого нужные матеріалы. До окончанія-же моста переправа производилась на паромахъ.

Въ это время главная армія кн. Багратіона, выступивъ 20 августа изъ Мачина, двинулась на Гирсово, съ цѣлью дальнѣйшаго слѣдованія къ Силистріи. Для обезпеченія тыла арміи оставалось только овладѣть Измаиломъ и Браиловымъ.

Нерѣшительность дѣйствій г.-м. Волкова противъ Измаила, вынудили главнокомандующаго передать отрядъ его г.-л. Зассу, который, сдавъ корпусъ гр. Каменскому 1-му, взялъ отъ него одинъ казачій полкъ и піонерную роту, съ которыми и прибылъ къ Измаилу, 23 числа.

Придя въ Гирсово 24 числа, кн. Багратіонъ, въ виду приближенія къ главнымъ непріятельскимъ силамъ, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Всѣ тяжести и больные расположены, вагенбургомъ, въ Гирсово.

Корпусъ Милорадовича, въ составѣ 3.500 человѣкъ пѣхоты, 1.000 челов. кавалеріи и 44 орудій, прибывшій

въ Мачинъ 21 августа, получилъ приказаніе быть къ 25 числу въ Гирсово.

Такъ какъ получено было извѣстіе, что непріятельскій флотъ стоитъ у Кара-Армана, то кн. Багратіонъ опасался, чтобы, во время удаленія его отъ Гирсова къ Силистріи, турки не сдѣлали дессанта, и не направились къ Бабадагу на наши сообщенія.

Поэтому гр. Каменскому 1-му, занимавшему Исакчу, приказано было выслать отрядъ для занятія Бабадага и, вообще, обезпечивать тылъ арміи.

Въ тоже время, для развлеченія непріятельскихъ силъ за Дунаемъ, отрядъ г.-м. Исаева былъ усиленъ Тираспольскимъ драгунскимъ полкомъ, съ приказаніемъ перейти Дунай и поддержать сербовъ.

Занять турокъ со стороны Малой Валахіи было тѣмъ болѣе необходимо, что иначе можно было ожидать ихъ набѣговъ на лѣвый берегъ Дуная, со стороны Сербіи.

Такъ, еще въ среднихъ числахъ августа, значительная партія турокъ, перейдя Дунай между Кладово и Орсовою [1]), сильно аттаковала отрядъ полковника Желтухина, на позиціи у Чернеца, и заставила его отступить. Получивъ объ этомъ извѣстіе, г.-л. Ланжеронъ, не смотря на то, что самъ имѣлъ подъ ружьемъ не болѣе 2.000 человѣкъ, немедленно отправилъ 17 числа Олонецкій мушкетерскій полкъ, въ составѣ 800 человѣкъ, на помощь Исаеву, приказавъ ему, во чтобы ни стало, выбить турокъ изъ Чернеца. Но еще до прибытія подкрѣпленія, Исаевъ выслалъ къ Чернецу полковника Ахта, съ Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ, который аттаковалъ турокъ и овладѣлъ непріятельскою позиціей. Турки, понеся сильныя потери, возвратились за Дунай. Тѣмъ не менѣе, лучшимъ средствомъ заставить ихъ не

---

[1]) Орсово или Ореово (Раховъ).

переходить на лѣвый берегъ рѣки, являлось нападеніе на нихъ на той сторонѣ Дуная.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Багратіонъ приказалъ резервному корпусу Ланжерона открыть наступленіе къ Журжѣ, чтобы заставить непріятеля раздѣлить свои силы между Рущукомъ и Силистріей, которая составляла главный предметъ дѣйствій кн. Багратіона.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію рѣшительныхъ встрѣчъ съ турками за Дунаемъ, необходимо указать на расположеніе непріятельскихъ силъ.

Мы видѣли, что еще въ маѣ мѣсяцѣ, главная турецкая армія, въ числѣ до 50.000 человѣкъ, была собрана въ Шумлѣ. Невозможность ожидать наступленія русскихъ, до спаденія воды въ Дунаѣ, привела визиря Юсуфъ-пашу къ мысли, сломить, тѣмъ временемъ, сербовъ, чтобы имѣть затѣмъ свободную армію противъ русскихъ, на нижнемъ Дунаѣ.

Поэтому въ Сербію было выслано до 30.000 челов. регулярной арміи, и мы видѣли что, къ концу августа, вся Сербія была уже занята непріятелемъ.

Рѣшительное наступленіе кн. Багратіона за Дунаемъ заставило визиря принять всѣ мѣры къ поспѣшному выводу своихъ войскъ изъ Сербіи, и сосредоточенію арміи на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ.

Въ началѣ августа положеніе турокъ за Дунаемъ было слѣдующее:

На лѣвомъ флангѣ, въ Виддинѣ, Мулла-паша, до 20.000 челов.

Въ центрѣ, въ Рущукѣ, армія Боснякъ-аги; между Рущукомъ и Туртукаемъ — Эликъ-Оглу. У Силистріи— Хозревъ-Магметъ-паша до 10.000. Въ самой Силистріи находились Саидъ-Оглу и извѣстный Пегливанъ-паша. Почти всѣ эти начальники турецкихъ войскъ были во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Такъ, Мулла-паша былъ врагомъ рущукскаго Боснякъ-аги, а послѣд-

ній находился въ такихъ-же отношеніяхъ къ Эликъ-Оглу. Сверхъ того, Боснякъ-ага былъ осужденъ султаномъ на смерть. Овладѣть его личностью было поручено Хозревъ-Магметъ-пашѣ, который съ этою цѣлью, оставивъ изъ своей арміи 2·000 челов. у Туртукая, подступилъ къ Рущуку съ остальными 8.000 челов., за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ корпусъ Милорадовича произвѣлъ приступъ къ Журжѣ.

Эликъ-Оглу былъ тайнымъ сторонникомъ Россіи, еще съ 1807 года, и получилъ отъ бывшаго главнокомандующаго арміею, Михельсона, болѣе 20.000 червонцевъ, за обѣщанныя услуги, которыхъ, впрочемъ, не оказалъ.

Эликъ Оглу расчитывалъ на назначеніе его начальникомъ силистрійскаго округа, и потому сильно интриговалъ и противъ Хозрева паши и противъ Пегливана, дѣйствуя противъ послѣдняго, даже оружіемъ. Два раза разбитый Эликомъ, Пегливанъ не считалъ себя безопаснымъ въ Силистріи, гдѣ была сильная партія приверженцевъ Элика. Поэтому, ослабленныя пораженіемъ войска Пегливана, занимали слабыми отрядами *правый* флангъ турецкой арміи, въ Исакчи, Тульчѣ, Мачинѣ, Гирсово, Бабадагѣ, Базарджикѣ и Кузгунѣ, которыя, кромѣ двухъ послѣднихъ, были уже въ августѣ заняты нашими войсками.

Взаимная вражда турецкихъ начальниковъ на Дунаѣ, несомнѣнно была выгодна для предпріятій нашей арміи.

Подобныя явленія въ турецкой арміи не были случайными, но являлись, какъ хроническое послѣдствіе той системы, которой издавна держалось турецкое правительство, въ мирное время. На всемъ пространствѣ отъ Измаила до Виддина, паши измаильскій, браиловскій, силистрійскій, рушукскій, виддинскій, составляли каждый особое государство въ государствѣ. Правительство дозволяло имъ обирать и даже грабить болгарское населеніе. Современемъ, каждый паша составлялъ свою

шайку грабителей, открывъ въ нее свободный доступъ всѣмъ дезертирамъ изъ турецкой арміи.

Въ дезертирахъ недостатка не было, такъ какъ служить на награбленныя деньги было гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ правительственныхъ войскахъ. Грабежи приносили несмѣтныя богатства пашамъ; шайки ихъ, извѣстныя подъ названіе *кирджаліевъ*, постоянно увеличивались; паши рѣшали взаимные споры оружіемъ, отказывались вносить въ казну подати съ своихъ округовъ а иногда, когда правительство предпринимало противъ нихъ рѣшительныя мѣры и высылало войска, — разбивали ихъ или переманивали на свою сторону, представленіемъ имъ большихъ выгодъ.

Въ прежнее время, только опасность отъ внѣшняго врага прекращала распри пашей между собою, и они употребляли общія усилія для отраженія непріятеля и защиты своихъ округовъ, понимая что, иначе, каждый изъ нихъ можетъ быть уничтоженъ отдѣльно и рушится порядокъ вещей, поддерживать который они имѣли столько интересовъ. Но въ послѣднее время, даже инстинктъ самосохраненія былъ заглушенъ чувствомъ вражды и эгоизма, и турецкіе паши, не рѣдко, не поддерживали другъ друга, не заботились общимъ ходомъ дѣла, а думали только о личныхъ своихъ выгодахъ. Сила турецкихъ войскъ, или вѣрнѣе войска пашей, занимавшихъ Дунайскія крѣпости, и вообще охранявшихъ теченіе Дуная, простирались до 40.000 челов.

Собственно говоря, войсками этими визирь не могъ располагать по собственному усмотрѣнію. Неимѣніе денежныхъ средствъ пряпятствовало главной визирской арміи выступить изъ Константинополя. Доставленная, наконецъ, субсидія изъ Англіи, дала возможность визирю собрать до 50.000 человѣкъ, съ которыми онъ и выступилъ изъ Константинополя въ Шумлу 24 іюня.

Отсюда, до 30.000 этой арміи направлено было въ Сербію, гдѣ вмѣстѣ съ войсками, набранными въ Босніи, образовалась турецкая армія, не менѣе 50.000 человѣкъ.

Въ началѣ сентября, визирь приказалъ большей части находившихся въ Сербіи войскъ, спѣшить къ Рущуку, на соединеніе съ главными своими силами.

Визирская-же армія, силою до 40.000 человѣкъ, продолжала стоять у Шумлы.

По имѣвшимся о намѣреніяхъ визиря свѣдѣніямъ, было извѣстно и оказалось вѣроятнымъ, что планъ турокъ состоялъ въ слѣдущемъ.

Подобно тому какъ и въ 1807 году, главная турецкая армія должна была перейти Дунай у Силистріи и отъ Калараша двинуться для овладѣнія Бухарестомъ.

Въ тоже время, браиловскій гарнизонъ производитъ набѣги внутрь Валахіи, на сообщенія валахскаго корпуса.

Этимъ движеніемъ визирь имѣлъ въ виду, занять Бухарестъ, съ его обширными запасами; отрѣзать корпусъ Ланжерона отъ главной арміи кн. Багратіона, и тѣмъ принудить ее поспѣшно отступить на лѣвый берегъ Дуная, изъ опасенія потерять сообщеніе съ Молдавіей. Визирь, казалось, упускалъ изъ вида то обстоятельство, что его собственнымъ сообщеніямъ угрожала еще большая опасность, такъ какъ армія кн. Багратіона заняла уже Гирсово.

Но въ то самое время, когда князь Багратіонъ готовился двинуться изъ Гирсова къ Силистріи, визирь, неожиданно, измѣнилъ свой планъ, и отправивъ къ Силистріи только часть своей арміи, въ числѣ до 8.000 чел., двинулся съ остальными 30.000 къ Рущуку, въ намѣреніи переправиться у Журжи и отсюда ударить на Бухарестъ, куда нацравятся также высланные къ Силистріи 8.000 челов., вмѣстѣ съ 7.000 силистрійскихъ войскъ, бывшихъ у Хозрева-паши, къ которому

присоединились уже Оглы-Иликъ Оглу, Яуръ, Гассанъ и Тулумъ-Оглу.

Разъѣзды, высланные къ Дунаю изъ корпуса гр. Ланжерона, донесли 23 августа, что у Рущука замѣченъ большой непріятельскій лагерь, вновь прибывшаго войска. Тогда, на другой день, былъ высланъ для ближайшей рекогносцировки полковникъ Грековъ 8-й, составлявшій авангардъ корпуса Ланжерона.

Грековъ нашелъ, что большая часть турецкой арміи перешла уже Дунай и стоитъ у Журжи.

Не сомнѣваясь въ наступательныхъ предпріятіяхъ турокъ, гр. Ланжеронъ, немедленно, увѣдомилъ о томъ г.-л. Эссена 3-го, стоявшаго у Обилешти; и такъ какъ корпусъ этотъ былъ ему подчиненъ, то приказалъ быть въ полной готовности къ выступленію, куда потребуется.

Вечеромъ 25 августа, Ланжерону были представлены двѣ женщины, бѣжавшія изъ Журжи, которыя дали весьма важныя показанія о намѣреніяхъ визиря. Онѣ заявили, что въ Журжу прибылъ самъ визирь, съ 30.000 арміею, и намѣренъ напасть на Бухарестъ, направляясь на Госвигнари. Въ тоже время, 3.000 человѣкъ, двинутся туда-же, отъ Туртукая и 3.000 отъ Турно.

Такія обстоятельныя показанія, сообщенныя женщинами, заставляли сперва предполагать какую-нибудь мистификацію. Можно было думать, что обѣ женщины нарочно подосланы, такъ какъ до сихъ поръ было извѣстно, что визирская армія слѣдуетъ къ Силистріи.

Но недоразумѣнія не могли имѣть мѣста въ виду, дѣйствительно, большихъ непріятельскихъ силъ, стоявшихъ у Журжи, которыя нельзя было не признать за главную армію самаго визиря.

Впослѣдствіи обстоятельства разъяснились.

Всѣ валахскіе бояры были, въ тайнѣ, весьма враждебны русскимъ интересамъ, зная, что Россія требуетъ присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ ея владѣніямъ.

Бояры, натурально, желали остаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ Портѣ, выплачивая ей годичную дань и вполнѣ господствуя у себя дома.

Поэтому Ланжеронъ пишетъ въ своемъ журналѣ [1]).

«Всѣ бояры, будучи преданы туркамъ, имъ служили за шпіоновъ, препятствовали всякое продовольствіе войскъ, оставили оныя безъ провіанта и безъ фуража; отказались отъ снабженія нужныхъ припасовъ для госпиталей, подводъ и прочаго, что имъ весьма удобно было учинить потому, что главное управленіе княжества находилось въ рукахъ перваго непріятеля Россіи».

Этотъ врагъ Россіи былъ хитрый грекъ Филипеско, умѣвшій заручиться полнымъ расположеніемъ къ нему г.-л. Милорадовича, слишкомъ довѣрчиваго и не сознававшаго что, назначая Филипеско главою валахскаго дивана, онъ давалъ просторъ интригѣ, направленной противъ русскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, какъ въ Сербіи Младенъ и Милое, такъ и въ Валахіи, грекъ Филипеско, имѣя въ рукахъ полную власть, направлялъ ее ко вреду русскихъ, такъ какъ существующій порядокъ вещей въ Турціи давалъ грекамъ возможность обдѣлывать свои дѣла съ помощію подкуповъ, имѣть вліяніе въ странѣ и подготовлять осуществленіе — «великой идеи» — идеи возстановленія древне греческаго королевства.

Къ тому-же, Филипеско былъ крайній приверженецъ князя Суцо, бывшаго господаря Валахіи, смѣненнаго по настояніямъ Россіи. Суцо находился постоянно при визирѣ и былъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ какъ съ Филипеско, такъ и со многими боярами. Всѣ эти сношенія производились черезъ Систово, гдѣ, какъ нарочно, не было поставлено ни одного русскаго солдата.

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1353.

Кн. Прозоровскій давно уже имѣлъ подозрѣнія относительно Филипеско и указывалъ на его неблагонадежность Милорадовичу, который, влюбленный въ его дочь, казалось былъ совершенно ослѣпленъ хитрымъ грекомъ, и потому всегда защищалъ его. Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскій, за нѣсколько дней до своей смерти, приказалъ сенатору Кушникову, предсѣдательствующему обоихъ дивановъ княжествъ, арестовать всю фамилію Филипеско и препроводить ее въ Яссы.

Что-же касается лично до Милорадовича, то кн. Прозоровскій писалъ кн. Багратіону отъ 5 августа.

«Корпусъ Милорадовича отправьте къ Галацу; а самъ г. Милорадовичъ, когда хочетъ остаться въ Бухарестѣ, то сіе въ его волѣ. Тогда корпусъ его поручите г.-м. графу Цукато».

Но по смерти кн. Прозоровскаго, Милорадовичъ не хотѣлъ оставаться въ Бухарестѣ безъ своихъ войскъ, а приказъ объ арестованіи Филипеско былъ оставленъ безъ исполненія.

Окруживъ себя греками Фока, Белло, Годжимоски, Росланетъ и другими, Филипеско долго еще продолжалъ вести интриги, хотя, съ назначеніемъ въ Бухарестъ гр. Ланжерона, это было дѣлать гораздо труднѣе [1]).

Ланжеронъ не довѣрялъ ни боярамъ, ни въ особенности Филипеско. Лично при немъ, долженъ былъ состоять, по дѣламъ гражданскимъ, депутатъ отъ валахскаго дивана. Филипеско назначилъ на эту должность своего шпіона. «Будучи окруженъ измѣнниками, говоритъ гр. Ланжеронъ въ своемъ журналѣ, принужденъ я былъ весьма остерегаться, и собственноручно, или рукою вѣрнаго мнѣ адъютанта, писать всѣ мои повелѣнія къ

---

[1]) Только въ 1810 году Филипеско, со всей своей фамиліей, былъ выланъ въ Россію, какъ преступникъ. Но онъ успѣлъ увезти съ собою нѣсколько милліоновъ, набранныхъ имъ въ Валахіи.

генераламъ и всѣ мои донесенія къ генералу кн. Багратіону. Я ихъ никогда не велѣлъ въ своемъ журналѣ заносить, мѣсячныхъ рапортовъ не отправлялъ, опасаясь, чтобъ писарь моей канцеляріи не былъ подкупленъ, и чтобы не обнаружилось намѣреніе мое или сила моя.

Но не смотря на всѣ эти предосторожности, какъ только корпусъ Милорадовича выступилъ изъ Обилешти къ Бухаресту и далѣе къ Галацу, Филипеско увѣдомилъ о томъ кн. Суцо давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, знать, что въ Бухарестѣ очень мало русскихъ, да и во всей Валахіи ихъ насчитывается не болѣе 4000 челов.

По этому онъ совѣтовалъ визирю идти прямо на Бухарестъ, овладѣть тамошними складами и заставить армію кн. Багратіона отступить за Дунай.

Это происходило въ десятыхъ числахъ августа, когда кн. Багратіонъ, только что принялъ начальство надъ арміею, и былъ еще у Галаца. Визирь послѣдовалъ совѣту кн. Суцо, и не принялъ во вниманіе, что обстоятельства уже измѣнились, и что армія кн. Багратіона, быстро двигаясь къ югу, была уже у Гирсово, въ то время какъ визирская армія собралась въ Журжѣ; что пройдетъ еще нѣсколько дней и русская армія подойдетъ уже къ Силистріи, угрожая тылу турецкихъ войскъ, которымъ предстояло еще многое сдѣлать въ Валахіи. Къ тому-же, Филипеско не зналъ, что въ распоряженіи гр. Ланжерона находится весь корпусъ г.-л. Эссена 3-го, прибывшій въ Обилешти изъ Бузео, миновавъ Бухарестъ. Поэтому и визирь, наступая къ Бухаресту изъ Журжи, расчитывалъ имѣть дѣло съ одними только войсками Ланжерона, съ которыми надѣялся покончить однимъ ударомъ.

Слухъ о наступленіи визирской арміи къ Бухаресту навелъ паническій страхъ на его жителей и, въ особенности, на купцовъ. Бояры-же, въ тайнѣ желавшіе прибытія турокъ, распускали тревожные слухи, преу-

величивали армію визиря и указывали на совершенное ничтожество русскихъ войскъ. Многіе начали выѣзжать изъ города. Бояры-же не уѣзжали, а только имѣли на дворахъ своихъ домовъ готовые экипажи и повозки, чтобы показать, что и они въ тревогѣ. Что-же касается до Филипеско, то онъ заготовилъ у себя цѣлый транспортъ, изъ пятнадцати подводъ, но не трогался съ мѣста, зная, что ему бояться нечего.

Не смотря на свое громадное превосходство въ силахъ, визирь двигался чрезвычайно медленно.

Между тѣмъ, гр. Ланжеронъ, собравъ все что можно было собрать, выступилъ изъ Бухареста къ Филаштоку, на встрѣчу визирской арміи, приказавъ, въ то же время, корпусу Эссена 3-го идти, туда-же, изъ Обилешти форсированнымъ маршемъ. Въ Бухарестѣ оставлены были только два резервные баталіона Нижегородскаго и Камчатскаго полковъ которые, вмѣстѣ, имѣли подъ ружьемъ не болѣе 200 человѣкъ.

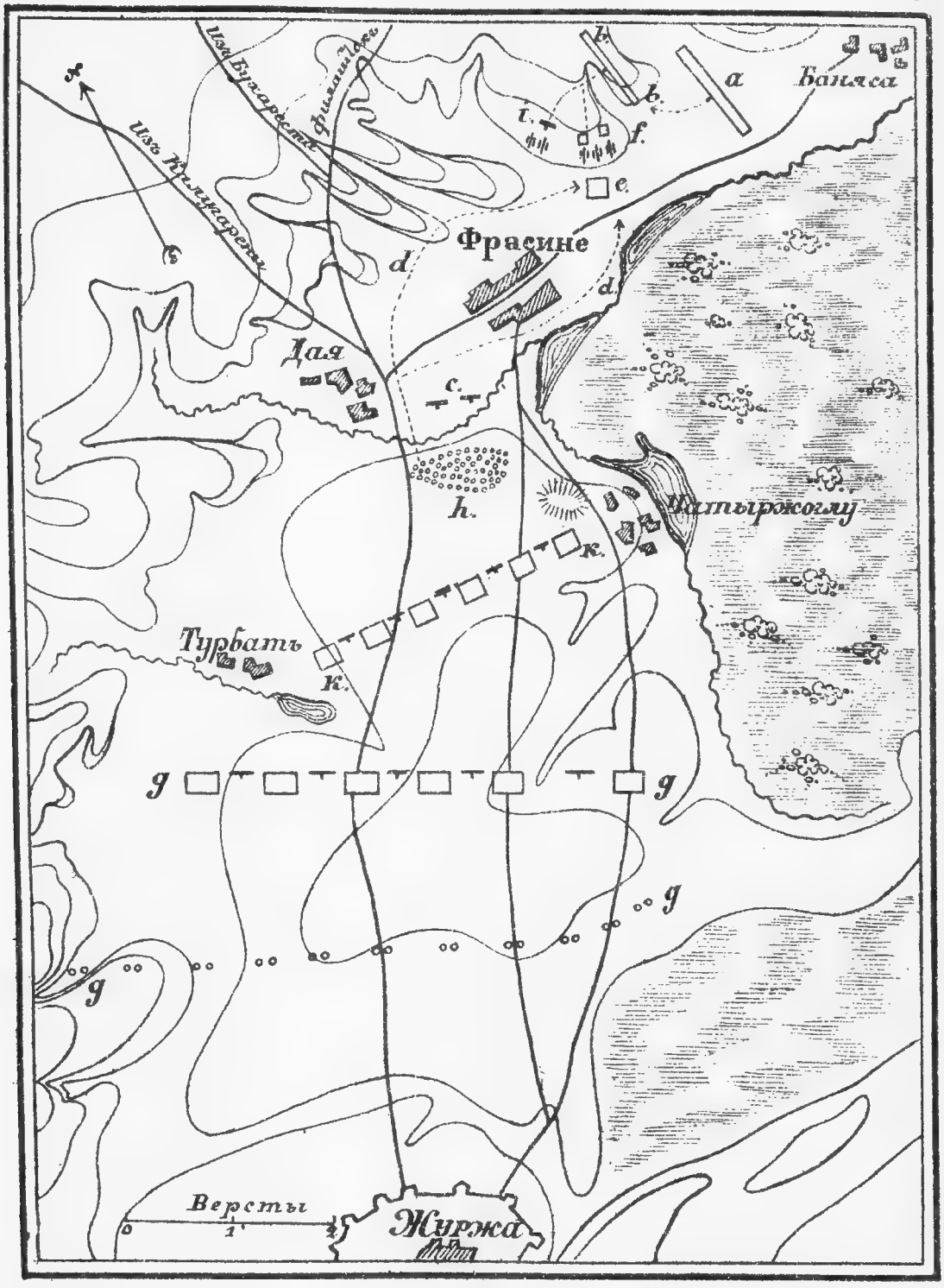
Для успокоенія жителей, гр. Ланжеронъ приказалъ составить еще 2 баталіона и 2 эскадрона кавалеріи изъ выздоравливающихъ въ Бухарестѣ больныхъ, которые и исполняли гарнизонную службу.

27 августа у Филаштока оба корпуса соединились, имѣя подъ ружьемъ 6323 ч. Оставивъ здѣсь Нижегородскій мушкетерскій полкъ (180 челов.) для прикрытія моста въ Филаштокѣ, гр. Ланжеронъ выступилъ 28 числа къ Журжѣ, пройдя длинныя лѣсныя дефиля впереди Филаштока, безъ всякой задержки со стороны непріятеля. Къ вечеру войска наши расположились, бивакомъ, въ 15 верстахъ отъ Журжи.

Съ этой позиціи до самой Журжи, мѣстность вездѣ открытая, что даетъ возможность видѣть издали движеніе непріятеля, и опредѣлить его силы.

Вообще между Журжей и Бухарестомъ, есть нѣсколько позицій. Одна изъ нихъ находится на р. Саборѣ

Планъ №4 Сраженіе при Фрасине 29го Авг. 1809 г.



у Синтешти. Она отстоитъ всего въ 12 верстахъ отъ Бухареста. Ожидать на ней непріятеля, значило отдать ему на жертву почти все пространство до Дуная.

Другая позиція, отчасти уже укрѣпленная, на которой долго стоялъ лагерь корпуса Милорадовича, была на правомъ берегу рѣки Аржиса, при Копочени. Но мѣстность впереди Копочени очень закрытая и лѣсистая.

Непріятель могъ свободно дѣлать обходы этой позиціи, не дозволяя опредѣлить, гдѣ настоящая и гдѣ фальшивая аттака. Къ тому же, въ тылу позиціи находилась значительная рѣка, съ однимъ только узкимъ мостомъ. Въ случаѣ отступленія это могло имѣть весьма дурныя послѣдствія. Сверхъ того, ниже Копочени у Коени (близь Филаштока), былъ на Аржисѣ бродъ, чрезъ который турецкая конница могла перейти легко и угрожать сообщеніямъ съ Бухарестомъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, гр. Ланжеронъ не рѣшился остановиться ни на одной изъ этихъ позицій, равно какъ и при Филаштокѣ, руководствуясь притомъ и указаніями личнаго своего опыта.

«Сдѣлавъ уже четыре кампаніи противъ турокъ, говоритъ онъ въ своемъ журналѣ, научился я противу нихъ воевать, и узналъ, что закрытыя мѣста очень выгодны для нихъ, ибо въ тѣхъ мѣстахъ не можемъ мы удержать ордеръ-де-баталь, нужный противу нихъ. Сверхъ того, извѣстно мнѣ было, что не надобно *туркамъ позволять себя аттаковать*, или ожидать ихъ, *но всегда должно идти имъ на встрѣчу*, и стараться предупредить и разстроить ихъ намѣренія».

Придерживаясь этихъ правилъ, гр. Ланжеронъ, не смотря на то, что былъ въ пять разъ слабѣе, намѣревался аттаковать визиря. — «Съ турками никогда не нужно дѣлать сравненія въ числѣ войскъ», говорилъ онъ.

Тѣмъ не менѣе, чтобы показаться сильнѣе чѣмъ былъ въ дѣйствительности, онъ приказалъ полковнику Турчанинову, занимавшему постъ на р. Ольтѣ, взять съ собою баталіонъ Ладожскаго полка, 200 уланъ Волынскаго полка и казачій полкъ Милентьева, и произвести поискъ къ Турно и Зимницѣ. Опрокинуть, если встрѣтитъ здѣсь, турецкія войска, направленныя къ Бухаресту, и затѣмъ слѣдовать къ Журжѣ. Поискъ этотъ, прикрывая правый флангъ гр. Ланжерона, развлекалъ, въ тоже время, силы непріятеля при Журжѣ, и заставлялъ его думать, что мы сильнѣе, чѣмъ были.

Что же касается до лѣваго фланга гр. Ланжерона то, послѣ ухода корпуса Эссена 3-го изъ Обилештъ, онъ былъ совершенно открытъ. Къ счастью, непріятель не имѣлъ моста у Силистріи, и потому не могъ направить съ этой стороны значительныхъ силъ, внутрь Валахіи.

Впрочемъ, какъ увидимъ, ему было не до того, такъ какъ армія кн. Багратіона была уже не далеко отъ Силистріи.

Утромъ 29 августа, гр. Ланжеронъ двинулся съ позиціи (*a*) еще на четыре версты впередъ [1]) и, расположивъ войска въ закрытой лощинѣ (*b*), выѣхалъ съ авангардомъ полковника Грекова 8-го къ самой непріятельской позиціи, расчитывая выманить турокъ въ поле.

Авангардъ визирской арміи былъ расположенъ на позиціи, между разрушенными деревнями Дая и Фрасине, въ 9 верстахъ впереди Журжи, и состоялъ подъ начальствомъ Боснякъ-Аги. Силы непріятеля доходили до 3.000 челов. янычаръ и конницы. По приближеніи нашего авангарда, турецкій отрядъ отступилъ за ручей Дая (*h*).

Въ авангардѣ Грекова 8-го состояло, 3 баталіона Ладожскаго полка, 2 полка казаковъ, 200 уланъ и 4

---

[1]) Планъ № 4.

орудія донской артиллеріи, которыя расположились впереди деревни Фрасине, прикрываясь ручьемъ, протекавшимъ по долинѣ Дая (*c*).

Въ 7 часовъ утра, 29 августа, Боснякъ-Ага аттаковалъ наши войска, но послѣ четырехъ-часоваго боя, долженъ былъ отступить къ Журжѣ, на соединеніе съ высланными оттуда подкрѣпленіями.

Казаки, неотступно, его преслѣдовали и овладѣли при этомъ однимъ знаменемъ.

Къ 11 часамъ утра, 29 августа, Боснякъ-Ага имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи до 10.000 челов., въ числѣ которыхъ было болѣе 6.000 конницы [1]).

Получивъ эти подкрѣпленія, турки перешли въ наступленіе, направляясь двумя массами на деревню Фрасине и въ обходъ праваго фланга Грекова, по долинѣ Дая (*dd*). Грековъ долженъ былъ отступить на сближеніе съ главными силами и расположился за Фрасине, въ лощинѣ (*e*).

Слѣдуя за нимъ неотступно, турки устремились на крайній его правый флангъ, окруживъ, со всѣхъ сторонъ, стоявшій тамъ 3-й баталіонъ Ладожскаго полка.

Самъ Боснякъ Ага лично велъ аттаку на этотъ баталіонъ. Три турка вскочили даже въ самое карре, но тутъ же были пронизаны штыками.

Боснякъ-Ага, бывшій въ 1807 году, подъ Измаиломъ, часто посѣщалъ русскій лагерь во время перемирія, и зналъ нѣсколько по-русски. Подскакавъ къ Ладожскому карре, шаговъ на 20, онъ закричалъ по-русски: сдавайтесь! Нѣкоторые солдаты узнали его и со словами— вонъ Боснякъ! пустили въ него нѣсколько пуль, изъ которыхъ одна сильно ранила его въ руку. Не смотря на всѣ усилія и свое превосходство въ силахъ, турки не могли сбить Грекова съ его позиціи.

---

[1]) Подробности сообщены Боснякъ-Агою гр. Ланжерону въ 1810 году.

Между тѣмъ, гр. Ланжеронъ, видя затруднительное положеніе авангарда, выслалъ на подкрѣпленіе его, отъ главныхъ силъ, Нашебургскій пѣхотный и Тверской драгунскій полки, при 6 орудіяхъ батарейной и 6 оруд. конной артиллеріи. Генер. м. Ермоловъ, построивъ свой Нашебургскій полкъ въ два карре, сталъ на высотахъ (*f*) и, выдвинувъ на позицію батареи, открылъ губительный огонь—во флангъ противнику.

Вскорѣ прибыли къ мѣсту боя войска ген.-л. Эссена 3, которыя, вмѣстѣ съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ, совершенно окружили лѣвый флангъ противника (*i*). Тогда, какъ прибывшія войска, такъ и авангардъ, при которомъ постоянно находился гр. Ланжеронъ, перешли въ общее наступленіе.

Турки были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ и, потерявъ до 900 челов., бѣжали къ Журжѣ. Казаки преслѣдовали ихъ 5 верстъ и взяли 2 знамени. Наша потеря состояла изъ 170 челов. убитыхъ и раненыхъ [1]).

На другой день, гр. Ланжеронъ подошелъ къ Журжѣ, и поставилъ всѣ свои войска въ четырехъ верстахъ отъ нея, на позиціи (*g*), расположивъ ихъ—шестью карреями въ линію, и имѣя кавалерію въ интервалахъ между карре. На этой позиціи войска наши простояли до вечера 30 августа, въ ожиданіи наступленія непріятеля, со всѣми его главными силами. Но турки не смѣли выйти изъ крѣпости, почему гр. Ланжеронъ, вечеромъ, отошелъ нѣсколько верстъ назадъ, на позицію между Турбатомъ и Чадырджоглу (*кк*), гдѣ и стоялъ, въ напрасномъ ожиданіи наступленія противника.

Сраженіе при Фресинѣ было весьма важно, въ томъ отношеніи, что надолго обезпечивало Валахію отъ вторженія непріятеля. Но результаты его могли бы

---

[1]) Журналъ гр. Ланжерона. Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1353.

быть несравненно рѣшительнѣе, если бы гр. Ланжеронъ ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, какъ это совѣтовалъ ему г.-л. Эссенъ 3.

Скрывая большую часть своего корпуса, и введя въ дѣло не болѣе 3.000 челов., гр. Ланжеронъ имѣлъ въ виду обмануть визиря, насчетъ своей числительности, и тѣмъ побудить его выступить въ поле, для аттаки его позиціи, что дало-бы возможность разбить всю визирскую армію. Но наступленія турокъ не послѣдовало, а между тѣмъ, былъ упущенъ случай, если не уничтожить весь 10.000 отрядъ Босняка-Аги то, по крайней мѣрѣ, отбить у него всѣ пушки.

Простоявъ до 4 сентября на позиціи у деревни Турбатъ, гр. Ланжеронъ, узнавъ о намѣреніи непріятеля переправиться у Туртукая, для нападенія на Бухарестъ, отступилъ вмѣстѣ съ корпусомъ Эссена къ Копочени, выславъ къ сторонѣ Туртукая, въ Будешти, Нижегородскій мушкетерскій и С.-Петербургскій драгунскій полки, при ген.-м. Мантейфелѣ.

На случай-же, если-бы турки возобновили наступленіе отъ Журжи, гр. Ланжеронъ имѣлъ въ виду взять изъ Бухареста до 2.000 чел. изъ выздоровѣвшихъ больныхъ, и со всѣми оставшимися войсками, снова идти на встрѣчу непріятеля и искать съ нимъ столкновенія въ полѣ.

Хотя позицію при Копочени, гр. Ланжеронъ находилъ, во многихъ отношеніяхъ, не удобною, но занялъ ее, чтобы воспользоваться бывшими уже тамъ землянками и шалашами, устроенными еще Милорадовичемъ.

Приказавъ отряду полковника Турчанинова, стать между Мачурою и Русе-де-Веде; и выставивъ у Фресине казачьи пикеты для наблюденія за Журжей, гр. Ланжеронъ оставался на позиціи при Копочени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отрядъ г.-м. Мантейфеля, переведенъ изъ Будешти въ Гастинари, а Выборгскій мушкетерскій

полкъ поставленъ въ Ольтеницѣ, для ближайшаго наблюденія со стороны Туртукая.

Но непріятель ничего не предпринималъ, такъ какъ озабоченъ былъ приближеніемъ къ Силистріи арміи кн. Багратіона, къ дѣйствіямъ которой и обратимся.

Мы видѣли, что у Гирсово были уже сосредоточены—корпусъ Маркова и авангардный отрядъ Платова. Ожидалось только прибытія къ 25 августа корпуса Милорадовича, который пришелъ только 26 числа.

Соединивъ, такимъ образомъ, всю свою армію за Дунаемъ, численностію до 25.000 челов., при чемъ пѣхоты было 20.000 чел., кн. Багратіонъ немедленно открылъ дальнѣйшее наступленіе къ Силистріи. Для обезпеченія своего тыла, на случай высадки непріятеля со стороны Чернаго моря, рѣшено было, прежде приступа къ Силистріи, предупредить турокъ овладѣніемъ всею линіею Траянова вала, между Кюстенджи и Черноводами, такъ какъ были получены извѣстія, что непріятель направляется къ Траянову валу, съ цѣлью занять и укрѣпить его, что потребовало-бы отъ насъ значительныхъ усилій для овладѣнія имъ.

Поэтому кн. Багратіонъ, еще въ Гирсовѣ, раздѣлилъ свою армію на три части:

Лѣвое крыло: корпусъ г.-л. Маркова—8 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ кавалеріи, одинъ полкъ казаковъ при 10 батарейныхъ и 3 орудіяхъ конной артиллеріи, назначались для овладѣнія Кюстенджи.

Центръ, при г.-м. Платовѣ, гдѣ находился и кн. Багратіонъ, состоялъ изъ 13 баталіоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ кавалеріи и 9 казачьихъ полковъ, роты батарейной роты конной артиллеріи; одной роты піонеръ и 20 понтоновъ, долженъ былъ занять Карасу.

Лѣвое крыло корпусъ Милорадовича, изъ 10 баталіоновъ пѣхоты: 15 эскадроновъ кавалеріи, 2 казачьи

полка, одна рота конной и 19 орудій пѣшей артиллеріи, имѣло приказаніе двинуться къ Черноводамъ.

Въ это время было получено извѣстіе, что непріятель выслалъ часть войскъ къ Кюстенжди, чтобы утвердиться на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Это заставило кн. Багратіона поспѣшить движеніемъ къ этой крѣпости; причемъ, кромѣ корпуса Маркова былъ направленъ туда-же и корпусъ Платова, при которомъ находился и кн. Багратіонъ.

Оба эти корпуса выступили изъ Гирсово 26 августа. Корпусъ-же Милорадовича двинулся къ Черноводамъ только 27 числа, чтобы не подвергнуться преждевременному нападенію со стороны Расеваты, гдѣ стоялъ Хозревъ-паша съ 15.000 челов., для закрытія дороги въ Силистрію.

Въ самомъ-же Гирсово, какъ для прикрытія моста, такъ и для прерванія сообщенія между Силистріей и Браиловымъ, оставленъ былъ небольшой отрядъ, при капитанъ-лейтенантѣ Центиловичѣ.

29 августа, Милорадовичъ занялъ Черноводы.

Корпуса же Маркова и Платова, прибывъ 28 числа въ Карамуратъ, подошли на другой день къ Кюстенжи, въ которой находилось до 2.000 турецкаго гарнизона, изъ кирджаліевъ, т. е. грабителей, и отчаянныхъ бойцовъ.

Крѣпость Кюстенджи лежитъ на полуостровѣ вдающемся въ Черное море, и соединяющимся съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, имѣющимъ не болѣе 150 саж. ширины.

Этотъ перешеекъ былъ хорошо укрѣпленъ валомъ и рвомъ и защищался, съ сухопутной стороны, всѣми силами гарнизона, такъ какъ со стороны моря, опасности не представлялось. Сверхъ того,—«весь городъ состоитъ изъ каменныхъ строеній, обнесенныхъ каменными-же

стѣнами, такъ что каждый домъ, каковыхъ имѣется до 500, составляетъ крѣпость» [1]).

Тотчасъ по прибытіи къ крѣпости, легкія войска наши завязали перестрѣлку съ передовыми непріятельскими постами, и заставили ихъ отступить въ крѣпость.

Въ тотъ-же день, Платовъ послалъ къ коменданту парламентера съ требованіемъ сдачи. Но турки встрѣтили парламентера выстрѣлами.

Поэтому, въ ночь на 30 число, заложены были батареи, оконченныя къ утру.

При видѣ этихъ батарей, турки сдѣлались сговорчивѣе, и объявили, что готовы сдать крѣпость, если гарнизону будетъ предоставлено право отправиться въ Варну, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Чтобы выиграть время, право это было дано, но съ условіемъ, на честное слово, что никто изъ состава гарнизона, въ теченіи года, не будетъ дѣйствовать противъ русскихъ. Всѣ-же военные трофеи—знамена, пушки, продовольственные и боевые припасы, должны быть сданы русскимъ, въ вознагражденіе за потерю въ людяхъ, простиравшуюся до 200 чел. убитыми и ранеными.

Кн. Багратіонъ долженъ былъ спѣшить для поддержанія своего праваго фланга, верстахъ въ 15 отъ котораго стояла армія Хозрева-паши.

Оставивъ въ Кюстенджи г.-м. Палицына, съ полкомъ пѣхоты, 2 эскадронами кавалеріи и 2 сотнями казаковъ, корпуса Маркова и Платова двинулись вдоль Траянова вала. Первый расположился между Карасу и Кюстенджи, высылая разъѣзды къ Мангаліи и Базарджику; а кн. Багратіонъ, съ корпусомъ Платова, прибывъ 31 августа въ Карасу, остановился въ ожиданіи прибытія обозовъ, безъ которыхъ не возможно было предпринять

[1]) Донесеніе кн. Багратіона, отъ 6 сентября 1809 г. В. Уч. Арх. № 1384.

асомъ
везли
олько

ново-
, про-
сосре-

атіонъ
ложе-
гтакѣ.
гъ на-
вой-

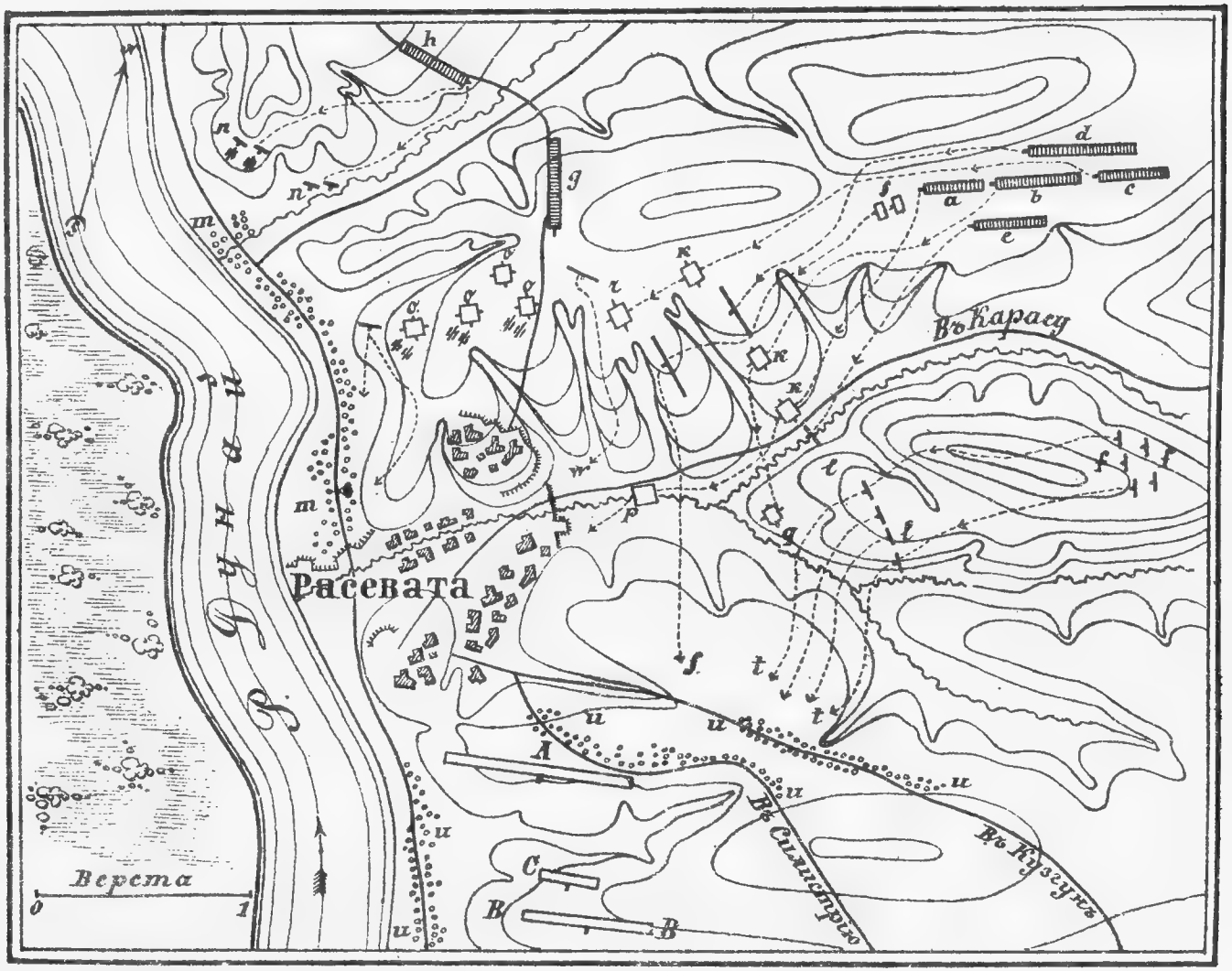
пере-
ени, у
вала;
пъ че-
вала,
были
ю со-

моста
квера.
или въ

азачьи
коман-

сь ка-
-го [1]).
троен-
. Тру-

Планъ №5й Сраженіе при Расеватѣ 4го Сент. 1809 г.



дальнѣйшее движеніе, съ однимъ 10 дневнымъ запасомъ продовольствія, имѣвшимся при полкахъ; обозы-же везли 30 дневный запасъ, и могли прибыть въ Карасу только на другой день.

2 сентября кн. Багратіонъ выступилъ къ Черноводамъ, на соединеніе съ корпусомъ Милорадовича, противъ котораго непріятель постоянно усиливался, сосредоточиваясь къ Расеватѣ.

Прибывъ 2 сентября въ Черноводы, кн. Багратіонъ произвѣлъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія при Расеватѣ, и сдѣлалъ распоряженія къ аттакѣ. Въ то время, какъ корпусъ Милорадовича откроетъ наступленіе съ фронта, корпусъ Платова отрѣжетъ войскамъ Хозревъ-паши, отступленіе къ Силистріи.

Согласно этой диспозиціи, корпусъ Платова перешелъ 3 числа шесть верстъ къ деревнѣ Кокерлени, у вершины озера Узунъ-Аматъ, на линіи Траянова вала; Милорадовичъ, выступивъ изъ Черноводъ, сдѣлалъ четыре версты и остановился также у Троянова вала, при истокѣ изъ этого озера, такъ что оба корпуса были раздѣлены оз. Узунъ-Аматъ, но имѣли между собою сообщеніе и впереди сильные разъѣзды.

Немедленно было приступлено къ устройству моста чрезъ протоки, прикрывающіе Траяновъ валъ съ сѣвера.

По окончаніи переправы, оба корпуса выступили въ 3 часа пополудни на 4 сентября, къ Расеватѣ.

Въ авангардѣ корпуса Платова слѣдовали казачьи полки—Атаманскій, Кутейникова и Ефремова, подъ командою г.-м. Строганова (*s*).

Въ авангардѣ корпуса Милорадовича находились казаки полковъ—Иловайскаго 2-го и Иловайскаго 11-го [1]). За авангардомъ Платова двигался его корпусъ, построенный въ пять колоннъ: первая подъ командою кн. Тру-

[1]) Смот. планъ № 5.

бецкаго (*a*) изъ 2 баталіоновъ пѣхоты, 7-го егерскаго, 1 баталіона 14 егерскаго полковъ, при 6 орудіяхъ Донской конной артиллеріи. Вторая колонна, г.-м. Репнинскаго (*b*), состояла изъ 2 баталіоновъ Новгородскаго и Украинскаго мушкетерскихъ полковъ, при 6 батарейныхъ орудіяхъ. Третья колонна г.-м. Бахметьева (*c*), также изъ 2 баталіоновъ Архангелогородскаго и 2 бат. Воронежскаго полковъ, съ 6 батарейными орудіями. 4-я колонна, изъ 4 эскадроновъ Дерптскаго, 4 эскадроновъ Стародубовскаго и 6 орудій Донской артиллеріи, подъ командою г.-м. Палена (*d*) слѣдовала правѣе; а 5 колонна г.-м. Лисаневича (*e*), изъ Чугуевскаго уланскаго полка, лѣвѣе трехъ пѣхотныхъ колоннъ.

Отдѣльно отъ корпуса Платова, высланъ былъ отрядъ г.-м. Денисова 6-го, съ казачьими полками — Денисова 6-го, Иловайскаго 5-го, Иловайскаго 10-го и Барабанщикова. Отрядъ этотъ (*f*) былъ направленъ влѣво, на путь отступленія непріятеля изъ Расеваты къ Силистріи.

Правѣе корпуса Платова, по дорогѣ изъ Черноводы, слѣдовалъ за своимъ авангардомъ корпусъ Милорадовича, раздѣленный въ двѣ колонны.

Первая г.-м. гр. Цукато (*g*), изъ полковъ, 6 егерскаго, Сибирскаго и Малороссійскаго гренадерскихъ, 6 батарейныхъ, 8 конныхъ орудій и Бѣлорусскаго гусарскаго полка. Вторая колонна полковника Уманца (*h*), изъ полковъ Апшеронскаго, Одесскаго, Кинбурнскаго драгунскаго и 4 батарейныхъ орудій, двигалась за первою колонною.

Въ такомъ порядкѣ армія кн. Багратіона подошла, версты на двѣ отъ Расеваты, не встрѣтивъ впереди себя непріятеля. Но возлѣ самыхъ окоповъ мѣстечка виднѣлась значительная часть турецкой конницы.

«Пространство земли, отъ самаго м. Черноводъ до м. Расеваты, представляетъ картину, пріятнѣйшую оку человѣческому, уподобляющуюся восхитительнымъ ви-

дамъ Швейцаріи, доносилъ кн. Багратіонъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, на каждомъ шагу, рождающую, такъ сказать, непреоборимыя препоны, препятствующія проходу войскъ, а особливо артиллеріи.

«Тутъ безчисленныя озера, сцѣпляющіяся быстрыми и глубокими ручьями; тамъ болота непроходимыя, съ обѣихъ сторонъ горы и возвышенія прекрутыя, всюду пересѣченныя самыми узкими дефилеями съ природными засѣками» [1]).

Основываясь на этихъ мѣстныхъ условіяхъ, турки не считали возможнымъ появленія при Расеватѣ нашихъ главныхъ силъ, съ артиллеріею, и принимали ихъ за одни легкія войска. Чтобы поддержать въ нихъ это убѣжденіе, кн. Багратіонъ, приближаясь къ Расеватѣ, выставлялъ на высотахъ только конныя войска, а остальнымъ приказалъ выбирать скрытыя мѣста.

Мѣстечко Расевата лежитъ у самаго берега Дуная, въ лощинѣ, обставленной двумя крутыми скатами возвышенностей. Часть мѣстечка расположена на самыхъ этихъ возвышенностяхъ. Доступъ къ нему по низменной, идущей берегомъ, дорогѣ изъ Черноводы, а также со стороны дороги въ Карасу, былъ прегражденъ особыми окопами. Дорога въ Карасу, сверхъ того, обстрѣливалась изъ нагорнаго ретраншамента, довольно сильно устроеннаго.

Когда авангарды корпусовъ Милорадовича и Платова вступили въ сферу непріятельскаго огня, турки открыли по нимъ сильный огонь изъ своихъ ретраншаментовъ, а конница показывала видъ готовности къ нападенію. Въ тоже время, по береговой дорогѣ въ Черноводы, выслана была значительная часть турецкой конницы (*m*) для угрозы правому флангу Милорадовича.

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 7 сентября 1809 г. Воен. Учен. Арх. № 1384, стр. 501.

Передовыя войска обоихъ корпусовъ, остановившись на высотахъ, открыли перестрѣлку, прикрывая построеніе своихъ корпусовъ въ боевой порядокъ.

Милорадовичъ, не прекращая движенія, отдѣлилъ для очищенія своего праваго фланга, Сибирскій гренадерскій и Бѣлорусскій гусарскій полки (*n*), которые и заставили турецкую конницу (*m*) отступить берегомъ Дуная за окопы. Въ то-же время остальныя войска корпуса Милорадовича перестроились въ четыре карре (o) и стали на возвышенности, саженяхъ въ 400 отъ непріятельскихъ окоповъ, имѣя по флангамъ казаковъ Иловайскаго 2 и гр. Цукато, бывшихъ въ авангардѣ.

Выставивъ на позицію всѣ свои орудія, Милорадовичъ открылъ сильный артиллерійскій огонь.

Въ тоже время, корпусъ Платова, также построился въ боевой порядокъ. Каждая изъ трехъ его пѣхотныхъ колоннъ образовала особое карре (k). Конница, составлявшая правую колонну, стала между первымъ и вторымъ карреями, а бывшая лѣвая колонна расположилась лѣвѣе третьяго карре. Войска гр. Строганова, находившіяся въ авангардѣ, (*s*) присоединились къ кавалеріи колонны (*d*).

Отрядъ г.-м. Денисова 6, примкнулъ къ лѣвому флангу Платова, ставъ на позиціи (*ll*).

Сильный огонь нашихъ батарей началъ производить замѣтное разстройство въ непріятельской конницѣ.

Тогда кн. Багратіонъ приказалъ корпусу Платова подвинуться еще болѣе впередъ, чтобы стать на одной высотѣ съ корпусомъ Милорадовича. Поэтому, правое карре Платова, состоявшее подъ командою г.-м. Бахметьева, стало (*r*) лѣвѣе отряда гр. Цукато, бывшаго на лѣвомъ флангѣ Милорадовича. Среднее карре, г.-м. Репнинскаго, передвинуто влѣво, въ обходъ Расеваты, на дорогу въ Кузгунъ, и стало на высотахъ въ (g). Карре-же князя Трубецкого, бывшее на лѣвомъ флангѣ,

перешло въ (p,) и стало въ срединѣ. Въ тоже время конный отрядъ г.-м. Денисова 6, съ позиціи (*ll*), направленъ лѣвѣе, въ (t,) чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе въ Кузгунъ и Силистрію.

Появленіе Денисова 6 на кузгунской дорогѣ тотчасъ принудило непріятеля къ поспѣшному отступленію. Конница его, опасаясь потерять силистрійскую дорогу, въ безпорядкѣ бросилась (*u*) по горной, а пѣхота по низменной, идущей по берегу Дуная, дорогѣ, въ Силистрію.

Часть же турецкой конницы бѣжала по дорогѣ въ Кузгунъ.

Тогда кн. Багратіонъ приказалъ всей своей кавалеріи преслѣдовать противника.

Иловайскій 2 двинулся по берегу Дуная къ окопамъ, прикрывавшимъ съ этой стороны Расевату.

Лѣвѣе его направился къ Расеватѣ отрядъ кн. Цукато (*w*), подкрѣпленный Кинбурнскимъ и Бѣлорусскимъ гусарскими полками; при послѣднемъ находился лично Милорадовичъ. Еще лѣвѣе, по дорогѣ въ Карасу, двинулось карре кн. Трубецкаго (*p*), занявшее все мѣстечко Расевата, съ брошеннымъ лагеремъ. Лѣвѣе кн. Трубецкого, двинулся кавалерійскій отрядъ гр. Строганова (*s*), а лѣвѣе его отрядъ г.-м. Денисова 6 (*t*).

Такимъ образомъ, общее бѣгство непріятеля, неотступно преслѣдовалось всею кавалеріею нашихъ войскъ. Пораженіе Хазревъ паши было полное. Турки бросали по дорогѣ пушки, оружіе и сами падали подъ ударами нашихъ войскъ.

Преслѣдованіе непріятеля по силистрійской дорогѣ продолжалось на разстояніи 20 верстъ до деревни Бейликъ.

Изъ 12.000 челов. бывшихъ въ дѣлѣ при Расеватѣ, турки потеряли до 1.000 челов. взятыми въ плѣнъ, большею частью ранеными.

На полѣ битвы и при преслѣдованіи, убито не менѣе 4.000 ч. турокъ.

Сверхъ того взято у нихъ 30 знаменъ, въ томъ числѣ одно сераскирское и 7 пушекъ разнаго калибра.

Въ дѣлѣ этомъ, продолжавшемся съ 6 до 9 часовъ утра, кн. Багратіонъ лишился всего до 200 челов., большею частью казаковъ.

По окончаніи сраженія, армія наша расположилась при Расеватѣ на силистрійской дорогѣ, имѣя корпусъ Милорадовича съ его авангардомъ впереди (*BB*), а за нимъ авангардъ Платова (*c*), и корпусъ послѣдняго (*AA*).

На другой день, казаки г.-м. Иловайскаго настигли, при Кузгунѣ, бѣжавшихъ по этому направленію турокъ которые, въ числѣ 500 челов., засѣли въ мѣстечкѣ. Выбивъ ихъ изъ селенія и занявъ его, Иловайскій отбилъ при этомъ 4 пушки.

«Слабаго пера моего, доносилъ кн. Багратіонъ о расеватскомъ сраженіи, никогда не достанетъ въ полной мѣрѣ изобразить того рвенія, того мужества и той храбрости, которыя въ настоящемъ дѣлѣ обнаружены, вообще, всѣми войсками Вашего Императорскаго Величества. Всякъ тщился, всякъ рвался быть первымъ и всякъ старался превосходить сотоварищей, въ обнаруженіи неограниченнаго усердія, неустрашимости и дѣятельности, въ исполненіи обязанности своей предъ Монархомъ и отечествомъ».

Всѣ передвиженія войскъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, производились — «съ такимъ устройствомъ и въ такомъ порядкѣ, что оно болѣе похоже было на маневръ, нежели на дѣйствительное сраженіе».

Въ особенности удостоились похвалы главнокомандующаго, генералы Милорадовичъ и Платовъ. Послѣдній «украсилъ свою сѣдую главу вѣнцомъ славы, вездѣ былъ впереди [1])».

Впослѣдствіи оказалось, что визирь отправилъ изъ

---

[2]) Тамъ же, стр. 553. Донесеніе отъ 29 сентября 1809 года.

Рущука къ Расеватѣ, для усиленія бывшихъ тамъ войскъ, еще 15.000 челов., которые, узнавъ о пораженіи, возвратились обратно [1]).

Пораженіе, нанесенное туркамъ при Расеватѣ, открывало кн. Багратіону путь къ Силистріи. Впрочемъ, онъ не расчитывалъ на легкую возможность овладѣть этою сильною крѣпостію, доказавшую въ прежнія войны свою способность защищаться.

Поэтому кн. Багратіонъ имѣлъ въ виду сдѣлать только «демонстрацію противъ Силистріи».

Впрочемъ, доносилъ онъ Императору—«главный мой непріятель не турки, но климатъ здѣшній.

«Безмѣрные жары, продолжающіеся съ чрезвычайною силою, причиняютъ крайнюю слабость въ людяхъ, и до невѣроятія умножаютъ число больныхъ. Болѣзни до такой степени свирѣпствуютъ также въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, что тамъ, въ нѣкоторыхъ баталіонахъ, имѣется на лицо здоровыхъ не болѣе какъ отъ 60 до 80 челов., а не малое число баталіоновъ имѣетъ едва комплектную роту. Равнымъ образомъ, были баталіоны, имѣвшіе всего по одному или по два здоровыхъ офицеровъ» [2]).

Между тѣмъ, въ то время, когда корпуса Милорадовича и Платова открыли наступленіе къ Расеватѣ, г.-л. Марковъ разослалъ отряды для овладѣнія пунктами по берегу Чернаго моря.

3 сентября партія казаковъ, подъѣзжавшая къ Мангаліи, замѣтила, что значительная часть ея гарнизона оставляетъ городъ и уходитъ къ Варнѣ. Это дало г.-м. Маркому мысль, сдѣлать попытку овладѣть Мангаліей, какъ мѣстомъ склада угля, отправляемаго въ Константинополь.

---

[1]) Воен. Учен. Арх. № 1384, стр. 501.

[2]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 6 сентября 1809 г. Б. Уч. Арх. № 1334, стр. № 543.

Хотя Мангалія была обнесена земляным валомъ со рвомъ, имѣла пушки и 500 человѣкъ гарнизона, поэтому могла оказать серіозное сопротивленіе, тѣмъ не менѣе, рѣшено было сдѣлать попытку овладѣть ею, если это не потребуетъ большихъ жертвъ.

Поэтому, г.-м. Денисову приказано было, съ отрядомъ изъ 450 егерей, 3 эскадроновъ гусаръ, 3 сотнями казаковъ и 4 орудіями конной артиллеріи, подойти къ Мангаліи.

Одного приближенія этихъ войскъ было достаточно для поспѣшнаго очищенія непріятелемъ Мангаліи, по занятіи которой Денисовъ нашелъ въ ней 4 пушки.

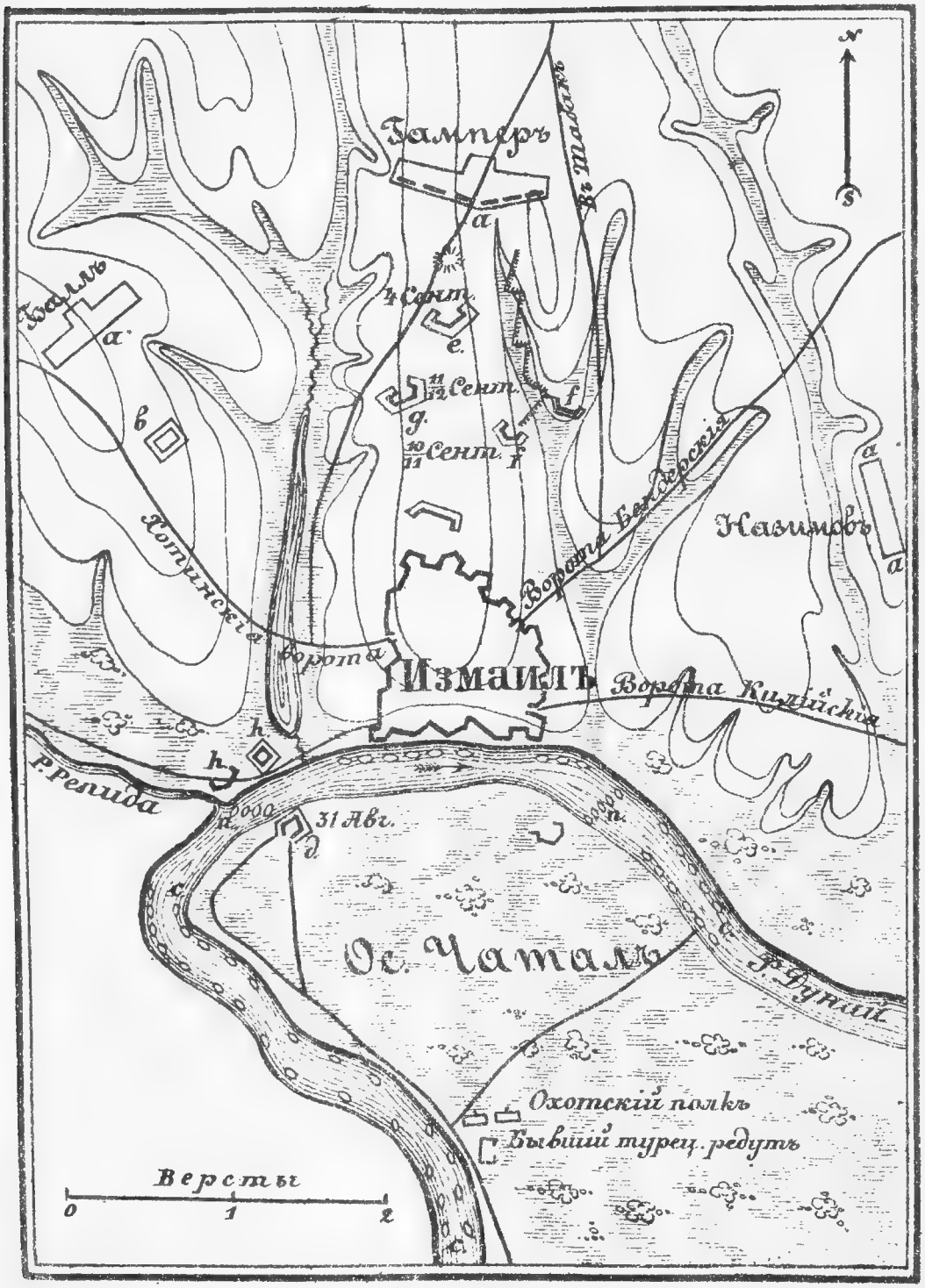
Послѣ побѣды при Расеватѣ, кн. Багратіонъ простоялъ на позиціи три дня, въ ожиданіи прибытія обозовъ. Сверхъ того, такъ какъ въ это время было получено извѣстіе, что верховный визирь спѣшитъ, съ большею частью своей арміи изъ Рущука къ Силистріи, то кн. Багратіонъ имѣлъ въ виду, присоединить къ себѣ изъ Мангаліи и корпусъ г.-л. Маркова, отъ котораго отрядъ Палицина, какъ уже было сказано, занималъ Кюстенджи.

Но съ другой стороны, чтобы не оставлять безъ наблюденія береговъ Чернаго моря, корпусъ графа Каменскаго 1, находившійся у Мачина и Исакчи, долженъ былъ смѣнить корпусъ Маркова.

Расчетъ кн. Багратіона на содѣйствіе нашего Черноморскаго флота, долженствовавшаго прикрывать лѣвый флангъ арміи и угрожать Варнѣ, оказался тщетнымъ.

Несмотря на то, что флотилія наша была сильнѣе турецкаго Черноморскаго флота, она оставалась въ бездѣйствіи, хотя еще въ августѣ, кн. Багратіонъ былъ увѣдомленъ вице-адмираломъ Языковымъ, что онъ можетъ расчитывать на содѣйствіе флота.— «Можете судить, до какой степени поразило меня нынѣшнее ваше извѣстіе отъ 1 сентября, что вы приказали и послѣд-

План № 6й. Осада Измаила 1809 года.



ней эскадрѣ, въ море вышедшей, по одной причинѣ приближенія равноденствія, возвратиться въ гавань, — писалъ Языкову кн. Багратіонъ отъ 9 сентября 1809 года; теперь я въ необходимости нахожусь употреблять сухопутныя войска на обереженіе береговъ Черноморскихъ, чѣмъ самымъ, общій планъ военныхъ дѣйствій разстроиться можетъ» [1]).

Оставивъ для охраненія Мангаліи и Кюстенджи небольшіе казачьи посты, до прибытія на смѣну ихъ двухъ ротъ изъ корпуса гр. Каменскаго, генералъ-маіоръ Палицынъ выступилъ съ своимъ отрядомъ на соединеніе съ корпусомъ Маркова, изъ Кюстенджи въ Бехтыркіой.

Въ то же время г.-л. Марковъ, выславъ конный отрядъ, при подполковникѣ Мельниковѣ 5, для разъѣздовъ къ сторонѣ Коварны, выступилъ изъ Мангаліи къ Бехтыркіой, куда и прибылъ 9 сентября, находясь отъ Силистріи въ двухъ переходахъ.

Кн. Багратіонъ двинулся изъ Расеваты къ Силистріи 8 числа.

Сдѣлавъ двадцативерстный переходъ отъ Расеваты, онъ дошелъ до Бейлика, а 9 числа до селенія Тифликъ, въ 15 верстахъ отъ Силистріи.

10 сентября онъ подвинулся еще на 5 верстъ ближе къ крѣпости, а 11 числа обложилъ Силистрію.

Подступленіемъ къ Силистріи князь Багратіонъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, разстроить планъ визиря, состоявшій въ томъ,— «чтобы сильною диверсіею въ Валахію, разстроить общій планъ операцій моихъ, доносилъ кн. Багратіонъ, и принудить меня, для обороны земель, на лѣвой сторонѣ Дуная лежащихъ, оставить всѣ завоеванія на правомъ берегу сей рѣки.

«Но я, ни подъ какимъ видомъ, желаніямъ его соотвѣтствовать не намѣренъ, а напротивъ того, скорыми

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1354 о войнѣ 1809 г. и № 1384, стр. — 590.

и быстрыми движеніями, имѣю я въ виду то чтобъ, буде только возможно, поставить его самаго между двухъ огней.

«Вообще долженъ я, дѣйствуя тремя столь слабыми корпусами, всячески стараться, вперить въ непріятеля мысль, что я дѣйствую тремя сильными арміями, въ чемъ я, по благости Божіей, доселѣ и успѣлъ, ибо турки никоимъ образомъ себѣ представить не могутъ, чтобы тоже войско, которое 30 августа завладѣло городомъ Кюстенджи, могло сдѣлать, по вынужденнымъ изворотамъ, и при сильныхъ жарахъ, отъ 26 до 30 градусовъ, около 100 верстъ маршу, и пройдя мѣста, почитаемыя ими, особливо для артиллеріи, непроходимыми,— 4 сентября разбить при Расеватѣ сераскира и соединенныя съ нимъ войска аяновъ Ромелійскихъ; а воображаютъ себѣ, непремѣнно, что то была совсѣмъ другая армія. Положеніе мое и положеніе непріятеля, заставляютъ меня и впредь, по мѣрѣ возможности, держаться сихъ правилъ и сего общаго плана» [1]).

Такимъ образомъ, двѣ непріятельскія крѣпости, Измаилъ и Силистрія, одновременно были предметомъ дѣйствій арміи кн. Багратіона, съ тою лишь разницей, что когда дѣйствія противъ послѣдней только что начинались,—первая близка уже была къ сдачѣ.

Мы видѣли, что для овладѣнія Измаиломъ, г.-л. Эссенъ 3-й, которому велѣно было принять начальство надъ находившимся подъ этою крѣпостью отрядомъ г.-м. Воинова, прибылъ къ Измаилу 23 августа и немедленно обложилъ крѣпость со всѣхъ сторонъ [2]).

Съ сухого пути на каждой изъ трехъ дорогъ, ведущихъ въ Измаилъ, было поставлено по особому отряду,

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 10 сентября 1809 года *В. Уч. Арх.* № 1384, стр. 506.

[2]) Планъ № 6.

въ прочныхъ окопахъ (*aa*): на западной сторонѣ отрядъ г.-м. Балла, на сѣверной — г.-м. Гампера и на восточной г.-м. Назимова, почему всѣ войска Зассa и были раздѣлены на три части.

Со стороны рѣки, дунайская флотилія наша (*cc*) стояла по обѣимъ сторонамъ острова Чатала, который былъ занятъ Охотскимъ мушкетерскимъ полкомъ. Для удобнаго сообщенія черезъ островъ Чаталъ, съ обѣими частями флотиліи, устроена была дорога (*m*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, 31 августа, на островѣ, противъ устья рѣки Репида, возведена батарея (*d*), которая открыла огонь по находившимся на противуположномъ берегу Дуная турецкимъ батареямъ (*hh*) и вскорѣ заставила ихъ замолчать.

Съ сухого пути осада велась также энергично. На западной сторонѣ, гдѣ былъ возведенъ г.-м. Воиновымъ единственный редутъ (*b*), редутъ этотъ былъ усиленъ и открылъ сильный огонь по крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, впереди отряда Гампера, устроена 4 сентября батарея (*e*); затѣмъ въ ночь съ 10 на 11 число насыпана брешь батарея (*f*), къ которой подведены подступы, для удобнѣйшаго доставленія на нее боевыхъ припасовъ. Дѣйствіе этой батареи производило въ крѣпости частые пожары.

Тѣмъ не менѣе, непріятель продолжалъ упорно сопротивляться, хотя не смѣлъ выходить изъ крѣпости для вылазокъ.

Когда-же, вслѣдъ затѣмъ, 11 и 12 сентября была устроена еще одна брешь-батарея (*g*) то г.-м. Зассъ предпринялъ общее бомбардированіе крѣпости, для чего обѣ части дунайской флотиліи (*nn*) приблизились къ крѣпости, и сильнымъ огнемъ, заставили всѣ береговыя непріятельскія батареи замолчать, а турецкую флотилію стать подъ защиту крѣпости.

Открывшееся бомбардированіе наносило страшный

вредъ гарнизону. Къ довершенію всего, удачнымъ выстрѣломъ взорвало въ крѣпости пороховой погребъ.

Только надежда на ожидаемую помощь заставила измаильскій гарнизонъ продолжать борьбу, до отчаянія.

Слѣдовало устранить эту надежду, и сдача крѣпости становилась неизбѣжной.

Извѣстный турецкій выходецъ, Манукъ-бей, уже нѣсколько дней назадъ сдѣлалъ кн. Багратіону предложеніе, распустить слухъ о пораженіи визиря и взятіи Силистріи и Рущука. Какъ только этотъ слухъ дойдетъ до Измаила и Браилова,—Манукъ-бей ручался, что обѣ эти крѣпости тотчасъ сдадутся. Но не въ характерѣ кн. Багратіона было прибѣгать ко лжи. Слухъ о побѣдѣ при Расеватѣ и безъ того дошелъ въ Измаилъ.

Тамъ было извѣстно также, что русская армія уже стоитъ подъ Силистріей, и потому надежда на скорую помощь отъ визиря пала сама собою. Губительная, безпрерывная бомбардировка крѣпости довершила дѣло; противиться болѣе не было возможности, и комендантъ Измаила, Челеби-паша, предложилъ 14 сентября сдать крѣпость.

Весь турецкій гарнизонъ, въ числѣ до 4.500 человѣкъ, получилъ право переправиться на правый берегъ Дуная. 21 знамя и 220 орудій были трофеями русскихъ [1]).

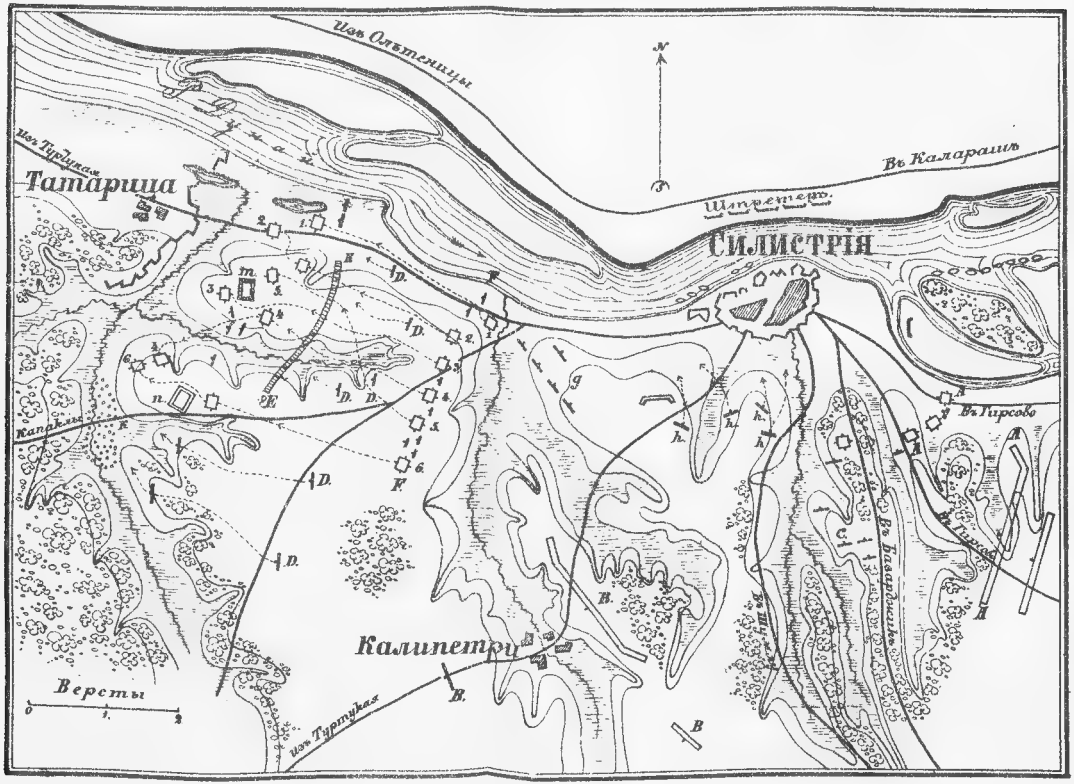
Взятіе Измаила, освобождало весь корпусъ Засса 3-го, что было весьма важно для усиленія кн. Багратіона за Дунаемъ, въ виду осады Силистріи и ожидавшагося прибытія къ ней арміи визиря изъ Рущука.

Поэтому, кн. Багратіонъ приказалъ Эссену 3-му, какъ только окончится сдача Измаила, оставить въ немъ 4 баталіона пѣхоты, а съ остальнымъ корпусомъ идти за

---

[1]) Капитуляція Измаила находится въ дѣлѣ, В. Учр. Арх. № 1384, стр. 495.

Планъ № 7й Блокада Силистріи и сраженіе при Татарицѣ 1809 г.



Дунай, разрушить Исакчу и Тульчу, занять Бабадагъ и, подорвавъ укрѣпленія Кара-Армана, слѣдовать къ Кюстенджи, гдѣ и соединиться съ корпусомъ графа Каменскаго 1-го, который былъ передвинутъ къ этой крѣпости изъ Бабадага.

Теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ кн. Багратіона подъ Силистріей.

Корпуса Милорадовича и Платова, 11 сентября начали блокировать крѣпость. Первый (А) стоялъ на восточной сторонѣ крѣпости, а послѣдній (В) на западной, у деревни Калипетри, для наблюденія дорогъ ведущихъ чрезъ Туртукай къ Рущуку, гдѣ находилась армія верховнаго визиря [1]).

Такимъ образомъ главныя дороги, ведущія въ Силистрію, охранялись отдѣльными корпусами, кромѣ дороги въ Туртукай, идущей изъ Силистріи по самому берегу Дуная.

Впрочемъ, близость къ ней корпуса Платова давала возможность, во-время прикрыть ее, если бы непріятель на ней показался.

Крѣпость Силистрія была снабжена, на нѣсколько мѣсяцевъ, продовольствіемъ и боевыми припасами, имѣла 130 орудій и защищалась 11.000 гарнизономъ, энергія котораго возвышалась увѣренностію въ скоромъ прибытіи арміи визиря изъ Рущука, для освобожденія крѣпости.

Приступая къ осадѣ Силистріи, кн. Багратіонъ, прежде всего, устроилъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Дуная, для чего были доставлены изъ Гирсова 4 парохода въ Каларашъ, занятый баталіономъ 27 егерскаго полка, съ старшиною Платовымъ.

Дунайская флотилія наша также прибыла изъ Гирсова къ Силистріи и стала ниже крѣпости, прикрываясь лѣсистымъ островомъ Дуная.

---

[1]) Планъ № 7.

Пользуясь старымъ знакомствомъ Платова съ силистрійскимъ комендантомъ Иликъ-Оглу, кн. Багратіонъ поручилъ Платову написать послѣднему письмо, съ предложеніемъ сдать крѣпость, подъ условіемъ свободнаго выхода гарнизона, но съ обязательствомъ его, не дѣйствовать противъ русскихъ во все продолженіе войны.

Письмо свое къ Иликъ-Оглу, Платовъ начинаетъ съ того, что ему извѣстно, кому вручена защита Силистріи.

«Лучшаго выбора нельзя было бы и сдѣлать, если бы рвеніе, доблесть, и талантъ могли обезпечить защиту. Я знаю, что долгъ всякаго военнаго, требуетъ честнаго исполненія своей обязанности и уступать только необходимости. Но должно также соображать свои средства со средствами противника. Я прибылъ для овладѣнія Силистріей, которая теперь тѣсно обложена частью ввѣренныхъ мнѣ войскъ, и сама, ни откуда не можетъ ожидать помощи.

«Занятіе нами Туртукая, не дозволитъ визирю послать къ крѣпости подкрѣпленія; тогда какъ если бы только представилась къ тому надобность, я могъ быть усиленъ изъ нашей главной арміи, которая теперь состоитъ подъ начальствомъ кн. Багратіона, уже участвовавшаго прежде въ войнѣ съ Турціей, блестящіе подвиги котораго извѣстны всей Европѣ, и заявлены имъ въ войнахъ—въ Персіи, Польшѣ, Италіи, Германіи, Пруссіи и Швеціи.

«При такихъ условіяхъ, Силистрія можетъ продержаться нѣсколько лишнихъ дней но, покоренная оружіемъ, она уже не можетъ расчитывать на такія умѣренныя требованія, которыя ей предлагаются теперь, по примѣру сдачи Кюстенджи: свободный выходъ гарнизона и жителей, и сохраненіе ихъ имущества.

«Только боевой матеріалъ крѣпости долженъ быть сданъ русскимъ».

Самому Иликъ-Оглу, который былъ въ письменныхъ

сношеніяхъ еще съ Михельсономъ и кн. Прозоровскимъ предлагалось, если пожелаетъ, поселиться въ Россіи, при чемъ ему будутъ предоставлены всѣ удобства.

«Порта не можетъ не знать о вашихъ прежнихъ сношеніяхъ съ русскими. Теперь она притворяется и ласкаетъ васъ, потому что въ васъ нуждается; но увѣрены-ли вы, что когда надобность пройдетъ—Порта не отдастъ васъ на жертву многочисленныхъ враговъ вашихъ»? говорилъ Платовъ въ своемъ письмѣ [1]).

На это письмо, посланное 14 сентября, Иликъ-Оглу отвѣтилъ, что ему необходимо посовѣтоваться съ начальниками своихъ войскъ, и обѣщалъ дать отвѣтъ послѣ.

Кн. Багратіонъ, хорошо зная турокъ, легко могъ понять, что сущность полученнаго отвѣта, указываетъ только на желаніе непріятеля выиграть время и дождаться прибытія визирской арміи. Поэтому, еще въ ночь на 12 сентября, на ближайшемъ островѣ Дуная, ниже крѣпости, устроена была батарея на 6 орудій и 2 двухпудовыя мортиры, которыя и открыли огонь 12 числа.

Впрочемъ, по дальности разстоянія, батарея мало наносила вреда непріятелю. Сверхъ того, въ видахъ обезпеченія своихъ передовыхъ войскъ отъ вылазокъ, устроено на гирсовской и базарджикской дорогахъ четыре редута.

Турки, чтобы помѣшать работамъ, сдѣлали вылазку, но были отбиты, и работы редутовъ окончены 12 сентября.

Приступивъ къ осадѣ Силистріи, кн. Багратіонъ не пренебрегъ случаемъ, дававшимъ ему возможность вступить въ переписку съ визиремъ. 13 сентября онъ отправилъ ему письмо съ предложеніемъ капитуляціи о сдачѣ Кюстенджи, и съ выраженіемъ увѣренности,

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1384, стр. 394.

что визирь не воспрепятствуетъ сдавшемуся гарнизону выполнить его обязательства и слово, не дѣйствовать противъ русскихъ. При этомъ, кн. Багратіонъ изъявлялъ удовольствіе, что случай даетъ ему возможность вступить съ визиремъ въ переписку и выражалъ надежду, что имъ обоимъ суждено, умиротворить обѣ враждующія стороны.

Но эта надежда была только одною любезностію.

Въ сущности кн. Багратіонъ не вѣрилъ, чтобы Турція согласилась удовлетворить нашимъ требованіямъ, и въ письмѣ отъ 1 октября писалъ гр. Румянцеву:

«Предвижу я весьма малую надежду, или лучше сказать почти никакой, чтобы Турція согласилась дать контрибуцію въ 20 милліоновъ піастровъ и уступить Молдавію, Валахію, Бессарабію, а также Сербію». И потомъ, 2 октября—«Негоціація въ Парижѣ можетъ служить доказательствомъ, сколь медіаціи (Франціи) безуспѣшны.

Вообще долженъ я вамъ признаться, что я почитаю для Россіи выгоднѣйшимъ тотъ миръ съ Портою, который подписанъ будетъ визиремъ на барабанѣ».

Какъ и слѣдовало ожидать, визирь не отвѣчалъ даже на письмо кн. Багратіона, слѣдуя воззрѣніямъ своего правительства, что кто заговариваетъ о мирѣ, тотъ значитъ слабъ.

Этотъ взглядъ дѣйствительно существовалъ, что оправдалось отбитыми вскорѣ у непріятеля бумагами, писанными еще 26 іюля 1809 года.

Въ письмѣ отъ этого числа, Селимъ Эфенди писалъ Сераскиру Хозри-Пашѣ: «при настоящихъ обстоятельствахъ, конечно, миръ предпочтительнѣе войны. Однако, малѣйшая склонность къ тому съ нашей стороны требуетъ большой осторожности. Если къ вамъ обратятся съ тѣмъ, чтобы знать ваше мнѣніе о мирѣ, то отвѣчайте, что ваше дѣло только драться, и что дѣло о мирѣ

касается верховнаго визиря. Съ нѣкотораго времени русскіе стали поговаривать о мирѣ и перемиріи, но все это ложь».

А изъ переписки Алеко-паши съ визиремъ, въ письмѣ отъ 7 августа 1809 года, по поводу условій, выставленныхъ еще кн. Прозоровскимъ, говорится: «эти странныя требованія намъ по сіе время не были извѣстны. Нужно посмотрѣть, быть можетъ Россія, требуя слишкомъ многаго, не откажется-ли кое отъ чего, когда дѣло пойдетъ на чистоту (sera mise sur le tapis); или же это можетъ быть только своя тактика, съ цѣлью выиграть время!» [1])

Поэтому, ни занятіе Кюстенджи и Мангаліи, ни послѣдовавшее затѣмъ взятіе Измаила, не внушало надежды на готовность визиря начать переговоры. Вмѣсто отвѣта, визирь готовился двинуться къ Силистріи, и 16 сентября армія его, оставивъ Журжу, была собрана уже у Рущука.

Съ своей стороны кн. Багратіонъ приказалъ, какъ можно скорѣе, доставить изъ Бузео осадныя орудія къ Силистріи. Доставка этихъ орудій была очень затруднительна. Тѣмъ не менѣе, первая часть ихъ, всего 7 орудій, прибыли 18 числа, и были поставлены на лѣвомъ берегу Дуная, противъ самой крѣпости, на батареѣ, устроенной съ 17 на 18 сентября. Въ ту-же ночь, три судна нашей флотиліи, пользуясь темнотою ночи, успѣли пройти мимо крѣпости и стать выше нея, чтобы препятствовать рѣчному сообщенію Силистріи съ Рущукомъ. Съ наступленіемъ ночи, суда наши, приближаясь къ крѣпости, открывали по ней огонь, мѣняя постоянно свои мѣста, чтобы непріятель не могъ къ нимъ пристрѣляться. Огонь судовъ, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ батареи, построенной на островѣ Дуная, ниже Силистріи,

[1]) Кн. Багратіонъ № 271. М. И. Д.

производилъ въ крѣпости частые пожары и вредилъ стоявшимъ у берега непріятельскимъ лодкамъ. Одна бомба упала въ домъ, занимаемый Иликъ-Оглу, который въ это время обѣдалъ, и разорвалась, въ разстояніи отъ него, не далѣе одного фута; сверхъ того, огнемъ нашихъ орудій были уничтожены всѣ водяныя мельницы, устроенныя на Дунаѣ, что было очень чувствительно непріятелю, такъ какъ всѣ его обильные запасы продовольствія состояли въ зернѣ.

18 числа, до 1.000 человѣкъ турокъ, выйдя изъ крѣпости, напали на передовые казачьи посты, но, потерявъ 70 челов. убитыми и 5 плѣнными, были отбиты казаками.

Между тѣмъ, половина арміи визиря направилась изъ Рущука къ Силистріи. 17 сентября часть ея прибыла уже въ Туртукай. Стоявшіе на лѣвомъ берегу Дуная посты, изъ корпуса гр. Ланжерона, немедленно, дали знать объ этомъ въ Силистрію.

Тогда кн. Багратіонъ приказалъ г.-л. Маркову, оставить въ Бехтыркіой г.-м. Палицина съ его отрядомъ для производства разъѣздовъ къ Шумлѣ и Базарджику, а съ остальнымъ корпусомъ прибыть, въ два перехода, къ Силистріи. Корпусъ Маркова (*c*) прибылъ 20 числа и сталъ на Базарджикской дорогѣ, между корпусами Платова и Милорадовича [1]).

Несогласіе послѣдняго съ главнокомандующимъ было причиною передачи его корпуса гр. Ланжерону [2]), который 19 сентября получилъ приказаніе сдать резервный корпусъ Милорадовичу, и выслать въ Ольтеницу

---

[1]) Планъ № 7.

[2]) Впрочемъ, назначеніе Милорадовича командовать войсками въ Валахіи, кн. Багратіонъ—объясняетъ тѣмъ, что—„тотъ край гораздо подробнѣе извѣстенъ г.-м. Милорадовичу; онъ же пріобрѣлъ себѣ отличное уваженіе и довѣренность обывателей области той, то и командировалъ я его туда“. (Донесеніе отъ 30 сентября 1809 г.) Воен. Учен. Архивъ. № 1384, стр. 598.

Московскій и Шлисельбургскій пѣхотные, а также С.-Петербургскій драгунскій полки, съ частью батарейной артиллеріи. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ г.-м. принца Карла Мекленбургскаго, соединясь съ бывшимъ въ Ольтеницѣ Выборгскимъ полкомъ, назначался для привлеченія вниманія визиря къ Туртукаю и возбужденія въ немъ опасенія возможности быть аттакованнымъ въ тылъ, со стороны Туртукая, въ то время, какъ армія его подойдетъ къ Силистріи.

Если-же эта демонстрація не остановитъ визиря и не заставитъ его отдѣлить къ Туртукаю значительныя силы, тогда ольтеницкій отрядъ долженъ былъ перейти къ Каларашу и присоединиться къ силистрійскимъ войскамъ. Съ прибывшими изъ Сербіи войсками, визирь имѣлъ при Рущукѣ болѣе 30.000 чел.

Послѣ пораженія Басняка-аги при Фрасинѣ, хотя корпуса г.-л. Ланжерона и Эссена 3 и отступили къ Копочени, но визирь не могъ оставить Журжу безъ значительнаго отряда. Сверхъ того, для поддержанія Журжи, необходимо было имѣть сильный гарнизонъ въ Рущукѣ.

Тѣмъ не менѣе, визирь могъ бы послать къ Силистріи, большую часть своей арміи. Но пользуясь прежними совѣтами генерала Себастіани, выражавшаго мысли Наполеона, визирь старался избѣгать генеральныхъ сраженій съ русскими, утомляя ихъ частыми передвиженіями и заставляя ихъ брать турецкія крѣпости. Поэтому, Юсуфъ-паша, оставаясь при Рущукѣ, выслалъ чрезъ Туртукай къ Силистріи только половину своей арміи.

21 сентября, казачьи разъѣзды обнаружили авангардъ турецкихъ войскъ, у деревни Попи, на дорогѣ изъ Туртукая въ Силистрію. На другой день турки были уже у деревни Капаклы. 24 числа, до 4.000 непріятельской конницы (ЕЕ) заставили выставленные на туртукай-

ской дорогѣ, отъ корпуса Платова, казачьи посты отступить.

Узнавъ объ этомъ, Платовъ выступилъ отъ Калипетри и перешелъ на дорогу изъ Капаклы, на встрѣчу турецкому авангарду и, выйдя на ровное мѣсто, построилъ свой отрядъ въ двѣ линіи (DD): въ первой, поставлены 6 казачьихъ полковъ, подъ командою гр. Строганова; во второй Стародубовскій и Дерптскій драгунскіе и Чугуевскій уланскій полки.

Два егерскіе баталіона, 6 и 14 полковъ, и рота Донской артиллеріи, составляли резервъ. Береговая дорога изъ Туртукая къ Силистріи наблюдалась казачьими Иловайскаго 5-го и 10-го полками [1]).

Когда турецкая конница показалась на равнинѣ, Платовъ выслалъ противъ нея всѣ казачьи полки гр. Строганова. Казаки ударили въ пики и мгновенно обратили передовую непріятельскую конницу въ бѣгство, преслѣдуя ее неотступно.

Отступивъ на три версты, къ стоявшимъ, въ числѣ до 3.000 чел., впереди глубокаго оврага у Татарицы, главнымъ силамъ своего авангарда, турки остановились, и приготовились къ новому бою, открывъ сильный ружейный огонь по казакамъ.

Платовъ приказалъ гр. Строганову повторить ударъ, а два полка казаковъ, при подполковникѣ Сысоевѣ, выслалъ въ обходъ праваго непріятельскаго фланга. Опасаясь быть отрѣзанными, турки бросились въ оврагъ, въ которомъ произошла страшная давка, и бѣжали къ деревнѣ Капаклы, преслѣдуемые казаками до самой деревни, на разстояніи 15 верстъ. Непріятель потерялъ при этомъ болѣе 100 чел. плѣнными, въ числѣ которыхъ находился двухбунчужный паша Махмутъ-Тиранъ,

---

[1]) Планъ № 7.

и потеряли пашинское знамя. Наша убыль состояла изъ 50 чел. убитыми и ранеными.

Авангардное дѣло 24 сентября, заставило предполагать, что нашъ Ольтеницкій отрядъ, не могъ удержать турокъ отъ движенія къ Силистріи. Поэтому, кн. Багратіонъ приказалъ этому отряду спѣшить въ Калараш и соединиться съ войсками подъ Силистріей. Въ тоже время приказано было поспѣшить доставкою изъ Бузео осадныхъ орудій.

Успѣхъ осады Силистріи зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того—удастся-ли разбить въ полѣ, высланныя визиремъ, для освобожденія крѣпости войска? Поэтому кн. Багратіонъ, притянувъ къ Силистріи Ольтеницкій отрядъ принца Мекленбургскаго, приказалъ въ тоже время, корпусу гр. Каменскаго 1, прибывшему въ Кюстенджи 22 сентября, оставивъ тамъ небольшой постъ, слѣдовать въ Бехтыркіой, для сближенія съ Силистріей.

Между тѣмъ визирь, послѣ неудачнаго дѣла 24 числа, оставался въ бездѣйствіи.

Въ это время изъ Бузео доставлено было еще 6 осадныхъ орудій, которыя и поставлены 1 октября, на батарею лѣваго берега Дуная, Штретера. Огонь этихъ и бывшихъ уже въ дѣйствіи 7 осадныхъ орудій, производилъ сильные пожары въ крѣпости. Одна бомба, пущенная изъ пяти-пудовой мортиры, ударила въ каменный магазинъ и зажгла его.

Пользуясь темнотою ночи, изъ Силистріи высылались лодки для сообщенія съ визирскою арміею, и помощію ихъ, въ крѣпости получено было приказаніе держаться, до крайности, въ ожиданіи скораго прибытія подкрѣпленій, которыя 4 октября снова начнутъ наступленіе по дорогѣ изъ Капаклы. Поэтому въ этотъ день, гарнизонъ долженъ сдѣлать сильную вылазку, для облегченія дѣйствій на капаклійской дорогѣ.

Въ частномъ письмѣ кн. Багратіона къ гр. Аракчееву, писанномъ 26 сентября, на другой день послѣ дѣла 24 числа, есть не лишенныя интереса его замѣчанія, характеризующія современное положеніе дѣлъ въ арміи, вообще, и подъ Силистріей въ частности.

Упоминая о позднемъ времени года и запоздаломъ приступѣ къ Силистріи, что было результатомъ медленности кн. Прозоровскаго,—Багратіонъ говоритъ: «ежели бы умирать старому фельдмаршалу, лучше бы онъ умеръ три мѣсяца прежде, и теперь-бы, можетъ быть, я васъ поздравилъ съ миромъ. Поздно, боюсь крѣпко дурной погоды. Крѣпость Силистрія еще ни кѣмъ не была взята и, по настоящему *цѣл*..., я хочу собраться всѣми моими напряженіями, авось прол....

«Если-бы 10 дней прежде сдался Измаилъ, я бы, съ корпусомъ Засса, отрѣзалъ визиря отъ Шумлы, и поставилъ бы его между двухъ огней или потопилъ въ Дунаѣ. Правила мои вонъ каковы: не дремать никогда, и непріятеля не пренебрегать тоже никогда.

«Цѣль моя была, возбудить армію и сдѣлать ее храброю. Я вамъ безъ хвастовства говорю, что сдѣлано у меня: *ступай одинъ русскій, противъ десяти.* Я самъ ничего не жалѣю—послѣднею копѣйкою, моихъ вѣрныхъ и пою, и кормлю. Я лучше умру, нежели ихъ обижу. Умру честно и голымъ. Богъ знаетъ душу мою».

Любовь къ русскому солдату и всему русскому сказалась также въ просьбѣ кн. Багратіона, изложенной въ томъ же письмѣ его къ гр. Аракчееву, не присылать ему въ армію ни офицеровъ, ни чиновниковъ, не русскаго происхожденія. Мнѣ нужны русскіе, а не иноземцы: они, никогда, не привыкли служить одному, а всегда многимъ служатъ. Простите мнѣ мое чистосердечіе. Благо Государя нашего дороже мнѣ моей жизни» [1]).

---

[1]) Воен. Учен. Арх. № 1384, стр. 558—586.

Между тѣмъ, армія визиря, какъ-бы подкрадывалась къ Силистріи, вступая въ тайныя сношенія съ ея гарнизономъ. «Визирь лукавитъ какъ лисица» — отозвался о немъ кн. Багратіонъ.

Послѣ неудачнаго для турокъ дѣла 24 сентября, новыя силы, высланныя визиремъ къ Силистріи, предприняли, какъ уже сказано, совмѣстно съ гарнизономъ крѣпости, произвести новое нападеніе на наши войска, 4 октября.

Дѣйствительно, въ этотъ день густыя массы непріятеля, выступивъ изъ Силистріи, аттаковали наши передовыя войска на базарджидской и гирсовской дорогахъ. Послѣ шестичасовой перестрѣлки, турки, потерявъ болѣе 400 челов., возвратились въ крѣпость.

Въ тоже время, большое число непріятельской конницы появилось на капаклійской дорогѣ, но не двигалось впередъ.

Платовъ также не оставлялъ своей позиціи (D), ожидая нападенія непріятеля. Когда же перестрѣлка подъ Силистріей прекратилась, и вылазка гарнизона была отбита,—турецкая конница, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, возвратилась въ Капаклы и потомъ отступила по туртукайской дорогѣ.

Положеніе осажденныхъ, съ каждымъ днемъ, становилось затруднительнѣе.

Новая неудача могла имѣть пагубное вліяніе на Силистрійскій гарнизонъ. Поэтому, нерѣшительный и болѣзненный визирь счелъ, наконецъ, необходимымъ, предпринять серіозныя мѣры къ освобожденію Силистріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, только теперь Иликъ-Оглу отвѣтилъ генералу Платову, на письмо его, отъ 14 сентября.

Въ этомъ письмѣ, отъ 5 октября (ст. ст.), Иликъ-Оглу увѣдомлялъ, что, обѣщая дать отвѣтъ на полученное имъ письмо, онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ русскіе, не дождавшись отвѣта, начали бомбардировать

Силистрію.—«Но крѣпость, подвергнутая 5 или 10 дневному бомбардированію, не можетъ еще быть разрушенною. Счастіе или несчастіе даются намъ отъ Бога, и мы предаемся на Его волю.

«Вы требуете, чтобы крѣпость Силистрія сдалась безъ пролитія крови. Вы пишете также о моей дружбѣ къ Россіи: дѣйствительно дружба эта существовала, и я, навсегда, сохраню эти чувства.

«Но предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете, не согласуется, ни съ чувствомъ дружбы, ни съ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Я, нижайшій слуга Блестящей Порты—какъ-же я могу выполнить ваши требованія и предложенія?

«Если бы, во время войны съ Франціей, французы сдѣлали-бы вамъ подобное предложеніе, и вы приняли бы его, были бы вы преступны предъ своимъ дворомъ, и обезчесчены предъ своими равными?» [1]).

Этимъ письмомъ уничтожалась надежда кн. Багратіона, о которой онъ доносилъ Императору, что по показаніямъ выходцевъ: — «Иликъ-Оглу, войска и обыватели, весьма наклонны, къ сдачѣ города, но что одинъ Сераскиръ Хозревъ Мегметъ тому противится».

Теперь напротивъ слѣдовало ожидать самой упорной обороны крѣпости, и покушеній визиря, освободить ее отъ осады.

Для достиженія этой цѣли, 7 октября, визирь двинулъ большую часть своей арміи изъ Рущука къ Туртукаю, съ цѣлью дальнѣйшаго движенія къ Силистріи. Арміей этой командовали, извѣстный Пегливанъ-паша, Боснякъ-Ага и трехбунчужный паша Мегметъ.

Въ два часа пополуночи на 9 число, турецкая армія, къ которой присоединились и войска, стоявшія у Ка-

---

[1]) Traduction de la lettre de Jlik—Oglou, à s. e. le. gener. Platoff. De 5 oct.—Воен. Учен. Арх. № 1384, стр. 625.

паклы, расположились на высотахъ при деревнѣ Татарицѣ, въ 7 верстахъ отъ Силистріи, и тотчасъ-же начали укрѣплять свою позицію сильными окопами.

Упирая лѣвый флангъ въ Дунай, весь фронтъ непріятельской позиціи былъ прикрытъ земляным валомъ, у Татарицы. Въ полуторѣ версты отъ окоповъ, противъ ихъ середины возвышалась сильная центральная батарея (*m*), а другая батарея (*n*) находилась впереди праваго фланга [1]).

Узнавъ о прибытіи большихъ непріятельскихъ силъ къ Татарицѣ, кн. Багратіонъ лично отправился къ корпусу г.-л. Платова, усиливъ его 9 баталіонами пѣхоты, взятыми изъ оставленныхъ подъ Силистріей корпусовъ гр. Ланжерона и Маркова.

Платовъ стоялъ въ выгодной позиціи въ намѣреніи раскрыть силы непріятеля. Такъ какъ нельзя было сомнѣваться, что силистрійскій гарнизонъ вышлетъ часть войскъ для дѣйствія въ тылъ отряду Платова, то г.-м. Лисаневичъ (*g*), съ баталіономъ пѣхоты, Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, двумя эскадронами драгунъ и частью казаковъ, былъ высланъ на туртукайскую дорогу, для отраженія могущихъ быть, съ этой стороны, непріятельскихъ вылазокъ.

Сдѣлавъ обозрѣніе турецкихъ окоповъ при Татарицѣ, кн. Багратіонъ нашелъ ихъ неприступными и заключилъ, что занимавшая ихъ армія превышала 20.000 человѣкъ.

Впереди окоповъ стояла передовая цѣпь турецкой конницы, а въ ближайшихъ рытвинахъ, покрытыхъ кустарникомъ, залегли янычары.

Въ корпусѣ Платова, считая и высланныя къ нему для усиленія войска, было всего 16 баталіоновъ пѣхоты, численностію не болѣе 4.500 челов.; 25 эскадро-

---

[1]) Планъ № 7.

новъ кавалеріи и 10 казачьихъ полковъ. Не смотря на такую несоразмѣрность въ силахъ и на мѣстныя выгоды, которыми пользовался непріятель, кн. Багратіонъ, помня правило Суворова — «считать непріятеля только послѣ его пораженія» — рѣшился аттаковать сильную позицію турокъ, и тѣмъ поставилъ на карту судьбу Силистріи и всей кампаніи этого года.

Позиція, занятая корпусомъ Платова, представляла возвышенную, открытую къ сторонѣ непріятеля мѣстность, что давало возможность ясно видѣть его приближеніе и дозволяло кавалеріи вполнѣ развить свои дѣйствія.

Но для этого нужно было, чтобы турки вышли изъ окоповъ въ поле.

Вся пѣхота отряда нашего была построена въ шесть двухбаталіонныхъ карре (FF): на правомъ флангѣ Московскій гренадерскій полкъ подъ командою принца Карла Мекленбургскаго (1). Затѣмъ слѣдовало карре (2)—Малороссійскій гренадерскій полкъ Палагейко.

Въ центрѣ (3) Воронежскій мушкетерскій полкъ и 3 роты Архангелогородскаго полка, подъ начальствомъ Бахметьева, и (4)—Украинскій полкъ Кушникова. На лѣвомъ флангѣ (5)—Новгородскій мушкетерскій полкъ Рѣпнинскаго и (6)—карре кн. Трубецкого—7-й егерскій полкъ и баталіонъ 14-го егерскаго полка.

Въ промежуткахъ между карреями поставлены Бѣлорусскій гусарскій, Стародубовскій, Дерптскій, Сѣверскій драгунскій полки, и четыре казачьихъ полка. Остальные шесть полковъ казаковъ выставлены впередъ (D), прикрывая всю линію карреевъ, заходя версты на двѣ за крайнее лѣвое карре.

Въ такомъ порядкѣ, кн. Багратіонъ ожидалъ наступленія непріятеля. Но турки не намѣревались оставлять своихъ окоповъ и, въ свою очередь, ждали нападенія.

Въ надеждѣ выманить ихъ въ поле, кн. Багратіонъ приказалъ передовымъ казакамъ, аттаковать непріятельскую конницу, стоявшую впереди окоповъ (EE). Казаки понеслись впередъ и заставили турецкую конницу ускакать къ окопамъ, изъ которыхъ никто не выступалъ для ихъ поддержанія. Тогда въ 4 часа 10 сентября, кн. Багратіонъ рѣшился взять приступомъ сильную непріятельскую позицію впереди окоповъ. Дѣло начато было однимъ изъ центральныхъ карре, подъ начальствомъ Бахметьева (3), которому приказано было овладѣть батареею (*m*).

Бахметьевъ двинулся впередъ въ 7 часовъ утра. Непріятельская батарея открыла по немъ сильный пушечный огонь, а занимавшіе кусты янычары начали ружейную стрѣльбу. Тогда Бахметьевъ, разсыпавъ стрѣлковъ, остановился въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ батареи и выставилъ на высотахъ, впереди карре, четыре орудія.

Стрѣлки скоро принудили янычаръ очистить кустарники. Но вскорѣ турки, выйдя изъ батареи и получивъ подкрѣпленіе изъ окоповъ при Татарицѣ, густыми массами двинулись впередъ, въ намѣреніи захватить пушки Бахметьева. Жестокій картечный огонь нашихъ орудій производилъ страшныя опустошенія въ непріятельскихъ массахъ, которыя пришли въ разстройство.

Тогда, Ланской, съ Бѣлорусскими гусарами, и гр. Строгановъ съ Атаманскимъ казачьимъ полкомъ, врубились въ толпы непріятеля и обратили его въ бѣгство. Турки свезли съ батареи (*m*) орудія и оставили ее, преслѣдуемые гр. Строгановымъ и Ланскимъ.

Бахметьевъ занялъ батарею (*m*) и, установивъ на ней свои пушки, открылъ огонь по окопамъ у Татарицы.

Расчитывая, что турки произведутъ изъ окоповъ новую аттаку для отбитія занятой Бахметьевымъ батареи, кн. Батратіонъ придвинулъ къ ней еще два карре (4 и 5),

что было также необходимо, для вступленія въ связь съ правофланговыми карреями.

Карреи эти (1 и 2), вскорѣ послѣ того какъ Бахметьевъ началъ дѣло, также двинулись впередъ: 1-е лощиною по берегу Дуная, а 2-е по краю высотъ, спадающихъ въ эту лощину.

Густыя полпы непріятеля, выступивъ изъ Татарицкихъ окоповъ, встрѣтили оба правофланговыя карре, сильною аттакою, но были опрокинуты. Получивъ новыя подкрѣпленія, турки снова бросились впередъ и, на этотъ разъ, заставили наши карреи отступить.

Одержавъ успѣхъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, непріятель, присоединивъ часть войскъ съ этого фланга къ центру, повелъ отчаянную аттаку на занятую Бахметьевымъ батарею (*m*). Аттака была до того отважна, что, не смотря на убійственный картечный и ружейный огонь, многіе турки ворвались въ самую батарею, гдѣ и были переколоты штыками. Нападеніе было отбито съ огромнымъ урономъ. Казаки преслѣдовали бѣгущихъ.

Между тѣмъ, пользуясь ослабленіемъ лѣваго непріятельскаго фланга, 1-е и 2-е карреи, устроившись послѣ отступленія, двинулись снова впередъ и стали по одну линію съ центральными карреями.

Лѣвофланговое карре кн. Трубецкаго (6) начавъ наступленіе, вскорѣ по начатіи боя въ центрѣ, подошло къ батарѣе (*n*) и, занявъ ее, открыло изъ нея пальбу по окопамъ праваго непріятельскаго фланга. Бой уже длился два часа. Но въ это время на поле сраженія прибылъ изъ Туртукая корпусъ албанцевъ (*k*). Испытавъ неудачу на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, непріятель усилилъ теперь свой правый флангъ, и вмѣстѣ съ прибывшими албанцами устремился на стоявшее, отдѣльно отъ центра, карре кн. Трубецкаго, и окружилъ его.

Кн. Багратіонъ немедленно выслалъ въ подкрѣп-

леніе Трубецкаго Стародубовскій и Дерптскій драгунскіе полки, при графѣ Паленѣ. Но непріятель былъ слишкомъ силенъ. Не смотря на огонь прибывшихъ съ Паленомъ 6 орудій донской артиллеріи, турки, опрокинувъ драгунъ, уже значительно утомленныхъ боемъ и имѣвшихъ крайне истощенныхъ, отъ недостатка корма, лошадей, отбили у насъ двѣ пушки.

Болѣе часу Трубецкой геройски держался, отбивая огнемъ всѣ аттаки противника. Послѣ одной изъ удачно отбитыхъ аттакъ, когда турки, бывшіе противъ задняго фаса карре, разсѣялись, оставивъ недалеко отъ карре отбитыя ими два нашихъ орудія, Трубецкой выслалъ изъ карре стрѣлковъ. Перебивъ турецкую прислугу при орудіяхъ, у которыхъ лошади были переранены, стрѣлки, на рукахъ привезли свои отбитыя пушки.

Видя опасность положенія Трубецкаго, кн. Багратіонъ выслалъ къ нему еще карре Украинскаго полка (4). Прибытіе этого карре и возобновленіе аттаки драгунъ, заставили, наконецъ, непріятеля отступить на правомъ своемъ флангѣ.

Во время аттакъ непріятельскихъ на карре кн. Трубецкого, до 3.000 чел. выступило изъ Силистріи, въ намѣреніи ударить въ тылъ нашихъ войскъ у Татарицы. Кн. Багратіонъ предвидѣлъ возможность такой попытки и, какъ мы видѣли, выставилъ для отраженія вылазки отрядъ г.-м. Лисаневича. Въ то время какъ Лисаневичъ (*g*) задерживалъ непріятеля съ фронта, г.-л. Мантейфель (*hh*) съ двумя баталіонами пѣхоты, и отрядомъ кавалеріи, взятыми изъ корпуса г.-л. Маркова, ударилъ въ лѣвый флангъ турокъ и заставилъ ихъ возвратиться въ крѣпость [1]).

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 14 октября 1809 г. и рапортъ г.-л. Платова отъ 15 ноября 1809 г. В. Уч. Арх. № 1384, стр. 608—624.

Было уже 5 часовъ пополудни. Бой все еще продолжался по всей линіи, хотя, послѣ отступленія отъ нашего лѣваго крыла, турки уже не переходили въ наступленіе, а поддерживали только перестрѣлку.

Прибытіе на мѣсто боя албанскаго корпуса дало слишкомъ большой перевѣсъ непріятелю въ силахъ. Изъ Туртукая можно было ожидать прибытія еще новыхъ подкрѣпленій. Поэтому, хотя войска наши геройски отразили всѣ аттаки противника, но кн. Багратіонъ не могъ вести ихъ въ аттаку на непріятельскіе окопы при Татарицѣ, занятые сплошною массою турокъ; къ тому-же селеніе Татарица было окопано сильнымъ ретраншаментомъ, и усилено *множествомъ* батарей, какъ доносилъ кн. Багратіонъ.

Цѣль боя, во всякомъ случаѣ, была достигнута: большая часть визирской арміи, шедшая къ Силистріи, была остановлена.

Въ надеждѣ, что турки возобновятъ аттаку и снова выйдутъ изъ окоповъ, кн. Багратіонъ велѣлъ прекратить бой, но остался на занятыхъ имъ позиціяхъ, не уступивъ непріятелю ни шага своего поля сраженія.

Турки потеряли 16 знаменъ, болѣе 200 плѣнныхъ и до 2.000 убитыхъ и раненыхъ. Но и нашъ уронъ доходилъ до 500 человѣкъ. Кн. Багратіонъ остался на позиціи и весь слѣдующій день, 11 октября, въ напрасномъ ожиданіи нападенія. Турки оставались въ окопахъ и все болѣе и болѣе укрѣпляли ихъ, усиливаясь вновь прибывавшими изъ Туртукая войсками.

12 числа кн. Багратіонъ отошелъ три версты назадъ, занявъ прежнюю позицію, на которой стоялъ 10 октября (D и F). Чрезъ нѣсколько дней, именно 15 числа, въ Татарицу прибылъ самъ верховный визирь Юсуфъ-паша, съ остальною частью своей арміи.

Наступившіе холода, совершенная невозможность добыть достаточныя средства продовольствія, вслѣд-

ствіе опустошенія театра войны и крайней затруднительности перевозки по непроходимымъ дорогамъ, наконецъ, истощеніе послѣдняго подножнаго корма, отчего падали массы артиллерійскихъ и кавалерійскихъ лошадей, а оставшіяся въ строю едва держались на ногахъ, заставили кн. Багратіона снять осаду Силистріи, такъ какъ иначе онъ могъ быть окруженъ всею визирскою арміею.

Останавливаясь на значеніи сраженія при Татарицѣ, нельзя не замѣтить, что подготовка къ нему не достаточно хорошо была обставлена.

Сраженіемъ этимъ, въ случаѣ его успѣха въ нашу пользу, закончилась бы кампанія 1809 года на Дунаѣ. Паденіе Силистріи, т. е. сдача ея была бы неизбѣжна, вслѣдъ за пораженіемъ визирской арміи которая, въ виду наступившихъ холодовъ, разошлась бы на зиму по домамъ, какъ это всегда дѣлалось прежде, такъ какъ турки зимою не ведутъ войны.

Никакая властная сила не удержала бы турецкихъ войскъ подъ ружьемъ въ теченіи зимы, особенно послѣ рѣшительнаго пораженія.

Поэтому, татарицкій бой слѣдовало обставить наивыгоднѣйшими для насъ условіями.

Ввести въ дѣло наивозможно больше войскъ, такъ какъ было извѣстно, что 30,000 армія визиря можетъ изъ Рущука перейти къ Силистріи въ пять переходовъ.

Кн. Багратіонъ приступилъ къ Силистріи 11 сентября; 14-го послѣдовала сдача Измаила.

Освобождался, такимъ образомъ, весь корпусъ Засса, стоявшій подъ Измаиломъ. Это давало возможность двинуть на югъ, стоявшій у Исакчи и Тульчи, корпусъ гр. Каменскаго 1, который занялъ Бабадагъ; 22 сентября онъ пришелъ въ Кюстенджи, получивъ приказаніе, оставивъ здѣсь двѣ роты пѣхоты, двинуться къ Бехтыркіой, откуда всего два перехода до Силистріи.

Въ это время обнаружились уже наступательныя дѣйствія визиря, отдѣлившаго къ Силистріи большую половину своей арміи. Дѣло подъ Силистріей 24 сентября, хотя и кончившееся въ нашу пользу, несомнѣнно указывало, что приближается моментъ рѣшительнаго, генеральнаго боя въ полѣ, который долженъ рѣшить и судьбу Силистріи, и судьбу кампаніи текущаго года.

Поэтому, слѣдовало ожидать, что кн. Багратіонъ, приказавъ гр. Каменскому 1, выслать лишь слабые разъѣзды къ Базарджику, для наблюденія Варны, велитъ остальному корпусу его слѣдовать къ Силистріи, куда онъ могъ бы прибыть не позже 27 сентября, т. е. недѣли за двѣ до боя 10 октября.

Равнымъ образомъ, слѣдовало бы привлечь къ Силистріи и корпусъ Засса отъ Измаила. Промедленіе въ пріемѣ имущества крѣпости и выполненіе разныхъ формальностей сдачи, удержали корпусъ Засса въ Измаилѣ до 9 октября.

Такой медленности ничѣмъ нельзя извинить. Къ тому же, можно было оставить въ Измаилѣ всего баталіона четыре пѣхоты для пріемки и занятія крѣпости, а остальному корпусу, разрушивъ укрѣпленія Исакчи, Тульчи, Мачина и Гирсова, слѣдовало, отправивъ кавалерійскій разъѣздъ къ Кара-Арману для наблюденія береговъ Чернаго моря, идти къ Силистріи, куда онъ могъ бы прибыть не позже конца сентября, т. е. за 10 дней до генеральнаго сраженія.

Такимъ образомъ кн. Багратіонъ, считая и прибывшій изъ Ольтеницы къ Силистріи отрядъ принца Карла Мекленбургскаго, могъ бы имѣть, ко дню генеральнаго боя, до 40.000 челов. подъ ружьемъ, чего было совершенно достаточно для совершеннаго разбитія всей визирской арміи.

Имѣя въ виду, что турокъ было въ Силистріи не болѣе 10,000 челов. вмѣстѣ съ жителями, и что войска наши,

блокировавшія крѣпость, были прикрыты сильными редутами [1]), въ день генеральнаго боя не слѣдовало оставлять подъ крѣпостью болѣе 10.000 человѣкъ.

Тогда кн. Багратіонъ могъ бы вывести въ поле до 30.000 челов.; вмѣсто того, въ сраженіи при Татарицѣ у него было не болѣе 4.500 человѣкъ пѣхоты противъ 30.000 непріятельской арміи. Если и при такой несоразмѣрности въ силахъ, всѣ аттаки турокъ были отбиты горстью нашихъ войскъ, можно-ли сомнѣваться, что съ 30.000 чел. кн. Багратіонъ уничтожилъ бы визирскую армію?

Правда, кн. Багратіонъ съ своими слабыми силами не могъ аттаковать татарицкіе окопы, которые онъ называлъ неприступными; но въ аттакѣ ихъ не было и надобности.

Если бы, оставивъ на занятыхъ имъ позиціяхъ до 10.000 человѣкъ, остальныя 20.000 онъ направилъ бы въ обходъ праваго непріятельскаго фланга чрезъ Капаклы на туртукайскую дорогу, въ тылъ непріятелю при Татарицѣ, то безъ всякаго сомнѣнія, турки, боясь быть отрѣзанными отъ Туртукая и сброшенными въ Дунай, бросили бы свои окопы и бѣжали-бы въ Туртукай — тогда побѣда была бы полная. Сдача Силистріи, а можетъ быть и Рущука, были бы ея послѣдствіями.

Ничто не мѣшало кн. Багратіону поступить именно такимъ образомъ, т. е. сосредоточить подъ Силистріей всю свою армію. Къ чему было, вмѣсто движенія корпуса гр. Каменскаго къ Силистріи, направлять его изъ Бехтыркіой къ Базарджику и далѣе къ Коварнѣ? съ этой стороны никакихъ непріятельскихъ силъ, кромѣ небольшихъ партій не встрѣчалось.

Извѣстно было положительно, что вся визирская армія собрана къ Рущуку и половина ея идетъ уже къ Силистріи.

---

[1]) Редуты эти, ошибочно показаны на планѣ № 7-й такими знаками, какими изображаются карреи.

Слѣдовательно, не было никакой надобности раздроблять силы, въ то именно время, когда ихъ надлежало сосредоточить.

Если бы наконецъ, высланные къ сторонѣ Варны, Коварны или Кара-Арману разъѣзды, открыли появленіе на берегу Чернаго моря турецкаго дессанта, который могъ бы угрожать тылу нашихъ войскъ подъ Силистріей; то всегда была возможность, имѣя столь значительную армію, отдѣлить часть ея для разбитія этого дессанта въ полѣ, на восточной или на южной сторонѣ крѣпости т. е. розыграть бой подобно татарицкому.

Даже не вдаваясь въ сферу предположеній, нельзя не признать важною ошибкою то обстоятельство, что кн. Багратіонъ не счелъ возможнымъ ввести въ бой при Татарицѣ болѣе 4.500 пѣхоты.

Правда, въ донесеніи Императору, отъ 14 октября, т. е. уже *послѣ* сраженія при Татарицѣ, онъ пишетъ, что имѣя въ сраженіи всего 16 баталіоновъ пѣхоты (подъ ружьемъ 4.5000 челов.), онъ оставилъ подъ Силистріей столько же, и болѣе оттуда взять не могъ. Но еще 6 октября, за нѣсколько дней *до сраженія* онъ писалъ гр. Аракчееву: «3 корпуса моихъ т. е. Платова, Маркова и Милорадовича (потомъ Ланжерона) составляютъ не свыше 20.000 челов. пѣхоты и кавалеріи» [1]). Изъ нихъ, ничѣмъ не рискуя, онъ могъ оставить на укрѣпленной, блокадной позиціи, только 5.000 человѣкъ.

Силистрійскій гарнизонъ, не считая жителей, не превосходящій этой-же цифры, могъ выслать для вылазки не болѣе 3.000 челов., какъ это и произошло въ нападеніи на отрядъ г.-м. Лисаневича на туртукайской дорогѣ. Слѣдовательно, куда бы непріятель не направилъ своей вылазки, онъ вездѣ могъ встрѣтить энергическій

[1]) В. Уч. Арх. № 1384. стр. 512.

отпоръ, и подвергнуться дѣйствію нашихъ блокадныхъ батарей.

Между тѣмъ, это давало возможность имѣть въ бою при Татарицѣ до 15.000 челов., т. е. слишкомъ втрое болѣе противъ того, что было введено въ дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты сраженія были бы болѣе рѣшительны, такъ какъ русской арміи было не трудно разбить двойныя силы противника.

Тогда не явилась бы необходимость снять осаду Силистріи и перевести армію на лѣвый берегъ Дуная, какъ это рѣшился сдѣлать кн. Багратіонъ.

Было уже сказано, что 15 октября прибылъ къ Силистріи верховный визирь, почти со всею своею Рущукскою арміею.

«Силы его (визиря), доносилъ кн. Багратіонъ императору, вчетверо и впятеро превосходятъ число всѣхъ войскъ, какія я около Силистріи, въ распоряженіи моемъ, имѣю; а крѣпость сія, не смотря на ежедневно производимую канонаду и бомбардированіе, къ сдачѣ не склоняется, сохраняя полное упованіе на помощь верховнаго визиря.

«Выжечь городъ нѣтъ способа. Всѣ строенія большею частію плетневыя, вымазанныя глиною; кровли черепичныя. Къ штурму слабость силъ моихъ приступить мнѣ не позволяетъ. Если бы я рѣшился, не взирая на ограниченность силъ моихъ, аттаковать армію верховнаго визиря, то вѣроятно претерпѣлъ бы я сильное пораженіе и принужденъ бы былъ съ большою потерею снять блокаду Силистріи; а когда бы остался подъ крѣпостью еще долѣе то, хотя и не былъ бы я аттакованъ войсками турецкими, но лишился бы, по недостатку подножнаго корма, всѣхъ кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей. Въ первомъ случаѣ исчезла-бы, такъ сказать, вовсе, Молдавская армія, а во второмъ, претерпѣла-бы она потерю, которой въ

одну зиму вознаградить невозможно, и сдѣлалась-бы неспособною къ дѣйствію съ наступленіемъ ранней весны.

«Предвидя сіи пагубныя послѣдствія, я старался избрать изъ двухъ золъ меньшее, и рѣшился отступить, съ сохраненіемъ славы, доселѣ оружіемъ В. В. И. пріобрѣтенной, и со сбереженіемъ войскъ на будущій походъ» [1]).

Даже въ случаѣ если-бы визирь, въ виду наступившей зимы, распустилъ-бы свою армію по домамъ, или если-бы она сама разошлась, кн. Багратіонъ не находилъ возможнымъ оставаться на правомъ берегу Дуная, а тѣмъ менѣе предпринять движеніе къ Балканамъ, какъ того требовали.

Въ письмѣ къ гр. Аракчееву отъ 6 октября кн. Багратіонъ указываетъ на невозможность оставаться на зиму за Дунаемъ и дѣйствовать въ полѣ, даже въ случаѣ пораженія визиря, такъ какъ кампанія была начата поздно.

«— Покойный фельдмаршалъ никогда не думалъ и не хотѣлъ твердою ногою быть за Дунаемъ, а хотѣлъ только дѣлать прогулку. Счастье мое, что ни одного въ плѣнъ у меня не взяли и меня считаютъ до 90.000; но коль узнаютъ, тогда надо подумать. Впрочемъ, признаюсь, я не боюсь въ лицо и 100.000, но боюсь, что бѣжавши впередъ буду безъ хлѣба.

«Если бы я имѣлъ 50.000 подъ ружьемъ, тогда бы штыкъ мой былъ самымъ искуснымъ дипломатомъ. Я бы въ 6 недѣль былъ въ Адріанополѣ, и визиря бы заставилъ подписать миръ, не на барабанѣ, а на спинѣ его (визиря). Я вамъ описывать не могу, какую нужду мы терпимъ. Даже я, изъ чего не имѣю и ѣсть себѣ изготовить» [2]).

Теперь же кн. Багратіонъ доносилъ: «Я воюю въ

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 10 ноября 1809 г. В. Уч. Арх. № 1384.
[2]) В. Уч. Арх. № 1384, стр. 602.

степи. Если арміи идти за визиремъ въ Балканы, то по сдѣланному исчисленію, для доставленія въ тамошнихъ пустыняхъ одного продовольствія, кромѣ фуража, потребуется везти на 80.000 волахъ; но и тѣхъ кормить будетъ нечѣмъ. Слѣдственно волы артиллерійскіе и конныхъ полковъ лошади должны будутъ пасть».

«Всѣ сіи обстоятельства достаточно доказываютъ совершенную невозможность привести въ дѣйствіе такое предпріятіе. Я было помышлялъ о томъ, чтобы, когда овладѣю Силистріею и Базарджикомъ, и миръ до зимы не послѣдуетъ, стать въ линію, упираясь правымъ флангомъ къ Силистріи, а лѣвымъ къ Базарджику и къ берегу Чернаго моря, но и тутъ рождаются почти тѣже самыя препятствія въ продовольствіи и полагаются всѣ возможныя препоны. Сперва льдомъ сорветъ всѣ мосты, которые устроены, или еще устроятся на Дунаѣ, а потомъ рѣка сія въ продолженіи зимы въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько разъ замерзаетъ, но никогда такъ, чтобы по льду можно было препровождать транспорты. Въ такомъ положеніи дѣлъ, не въ состояніи я продолжать здѣсь кампаніи далѣе, какъ до ноября; а тогда, для предотвращенія погибели арміи, почитаю необходимо нужнымъ, оставя въ крѣпостяхъ на правомъ берегу Дуная гарнизоны и снабдя ихъ продовольствіемъ, всѣ прочія войска переправить на лѣвый берегъ той рѣки. Если обрѣту возможность, всячески стараться стану оставить легкія войска на правой сторонѣ Дуная, дабы содержать и въ продолженіи зимы непріятеля въ надлежащемъ почтеніи; но предварительно въ томъ никакъ удостовѣрить не могу, поелику и сіе зависитъ отъ возможности снабженія продовольствіемъ. Съ наступленіемъ же самой ранней весны, то есть во второй половинѣ марта мѣсяца, полагаю я, паки, съ арміею переправиться на правую сторону Дуная и, раззоривъ укрѣпленія въ Мачинѣ и Гирсовѣ, идти къ Балканскимъ

горамъ, дабы пройти оныя прежде, нежели армія верховнаго визиря въ состояніи будетъ подоспѣть туда; и тогда силою оружія принудить его подписать миръ на тѣхъ условіяхъ, какія Вашему Императорскому Величеству предначертать благоугодно будетъ» [1]).

Не рѣшаясь безъ разрѣшенія Императора перевести свою армію на лѣвый берегъ Дуная, и не считая возможнымъ оставаться долѣе подъ Силистріей, кн. Багратіонъ, 14 сентября, перешелъ къ Сатаноу, и остановился здѣсь въ ожиданіи преслѣдованія со стороны визиря. Но турки не отходили отъ Силистріи.

Тогда кн. Багратіонъ перешелъ 17 числа къ Расеватѣ, а 20 къ Черноводамъ, гдѣ и остановился въ ожиданіи приказаній изъ Петербурга.

Выдвинутый къ сторонѣ Варны корпусъ гр. Каменскаго I также не могъ оставаться отдѣленнымъ отъ главной арміи, и потому получилъ приказаніе отступить къ Кюстенджи.

Во время блокады Силистріи главными силами кн. Багратіона, дѣйствія отдѣльныхъ корпусовъ на лѣвомъ флангѣ не представляли ничего замѣчательнаго, ограничиваясь развѣдками о непріятелѣ.

Такъ, высланный изъ корпуса г.-л. Маркова, находившагося въ Бахтыркіой, казачій разъѣздъ, при подполковникѣ Сысоевѣ 3, подошелъ 17 сентября на двѣ версты къ Базарджику. До 300 чел. турецкой конницы выступило ему на встрѣчу.

Имѣя въ виду, что непріятель могъ получить изъ Базарджика подкрѣпленія, Сысоевъ не вступилъ въ дѣло и отступилъ къ деревнѣ Эбизей, захвативъ при этомъ 14 болгаръ, ѣхавшихъ изъ Варны.

Какъ розыски Сысоева, такъ и показаніе плѣнныхъ

---

[1]) Тамъ-же.

болгаръ, удостовѣряли, что ни въ Базарджикѣ, ни въ Варнѣ, не имѣется значительныхъ силъ непріятеля.

Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы направить корпусъ гр. Каменскаго къ Силистріи, а не удалять его отъ нея, какъ это сдѣлалъ кн. Багратіонъ.

Между тѣмъ, гр. Каменскій, вступивъ 22 сентября въ Кюстенджи, получилъ приказаніе двинуться чрезъ Бахтыркіой къ Коварнѣ, куда и прибылъ 26 числа.

Въ тотъ же день, по дорогѣ въ Варну были высланы казачьи разъѣзды, эсауловъ Извилова и Синеокова. Разъѣзды эти встрѣтили партію турецкихъ фуражировъ подъ прикрытіемъ конницы, силою до 400 ч.

Не смотря на свою малочисленность, казаки бросились въ аттаку и отбили у непріятеля до 60 паръ воловъ, весьма пригодившихся для продовольствія арміи.

Все остальное время, до полученія приказанія отступить къ Кюстенджи, корпусъ гр. Каменскаго 1, тщетно старался открыть непріятеля: его не оказалось и потому Каменскій оставался въ бездѣйствіи.

Въ Большой Валахіи никакихъ дѣйствій также не происходило.

Г.-л. Милорадовичъ, принявъ начальство надъ корпусомъ гр. Ланжерона, расположилъ свою главную квартиру въ Бухарестѣ.

Послѣ сраженія при Расеватѣ, все вниманіе турокъ было сосредоточено къ сторонѣ Силистріи.

Въ Журжѣ оставленъ былъ только пикетъ. Въ Рущукѣ виднѣлся значительный лагерь, той части визирской арміи, которая осталась за отправленіемъ остальной чрезъ Туртукай къ Силистріи.

Наступленія отъ Журжи ожидать было нельзя. Въ Турно находился турецкій гарнизонъ до 500 человѣкъ. Въ Никополѣ, лежащемъ противъ Турно, также находился небольшой гарнизонъ. Остальныя же, бывшія въ

Никополѣ войска, хотя и очень неохотно, выступили къ Рущуку.

Затѣмъ, въ другихъ пунктахъ по Дунаю имѣлись скорѣе наблюдательные посты, чѣмъ отряды турецкихъ войскъ.

Такъ, въ Фламундѣ, стояло всего 200 человѣкъ при 2 орудіяхъ и въ Зимницѣ 100 челов. Г.-л. Милорадовичъ, спокойный за Бухарестъ и Большую Валахію, отправился въ Краіовъ, куда прибылъ 16 сентября, съ цѣлью сообразить—какую можно оказать помощь сербамъ. Но въ этотъ самый день, какъ мы видѣли, сербы одержали на Моравѣ рѣшительную побѣду надъ турками, которые вскорѣ, по полученнымъ отовсюду извѣстіямъ, стали отступать и расходиться по домамъ.

Кн. Багратіонъ продолжалъ стоять на линіи Траянова вала, въ ожиданіи курьера изъ Петербурга, съ отвѣтомъ на предположеніе перейти на лѣвый берегъ Дуная.

Корпусъ гр. Ланжерона занималъ Черноводы, Засса-Карассу, а гр. Каменскаго 1—Кюстенджи.

Корпусъ Платова составлялъ авангардъ арміи, находясь у Бейлика и разсылая разъѣзды во всѣ стороны, какъ для развѣдыванія о непріятелѣ, такъ и въ надеждѣ вызвать появленіе его силъ въ полѣ, что дало бы возможность разбить ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Багратіонъ, пользуясь наступившимъ съ обѣихъ сторонъ бездѣйствіемъ, рѣшился овладѣть Браиловымъ.

Осада Браилова была поручена корпусу Эссена 3-го, который былъ усиленъ 4 баталіонами пѣхоты, и всею осадною артиллеріею, возвратившеюся отъ Силистріи. Часть дунайской флотиліи также отправлена была къ Браилову.

Корпусъ Эссена 3-го, стоявшій подъ Браиловымъ, имѣлъ подъ ружьемъ до 7.500 челов. и былъ расположенъ на сѣверной сторонѣ крѣпости, лѣвымъ флангомъ

примыкая къ краю высотъ, спадающихъ отсюда къ Дунаю [1]).

2 ноября Эссенъ обложилъ Браиловъ тѣснѣе, расположивъ свой корпусъ, двумя отдѣльными отрядами. На южной сторонѣ отрядъ принца Карла Мекленбургскаго—2 баталіона Московскаго гренадерскаго полка съ 4 орудіями, а за ними 1 батал. 14 егерскаго полка и Лифляндскій драгунскій полкъ.

На сѣверной сторонѣ находились: отрядъ Колюбакина—Архангелогородскій и Смоленскій полки и 2 баталіона Мингрельскаго полка, съ $^1/_2$ ротой батарейной артиллеріи. За нимъ стоялъ отрядъ князя Вяземскаго—Воронежскій полкъ, 1 баталіонъ Вятскаго, 3 эскадрона Ольвіопольскаго гусарскаго и Житомірскій драгунскій полки съ 4 орудіями конной артиллеріи.

Для связи обѣихъ частей корпуса, 4 ноября, насыпаны штерншанцы, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ баталіонъ Бутырскаго и баталіономъ 27-го егерскаго полковъ.

Вокругъ крѣпости, примыкая флангами къ Дунаю, выставлена цѣпь наблюдательныхъ пикетовъ, а дунайская флотилія стояла частями выше и ниже крѣпости.

Затѣмъ, открыты были дальнѣйшіе подступы подъ руководствомъ инженера, маіора Мишо, имя котораго сдѣлалось, впослѣдствіи, столь извѣстнымъ, во время войны 1812 года.

Штерншанцы, по случаю затруднительности работъ въ мерзломъ грунтѣ, были окончены, одинъ, не ранѣе 6-го, а другой только 12 числа.

Во время этихъ работъ, турки производили лишь слабыя вылазки, боясь удалиться отъ крѣпости, далѣе пушечнаго выстрѣла.

Осадная артиллерія прибыла къ Браилову только 13 ноября; вслѣдъ-затѣмъ, было приступлено къ устрой-

---

[1]) Пл. № I, стр. 218.

ству съ сѣверной стороны крѣпости, двухъ сильныхъ брешь-батарей, каждая на 12 осадныхъ орудій, и выведены подступы впередъ, для насыпки еще одной батареи.

Едва въ Браиловѣ получено было извѣстіе о прибытіи къ осаждающимъ осадныхъ орудій, какъ комендантъ крѣпости выслалъ парламентера, для переговоровъ о сдачѣ. Пока велись переговоры, Эссенъ не прекращалъ работъ, по возведенію брешь-батарей, которыя были окончены только къ 20 ноября. На другой день, 21 числа, Браиловъ сдался на капитуляцію. 5.000 турецкій гарнизонъ получилъ право свободнаго выхода въ Турцію. 205 мѣдныхъ орудій, 87 знаменъ, 1.300 бочекъ пороху, 1.700 патронныхъ ящиковъ, 200.000 пуль и болѣе 40.000 бомбъ были трофеями нашихъ войскъ [1]).

По сдачѣ Браилова, армія кн. Багратіона ничего не имѣла болѣе въ виду. Турки, отправивъ часть войскъ къ границамъ Сербіи, на Дунаѣ ничего не предпринимали.

Визирь ушелъ въ Шумлу. Большая часть его арміи разошлась по домамъ. На Дунаѣ непріятель имѣлъ 7,000 янычаръ у Рущука, терпя недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ. Журжа, вооруженная сильною артилеріею, имѣла незначительный гарнизонъ.

Капитанъ-паша, появившійся съ турецкимъ флотомъ около Варны, еще въ концѣ октября ушелъ въ Буюкъ-Дере.

Такимъ образомъ, турецкой арміи какъ бы не существовало. Она, кромѣ незначительной части, разошлась по домамъ, и взамѣнъ нея, на все время зимы, держались подъ ружьемъ только наемныя войска, извѣстныя подъ названіемъ *маріаскеровъ*.

Каждый изъ нихъ получалъ въ мѣсяцъ по 25 левовъ [2]) и продовольствіе отъ края.

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 30 ноября 1809 г.

[2]) Левъ около 20 коп. серебромъ.

Такихъ маріаскеровъ доставляетъ Анатолія и ихъ набиралось до 10.000 челов. Кромѣ этихъ войскъ, въ Румеліи и въ ближайшихъ къ Дунаю мѣстностяхъ, также набирались наемныя войска, числомъ до 10.000 челов., съ платою въ мѣсяцъ по 20 левовъ.

Въ пунктахъ по Дунаю находилось также до 10.000 челов., принадлежавшихъ Пегливану-пашѣ, Боснякъ-Агѣ, и нѣкоторымъ аянамъ, 7.000 изъ которыхъ находилось въ Рущукѣ, такъ что, въ ноябрѣ, вся турецкая армія, подъ ружьемъ, не имѣла болѣе 30.000 челов.

Въ виду такого положенія дѣлъ, намѣреніе кн. Багратіона отступить до весны на лѣвый берегъ Дуная принято было Императоромъ Александромъ крайне неблагопріятно.

Въ рескриптѣ къ кн. Багратіону отъ 25 октября, по поводу отступленія его арміи отъ Силистріи, и дальнѣйшихъ предположеній, Императоръ Александръ говорилъ: «Получивъ послѣднее донесеніе ваше о знаменитой побѣдѣ (при Татарицѣ), одержанной вами надъ турецкими войсками, подъ предводительствомъ Пегливана, поспѣшаю изъявить вновь всю справедливость, благоразумнымъ вашимъ усмотрѣніямъ и неутомимой дѣятельности вашей принадлежащую. Мужество и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, пріобрѣли себѣ въ семъ дѣлѣ новую славу, и дали новую надежду къ дальнѣйшимъ успѣхамъ» [1]).

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ предположеній кн. Багратіона, Императоръ пишетъ:— «Насколько происшествіе сіе само по себѣ радостно, столько прискорбно мнѣ было, вмѣстѣ съ тѣмъ, получить извѣстіе, о намѣреніи вашемъ возвратиться за Дунай».

Отступленіе за Дунай арміи кн. Багратіона, при

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

всѣхъ встрѣчахъ разбивавшаго непріятеля, имѣло неблагопріятный видъ, давая Европѣ и Турціи право, объяснять его въ смыслѣ пораженія русскихъ.

Никто не повѣрилъ бы, что причиною такого отступленія была неспособность Чевкина, признававшаго невозможнымъ продовольствовать армію за Дунаемъ, когда именно тамъ можно было найти значительные запасы продовольствія. Правда, трудно было достать сѣна или травы для лошадей. Но во всякомъ случаѣ затрудненія были преувеличены, и не было надобности имѣть при арміи, 80.000 воловъ, для подвоза продовольствія и фуража, которые можно было найти въ Болгаріи.

Отступленіе на лѣвый берегъ Дуная уничтожало всѣ плоды одержанныхъ на той сторонѣ рѣки побѣдъ. Приходилось начинать снова то, что уже было сдѣлано, и переходить Дунай, не раннею весною 1810 года, какъ предполагалъ кн. Багратіонъ, а не ранѣе іюля, такъ какъ разливъ рѣки могъ препятствовать переправѣ.

Затѣмъ, оставалось-бы не болѣе трехъ мѣсяцевъ для веденія новой кампаніи, чего было недостаточно для пріобрѣтенія рѣшительныхъ результатовъ, и война снова могла затянуться на неопредѣленное время, тогда какъ въ виду положенія дѣлъ въ Европѣ, необходимо было окончить войну, какъ можно скорѣе.

Война Наполеона съ Австріей кончилась пораженіемъ послѣдней.

Франція или Австрія, только что освободившіяся теперь отъ войны, окончившейся миромъ $^{2}/_{14}$ октября, могли къ веснѣ «собраться съ силами и вмѣшаться въ наши дѣла».

Англичане и турки могли вредить нашимъ военнымъ операціямъ своими высадками на Черномъ морѣ—«чего въ настоящее время вовсе, напротивъ, предполагать не можно».

Въ Испаніи, несмотря на многія неудачи, французы также были близки къ окончанію кампаніи, такъ какъ по замиреніи съ Австріей, Наполеонъ получалъ возможность отправить въ Испанію новыя силы. Были всѣ основанія предполагать что, покончивъ съ Испаніей, Наполеонъ не замедлитъ начать войну съ Россіей.

Отступленіе арміи кн. Багратіона за Дунай, какъбы свидѣтельствуя о нашей неудачѣ, могло возбудить въ Наполеонѣ мысль начать скорѣе кампанію противъ Россіи, чтобы воспользоваться отвлеченіемъ значительныхъ ея силъ для борьбы съ Турціей, борьбы, къ тому же, по его мнѣнію неудачной, такъ какъ приходилось отступать.

Нужно было, во что-бы то ни стало, устранить подобный поводъ для размышленій, такъ какъ Россія была положительно не готова для новой борьбы съ Наполеономъ.

Къ тому-же, зная обычай турокъ зимою не вести войны, и что никакая сила не въ состояніи удержать зимою турецкую армію подъ знаменами, Императоръ Александръ полагалъ, что стоитъ только арміи кн. Багратіона двинуться къ Балканамъ, чтобы овладѣть безпрепятственно всею Болгаріею.

Тѣмъ менѣе можно было согласиться на отступленіе арміи за Дунай.

«Я требую, писалъ Императоръ, чтобы отложить намѣреніе ваше къ переходу за Дунай. Употребите вы всѣ, и самыя крайнія, усилія, держаться въ странѣ, вами занимаемой, и если невозможно идти далѣе, или вызвать визиря на генеральную баталію, то удерживать, по крайней мѣрѣ, ваше положеніе, отражая всѣ покушенія непріятеля».

Нѣсколько дней спустя, по тому-же поводу, канцлеръ гр. Румянцевъ писалъ кн. Багратіону отъ 29 октября, что Императоръ Наполеонъ, заключая съ Австріею миръ, на условіяхъ довольно умѣренныхъ, пи-

салъ Императору Александру, что сдѣлалъ это единственно—«изъ уваженія къ Государю Императору, который не переставалъ пещись о сохраненіи Австріи, по колику можно, въ первобытномъ своемъ состояніи, и на чредѣ державъ, наиболѣе значущихъ».

«Поэтому, какъ писалъ кн. Багратіону гр. Румянцевъ отъ 30 октября, невозможно допустить, чтобы Австрія рѣшилась на новую войну съ Россіей, тѣмъ болѣе, что по секретной статьѣ заключеннаго договора, она должна выплатить Франціи 85 милліоновъ контрибуціи. Равнымъ образомъ, Наполеонъ, пока не закончитъ своихъ дѣлъ въ Испаніи, не можетъ дѣйствовать враждебно противъ Россіи, или направлять къ тому Австрію, во главѣ министерства которой стоитъ теперь гр. Меттернихъ, «который былъ главною причиною войны, между сими двумя державами возникшей».

Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ Европѣ представлялось вполнѣ выгоднымъ, для рѣшительныхъ и безотлагательныхъ нашихъ дѣйствій за Дунаемъ.

Канцлеръ гр. Румянцевъ приложилъ къ своему письму книгу, съ отмѣткою въ ней тогомѣста въ рапортѣ, которое относилось къ рѣшительности дѣйствій противъ турокъ фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, въ первую Екатерининскую войну Россіи съ Турціей. Кн. Багратіонъ обидѣлся, какъ этимъ сопоставленіемъ его дѣйствій съ дѣйствіями Румянцева, такъ и мнѣніями Гибша [1]), о татарицкомъ сраженіи—«покорно благодарю васъ за замѣтку... писалъ кн. Багратіонъ [2]). Я очень знаю, что Румянцевъ былъ умнѣе Багратіона! Онъ собралъ совѣтъ и перешелъ обратно,—я ни того, ни другаго не сдѣлалъ и слѣпо повинуюсь волѣ Монарха! Напрасно прислали, я давно читалъ и знаю содержаніе онаго (рапорта), «Прощайте,

---

[1]) Датскій послан. въ Константинополѣ.

[2]) 23 ноября 1809 г. Bagration 1809. № 247. М. И. Д.

вѣрьте мнѣ лучше, нежели *иновѣрцамъ*—(Гибшу). Оно полезнѣе будетъ. Они стелютъ мягко, но намъ спать жестко. Мнѣ кажется, лучше воевать противъ турокъ, нежели противъ меня и общаго блага... Я здѣсь ближе всѣхъ и лучше знаю... на что вы мнѣ мѣшаете? что за польза, зачѣмъ раскричались, что я отошелъ—вотъ прогулка моя какова: *Браиловъ палъ*. Это не шутка и никто не бралъ, что оно стоило намъ всегда? А теперь ни гроша и ни души. Лучше дайте мнѣ волю, лицомъ въ грязь не ударю; а если писать и вѣрить чужеземцамъ, тогда я буду и трусъ и нерѣшимъ, для того, что отнимаете всю мою вѣру и вѣрность. Это жалко, грустно, неполезно, больно и вредно. Что за бѣда, что хотѣлъ перейтить Дунай. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. Мнѣ надо было такъ сдѣлать, иначе не могу и будетъ *зеръ шлехтъ*. Прощайте, пусть другой бы сдѣлалъ въ 3 мѣсяца.....

«Я знаю много храбрыхъ издали и послѣ баталіи! Прошу Торнео и Аландъ въ примѣръ не ставить, совсѣмъ не то. Есть вещи невозможныя.

«Почему въ *Египтѣ* не держался N. (Наполеонъ), а ушелъ и погибель, стало, не невозможна была.

«Напрасно васъ обманываютъ и льстятъ для гибели нашей, что турковъ немного. Неправда, ихъ очень много, и не то, что бывало... Визирь этотъ самый, который былъ въ Египтѣ и билъ... (Наполеона). Я его не боюсь, онъ меня уважаетъ, такъ какъ я располагалъ; а теперь уже онъ мною будетъ повелѣвать, а я въ томъ, право, виноватъ не буду. За мною дѣло не станетъ, трусомъ не бывалъ, но хотятъ, чтобы я былъ трусъ! понять не могу, что за выгода? Арміею ворочать, не баталіономъ. Въ одну позицію влюбляться вредно. Прошу одной милости: дать мнѣ волю или вольность, иначе истинно принужденъ буду, по крайности духа и тѣла моего, остаться и просить избавленія. Вотъ вамъ, ваше

сіятельство, мое чистосердечіе. Весь вашъ кн. Багратіонъ».

Затѣмъ, въ припискѣ сказано, между прочимъ.

— «Мнѣ кажется, общее благо должно совѣстить каждаго. Не быть довольнымъ тѣмъ завоеваніемъ, что я сдѣлалъ въ короткое время: билъ въ полѣ, шелъ до нельзя; важныя крѣпости взялъ, мосты построилъ!... Теперь занимаюсь, къ веснѣ, строить суда для транспортовъ. Три года армія здѣсь стояла неподвижно. Кромѣ сплетни и побіенія отъ непріятеля, ничего не дѣлали. Флота на Черномъ морѣ я не имѣю, хотя и должно, и о томъ только и думаю.

«Виноватъ ли я, что въ 24 часа не могъ побѣдить Оттоманскую Порту? Прежнія войны длились по нѣскольку лѣтъ, имѣя притомъ союзниковъ, и оканчивали, почти, ни съ чѣмъ при мирѣ; а нынѣ я одинъ, флота нѣтъ, а можетъ быть и требованія наши такія, что не токмо туркамъ можно скоро согласиться, а можетъ быть другіе ихъ на сіе не допустятъ.

«Очень хорошо, дайте мнѣ 50.000 кавалеріи и столькоже пѣхоты, я на будущую кампанію заставлю ихъ—вѣрно. Иначе не можно. Для великихъ дѣлъ надо великіе способы, иначе далеко не уйдешь. Я смѣло и торжественно скажу, что никому не удалось такой кампаніи, какъ нынѣшняя. Если недовольны, я сожалѣю и охотно отдамъ другому, а самъ останусь какъ прапорщикъ. Пусть лучшій пріѣдетъ, я докажу, что умѣю повиноваться».

Если трудность открытія зимней кампаніи за Дунаемъ и признавалась въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе, намѣреніе кн. Багратіона перейти на зиму, со всею арміею на лѣвый берегъ Дуная, было тамъ, какъ уже сказано, принято крайне неблагопріятно.

— «Не требую я, писалъ Императоръ, чтобъ предпріяли вы въ настоящее время переходъ Балканскихъ горъ». Но удержаться за Дунаемъ было можно и нужно.

Кн. Багратіону было указано, что необходимые запасы продовольствія могутъ быть заготовлены въ занимаемыхъ нами на Дунаѣ крѣпостяхъ—Гирсово, Тульчѣ и Мачинѣ. Перевозка ихъ не представится очень затруднительной, такъ какъ Дунай замерзаетъ не надолго, и на немъ есть наша флотилія, которая можетъ подвозить припасы къ арміи. Собравъ всѣ обывательскія подводы въ краѣ, употребивъ даже въ дѣло артиллерійскихъ лошадей, можно было организовать и сухопутныя перевозочныя средства. Для этого нужно было только взяться за дѣло не съ энергіей Чевкина [1]., и—«отложивъ въ сторону всѣ снаровки, къ коимъ, кажется, онъ скловенъ»—сказано въ рескриптѣ. Указывая на то, что если войска наши могли добывать себѣ продовольствіе даже въ Торнео и, сверхъ того, одерживать зимою побѣды, Императоръ Александръ не сомнѣвался, что на Дунаѣ это тѣмъ болѣе было возможно. Въ крайнемъ случаѣ, войскамъ дозволялось выдавать только половинную порцію провіанта, увеличивая мясную дачу, такъ какъ добыть мяса на мѣстѣ не представляло затрудненій.

Имѣя въ виду, что отношенія наши къ Австріи не вызывали болѣе никакихъ съ этой стороны опасеній, кн. Багратіону дозволялось, если онъ найдетъ нужнымъ, увеличить число войскъ за Дунаемъ; присоединить къ себѣ Валахскій корпусъ Милорадовича, оставивъ отъ него только отряды для наблюденія Журжи и въ Браиловѣ [2]).

Рескриптъ этотъ кн. Багратіонъ получилъ 16 ноября. Но еще ранѣе, 14-го числа, онъ отвелъ свою армію отъ линіи Траянова вала къ Гирсово, куда и прибылъ 15 ноября. Въ Гирсово все уже было приготов-

---

[1]) Завѣдывавшаго продовольствіемъ арміи.

[2]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1353.

лено для переправы на лѣвый берегъ Дуная. Часть войскъ начала уже переправу.

Получивъ Высочайшій рескриптъ, не возвращться за Дунай, и словесное приказаніе Императора, о томъ-же, переданное генералъ-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ, привезшимъ рескриптъ, кн. Багратіонъ остановилъ дальнѣйшій переходъ на лѣвый берегъ, и остался въ Гирсово.

Въ объясненіе своихъ дѣйствій относительно предпринятаго отступленія, онъ писалъ военному министру отъ 18 ноября: «съ малочисленною арміею, дѣлая быстрыя движенія, намѣренъ я былъ показаться непріятелю сильнѣе, чѣмъ я былъ; но коль скоро превосходныя его силы, прибывающія на всѣхъ пунктахъ, дали ему способъ открыть истинное мое положеніе, то почиталъ я нужнымъ взять всѣ мѣры осторожности».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ пространномъ рапортѣ къ Императору отъ 17 ноября [1]) кн. Багратіонъ подробно излагалъ обстоятельства, побуждавшія его перейти на лѣвый берегъ Дуная. Въ то время, какъ превосходныя силы непріятеля пользуются запасами, хранящимися въ крѣпостяхъ — «на всемъ пространствѣ земли, начиная отъ Тульчи и Исакчи до Силистріи, Базарджика и Коварны, нѣтъ ни единаго обывателя, нѣтъ ни жилища, ни пристанища, ни единаго способа къ полученію первыхъ потребностей. Извѣстно, что турки имѣютъ превосходнѣйшую во всемъ свѣтѣ кавалерію; для побѣжденія ея — нужны кавалерія и артиллерія; но лошади, претерпѣвавши всѣ недостатки въ подножномъ кормѣ, изнурены были и не могли дѣйствовать съ успѣхомъ».

Необходимо было: — «въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, привесть войска въ порядокъ, оправить ихъ, одѣть и обуть — ибо три дивизіи не имѣютъ ни шинелей, ни панталонъ, и никто сапоговъ (не имѣетъ)».

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1384. Стр. 713—723.

Снабдивъ армію необходимымъ, можно было начать *весеннюю* кампанію, въ мартѣ или не позже апрѣля, такъ какъ *осеннія* кампаніи въ Турціи, крайне неудобны, и не даютъ времени воспользоваться побѣдами.

Сверхъ этихъ причинъ, кн. Багратіонъ выставлялъ еще слѣдующее:

1) Болѣзненность въ войскахъ была такъ велика, что не было ни одного баталіона въ арміи болѣе чѣмъ половиннаго комплекта людей.

«Если эти, почти нагія войска, оставить на зиму безъ пристанища то, конечно, по крайней мѣрѣ, половина оныхъ перемретъ до весны; изъ остальной же части, едва ли останется половинное число здоровыхъ, и тогда на веснѣ, непріятель, со свѣжими и всѣмъ удовлетворенными войсками, придетъ на меня и истребитъ тощіе остатки силъ моихъ».

2) Кн. Прозоровскій, не предполагавшій стать твердою ногою за Дунаемъ, расположилъ продовольственные магазины въ княжествахъ, откуда доставка транспортовъ въ армію, стоящую за Дунаемъ, чрезвычайно затруднительна. Для сплава-же продуктовъ по Дунаю не имѣется судовъ; и къ тому-же, имъ пришлось-бы двигаться вверхъ по теченію Дуная.

3) Доставка къ арміи фуража и, въ особенности, сѣна, рѣшительно невозможна. Сѣна требуется въ день не менѣе 12.000 пудовъ.

Для перевозки этого количества, зимою, нужно 500 паръ воловъ, дѣлающихъ не болѣе 15 верстъ въ сутки. Сѣно везется за 300 и 400 верстъ, причемъ упряжные волы должны кормиться тѣмъ-же сѣномъ, полагая въ сутки не менѣе $1^1/_2$ пуда на пару. Поэтому упряжные волы съѣдятъ все сѣно, прежде доставки его къ арміи, и затѣмъ, обратно, уже возвращены быть не могутъ, за неимѣніемъ корма въ дорогѣ.

4) На зиму пришлось бы строить за Дунаемъ землянки для войскъ, но для того—«нельзя сыскать и хворостинки. Нечѣмъ будетъ войскамъ ни обогрѣваться, ни теплую пищу себѣ изготовить».

5) Отъ лишеній разовьются въ арміи болѣзни, и больныхъ, за неимѣніемъ воловъ, не на чемъ будетъ отправлять въ госпитали [1]).

Еще настоятельнѣе доказывалъ кн. Багратіонъ необходимость отступленія въ княжества, въ письмѣ его къ гр. Аракчееву отъ 22 ноября [2]).

— «Вся прежняя служба моя, писалъ онъ, можетъ я надѣюсь, служитъ доказательствомъ, что я не трусъ но безразсудную отвагу признаю я также большимъ въ полководцѣ порокомъ. Войска, здѣсь остающіяся, принуждены въ палаткахъ, изъ коихъ многія такъ ветхи, что только наименованіе палатокъ имѣютъ,—претерпѣвать всѣ впечатлѣнія осеннихъ невзгодъ и жестокости зимы».

Говоря о трудности доставки продовольствія за Дунай, кн. Багратіонъ ставитъ на видъ, что въ этомъ отношеніи доставка еще возможна, пока Дунай не снесетъ Гирсовскаго моста. Но, прибавляетъ онъ — «не одинъ Дунай рождаетъ непреоборимыя препоны, но и всѣ другія рѣки, какъ-то: Серетъ, Мильковъ, Бузео, Яломица и друг., которыя весьма часто, мгновенно, разливаются, сносятъ мосты и прерываютъ коммуникацію, иногда дня на два и на три, а иногда и на недѣлю».

Такимъ образомъ—«долженъ я безъ всякой пощады лишиться всѣхъ кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей. Картина сія, кажется, довольно ясно изображаетъ, предстоящую арміи, а чрезъ то и

---

[1]) Донесеніе кн. Багратіона отъ 17 ноября 1809 года. Воен. Уч. Арх. № 1384, стр. 713.

[2]) Тамъ-же. Стр. 742.

мнѣ, гибель. Но я собою охотно жертвую, если тѣмъ самымъ могу спасти армію. Я разсуждаю, что въ глазахъ, не только турокъ, но и всей Европы, прискорбнѣе для насъ будетъ, лишась въ продолженіи зимы, безъ всякаго дѣйствія военнаго, и людей, и лошадей, — на веснѣ неминуемо быть побитыми, нежели теперь, оставя сію голую степь, съ самой ранней весны, въ полномъ удостовѣреніи на силы свои, стараться наносить непріятелю чувствительные удары.

«Впрочемъ, если представленія мои признаются вѣры недостойными, въ такомъ случаѣ, для службы и для интересовъ государственныхъ, полезнѣе поручить главное начальство надъ арміею другому, который бы пользовался довѣренностію, поелику, главнокомандующимъ безъ довѣренности Монаршей быть нельзя».

Ту-же просьбу кн. Багратіонъ высказалъ и въ донесеніи своемъ Императору, отъ 5 декабря 1809 года: — «Если, къ сугубому несчастію моему, лишился я Высокомонаршей довѣренности В. И. В., въ такомъ случаѣ, повергаясь къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, Августѣйшій Монархъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Высокомонаршаго милосердія Вашего, объ опредѣленіи на мѣсто мое другого, который бы, при вящихъ способностяхъ воинскихъ, съ большею пользою и успѣхами могъ предводительствовать арміею. Съ моей стороны готовъ я продолжать служеніе, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, въ такомъ званіи, въ которомъ В. И. В. благоугодно будетъ, и подъ начальствомъ того, котораго В, И. В. къ главному надъ арміей командованію достойнѣйшимъ признать соизволите».

Но, не смотря на всю вѣскость приводимыхъ кн. Багратіономъ доводовъ, въ Петербургѣ не могли примириться съ мыслью о необходимости оставить правый берегъ Дуная, въ такое именно время. когда непріятеля не было видно.

Визрь ушелъ въ Шумлу. Казаки авангарднаго корпуса Платова, еще 16 ноября, доѣзжали до самаго Туртукая, нигдѣ не встрѣчая турокъ. Находившіяся въ Силистріи войска, терпя сильный недостатокъ въ фуражѣ, не смотря на всѣ старанія Босняка-аги, убѣгали изъ крѣпости.

До полученія рескрипта о томъ, чтобы армія Дунайская оставалась непремѣнно зимовать въ Болгаріи, кн. Багратіонъ имѣлъ въ виду расположить ее на зимнія квартиры въ Молдавіи и Валахіи, для чего было составлено имъ, отъ 12 ноября, слѣдующее росписаніе:

Отрядъ Исаева 1-го въ Краіовѣ, наблюдая Виддинъ и занимая посты по Дунаю, вступаетъ въ связь съ корпусомъ Милорадовича, главная квартира котораго въ Бухарестѣ.

Корпусъ Милорадовича, связываясь своими постами съ отрядомъ Исаева 1-го, наблюдаетъ теченіе Дуная до Ольтеницы, высылая разъѣзды къ сторонѣ Журжи. Авангардъ этого корпуса, подъ начальствомъ г.-м. графа Цукато, занимаетъ Копочени.

Корпусъ генерала отъ кавалеріи Платова, состоящій изъ 15 и 12 дивизій, имѣетъ главную квартиру въ Рымникѣ. При этомъ 15 дивизія г.-л. Маркова стоитъ въ Бузео, а 12 дивизія гр. Каменскаго 1-го въ Фокшанахъ, гдѣ полагалось быть и главной квартирѣ арміи.

Корпусъ Платова наблюдаетъ все теченіе Дуная отъ Ольтеницы до Галаца, имѣя въ виду Туртукай и Силистрію.

Корпусъ г.-л. Засса въ Галацѣ, наблюдая лѣвый берегъ Серета, отъ Максимени, гдѣ имѣлся мостъ, до устья. Корпусъ этотъ занимаетъ Галацъ и выставляетъ посты въ Ренни, Карталѣ, Измаилѣ, Нишѣ, Татаръ-Бунарѣ и въ Аккерманѣ, наблюдая берегъ Чернаго моря. Дунайская флотилія также находится при Галацѣ.

Корпусъ г.-л. Эссена 3-го въ Бырладѣ, входитъ въ

связь съ корпусомъ Платова и, въ случаѣ надобности, подкрѣпляетъ его.

Корпусъ г.-л. Ланжерона, въ Фальчи, въ случаѣ надобности подкрѣпляетъ гарнизоны въ Измаилѣ, Килiи и Аккерманѣ.

Дунайская флотилія, кромѣ части, стоявшей при Галацѣ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Акимова, располагается при Измаилѣ, Килiи, Сулинскомъ и Георгіевскомъ гирлахъ Дуная, состоя въ командѣ капитана 2-го ранга Папандопуло.

Казачьи полки располагаются по правому берегу Днѣстра; бригада графа Строганова въ Атакѣ, Серокѣ, Кетросы, Оргѣевѣ и др.

Подвижной магазинъ арміи, раздѣлявшійся на пять отдѣловъ, изъ которыхъ два зимуютъ въ Кишиневѣ, расположенъ, въ видахъ большаго удобства въ продовольствіи воловъ и имѣющагося мѣстнаго матеріала для починки фуръ, въ Яссахъ, Хотинѣ и Валахіи [1]).

Согласно этому росписанію, армія кн. Багратіона должна была расположиться на зимнихъ квартирахъ, когда полученъ былъ съ кн. Трубецкимъ рескриптъ, отъ 16 ноября, съ приказаніемъ не оставлять на зиму Болгаріи.

Настаивая на необходимости расположенія арміи по квартирамъ въ дунайскихъ княжествахъ, кн. Багратіонъ излагалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои дальнѣйшія намѣренія. Укомплектовавъ армію въ теченіе зимы. Сдѣлавъ соотвѣтственныя распоряженія о снабженіи ея продовольствіемъ, онъ надѣялся весною открыть наступленіе къ Журжѣ и, перейдя Дунай, направиться прямо къ Шумлѣ, для разбитія арміи визиря.

Между тѣмъ, во время зимы, онъ имѣлъ въ виду

---

[1]) Подлинное росписаніе арміи кн. Багратіона на зимнія квартиры, отъ 12 ноября 1809 г., В. Уч. Арх. № 1353,

оказать значительную помощь сербамъ, чтобы, къ открытію весенней кампаніи, визирь снова нашелся вынужденнымъ отправить въ Сербію значительную часть своей арміи и тѣмъ ослабить себя подъ Шумлой.

«Верховный визирь, съ арміею, удалился въ Шумлу, писалъ кн. Багратіонъ императору 5-го декабря. Если я долженъ пробыть всю зиму здѣсь въ бездѣйствіи, то не могу начать кампаніи прежде открытія достаточнаго корма, и тогда обязанъ сперва проходить голыми степями до Силистріи, обходить сію крѣпость ущельями и горами, и дѣлать большой и тягостный для войскъ кругъ, прежде нежели могу достигнуть до арміи турецкой. Утрата времени и напрасная тягость, которой я подвергну армію, и отъ которой она ослабѣвать должна, въ такомъ случаѣ очевидны. Напротивъ, думаю обратить всѣ дѣйствія на правый мой флангъ, избрать выше или ниже Журжи мѣсто, удобное къ переходу арміи, идти прямымъ путемъ на Шумлу и ударить въ центръ непріятельскихъ силъ. Тогда диверсія, которую предполагаю сдѣлать со стороны Сербіи, принесетъ большую пользу, и льщу себя надеждою, скорѣе быть въ состояніи достигнуть желаемой цѣли».

Такія настоятельныя требованія со стороны главнокомандующаго Дунайскою арміею, о необходимости перехода на лѣвую сторону Дуная, заставили наконецъ, императора согласиться съ кн. Багратіономъ.

Впрочемъ, этому рѣшенію всего болѣе способствовалъ канцлеръ гр. Румянцевъ, которому препровождены были гр. Аракчеевымъ, какъ рапортъ кн. Багратіона императору, отъ 17 ноября, такъ и письмо къ гр. Аракчееву, отъ 22 числа того-же мѣсяца.

Соглашаясь съ доводами, приводимыми кн. Багратіономъ, канцлеръ, въ письмѣ своемъ къ императору, отъ 6 декабря 1809 года, выразился такъ:—«я не сомнѣваюсь, что ничего болѣе не остается, какъ, немедленно

(sur le champ), дозволить кн. Багратіону исполнить его планъ, состоящій въ томъ, чтобы обратно перейти Дунай, приготовиться, и снова перейти Дунай весною, овладѣвъ двумя крѣпостями (Журжа и Браиловъ) на лѣвомъ берегу Дуная» [1]).

Императоръ Александръ согласился, наконецъ, на возвращеніе арміи въ княжества, но съ тѣмъ, однако, чтобы хотя часть войскъ осталась на зиму въ Мачинѣ, Тульчѣ и Гирсово, гдѣ существовалъ понтонный мостъ черезъ Дунай.

Высочайшій указъ объ этомъ былъ полученъ въ Гирсово 24 декабря.

28 декабря было уже составлено новое росписаніе арміи по квартирамъ, такъ какъ часть войскъ оставалась на правомъ берегу Дуная.

Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ войскъ, остальныя расположены были сообразно росписанію отъ 12 ноября, съ незначительными лишь измѣненіями въ составѣ частей. Главная квартира арміи была перенесена изъ Гирсово въ Слободзею, а 2 января 1810 г. въ Бухарестъ. 3-го января войска перешли Дунай и направились по квартирамъ.

Корпусъ г.-л. Милорадовича, перешедшій по случаю его болѣзни въ командованіе гр. Каменскаго 1-го, оставленъ въ Гирсово въ составѣ 15 баталіоновъ пѣхоты и 5 полковъ казаковъ, занимая также Исакчу и Мачинъ.

Отрядъ Исаева 1-го въ Краіово, занималъ Малую Валахію. Корпусъ Засса въ Бухарестѣ. Корпусъ Платова въ Рымникѣ; 15 дивизія Маркова въ Бузео. Отрядъ Воинова въ Фокшанахъ, Бакеу, Обилешти и Гумнѣ. Корпусъ г.-л. Эссена 3-го въ Бырладѣ. 16 дивизія г.-м. Лидерса въ Галацахъ. Корпусъ гр. Ланжерона въ

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1384, стр. 762.

Яссахъ. 18 дивизія г.-м. князя Долгорукаго въ г. Батушаны, Стефанешти, Гирлоу, Бѣльцы и др.

Личный составъ воинскихъ частей арміи былъ, вообще, слабъ, вслѣдствіе убылей въ дѣлахъ и особенно сильной болѣзненности.

Въ боевомъ составѣ дивизіи было 6 мушкетерскихъ или егерскихъ и 2 кавалерійскихъ полковъ.

Въ пѣхотныхъ полкахъ 2 или 3 баталіона, силою каждый, по положенію, болѣе 700 человѣкъ въ баталіонѣ. На самомъ-же дѣлѣ были цѣлые полки, имѣвшіе отъ 250—300 челов.

Полки легкой кавалеріи изъ 11, а тяжелой $5^1|_2$ эскадроновъ, силою первые въ 1.500, а вторые 750 челов., чего въ дѣйствительности никогда не бывало. Казачьи полки имѣли 500 составъ.

Поэтому, армія кн. Багратіона должна бы имѣть подъ ружьемъ болѣе 100.000 челов. На дѣлѣ же она не доходила до 50.000 чел., имѣя до 20.000 больныхъ.

Расположивъ армію на зимнія квартиры, кн. Багратіонъ, тотчасъ-же, занялся составленіемъ болѣе подробнаго плана кампаніи 1810 года. Одновременно съ этимъ принимались мѣры къ болѣе надежному обезпеченію арміи продовольствіемъ, такъ какъ эта часть, подъ управленіемъ Чевкина, находилась въ самомъ плачевномъ состояніи.

При составленіи плана кампаніи кн. Багратіонъ совѣтовался со всѣми старшими начальниками своей арміи, относясь, съ полнымъ вниманіемъ, къ замѣчаніямъ каждаго изъ нихъ.

Общая идея наступленія къ Шумлѣ оставалась неизмѣнной. Но мысль, овладѣть сперва Журжей, потомъ Рущукомъ и затѣмъ уже идти къ Шумлѣ, была отмѣнена, такъ какъ переправа черезъ Дунай, при Журжѣ, въ виду занятаго непріятелемъ Рущука, требовала много жертвъ. Къ тому-же, направлять всю армію изъ Рущука

къ Шумлѣ, по одной дорогѣ было-бы крайне неудобно и имѣло еще ту невыгоду, что позволяло непріятелю стянуть всѣ свои силы къ одному пункту, къ Шумлѣ.

Получивъ Высочайшее разрѣшеніе, отправленное 12 декабря изъ Москвы, о расположеніи Молдавской арміи на зимнія квартиры въ княжествахъ, кн. Багратіонъ писалъ отъ 30 декабря 1809 года.

«Отъ лица и отъ имени всего храбраго воинства В. И. В., здѣсь находящагося, повергаю къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Монархъ, всеподданнѣйшую, глубокую благодарность, за столь отличный доводъ, истинно отеческой попечительности Вашей, о благосостояніи арміи, которая, нѣсколько поправясь, потщится, смѣю въ томъ ручаться, усугубить рвеніе и усилія, дабы содѣлаться достойною Высокомонаршаго милосердія В. И. В. и доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, до какой степени простирается любовь и преданность каждаго, къ освященнѣйшей особѣ, обожаемаго Россіею ея Монарха» [1]).

Но еще находясь въ Гирсово, кн. Багратіонъ обдумывалъ планъ будущей кампаніи 1810 года.

По этому поводу онъ доносилъ Императору отъ 13 декабря 1809 года. «Отправленъ будучи, безъ всякаго предварительнаго ожиданія, къ Молдавской арміи, и вступя такимъ же образомъ въ главное надъ оною начальство, не нашелъ я никакого общаго плана военныхъ операцій. Я признаю составленіе подробнаго и обстоятельнаго, по мѣрѣ возможности, плана будущимъ военнымъ операціямъ необходимо нужнымъ.

«Но какъ, съ одной стороны, я весьма удаленъ отъ того, чтобы помышлять, что мнѣніе мое есть лучшее; съ другой же, и долговременная и преобширная переписка оставляла бы всегда недоразумѣніе»—то кн. Ба-

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1359, стр. 9.

гратіонъ просилъ дозволенія пріѣхать «не болѣе какъ на 4 дня» въ Петербургъ, для изустныхъ объясненій, по поводу своихъ дальнѣйшихъ предположеній.

Кн. Багратіонъ указывалъ на то, что при обсужденіи плана будущей кампаніи, дѣлая свой докладъ изустно, и выслушивая изустныя же на него замѣчанія, а также указанія самаго Императора, «успѣхъ въ будущихъ предначертаніяхъ не можетъ быть подверженъ сомнѣнію и, такимъ образомъ, планъ кампаніи, въ нѣсколько часовъ изустнаго объясненія, установится скорѣе и лучше, нежели въ нѣсколько мѣсяцевъ, общирною перепискою.— «Отлучка моя и съ пребываніемъ въ пути, туда и обратно, не продлится болѣе 28 дней, и не можетъ нанесть въ теченіи дѣлъ здѣсь никакого препятствія» [1]), писалъ онъ.

Вскорѣ послѣ этого, кн. Багратіонъ, въ видахъ подготовки плана кампаніи, рѣшился объѣхать мѣсторасположеніе войскъ на лѣвомъ берегу Дуная и потому, предписаніемъ отъ 24 декабря ген. отъ инфантеріи Милорадовичу, требовалъ пріѣзда его въ Гирсово, чтобы передать ему командованіе надъ корпусомъ, стоявшимъ въ Болгаріи, и имѣвшимъ въ данную минуту, наибольшее во всей арміи значеніе.

Милорадовичъ, считая себя обиженнымъ тѣмъ, что, послѣ смерти кн. Прозоровскаго, главнокомандующимъ былъ назначенъ не онъ—«спаситель Бухареста», а кн. Багратіонъ, до сихъ поръ не бывшій на Дунаѣ, отказался принять предлагаемое ему назначеніе, ссылаясь на свою болѣзнь.

Рапортомъ отъ 26 декабря 1809 года онъ заявлялъ кн. Багратіону: «я былъ часто болѣнъ; освобождался отъ болѣзней стараніемъ и особливымъ искусствомъ докторей.»

«Нынѣ паки занемогъ и не могу командовать, по сла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 5—8.

бости моего здоровья, съ такою дѣятельностію, какова въ службѣ быть должна. А по сему прошу в. с. назначить командованіе ввѣреннаго мнѣ корпуса, кому заблагоразсудите». Затѣмъ онъ просилъ разрѣшенія «ѣхать въ Россію до излеченія болѣзни, или же отставку, буде сіе затруднительно» [1]).

На всѣ указанія кн. Багратіона остаться при арміи, Милорадовичъ отвѣчалъ отказомъ.

Поэтому, писалъ ему кн. Багратіонъ отъ 30 декабря 1809 года:—«Сколь ни велико сожалѣніе мое лишиться въ васъ главнѣйшаго моего сотрудника»—но, уступая настоятельнымъ просьбамъ, онъ долженъ согласиться на передачу командованія корпуса Милорадовича, генералъ лейтенанту Зассу.—«Предоставляю вамъ избрать мѣсто вашего пребыванія въ здѣшнихъ княжествахъ, коего бы воздухъ и прочія выгоды могли бы содѣйствовать къ подкрѣпленію вашего здоровья»—писалъ кн. Багратіонъ. Но Милорадовичъ уѣхалъ въ Россію.

Быть можетъ не одно боевое соперничество вызвало въ Милорадовичѣ его враждебность къ кн. Багратіону. Послѣдній, какъ главнокомандующій, не могъ не обратить вниманія на то, что Валахія, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ Милорадовича, не выполняла ничего, что на нее падало, по разнымъ поставкамъ для войскъ. Въ Валахскомъ диванѣ всѣми дѣлами распоряжался извѣстный интриганъ, грекъ Филипеско, съ которымъ Милорадовичъ находился всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и въ дочь котораго былъ влюбленъ. На роль Филипеско, съ которымъ не могъ сладить предсѣдатель Дивана, сенаторъ Кушниковъ, указывалъ еще кн. Прозоровскій.

Теперь кн. Багратіонъ доносилъ Императору отъ 21 декабря 1809 года.—«Недостаетъ почти словъ къ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 16.

изображенію той чувствительной разности, которая существуетъ въ расположеніи обывателей Молдавіи и Валахіи: первые всею душею преданы Россіи, усердны и съ крайнею попечительностію стараются, по мѣрѣ силъ, способовъ, возможности, исполнить всѣ требованія правительства для арміи».

Въ то время какъ Молдавія заплатила уже всѣ слѣдуемыя съ нея суммы и поставила всѣ припасы — «въ Валахіи большая часть бояръ, или лучше сказать, царствующіе тамъ нынѣ, всѣмъ сердцемъ и всею душею, преданы туркамъ и ненавидятъ русскихъ».

Впрочемъ, слова эти относились не къ жителямъ Валахіи, а только къ тѣмъ личностямъ, которыя управляли ея дѣлами.

«Въ то время, какъ они дѣлали невообразимые поборы съ жителей, ссылаясь на суровыя, будто-бы, требованія русскаго правительства—русская армія почти ничего не получала съ Валахіи — все оставалось въ карманахъ Филипеско и его приверженцевъ. Кромѣ того, были несомнѣнныя доказательства тайныхъ сношеній Филипеско съ бывшимъ господаремъ Суццо, врагомъ Россіи, и была большая вѣроятность предполагать, что никто другой, кромѣ Филипеско, не могъ сообщать туркамъ свѣдѣній о расположеніи русскихъ войскъ, ихъ силѣ и намѣреніяхъ, о чемъ писалъ въ своемъ журналѣ г.-л. Ланжеронъ, когда командовалъ резервнымъ корпусомъ. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, кн. Прозоровскій, предписаніемъ Кушникову, отъ 5 августа, приказалъ отправить Филипеско съ его семействомъ изъ Бухареста въ Яссы, подъ особымъ конвоемъ, и тамъ имѣть надъ нимъ строжайшій надзоръ, не дозволяя ни ему, ни его семейству, съ кѣмъ либо видѣться или переписываться.

Но предписаніе это не было подписано кн. Прозоровскимъ, по случаю болѣзни фельдмаршала.

Кн. Багратіонъ нашелъ его въ бумагахъ покойнаго и препроводилъ его къ Кушникову, для немедленнаго исполненія.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію этого предписанія, Кушниковъ рѣшился указать кн. Багратіону, на то, что назначеніе Филипеско вистіаромъ Валахскаго дивана, вмѣсто Варлаама, который—«по невѣденію своей обязанности, всѣ отвѣты на мои вопросы (о неисправностяхъ въ диванѣ) давалъ посредствомъ своего секретаря, который, слѣдовательно, управлялъ имъ самимъ и его должностію»—послѣдовало вслѣдствіе того, что—«даже самые открытые его враги признавали его способнѣйшимъ къ отправленію должности вистіара, яко самой важнѣйшей въ княжествѣ».

Что касается до тайныхъ сношеній Филипеско съ княземъ Суццо и другими приверженцами Порты то, доносилъ Кушниковъ—«я неоднократно представлялъ его сіятельству (кн. Прозоровскому), что они могли быть слѣдствіемъ интригъ, скрытыхъ его непріятелей». Тѣмъ не менѣе, кн. Прозоровскій приказалъ смѣнить Филипеско, который, хотя и не состоялъ болѣе у дѣлъ, но имѣлъ сильную партію и оказывалъ большое вліяніе на Милорадовича.

Чтобы получить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о тайныхъ сношеніяхъ Филипеско съ непріятелемъ, кн. Багратіонъ поручилъ, состоявшему при главной квартирѣ агенту, Фонтону, разузнать отъ извѣстнаго приверженца Россіи Манукъ-бея, все что ему было извѣстно по этому предмету.

Донесеніемъ отъ 14 декабря 1809 года, Фонтонъ увѣдомилъ кн. Багратіона, что по словамъ Манукъ-бея —«онъ почитаетъ его (Филипеско) за перваго виновника страшныхъ бѣдствій, коими удручена сія земля (Валахія), и главною причиною тайныхъ сношеній, кои имѣютъ здѣсь турки. Онъ, лично не извѣстенъ турец-

кимъ министрамъ, ни другимъ магометанскимъ чиновникамъ, и не съ ними прямо онъ имѣетъ сношенія, но съ княземъ Суццо и довѣренными отъ него греками. Филипеско, соединяющій съ хитростью великую предосторожность, никогда самъ не поддается, но дѣйствуетъ и ведетъ переписку чрезъ довѣренныхъ ему особъ.

Доказательствомъ сему служитъ то, что турки всегда, въ точности, знаютъ все то, что мы дѣлаемъ и даже что предпринять хотимъ».

Въ этомъ-же донесеніи Фонтонъ говоритъ:—«Великое большинство бояръ желаетъ возвратиться подъ оттоманское правленіе. Сему не должно удивляться, ибо имъ извѣстно, что подъ россійскою державою имъ нельзя уже будетъ обогащаться хищеніями» [1]).

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, кн. Багратіонъ въ своемъ донесеніи Императору отъ 21 декабря говоритъ: — «я на самомъ опытѣ удостовѣрился, что турки обо всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ нашихъ предварительно извѣщены, не имѣя, при томъ, никакого инаго способа къ полученію тѣхъ свѣдѣній, кромѣ одного Филипеско и его сотоварищей; и для того почитаю я нужнымъ, сперва вистіара Филипеско съ его семействомъ, а потомъ и главнѣйшихъ сообщниковъ его, перевести на жительство, по крайней мѣрѣ, на время продолженія войны, въ Кіевъ или другое внутри Россіи мѣсто».

Вслѣдствіе этого, Филипеско, какъ доносилъ кн. Багратіонъ отъ 4 марта 1810 года, «отправленъ со всѣмъ его семействомъ на жительство въ городъ Бѣлградъ, съ надлежащимъ присмотромъ».

Удаленіе Филипеско было необходимо въ виду осуществленія тѣхъ предположеній, которыя были составлены кн. Багратіономъ для кампаніи 1810 года; такъ какъ иначе нельзя было поручиться, что, пользуясь сво-

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1395. Стр. 53—60.

имъ вліяніемъ, Филипеско, узнавъ о подробностяхъ составленнаго плана, успѣетъ сообщить его туркамъ.

Имѣя въ виду узнать мнѣнія своихъ ближайшихъ сподвижниковъ, относительно предстоящей кампаніи; а съ другой стороны, какъ доносилъ кн. Багратіонъ Императору отъ 12 марта 1810 года,—«для узнанія воинскихъ понятій тѣхъ изъ нихъ, съ которыми я не служилъ»,—кн. Багратіонъ составилъ пространную записку, которую и передалъ на обсужденіе корпуснымъ командирамъ. Записка эта можетъ служить боевою исповѣдью кн. Багратіона.

Такъ какъ цѣлью кампаніи 1810 года было, разбитіемъ арміи верховнаго визиря, принудить Порту заключить миръ, на требуемыхъ Россіею условіяхъ, то и предстоящія дѣйствія должны были отличаться рѣшительностію.

Поэтому, генералы Эссенъ 3-й, Олсуфьевъ и Марковъ, въ мнѣніи своемъ, поданномъ 5 марта, предлагали раздѣлить всю армію на четыре части: крайній правый флангъ, силою до 20 баталіоновъ, направить изъ Краіова на соединеніе съ сербами; лѣвый флангъ, до 30 баталіоновъ, двинется отъ Гирсово, впередъ къ Базарджику.

Центръ арміи, или главныя ея силы, доходящія до 50 баталіоновъ, имѣютъ переправиться у Туртукая, четвертая часть арміи, въ которую войдутъ всѣ остающіяся войска, составляютъ обсерваціонный корпусъ, и дѣйствуютъ противъ Журжи, Силистріи и занимаютъ гарнизоны въ крѣпостяхъ по лѣвому берегу Дуная.

Въ то время, какъ лѣвый корпусъ выступитъ изъ Гирсова, часть нашей дунайской флотиліи, подымаясь по рѣкѣ Борщъ, мимо Силистріи, подходитъ къ Туртукаю, а другая держится у Калараша.

Ко времени прибытія части флотиліи къ Туртукаю, туда-же должны прибыть 10 баталіоновъ пѣхоты, отъ

главныхъ силъ арміи. 6 изъ этихъ баталіоновъ, немедленно, переплываютъ Дунай и строютъ предмостное укрѣпленіе. Когда будетъ окончено это укрѣпленіе, остальная флотилія, отъ Калараша подходитъ къ Туртукаю, наводитъ мостъ, и центръ арміи переходитъ Дунай, наступая прямо къ Шумлѣ, и входя въ связь съ лѣвымъ флангомъ [1]).

Генералъ Зассъ полагалъ переправить 4 или 5 баталіоновъ на лодкахъ или паромахъ на правый берегъ Дуная, — «ниже Туртукая, куда можно безопасно, не проходя крѣпости Силистріи, доставить изъ Гирсово суда». Переправленныя войска должны стараться внезапно занять Туртукай и прикрыть тамъ наведеніе моста.

Такъ какъ корпусъ лѣваго фланга арміи уже находится въ Гирсово, на правомъ берегу Дуная, то онъ прежде всѣхъ и долженъ открыть наступленіе, почему его слѣдуетъ усилить до 30 баталіоновъ пѣхоты, 30-ти эскадроновъ кавалеріи и 6 полковъ казаковъ, съ артилеріею.

Одна часть этого корпуса направляется къ Силистріи и блокируетъ ее, другая движется къ Базарджику и распространяетъ свои дѣйствія къ Варнѣ, наблюдая также берега Чернаго моря.

Черноморская флотилія наша препятствуетъ доставкѣ припасовъ и войска изъ Константинополя къ Варнѣ; наблюдаетъ устья Дуная и входъ въ озеро Розельмъ.

Какъ только начнется блокада Силистріи, причемъ блокирующій отрядъ входитъ въ связь съ туртукайскимъ тетъ-де-пономъ,—Дунайская флотилія подходитъ къ Силистріи, а часть ея подымается до Туртукая, и охраняетъ мостъ въ этомъ пунктѣ.

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1396 стр. 125.

Главныя силы, переправясь у Туртукая, быстро занимаютъ дорогу изъ Рущука въ Разградъ, выславъ отрядъ для наблюденія Рущука. Этимъ можно надѣяться заставить визирскую армію выступить изъ Шумлы, для освобожденія блокируемыхъ крѣпостей, и разбить ее въ полѣ. Въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ идти къ Шумлѣ и очистить отъ турокъ все пространство до Балкановъ [1]).

Мнѣніе генералъ-маіора Сиверса состояло въ томъ, что, имѣя въ виду главнымъ образомъ поразить армію визиря, находившагося въ Шумлѣ, слѣдуетъ направить къ этой крѣпости, кратчайшимъ путемъ, какъ можно болѣе войскъ, не раздробляя арміи для достиженія цѣлей второстепенныхъ.

Такъ какъ для наблюденія всего теченія Дуная, внизъ отъ Кладово, потребовалось-бы очень много войска, и притомъ непріятель всегда имѣлъ-бы возможность переправиться большою партіею на лѣвый берегъ рѣки, для набѣговъ въ малую Валахію, то предупредить подобные набѣги можно только рѣшительными дѣйствіями за Дунаемъ, противъ визиря. Поэтому, тѣтъ надобности отдѣлять особый корпусъ для дѣйствія противъ Журжи, и на лѣвомъ берегу Дуная. Не считая отряда г.-м. Исаева, оставить здѣсь не болѣе 25 баталіоновъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность направить къ Шумлѣ отъ Туртукая, не менѣе 100 баталіоновъ пѣхоты [2]).

Наконецъ, генералъ-маіоръ Гартингъ, въ общихъ чертахъ, высказалъ мнѣніе, сходное съ предыдущими. Онъ полагалъ, принимая всю численность силъ за Дунаемъ въ 79 баталіоновъ пѣхоты, 100 эскадроновъ кавалеріи, 15 полковъ казаковъ, съ соотвѣтствующею артиллеріею, раздѣлить ихъ на двѣ части.

---

[1]) Тоже, стр. 129.
[2]) Тоже, стр. 131.

50 баталіоновъ, 70 эскадроновъ и 8 казачьихъ полковъ, переправить у Туртукая. Оставивъ здѣсь часть войскъ для обезпеченія переправы и отдѣливъ часть для наблюденія Рущука, двинуть остальныя къ Разграду.

Если визирь выступитъ въ поле, и займетъ позицію у Разграда, чтобы не потерять связи съ Рущукомъ, то дать ему генеральное сраженіе; въ противномъ случаѣ занять Разградъ и идти къ Шумлѣ.

Въ это время вторая часть арміи, изъ 29 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и 6 полковъ казаковъ, выступаетъ изъ Гирсова къ Траянову валу, откуда отдѣляетъ 12 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 1 полкъ казаковъ, для наблюденія Силистріи, и остальныя высылаетъ для занятія Базарджика, Коварны, и наблюденія берега Чернаго моря до Варны. Черноморская флотилія блокируетъ Варну, охраняетъ устья Дуная и входъ въ озеро Розельмъ. Дунайская флотилія приближается къ Силистріи, отправивъ часть къ Туртукаю, гдѣ и располагается выше него.

Не вошедшія въ составъ Задунайской арміи войска охраняютъ обѣ Валахіи, наблюдаютъ Журжу и овладѣваютъ укрѣпленными пунктами на лѣвомъ берегу Дуная, каковы Слободзея, Зимница и другіе [1]).

Взвѣсивъ всѣ вышесказанныя старшими начальниками мнѣнія, кн. Багратіонъ составилъ, примѣняясь къ нимъ, окончательный планъ кампаніи 1810 года, планъ настолько замѣчательный, что мы приводимъ его, полностію, въ приложеніи [2]).

Плану этому не было суждено осуществиться. Представляя его Императору, кн. Багратіонъ писалъ отъ 12-го марта 1810 года:—«Къ приведенію въ исполненіе плана

---

[1]) Тамъ-же, стр. 135.

[2]) Приложеніе № 9. (В. Уч. Арх. № 1395, стр. 115—124).

моего я уже приступить не могъ, поелику мнѣ вовсе неизвѣстно, будетъ-ли преемникъ мой съ онымъ согласенъ, и не имѣетъ ли онъ другого плана въ готовности».

XXV.

Планъ кн. Багратіона къ открытію кампаніи 1810 года. — Критическая оцѣнка этого плана.

Планъ кн. Багратіона состоялъ въ слѣдующемъ:

Прежде всего нужно было рѣшить вопросъ — какія силы могутъ быть переведены въ 1810 году за Дунай.

Изъ наличнаго состава арміи, признавалось необходимымъ, отдѣлить, какъ *minimum*, для занятія крѣпостей, нѣкоторыхъ городовъ и для внутреннихъ въ княжествахъ надобностей—13 баталіоновъ пѣхоты и 4 казачьихъ полка. На флотилію дунайскую—5 баталіоновъ. Для огражденія Малой Валахіи отъ непріятельскихъ набѣговъ со стороны Виддина и Кладово, и охраненія магазиновъ въ Краіовѣ и Слатинѣ,—5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, 1 полкъ казаковъ и полуроту конной артиллеріи.

Отрядъ г.-м. Исаева 1-го, которому приказано соединиться съ сербами, довести до состава 18 баталіоновъ пѣхоты, 3 казачьихъ полковъ, полуроты батарейной и полуроты конной артиллеріи.

Признано необходимымъ, Журжи не брать, но блокировать ее: для чего назначался отрядъ изъ 20 баталіоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 3 полковъ казаковъ, $^1/_2$ роты батарейной, $^1/_2$ роты конной и 5 ротъ осадной артиллеріи, съ полуротой піонеръ.

Отъ этого блокаднаго отряда назначаются посты къ Турно, Зимницѣ, Слободзеѣ и Каларашу.

Когда же окажется возможнымъ, то изъ блокаднаго отряда высылается къ г.-м. Исаеву, въ Сербію еще, 5 эскадроновъ кавалеріи.

Такимъ образомъ, не считая войскъ блокаднаго отряда подъ Журжей, и отряда Исаева 1-го, вся армія, которая могла перейти на правый берегъ Дуная, не превышала бы 83 баталіоновъ пѣхоты, 95 эскадроновъ кавалеріи, 16 казачьихъ полковъ, 6 ротъ батарейной, 4½ р. конной артиллеріи и 2 ротъ піонеръ.

Пространство между Дунаемъ и Балканами, какъ ближайшее къ театру дѣйствій, такъ и по своему плодородію, не смотря на испытываемыя бѣдствія войны, принадлежитъ къ самымъ важнымъ для непріятеля мѣстностямъ. Отсюда турецкая армія получала свои продовольственныя средства. Отсюда-же могла довольствоваться и наша армія, вытѣснивъ непріятеля изъ Болгаріи.

Мы уже видѣли, что паши—Силистрійскій, Рущукскій, Никопольскій и Виддинскій, составляли каждый, какъ-бы особое государство въ государствѣ.

Угрожаемый непріятелемъ, каждый изъ нихъ думаетъ лишь о собственной защитѣ. Но если угроза будетъ предстоять только одному изъ нихъ, то прочіе, оставаясь свободными, несомнѣнно, окажутъ ему помощь, для уничтоженія общаго врага.

Руководствуясь этими соображеніями, кн. Багратіонъ выработалъ наступательный планъ, состоящій въ томъ, чтобы вторгнуться въ Болгарію не въ одномъ какомъ либо пунктѣ, но, захватывая по возможности болѣе обширную базу, наступать одновременно на верхнемъ, среднемъ и нижнемъ Дунаѣ.

Поэтому, армія его была раздѣлена на три части. Центръ или главныя силы должны были перейти Дунай у Туртукая и, ближайшимъ путемъ, идти къ Шумлѣ.

Правый флангъ назначался для прикрытія главныхъ силъ со стороны Никополя; а лѣвый флангъ, для при-

крытія ихъ со стороны Базарджика, гдѣ стояли значительныя силы, высланныя Пегливанъ-пашею изъ Силистріи; и со стороны Варны, куда могли прибыть моремъ войска изъ Константинополя и Малой Азіи.

Разсматривая подробности выполненія этого общаго плана, нельзя, прежде всего, не замѣтить, что въ виду главной роли, предназначавшейся для центра арміи, онъ получалъ и наибольшій составъ. А именно: 40 баталіоновъ пѣхоты, 55 эскадроновъ кавалеріи и 8 казачьихъ полковъ, 4 роты батарейной и 3 роты конной артиллеріи, съ полуротой піонеръ. Для переправы центральнаго корпуса, велѣно перевезти, сухимъ путемъ, галацкій мостъ и спустить его на рѣкѣ Аржисъ, по которой онъ могъ уже быть доставленъ къ Туртукаю.

Взявъ Туртукай, наведя здѣсь на Дунаѣ мостъ, центральный корпусъ слѣдуетъ къ Разграду, занятіемъ котораго Рущукъ отрѣзывается отъ Шумлы и не можетъ расчитывать на подкрѣпленіе съ этой стороны.

Одновременно съ центральнымъ корпусомъ, переходитъ Дунай корпусъ праваго фланга, состоящій изъ 18 баталіоновъ пѣхоты, 15 эскадроновъ кавалеріи, 5-ти казачьихъ полковъ, 1 роты батарейной, полуроты конной артиллеріи и по полуротѣ піонеръ и понтоновъ.

Мѣсто для переправы этого корпуса избрано верстахъ въ 12 (три часа пути) выше Никополя, гдѣ турки всегда опасались нашего перехода, такъ какъ Дунай здѣсь гораздо уже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (60 саженъ).

Переправа въ избранномъ пунктѣ была тѣмъ удобнѣе, что находилась противъ устья р. Ольты, на которой, по приказанію кн. Багратіона, было устроено 15 новыхъ транспортныхъ судовъ и собрано 30 готовыхъ судовъ, на рѣкахъ Жія и Ольтѣ, которыя было легко спустить къ мѣсту перепрары. Сверхъ того, полагая и у Никополя имѣть постоянный мостъ, кн. Багратіонъ

приказалъ построить на Ольтѣ 80 понтоновъ, по образцу тѣхъ, изъ которыхъ состоялъ мостъ въ Гирсово.

45 судовъ было вполнѣ достаточно для переправы нужнаго для овладѣнія Никополемъ отряда.

Взятіе Никополя не представлялось труднымъ, такъ какъ гарнизонъ его былъ не великъ, и не могъ ожидать помощи ни откуда, кромѣ Систово. Но Систово было занято войсками Боснякъ-паши, личнаго врага никопольскаго аги. Поэтому нельзя было ожидать поддержки съ этой стороны, и Никополь не могъ долго сопротивляться.

Паденіе Никополя рѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе Турно, лежащаго на противуположномъ берегу Дуная, такъ какъ никопольскія высоты значительно превышаютъ лѣвый берегъ и даютъ возможность обстрѣливать Турно сверху внизъ.

Взявъ Никополь и наведя здѣсь мостъ, корпусъ праваго фланга немедленно отдѣляетъ отрядъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 5-ти эскадроновъ кавалеріи и одного казачьяго полка, которые наблюдаютъ всѣ непріятельскія сообщенія къ сторонѣ Виддина, какъ по берегу Дуная, такъ и вдоль подошвы Балканъ, до Орханіэ.

Поэтому, выславъ разъѣздъ къ Рахову на Дунаѣ, отрядъ этотъ слѣдуетъ черезъ Плевно къ Ловчѣ, и оттуда по дорогѣ къ Нишу, черезъ Врацу и Берковцы.

Всѣ эти мѣстечки, занятыя лишь турецкими постами, и почти не укрѣпленныя, не могли задержать нашихъ войскъ, которыя, наблюдая все пространство между Балканами и Дунаемъ (отъ Виддина до Никополя), должны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединиться съ сербами и отрядомъ г.-маіора Исаева 1-го, для общихъ дѣйствій на Тимокѣ, такъ какъ отъ Берковцы до отряда Исаева, было не болѣе 15 часовъ марша, и Исаеву велѣно было двинуться впередъ, на встрѣчу подходящему отряду, то соединеніе ихъ не представляло никакихъ затрудненій.

Между тѣмъ, остальная часть корпуса праваго фланга, въ составѣ 12 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, 2 полковъ казаковъ, съ артиллеріею и прочими войсками, направляется отъ Никополя къ Систово, который, имѣя ровъ значительныхъ размѣровъ и на валахъ артиллерійскія орудія, защищался гарнизономъ до 2.000 человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что строенія въ Систово очень скучены и не прочны, можно было расчитывать, что городъ не въ состояніи былъ долго противиться бомбардировкѣ и не замедлитъ сдаться.

Это принудитъ и непріятельскій постъ въ Зимницѣ, противъ Систово, искать спасенія въ бѣгствѣ.

Занявъ Систово, отрядъ направляется къ Тырнову, какъ важному пункту, лежащему на пути чрезъ Шипку, и занявъ его особымъ отрядомъ, для наблюденія непріятеля со стороны Шипки, обращается къ Рущуку, не для осады, а для наблюденія за крѣпостью, и для прикрытія тыла центральнаго корпуса у Разграда, который двигается къ Шумлѣ не прежде, какъ Рущукъ будетъ уже наблюдаться, перешедшимъ къ нему изъ Тырнова отрядомъ, и установится связь его съ Разградомъ.

Лѣвый флангъ центральнаго корпуса, обезпечивается корпусомъ лѣваго крыла, которому, въ виду его назначенія наблюдать Силистрію, Варну и Черноморское прибрежье, данъ также значительный составъ: 25 баталіоновъ пѣхоты, 25 эскадроновъ кавалеріи, 5 казачьихъ полковъ, рота батарейной, рота конной артиллеріи, и полурота піонеръ.

Корпусъ этотъ, собравшись въ Гирсово, раздѣляется на двѣ части. Одна изъ 10 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, 2 полковъ казаковъ и полуроты конной артиллеріи, направляется къ Силистріи, наблюдаетъ ее, и тотчасъ-же устанавливаетъ сообщеніе съ центральнымъ корпусомъ у Разграда. Остальная, бо-

лѣе сильная, часть корпуса, занимаетъ Базарджикъ и наблюдаетъ Варну.

Какъ относительно Силистріи, такъ и Варны, войска наши ограничиваются лишь оборонительными дѣйствіями, останавливая непріятеля въ случаѣ выступленія его изъ крѣпостей, и переходя въ наступленіе только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ.

Не зная намѣреній визиря, можно было допустить одно изъ двухъ: если онъ останется въ Шумлѣ, что было, конечно, вѣроятнѣе, то будетъ аттакованъ центральнымъ, корпусомъ, который въ случаѣ надобности, можетъ быть поддержанъ изъ отряда, наблюдающаго Варну.

Если же визирь двинется къ Базарджику, для соединенія съ бывшимъ тамъ отрядомъ, и для приближенія къ Черному морю, откуда могъ ожидать подкрѣпленій, то, въ такомъ случаѣ, онъ будетъ аттакованъ съ двухъ сторонъ: центральнымъ корпусомъ отъ Разграда, и частью корпуса лѣваго фланга, по базарджикской ли дорогѣ, или со стороны Варны, смотря потому, предприметъ-ли визирь свое движеніе къ Базарджику ранѣе, или послѣ, занятія его русскими войсками.

Не малая задача представлялась и на долю нашей Дунайской флотиліи.

Какъ только Гирсовскій корпусъ начнетъ наступленіе, флотилія наша, оставивъ часть судовъ для охраненія устьевъ Дуная, подымается вверхъ по рѣкѣ до Силистріи. Часть ея должна остаться у этой крѣпости, для воспрепятствованія переправѣ Силистрійскаго гарнизона за Дунай, а другая, «во чтобы то ни стало», должна пройти мимо Силистріи, придерживаясь лѣваго берега и пользуясь ночью или туманомъ, и стать у Туртукая для прикрытія моста.

Наконецъ, часть судовъ приближаются къ Рущуку и стараются препятствовать сообщенію между этою крѣпостью и Журжей.

Въ то время когда главная армія перейдетъ черезъ Дунай, корпусъ войскъ, оставляемыхъ въ Большой Валахіи, занимаетъ около Журжи деревню Слободзею, и устраиваетъ на берегу Дуная сильныя батареи, для воспрепятствованія переходу турецкихъ войскъ изъ Рущука въ Журжу, которая также блокируется съ поля.

Въ случаѣ успѣха прекратить сообщеніе Журжи съ Рущукомъ и съ сухаго пути, можно было расчитывать на ея сдачу. Какъ опытный полководецъ, задающійся наиболѣе невыгодными положеніями и создающій мѣры къ ихъ устраненію, кн. Багратіонъ не могъ не обратить вниманія на то, что, пользуясь значительнымъ флотомъ, непріятель могъ выслать изъ Константинополя сильный дессантъ къ Варнѣ, для ея усиленія, или же къ Каргалыку, Кара-Арману и другимъ пунктамъ побережья, для дѣйствій на сообщенія корпуса лѣваго фланга.

Всего удобнѣе было сдѣлать нападеніе на Бабадагъ, если бы турецкая флотилія вступила въ озеро Розельмъ, которое подходитъ почти къ самому Бабадагу.

Но къ счастію, входъ въ это озеро, съ моря, закрывается островомъ, между которымъ и берегами озера остаются лишь узкіе проходы. Поэтому кн. Багратіонъ находилъ необходимымъ, занять озеро Розельмъ двумя фрегатами и нѣсколькими судами Черноморскаго флота, и укрѣпить батареями проходы въ озеро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весь Черноморскій флотъ наблюдаетъ берега, отъ устьевъ Дуная до Варны и далѣе, не дозволяя непріятельскимъ судамъ подходить, ни къ этой крѣпости, ни къ какому либо другому пункту побережья.

Когда-же падетъ Шумла, корпусъ лѣваго фланга подступитъ къ Варнѣ, а флотилія наша откроетъ по ней свои дѣйствія съ моря. Нельзя было ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ, Варна долго могла выдержать бомбардированіе [1]).

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1353.

Таковъ былъ планъ, составленный кн. Багратіономъ для кампаніи 1810 года. Мы привели его во всѣхъ подробностяхъ, какъ потому, что до настоящаго времени онъ никогда не появлялся въ печати, и ему не суждено было осуществиться; такъ и по тому, что этотъ планъ, въ высшей степени замѣчателенъ.

Если сравнить этотъ планъ со всѣми другими, до того времени приводимыми въ исполненіе, то нельзя не отдать полной справедливости его всестороннему обсужденію въ мельчайшихъ деталяхъ, широтѣ взгляда, правильности соображеній и смѣлости предпріятій. Нужно помнить, что до того времени только Суворовъ, вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ, готовились предпринять смѣлое движеніе къ Шумлѣ, не владѣя Силистріей и Рущукомъ. Планъ этотъ, хотя также оставшійся безъ исполненія, былъ важенъ тѣмъ, что теперь самъ Императоръ Александръ указывалъ кн. Прозоровскому на возможность, *не брать* дунайскихъ крѣпостей, а только *наблюдать* ихъ особыми отрядами.

Кн. Прозоровскій, противъ воли и безъ желательной энергіи, приступилъ къ переходу черезъ Дунай, въ одномъ лишь пунктѣ, около Галаца. Это давало непріятелю возможность сосредоточить всѣ свои силы также въ одномъ пунктѣ, послѣдствіемъ чего было прибытіе всей арміи визиря къ Силистріи и отступленіе кн. Багратіона отъ этой крѣпости.

Принужденный выполнить не замысловатый планъ князя Прозоровскаго, и убѣдившись опытомъ, въ несостоятельности этого плана, кн. Багратіонъ не желалъ продолжать его въ предстоящую кампанію, почему и настаивалъ на необходимости перейти на лѣвый берегъ Дуная, занять княжества, на зиму приготовить все къ веснѣ, и тогда начать новую кампанію, по собственнымъ соображеніямъ.

«Единовременное нападеніе на непріятеля съ центра

и обоихъ фланговъ должно, непремѣнно, распространить тревогу, неустройство, — страхъ и безпорядокъ между турками.

Они не въ состояніи будутъ преподавать другъ другу помощи и, такимъ образомъ, можно надѣяться, одержать надъ ними большія выгоды».

Эта мысль легла въ основаніе плана кн. Багратіона и была совершенно справедлива.

Было уже сказано, что паши Силистрійскій, Рущукскій, Никопольскій и Виддинскій, располагая войсками, ими-же набранными и на свой счетъ содержимыми, не состояли въ фактической зависимости отъ верховнаго визиря, а располагали своими дѣйствіями по собственному усмотрѣнію, имѣя въ виду, прежде всего, защиту своихъ округовъ. Поэтому, угрожая, одновременно, каждой изъ названныхъ крѣпостей, разрушалась вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность общей связи между ними, и взаимная помощь.

Въ тоже время, наша операціонная база на Дунаѣ, охватывала все пространство отъ Никополя до Гирсово, съ постоянными мостами у Гирсово, Туртукая и Никополя, что обезпечивало надежное сообщеніе съ Валахіей. Выгода составленнаго плана состояла еще въ томъ, что войска наши въ Болгаріи могли двигаться не по одной дорогѣ, какъ предполагалъ кн. Прозоровскій, а по тремъ, что облегчало, какъ самое движеніе, такъ и давало возможность лучше пользоваться средствами края, не истощая его.

Слѣдя по картѣ за предполагаемымъ движеніемъ каждаго изъ трехъ корпусовъ, легко замѣтить, что съ каждымъ шагомъ впередъ они, концентрически, сближались между собою и групировались внутри знаменитаго турецкаго четыреугольника — Рущукъ, Силистрія, Варна и Шумла, составляющаго стратегическій ключъ всей Болгаріи.

Въ то время, когда главныя силы кн. Багратіона, должны были дѣйствовать наступательно противъ визирской арміи въ Шумлѣ, дѣйствія противъ остальныхъ трехъ крѣпостей имѣли строго оборонительный характеръ, препятствуя лишь гарнизонамъ этихъ крѣпостей, выслать помощь къ Шумлѣ. Да этого трудно было и ожидать, такъ какъ—каждая изъ нихъ была озабочена собственной охраной, а выходить въ поле для аттаки укрѣпленной позиціи наблюдательнаго русскаго отряда, было рисковано.

Но подобное положеніе наблюдательныхъ отрядовъ не мѣшало имъ, въ случаѣ надобности, быть между собою во взаимной связи, поддерживать другъ друга и даже подкрѣплять главныя силы подъ Шумлой.

Конечно, неудобно было оставлять переправу у Никополя, на флангѣ арміи, въ значительномъ отъ нея разстояніи и подъ защитою весьма слабаго отряда.

Но нужно принять въ соображеніе, что, наведя мостъ между Никополемъ и Турно, и надежно вооруживъ обѣ эти крѣпости, можно было не опасаться за прочность обезпеченія этой переправы, тѣмъ болѣе, что вверхъ по Дунаю, до самаго Виддина, не оказывалось турецкихъ войскъ. Дѣйствія же сербовъ и посланныхъ къ нимъ на усиленіе русскихъ войскъ противъ самаго Виддина, не дозволяли непріятелю отдѣлить оттуда часть войскъ къ Никополю. Такимъ образомъ, переправѣ у Никополя могли угрожать только рущукскія войска; но они не превосходили 10.000 челов., изъ которыхъ въ поле могло выступить не болѣе 4 или 5 тысячъ, тогда какъ наблюдательный отрядъ при Рущукѣ состоялъ изъ 10 баталіоновъ пѣхоты, не считая прочихъ войскъ, и могъ отрѣзать вышедшія къ Никополю войска отъ Рущука. Сверхъ того, отъ Журжи и Слободзеи, графъ Ланжеронъ могъ отправить часть войскъ въ Турно и, такимъ образомъ, еслибы рущукскій паша сдѣлалъ попытку угро-

жать нашей переправѣ у Никополя, то лишился-бы всѣхъ высланныхъ туда войскъ, и рисковалъ потерять самый Рущукъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и относительно моста у Гирсово. Онъ также находился на крайнемъ, лѣвомъ, флангѣ нашей арміи за Дунаемъ и, къ тому-же, въ тылу ея. Но ожидать нападенія на него, со стороны Силистріи, было нельзя, такъ какъ флотилія наша препятствовала переправѣ турецкихъ судовъ на лѣвый берегъ Дуная. По правому-же берегу движеніе предполагать было трудно, такъ какъ вышедшая часть гарнизона была бы отрѣзана отъ крѣпости, наблюдавшимъ ее отрядомъ, т. е. частью корпуса лѣваго фланга.

Другое дѣло, если бы непріятель имѣлъ возможность воспользоваться судами черноморскаго своего флота, и сдѣлать дессантъ, на берегахъ озера Розельмъ, для наступленія черезъ Бабадагъ къ Гирсову. Но мы уже видѣли что, для предупрежденія такого случая, входъ въ озеро предполагалось преградить береговыми батареями, и въ самомъ озерѣ имѣть наши суда.

Препятствовать высадкѣ въ Кюстенджи или въ другомъ пунктѣ побережья, должна была наша Черноморская флотилія. Но, независимо отъ того, предполагая даже, что непріятель успѣлъ произвести дессантъ, ему предстояло пройти до Гирсова не менѣе 100 верстъ, на что потребовалось бы около пяти дней. Считая столько же на обратный путь, потребовалось бы имѣть при дессантныхъ войскахъ, по крайней мѣрѣ, десяти дневный запасъ продовольствія. Поэтому, безъ обоза обойтись было нельзя; перевозить же его на судахъ, съ цѣлью производства дессанта, едва ли было возможно. Даже допуская эту возможность, неизбѣжно было ограничить дессантъ весьма слабымъ составомъ и, притомъ, едва-ли при немъ могли быть еще и орудія.

Гирсовская же крѣпость, вооруженная достаточною артиллеріею, всегда могла отстоять мостъ, который, къ тому же, былъ огражденъ съ верховой стороны плавучею цѣпью; для задержанія спускаемыхъ по Дунаю предметовъ, съ цѣлью разорвать мостъ.

Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что въ случаѣ десанта непріятеля на пространствѣ отъ Варны до Кюстенджи, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы возвратиться изъ Гирсова, онъ былъ бы отрѣзанъ отъ моря, войсками-ли, высланными изъ Базарджика, или даже отъ Силистріи, къ Кюстенджи.

Даже, если бы не существовало на Черномъ морѣ нашей флотиліи, то достаточно было-бы сильно укрѣпить Бабадагъ и Карасу, занять ихъ, особенно послѣдній, значительными отрядами; устроить сильныя батареи при входѣ въ озеро Розельмъ, и этого было-бы совершенно достаточно для безопасности пути—Бабадагъ, Карасу, Базарджикъ, Варна, равно какъ и для обезпеченія гирсовскаго моста.

Большей, повидимому, опасности подвергался мостъ у Туртукая, находясь между двухъ непріятельскихъ крѣпостей Рущука и Силистріи.

Но и это опасеніе было только кажущимся. Какъ только обѣ названныя крѣпости были-бы наблюдаемы нашими отрядами, то каждый изъ нихъ могъ отправить къ Туртукаю часть своихъ войскъ, и аттаковать въ тылъ высланные туда непріятелемъ отряды, отрѣзавъ ихъ отъ своихъ крѣпостей. Къ тому-же, нужно имѣть въ виду что изъ каждой крѣпости могъ быть высланъ къ Туртукаю лишь незначительный отрядъ, и что, вслѣдствіе совершеннаго разобщенія Рущука съ Силистріей, предполагать одновременно, условленную заранѣе, попытку къ Туртукаю было невозможно; да и каждый изъ нашей думалъ только о себѣ.

Для обезпеченія своихъ дѣйствій въ Болгаріи, кн. Багратіонъ не упустилъ случая заручиться содѣйствіемъ болгаръ, съ цѣлью поднять ихъ противъ Турціи. Въ этихъ видахъ онъ вступилъ въ сношенія съ болгарскимъ архіепископомъ Софроніемъ, жившимъ въ Бухарестѣ.

Софроній принадлежалъ къ числу сторонниковъ Россіи и, нѣкогда, въ качествѣ депутата, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Ведя крайне уединенную и воздержную жизнь, Софроній пользовался большимъ вліяніемъ на болгаръ. Сойтись съ такимъ вліятельнымъ лицомъ было весьма важно. Софроній обѣщалъ свое полное содѣйствіе успѣхамъ русскаго оружія, но объявилъ, что болгары могутъ возстать только тогда, когда русскія войска вступятъ въ Болгарію. Только тогда русскіе могутъ расчитывать на готовность болгаръ снабжать ихъ провіантомъ и фуражемъ, но съ условіемъ, чтобы войска сами ничего не брали, и чтобы, по замиреніи, болгары не были оставлены на жертву туркамъ, какъ то случилось прежде съ Морейскими греками.

Такимъ образомъ, планъ, составленный кн. Багратіономъ, былъ обсужденъ всесторонне и могъ выдержать самую строгую критику.

Тутъ невольно приходитъ на мысль извѣстное изреченіе Миля: «въ наше время думаетъ лучше всѣхъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ».

Но разработка военно-историческихъ сочиненій у насъ ведется безъ системы, и лишь случайно, таковыя появляются въ свѣтъ.

Поэтому и планъ кн. Багратіона на кампанію 1810 года, оставался по сіе время неизвѣстнымъ. А какъ бы онъ пригодился для соображеній послѣдней войны Россіи съ Турціей 1877 и 1878 годовъ.

Вмѣсто одного моста черезъ Дунай у Систова, и другого у Галаца, крайне отдаленнаго, было-бы ихъ три-

у Никополя, Туртукая и Гирсова, и наша база на Дунаѣ не состояла-бы изъ одной точки. Если-бы тотчасъ, по переходѣ черезъ Дунай, были высланы отряды, по Дунаю къ Рахово, и къ Балканамъ, на Плевно, Ловчу, Врацу и далѣе, и не ожидали-бы паданія Никополя, мы избѣгли-бы сидѣнія подъ Плевной, и могли вдвое скорѣе кончить кампанію, прежде чѣмъ европейскіе кабинеты успѣли-бы вступить съ соглашенія, направленныя противъ интересовъ Россіи.

Съ другой стороны, полное бездѣйствіе корпуса г.-л. Циммермана въ Добруджѣ, продолжавшееся во все время кампаніи 1877—1878 гг., не имѣетъ ничего общаго съ назначеніемъ, какое было придано кн. Багратіономъ корпусу его лѣваго фланга, наблюдавшаго Силистрію и Варну, и который, въ то же время, могъ обратиться изъ Базарджика къ Шумлѣ, для содѣйствія главнымъ силамъ кн. Багратіона.

Могутъ сказать, что въ эпоху дѣйствій кн. Багратіона мы имѣли свой черноморскій флотъ, на который возлагалось охраненіе береговъ Чернаго моря отъ десанта, въ видахъ угрозы сообщеніямъ нашимъ въ Добруджѣ, и что въ послѣднюю войну у насъ черноморскаго флота не существовало.

Но въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало укрѣпить и занять небольшими отрядами, съ сильною артиллеріею, Бабадагъ, Карасу и Базарджикъ, и обезпечить этотъ путь укрѣпленными пунктами, также какъ сдѣлалъ Османъ-паша, для охраны пути отъ Орханіе къ Плевнѣ. Не нужно забывать, что десантныя турецкія войска, едва-ли могли имѣть на судахъ орудія на лафетахъ и лошадей для возки ихъ; поэтому, дѣйствія десанта не могли быть опасны для укрѣпленныхъ и вооруженныхъ артиллеріею позицій, ограждавшихъ сообщенія лѣваго нашего фланга.

Обращаясь къ дальнѣйшему разсмотрѣнію плана кн. Багратіона, замѣтимъ что, даже, допуская возможность для непріятеля, утвердиться въ Карасу или Бабадагѣ, корпусъ лѣваго фланга арміи не былъ-бы отрѣзанъ, такъ какъ имѣлъ открытую связь съ Гирсово и Галацемъ, откуда и могъ получать все для себя нужное.

Тоже нужно сказать и относительно потери никопольской переправы, что возможно было допустить только въ случаѣ движенія къ Никополю особой арміи, или черезъ Шипку, на Сельви и Ловчу, или со стороны Виддина.

Но виддинская армія не могла-бы предпринять этого движенія, если-бы она имѣла противъ себя сербовъ и посланныя въ Сербію русскія войска.

Едва-ли тоже можно было допустить движеніе особой арміи чрезъ Шипку къ Никополю, такъ какъ приближеніе главныхъ силъ русскихъ къ Шумлѣ, заставило-бы непріятеля собрать всѣ свои войска для защиты этой крѣпости.

Къ тому-же, потеря Никополя не имѣла-бы для насъ особаго значенія, такъ какъ сообщенія наши съ лѣвымъ берегомъ Дуная обезпечивались мостомъ у Туртукая. Напротивъ того, непріятель, потерявъ Шумлу, потерялъ-бы все: Варна не могла бы долго держаться; а армія, которая двинулась-бы чрезъ Шипку къ Никополю, могла быть разбита въ полѣ и потерять отступленіе за Балканы. Поэтому, трудно было-бы и допустить возможность такого движенія.

Въ случаѣ-же, еслибъ непріятель, перейдя Шипку или другой какой-либо балканскій проходъ, обратился-бы для нападенія на армію кн. Багратіона подъ Шумлой, то, въ такомъ случаѣ, пришлось бы повторить еще разъ тоже, что случалось при аттакѣ турецкихъ крѣпостей: кн. Багратіонъ могъ, во время, усилиться на счетъ нашихъ наблюдательныхъ отрядовъ со стороны

Рущука, Силистріи и Варны и, въ генеральномъ сраженіи, разбить пришедшую на освобожденіе Шумлы армію, чѣмъ, несомнѣнно, было-бы достигнуто и паденіе самой Шумлы.

Итакъ, планъ кн. Багратіона, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, могъ быть примѣненъ и въ послѣднюю войну съ Турціей, даже при отсутствіи нашего флота на Черномъ морѣ.

XVII.

Продовольствіе арміи въ 1809 году и заготовленіе припасовъ на 1810 годъ.

Изложивъ и разсмотрѣвъ въ подробностяхъ стратегическую сторону плана кампаніи 1810 года, обратимся къ разсмотрѣнію способовъ его выполненія по мысли кн. Багратіона, и именно, къ хозяйственнымъ распоряженіямъ главнокомандующаго.

Дунайская армія, считая нестроевыхъ и больныхъ, имѣла къ 12 февраля 1810 г., по спискамъ:

строевыхъ	156.681	чел.
нестроевыхъ	12.372	»
	169.063	чел.
деньщиковъ	11.577	чел.
Итого . .	180.630	чел.

На всю эту громадную армію требовалось имѣть огромные запасы продовольствія, мяса, вина, не говоря уже о запасахъ фуража для лошадей.

Энергическими мѣрами, принятыми кн. Багратіономъ, къ 1-му января 1810 года, было заготовлено въ магазинахъ:

	четвертей		
	муки	крупы	овса
Молдавскихъ	119.325	10.922	171.349
Бессарабскихъ	35.157	3.327	44.138
Валахскихъ	11.950	820	422
7 коммисіонеровъ за Дунаемъ	3.221	238	1706
Ожидалось отъ разныхъ подрядчиковъ и коммисіонеровъ	71.969	13.929	114.599

Припасы эти, независимо отъ поставокъ дивана, очень не аккуратныхъ, покупались въ Княжествахъ, еще коммисіонерами. Четверть муки по 3 руб. 25 коп., крупы 4 р. 50 к. и овса или ячменя, шести четвериковой мѣры, по 2 р. 50 к. серебромъ.

Многіе полки также покупали фуражъ, на отпускаемыя имъ деньги.

Запасы эти вполнѣ обезпечивали армію продовольствіемъ, такъ что вся трудность состояла лишь въ своевременной доставкѣ его къ войскамъ. Поэтому, припасы перевозились зимою изъ дальныхъ магазиновъ въ ближайшіе, главнѣйшіе, изъ которыхъ были учреждены, на Прутѣ и Серетѣ: въ Батушанахъ, Команѣ, Аджишѣ, Бакеу, Яссахъ, Васлуѣ, Фальчѣ, Формозѣ, Бырладѣ, Текучѣ, Фокшанахъ, Бузео, Плоешти и Бухарестѣ. На Дунаѣ: въ Киліи, Измаилѣ, Галацѣ, Гирсово, Слободзеѣ. На Днѣстрѣ: въ Хотинѣ, Атакѣ, Сорокѣ, Бѣльцы, Кишиневѣ, Бендерахъ, Аккерманѣ. Въ Малой Валахіи: въ Краіово, Слатинѣ, Плоешти. Всею операціею продовольствія завѣдывала, учрежденная кн. Прозоровскимъ главная провіантская коммисія. Состояло еще два коммисіонерства: Бессарабское, въ Киліи, и Валахское, въ Бухарестѣ.

Для обезпеченія мясною дачею, сенатору Кушни-

кову, управляющему диванами княжествъ, приказано было купить въ Молдавіи и Валахіи 2.000 штукъ скота. Кромѣ того, войска и сами пріобрѣтали скотъ покупкою партіями, по 100 и до 500 штукъ, на что получали деньги, до 3-хъ червонныхъ за штуку. Въ тѣхъ-же случахъ, когда войска не имѣли, и не получали на порціи, живого скота, они должны были покупать мясо не большими запасами, но съ тѣмъ, чтобы фунтъ мяса обходился не дороже 4 паръ, считая въ серебряномъ рублѣ 144 пары, или 3 р. 25 коп. ассигнаціями, полагая каждому строевому, въ недѣлю, по полтора фунта, а нестроевому по $^1/_2$ фунта мяса. Деньщикамъ-же его вовсе не полагалось.

Выдачу винной порціи также дозволялось войскамъ производить покупкою вина, не дороже 2 р. 50 к. серебромъ за ведро, выдавая въ недѣлю строевымъ по 3, а нестроевымъ по 1 чаркѣ, считая 80 чарокъ въ ведрѣ

При поставкѣ-же подрядчиками, съ доставкою значительнаго количества вина для арміи, за ведро платилось по червонцу [1]) и даже по 3 р. 50 коп. [2]). Всего-же на всю армію, для 8 мѣсячной дачи вина, было заготовлено и подряжено 192.266 вед.

Труднѣйшею задачею являлась надежная доставка заготовленныхъ продуктовъ, въ Молдавію, въ ближайшіе магазины.

На мѣстныя средства Дунайскихъ княжествъ, особенно Молдавіи, трудно было расчитывать. Жители княжества постоянно были отвлекаемы выполненіемъ воинскихъ повинностей. Весь рабочій скотъ былъ взятъ

---

[1]) Брестъ-Литовскому купцу Цвилингу, за поставку 3.000 вед. къ Рущуку, 2.500 вед. въ Гирсово и въ Измаиловъ 17.429 ведеръ.

Тоже подрядчикамъ Пологеру, Одесскому купцу Титову, коммисіонеру Таубе и др. за поставку вина къ Силистріи, Журжѣ и другія мѣста расположенія войскъ.

[2]) Цвилингу, за доставку за Дунай.

на перевозку припасовъ, почему скоро обнаружился падежъ скота и не было нигдѣ свободныхъ рабочихъ рукъ. Поэтому, поля почти ниглѣ не засѣвались, а засѣянныхъ некому было убирать. Къ тому-же, градъ и саранча, наводнившая оба княжества, довершили остальное. Такъ что, самое большое, что можно было ожидать, не превосходило требованія, поставить отъ Молдавіи: 20.000 чет. муки, 2.000 чет. крупы; и отъ Валахіи, гдѣ жители несли меньше военныхъ повинностей, 50.000 ч. хлѣба, на весь 1809 годъ [1]), тогда какъ еще въ прошломъ году, одна Валахія въ состояніи была поставить 150.000 чет. [2]).

Какъ по заготовленію припасовъ, такъ и по перевозкѣ ихъ, оказали большую пользу дворяне Каменецъ-Подольской, Кіевской и Херсонской губерній.

Въ Кіевской губерніи, общество мѣстныхъ дворянъ поставило 98.000 четвертей овса и ячменя, въ Днѣпровскіе магазины. Дальнѣйшая перевозка этихъ запасовъ въ Молдавію, сперва производилась на наемныхъ подводахъ; но какъ со временемъ, наемщиковъ все являлось меньше и меньше, то для перевозки употреблялись обывательскія подводы, по наряду, но съ уплатою прогоновъ, по положенію: по 1 р. 50 к. серебромъ съ четверти муки или крупы; и по 1 р. с. съ четверти овса или ячменя.

Въ особенности важна была дѣятельность подольскаго губернатора Литвинова, при содѣйствіи котораго составилось общество, изъ подольскихъ дворянъ, поставлявшихъ наибольшую часть требуемыхъ заготовленій, доставленныхъ на мѣсто, въ Молдавскіе магазины, даже ранѣе условленныхъ сроковъ.

Благодаря хорошимъ цѣнамъ, назначеннымъ за пе-

---

[1]) Донесеніе Кушникова отъ 31 іюля 1809 г. главнокомандующему.
[2]) Тоже Чевкина, отъ 10 августа 1809 года.

ревозку припасовъ, а именно: съ четверти муки или крупы по 2 р. 50 к., съ четверти овса или ячменя по 1 р. 85 коп. серебромъ, къ 15 ноября 1809 г., въ Молдавскихъ магазинахъ былъ уже собранъ запасъ, на продовольствіе всей арміи, по 1 мая 1810 года.

Передъ началомъ движенія Дунайской арміи за Дунай, кн. Прозоровскій приказалъ войскамъ имѣть постоянно нетронутый запасъ—въ сухаряхъ на 10 дней (обыкновенный) и еще на 15 дней (особенный). Этотъ 25-дневный запасъ названъ неприкосновеннымъ.

Во время похода, войска употребляютъ печеный хлѣбъ, который выпекается въ разныхъ пунктахъ по пути слѣдованія. Перевозка неприкосновеннаго запаса сухарей производилась: 10-дневнаго, на полковыхъ фурахъ, а 15-дневнаго на обывательскихъ подводахъ, съ платою по пяти паръ въ часъ, за каждаго вола.

Для снабженія войскъ за Дунаемъ, приказано было г.-м. Колюбакину, стоявшему съ отрядомъ въ Галацѣ, употребить большую часть своихъ войскъ на приготовленіе сухарей, которыя и доставлялись въ армію на подвижномъ магазинѣ, въ которомъ, для возки мѣсячнаго запаса на 60.000 армію, полагалось имѣть 15.900 воловъ.

Кромѣ Галаца, сухари приготовлялись также у пункта переправы черезъ Дунай и въ Магалѣ войсками изъ корпуса гр. Каменскаго.

Когда-же взятъ былъ Гирсовъ, то слободзейскій магазинъ, въ виду его близости къ гирсовскому мосту, былъ обращенъ въ первокласный, который и пополнялся изъ магазиновъ—въ Фокшанахъ, Текучѣ и Бырладѣ.

Съ этого времени заготовленіе сухарей производилось въ Слободзеѣ. Но безпрерывные дожди, начавшіеся съ начала сентября, размыли всѣ устроенныя для печенія земляныя печи, такъ что, во избѣжаніе бездѣйствія подвижнаго магазина, изъ него выдавалась вой-

скамъ мука, изъ которой они уже сами пекли сухари за Дунаемъ.

Между тѣмъ, всѣ сдѣланныя дождемъ поврежденія пекарныхъ печей въ Слободзеѣ, поспѣшно исправлялись, и магазинъ приказано было пополнять безпрерывно. Но такъ какъ молдавскій диванъ не давалъ для перевозки потребнаго количества обывательскихъ подводъ, то перевозка припасовъ изъ бухарестскаго и питештскаго магазиновъ къ Слободзеѣ остановилась.

На просьбу провіантмейстера выслать команды для собиранія подводъ, гр. Ланжеронъ отвѣчалъ:—«воинскіе чины на службу защищать отечество опредѣлены, а не на провіантскія прихоти». Послѣ полученнаго за это отъ кн. Багратіона—«строгаго приказанія»—гр. Ланжеронъ долженъ былъ измѣнить, нѣсколько, свой взглядъ, и перевозка продолжалась. Въ видахъ облегченія подвижного магазина, въ которомъ волы, отъ сильнаго изруренія, начали падать, кн. Багратіонъ, имѣя въ виду, что войска за Дунаемъ могли пріобрѣсть значительные запасы на мѣстѣ, предложилъ, приказомъ по арміи отъ 20 сентября, начальникамъ войскъ, вмѣсто провіанта и фуража натурою, получать деньгами.

Въ тоже время, Измаильская флотилія наша, получила приказаніе, заняться перевозкою припасовъ изъ Килiи и Галаца къ Гирсову, а также перевозкою черезъ Дунай, отправляемыхъ изъ Слободзеи къ Каларашу, припасовъ. Этимъ способомъ перевезено до 8.000 кулей. Сверхъ того, приказано употребить для перевозки также военныя суда, снявъ съ нихъ артиллерію, и забрать всѣ лодки, имѣющіяся у жителей на Дунаѣ. Въ тѣхъ же видахъ, Дюкомъ-де-Ришелье, нанято нѣсколько мореходныхъ судовъ.

20 лодокъ велѣно отправить въ Слободзею, для перевозки припасовъ оттуда, по рѣкѣ Яломицѣ, въ Орашъ противъ Гирсова; а въ Слободзеѣ велѣно построить три

большихъ барака, для храненія заготовленныхъ сухарей, такъ какъ до сего времени, они гнили тамъ на открытомъ воздухѣ. Въ Гирсово также устроены для этого бараки.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что по дальности пути и трудности подыматься вверхъ по Дунаю, перевозка припасовъ изъ Килiи въ Гирсово была очень медленна, требуя для одного оборота болѣе двухъ мѣсяцевъ пути.

Въ Слободзеѣ кн. Багратiонъ приказалъ имѣть постоянно готоваго запаса, сухарей на мѣсяцъ, а фуража на полтора мѣсяца, для всей Задунайской арміи, которая, вмѣстѣ съ заготовленiями, сдѣланными въ Гирсово, и, частью, при самихъ войскахъ, была уже обезпечена сухарями до конца 1809 года.

Впрочемъ, нужно сказать, что постоянные дожди крайне затрудняли войска, относительно выпеканія сухарей, изъ доставленной въ корпуса гр. Ланжерона, Платова и Маркова муки. Почему кн. Багратiонъ запретилъ, впредь, доставлять за Дунай муку, которую дозволялось выдавать только войскамъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Недоставало только 30.000 четв. овса, которыя и приказано было доставить, изъ дальнихъ магазиновъ, въ Бузео, а оттуда въ Бухарестъ и къ Дунаю.

Перевозка изъ дальнихъ магазиновъ въ ближайшiе, въ виду крайняго изнеможенія воловъ въ подвижномъ магазинѣ, кн. Багратiонъ возложилъ, всецѣло, на валахскiй и молдавскiй диваны; причемъ онъ писалъ по этому случаю, сенатору Кушникову, что—«никакія отговорки дивана, въ оправданіе, приняты не будутъ».

Кромѣ Слободзеи, Гирсова. Мачина и Галаца, печеніе сухарей производилось также и въ Бухарестѣ, гдѣ генералъ Энгельгардъ, кромѣ войсковыхъ хлѣбопековъ, договорилъ еще мѣстныхъ, за плату, которые въ 20 дней выпекали и высушивали сухарей изъ 3.000 четв. муки.

Всего труднѣе было довольствіе лошадей сѣномъ, такъ какъ за Дунаемъ его не было, а остатки травы могли еще служить не дальше половины октября.

Не смотря на то, что въ Молдавіи и Бессарабіи было заготовлено 7.163.000 и въ Валахіи 5.000 пудовъ сѣна, доставить его на Дунай не было возможности. Поэтому, съ 16 октября, лошадей за Дунаемъ приказано было кормить однимъ лишь сухимъ кормомъ, т. е. ячменемъ и овсомъ. Имѣя-же въ виду, что между Бузео и Фокшанами имѣлись значительные запасы сѣна, кн. Багратіонъ приказалъ, 26 сентября, всѣмъ войсковымъ тяжестямъ, и подвижнымъ магазинамъ, слѣдовать въ Бузео и тамъ расположиться вагенбургомъ; бывшій-же на р. Бузео мостъ у Визирскаго брода перевести къ г. Бузео. Но мостъ этотъ, вслѣдствіе сильной прибыли воды въ рѣкѣ, былъ сорванъ въ ночь на 25 ноября. причемъ всѣ понтоны были унесены водою, и сильно повреждены, что потребовало продолжительнаго ихъ исправленія.

Такимъ образомъ, вся тяжесть перевозки продовольствія и фуража, изъ дальнихъ магазиновъ въ ближайшіе къ Дунаю, была возложена на обывательскія подводы, которыхъ, для подлежащихъ перевозкѣ 200.000 четв., требовалось 27.000 подводъ, чего нельзя было собрать въ княжествахъ, и безъ того уже сильно пострадавшихъ отъ войны, такъ что многіе жители Молдавіи, во избѣжаніе налагаемыхъ на нихъ повинностей, принимали подданство Франціи, чтобы стать подъ покровительство французскихъ консуловъ [1]).

Получивъ Высочайшее повелѣніе не переходить на лѣвый берегъ Дуная для зимовки, кн. Багратіонъ приказалъ, употребить усилія, чтобы направить всѣ транспорты съ провіантомъ и фуражемъ, особенно же съ сѣ-

[1]) Донесеніе г.-м. Энгельгардта кн. Багратіону, отъ 5 ноября 1809 г.

номъ, къ Гирсово. Дальнѣйшую заготовку продуктовъ отъ Валахіи приказано прекратить, такъ какъ запасовъ было довольно, и слѣдовало только перевезти ихъ. — «Почему, сказано въ предписаніи кн. Багратіона г.-м. Энгельгарду,—«отъ дивана не принимать никакихъ затрудненій или невозможностей» [1]).

Всѣ казачьи полки г.-л. Платова, кромѣ оставленныхъ на правой сторонѣ Дуная, нашли возможнымъ сами довольствоваться, мѣстными средствами, провіантомъ по 1 марта, а овсомъ по 1 апрѣля 1810 г., получая деньгами, за четверть муки 12, крупы 15 и овса 9 левовъ» [2]).

Принимая въ соображеніе, что другія войска, стоя по квартирамъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ обывателями, военный министръ гр. Аракчеевъ, письмомъ къ кн. Багратіону, отъ 30 декабря 1809 г., предложилъ ему, принять за правило, чтобъ вмѣсто доставки провіанта натурою, что сопряжено съ перевозкою его на обывательскихъ подводахъ,—выдавать войскамъ деньги, по ихъ желанію, на тѣхъ условіяхъ, какъ это было и при кн. Прозоровскомъ, т. е. за четверть муки по 3 р. 25 к., крупы 4 р. 50 к. и овса по 2 р. серебромъ. Съ 1 октября 1809 г., почти всѣ полковые командиры согласились получать деньги за фуражъ и продовольствіе солдатъ.

Этимъ способомъ, для предстоящей кампаніи, сохранялось много заготовленныхъ уже запасовъ. Тѣмъ не менѣе, ничто не было упущено изъ вида, чтобы запасы постоянно заготовлялись въ пограничныхъ русскихъ губерніяхъ. Литвиновъ заключилъ, 17 декабря 1809 г., новый контрактъ, на поставку 43.982 четв. муки, 6.462 четв. крупы и 40.000 четв. овса, по цѣнамъ: мука 11 р. 75 к., крупа 13 р. 75 к. и овесъ 8 р. ассигнаціями

---

[1]) Предписаніе отъ 5 ноября 1809 г. Воен. Учен. Арх.

[2]) Донесеніе Платова отъ 6 февраля 1810 г. В. Уч. Арх.

четверть. Все это количество должно быть доставлено къ 25 іюня 1810 года, въ Днѣстровскіе Молдавскіе магазины.

Совершенное истощеніе Молдавіи не представляло возможности расчитывать на сборъ мѣстныхъ обывательскихъ подводъ, для перевозки 350.000 кулей провіанта, находившагося въ Молдавскихъ магазинахъ.

Поэтому учреждены были, по предложенію г.-м. Литвинова, отъ 10 февраля 1810 г. особыя станціи, каждая въ 2.000 казачьихъ лошадей, для навьюченія по одной четверти на каждую лошадь, что и дало возможность значительно помочь дѣлу перевозки. Кромѣ того, гдѣ оказывалось возможнымъ, для перевозки нанимались частные фурщики, за хорошую плату.

Въ тѣхъ же видахъ облегченія перевозки, кн. Багратіонъ приказалъ полкамъ, находящимся въ 35-тиверстномъ разстояніи отъ магазиновъ, перевозить изъ нихъ, слѣдуемый для полковъ провіантъ и фуражъ, на полковыхъ лошадяхъ, подъ угрозою взыскать *вчетверо*, прогоны въ пользу обывателей, которые будутъ взяты для подобной перевозки.

Впрочемъ, такая мѣра не всегда избавляла жителей отъ лишнихъ нарядовъ подводъ, за которыя имъ, всего чаще, ничего не доходило изъ отпускаемыхъ прогоновъ: деньги эти, или удерживались диваномъ, или исправниками, которымъ поручалась ихъ раздача [1]).

Но, не смотря на всѣ принятыя мѣры, доставка къ арміи, стоявшей у Гирсова, припасовъ, въ особенности же сѣна, была крайне затруднительна. Чевкинъ доносилъ, что по случаю разлитія рѣкъ, даже курьеры стоятъ по четыре дня на переправѣ, такъ что посланный къ нему изъ Гирсова курьеръ, вмѣсто трехъ, пробылъ въ дорогѣ девять сутокъ.

---

[1]) Кн. Багратіонъ г.-м. Энгельгарду, отъ 9 ноября 1809 г. В. Уч. Арх.

При такихъ условіяхъ, Чевкинъ не ручался въ возможности доставить къ Гирсову требуемые припасы, въ особенности же сѣно, въ которомъ войска ощущали большой недостатокъ.

Получивъ это донесеніе, кн. Багратіонъ приказалъ, 16 ноября, подполковнику Реймерсу, завѣдывавшему вагенбургомъ въ Бузео, оставить тамъ баталіонъ Старо-Ингерманландскаго полка, а съ другимъ баталіономъ, того же полка, и со всѣмъ вагенбургомъ, слѣдовать въ Слободзею, для перевозки сѣна къ Гирсову, употребляя для нагрузки фурлейтовъ и строевыхъ лошадей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ управленіе дивана Молдавскаго, не смотря ни на какія напоминанія, не находило возможнымъ выставлять подводы, то кн. Багратіонъ приказалъ назначить отъ корпуса Милорадовича офицеровъ, придать имъ казачьи команды, и разослать по всѣмъ цикутамъ для сбора подводъ. Результатомъ такой энергической мѣры былъ сборъ 2.142 подводъ, на которыхъ и отправлено, въ началѣ декабря, изъ Фокшанъ къ Гирсову, 17.110 четвертей муки и овса. Остальныя же собранныя подводы, назначались для перевозки миліона пудовъ сѣна въ Орашъ.

Подводы собирались, преимущественно, конныя, такъ какъ волы не могли служить для перевозки, по глубокой осенней грязи.

Имѣя постоянную заботу относительно обезпеченія арміи продовольствіемъ въ предстоящую кампанію, кн. Багратіонъ приказалъ, кромѣ пополненія Слободзейскаго и Гирсовскаго магазиновъ, безпрерывно пополнять еще главнѣйшіе, названные имъ центральными, магазины въ Краіовѣ, Слатинѣ, Бухарестѣ, Бузео, Фокшанахъ, Браиловѣ и Галацѣ, снабжаемые прямо изъ Днѣстровскихъ магазиновъ.

При открытіи же военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, впереди центральныхъ магазиновъ, учреждены, ближе къ

Дунаю, *расходные* магазины, мѣста которыхъ указаны, сообразно дѣйствительному направленію войскъ.

Провіатъ и фуражъ доставляются изъ расходныхъ магазиновъ къ войскамъ на подвижномъ магазинѣ, съ тѣмъ, чтобы кромѣ 10 дневнаго запаса при войскахъ, подвижной магазинъ имѣлъ 30 дневный запасъ. Половина этого магазина, съ 15 дневнымъ запасомъ, всегда слѣдуетъ за арміею, а другая половина въ это время грузится въ расходныхъ магазинахъ, и слѣдуетъ вслѣдъ за первою. Затѣмъ слѣдуютъ, тѣмъ-же порядкомъ и въ такомъ-же составѣ, еще 30 дневный запасъ, такъ что подвижной магазинъ долженъ былъ поднять на себѣ двухмѣсячный запасъ провіанта и фуража, на всю Дунайскую армію.

Понятно, какая громадная масса рабочаго скота требовалась для одного подвижного магазина, не говоря уже о числѣ подводъ, употребляемыхъ для перевозки припасовъ, изъ дальнихъ магазиновъ, въ ближайшіе къ арміи. Разосланными партіями казаковъ по Молдавіи и Валахіи всѣ, рѣшительно, воловыя и конныя подводы обывательскія, были уже забраны. Непомѣрная работа скота, производила значительный падежъ. Фуры постоянно останавливались, ломая оси и колеса. Затрудненія перевозки становились непреодолимыми.

Но кн. Багратіонъ не могъ остановиться предъ этими трудностями. Онъ приказалъ брать подводы не отъ однихъ только обывателей, но и отъ всѣхъ помѣщиковъ, арендаторовъ, купцовъ, монастырей, и удержать даже всѣ обозы, прибывшіе въ Молдавію съ товарами изъ Трансильваніи.

Но не смотря на все это, не было бы никакой возможности собрать требуемое количество подводъ, такъ какъ для подвижного магазина, для четырехъ дивизій, потребовалось бы — 27.376 фуръ
56.752 вола

13.938 погоньщиковъ.
219 офицеровъ.
2.628 нижнихъ чиновъ.

Военный министръ, весьма основательно, призналъ излишнимъ доводить подвижной магазинъ до такого состава, на томъ основаніи, что по мѣрѣ движенія арміи къ Балканамъ, расходные магазины также пришлось бы передвигать впередъ, и потому не было надобности возить за арміей двухмѣсячный запасъ провіанта и фуража, тѣмъ болѣе, что лошади, въ лѣтнее время, должны довольствоваться подножнымъ кормомъ. Поэтому Высочайше было повелѣно имѣть въ подвижномъ магазинѣ только мѣсячный запасъ продовольствія и овса, который полагается лишь для кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей. Остальныя-же лошади довольствуются только подножнымъ кормомъ.

По этому расчету, составъ подвижного магазина опредѣленъ:

8.983 фуры, 19.630 воловъ, 4.512 погоньщиковъ.

Такъ какъ къ февралю 1810 года имѣлось на лицо: 7.375 фуръ, 11.086 воловъ и 3.678 погоньщиковъ, то подвижной магазинъ предстояло пополнить лишь весьма не значительно.

Недостающія фуры были заказаны въ ближайшихъ къ театру войны губерніяхъ. Тамъ-же сдѣланы были подряды на поставку воловъ, при чемъ одинъ нѣжинскій купецъ, Скуфа, обязался поставить для подвижного магазина 8.544 вола, по 7 червонцевъ за штуку.

Кн. Багратіонъ объяснялъ, что расчетъ его, относительно состава подвижного магазина, былъ основанъ на опытѣ минувшей кампаніи, когда полагалось возить за арміей только мѣсячный запасъ. Но такъ какъ по дурному состоянію дорогъ приходилось впрягать въ фуры, вмѣсто двухъ, по четыре вола, то половина транс-

портовъ сильно отставала, такъ какъ за ними приходилось посылать тѣхъ-же воловъ.

Имѣя-же въ виду, что въ кампанію 1810 года, нужно расчитывать на переходъ чрезъ Балканы, при чемъ перевозка запасовъ, по едва доступнымъ проходамъ, будетъ не возможна для воловъ, кн. Багратіонъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе, купить на Кавказѣ 1000 верблюдовъ, полагая за каждаго, съ доставкою на Дунай, по 80 руб. ассигнаціями. «Турецкая армія, при проходѣ Балканъ, писалъ кн. Багратіонъ, употребляетъ муловъ и верблюдовъ [1])».

Верблюдъ, перенося и голодъ и жажду, проходитъ вездѣ, гдѣ только можетъ пройти солдатъ, и «можетъ нести грузъ отъ 25 до 30 пудовъ». Но за нимъ нужно умѣть ходить и давать ему соли, которую онъ-же на себѣ и везетъ.

Для ухода за верблюдами, наряжено 500 опытныхъ калмыковъ, содержавшихся при арміи, на томъ-же положеніи, какъ и казаки.

До прибытія-же ихъ, имъ полагалось въ пути, по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ. Принимая во вниманіе, что калмыки, съ самаго дѣтства, привыкли быть на конѣ, и перемрутъ отъ пѣшаго хожденія, имъ дозволено было ѣхать при верблюдахъ верхами.

Къ сожалѣнію, мѣра эта, принятая слишкомъ поздно, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ не оказалось возможнымъ купить верблюдовъ, ни за какую цѣну. Поэтому и собранные для ухода за ними калмыки были распущены по домамъ.

Кн. Багратіонъ не щадилъ трудовъ для приведенія своей арміи въ состояніе, при которомъ онъ могъ бы, съ полною вѣрою въ успѣхъ, приступить къ осуществленію составленнаго имъ плана кампаніи 1810 года.

---

[1]) Донесеніе В. Министру отъ 13 декабря 1809 г. В. Уч. Арх.

Мы видѣли, что онъ задавался уже мыслью, перенести русскія знамена за Балканы,

Въ жадномъ стремленіи выполнить свой планъ, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ.

Такъ, вопреки всѣмъ доводамъ Императора Александра, онъ настоялъ на необходимости зимовать, на лѣвомъ берегу Дуная, имѣя въ виду начать новую кампанію, по совершенно иному плану, чѣмъ какой ему пришлось выполнять, по мысли кн. Прозоровскаго; а для этого, ему нужно было, занять сперва Молдавію, всею своею арміею. Только этимъ и могутъ быть объяснены тѣ преувеличенія, съ помощію которыхъ онъ старался доказать необходимость зимовать въ Молдавіи. То онъ доносилъ, что Чевкинъ положительно не видитъ возможности кормить армію за Дунаемъ; то, что ему нужно 80.000 паръ воловъ. Указывая на то, что въ арміи былъ большой некомплектъ въ людяхъ и до 20.000 больныхъ, онъ писалъ военному министру, что—«ежели не пришлютъ ему трехъ дивизій исправной кавалеріи и не перемѣнятъ лошадей въ артиллеріи, то армія его, безъ боя, сама собою уничтожится [1]).

Доказывая ту-же мысль о невозможности зимовать за Дунаемъ и вести тамъ наступательныя дѣйствія, кн. Багратіонъ [2]) писалъ гр. Румянцеву отъ 13 декабря 1809 года: «признаюсь вашему сіятельству, что я льстилъ себя надеждою, скорѣе нежели въ полтора года, силою оружія, принудить Порту къ принятію закона, ей мудрою десницію Е. И. В. начертываемою и, согласно съ тѣмъ, располагалъ я и прошедшія, и нынѣшнія, и будущія дѣйствія мои. Я питаю себя надеждою, что в. с. не усумнитесь ни мало, ни въ любви моей къ отечеству, ни въ неограниченномъ усердіи и преданности моей къ

---

[1]) Дѣло В. Уч. Арх. № 1352.

[2]) Кн. Багратіонъ 1809 г. М. И. Д. № 298-й.

освященной особѣ Милосерднѣйшаго моего Монарха. Давъ уже неоднократные въ томъ опыты, не время-бы теперь было перемѣнять правила образа мыслей, чувствованій и дѣяній моихъ, тогда, когда милостію и довѣренностію монаршею, возложены на меня обязанности, за строгимъ исполненіемъ коихъ наблюдаютъ взоры всего отечества моего. Армія, день ото дня, болѣе истощевается и приходитъ въ изнуреніе. Визирь находится въ Шумлѣ. Вслѣдъ за нимъ идти я не могу, ибо въ пути уморю армію съ голоду. Проводя здѣсь, въ степи, и въ недостаткѣ, самое драгоцѣннѣйшее время, для приведенія войскъ въ исправность, я вопрошаю,—съ какими войсками пойду я на встрѣчу превосходнымъ силамъ непріятельскимъ, и какую я могу имѣть надежду поразить его? Итакъ, не стыднѣе-ли будетъ для насъ во всемъ, быть пораженными, или вести войну только оборонительную, нежели теперь, оставить сіи пустыя мѣста, куда и самъ непріятель не придетъ, зная, что не найдутъ тутъ ни пристанища, ни продовольствія» [1]).

На другой день, по отправленіи этого письма, прибыли 14 декабря изъ Шумлы въ Бухарестъ, одинъ грекъ и турокъ, съ цѣлью разузнать, не сдѣлаетъ-ли кн. Багратіонъ попытки, къ возобновленію мирныхъ переговоровъ.

Кн. Багратіонъ такъ доносилъ объ этомъ, отъ 24 декабря Императору:

«14 Декабря прибыли въ Бухарестъ изъ Шумлы одинъ грекъ и одинъ турокъ, съ письмами отъ Драгомана-Кирзы и князя Мурузи, къ извѣстному Молукъбею, съ цѣлью разузнать, не представится-ли возможнымъ вступить съ нимъ, кн. Багратіономъ, въ переписку, къ начатію мирныхъ переговоровъ такъ, чтобы Порта не имѣла въ виду дѣлать, первою, къ тому предложеніе». Какъ оказалось изъ полученныхъ при этомъ свѣдѣній, по-

[1]) Арх. М. И. Д. Bagration 1809 г.

водомъ къ этой попыткѣ послужило, сдѣланное въ Константинополѣ, Латуръ-Мобургомъ требованіе, чтобы Порта выслала изъ столицы англійскаго посла и воспретила входъ англійскихъ судовъ въ турецкіе порты: «Обѣщевая что въ такомъ случаѣ Императоръ Наполеонъ приметъ паки на себя посредничество къ заключенію мира между Россіей и Портой, съ возвращеніемъ послѣдней, завоеванныхъ первою, земель, и угрожая, напротивъ того, что въ случаѣ отказа Порты въ означенномъ требованіи, императоръ французовъ соединитъ войска свои съ арміею В. И. Вел., для совокупнаго дѣйствія противу Порты».

Турецкое правительство болѣе всего опасалось вооружить противъ себя Англію, съ ея флотомъ, и потому не давало обѣщанія Франціи, и желало убѣдиться, можно ли, безъ ея посредства, примириться съ Россіей. Другими словами это значило, согласится-ли Россія отказаться отъ своихъ требованій получить границу по Дунай? Поэтому, кн. Багратіонъ писалъ Императору—«часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь въ томъ заключеніи, что единственно силою оружія можно принудить Порту къ соглашенію, на установленныя В. И. В. условія» [1]).

Донесенія кн. Багратіона дѣйствовали особенно тяжело въ такое время, когда политическія дѣла въ Европѣ, изо дня въ день, принимали не выгодный для Россіи оборотъ, и требовали, во что-бы ни стало, скорѣйшаго окончанія войны съ Турціей. По этому поводу Императоръ давно уже писалъ кн. Багратіону, указывая на необходимость войти въ сношенія съ верховнымъ визиремъ.

---

[1]) М. И. Д. Bagration. 1809 г.

XVIII.

Сношенія кн. Багратіона съ визиремъ.

Мы видѣли, что еще 13 сентября, по случаю сдачи Кюстенджи, кн. Багратіонъ, желая завязать съ визиремъ переписку, увѣдомилъ его письмомъ о своемъ назначеніи главнокомандующимъ русскою арміею, и высказывалъ увѣренность, что визирь не будетъ препятствовать, сдавшемуся въ Кюстенджи турецкому гарнизону, сдержать свое слово,—не дѣйствовать противъ русскихъ въ настоящую войну. Визирь оставилъ письмо безъ отвѣта.

По заключеніи мира между Россіею и Швеціей, кн. Багратіонъ получилъ 30 сентября, отъ государственнаго канцлера гр. Румянцева, полномочіе на заключеніе мира съ Турціей, если къ тому представится возможность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Багратіону было предложено, избрать себѣ въ помощники для веденія переговоровъ о мирѣ, одного изъ трехъ кандидатовъ—графа Кочубея, г.-л. дюка-де-Ришелье или г. Алопеуса.

Условія мира тѣже, какія были предъявлены кн. Прозоровскимъ, т. е. главное, граница по Дунай. Къ этому прибавлялось еще требованіе уплаты Россіи 20 милліоновъ піастровъ, за военныя издержки. Дѣло слѣдовало вести непосредственно, безъ участія Франціи въ переговорахъ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе, кн. Багратіонъ писалъ, гр. Румянцеву отъ 1 октября, что, хотя гр. Кочубей—«отличныя дарованія котораго, свѣдѣнія и опытность довольно извѣстны, не только Россіи, но и большей части европейскихъ дворовъ» — чиномъ и старше его (кн. Багратіона), который по званію главнокомандующаго долженъ будетъ ратификовать заключенный договоръ съ Турціей, но въ дѣлѣ,—«столь тѣсно сопряженномъ съ пользою, славою и благосостояніемъ Имперіи,

я въ полной мѣрѣ чуждъ отъ всякаго личнаго тщеславія, и совершенно готовъ жертвовать всѣмъ, что только можетъ способствовать къ благу отечества моего». Изъявляя этимъ готовность поступиться своими правами главнокомандующаго въ дѣлѣ переговоровъ, кн. Багратіонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалъ, что въ присылкѣ въ настоящее время уполномоченнаго министра не настоитъ еще надобности,—«однако-же, если Г. Им. благоугодно будетъ прислать сюда кого-либо для трактованія о мирѣ, въ такомъ случаѣ предпочелъ-бы я природнаго русскаго всякому другому».

Неудобство выбора, указанныхъ Императоромъ кандидатовъ для веденія съ турками переговоровъ, состояло въ томъ, что, какъ уже сказано, графъ Кочубей былъ старше кн. Багратіона въ чинѣ, а Алопеусъ не былъ военнымъ человѣкомъ, и не могъ выносить походной жизни. Впрочемъ, кн. Багратіону предоставлялось выбрать только одного изъ трехъ, а взамѣнъ остальныхъ, взять двухъ генераловъ изъ своей арміи, по собственному его выбору. Въ виду этого, кн. Багратіонъ и остановился на выборѣ графа Виктора Павловича Кочубея.

Что касается до посредничества Франціи, то наши уполномоченные должны были заявить, что не имѣютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній.

Князь Багратіонъ изъявлялъ сомнѣніе, чтобы Порта согласилась уплатить 20 мил. контрибуціи, такъ какъ одна уступка Молдавіи и Валахіи, для нея уже слишкомъ чувствительна.

Успѣхъ предполагаемыхъ переговоровъ зависѣлъ, прежде всего, отъ рѣшительнаго удара, который слѣдовало нанести визирской арміи. Но, неопредѣленность послѣдовавшаго, вскорѣ, сраженія при Татарицѣ и затѣмъ отступленіе арміи кн. Багратіона отъ Силистріи, не только не давали надежды на благопріятный для

насъ ходъ переговоровъ, но еще много могли повредить намъ и по отношеніямъ къ Франціи.

Пока дѣла наши на Дунаѣ шли хорошо, и Наполеонъ занятъ былъ войною съ Австріей, а потомъ дѣлами въ Испаніи, онъ, при всѣхъ случаяхъ, старался выставить на видъ свои дружественныя отношеніи къ Россіи. Появившаяся, по его приказанію, статья въ «Мониторѣ» должна была уничтожить, вконецъ, всѣ надежды поляковъ, основанныя на поддержѣ ихъ Наполеономъ, во вредъ интересамъ Россіи.

«Герцогство Варшавское, было напечатано въ «Мониторѣ», увеличилось присоединеніемъ къ нему части Галиціи. Императору не трудно было-бы присоединить къ нему и всю Галицію; но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, чтобы не доставить тѣмъ безпокойства союзнику своему, Императору Россійскому. Его Величество, Императоръ Наполеонъ, *никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши.* Все, что онъ сдѣлалъ относительно Галиціи, было скорѣе слѣдствіемъ его обязанности, чѣмъ политики: онъ не могъ отдать въ жертву мщенія народъ, съ такимъ усердіемъ показавшій свою преданность Франціи.

«Молодой австрійскій принцъ былъ тотъ самый, который въ 1805 году командовалъ въ Ульмѣ, и остался столь-же надменнымъ, какъ и не свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. Съ 40.000 арміею онъ былъ постоянно побѣждаемъ княземъ Понятовскимъ, имѣвшимъ только 13.000 человѣкъ.

«Благодаря дурнымъ дѣйствіямъ своего генерала, Австрія потеряла Западную Галицію, жители которой, съ восторгомъ, сбросили тяготѣвшее надъ ними иго. Императоръ счелъ своею обязанностію, не подвергать ихъ мщенію Австріи и желаетъ, чтобы, подъ мудрымъ правленіемъ короля Саксонскаго, Герцогство Варшавское, спокойно наслаждалось своимъ настоящимъ

положеніемъ, не возбуждая безпокойства сосѣдямъ своимъ».

Итакъ, Наполіонъ заявлялъ, что только дружба его съ Императоромъ Александромъ спасла Австрію отъ потери всей Галиціи, часть которой присоединялась къ Герцогству Варшавскому; но что, затѣмъ, мысль о возстановленіи Польши, никогда не входила въ его планы, такъ какъ это нарушило-бы дружбу его съ Россіей.

Но еще болѣе дружественныя отношенія къ Россіи были высказаны Наполеономъ въ рѣчи его, произнесенной въ законодательномъ собраніи.

Указавъ на побѣды, одержанныя имъ въ войнѣ съ Австріей, Наполеонъ сказалъ:

«Союзникъ мой и другъ, Императоръ Всероссійскій, присоединитъ къ своей обширной Имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и часть Галиціи. Я нисколько не завидую благоденствію Россіи. Чувства мои къ ея Августѣйшему Монарху не противурѣчатъ моей политикѣ» [1]).

Хотя Россія вела еще войну съ Турціей, занимая Молдавію и Валахію только по ходу военныхъ дѣйствій, но, слова сказанныя Наполеономъ о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ къ Россіи, официально выражали согласіе Франціи на подобное присоединеніе. До сихъ поръ это согласіе заключалось только въ словесномъ обѣщаніи, данномъ Наполеономъ Императору Александру, на эрфуртскомъ собраніи, обѣщаніи, которое постановлено было держать въ тайнѣ.

Но отступленіе русской арміи отъ Силистріи, и близское окончаніе дѣлъ въ Испаніи, дали возможность Наполеону проявить свое вліяніе на ходъ войны Россіи съ Турціей.

Порта, состоявшая въ союзѣ съ Англіей, предоставила англійскимъ судамъ право свободнаго входа во всѣ, принадлежащія Турціи, моря. Наполеонъ, ведя съ Анг-

[1]) В. Уч. Арх. Дѣло № 1352.

ліей войну, приказалъ послу своему въ Константинополѣ, Латуръ-Мобургу, настаивать на уничтоженіи предоставленнаго англичанамъ права, и на расторженіи союза Порты съ Англіей, почему англійскій посланникъ долженъ быть высланъ изъ Константинополя.

Латуръ-Мобургъ имѣлъ порученіе, обѣщать Портѣ, если она согласится на его предложеніе, посредничество Франціи при заключеніи мира между Россіей и Турціей, при чемъ Наполеонъ будетъ настаивать, чтобы Молдавія и Валахія остались за Турціей.

Но не смотря на это обѣщаніе, равно какъ и на угрозу присоединиться къ Россіи для уничтоженія Турціи, Константинопольскій дворъ не рѣшался разорвать союзъ съ Англіей, понимая, что на обѣщанія Наполеона расчитывать нельзя.

Съ другой стороны, происки Латуръ-Мобурга показали и Россіи, что Наполеонъ, въ виду собственныхъ выгодъ, не остановится ни предъ какою комбинаціею, какъ-бы она ни была вредна Россіи. Ничего не было удивительного и въ томъ, что, окончивъ войну съ Австріей и Испаніей, Франція соединится съ Турціей противъ Россіи, или что Наполеонъ объявитъ намъ войну самъ, пользуясь отвлеченіемъ силъ нашихъ къ Дунаю.

Французскій консулъ въ Бухарестѣ, Леду, получилъ отъ Наполеона приказаніе, немедленно прибыть въ Парижъ, чтобы лично объяснить ему положеніе дѣлъ въ нашей арміи. 11 января Леду отправился, и кн. Багратіонъ писалъ послу нашему въ Парижѣ, кн. Куракину, въ объясненіе, что отступленіе за Дунай вовсе не служитъ доказательствомъ плохого нашего положенія дѣлъ на Дунаѣ. Но вопросъ былъ въ томъ—какъ представитъ о томъ Леду.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, необходимо было скорѣе кончить войну съ Турціей, безъ посредства Франціи.

Почему канцлеръ гр. Румянцевъ писалъ кн. Багратіону о вступленіи съ визиремъ въ переговоры и необходимости указать при этомъ, что какъ для Турціи, такъ и для Россіи, выгодно заключить миръ безъ посредства Наполеона. Турція не можетъ расчитывать на помощь Франціи потому, что хотя война между Наполеономъ и Австріей окончена, но Франція ищетъ сближенія съ Россіей, чрезъ посредство посла своего въ Петербургѣ, графа Сенъ-Жульена. Съ другой стороны, побѣжденная, но еще не обезсиленная, Австрія весьма враждебно настроена противъ Франціи, и не упуститъ случая отомстить ей за свое пораженіе. Наполеонъ понимаетъ это хорошо, и потому не можетъ ничего предпринять въ пользу Турціи, если-бы даже и хотѣлъ.

Но князь Багратіонъ, не особенно энергично взялся за веденіе переговоровъ съ визиремъ, не безъ основанія полагая, что побудитъ Турцію на столь важныя уступки, какъ потеря Молдавіи и Валахіи, можно только одержаніемъ блистательной побѣды. Однако, мы уже видѣли, что къ рѣшительному сраженію при Татарицѣ, не были приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить за собою вѣроятный успѣхъ. Вскорѣ стали говорить, что даже и при существовавшихъ условіяхъ боя, кн. Багратіонъ не воспользовался его результатами, которые могли-бы иначе закончить кампанію 1809 года.

Сынъ датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Константинопольскомъ дворѣ, баронъ Гибшъ, выѣхавъ изъ столицы Порты, вскорѣ послѣ Татарицкаго сраженія, прибылъ въ Петербургъ гдѣ, естественно, къ нему обратились со всѣми возможными разспросами о томъ, что дѣлается въ Константинополѣ, и на театрѣ войны.

Гибшъ, сказалъ, что проѣзжая чрезъ Шумлу, онъ видѣлся съ докторомъ верховнаго визиря.

Зашла рѣчь о послѣднемъ сраженіи при Татарицѣ. —Удивляюсь, сказалъ докторъ, отчего русская армія не

воспользовалась одержаннымъ ею успѣхомъ. Безпорядокъ въ турецкой арміи былъ такъ великъ, что верховный визирь имѣлъ при себѣ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ. Сбившись, по случаю густаго и продолжительнаго тумана съ дороги, самъ визирь едва не попался въ плѣнъ».

Въ Разградѣ Гибшъ былъ свидѣтелемъ, какъ турецкіе военно-начальники дрались другъ съ другомъ. Въ это время къ Разграду подошелъ Кюшанецъ-Али-паша, вызванный изъ Сербіи на соединеніе съ войсками визиря. Командовавшій въ Разградѣ паша не хотѣлъ впустить въ городъ пришедшія войска. Началось настоящее сраженіе. Не желая при немъ присутствовать, Гибшъ отправился въ Журжу, но и тамъ ему пришлось увидѣть полный раздоръ и отсутствіе всякой связи между турецкими начальниками. Когда Гибшъ представилъ коменданту Журжи свой открытый листъ, за подписью визиря, комендантъ изорвалъ этотъ листъ въ клочки и осыпалъ визиря самыми презрительными ругательствами.

Въ виду такого положенія дѣлъ въ турецкой арміи, Гибшъ, въ разговорѣ съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, высказывалъ съ своей стороны удивленіе, что кн. Багратіонъ не воспользовался результатами Татарицкаго сраженія. Конечно, Гибшъ, какъ не спеціалистъ, основывался на словахъ другого не спеціалиста, доктора визиря, а потому слишкомъ легко рѣшалъ вопросы.

Но когда чего сильно желаютъ, то даютъ вѣру всему, что говоритъ въ пользу исполненія этого желанія. Напротивъ того, все, что указываетъ на невозможность его осуществленія, выслушивается не охотно и даже съ невольною враждебностію.

Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Гр. Румянцевъ передалъ свой разговоръ съ Гибшемъ Императору Александру, и писалъ, по поводу его, кн. Багратіону.

Багратіонъ обидѣлся, находя страннымъ, что словамъ какого-то Гибша вѣрятъ болѣе чѣмъ его донесеніямъ. Въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 13 января 1810 г., кн. Багратіонъ называлъ Гибша мальчишкою, молокососомъ, который, говоря о туманѣ во время татарицкаго сраженія, имѣлъ туманъ въ головѣ, потому что во время боя день былъ совершенно ясный; визирь-же не могъ блуждать въ туманѣ подъ Татарицей, такъ какъ пришелъ туда только черезъ два дня послѣ сраженія.

Приводимъ, полностію, все письмо кн. Багратіона, письмо,—въ которомъ онъ изложилъ обстоятельства, по которымъ считаетъ себя оскорбленнымъ, и снова проситъ назначить на его мѣсто другого главнокомандующаго. Вотъ его письмо:

«Учиненное Императоромъ Наполеономъ торжественное признаніе Молдавіи и Валахіи за Россіею, конечно, на настоящую минуту, обезпечиваетъ заботы наши въ удержаніи оныхъ силою оружія нашего. Но признаюсь вамъ, что я крайне сомнѣваюсь, чтобы рѣчь сія была достаточнымъ для Порты побужденіемъ къ поспѣшной уступкѣ намъ сихъ княжествъ мирнымъ трактатомъ. Сомнѣніе сіе усугубляется еще послѣдними извѣстіями, изъ Константинополя полученными, которыя сообщаю я вашему сіятельству, при другой депешѣ моей, отъ сего числа, и которая болѣе и болѣе удостовѣряетъ меня въ томъ заключеніи, что единственно побѣдами надъ войсками турецкими можно одержать миръ, соотвѣтствующій мудрымъ предначертаніямъ Государя Императора, и что никакія ни письменныя, ни словесныя внушенія, ни малѣйшаго вліянія не произведутъ.

«Затѣмъ остается принять въ уваженіе: во-1-хъ, будутъли указы Императора Наполеона довольно сильны, чтобы заставить Порту отрещись отъ союза съ Англіею, и слѣдовательно начать войну съ сею послѣднею, ко-

торой Порта наиболѣе страшится, по причинѣ предстоящихъ ей способовъ учинить внезапное нападеніе на столицу турецкой имперіи, принуждающую обыкновенно правительство, въ такихъ случаяхъ, къ рѣшимости, соотвѣтствующей ея сохраненію и безопасности; во-2-хъ, когда угрозы Франціи надъ Портою не подѣйствуютъ и война между ними разгорится, то не будемъ-ли мы въ необходимости продолжать, для соблюденія принятой континентальной системы, раззорительную для насъ войну до-толѣ, до-колѣ Наполеонъ успѣетъ соединить на главѣ своей короны западной и восточной имперій? Во всякомъ случаѣ, кажется, сомнѣнію не подвержено, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ Европы, мы не будемъ уже въ состояніи пріобрѣсть паки въ Цареградѣ то вліяніе, которое прежде имѣли, и которое по симъ отношеніямъ приносило важныя и существенныя пользы отечеству нашему. Но, впрочемъ, я совершенно съ мнѣніемъ вашего сіятельства согласенъ, что намъ надлежитъ теперь напрягать всевозможныя усилія, дабы, буде можно, принудить Порту къ заключенію мира съ Россіею, прежде нежели распри ея съ другими державами, и сихъ послѣднихъ между собою, придутъ еще въ большую запутанность. Благо отечества нашего съ тѣмъ тѣсно сопряжено, и въ семъ отношеніи я, съ самымъ большимъ удовольствіемъ и благодарностію неограниченною, пріемлю всѣ совѣты и наставленія, даваемыя мнѣ къ достиженію той цѣли, и къ исполненію священнѣйшей для меня воли Августѣйшаго моего Монарха, отъ мужей просвѣщенныхъ, опытныхъ и любящихъ свое отечество. Таковыя правила, мною твердо принятыя, заставляютъ меня всегда читать разсужденія и замѣчанія, отъ вашего сіятельства мнѣ сообщаемыя, съ чувствованіями искреннѣйшей признательности, и я стараюсь оными руководствоваться, по мѣрѣ того, какъ мѣстныя обстоятельства и собственныя мои усмотрѣнія то позво-

ляютъ. Въ таковой точно мѣрѣ скажу въ откровенности, съ крайнимъ прискорбіемъ душевнымъ, видѣлъ я изъ письма вашего, что вы заключенія ваши на мой счетъ основать изволили на голословныхъ показаніяхъ малолѣтняго мальчика, не имѣющаго еще ни о чемъ понятія, и первый разъ изъ подъ кровли родителей въ свѣтѣ вышедшаго; сіе самое заставляетъ меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробнѣйшія объясненія. Несогласія, существующія между нѣкоторыми пашами турецкими, и неуваженіе ихъ къ верховному визирю, относятся только до личныхъ ихъ между собою интересовъ; но коль скоро армія россійская гдѣ покажется, то тамъ всѣ тотчасъ единодушно дѣйствуютъ противъ насъ, и всѣ признаютъ верховную власть визиря и ему повинуются; доказательства въ томъ представлены довольно явныя во всю кампанію 1809 года, и излишне бы было распространяться здѣсь подробнымъ оныхъ описаніемъ; слѣдовательно, всѣ тѣ распри весьма малое имѣютъ вліянія на дѣйствія турокъ противъ насъ; но тѣ распри, которыя намъ существенную пользу принесть могутъ, и о коихъ баронъ Гибшъ понятія не имѣетъ и имѣть не можетъ, стараюсь я приличными мѣрами питать и увеличивать, какъ то ваше сіятельство изъ нѣкоторыхъ отношеній моихъ могли видѣть. Кушанецъ-Али-паша сражался съ пашею Разградскимъ, то правда; но ссора ихъ прекратилась въ три дни. Аядинъ-паша Журжинскій обнаружилъ презрѣніе визирю, единственно для того, что, видя мальчишку предъ собою, онъ хотѣлъ дать ему понятіе о величіи власти своей, и даже показывалъ ему всю выставленную въ Журжѣ артиллерію, въ томъ намѣреніи, дабы онъ все то пересказалъ и внушилъ бы намъ, такимъ образомъ, что онъ и безъ помощи верховнаго визиря, можетъ противустоять нападенію россійской арміи. Сіе заключеніе мое въ глазахъ вашихъ получитъ еще большія удостовѣренія, когда сообщу вамъ, что Аядинъ-

паша, всѣми способами ищетъ покровительства верховнаго визиря, для утвержденія за нимъ помѣщичьихъ владѣній раи Журжинской. Баронъ Гибшъ, въ бытность у меня въ Гирсовѣ, на вопросъ мой о всемъ томъ, что происходитъ въ Шумлѣ, отвѣтствовалъ: что онъ тамъ пробылъ не болѣе трехъ часовъ и что, слѣдовательно, ничего мнѣ основательно разсказать не можетъ. Одного сего довольно кажется, чтобъ удостовѣрить ваше сіятельство, сколь справедливы настоящія его показанія; да и вообще, не могу я разумѣть, съ одной стороны, какъ онъ успѣлъ такъ скоро снискать довѣренность лекаря, и какъ лекарь могъ сообщить ему столь подробныя о военныхъ дѣйствіяхъ свѣдмнія: по крайней мѣрѣ очевидно то, что если показанія Гибша справедливы, то мои донесенія моему Государю ложны, и я преступникъ предъ Богомъ и Монархомъ? Питаю себя надеждою, что Его Императорское Величество, ни въ прежней моей службѣ, ни въ настоящей, не соизволилъ найти причины сомнѣваться въ справедливости моихъ донесеній, ибо и малѣйшее отступленіе отъ истины, не соотвѣтствуетъ ни моему чину, ни моему званію, ни природному моему характеру. Въ сраженіи предъ Татарицею, былъ я лично посреди рукопашнаго боя, слѣдовательно, недалеко отъ непріятеля; былъ я тамъ не по особенной какой-либо личной храбрости, но по обязанности званія моего. Итакъ, донесеніе мое основано было на томъ, что я самъ видѣлъ и дѣлалъ, а не на рапортахъ подчиненныхъ. Сраженіе кончилось въ пользу нашу: правила воинскаго благоразумія, о коихъ здѣсь не у мѣста было бы говорить, не позволили мнѣ аттаковать непріятеля въ его укрѣпленіяхъ, но я оставался и въ слѣдующіе два дня, не болѣе какъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля; а потому видѣлъ все самъ и могъ обо всемъ судить. Верховный же визирь не былъ въ Татарицѣ ни во время сраженія,

ни въ послѣдующіе два дня, а имѣя при себѣ отъ 9-ти до 10.000 человѣкъ подъ ружьемъ, находился въ Капаклѣ. Стоило только посмотрѣть на карту, чтобъ удостовѣриться въ несправедливости бредней барона Гибша; погода во всѣ тѣ три дня была, правда, холодная, но время было какъ днемъ, такъ и ночью, весьма ясно. Итакъ я долженъ полагать, что безпорядокъ и туманъ находились только въ головѣ барона Гибша, тогда когда онъ все сіе вамъ разсказывалъ. Тѣмъ не менѣе, оскорбительно для человѣка, проведшаго всю жизнь свою на службѣ Государя и Отечества, и достигнувшаго до степени главнокомандующаго арміею, видѣть себя сужденну по сказкамъ безсмысленнаго молокососа. Такимъ точно образомъ, тронуло меня до безконечности, выраженіе вашего сіятельства, что вы надѣетесь, что все будетъ вознаграждено при открытіи новой кампаніи. Разсужденіе таковое можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда предшествовали опущенія, которыя мнѣ, однакожь неизвѣстны. Я могу согласиться въ томъ, что недостатокъ моего ума, моей проницательности и моихъ свѣдѣній въ искусствѣ воинскомъ, не позволили мнѣ, при всей доброй моей волѣ, обнаружить тѣхъ опущеній; но если оныя были, какъ вы предполагать изволите, въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, дали бы мнѣ отличный опытъ благосклонности вашей ко мнѣ, когда бы ходатайствомъ вашимъ испросили у Государя Императора назначеніе на мѣсто мое другого, который бы, согласно желаніямъ вашимъ, предводительствовалъ армію съ большимъ успѣхомъ, ибо, не взирая на неограниченное усердіе мое къ службѣ Его Императорскаго Величества, я отнюдь не хочу быть причиною опущенія пользы государственной тамъ, гдѣ точное и строгое соблюденіе оной необходимо нужно; я же готовъ служить моему Государю, тамъ, гдѣ онъ признаетъ мои способности достаточными, къ исполненію Высокомонаршей Его воли».

Вмѣстѣ съ письмомъ къ гр. Румянцеву, кн. Багратіонъ писалъ тоже военному министру, гр. Аракчееву, отъ 14 января 1810 года и, между прочимъ, говоритъ: «получилъ я отъ государственнаго канцлера. гр. Николая Петровича Румянцева, весьма непріятныя замѣчанія, въ разсужденіи сраженія подъ Татарицею, противъ войскъ верховнаго визиря, что ему разсказывалъ мальчишка, баронъ Гибшъ. Изъ сего я заключаю, что заслужилъ гнѣвъ государя императора, не виннымъ образомъ, и сіе самое не токмо огорчаетъ меня, но даже съ прискорбіемъ долженъ просить В. С. всепокорнѣйше, дабы вы, милостивый государь, исходатайствовали мнѣ отсюда увольненіе, а на мѣсто мое прислать другого, который-бы лучше повелъ какъ операціи, такъ и внутреннее здѣшнее правленіе. Я, ваше сіятельство, человѣкъ самый посредственный. Слѣдовательно, разсудокъ мой можетъ и не простираться далѣе сего чувства. Я не признаю, чтобы я сдѣлалъ опущеніе въ прошломъ году за Дунаемъ; а графъ Румянцевъ то видитъ, и даетъ мнѣ сильное замѣчаніе, съ тѣмъ, чтобы я поправился. Мнѣ сіе не токмо грустно, но такъ больно, что описать вамъ не могу, и дабы новыхъ не сдѣлать ошибокъ, прошу одной милости, дабы я былъ уволенъ для излеченія болѣзни, хотя на 4 мѣсяца. Я ничего не испортилъ, и ни кто меня не разбивалъ. Я болѣе хотѣлъ разбить визиря, нежели гр. Румянцевъ, но не могъ, какъ быть! Если-бы баталіи выиграть было легко, тогда-бы онѣ не были и диковинными; мнѣ кажется лучше воевать противу непріятеля, нежели противъ меня и общаго блага» [1]).

Трудно сказать, имѣлъ-ли кн. Багратіонъ въ виду дѣйствительно отказаться отъ званія главнокомандующаго, или хотѣлъ только высказать, насколько онъ счи-

[1]) В. Уч. Арх. № 1395, стр. 69—71.

таетъ себя обиженнымъ, за оказанное ему, еще прежде, недовѣріе, по поводу очищенія праваго берега Дуная; а теперь, за то значеніе, какое было придано словамъ какого-то Гибша, какъ-бы опровергавшимъ его донесеніе, по вопросу крайне важному, опредѣлявшему участь кампаніи цѣлаго года.

Судя по энергической дѣятельности кн. Багратіона, съ какою онъ предпринималъ мѣры къ осуществленію составленнаго имъ плана кампаніи 1810 года, дѣятельности, какую онъ обнаруживалъ уже послѣ отправленія приведеннаго письма, едва-ли можно сомнѣваться, что онъ не допускалъ мысли о томъ, что его намекъ на увольненіе закончится дѣйствительнымъ замѣщеніемъ.

Заключенія Гибша, конечно, не имѣли никакого значенія. Но, велико значитъ было неудовольствіе за отступленіе кн. Багратіона на лѣвый берегъ Дуная, когда такъ легко согласились замѣнить его другимъ. Недостаточная подготовка татарицкаго сраженія, о чемъ уже было говорено, только теперь сказалась не въ пользу главнокомандующаго, который могъ-бы собрать ко дню сраженія гораздо больше силъ, но этого не сдѣлалъ, и потому не достигъ желаемыхъ результатовъ. 2 февраля 1810 года послѣдовало назначеніе г. отъ инфантеріи гр. Каменскаго II главнокомандующимъ Дунайскою арміею. Гр. Каменскій 2, отличившійся въ послѣднюю войну съ Швеціей, былъ родной братъ, находившагося въ Дунайской арміи, гр. Каменскаго I, которому преданъ былъ въ командованіе корпусъ г.-л. Милорадовича.

Столкновенія между Милорадовичемъ и кн. Багратіономъ начались вскорѣ послѣ назначенія послѣдняго главнокомандующимъ. Было время, когда Милорадовичъ считался старше кн. Багратіона по службѣ. Блистательная побѣда, одержанная имъ при Обилешти, давала

ему право расчитывать на назначеніе его главнокомандующимъ, послѣ кн. Прозоровскаго.

Подчиняясь условіямъ военной дисциплины, Милорадовичъ далъ кн. Багратіону слово, забыть прежнее соперничество. Но различіе во взглядахъ не замедлило ихъ привести къ новому столкновенію, почему Милорадовичъ, уже подъ стѣнами Силистріи, долженъ былъ сдать свой корпусъ гр. Ланжерону, и отправиться на его мѣсто въ Бухарестъ. Здѣсь онъ подпалъ подъ прежнее вліяніе хитраго Филипеско, который, прикрываясь его именемъ, вредилъ всѣми мѣрами нашимъ дѣламъ въ княжествахъ, насколько это касалось управленія диванов.

Кн. Багратіонъ долженъ былъ дать Милорадовичу какое-нибудь назначеніе, не въ его арміи. Поэтому, Милорадовичъ получилъ приказаніе принять подъ свое начальство, формирующіяся на Днѣстрѣ резервныя войска и, тотчасъ-же, ссылаясь на болѣзнь, сдалъ корпусъ гр. Каменскому 1. Въ тоже время Филипеско, со всѣмъ своимъ семействомъ, былъ высланъ подъ конвоемъ въ Бѣлградъ.

Такимъ образомъ, кн. Багратіону не суждено было выполнить его замѣчательный планъ движенія къ Балканамъ и, даже, за Балканы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, погибла и надежда сербовъ, на обѣщенную имъ кн. Багратіономъ помощь, что входило въ составъ выработаннаго имъ плана.

XIX.

Событія въ Сербіи, въ концѣ 1809 и началѣ 1810 годовъ. — Письмо кн. Багратіона къ Черному Георгію и сербскому народному совѣту.

Чтобы закончить обзоръ событій на Дунаѣ, за время командованія кн. Багратіономъ арміею, остается бросить взглядъ на то, что произошло въ Сербіи, съ того

времени, какъ состоялось тамъ народное собраніе, постановившее просить Россію, принять управленіе сербскими дѣлами.

Не смотря на затрудненія, представляемыя Родофиникинымъ, къ выполненію постановленія сербскаго народнаго совѣта, сербскіе депутаты прибыли 19 декабря 1809 г. къ кн. Багратіону въ главную квартиру его въ Гирсово, и передали ему свою просьбу, отъ имени націи.

Кн. Багратіонъ принялъ ихъ ласково, обнадежилъ въ покровительствѣ Россіи и сказалъ, что — «можетъ быть, въ непродолжительномъ времени, Бѣлградъ будетъ занятъ русскимъ гарнизономъ».

Депутаты получили также, положительное завѣреніе, что сербамъ будутъ доставлены боевые припасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе крайнюю нужду, которую ощущала Сербія въ недостаткѣ соли, что заставляло обращаться съ просьбами объ отпускѣ ея къ Австріи, кн. Багратіонъ, съ цѣлью устранить сношенія сербовъ съ Австріей, дозволилъ каждому сербу получать въ Малой Валахіи отъ 50 до 100 окъ соли. Отпускъ же соли въ большемъ количествѣ, покупаемой для перепродажи въ Бѣлградѣ, дозволялся, не иначе, какъ по свидѣтельствамъ сербскаго народнаго совѣта и по удостовѣренію Родофиникина, съ точнымъ указаніемъ, кому, для какой цѣли и какое количество соли дозволяется купить.

Кн. Багратіонъ старался увѣрить сербскихъ депутатовъ, что подозрѣнія ихъ относительно Родофиникина неосновательны и могли возникнуть только по недоразумѣнію и вслѣдствіе происковъ его враговъ. Успокоенные депутаты возвратились въ Бѣлградъ.

Имѣя въ виду отправить отрядъ г.-м. Исаева на помощь сербамъ, еще до открытія предстоящей кампаніи, кн. Багратіонъ приказалъ Родофиникину собрать точныя свѣдѣнія, какъ о дѣйствительномъ настроеніи

сербовъ къ Россіи, такъ и относительно продовольственныхъ средствъ, на которыя можетъ расчитывать отрядъ Исаева.

Съ этою цѣлью, Родофиникинъ послалъ довѣренное лицо съ письмомъ, къ воеводамъ Миленко и Велько, поручивъ посланному, лично вникнуть въ положеніе сербскихъ дѣлъ.

17 января 1810 года, посланный возвратился къ Родофиникину въ Краіовъ, и донесъ, что все сербское населеніе въ горахъ, начиная отъ Ниша до Бани и до самаго Дуная, еще съ прошлой осени, покорились туркамъ, и готово снова возстать только тогда, когда русскія войска прибудутъ на р. Тимокъ. Касательно припасовъ, въ окрестностяхъ Неготина можно было расчитывать найти много сѣна, если турки не успѣютъ его сжечь. Край по Тимоку могъ дать до 1.000 подводъ.

Турки, еще съ осени прошлаго года, прекратили враждебныя дѣйствія противъ сербовъ, и чрезъ Нишъ свободно проходили торговые транспорты, какъ изъ Сербіи, такъ и обратно.

Поведеніе Чернаго Георгія было крайне странно. Несмотря на то, что онъ обѣщалъ народному собранію ничего не предпринимать до возвращенія посланныхъ къ кн. Багратіону депутатовъ, какъ только депутація отправилась и народное собраніе разошлось, Черный Георгій, приказалъ собрать съ каждой души мужского пола по червонцу, съ тѣмъ, что уплатившій эту подать, избавляется отъ обязанности идти на войну противъ турокъ [1]). Однако, народъ не отозвался на эту мѣру, понимая, что обязанность защищать свою родину, нельзя цѣнить на вѣсъ червонца.

Извѣстные интриганы, Младенъ и Милое, снова пріобрѣли вліяніе на Чернаго Георгія, изъ чего уже можно

---

[1]) Дѣло Воен. Учен. Арх. № 1352.

было заключить, что постановленіе народнаго совѣта останется безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, партія Младена и Милое снова начала торжествовать. Черный Георгій подчинялся ихъ внушеніямъ какъ человѣкъ—«запальчивый, мало просвѣщенный и готовый слушать первые совѣты, которые ему давались».

Противники партіи Младена и Милое, а слѣдовательно и не одобрявшіе дѣйствій Чернаго Георгія, честные бойцы за свободу своей родины, какъ Петръ Добрынецъ, Миленко Стойковичъ и другіе, подвергались всевозможнымъ нападкамъ. Къ чести Родофиникина нужно сказать, что онъ придерживался этой послѣдней партіи.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи было тѣмъ тягостнѣе, что Австрія, не смотря на заключенный ею съ Россіей миръ, запретила торговыя сношенія съ Сербіей, состоявшей подъ покровительствомъ Россіи. Это было тѣмъ болѣе странно, что незадолго передъ этимъ, кн. Багратіонъ объявилъ въ приказѣ по арміи: «По поводу прекращенія войны между Россіею и Австріею, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше позволить, чтобы комерція между княжествами Молдавіи и Валахіи съ одной, и пограничными австрійскими владеніями съ другой стороны, возстановлена была на прежнемъ основаніи, заисключеніемъ вывоза въ Австрію хлѣба и вывода лошадей».

Въ планъ военныхъ дѣйствій 1810 года, выполненіемъ котораго былъ такъ сильно занятъ кн. Багратіонъ, входило оказаніе значительной помощи сербамъ русскими войсками, какъ для того, чтобы обезпечить нашъ правый флангъ за Дунаемъ, такъ и для того, чтобы заставить визиря ослабить свои войска на нижнемъ Дунаѣ.

Поэтому, прежде чѣмъ главныя силы начнутъ наступательныя дѣйствія за Дунаемъ, отрядъ Исаева 1-го

долженъ быть готовъ открыть движеніе на соединеніе съ сербами.

Съ этою цѣлью, кн. Багратіонъ лично отправился къ отряду Исаева въ Краіовъ, чтобы дать ему надлежащія инструкціи и ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малой Валахіи.

«Внутреннее управленіе Малой Валахіи, доносилъ онъ Императору отъ 19 февраля 1810 года, нашелъ я столь-же порочнымъ и столь-же превратнымъ, какъ и въ Большой Валахіи.

«Исторженія и угнетенія, причиненныя чиновниками, отъ дивана Большой Валахіи употребленными, достигли до такой степени, что народъ доведенъ до отчаянія, и что нѣкоторыя селенія, предпочитая иго турокъ, тираническому правленію единовѣрныхъ имъ соотечественниковъ ихъ, спаслись побѣгомъ, на правую сторону Дуная».

При такомъ положеніи дѣлъ въ Валахіи, расчитывать на матеріальную помощь страны и на ней основывать открытіе *ранней* кампаніи, какъ это имѣлъ въ виду кн. Багратіонъ, было невозможно.

«Одно обстоятельство, доносилъ кн. Багратіонъ, того же 19 февраля 1810 г., паче всѣхъ прочихъ озабочиваетъ меня до безконечности, и состоитъ въ томъ, что я не предвижу возможности получить, въ свое время, потребный обозъ для подвижного магазина, безъ котораго я, отнюдь, съ мѣста тронуться не могу».

Этотъ воловый обозъ уже давно требовался изъ Кіева, но о немъ ничего еще не было слышно.

Въ крайнемъ случаѣ, предстояло забрать изъ Валахіи всѣ подводы и подводчиковъ, для наблюденія за которыми, въ предупрежденіе побѣговъ, пришлось бы назначать военный конвой. Сверхъ того:—«Земля, непремѣнно, раззорена будетъ, поелику крестьяне сіи, на веснѣ не успѣютъ засѣять своихъ полей».

Съ большими затрудненіями отрядъ Исаева былъ снабженъ провіантомъ на два мѣсяца.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія по отряду Исаева, кн. Багратіонъ препроводилъ къ Черному Георгію, и сербскому совѣту, слѣдующее воззваніе, отъ 10 февраля: — «Съ того времени, когда единовѣрный нашъ и храбрый народъ сербскій, нашелъ себя въ невозможности переносить всѣ тѣ мученія, и всѣ тѣ истязанія, которымъ отъ тиранническаго правленія турецкаго подвергался, Его Императорское Величество, Всеавгустѣйшій и Всемилостивѣйшій Государь мой, по врожденному Ему милосердію, внявъ гласу моленія депутатовъ народа сербскаго, Императорскимъ Своимъ словомъ обѣщалъ и даровалъ оному высокомонаршее Свое покровительство.

«Народъ сербскій видѣлъ на самомъ опытѣ, колико дѣятельна была попечительность Его Императорскаго Величества, въ доставленіи оному той помощи и тѣхъ пособій, которыя ему наипаче нужны были, къ собственной его оборонѣ, къ невредимому сохраненію отеческаго ихъ наслѣдія, къ защитѣ ихъ женъ, дѣтей и имущества, и къ пораженію враговъ ихъ. Не безызвѣстно каждому сербину, коликократно, весьма значущіе транспорты артиллеріи, разнаго рода оружія, воинскихъ снарядовъ, пороху, свинцу и прочихъ для войны потребностей, отъ арміи Его Императорскаго Величества въ Сербію доставлено, и коликократно правительство сербское снабжаемо было знатными денежными суммами, на удовлетвореніе существенныхъ надобностей народа, къ достиженію той цѣли, которую онъ себѣ предначерталъ, къ основанію благоденствія своего на вѣчныя времена. Въ 1807 году, въ уваженіе къ просьбѣ депутатовъ народа сербскаго, отправленъ былъ даже отрядъ войскъ россійскихъ къ вспоможенію сербамъ, въ бранѣ ихъ противу Порты Оттоманской. На основаніи перемирія, въ томъ году заключеннаго, войска сіи пере-

правлены на лѣвую сторону Дуная. Ходатайствомъ Россійско-Императорскаго двора, Сербія включена была въ перемиріе, и правительство сербское пріобрѣло чрезъ то возможность, въ теченіи полутора лѣтъ, пользуясь внутренними своими силами и спокойствіемъ, пріуготовить все, что къ будущему начатію военныхъ дѣйствій требовалось.

«Никогда, ни въ какомъ случаѣ, не терялъ Государь Императоръ изъ виду жребія народа сербскаго. И въ прошедшемъ 1809 году, когда военныя дѣйствія между россійскими и турецкими войсками воспріяли, паки, свое начало, отъ арміи Его Императорскаго Величества доставленны паки въ Сербію новые транспорты артилеріи, оружія, снаряды, и не менѣе того важныя денежныя суммы.

«По стеченію обстоятельствъ, а можетъ быть и по опредѣленію невѣдомыхъ судебъ, народъ сербскій претерпѣлъ отъ враговъ его пораженіе, котораго ни предвидѣть, ни въ самомъ началѣ его отвратить не можно было, по причинѣ дальняго разстоянія и препятствій въ перемѣнѣ установленнаго уже плана кампаніи. Въ послѣдствіи времени, сильныя дѣйствія и движенія мои противу непріятеля, на правой сторонѣ Дуная, заставили его отвлечь силы свои отъ Сербіи и обратить оныя на меня. Такимъ образомъ, народъ сербскій, паки освободился отъ сильныхъ нападеній турецкихъ.

«Не взирая на то, напрягая всегда усилія мои къ исполненію священной и непоколебимой воли Всеавгустѣйшаго моего Монарха, я обратилъ попечительнѣйшее вниманіе на настоящее положеніе народа сербскаго, и вошелъ съ присланными ко мнѣ отъ онаго депутатами въ подробныя разсужденія, о самыхъ лучшихъ и вѣрныхъ способахъ, къ основанію безопасности и блаженства Сербіи, и въ соображеніе предстоящихъ къ тому способовъ.

«Вслѣдствіе того, отправляю я нынѣ сильный и значущій корпусъ россійскихъ императорскихъ войскъ, на правую сторону Дуная въ Сербію, дабы, совокупно съ храбрымъ воинствомъ сербскимъ, дѣйствовать на пораженіе враговъ Сербіи и, такимъ образомъ, основать и обезпечить благоденствіе сего единоплеменнаго намъ народа. Командованіе симъ корпусомъ войскъ поручилъ я господину генералъ-маіору Исаеву, яко воину, уже во многихъ случаяхъ оказавшему храбрость и искусство свое, который и предъ симъ уже былъ съ войсками въ Сербіи и руководствовалъ воиновъ сербскихъ къ одолѣнію враговъ и къ одержанію побѣды надъ непріятелемъ, и который, по тому самому, заслуживаетъ и любовь, и довѣренность народа.

«Столь значущая сила храбраго и славнаго воинства Россійскаго, обеззабочиваетъ меня, совершенно, въ успѣхахъ дѣйствій, предпріемленныхъ въ томъ краю противу Порты Оттоманской.

«Удовлетворивъ, такимъ образомъ, въ полной мѣрѣ и съ избыткомъ, главнѣйшему ходатайству верховнаго вождя, правительствующаго совѣта и депутатовъ народа сербскаго, я остаюсь въ правѣ ожидать, что сербы, начиная отъ старшаго до младшаго, потщатся теперь обнаружить, на самомъ дѣлѣ, признательность ихъ и непоколебимую и постоянную преданность къ Его Императорскому Величеству, Всеавгустѣйшему покровителю Сербіи, за таковый отличный доводъ отеческой попечительности Его Величества о благоденствіи сего народа. Теперь настало время, въ которое все воинство сербское, одушевленное вѣрою и любовію къ отечеству своему, вооружась духомъ храбрости, единомысленно должно соединиться съ непобѣдимымъ воинствомъ Россійскимъ, на пораженіе гордыхъ тирановъ Сербіи, и къ утвержденію ея благоденствія, котораго доселѣ, и потоки крови сербской пріобрѣсть не были въ состояніи. Я требую

сего именемъ того Великаго Монарха, который жертвуетъ кровію храбрыхъ своихъ воиновъ, не для личныхъ какихъ либо выгодъ, или для собственныхъ завоеваній, но единственно для блага единовѣрнаго намъ народа сербскаго. Для достиженія сей важной и великой цѣли, надлежитъ непремѣнно, чтобы воинство сербское, во всѣхъ воинскихъ противу турокъ предпріятіяхъ, слѣдовало руководству и наставленіямъ господина генералъ-маіора Исаева, который направитъ оное на лучшій и удобнѣйшій путь, къ побѣжденію непріятеля.

«Обращаюсь теперь къ народу сербскому: братіе ваши, храбрые воины Россійскіе, идутъ къ вамъ для защиты вашей и для спокойствія вашего; пріймите ихъ яко братій, и единодушно съ ними поражайте врага вашего. Воинство Россійское снабдено всѣми потребностями, но могутъ встрѣтиться надобности, коихъ доставленіе, по причинѣ отдаленія, затруднительно или невозможно, какъ, напримѣръ, продовольствіе сѣномъ, фуражемъ, а въ послѣдствіи времени и хлѣбомъ, перевозка всѣхъ сихъ потребностей воинскихъ и другихъ припасовъ и проч.—вспомоществуйте имъ въ томъ отъ всего сердца, всѣми силами и способами вашими, ибо сіе дѣлаете не для нихъ, а для себя, дабы совокупными силами основать блаженство ваше.

«Заслуги верховнаго вождя народа сербскаго, отечеству своему имъ оказанныя, труды, въ теченіи шести лѣтъ для блага сербовъ имъ подъятые, и пожертвованія имъ доселѣ принесенныя, удостовѣряютъ меня заблаговременно, что онъ въ нынѣшнемъ рѣшительномъ случаѣ, прилагая труды къ трудамъ, усугубитъ и усердіе, и рвеніе свое, дабы увѣнчать тѣ труды его счастливыми успѣхами, долженствующими принесть и славу ему, и верховное блаженство его отечеству.

«Пастыри духовные, конечно, не оставятъ благими наставленіями и внушеніями, возбуждать и поощрять

народъ, къ единодушному съ Россійскимъ воинствомъ дѣйствію, для защиты православныя вѣры, подъ игомъ тирановъ угнетаемой, и для вящаго прославленія имени христіанскаго.

«Коменданты войскъ и всѣ старѣйшины, оставя всѣ личныя и побочныя уваженія, напрягутъ всѣ усилія свои, дабы служить примѣромъ всему народу сербскому, въ согласномъ и единомышленномъ напряженіи силъ, къ достиженію преднамѣреваемой великой цѣли; ибо нынѣ настала минута, которая, буде дѣйствія всѣхъ и каждаго направлены будутъ къ той единой цѣли, должна рѣшить судьбу Сербіи.

«Я не оставилъ сдѣлать надлежащихъ распоряженій о доставленіи и для войскъ сербскихъ, потребнаго количества воинскихъ снарядовъ.

«Удовлетворяя во всемъ, что только возможно, просьбы и исканія, представленныя мнѣ отъ бывшихъ у меня депутатовъ народа сербскаго, я, вмѣстѣ съ корпусомъ войскъ россійскихъ, отправляю паки въ Сербію господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина, со всѣми и предъ симъ при немъ находившимися чиновниками, и снабдилъ его всѣми нужными наставленіями, къ преподанію добрыхъ совѣтовъ и нужныхъ пособій, какъ правительству, такъ и народу сербскому.

«Я не сомнѣваюсь, что тотъ и другой, будутъ имѣть къ нему ту довѣренность, которую польза самаго народа сербскаго требуетъ сохранить, къ уполномоченному и довѣренному отъ Государя Императора чиновнику.

«Впрочемъ, не оставлю я и впередъ, по могущимъ встрѣтиться нуждамъ и надобностямъ народа сербскаго, имѣть тоже попеченіе, которое я доселѣ имѣлъ» [1]).

Можно было расчитывать, что сербы, получивъ это воззваніе, съ полной энергіей начнутъ новую борьбу за

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1395. стр. 84—89.

свою независимость, о которой извѣщалъ ихъ еще кн. Прозоровскій.

Въ настоящее время, вопросъ о сербской независимости, болѣе чѣмъ когда-либо, входилъ въ намѣреванія Императора Александра, хотя и находилъ противниковъ.

Еще 16 января 1810 г., канцлеръ гр. Румянцевъ писалъ кн. Багратіону, что—«нынѣ, въ учрежденіи полной ихъ (сербовъ) независимости, могли-бъ предстать многія препятствія,—равно какъ и принятіе Сербіи въ полное наше управленіе».

Поэтому:—«наилучшее, на сей разъ, учрежденіе для Сербіи было бы, кажется, чтобъ она осталась подъ покровительствомъ и ручательствомъ Россіи, но данницей Порты. Чтобъ Порта, получая положенную отъ сербовъ дань, не могла уже ни въ какія дѣла вмѣшиваться, безъ нашего согласія».

Но Императоръ Александръ приказалъ сообщить кн. Багратіону, чтобы—«обнадежить сербовъ, что при трактованіи о мирѣ, мы будемъ стараться объ учрежденіи совершенной ихъ независимости» [1]).

Теперь наступало время оказать русскими войсками дѣйствительную помощь сербамъ. Поэтому кн. Багратіонъ далъ Исаеву слѣдующую инструкцію отъ 18 февраля:

«По собраніи нынѣ войскъ и приготовленіи всего потребнаго къ предпріятію, предположенной подъ командою вашего превосходительства экспедиціи на правую сторону Дуная въ Сербію, я признаю нужнымъ предписать вамъ, не теряя времени, приступить къ исполненію, и расположиться такимъ образомъ, чтобы переходъ вашъ чрезъ Дунай произведенъ былъ въ дѣйство, конечно, не позже 1 числа наступающаго марта мѣсяца.

«Входя въ соображеніе мнѣнія вашего, относительно военныхъ операцій вашихъ, и доходящихъ сюда свѣдѣ-

---

[1]) В. Уч. Арх. № 1395, стр. 94.

ній о расположеніи турецкихъ войскъ, я предоставляю совершенно мѣстному разсмотрѣнію вашему, учредить переправу, либо чрезъ островъ, Альмары (Кольмаръ), либо ниже онаго въ удобномъ мѣстѣ; но естьли предпредпримете оную ниже, то необходимо нужно, чтобы вы, движеніемъ нѣкотораго числа войскъ, подали видъ, будто намѣрены переправиться чрезъ островъ, дабы скрыть отъ непріятеля настоящее намѣреніе ваше. По переходѣ, главное и первѣйшее дѣло ваше, должно состоять въ томъ, чтобы сильнымъ, быстрымъ и, такъ сказать, мгновеннымъ движеніемъ, овладѣть Неготинымъ, и тѣмъ самымъ пресѣчь сношеніе турецкихъ войскъ, вверхъ по Дунаю расположенныхъ, съ крѣпостію Виддиномъ. Недальнее растояніе Неготина отъ берега Дуная и превосходныя силы ваши, преподаютъ къ тому большую удобность; при всемъ томъ, надлежитъ вамъ обратить самое дѣятельное вниманіе на то, чтобы во время сего предпріятія не могли вы быть аттакованы съ тылу. — Утвердясь въ Неготинѣ и обезпечивъ переправу вашу нужными укрѣпленіями, надлежитъ вамъ пещись объ установленіи свободнаго сношенія между вами и сербами, дабы силы сербскія могли безпрепятственно къ вамъ присоединиться и, совокупно съ вами, дѣйствовать къ очищенію всего тамошняго берега Дуная отъ турецкихъ войскъ. Взявъ Бирзо-Паланку и островъ Альмаре, необходимость заставляетъ обратиться къ Кладову; ибо безъ занятія онаго, при дальнѣйшихъ операціяхъ вашихъ, никогда въ тылу обезпечены быть не можете, и самые транспорты, къ вамъ идущіе, подвержены будутъ безпрестанной и большой опасности. Тѣмъ не менѣе, однако же, строго возбраняю я рѣшаться на штурмъ; а когда сношеніе съ Виддиномъ, откуда Кладаво получаетъ всѣ потребности, пересѣчено будетъ, то надѣяться должно, что помощію тѣсной блокады, отнятія средствъ къ пріобрѣтенію продовольствія и благо-

разумнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, крѣпость сія, въ скоромъ времени доведена будетъ къ сдачѣ.

«Гарнизона въ Бѣлградъ посылать вамъ не слѣдуетъ, дабы ни въ какомъ случаѣ не раздроблять, безъ крайней нужды, войскъ, въ распоряженіи вашемъ состоящихъ.

«Занятіе укрепленія, называемаго Кастель, насупротивъ Адакале, весьма полезно будетъ въ томъ видѣ, дабы блокадою острова принудить Реджепъ-Агу къ сдачѣ, и такимъ образомъ овладѣть симъ, по многимъ отношеніямъ важнымъ для насъ, пунктомъ; но блокадою сею вамъ самимъ отнюдь заниматься не должно; а очистивъ отъ турковъ, какъ выше описано, правый берегъ Дуная, надлежитъ вамъ занять, по первоначальному предположенію вашему, позицію на рѣкѣ Тимокѣ, между Виддиномъ и Ниссою (Нишъ), и дѣлать оттуда, особливо посредствомъ сербовъ, сильные поиски по большой Константинопольской дорогѣ, дабы Виддинъ и Нисса не могли получать подкрѣпленій ни войсками, ни продовольствіемъ.

«Дальнѣйшія дѣйствія ваши зависѣть будутъ отъ движеній и успѣховъ остальныхъ частей арміи, а потому предварительно, нельзя сдѣлать твердаго о нихъ постановленія; но въ свое время получите вы отъ меня нужныя и обстоятельствамъ соотвѣтствующія наставленія.

«Вотъ главныя основанія, которыя я къ руководству вашему начертать призналъ за благо. Впрочемъ, само собою разумѣется, что предпріятія и движенія непріятельскія, могутъ содѣлать нужными нѣкоторыя перемѣны въ семъ общемъ планѣ; а потому и надлежитъ вамъ, въ таковыхъ случаяхъ, поступать на основаніи мѣстныхъ усмотрѣній вашихъ, въ чемъ я, совершенно, на многолѣтнюю опытность и искусство ваше полагаюсь.

«Вмѣстѣ съ вами имѣетъ переправиться въ Сербію господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ, со всею миссіею. Я снабдилъ его грамотою къ начальникамъ, старѣйшинамъ и народу сербскому, коею

я всѣхъ ихъ воззываю, къ единодушному соединенію всѣхъ силъ сербскихъ съ войсками россійскими, на пораженіе непріятеля, и увѣщеваю ихъ во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ слѣдовать наставленіямъ вашимъ. Я не имѣю надобности упоминать здѣсь о правилахъ, какія съ сербами наблюдать должно, ибо прежнимъ съ ними обращеніемъ вашимъ успѣли вы пріобрѣсть ихъ любовь и ихъ довѣренность; а потому и не сомнѣваюсь я, что вы такимъ-же образомъ и нынѣ въ томъ успѣете, особливо приходя теперь въ Сербію съ гораздо превосходнѣйшими силами, нежели тогда. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ и успѣхахъ предпріятій вашихъ имѣете мнѣ, почасту, доносить чрезъ нарочныхъ».

Когда-же главная армія кн. Багратіона перейдетъ Дунай, тогда, какъ мы видѣли, предполагалось направить особый отрядъ чрезъ Орханіе, для соединенія съ войсками Исаева и сербами, стоящими на Тимокѣ, для дѣйствій въ тылъ турецкимъ войскамъ, находящимся въ Сербіи.

— «Давъ вашему превосходительству всѣ нужныя разрѣшенія относительно военныхъ операцій, предпріемлемой вами экспедиціи на правую сторону Дуная, сказано далѣе въ инструкціи, я долженъ обратить все вниманіе и всю попечительность вашу еще на одинъ весьма важный предметъ, тѣсно сопряженный съ успѣхами предстоящей кампаніи, и наблюденіе и исполненіе коего я чрезъ сіе возлагаю на точную и личную отвѣтственность вашу, яко начальника помянутой экспедиціи.

«Вашему превосходительству не могутъ быть безызвѣстны приказы, отданные въ армію, какъ предмѣстникомъ моимъ, такъ и мною, относительно образа обхожденія, который наблюдать предписано въ разсужденіи болгаръ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ на правой сторонѣ Дуная обитающихъ. Правила сіи, еще съ вящшею строгостію должны наблюдаемы быть въ на-

стоящую кампанію, особливо-же, вами и войсками, вами командуемыми, поелику вы, по основанію предначертаннаго плана, прежде всѣхъ прочихъ войскъ, до мѣстъ болгарами населенныхъ, достигнуть долженствуете; ибо устраняя даже вредное впечатлѣніе, которое дурное обхожденіе съ единовѣрными болгарами, въ самихъ сербахъ, неминуемо произвесть должно; всякая обида, болгарамъ нанесенная, всякое насиліе или исторженіе, всякое раззореніе болгарскихъ селеній, будутъ переходить изъ устъ въ уста, и причинять то пагубное для насъ послѣдствіе, что армія Его Императорскаго Величества, вмѣсто пользъ и выгодъ отъ болгаръ, по всей справедливости и по принятымъ мною мѣрамъ ожидаемыхъ, найдетъ въ каждомъ изъ нихъ непримиримаго врага и непріятеля. Болгарія-же, будучи весьма населена, въ такомъ случаѣ, безъ всякаго затрудненія, можетъ поставить 35 тыс. человѣкъ весьма хорошо вооруженныхъ и къ войнѣ привыкшихъ войскъ и какъ тѣмъ, такъ и отнятіемъ у насъ способовъ къ продовольствію, причинитъ намъ болѣе вреда, нежели вдвое сильнѣйшая армія турецкая. Изъ сего самаго ваше превосходительство можете усмотрѣть, всю важность предмета, и все пространство обязанности вашей предъ государемъ и отечествомъ, въ точномъ и строгомъ наблюденіи предначертаваемыхъ правилъ.

«По всѣмъ таковымъ уваженіямъ, званіе, на меня Высокомонаршею довѣренностію Его Императорскаго Величества возложенное, обязываетъ меня предписать симъ вашему превосходительству, дабы вы, при переходѣ вашемъ на правую сторону Дуная, отдали строжайшій приказъ войскамъ, вами командуемымъ, и содѣлали оный извѣстнымъ всѣмъ чинамъ, отъ старшаго до младшаго, дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться не могъ, чтобы воинскіе чины, со всѣми христіанами, особливо же съ болгарами, на правой сторонѣ Дуная живущими, обхо-

дились братски и дружелюбно, ничего не исключая, и самомалѣйшей вещи насильственнымъ образомъ не брали и не требовали; жилищъ, строеній, полей, садовъ и всякихъ насажденій не раззоряли; скота и птицъ домовыхъ не отбирали и, словомъ, никакихъ обидъ и притѣсненій не чинили. Если войска будутъ имѣть въ чемъ-либо надобность, какъ, напримѣръ, въ дровахъ, въ сѣнѣ, въ соломѣ, въ фуражѣ зерномъ, въ хлѣбѣ, въ скотѣ на мясную порцію, въ подводахъ и тому подобномъ, то требованія должны быть произведены отъ васъ, или отъ частнаго начальника, буде таковый отъ васъ къ особой какой-либо экспедиціи отдѣленъ будетъ, и требованія сіи относить къ старѣйшинамъ селъ, деревень или мѣстечекъ, которымъ должно предоставлено быть дѣлать самимъ сборъ или раскладку по ихъ произволу; а пріемъ надлежитъ учредить чрезъ посредство благонадежныхъ и добраго поведенія офицеровъ, такъ, чтобы при томъ, ни малѣйшаго оскорбленія причинено не было. Всему-же, что такимъ образомъ съ обывателей взымаемо будетъ, надлежитъ, при дѣлахъ вашихъ, вести точную вѣдомость, и представлять оную, ежемѣсячно, ко мнѣ.

«Отданіе приказа, однако-же, не достаточно, а надлежитъ наблюсти за точнымъ онаго исполненіемъ, и сіе есть безпосредственная обязанность ваша. Объявите при отданіи приказа, что всѣ полковые, баталіонные и прочіе частные начальники, должны будутъ отвѣтствовать за нарушеніе тѣхъ установленныхъ правилъ; въ случаѣ же противнаго сему поступка, я чрезъ сіе васъ уполномочиваю, всякому начальнику, въ командѣ коего таковое преступленіе случится, отказать отъ команды и мнѣ объ этомъ донести. Надъ нижними чинами, которые окажутся въ томъ виновными, велите тотчасъ, яко надъ ослушниками закона и нарушителями общаго спокойствія, на мѣстѣ произвести краткій, на основаніи воинскихъ узаконеній, судъ, такъ, чтобы оный конченъ былъ

сколь можно поспѣшнѣе и, ни въ какомъ случаѣ, далѣе 48-ми часовъ не продолжался; буде наказаніе превыситъ мѣру власти вашей, тогда имѣете объ оном тотчасъ представить мнѣ и вы, безъ малѣйшаго замедленія, получите разрѣшеніе; во всѣхъ же случаяхъ, наказаніе должно быть произведено въ присутствіи тѣхъ обывателей, которымъ причинена обида или притѣсненіе. Главное же при семъ обстоятельство состоитъ въ томъ, чтобы никакое преступленіе сего рода не оставалось безъ наказанія, и я удостовѣренъ, что два или наиболѣе три примѣра самой большой строгости въ наказаніи, воздержатъ и всѣхъ прочихъ.

«Что принадлежитъ до селеній турецкихъ, и до обывателей магометанскаго исповѣданія, то сіи послѣдніе должны всѣ быть военноплѣнными; могущіе у нихъ найтиться воинскіе снаряды, провіантъ и фуражъ, составляютъ казенное имущество; изъ скота обращается въ казну только та часть, которая нужна на продовольствіе войскъ мясною порціею.

«Строгимъ затѣмъ наблюденіемъ, уменьшится надобность въ требованіяхъ отъ христіанскихъ обывателей, что всегда должно быть предметомъ особенной попечительности вашей. Прочее же все имущество турецкое, какого-бы наименованія ни было, составляетъ добычу войска. Остается вамъ только благоразумнымъ образомъ распорядиться, чтобы по сему предмету не могли происходить раздоры между россійскими и сербскими войсками.

«При взятіи турковъ въ плѣнъ, надлежитъ строго возбранять—отправлять ихъ нагими, а слѣдуетъ оставлять одни сапоги, шаровары и курѣку, или что имѣютъ, ибо, въ противномъ случаѣ, казна же должна употреблять не малыя издержки на ихъ одѣяніе.

«Я строго воспрещаю возбуждать болгаръ къ подъятію оружія противу турокъ, а слѣдуетъ только и без-

посредственно, и чрезъ посредство ихъ старѣйшинъ, особливо же чрезъ священниковъ, внушать имъ, оставаться въ своихъ жилищахъ, обработывать ихъ поля, пещись о ихъ хозяйствѣ и доставлять войскамъ россійскимъ тѣ пособія, въ которыхъ они могутъ имѣть надобность. Но еслибы случилось, что нѣкоторые болгары, сами собою, захотятъ присоединиться къ войскамъ сербскимъ, то сего, въ уваженіе къ сербамъ, возбранять не должно; однако же, съ нашей стороны, отнюдь къ тому не поощрять.

«Я остаюсь въ полномъ удостовѣреніи, что ваше превосходительство исполните въ точности всѣ начертанныя здѣсь мною правила, и преподадите мнѣ тѣмъ самымъ случай, объ усердной попечительности вашей къ существеннымъ пользамъ государственнымъ, свидѣтельствовать предъ престоломъ Монаршимъ» [1]).

Таковы были послѣднія распоряженія кн. Багратіона, какъ главнокомандующаго Дунайскою арміею, съ которою онъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ выполнить своихъ главнѣйшихъ предначертаній.

XX.

Внутреннее положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ 1808 и 1809 г. г. — Сношенія съ Персіей. — Царь Соломонъ въ Имеретіи. — Лишеніе престола царя имеретинскаго Соломона и бѣгство его изъ Кутаиса. Враждебные замыслы Соломона. — Интриги Турціи и Персіи на Кавказѣ въ 1808 и 1809 годахъ. — Возмущеніе Селимъ-хана Шехинскаго, Сурхай-хана Казыкумыкскаго и Шихъ-Али Кубинскаго. Переговоры съ Персіей. — Военныя дѣйствія на Навказѣ въ 1808 и 1809 годахъ. — Затруднительное положеніе Персіи. — Сосредоточеніе арміи гр. Гудовича къ Тифлису, и расположеніе русскихъ войскъ въ маѣ 1808 г. — Возобновленіе переговоровъ съ Персіей. — Персія и Турція готовятся начать военныя дѣйствія противъ арміи гр. Гудовича и движеніе послѣдняго къ Памбаку. — Армія гр. Гудовича вступаетъ въ границы Персіи. Дѣйствія подъ Эриванью. — Письменная переписка гр. Гудовича съ персами въ октябрѣ и ноябрѣ 1808 года. — Разбитіе войскъ Аббасъ-Мирзы при Кара-баба, и

---

[1]) № 1395 стр. 78. В. Уч. Арх.

занятіе Нахичевани. — Штурмъ Эривани 17 ноября 1808 г., и отступленіе отъ крѣпости. — Расположеніе арміи гр. Гудовича на зимнія квартиры. — Возобновленіе переговоровъ съ персами въ 1809 году. — Назначеніе генерала Тармасова на мѣсто гр. Гудовича. — Переговоры съ Персіей въ 1809 году; военныя предпріятія персіянъ и турокъ. — Расположеніе арміи Тармасова у Думаниса, и боевой составъ ея. — Наступательныя дѣйствія, и ихъ безуспѣшность. — Персы просятъ о перемиріи. — Волненія во всемъ Закавказьѣ. — Расположеніе арміи на зимнія квартиры въ 1809 г. — Продолженіе переговоровъ о перемиріи и о мирѣ съ Персіей. — Взятіе Поти 15 ноября. — Взятіе въ плѣнъ царя Соломона.

Дѣйствія гр. Гудовича на Кавказѣ въ 1807 году окончились расположеніемъ его арміи на зимнихъ квартирахъ, по лѣвую сторону р. Аракса. Главная квартира арміи была въ Тифлисѣ.

Установленное съ турками перемиріе обезпечивало нашу армію отъ враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, какъ на всю зиму 1807, такъ и въ теченіе 1808 гг.

Вопросъ о замиреніи съ Персіей находился въ неопредѣленномъ состояніи.

Побуждаемая Англіей, Персія не заключала мира, и только старалась не прерывать начатыхъ переговоровъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Такъ, она могла, или пристать къ Турціи, для дѣйствій противъ Россіи, или-же, наоборотъ; наконецъ, могла остаться нейтральной, въ надеждѣ получить что нибудь отъ той или другой изъ двухъ воюющихъ сторонъ, которая будетъ имѣть успѣхъ въ настоящей борьбѣ, и обѣщаетъ купить ея нейтралитетъ.

Происки Персіи и Турціи, во все время прекращенія военныхъ дѣйствій, клонились къ тому, чтобы возбуждать, тайнымъ образомъ, владѣтельныхъ князей Грузіи, Имеретіи и другихъ, къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ.

Эта система не могла не отразиться на операціяхъ кавказской арміи, вызывая мѣры осторожности, относительно разныхъ мѣстныхъ князей, владѣнія которыхъ занимала наша армія.

Царь Имеретинскій Соломонъ былъ, въ особенности, не надеженъ. Это замѣчено было гр. Гудовичемъ еще въ началѣ 1807 года, когда онъ, въ письмѣ своемъ отъ 15 января къ г.-м. Рыкгофу писалъ:

«Хотя ваше превосходительство и увѣдомляли меня о совершенной перемѣнѣ имеретинскаго царя Соломона (перемѣнѣ въ пользу Россіи), но я не замѣчаю того по его поступкамъ».

Въ видахъ успокоенія Соломона, относительно его владѣтельныхъ правъ, гр. Гудовичъ писалъ ему отъ 16 января 1807 года:—«Княжество Гурійское, въ силу заключеннаго съ вашимъ величествомъ трактата, долженствуетъ, на вѣчныя времена, оставаться подъ зависимостью царства вашего и быть въ полномъ владѣніи вашемъ».

Письмо это было писано по поводу того, что кн. Гуріели Вахтангъ, недовольный Соломономъ, просилъ покровительства гр. Гудовича, что могло вызвать опасенія въ Соломонѣ.

Но царь имеретинскій не успокоился этимъ письмомъ, и вскорѣ гр. Гудовичъ получилъ донесеніе г.-м. Рыкгофа, что Соломонъ, какъ есть слухъ, находится въ сношеніяхъ съ ахалцыхскимъ пашою, и что между ними состоялось слѣдующее соглашеніе: паша сдѣлаетъ нападеніе съ фронта, а царь Соломонъ, съ тыла, на русскія войска, занимающія Имеретію, и очистятъ ея отъ нихъ.

Въ подтвержденіе этого слуха получено было извѣстіе, что въ Ахалцыхѣ замѣчена усиленная дѣятельность, возводятся новыя укрѣпленія и устанавливаются на стѣнахъ орудія.

Сверхъ того, было донесено, что изъ Эрзерума слѣдуетъ къ Ахалцыху сильная армія, при 7 пашахъ, числомъ до 45.000 чел. Хотя говорилось, что армія эта имѣетъ въ виду наказать, по повелѣнію султана, ахалцыхскаго пашу; тѣмъ не менѣе, армія эта могла имѣть

и другое назначеніе, — именно наступленіе со стороны Ахалцыха.

Впрочемъ, гр. Гудовичъ понималъ преувеличеніе доходившихъ слуховъ о силѣ эрзерумской арміи. «Таковаго числа, не только конницы, но и пѣхоты прокормить имъ невозможно», писалъ онъ къ Рыкгофу, отъ 19 февраля 1807 года. — «Давать онымъ извѣстіямъ полную вѣру запрещаю, ибо они (турки) увеличеніемъ своей силы, хотятъ только насъ устрашить, чего имъ никогда не удастся. Пѣхота турецкая, такъ какъ имеретинская и мингрельская, хуже всякихъ мужиковъ. Наиболѣе будьте осторожны отъ внутреннихъ непріятелей».

Неудачное нападеніе татаръ на Редутъ-Кале побудило Соломона прислать генералу Рыкгофу, въ Кутаисъ, своихъ довѣренныхъ князей, съ увѣреніемъ дружественныхъ отношеній Грузіи къ русскому правительству, давшими, вмѣстѣ съ тѣмъ, клятвенное обѣщаніе отъ имени своего царя, что онъ не виноватъ во взводимомъ на него подозрѣніи, будто-бы грузины участвовали въ нападеніи на Редутъ-Кале, и что царь Соломонъ находился въ сношеніяхъ съ турками въ видахъ нападенія на русскихъ. Виновника-же доставленія этихъ ложныхъ свѣдѣній просилъ наказать за клевету, по русскимъ законамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Соломонъ выразилъ свою преданность Россіи въ письмѣ къ гр. Гудовичу, который отвѣчалъ ему отъ 27 февраля 1807 года.—«Вы должны оправдать то и самымъ дѣломъ, почитая турокъ, непріятелей Россіи, за собственныхъ своихъ, не имѣя съ ними никакаго сношенія. Я увѣренъ, однако, что вы ничего не предпримете къ сбору вашихъ войскъ, безъ предварительнаго сношенія и согласія съ г.-м. Рыкгофомъ, начальникомъ расположенныхъ въ Имеретіи, непобѣдимыхъ войскъ Его Императорскаго Величества».

Между тѣмъ, Соломонъ отправилъ также письмо къ Императору Александру, выставляя на видъ то обстоя-

тельство, что кн. Цицiановъ, принудилъ его подписать актъ вступленiя Имеретiи въ Россiйское подданство, не смотря на то, что Имеретiя, съ давнихъ поръ, находится подъ покровительствомъ Порты. Далѣе говорится, что кн. Цицiановъ далъ ему записку, подъ клятвою, въ коей увѣрялъ его, что онъ не будетъ лишенъ его владѣнiй. Поэтому царь Соломонъ, указывая на то, что онъ лишенъ въ настоящее время самостоятельности, какъ владѣтель Имеретiи, не считаетъ себя обязаннымъ исполнять, то что находитъ неудобнымъ для исполненiя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Соломонъ просилъ дозволить, ему самому, составить условiя, на основанiи которыхъ Имеретiя вступитъ, добровольно, въ вѣчное подданство Россiи, и обѣщаетъ ей свою вѣрность

По поводу послѣдней просьбы, баронъ Будбергъ писалъ гр. Гудовичу отъ 14 марта 1807 г.—«Сей пунктъ достоинъ замѣчанiя своею странностiю».

«Находясь уже въ подданствѣ, онъ (Соломонъ) проситъ позволенiя написать условiя, на которыхъ желаетъ и обѣщаетъ быть вѣрнымъ, слѣдовательно, онъ самъ признается въ своей невѣрности».

Ненадежность Соломона вынудила г.-м. Рыкгофа принять мѣры, противъ тѣхъ лицъ въ Имеретiи, которыя оказывались подозрительными, и арестовать нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Царь Соломонъ энергически протестовалъ противъ этого, и въ письмѣ своемъ отъ 18 апрѣля 1807 г. къ генералу Рыкгофу говорилъ: «уже 1.300 лѣтъ, какъ мой родъ и я имѣемъ царское званiе. Доколѣ я царь, знайте и вѣрьте, что если въ Имеретiи хоть одного благороднаго вы задержите, вся Имеретiя должна истребиться; вы уничтожаете царское званiе, послѣдствiемъ чего будутъ тяжкiя дѣла и кровопролитiе невинныхъ жителей.»

Когда же русскiя войска начали военныя дѣйствiя на Кавказѣ, и генералъ Рыкгофъ выступилъ съ своимъ

отрядомъ изъ Кутаиса къ Поти и Редутъ-Кале, царь Соломонъ прибылъ въ Кутаисъ, а затѣмъ, отправился къ Багдаду, къ границамъ Персіи, и тамъ секретно началъ собирать войска, съ цѣлью враждебныхъ намъ дѣйствій, вмѣстѣ съ персіанами [1]).

Въ письмѣ къ Императору Александру, отъ 20 іюля, царь Соломонъ писалъ, что русскіе солдаты,—«схвативъ въ Кутаисѣ, безъ всякой вины, первѣйшаго князя въ Имеретіи, зятя его Давида Цукулидзе—«били его и проломили ему голову, и онъ, окровавленный, пришелъ ко мнѣ».

Интригуя противъ русскихъ, Соломонъ разсылалъ подарки владѣтелю Сванетіи и другимъ князьямъ, ведя съ ними тайные переговоры и возбуждая ихъ противъ Россіи. Малочисленность русскихъ войскъ, оставленныхъ въ Имеретіи, давала полный просторъ его дѣятельности. Оставленный въ Кутаисѣ маіоръ Монзы доносилъ, что въ августѣ, въ деревню Гагію, къ царю Соломону пріѣзжали изъ Персіи агенты царевича Александра, враждебнаго Россіи, и отъ турецкаго сераскера Юсуфъ-паши.

Гр. Гудовичъ, выставляя царю Соломону на видъ всѣ полученныя о дѣйствіяхъ его свѣдѣнія, указывалъ на несогласіе ихъ съ заявленіями искренности, въ которой увѣрялъ онъ русское правительство, и съ обязанностями его относительно Россіи.

«Съ прискорбіемъ удивляюсь, отвѣчалъ Соломонъ отъ 19 сентября 1807 года, что часто пишете мнѣ о пунктахъ и обязанностяхъ. Кн. Циціановъ разрѣшилъ всю нашу обязанность. Вѣрьте, что вся обязанность наша разрѣшена и не по обязанности, что отъ насъ возможно, служить будемъ».

---

[1]) Рыкгофъ гр. Гудовичу отъ 8 іюня 1807 г. Акты кавказской археографической коммисіи. Томъ III.

Отвѣчая на это письмо, гр. Гудовичъ говорилъ: — «употребленныя въ письмѣ—выраженія ваши, крайне меня удивили». И потомъ въ письмѣ отъ 11 октября № 540: —«не могу не сказать здѣсь, съ сродною мнѣ откровенностію, что содержаніе онаго (письма) привело меня въ крайнее и неожиданное удивленіе. Въ письмѣ семъ ваше величество явно уже отказываетесь отъ всѣхъ обязанностей вѣрноподданнаго и отъ трактата, торжественно вами заключеннаго, не взирая на присягу, данную вами предъ лицемъ всемогущаго Бога, на вѣчную вѣрность подданства Его Императорскому Величеству».

Дерзкій тонъ, неожиданно принятый Соломономъ, былъ результатомъ тайныхъ его сношеній съ турками, при чемъ Ахалцыхскій паша убѣдилъ его въ томъ, что по заключеніи мира между Россіей и Турціей, Имеретія будетъ уступлена Портѣ.

Турецкіе агенты распускали въ Кутаисѣ слухи и о томъ, что Россія уступаетъ Турціи Крымъ, завоеванную часть Персіи, Грузію и Мингрелію.

Явная неблагонадежность царя Соломона вызвала со стороны гр. Гудовича мысль—«царя Соломона вовсе удалить отъ управленія Имеретіей, какъ скоро удобный случай предстанетъ. Къ тому-же, такое малое царство, не составляющее и княжества, кажется недостойно называться царствомъ, а царь царемъ, живущій по образу черкесъ» [1]).

Въ январѣ 1808 года, Соломонъ вступилъ уже въ явныя соглашенія съ непріятелями Россіи. До 1000 лезгинъ, содержимыхъ Ахалцыхскимъ Селимъ-пашею, и набранныхъ изъ числа бѣглецовъ Дагестана, расположились на границѣ Имеретіи, въ деревнѣ Агарахъ. Царь Соломонъ выдавалъ имъ жалованье, а паша Ахалцых-

---

[1]) Письмо къ гр. Румянцеву, отъ 4 декабря, 1807 г. Акты кавк. Арх. Ком., томъ III.

скій снабжалъ продовольствіемъ. Лезгины должны были сдѣлать нападеніе на Кутаисъ, занятый однимъ батальономъ полковника Тарасова, гдѣ находился въ своемъ дворцѣ Соломонъ, давно уже требовавшій вывода русскихъ войскъ изъ своей столицы Кутаиса. Въ тоже время стало извѣстно, что паша Ахалцыхскій сталъ у урочища Тавешвакѣ, въ 25 верстахъ отъ границъ Имеретіи, а царь Соломонъ приказалъ своимъ князьямъ и дворянамъ имѣть въ готовности войска и ждать его повелѣній.

Это заставило гр. Гудовича приказать, выслать изъ Сурама три роты пѣхоты и 2 малыхъ орудія къ Кутаису, въ помощь полковнику Тарасову, хотя нападенія со стороны Ахалцыхскаго паши онъ и не допускалъ, такъ какъ съ Турціей уже состоялось перемиріе. Но если-бы враждебныя намѣренія со стороны царя Соломона явно обнаружились, то г.-м. Рыкгофъ имѣлъ приказаніе, выслать изъ Сурама еще 3 роты егерей съ одной пушкой въ Имеретію, чтобы дѣйствовать тамъ— «уже какъ противъ измѣнниковъ. Только предписываю вамъ, писалъ гр. Гудовичъ, ничего не начинать безъ крайней надобности, ибо ни обстоятельства, ни время не позволяютъ теперь начинать» [1]).

Не найдя поддержки въ подвластныхъ князьяхъ и дворянахъ, и опасаясь прибытія въ Кутаисъ новыхъ русскихъ войскъ, царь Соломонъ заговорилъ другимъ языкомъ, и въ письмѣ своемъ къ г.-м. Рыкгофу, вновь сталъ увѣрять въ своей преданности къ Россіи, въ доказательство чего предлагалъ даже прислать заложниковъ изъ всѣхъ княжескихъ фамилій Имеретіи.

Гр. Гудовичъ приказалъ взять аманатовъ, преимущественно изъ княжескихъ фамилій, состоящихъ въ родствѣ съ Соломономъ и извѣстныхъ, какъ по предан-

---

[1]) Предписаніе отъ 30 января 1807 г. (тамъ-же).

ности къ нему, такъ и по недоброжелательству къ Россіи, и немедленно доставить ихъ въ свою главную квартиру въ Тифлисъ.

Вскорѣ былъ полученъ высочайшій указъ отъ 10-го февраля 1808 года, въ которомъ, въ видахъ неблагонадежности царя Соломона, столь часто имъ доказанной, гр. Гудовичу повелѣвалось:

1) Царя Соломона и его наслѣдника царевича Константина, отправить въ Воронежъ.

2) Учредить, подъ его руководствомъ, временное управленіе Имеретинской области, изъ преданныхъ Россіи имеретинскихъ князей, и

3) Объявить именемъ Его Величества жителямъ всѣхъ сословій Имеретіи, что имъ будутъ сохранены всѣ права и преимущества, и что всѣ они будутъ пользоваться правами, наравнѣ съ русскими подданными.

Принятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ Соломона было тѣмъ необходимѣе, что онъ, вопреки своему заявленію о готовности выдать аманатовъ, отказался исполнить свое обѣщаніе, когда того отъ него потребовали. Но гр. Гудовичъ, по свойственной ему осторожности, имѣлъ въ виду устроить дѣло такъ, чтобы не вызвать въ Имеретіи кровопролитія. Поэтому, онъ отправилъ въ Имеретію 400 ратниковъ, подъ предлогомъ необходимаго укомплектованія полковъ и, какъ-бы для обученія этихъ ратниковъ, придалъ къ нимъ роту егерей, приказавъ ей слѣдовать въ Кутаисъ.

Не показывая Соломону вида, что противъ него принимаются окончательныя мѣры, и признавая выраженную имъ готовность быть вѣрнымъ Россіи — *одною личиною*, гр. Гудовичъ приказалъ Рыкгофу найти средства, овладѣть особою Соломона, избѣгая враждебныхъ столкновеній съ народомъ. Помочь ему въ этомъ долженъ былъ кн. Церетели, одинъ изъ главныхъ имере-

тинскихъ князей, много разъ уже заявившій преданность Россіи.

Царь Соломонъ догадался, что дѣло идетъ объ его личномъ арестѣ и потому, оставивъ въ маѣ 1808 года свой дворецъ въ Кутаисѣ, бѣжалъ въ горы, на границахъ ахалцыхскаго пашалыка, въ деревню Мухакруа.

Затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ, царь Соломонъ вступилъ въ соглашеніе съ татарами, лезгинами и осетинами, и составилъ изъ нихъ значительное войско, расположившееся у деревни Хили, верстахъ въ 30 отъ границъ Имеретіи, съ цѣлью напасть на русскія войска. Въ тоже время, онъ просилъ Порту о принятіи Имеретіи въ ея подданство, съ тѣмъ, чтобы турецкія войска были усилены въ Поти, и выгнали русскихъ изъ Редутъ-Кале въ то время, какъ онъ ударитъ на Кутаисъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, гр. Гудовичъ, оставивъ въ Тифлисѣ часть войскъ подъ начальствомъ кн. Орбеліани, приказалъ ему выслать одинъ баталіонъ къ границамъ Имеретіи, чтобы въ случаѣ надобности двинуть его къ Кутаису; а самъ Гудовичъ, съ главными своими силами, выступилъ изъ Тифлиса къ границамъ Персіи, съ которою до сихъ поръ не было заключено мира.

Собравъ войска, царь Соломонъ не рѣшался открыть враждебныя дѣйствія, увѣряя, какъ и прежде, что онъ остается вѣренъ Россіи, но нуждается въ войскахъ для установленія своихъ правъ въ Гуріи, гдѣ князья Гуріели и Вахтангъ овладѣли принадлежащимъ ему имуществомъ.

Не́ смотря на требованіе г.-м. Рыкгофа распустить свои войска, Соломонъ не распустилъ ихъ.

Генералъ-маіоръ Рыкгофъ вскорѣ умеръ, и командующимъ войсками въ Имеретіи былъ назначенъ кн. Орбеліани.

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла въ арміи гр. Гудовича, къ концу 1808 года.

Въ слѣдующемъ году, царь Соломонъ, представилъ уже явное доказательство своихъ намѣреній напасть на русскихъ. До сихъ поръ дѣйствія его только заставляли о томъ думать и даже порождали убѣжденіе; но Соломонъ не переставалъ говорить о своей вѣрности, и только выставлялъ себя жертвою несправедливости русскихъ. Но вотъ перехвачено было письмо его къ эриванскому Хусейнъ-хану, въ которомъ царь Имеретіи говоритъ—«Я имѣю 30.000 вооруженныхъ храбрецовъ, готовыхъ пролить кровь. Если персидское войско выступитъ противъ проклятаго Гудовича въ Тифлисѣ, всѣ затрудненія будутъ преодолѣны и мы также, изъ нашего владѣнія, двинемся противъ него. Однимъ словомъ, если ваши войска, совмѣстно съ нашими, двинутся противъ непріятеля, то онъ будетъ уничтоженъ нашими мечами; его пушки и заряды, до единаго, будутъ нами отбиты. Стоитъ только вамъ съ войскомъ прибыть въ Тифлисъ, и всѣ хлынутъ на встрѣчу царевича Александра. Проклятые русскіе будутъ вооружать противъ себя враждою и ненавистью ознауровъ и бековъ, живущихъ на прибрежьяхъ» [1]).

Не одинъ Соломонъ, царь имеретинскій, возбуждалъ опасенія относительно своей преданности Россіи. Въ то время, какъ переговоры съ Персіей о мирѣ все еще ни къ чему не привели и царевичъ Александръ, при посредствѣ персовъ, поддерживалъ свои претензіи на Грузію,—турецкіе паши Ахалцыхскій, Эрзерумскій и Карскій, не смотря на перемиріе съ Турціей, готовились произвести вторженіе въ Грузію и Мингрелію. Мы видѣли уже, что они были въ соглашеніи и съ Соломономъ имеретинскимъ. Только взаимныя распри турецкихъ пашей между собою, не позволяли никому изъ нихъ начать

---

[1]) Акты кавказской Археогр. коммисіи, т. 3, стр. 174.

враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Иначе, они не стѣснялись-бы перемиріемъ.

Тѣмъ не менѣе, и персы, и турки старались поднять противъ Россіи отдѣльныя княжества и ханства, изъявившія свою покорность Императору Александру.

Тѣ изъ владѣтелей, какъ, напр., новый ханъ Шекинскій, Ширванскій, Дербентскій и другіе, которые получили свои званія отъ русскаго правительства и были искренно преданы Россіи, должны были бороться съ интригами турокъ и персіанъ, изъ которыхъ послѣдніе оказывали поддержку всѣмъ выходцамъ, враждебно настроеннымъ противъ русскихъ.

Такъ, изгнанный изъ Шеки за измѣну Россіи, ея владѣтель Селимъ-ханъ, найдя пріютъ въ Персіи, писалъ въ 1808 г., назначенному русскими новому шекинскому владѣтелю, Джафаръ-Кули-хану:

«Въ тылу вашемъ находится Дагестанъ, гдѣ въ настоящее время имѣются достаточно прочныя мѣста — почему бы вамъ не воспользоваться случаемъ оказать мнѣ услугу и тѣмъ доказать свое мужество. Тогда я поспѣшу къ вамъ и дѣла легкимъ образомъ окончатся. Одною рукою двухъ арбузовъ не подымешь», намекъ на то, что служить и русскимъ, и шекинскимъ интересамъ нельзя.

Тотъ-же Селимъ-ханъ, въ письмѣ къ одному изъ шекинскихъ бековъ, писалъ:

«По милости Аллаха, въ настоящемъ (1808) году, гадость заблужденныхъ смоется съ лица земли Ирана, чистѣйшею водою острыхъ мечей, и персидская побѣдоносная армія съ одной стороны, и громоносное войско турецкое съ другой, двинутся туда (въ Шеки), и изъ труповъ непріятельскихъ соорудятся пирамиды, и въ одно мгновеніе жилы тѣхъ нечистыхъ русскихъ будутъ вытянуты изъ ихъ тѣла». Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось немедленное возстаніе противъ русскихъ.

Подобныя письма были имъ разосланы къ разнымъ бекамъ, съ просьбою собраться всѣмъ въ Шеки, изгнать настоящаго хана и возстановить его, Селима, въ правахъ на его шекинскія владѣнія. Письма эти нашли нѣкоторыхъ, хотя и немногочисленныхъ сторонниковъ, польстившихся на обѣщанія Селима. Вслѣдствіе чего, Джафаръ-Кули-ханъ, чтобы лишить сторонниковъ Селима возможности, организовался гдѣ нибудь въ шекинскомъ ханствѣ, приказалъ срыть укрѣпленія въ Нухѣ и другихъ мѣстахъ. Мѣры эти оказались не лишними, такъ какъ въ іюлѣ 1808 года, до 500 челов. сторонниковъ Селима, собрались близь Нухи. Высланные противъ нихъ 400 казаковъ, разсѣяли эту шайку и до 40 челов. взяли въ плѣнъ. Этихъ послѣднихъ гр. Гудовичъ приказалъ наказать въ самой Нухѣ шпицрутенами, прогнавъ по два раза чрезъ 500 чел., а потомъ отпустить на поруки родственникамъ. Если же въ числѣ плѣнныхъ найдутся беки, то ихъ велѣно судить въ Тифлисѣ и отправить въ Сибирь.

Въ Дагестанѣ, Сурхай-казыкумыкскій ханъ, собралъ ополченіе и обратился къ шекинскому Джафаръ-Кули-хану, также съ предложеніемъ отложиться отъ русскаго правительства, суля за то всевозможныя обѣщанія, и предлагая, въ залогъ ихъ обезпеченія, двухъ сыновей своихъ въ заложники.

Получивъ рѣшительный отказъ, Сурхай-ханъ, съ собраннымъ у Джары ополченіемъ, числомъ до 20.000 чел. приблизился къ шекинскимъ владѣніямъ. Узнавъ объ этомъ ханъ шекинскій, съ 2.000 конницы, 1.000 пѣхоты и 20 орудіями, двинулся имъ на встрѣчу, и въ дремучихъ лѣсахъ, при деревнѣ Гюйнюкъ, нанесъ своему противнику рѣшительное пораженіе, положивъ у него на мѣстѣ до 1.000 челов. и 800 взялъ въ плѣнъ. Сурхай-ханъ, раненый двумя пулями, вмѣстѣ съ раненымъ

своимъ сыномъ, бѣжалъ въ Дагестанъ, а ополченіе его было преслѣдуемо до самой Джары [1]).

Уступая происками и ложнымъ обѣщаніямъ Персіи, Сурхай-ханъ продолжалъ дѣйствовать враждебно Россіи, стараясь теперь увлечь за собою хановъ Ширванскаго и Карабагскаго. Послѣ пораженія, нанесеннаго Сурхаю ханомъ Шекинскимъ, гр. Гудовичъ обратился къ его посредству, для убѣжденія Сурхай хана снова покориться Россіи, обѣщая въ такомъ случаѣ освободить его казыкумыкскія владѣнія отъ обязательства уплаты 2000 червонцевъ ежегодно. Только для видимаго выраженія своего подданства, Сурхай ханъ долженъ будетъ присылать въ Тифлисъ по 2 жеребца и по нѣсколько ковровъ ежегодно. Въ противномъ же случаѣ, съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ нарушителемъ данной, на вѣрность Россіи, присяги.

Но Сурхай-ханъ не только не принялъ посредничества Шекинскаго хана, а намѣревался отомстить еще за пораженіе, для чего вступилъ въ соглашеніе съ Соломономъ. Послѣдній, собралъ на Курѣ войска и готовился двинуться на Шеку. Въ помощь Джафаръ Кули, былъ высланъ отрядъ изъ 600 челов. пѣхоты съ 2 орудіями, при полковникѣ Лисаневичѣ.

Убѣдясь въ безполезности дальнѣйшей борьбы, Сурхай-ханъ изъявилъ готовность покориться, но отказался прислать заложника. Поэтому, гр. Гудовичъ рѣшился назначить Казыкумыкскимъ ханомъ, племянника Сурхай-хана, Асланъ-бека, стоявшаго во главѣ лезгинъ, бывшаго на службѣ у Ахалцыхскаго паши, потомъ принявшаго русское подданство, и успѣшно дѣйствовавшаго противъ Шихъ-Али Кубинскаго, угрожавшаго границамъ Шекинскаго ханства.

Для уничтоженія Шихъ-Али Кубинскаго, гр. Гудо-

---

[1]) Акты Кавказ. Арх. Ком. Т. III, стр. 384.

вичъ приказалъ, половинѣ милиціонеровъ, ожидавшихся въ концѣ іюля на усиленіе кавказской арміи, и которые слѣдовали черезъ Дербентъ, идти въ Баку, а другой половинѣ стать у Кубы. Тогда 2 роты пѣхоты выступятъ изъ Ширвана, вмѣстѣ съ ширванскою конницею, а Шекинская конница изъ Шеки, и окружатъ Шихъ-Али, со всею его шайкою въ Кубѣ, съ тѣмъ, чтобы окончательно ее уничтожить.

Разбитый на голову, Шихъ-Али оставилъ Кубу и скрылся въ горахъ, между Дербентомъ и Кубой. Собравъ своихъ бѣглецовъ, онъ велъ только партизанскіе набѣги на кубинской дорогѣ. 10 апрѣля 1809 года, гр. Гудовичъ издалъ прокламацію къ жителямъ кубинскимъ, дозволяя имъ возвратиться въ свои жилища съ условіемъ отстать отъ Шихъ-Али, лишеннаго своего ханства.

Озабоченный сохраненіемъ спокойствія на Кавказѣ и предупрежденіемъ возможности возстанія мѣстныхъ жителей въ Мингреліи и Имеретіи, гр. Гудовичъ ограничивался только наблюденіемъ турецкихъ и персидскихъ границъ. Особеннаго вниманія требовала граница Персіи, такъ какъ миръ съ этою державою все еще не былъ подписанъ. Поэтому, значительная часть кавказской арміи. подъ начальствомъ г.-м. Небольсина, была расположена по р. Араксу.

Видимое уклоненіе Персіи отъ подписанія условій мира, показывало только ея намѣреніе выждать возобновленія военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей, чтобы стать на сторонѣ послѣдней.

Баба-ханъ, подъ разными предлогами, отказывался отправить въ Петербургъ своего уполномоченнаго, для подписанія условій мира.

Оказывая пріютъ и покровительство всѣмъ выходцамъ съ Кавказа, враждебнымъ Россіи, Персія сама находилась въ весьма затруднительномъ положеніи отъ внутреннихъ смутъ, чѣмъ гр. Гудовичъ и намѣренъ былъ

воспользоваться, чтобы рѣшительными дѣйствіями противъ Персіи, заставить ее подписать миръ, прежде, чѣмъ окончится срокъ перемирія съ Турціей, на окончательное замиреніе съ которой трудно было расчитывать.

Гр. Гудовичъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, что было рѣшено въ Тильзитѣ между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ относительно Персіи, въ донесеніи своемъ отъ 8 февраля 1808 г. испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, какъ ему поступать, такъ какъ срокъ перемирія съ Персіей истекаетъ, мира не подписано и нужно готовиться къ открытію кампаніи, для чего предстоитъ сформировать на Каспійскомъ морѣ флотилію, чтобы произвести десантъ на берега Персіи, на замиреніе съ которою было мало надежды.

До Тильзитскаго мира, Франція употребляла всѣ усилія воспрепятствовать этому замиренію, ручаясь Персіи, что, при содѣйствіи Франціи, она получитъ Грузію и другія владѣнія на Кавказѣ.

Теперь-же, когда Франція состояла въ союзѣ съ Россіей, роль ея замѣнила Англія, разорвавшая съ Россіей; и также сулившая Персіи присоединеніе къ ней нашихъ кавказскихъ владѣній.

Въ письмѣ отъ 25 марта ст. ст. 1808 г., гр. Гудовичъ обратился къ французскому послу въ Персіи, генералу Гардону, съ просьбою, парализовать интриги англійскаго посла Жонеса, много мѣшавшаго замиренію съ Персіей. Гр. Гудовичъ просилъ, чтобы Гардонъ формально объявилъ, что Франція, находясь въ союзѣ съ Россіей, не можетъ требовать отъ нея никакихъ уступокъ для Персіи, и что расчеты Жонеса, имѣющіе въ виду затруднить Россію, лишены всякихъ основаній, такъ какъ кавказская русская армія, которая будетъ дѣйствовать противъ Персіи, не уменьшится ни однимъ солдатомъ, отъ того, что военныя дѣйствія въ Турціи могутъ возобновиться.

Того же 25 марта, гр. Гудовичъ писалъ къ Бабахана сыну, Аббасъ-мирзѣ, и главному совѣтнику послѣдняго, Мирза-Бизюргу.

Въ письмѣ къ Аббасъ-мирзѣ, гр. Гудовичъ говоритъ, что, не получая до сихъ поръ отъ него прямого отвѣта, по вопросу о подписаніи окончательнаго мира съ Персіей, онъ находитъ нужнымъ—*подробно и въ послѣдній разъ* объясниться съ нимъ по этому вопросу.

Непремѣннымъ условіемъ заключенія мира остается требованіе, установить границу между Россіей и Персіей по теченію рѣкъ Куры, Аракса и Арпачая, какъ естественныхъ преградъ, могущихъ избавить обѣ державы отъ неизбѣжныхъ пограничныхъ столкновеній, часто служащихъ причиною нарушенія между ними дружескихъ отношеній, и что только по принятіи этого, непремѣннаго, условія, гр. Гудовичъ уполномоченъ приступить къ подписанію самаго мира, для чего не требуется уже отправлять персидскаго уполномоченнаго въ Петербургъ. Вопросъ можетъ быть рѣшенъ съѣздомъ обоихъ уполномоченныхъ, гдѣ нибудь на границѣ, съ тѣмъ, что потомъ уже договоръ будетъ подписанъ обоими Императорами и ратификованъ.

Требуемыя отъ Персіи уступки въ сущности весьма не велики.

Дагестанъ и часть Адербейджана, признавая только номинально власть Персіи, не приносили ей никакой пользы и только служили причиной несогласій между Россіей и Персіей, по стѣсненію русской торговли. Что же касается до отходящихъ къ Россіи Эриванской и Нахичеванской областей, то обѣ онѣ не приносили Персіи болѣе 100 тысячъ рублей въ годъ; такъ что потеря Персіи не превыситъ въ дѣйствительности этой незначительной суммы. Сдѣлавъ требуемую уступку, Персія пріобрѣтетъ дружбу своей могущественной сосѣдки, Россіи, которая одна имѣетъ вліяніе на судьбу Персіи,

смотря потому, будутъ-ли ея отношенія къ ней дружественными или враждебными. Франція, союзница Россіи, далека отъ мысли помогать Персіи. Англія ограничится только безплодными обѣщаніями. Турція, всегдашній врагъ Персіи, которая, поэтому, только въ Россіи найдетъ выгодную для себя помощь, какъ по дѣламъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, и извлечетъ пользу изъ торговыхъ съ нею сношеній. Собственный интересъ Россіи требуетъ желать внутренняго спокойствія въ Персіи, гдѣ уже 60 лѣтъ не имѣется шаха. Нынѣшній властелинъ Персіи, Баба-Ханъ, не имѣетъ прочной власти, и безъ содѣйствія Россіи, никѣмъ не будетъ признанъ въ шахскомъ достоинствѣ. Персія потеряла многія изъ принадлежавшихъ ей провинцій, которыя при посредствѣ Россіи могутъ быть ей возвращены отъ Турціи.

Русскій императоръ, при подписаніи мира съ Персіей, формально признаетъ Баба-Хана шахомъ персидскимъ. Обстоятельство это весьма важно и для Аббасъ-Мирзы, какъ сына и наслѣдника Баба-хана, на случай смерти послѣдняго; такъ какъ на персидскій престолъ есть другой претендентъ, старшій братъ Аббасъ-Мирзы, то Россія обѣщаетъ поддерживать право наслѣдства Аббасъ-Мирзы, если онъ будетъ содѣйствовать заключенію съ Персіей мира, который не влечетъ для нея никакихъ потерь, такъ какъ необходимость содержать войска на границахъ Грузіи, въ Эривани и Нахичеванѣ, стоитъ Персіи второе болѣе того, что ей приходится потерять, сдѣлавъ Россіи требуемыя уступки.

На это письмо, отправленное съ подполковникомъ Вреде, Аббасъ-Мирза долго не отвѣчалъ, и затѣмъ, не безъ колкости, ставилъ гр. Гудовичу на видъ, что если р. р. Куръ, Араксъ и Арпачай должны быть границею между Россіей и Персіей, какъ естественныя преграды, то вѣдь и прежде существовала границей водная линія, проходящая черезъ Моздокъ. Что-же касается до нич-

тожности требуемыхъ уступокъ, то если это справедливо—Россія также не можетъ извлечь изъ нихъ ни какой пользы; а потому не лучше-ли этимъ владѣніямъ «быть въ рукахъ стараго владѣтеля, чѣмъ въ рукахъ похитителя»?

Возражая на то, что Франція, въ союзѣ съ Россіей, не будетъ поддерживать интересовъ Персіи, Аббасъ-Мирза говоритъ—«что если Франція такъ шатка въ своихъ обѣщаніяхъ, то Россія не довѣрялась-бы ея дружбѣ, послѣ столь продолжительной вражды».

Письмо Гардона отъ 2 іюня н. ст., полученное 24 іюня ст. ст., отчасти объясняло тонъ этого письма. Гардонъ упоминалъ, что цѣлью всѣхъ его стараній было содѣйствовать заключенію мира Россіи съ Персіей.—«Но такъ какъ Персія выражаетъ претензіи, несогласныя съ предложеніями, представленными ей барономъ Вреде, то я полагалъ болѣе соотвѣтственнымъ, уступая требованіямъ Sa Hautesse (Баба-хана), чтобы переговоры велись въ Парижѣ, при посредствѣ императора Наполеона». Съ этою цѣлью посланникъ русскій въ Парижѣ, гр. Толстой, долженъ быть снабженъ надлежащими уполномочіями, а Персія, съ съ своей стороны, дастъ таковые-же Аскеръ-хану, своему послу въ Парижѣ. «Черезъ мѣсяцъ, отвѣчалъ ему гр. Гудовичъ, пройдетъ уже два года, какъ Персія сама начала вопросъ о перемиріи и мирѣ, прославъ ко мнѣ Мирзу-Маметъ-Али». Съ тѣхъ поръ переговоры продолжаются и не привели ни къ чему. Продолжать, по этому, перемиріе еще на цѣлый годъ онъ не можетъ, и безъ разрѣшенія императора не имѣетъ права предоставить вопросъ о заключеніи мира посредничеству Императора Наполеона. Такъ какъ Аббасъ-Мирза заканчивалъ свое письмо словами, что въ случаѣ непринятія перемирія les choses secretes de Dieu se feront voir», т. е. что неизвѣстно еще кто отъ того выиграетъ или проиграетъ, то гр. Гудовичъ писалъ ему:

«я готовъ ко всему, хотя и не начинаю и надѣюсь, что храбрость и численность командуемыхъ мною войскъ будутъ достаточны, чтобы персы не могли расчитывать на успѣхъ и, можетъ быть, они раскаются, если начнутъ военныя дѣйствія».

Итакъ, не соглашаясь на требуемыя уступки, Персія предложила продлить перемиріе.

Гр. Гудовичъ, конечно, не согласился на это, такъ какъ Персія имѣла въ виду только выиграть время и выждать возобновленіе военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей, чтобы поставить армію гр. Гудовича между двухъ огней.

При наступленіи турокъ со стороны Эрзерума, Карса и Ахалцыха, армія гр. Гудовича не могла-бы уже наступать къ сторонѣ Эривани, противъ персовъ, изъ опасенія быть аттакованной турками въ правый флангъ и съ тыла.

Поэтому, являлось современно необходимымъ, открыть наступательныя дѣйствія противъ персовъ прежде, чѣмъ наступитъ срокъ прекращенія перемирія съ турками.

Къ тому-же, Персія находилась въ это время въ крайне затруднительномъ положеніи.

Хоросанская провинція ея отложилась отъ власти Баба-хана и подняла противъ него оружіе. Съ другой стороны, въ пограничныхъ съ Персіей, и ей прежде принадлежавшихъ, провинціяхъ, Багдадской и Басарской, а теперь принадлежавшихъ Турціи, обнаружился мятежъ: Кая-бей, не успѣвъ получить утвержденія въ званіи правителя Багдада, возсталъ противъ Порты. Персія не могла оставаться безучастною къ начавшемуся у ея границъ волненію и надѣялась даже на возможность, снова присоединить оба возставшія противъ Порты провинціи, къ своимъ владѣніямъ. Съ этою цѣлью, она выслала къ своимъ границамъ, къ Ширазу, войска,

подъ начальствомъ Измаила-бея; впрочемъ, число ихъ не превосходило 4.000 человѣкъ.

Кая-бей, поддерживался Англіей, которая выслала свой флотъ въ Персидскій заливъ, чтобы произвести дессантъ на берега Персіи.

Но англичане, не успѣвъ сдѣлать высадку, прибѣгли къ другому средству. За согласіе принять въ Персіи англійское посольство, для переговоровъ въ интересахъ Кая-бея, они предлагали 100.000 тумановъ, богатые подарки, самому Баба-хану и 10.000 тумановъ его главному министру Мирза-Шефи [1]).

До полученія письма отъ Аббасъ-Мирзы, уничтожавшаго всякую надежду на миръ, гр. Гудовичъ предполагалъ сперва поддержать притязанія Персіи на Боссору и Багдадъ, въ надеждѣ поссорить ее съ Турціей, и расположить къ миру съ Россіей. Теперь-же, рѣшившись возобновить военныя дѣйствія съ Персіей, онъ вступилъ въ соглашеніе съ Кая-беемъ, обѣщая ему свою поддержку.

Отовсюду получались извѣстія, что Персія ожидаетъ вступленія русскихъ войскъ въ ея предѣлы, но не могла предпринять никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ обороны, если не считать углубленія рва въ Эриванской крѣпости, на которую, прежде всего, слѣдовало ожидать нападенія.

Что касается до отношеній къ Турціи то, хотя гр. Гудовичъ имѣлъ полное основаніе прервать, во всякое время, существовавшее перемиріе, такъ какъ турки его не исполняли, и лезгины, набранные пашею ахалцыхскимъ, производили, съ его разрѣшенія, грабежи въ предѣлахъ Грузіи; но гр. Гудовичъ имѣлъ въ виду начать дѣйствія противъ турокъ, только въ случаѣ ихъ явно

---

[1]) Письмо Гардона къ гр. Гудовичу, отъ 2 іюля 1808 г. Акты Кавказ. Арх. Коммисіи. Томъ III.

враждебныхъ намѣреній. Ему, прежде всего, слѣдовало покончить съ Персіей, гдѣ до 60 французскихъ офицеровъ обучали мѣстныя войска регулярному строю и пріучали ихъ обращаться съ орудіями. Каждый упущенный день могъ дорого обойтись впослѣдствіи.

Хотя армія гр. Гудовича ощущала значительный недостатокъ въ амуниціи и обмундированіи, и была пополнена новобранцами, половина которыхъ еще не прибыла, тѣмъ не менѣе, въ началѣ мая 1808 года, главныя его силы были сосредоточены около Тифлиса, для предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій и для обученія рекрутъ.

Вскорѣ получены были извѣстія, что персы начали движеніе къ границамъ нашимъ. 5.000 пѣхоты и 5.000 конницы, подъ начальствомъ Хассанъ-хана, брата эриванскаго сердаря Хусейнъ-Кули-хана, слѣдовали въ Эривань. Аббасъ-Мирза сосредоточилъ свои силы на Араксѣ, съ намѣреніемъ напасть на Карабагъ.

Въ виду этихъ извѣстій, армія гр. Гудовича стала 9 мая лагеремъ впереди Тифлиса, у Сиганлуга, имѣя впереди, въ видѣ авангарда, 2 батал. пѣхоты и 1 казачій полкъ.

Для наблюденія турецкой границы, къ сторонѣ Ахалцыха выставлены 2 баталіона 9-го егерскаго полка. Карсъ и Эривань наблюдались отрядомъ г.-м. Несвѣтаева, состоящимъ изъ 2 пѣхотныхъ и 2 казачьихъ полковъ, упираясь на Гумры, заблаговременно укрѣпленныя и обнесенныя рогатками.

Къ сторонѣ Персіи, на рѣкѣ Тертерѣ, находился отрядъ г.-м. Небольсина, изъ Троицкаго полка, 6 ротъ 17-го егерскаго и одного казачьяго полковъ. Сверхъ того, въ крѣпости Шушѣ поставлены 4, а въ Елисаветполѣ 2 роты 17-го егерскаго полка.

Изъ 2.000 ратниковъ, слѣдовавшихъ изъ Кизляра, 1.000 челов. назначено въ отрядъ Небольсина, а осталь-

ные должны были остановиться въ Баку и служить для дессанта на персидскіе берега, когда того потребуютъ обстоятельства [1]).

Видя готовность арміи гр. Гудовича начать военныя дѣйствія, Аббасъ-Мирза прислалъ къ нему, въ среднихъ числахъ іюня 1808 г., Фехтъ-Али-хана, своего приближеннаго, съ цѣлью продлить переговоры и въ надеждѣ что нибудь выторговать.

Аббасъ-Мирзѣ не нравилось предложеніе персидскаго двора, перенести переговоры о мирѣ въ Парижъ, такъ какъ это лишало его, полученнаго отъ Баба-хана полномочія, вести переговоры самостоятельно, и устраняло поддержку Россіи, относительно его правъ на престолъ.

Гр. Гудовичъ вывелъ это заключеніе изъ разговора съ Фехтъ-Али-ханомъ, при чемъ выяснилось, что мысль объ этомъ принадлежала Гардону. Оказывая видимую поддержку русскимъ требованіямъ, Гардонъ, тѣмъ не менѣе, не рѣшался прямо объявить Персіи, чтобы она не расчитывала болѣе на Францію. Напротивъ того, онъ даже давалъ понять что, при посредствѣ Наполеона, границы Персіи могутъ быть установлены не по теченію Куры, Аракса и Арпачая.

Стараясь замаскировать свою роль, Гардонъ оказывалъ всевозможную предупредительность маіору Вреде, и даже, безъ просьбы послѣдняго, устроилъ ему двѣ аудіенціи у Баба-хана.

На первой изъ нихъ, Баба-ханъ началъ съ нашимъ посланнымъ длинный разговоръ и спросилъ: «Съ кѣмъ въ настоящее время Россія въ войнѣ?» Вреде отвѣчалъ, что война съ Швеціей и Финляндіей окончена, и что обѣ онѣ уже покорены.

— «А каковы вы съ англичанами?»

— «Въ непріязни.

---

[1]) Донесеніе гр. Гудовича отъ 19 мая 1809 г.

— «Это хорошо, замѣтилъ Баба-ханъ, они и мои непріятели» [1]).

Въ письмѣ, отъ 2 іюля, къ Аббасъ-Мирзѣ, по поводу посольства Фехтъ-Али, гр. Гудовичъ изложилъ ему двухгодичный ходъ переговоровъ о мирѣ, категорически отвергъ продленіе перемирія еще на годъ, а также указавъ на невозможность вести переговоры о мирѣ въ Парижѣ, между прочимъ говоритъ: «Сожалѣю и удивляюсь, что ваша высокомѣстность, въ заключеніе письма своего ко мнѣ, помѣстили нѣкоторыя угрозы, если я не соглашусь на предлагаемое со стороны Персіи перемиріе, и упомянули, что тогда сокровенныя дѣла Божія откроются.

«Исполнивъ со стороны моей все, что только могло споспѣшествовать къ успѣшному окончанію сего дѣла, я еще не предпринимаю и не предпринималъ, до сихъ поръ, никакихъ противъ Персіи непріятельскихъ дѣйствій; но при открытіи съ ея стороны непріязни, долженъ буду отвѣчать, будучи къ тому готовъ».

Такимъ образомъ, на благопріятный исходъ переговоровъ съ Персіей снова утратилась всякая надежда.

Между тѣмъ, стало извѣстнымъ, что турки также начали принимать разныя военныя мѣры. Самъ эрзерумскій паша Османъ прибылъ въ Карсъ, для сбора войскъ, съ цѣлью наступленія, какъ были слухи, противъ арміи гр. Гудовича. Карскій паша Абдулъ, поощрялъ, хотя и негласно, нападенія на русскія границы, совмѣстно съ ахалцыхскимъ пашей.

Со стороны Персіи, эриванскій Хусейнъ ханъ, имѣвшій до 10.000 челов., выдвинулъ свои войска изъ Эривани ближе къ нашимъ границамъ, въ Абарань, подъ предлогомъ необходимости болѣе удобной лагерной стоянки.

---

[1]) Гр. Гудовичъ къ гр. Румянцеву, отъ 6 іюля 1808 года.

Въ Тавризѣ, при Аббасъ-Мирзѣ, находилось отъ 4 до 5 тысячъ персидской пѣхоты, обученной французскими офицерами, и до 500 конницы. Главныя-же силы Персіи, при самомъ Баба-ханѣ, стояли у Султаніи, въ числѣ до 15.000 челов.

Все это заставило гр. Гудовича двинуть, 9 іюля, свою армію къ Памбаку, также подъ предлогомъ лучшей стоянки, а въ сущности для того, чтобы быть ближе и къ Эривани и къ сторонѣ Карса, откуда-бы не обнаружились враждебныя намъ дѣйствія.

Таково было положеніе дѣлъ на Кавказѣ, къ іюлю 1808 г. Гр. Гудовичъ только готовился къ отраженію противника, имѣя Высочайшее повелѣніе — «Стараться, какъ можно, продолжить перемиріе и отклониться отъ всякихъ случаевъ, могущихъ ускорить разрывъ съ Турціей». [1]).

Что же касается Персіи, то Императоръ Александръ, въ рескриптѣ къ гр. Гудовичу, отъ 31 іюля, одобривъ вполнѣ отказъ его въ допущеніи перемирія еще на годъ. а также и относительно веденія переговоровъ въ Парижѣ, по заключенію мира съ Персіей, говоритъ:

«Если бы Персія вынудила васъ къ принятію оружія, я предоставляю вашему соображенію, какъ время начатія военныхъ дѣйствій, такъ и производство оныхъ».

Но Персія тщательно избѣгала нападенія на русскія границы, чтобы не подать повода въ наступленію русскихъ. Имѣя въ виду смягчить послѣдствія отвѣта, даннаго Аббасъ-Мирзою на предложенія, представленныя ему маіоромъ Вреде, Гардонъ писалъ гр. Гудовичу отъ 6 августа 1808 года:

«Если въ письмѣ Аббасъ-Мирзы заключались нѣкоторыя, не вполнѣ миролюбивыя выраженія, то ихъ нуж-

---

[1]) Письмо гр. Гудовича кн. Прозоровскому отъ 8 іюля 1808 г. Акты Кав. Арх. Комис. томъ III.

но отнести только къ ошибочной редакціи самаго письма. Аббасъ-Мирза, раздѣляетъ желаніе своего отца, относительно скорѣйшаго заключенія мира, и Баба-ханъ вполнѣ доволенъ завѣреніемъ вашего превосходительства, что состоящія подъ вашимъ начальствомъ войска, не предпримутъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ персіанъ».

Положеніе дѣлъ въ Персіи было нетаково чтобы нападать, и потому Баба-ханъ, успокоенный, что русскіе не начнутъ наступленія, если не будутъ къ тому вызваны самыми персіанами, выступилъ въ началѣ августа изъ Султаніи, въ Тегеранъ, и намѣревался отдохнуть отъ трудности походной жизни.

Но наступившая въ сентябрѣ холодная погода и приближеніе весны были ручательствомъ, что и турки не начнутъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ съ наступленіемъ холодовъ они прекращаютъ, обыкновенно, дѣйствія въ полѣ, расходясь большею частію по домамъ.

Этимъ обстоятельствомъ гр. Гудовичъ и намѣренъ былъ воспользоваться, чтобы, рѣшительнымъ вторженіемъ въ предѣлы Персіи, принудить ее къ миру.

Но прежде онъ имѣлъ въ виду, еще разъ испробовать значеніе переговоровъ, почему и представилъ Аббасъ-Мирзѣ ultimatum, отъ 2 сентября 1808 года.

Говоря въ немъ относительно границъ, проходящихъ по линіи чрезъ Моздокъ, на которыя указывалъ Аббасъ-Мирза, гр. Гудовичъ замѣчаетъ, что изъ этого указанія: «всякій заключить долженъ, что Персія имѣетъ притязаніе на весь здѣшній край (Грузію, Имеретію и проч)., спокойно нынѣ владѣемый великимъ и всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ Императоромъ, пріобрѣтенный большею частью побѣдоноснымъ оружіемъ. Противъ замѣчанія о границахъ можно-бы тоже показать, кромѣ нынѣ существующихъ границъ, еще

другія, т. е. Гилянскую область, завоеванную Императоромъ Петромъ I.

Поэтому, высказываемыя Персіей притязанія—«почитать должно за приступъ къ обоявленію войны, а не наклонности къ миру».

Упомянувъ о внутреннихъ замѣшательствахъ въ Персіи, гр. Гудовичъ продолжаетъ: «неужели персидское правительство выбрало эту самую минуту для умноженія своихъ непріятелей, и желаетъ навлечь на себя недоброжелательство столь сильной и могущественнѣйшей державы, какова Всероссійская Имперія»?

Выставляя неизмѣннымъ требованіе Россіей границъ по Курѣ, Араксу и Арпачаю, гр. Гудовичъ проситъ дать скорый и категорическій отвѣтъ—«который, ежели не согласенъ будетъ съ моимъ предложеніемъ, (то) я уже никакихъ переписокъ не ожидаю».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить свои требованія, гр. Гудовичъ выступилъ изъ Сангалуга 4 сентября, ближе къ границамъ Персіи, по направленію къ Эривани, и прибылъ 7 сентября къ Каменной рѣчкѣ, 9-го къ рѣчкѣ Лори, а оттуда двинулся къ Памбаку. Генералу Небольсину приказано наблюдать полную осторожность со стороны теченія Аракса, и если персы двинутся на Карабагъ, то выступить имъ на встрѣчу и не дозволить перейти Араксъ. Если же наступленія съ этой стороны не послѣдуетъ, а гр. Гудовичъ подойдетъ къ Эривани, то отрядъ Небольсина направится къ Нахичевани, и будетъ ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Отряду г.-м. Портнягина также приказано, усиленно наблюдать границу по Арпачаю, никого не пропускать изъ Персіи и отправить отъ себя письмо къ Эриванскому Хусейнъ-Кули-Хану. Кромѣ того, Портнягину поручалось, заготовить въ Памбакскомъ округѣ, какъ можно болѣе запасовъ провіанта и фуража, наполнивъ ими магазинъ въ Каракилисѣ.

Для развлеченія вниманія персовъ, флота капитанъ Степановъ 1, долженъ былъ выслать изъ Баку одинъ бомбардирскій корабль, съ цѣлью демонстраціи на берега Персіи, предупредивъ всѣхъ русскихъ торговцевъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, окончили свои торговыя дѣла съ Персіей.

Гр. Гудовичъ мало разсчитывалъ на полученіе удовлетворительнаго отвѣта отъ Аббасъ-Мурзы, тѣмъ болѣе, что 11 сентября, полковникъ кн. Бебуровъ донесъ, что посланный имъ въ Персію агентъ доставилъ важныя свѣдѣнія о предложеніяхъ Франціи въ Тегеранѣ.

Императоръ Наполеонъ требовалъ отъ Персіи признанія его императоромъ Франціи.

Желая нанести Англіи ударъ въ Индіи, и не видя возможности доставить туда свои войска моремъ, Наполеонъ намѣревался предпринять вторженіе въ Индію сухимъ путемъ. Для этого онъ предлагалъ Персіи присоединить ея войска къ французскимъ и снабжать послѣднія продовольствіемъ, по существующимъ цѣнамъ, за что, при покореніи Индостана, Персія получитъ свою часть. Поэтому, Персія должна открыто вооружиться противъ Англіи, а Франція, съ своей стороны, обѣщаетъ ей изгнать русскихъ изъ всѣхъ персидскихъ владѣній [1]).

21 сентября армія гр. Гудовича вступила въ границы Персіи, но все еще не начинала военныхъ дѣйствій. Персы сами начали ихъ. Персидскія войска, подъ начальствомъ сердаря Хусейнъ-Хана, при которомъ находился и царевичъ Александръ, перешли р. Араксъ, имѣя 2.000 чел. конницы.

Противъ нихъ былъ высланъ подполковникъ Подлуцкій, который, напавъ на персовъ 17 октября при деревнѣ Авмаръ, разбилъ ихъ, овладѣлъ обозомъ и заставилъ возвратиться за Араксъ.

---

[1]) Акты Кавказ. Арх. коммисіи. III т., стр. 494.

Въ то-же время, въ срединѣ октября, гр. Гудовичъ подступилъ къ Эривани.

Эриванскій Хусейнъ-ханъ выступилъ на встрѣчу русскихъ со всею своею конницею, но авангардомъ арміи былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство, послѣ чего расположился съ своею конницею въ полѣ, подъ крѣпостью.

Въ самой крѣпости Хассанъ-ханъ оставилъ брата своего, съ пѣхотою, въ числѣ которой находились и регулярныя войска. Гр. Гудовичъ занялъ крѣпостной форштатъ, и устроилъ въ немъ батареи для бомбардировки крѣпости, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была обложена. Главныя силы арміи стояли отдѣльно въ полѣ, съ цѣлью не допустить въ крѣпость никакихъ подкрѣпленій. Непріятельская конница старалась безпокоить наши войска, почему, для разсѣянія ея былъ высланъ отрядъ кавалеріи, при 200 егерей, съ орудіями. 16 октября отрядъ этотъ разсѣялъ конницу Хуссейнъ-Кули-хана, потерявшаго при этомъ до 600 вьюковъ, канцелярію, багажъ, дньги и весь обозъ. Это пораженіе заставило его бѣжать за Араксъ, для соединенія-ли съ Аббасъ-Мирзою, находившимся у Лои, или, какъ полагалъ гр. Гудовичъ, для движенія къ Нахичевану.

Поэтому, приказано отряду Небольсина, а также конницѣ шекинскаго хана подступить, немедленно, къ Нахичевану и овладѣть имъ оружіемъ или «доброю волею» [1]). Жители Эриванскаго округа, по приближеніи русскихъ, разбѣжалась въ горы. Обѣщаніе сохранить имъ безопасность, вскорѣ побудило ихъ возвратиться въ свои дома и изъявить покорность Россіи, а начальникъ Куртинцевъ, Хуссейнъ-ага, даже приняли русское подданство.

Пользуясь одержанною подъ стѣнами Эривани побѣдою, гр. Гудовичъ отправилъ 23 октября письмо къ Мирза-Безюргу, первому совѣтнику Аббасъ-Мирзы.

---

[1]) Гр. Гудовичъ г.-м. Небольсину отъ 18 октября 1807. (Тамъ-же).

— «Не скрою отъ васъ, писалъ гр. Гудовичъ, что по взятой поверхности надъ сердаремъ Хуссеинъ-Кули-Ханомъ, гдѣ въ то время обозъ его и вся канцелярія достались въ мои руки, я между многими другими бумагами, имѣю у себя подлинныя письма многихъ особъ, также и ваши, писанныя къ сердарю Хуссейнъ-хану, слѣдовательно, расположеніе Персіи мнѣ довольно открыто.

«Когда сильная и могущественная Всероссійская Держава, принявъ предложеніе Персіи о мирѣ, первоначально ею сдѣланное, не отклонилась отъ онаго, поставивъ основаніемъ къ миру границы по рр. Курѣ, Араксу и Арпачаю, то, конечно, тѣмъ или другимъ образомъ, непремѣнно, границы сіи будутъ заняты; поэтому, если Персія будетъ продолжать противиться, то не я буду виною, а вы сами, въ пролитіи крови человѣческой».

Въ тотъ же день, гр. Гудовичъ писалъ и къ разбитому Хуссейнъ-Кули-хану, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе, что усилившись новыми войсками, онъ прекращаетъ, на три дня, военныя дѣйствія.

«Не имѣю я вамъ ничего отвѣчать, говорится въ письмѣ, потому, что о дѣлахъ, до положенія Персіи касающихся, я никогда съ вами не трактовалъ. Впрочемъ, я васъ видѣлъ у Агиторака, видѣлъ и у Эчміадзина; также слышалъ, что вы были на Гарничаѣ, откуда отретировались за Араксъ. Теперь-же, по письму вашему знаю, что вы находитесь въ Девалу съ войсками, а дальше, увидимъ что будетъ и что случится».

Изъ захваченныхъ подъ Эриванью бумагъ, ясно обрисовалась закулисная дѣятельность Франціи, въ лицѣ ея представителя въ Персіи Гардона. Оказалось, что французскіе инженеры руководили защитою Эривани, укрѣпляли Нечміадзинъ, и что французская миссія, не смотря на дружественный союзъ съ нами—«болѣе вредитъ теперь дѣламъ моимъ съ Персіей, неужели она

прежде то дѣлала во время войны съ Франціею, ибо они возгордили Баба-хана, пишутъ и увѣряютъ персидское правительство, что могутъ все то сдѣлать, что только захотятъ» [1]).

Успѣхи русскаго оружія подъ Эриванью побудили Гардона принять на себя посредничество въ дѣлѣ замиренія, при чемъ, натурально, имѣлось въ виду облегчить участь Персіи. Съ этою цѣлью Гардонъ отправилъ къ Аббасъ-Мирзѣ своего секретаря Лежара, который и доставилъ гр. Гудовичу письмо Аббасъ-Мирзы, письмо, въ которомъ снова, кромѣ общихъ фразъ, ничего не заключалось.

Чтобы выиграть время, Персія предлагала отправить, для заключенія мира, своего повѣреннаго во Петербургъ, и чтобы оттуда былъ отправленъ таковой-же, въ Тегеранъ.—«Хотя я уже и имѣю въ своихъ рукахъ всѣ тѣ земли, кои Всероссійскою Имперіею требованы были въ уступку, и которыя я пріобрѣлъ силою побѣдоноснаго россійскаго оружія, писалъ 11 ноября гр. Гудовичъ Аббасъ-Мирзѣ, но даже еще и теперь я готовъ приступить къ заключенію того мира, съ тѣмъ, если тотчасъ поставлены будутъ границы по рр. Куру, Араксъ и Арпача. Если-же со стороны Персіи и теперь произойдетъ замедленіе въ томъ, чтобы тотчасъ поставить границы; и если также эриванская крѣпость не сдастся мнѣ добровольно и безъ пролитія крови, то я, при помощи Божіей, не замедлю овладѣть ею силою оружія. Только въ то время, ваша высокомѣстность, сами можете судить, что постановленіе границъ будетъ уже зависѣть, единственно, отъ воли Г. Императора, ибо нынѣ требуемыя границы будутъ тогда пріобрѣтеніемъ силы оружія, а не снисхожденія Персіи, на умѣренныя требова-

---

[1]) Гр. Гудовичъ къ гр. Румянцеву, отъ 30 октяб. 1808. (тамъ же)

нія Всероссійской Имперіи» [1]). Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта на это письмо, гр. Гудовичъ продолжалъ держать Эривань въ тѣсной блокадѣ и приказалъ готовить фашины и лѣстницы, на случай штурма.

Блокада Эривани длилась уже шесть недѣль. Крѣпость была лишена воды и топлива. Облегающая ее цѣпь стояла на разстояніи половиннаго ружейнаго выстрѣла отъ передовыхъ фортовъ, прекращая всякое сообщеніе съ окрестностями. Всѣ мельницы, находившіяся близь крѣпости, были разрушены. Надежды на полученіе подкрѣпленія не было никакой, послѣ того какъ разбитый подъ Эриванью Хуссейнъ-Кули-ханъ, съ 4.000 своей, усиленной еще 5.000 чел. персидской конницы, былъ разбитъ окончательно отрядомъ Портнягина, и бѣжалъ за Араксъ. На помощь со стороны Аббасъ-Мирзы также утратилась надежда.

Аббасъ-Мирза, съ состоящими при немъ 3.000 пѣхоты, 12.000 конницы и съ 12 орудіями, при 60 фальконетахъ, намѣревался подать помощь Эривани. Отрядъ г.-м. Небольсина двинулся ему на перерѣзъ пути чрезъ Карабагъ къ Нахичевану, и въ 18 верстахъ отъ этой крѣпости, при деревнѣ Кара Бабы, встрѣтилъ персіянъ, бывшихъ въ четыре раза его сильнѣе.

Непріятель, владѣя выгодными позиціями, первый повелъ аттаку. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, персы обратились въ бѣгство, потерявъ 2 пушки и одинъ, 8-ми фунтовый, единорогъ. На пути персы бросали даже своихъ раненыхъ, и удалились за Аракс̀ъ. Небольсинъ занялъ на другой день Нахичевань, безъ выстрѣла, и издалъ прокламацію къ жителямъ, которые и возвратились въ свои жилища.

Казалось-бы, при такихъ обстоятельствахъ, Эривань

---

[1]) Письмо гр. Гудовича къ Аббасъ-Мирзѣ, отъ 11 ноября 1808 года. (Тамъ.же)

не могла долго сопротивляться. Положеніе было дѣйствительно крайне бѣдственное.

Чтобы выручить ее изъ этого положенія, Гардонъ, какъ уже было сказано, употреблялъ свое посредство, прославъ секретаря своего Лежара къ Аббасъ-Мирзѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ видѣлся и съ гр. Гудовичемъ.

При этомъ свиданіи, къ крайнему удивленію Гудовича, Лежаръ передалъ ему порученіе Гардона, уговорить его вывести русскія войска изъ Эриванской области.

Представленные Гудовичемъ доводы въ невозможности исполнить это предложеніе, убѣдили Лежара, который сознался, что не понимаетъ подобнаго желанія со стороны Гардона, и даже рѣшился написать коменданту Эривани письмо съ увѣдомленіемъ, чтобы крѣпость не расчитывала на его помощь, содѣйствовать очищенію русскихъ войскъ. Но ничто не могло поколебать твердости эриванскаго гарнизона. Баба-ханъ приказалъ собрать, въ отдаленныхъ мѣстахъ Персіи, семейства, принадлежащія защитникамъ Эривани и объявилъ, что въ случаѣ потери или сдачи крѣпости, семейства ихъ будутъ истреблены.

При такихъ оригинальныхъ условіяхъ защиты, гарнизонъ рѣшился умереть, но не сдаваться.

Оставалось прибѣгнуть къ штурму. Но у осаждавшихъ не было осадной артиллеріи. Сдѣлать проломъ въ стѣнахъ оказалось невозможнымъ. Крѣпость же, обнесенная двойною стѣною и глубокимъ рвомъ, представляла сильную оборону, которая велась опытнымъ французскимъ инженеромъ, съ примѣненіемъ минъ, фугасовъ и другихъ средствъ крѣпостной защиты.

Съ другой стороны, наступили сильные холода. Трудно было оставаться долѣе подъ крѣпостью. Гр. Гудовичъ рѣшился идти на штурмъ.

17 ноября въ 5 часовъ утра, штурмующія колоны пошли на приступъ. Одна изъ колонъ вступила на стѣну,

крѣпости. Прочія колоны спустились въ ровъ и также начали взбираться на крѣпостную стѣну. Но огонь непріятеля былъ такъ губителенъ что, почти всѣ, начальники колонъ были убиты или тяжко ранены въ самомъ началѣ дѣла. Таже участь постигла и замѣстившихъ ихъ новыхъ начальниковъ. Войска отступили. Тогда спустилась со стѣны и вошедшая уже на нее колона. Гр. Гудовичъ отдалъ приказаніе войскамъ занять прежнія мѣста подъ крѣпостью, и продолжалъ блокаду. Потеря наша простиралась до 1.000 человѣкъ, «Солдаты дрались, какъ львы», писалъ Гудовичъ. Не имѣя осадной артиллеріи, трудно было расчитывать на успѣхъ новаго штурма. Между тѣмъ, погода съ каждымъ днемъ становилась холоднѣе. Выпалъ глубокій снѣгъ, до того заваливщій дороги, что по нимъ становилось невозможно двигать транспорты съ продовольствіемъ.

Поэтому, простоявъ еще двѣ недѣли подъ крѣпостью, гр. Гудовичъ отступилъ отъ нея 3 декабря, и расположилъ войска на зимнихъ квартирахъ въ Грузіи [1]). Главная квартира арміи находилась въ Тифлисѣ.

Хотя приступъ къ Эривани не удался, и войска наши очистили предѣлы Персіи, тѣмъ не мѣнѣе, послѣдняя сознавала тяжесть войны. Въ особенности страдали отъ нея торговые интересы Персіи. Гр. Гудовичъ, съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій, запретилъ пропускать персидскіе караваны чрезъ русскую границу. Къ тому-же, въ Тегеранѣ потеряли надежду и увѣренность на помощь Франціи. Посолъ ея, Гардонъ, утратилъ всякое вліяніе на Баба-хана и его министерство и даже, подъ благовиднымъ предлогомъ, высланъ былъ изъ Тегерана въ Тавризъ, гдѣ и оставался при Аббасъ-Мирзѣ.

---

[1]) Гр. Гудовичъ къ кн. Прозоровскому отъ 5 января 1809 г. и донесеніе отъ 11 января 1809. Акты Кавказ. Арх. Ком., томъ Ш.

Вскорѣ, главный министръ Персіи, Мирза-Безюрга, счелъ нужнымъ возобновить съ гр. Гудовичемъ переговоры о мирѣ, обѣщая прислать уполномоченныхъ, для отправленія ихъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомлялъ, что англичане прислали въ Бендеръ-Буширъ особаго посланника, съ предложеніемъ союза Персіи.

Гр. Гудовичъ отвѣчалъ, 23 марта 1809 года, на это письмо. Соглашаясь не начинать военныхъ дѣйствій до полученія изъ Петербурга отвѣта, касательно отправленія туда персидскихъ уполномоченныхъ, гр. Гудовичъ ставилъ условіемъ, чтобы персидскія войска не собирались въ значительныхъ массахъ близь нашихъ границъ и не касались-бы ихъ.

Что-же касается до предложеннаго Англіей союза, то гр. Гудовичъ указывалъ на то, какъ Англія обманула въ прошломъ году Швецію и Испанію,—«для коихъ англичане, не сдѣлавъ никакой помощи, выставили только чужія головы, для своихъ интересовъ».

Зная хорошо характеръ азіатовъ, гр. Гудовичъ не особенно довѣрялъ предложеніямъ персидскаго министра, не безъ основанія полагая, что въ виду имѣется только «усыпить его вниманіе». Агенты, разосланные въ Персію, дали знать, что французскіе инженеры снова укрѣпляютъ Нахичевань.

Въ самой Персіи войска собираются. Аббасъ-Мирза выступилъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1809 г., изъ Тавриза, и что готовится сильное нападеніе на русскія границы.

16 апрѣля гр. Гудовичъ получилъ донесеніе отъ подполковника Тихановскаго, что 8.000 чел. Казилъ-паша, переправились на лѣвый берегъ Аракса, имѣя въ виду напасть на Карабагъ. 14.000 въ Сары-Камышахъ готовятся вступить въ Ширванскій округъ. Армія Аббасъ-Мирзы также намѣрена была произвести вторженіе.

Предстояла новая кампанія съ Персіей въ 1809 году. Но болѣзнь гр. Гудовича, стоившая ему глаза, принудила

его сдать, по Высочайшему повелѣнію, начальство надъ арміей, генералу отъ кавалеріи Тормасову.

Высочайшее назначеніе Тормасова главнокомандующимъ кавказскою арміею, послѣдовало еще 14 февраля 1809 года, хотя до окончательнаго принятія дѣлъ, всѣ сношенія по дѣламъ арміи производились на имя гр. Гудовича, такъ что Тормасовъ вступилъ въ дѣйствительное командованіе, только 14 апрѣля.

Мы уже видѣли, на чемъ остановились сношенія съ Персіей. Движеніе персидскихъ войскъ къ нашимъ границамъ, хотя и можно было объяснить намѣреніемъ персовъ прикрыть свои границы, но можно было также ожидать и вторженія ихъ въ наши предѣлы.

Съ другой стороны, отъ кн. Прозоровскаго было получено свѣдѣніе, что миръ съ Турціей сомнителенъ, и предстоитъ возобновленіе военныхъ дѣйствій на Дунаѣ.

Слѣдовательно, на Кавказѣ нужно было ожидать враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Поэтому, Тормасовъ рѣшился собрать свои войска въ такомъ пунктѣ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, имѣть возможность двинуться или противъ турокъ, или противъ персовъ.

Въ іюнѣ 1809 г. военныя дѣйствія на Дунаѣ уже возобновились. На Кавказѣ-же было въ это время получено извѣстіе, что 20 іюня самъ Баба-ханъ съ своею арміею ожидается въ Адербейджанѣ, съ цѣлью двинуться на Карабагъ и Ширванъ; а армія Аббасъ-Мирзы, въ которой, кромѣ многочисленной конницы, имѣлось до 10.000 регулярной пѣхоты, направится къ Эривани, какъ главному стратегическому пункту, противъ котораго слѣдовало ожидать, прежде всего, дѣйствія русскихъ.

Но у Тормасова до сихъ поръ не было осадныхъ орудій, безъ которыхъ взять Эривань было невозможно, къ тому же, и армія его не была укомплектована. Поэтому, Тормасовъ выжидалъ обстоятельствъ, а самъ не начиналъ дѣйствій. Напротивъ того, увѣдомляя Аббасъ-

Мирзу о своемъ назначеніи главнокомандующимъ кавказскою арміею, Тормасовъ, въ письмѣ отъ 27 іюня, высказалъ полную готовность продолжать переговоры о мирѣ, на извѣстныхъ уже основаніяхъ. По поводу настоящій Англіи составить союзъ съ Персіей, для чего англичане предлагали занять всѣ порты Персидскаго залива, и предоставить Персіи 12 кораблей, а также построить флотъ на Каспійскомъ морѣ, Тормасовъ указывалъ на ложность англійскихъ обѣщаній.

Швеція, которую Англія вовлекла въ союзъ, потеряла Финляндію. Шведская армія разбита и частью взята въ плѣнъ русскими войсками. Союзъ Испаніи съ Англіей также не спасъ ее отъ совершенной гибели. Австрія, поддерживаемая Англіей, потеряла свою столицу.

Союзомъ съ Англіей, Персія вооружитъ противъ себя Францію, посольство которой, по настоянію англичанъ, было уже выслано изъ Персіи.

Напротивъ того, примирясь съ Россіей, Персія, за небольшія уступки, получитъ поддержку Россіи для возвращенія отъ Турціи — Багдада, Боссоры, Баязета и, можетъ быть, другихъ частей своего прежняго владѣнія.

Въ ожиданіи отвѣта на это письмо, было получено извѣстіе, что Баба-ханъ, со всею своею арміею, стоитъ недалеко отъ Эривани, въ урочищѣ Ямы, чтобы поддержать передовыя арміи двухъ сыновей своихъ. Изъ нихъ одинъ, Мамедъ-Али-ханъ, съ 12.000 чел., готовился вторгнуться въ ханство Ширванское и Карабагское; а другой, Аббасъ-мирза, съ 20.000 чел., направляясь отъ Эривани, предполагалъ вторгнуться въ провинціи Помбакскую и Шурагельскую.

Съ другой стороны турки, собрали у Эрзерума и Баязета до 10.000 чел., условясь съ персами сдѣлать одновременное нападеніе на русскихъ.

Получивъ эти извѣстія, Тормасовъ двинулъ главныя свои силы къ Думанису, какъ центральному пункту, изъ

котораго можно было дѣйствовать и къ сторонѣ Персіи, и противъ турокъ.

Армія Тормасова состояла:

На Кавказской линіи:

Регулярной конницы	2.130	чел.
Иррегулярной »	9.633	»
	11.763	чел.
Тяжелой пѣхоты	9.991	чел.
Легкой »	1.777	»
	11.768	чел.
Итого на Кавказской линіи . .	23.531	чел.

Въ Грузіи:

Регулярной конницы	1.435	чел.
Иррегулярной »	3.672	»
	5.107	чел.
Тяжелой цѣхоты	9.862	чел.
Легкой »	3.521	»
	13.383	чел.

Итого въ Грузіи имѣлось 18.490 челов.; а вся армія Тормасова простиралась до 42.000 челов. Ханы Шекинскій, Ширванскій и Карабагскій, выставили каждый по 1.000 чел. конницы, которые и поступили на усиленіе отряда генерала Небольсина, защищавшаго всѣ три эти ханства, на случай вторженія персовъ со стороны нижняго Аракса.

Въ среднихъ числахъ іюля, получены были болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ персовъ.

Баба-ханъ, избѣгая рѣшительныхъ столкновеній съ русскими, намѣренъ былъ производить въ предѣлы наши неожиданныя нападенія, и уклоняться отъ встрѣчи съ главными силами нашей арміи. Поэтому, зная, что главная армія Тормасова имѣетъ въ виду наступленіе на Эривань, онъ измѣнилъ свой первоначальный планъ вторженія. Къ Эривани, онъ выслалъ болѣе слабую армію, Мемедъ-Али-хана, а самъ, со всею арміею Аббасъ-мирзы, сталъ между рѣкъ Карасу и Аракса, для вторженія въ Карабагъ.

Тормасовъ выслалъ на усиленіе отряда Небольсина, на р. Тертерѣ, 2 баталіона пѣхоты при полковникѣ Лисаневичѣ, приказавъ ему защищать Карабагъ; а генерала Портнягина, съ значительнымъ отрядомъ, выслалъ 17-го іюля къ Памбаку и Шурагели, на которые можно было ожидать нападенія персовъ, со стороны Эривани.

Главная-же армія Тормасова выступила изъ Саганлуга, и заняла позицію у Думанисы, чтобы подать помощь отряду Небольсина или Портнягина, смотря по обстоятельствамъ. Сверхъ того, стоя у Думаниса, Тормасовъ держалъ въ страхѣ Ахалцыхъ, а персовъ заставлялъ думать, что намѣренъ идти къ Эривани.

Это снова измѣнило планъ нападенія персовъ. Планъ этотъ состоялъ теперь въ томъ, что къ 6 августа 12.000 персидской конницы прибудутъ въ Абарань. Царевичъ Александръ, бывшій при этихъ персидскихъ войскахъ, ожидалъ въ Абарань ахалцыхскаго пашу, съ его 40.000 челов., набранныхъ изъ лезгинъ, абхазцевъ и другихъ горныхъ племенъ Кавказа, для общаго наступленія противъ русскихъ.

Въ этихъ видахъ, царевичъ Александръ, отправилъ ахалцыхскому пашѣ 100.000 руб. деньгами и на 100.000 рублей разныхъ подарковъ, которыми снабдило его, для этой цѣли, персидское правительство.

Вслѣдствіе чего, паша выступилъ съ своими войсками, и 31 іюля былъ уже у Джизиклара, въ 50 верстахъ отъ Гумры.

Но паша не рѣшился идти далѣе, опасаясь за самый Ахалцыхъ.

Поэтому, армія Мемедъ-Али, въ числѣ до 15.000 чел. одна произвела нападеніе на Памбакъ и Шурагель, но была опрокинута отрядомъ Портнягина на всѣхъ пунктахъ, и уже не смѣла болѣе повторять нападеніе.

Почти одновременно съ наступленіемъ Мемедъ-Али, другая персидская армія, Аббасъ-Мирзы, силою до 25.000 челов., готовилась вторгнуться въ Карабагъ, который персы расчитывали найти безъ обороны, такъ какъ думали, что вся армія Тормасова собрана у Памбака и Шурагели.

Но узнавъ, что для защиты Карабага имѣется сильный отрядъ Небольсина, Аббасъ-Мирза быстро направился къ Нахичевани, оттуда, усиленными и трудными маршами, предпринялъ обходное движеніе, къ оз. Гокчи и къ вершинамъ р. Шамхоръ, съ цѣлью напасть на Елисаветполь, надѣясь, что тамъ онъ не встрѣтитъ уже ни одного русскаго солдата. 17 августа передовыя войска Аббасъ-Мирзы были уже у Шамхора, въ 40 верстахъ отъ Елисаветполя.

Слѣдя за движеніемъ Аббасъ-Мирзы, Тормасовъ стянулъ къ себѣ всѣ легкіе отряды, двинулся 13 августа изъ Думанисы на Акстафу и 17 числа, соединясь въ Загамѣ, съ отрядомъ полковника Лисаневича, прибылъ къ р. Шашхору, имѣя твердое намѣреніе искать боя.

18 августа до 4.000 передовыхъ войскъ Аббасъ-Мирзы, занявъ горы въ вершинахъ Шамхора, спустились въ долину рѣки, чтобы выжечь хлѣбъ. Тормасовъ выслалъ противъ нихъ отрядъ, разбившій и разогнавшій персовъ. Тутъ только они узнали, что противъ нихъ находится вся главная армія Тормасова, котораго они

считали стоявшимъ въ Памбакѣ. Не смѣя и думать о наступленіи, Аббасъ-Мирза отступилъ, мимо озера Гокчи къ Эривани, и затѣмъ персы ничего не предпринимали уже въ 1809 году.

Оставивъ для прикрытія Елисаветополя и Карабага отрядъ Небольсина, Тормасовъ двинулся въ Барчалинскій округъ, куда армія Мамедъ-Аги, пользуясь удаленіемъ Тормасова къ Шамхору, сдѣлала вторженіе, выступивъ изъ Эривани, и пройдя по дорогамъ Карскаго пашалыка.

Успѣвъ разорить семь деревень, Мамедъ-Али, какъ только узналъ о приближеніи арміи Тормасова къ Барчалу, поспѣшно отступилъ за Арпачай и, слѣдуя тѣми же путями, возвратился въ Эривань.

Тормасовъ расположилъ свою армію у Квеши, противъ Ахалцыха, откуда болѣе всего можно было ожидать враждебныхъ дѣйствій [1]).

Неудача наступленія обѣихъ персидскихъ армій заставила Баба-хана, чрезъ Мирзу-Бизюрга, сдѣланнаго визиремъ, формально просить, у Тормасова перемирія.

Имѣя Высочайшее повелѣніе не вторгаться, безъ особенной надобности, въ предѣлы Персіи и ограничиваться только обороною русскихъ границъ, Тормасовъ отвѣчалъ, что если персы не будутъ вторгаться въ наши предѣлы, то и русскіе не перейдутъ своихъ границъ.

Вести оборонительную войну въ Грузіи Тормасовъ находилъ дѣломъ очень труднымъ. Во всемъ Закавказьѣ проявлялось броженіе. Абхазія и Имеретія были неспокойны. Всѣ сосѣди Грузіи возбуждались англійскимъ золотомъ къ возстанію. Тысячи горныхъ проходовъ и дорогъ всегда могли служить путями, для непріятель-

---

[1]) Тормасовъ къ гр. Румянцеву отъ 10 сентября 1809 г. (Акты Кавк. арх. ком.)

скихъ вторженій, не большими массами, съ цѣлью грабежа.

Поэтому Тормасовъ находилъ необходимымъ принять предлагаемое персами перемиріе, чтобы заняться умиротвореніемъ края, принять мѣры противъ Имеретинскаго царя Соломона и овладѣть крѣпостью Поти, безъ чего не могло быть достигнуто успокоеніе Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи.

Въ октябрѣ, съ наступленіемъ холодовъ, Тормасовъ расположилъ армію, на зимнія квартиры, имѣя главную квартиру въ Тифлисѣ.

Такимъ образомъ, наступило общее бездѣйствіе, съ обѣихъ сторонъ. Это было самое удобное время для веденія мирныхъ переговоровъ съ Персіей.

Было уже сказано, что персидское правительство само возобновило переговоры.

Аббасъ-Мирза, въ письмѣ къ Тормасову, говорилъ:— «назначеніе посла имѣетъ цѣлью достиженіе дружбы, а достиженіе дружбы можетъ происходить по прекращеніи вражды, а прекращеніе вражды зависитъ отъ продолжительности перемирія, въ которое послы могутъ разъѣзжать между двумя правительствами, и тѣмъ достигается желаемая дружба».

Такъ какъ Тормасовъ, при существующихъ обстоятельствахъ, находилъ выгоднымъ заключить продолжительное перемиріе съ Персіей, потому что малочисленность его арміи не позволяла ему дѣйствовать, въ одно время, и противъ персовъ, и противъ турокъ, то ему было разрѣшено установить желаемое перемиріе, на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Персы пришлютъ въ Петербургъ своихъ уполномоченныхъ, или переговоры могутъ вестись на мѣстѣ.

2) Срокъ перемирія установливается не менѣе какъ на 2 года и не болѣе 5 лѣтъ.

Въ первомъ случаѣ, русскія войска остаются въ за-

нятыхъ ими мѣстахъ; во второмъ, въ видахъ гарантіи со стороны Персіи, она должна, *временно*, дозволить русскимъ занять крѣпости Эривань и Нахичевань, съ тѣмъ, что ежели, по чему либо, перемиріе будетъ нарушено, то русскія войска, подъ честнымъ словомъ, обязуются выступить изъ этихъ крѣпостей, до начала военныхъ дѣйствій.

Впрочемъ, имѣя въ виду, что персы могутъ не согласиться на временную передачу своихъ крѣпостей, Тормасову велѣно было сдѣлать это предложеніе, какъ бы отъ себя и, притомъ, не письменное, а только на словахъ [1])

Такимъ образомъ, возобновившіеся переговоры съ Персіей и обоюдное желаніе перемирія, ручались за спокойствіе персидскихъ границъ. Тормасову оставалось воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы овладѣть кр. Поти, и тѣмъ прекратить волненіе въ Мингреліи и Имеретіи.

Мы видѣли, что начальство надъ войсками въ Мингреліи было поручено кн. Орбеліани, который, зная мѣстные языки, легко могъ вступить въ сношенія съ жителями, постоянно возбуждаемыми, съ одной стороны, имеретинскимъ царемъ Соломономъ, съ другой, турецкими агентами, находившимся въ Поти, овладѣть которою давно уже признавалось необходимымъ.

Но кр. Поти. лежитъ на самомъ берегу Чернаго моря, и пользовалась, при посредствѣ турецкаго флота, сообщеніемъ съ Батумомъ и Требизондомъ, откуда получала всѣ нужные припасы, и могла подкрѣпляться войсками.

Кн. Орбеліани считалъ необходимымъ, для овладѣнія Поти, отрѣзать сообщеніе крѣпости съ моремъ, для чего просилъ прислать изъ Крыма нѣсколько судовъ.

Но отправленіе судовъ оказалось невозможнымъ, по-

---

[1]) Гр. Румянцевъ Тормасову, отъ 16 ноября 1809 г.

чему, въ среднихъ числахъ Августа, кн. Орбеліани, съ отрядомъ изъ 9 ротъ Бѣлевскаго, 2-хъ Карабинернаго и 1-й егерскаго № 9 полка, при 5 орудіяхъ полевой артиллеріи, подошелъ къ Поти, и блокировалъ ее съ сухого пути.

Турки имѣли въ Поти гарнизонъ до 400 чел., подъ начальствомъ Кучукъ-бея, и на стѣнахъ крѣпости 34 пушки.

Снабженный достаточнымъ количествомъ припасовъ гарнизонъ, легко переносилъ блокаду, имѣя постоянное сообщеніе съ моремъ и увѣренный въ прибытіи скорой помощи.

Царь имеретинскій Соломонъ обѣщалъ ударить русскимъ въ тылъ, вмѣстѣ съ владѣльцемъ Гуріи, Мамія Гуріели, въ то время, когда турки аттакуютъ отрядъ кн. Орбеліани, съ своей стороны.

Положеніе арміи Тормасова у Квеши держало въ страхѣ пашу ахалцыхскаго, который, поэтому, не рѣшился выслать своихъ войскъ для освобожденія Поти. Но паша требизондскій, Шерифъ-паша, имѣвшій претензію на Ахалцыхъ, которымъ владѣлъ Саліенъ-паша, двинулъ 9.000 чел. къ Поти, имѣя въ виду, что съ разбитіемъ русскихъ онъ овладѣетъ потомъ и Ахалцыхомъ.

Слухъ о движеніи Шерифъ-паши къ Поти вызвалъ отправленіе къ этой крѣпости 2 баталіоновъ кавказскихъ гренадеръ, при полковникѣ Симоновичѣ.

Отрядъ этотъ былъ еще въ движеніи, когда 30 октября, Шерифъ-паша былъ уже въ 20 верстахъ отъ Поти, и сталъ на берегу моря, имѣя въ тылу густые лѣса, покрывающіе окрестности Батума. 9.000 армія Шерифа-паши стала лагеремъ на высотахъ, усиливъ свои фланги укрѣпленіями. Чтобы не дать непріятелю времени еще болѣе усилиться, кн. Орбеліани, не дожидая прибытія отряда Симоновича, оставилъ подъ крѣпостью часть отряда, а съ остальною рѣшился аттаковать противника,

2 ноября. Предшествовавшими переговорами съ Гуріельскимъ митрополитомъ Джумателі, имѣвшимъ большое вліяніе въ странѣ, и при его посредствѣ, кн. Орбеліани, успѣлъ склонить Мамія Гуріели на сторону Россіи, и условился, что въ то время, какъ русскія войска аттакуютъ Шерифа-пашу во флангъ, гуріельцы, неожиданно, нападутъ на нихъ съ тыла. 2 ноября кн. Орбеліани приблизился къ непріятельской позиціи, имѣя въ виду аттаковать укрѣпленіе на правомъ его флангѣ.

Въ это время въ тылу непріятеля раздались выстрѣлы. Гуріельцы, которыхъ турки считали своими союзниками, неожиданно начали дѣйствовать противъ нихъ. Это произвело сильное волненіе въ арміи Шерифа-паши. Между тѣмъ кн. Орбеліани также началъ бой и овладѣлъ укрѣпленіемъ праваго фланга.

Вся турецкая армія, оставивъ свой лагерь, обратилась въ бѣгство. Одни направились берегомъ къ Батуму, другіе вскочили въ лодки, стоявшія у берега. Неотступно слѣдуя за бѣгущими, войска наши стрѣляли по лодкамъ, которыя, отъ избытка переполнявшихъ ихъ людей, опрокидывались и тонули.

Общая потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ простиралась до 1.500 чел. 283 чел. взято въ плѣнъ. Весь непріятельскій лагерь и 24 знамени достались побѣдителямъ. Наша потеря состояла, считая и Гуріельцевъ, изъ 242 убитыхъ и раненыхъ.

Потерявъ надежду на освобожденіе, и зная о приближеніи отряда полковника Симоновича, Кучукъ-бей сдалъ Поти 16 ноября, съ гарнизономъ изъ 272 чел. и 34 пушками [1]).

Покореніе Поти было событіемъ чрезвычайно важнымъ, для положенія дѣлъ на Кавказѣ. Имъ обусловливалось

---

[1]) Донесеніе Тормасова отъ 3 декабря, и отношеніе его къ гр. Румянцеву отъ 4 декабря 1809 года.

спокойствіе въ Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи. Сверхъ того, установлялось морское сообщеніе съ Крымомъ, откуда кавказскія войска могли получать соль и продовольствіе.

Теперь можно было принять, наконецъ, рѣшительныя мѣры противъ Имеретинскаго царя Соломона.

Отрядъ Симоновича, прибывшій къ Поти уже послѣ сдачи этой крѣпости, былъ отправленъ въ Имеретію, гдѣ Соломонъ, съ набранными имъ войсками, скрывался въ горахъ.

Симоновичъ успѣлъ настичь его и нанести полное пораженіе, при чемъ самъ Соломонъ былъ взятъ въ плѣнъ, и отправленъ въ Тифлисъ.

Народсъ, духовенство и князья Имеретинскіе принесли присягу на вступленіе въ русское подданство.

Что-же касается до разбитаго при Поти Шерифа-паши, то онъ, не смѣя возвратиться въ Требизондъ, собралъ около себя всего до 400 чел., и расположился въ мѣстечкѣ Бевонѣ, на границѣ Грузіи. Отсюда онъ повелъ переговоры съ жителями Ахалцыха, не довольными своимъ пашею Селимомъ, который долженъ былъ бѣжать, а Шерифъ вступилъ въ Ахалцыхъ, привѣтствуемый его жителями. Порта утвердила его въ званіи паши. Но опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны своего предшественника, Шерифъ просилъ Тормасова относиться къ нему какъ къ другу, обѣщая, съ своей стороны, платить ему тѣмъ же.

Этимъ закончились событія 1809 года на Кавказѣ. Пользуясь волненіями въ Ахалцыхѣ, Тормасовъ легко могъ-бы овладѣть этою крѣпостью. Но глубокія снѣга дѣлали не возможнымъ движеніе войскъ, что и заставило его отказаться отъ подобной попытки, и побудило вступить въ миролюбивыя сношенія съ Шерифомъ-пашею.

XXI.

Дѣйствія на Черномъ морѣ, въ 1809 г. Занятіе кр. Анапы 15 іюля.

Морскія силы русскаго Черноморскаго флота ничѣмъ не ознаменовали себя въ теченіи 1809 г. Все ихъ вниманіе было обращено на защиту береговъ Крыма, такъ какъ было получено свѣдѣніе, оказавшееся впослѣдствіи не вѣрнымъ, что 8 англійскихъ и 15 турецкихъ кораблей, съ экипажемъ до 20.000 турокъ, вступятъ въ Черное море, и обратятъ свои дѣйствія на Крымъ. Поэтому, въ мартѣ 1809 года, когда возобновились военныя дѣйствія съ Турціей, суда Черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Трескина, собрались у Севастополя, который былъ сильно укрѣпленъ.

Черноморскій флотъ нашъ состоялъ въ распоряженіи главнаго командира этого флота, маркиза-де-Траверсе, которому поручалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сухопутная защита Крыма и острова Тамань.

Въ этомъ оборонительномъ положеніи, простоялъ нашъ флотъ у Севастополя около двухъ мѣсяцевъ. Англійскія суда не появлялись, а турецкія стояли у Константинополя, не помышляя о Крымѣ, и имѣя въ виду лишь доставку людей и войска въ Варну, откуда они уже распредѣлялись въ Дунайскую турецкую армію.

Турецкія суда вступили также въ Георгіевское устье Дуная, доставляя продовольствіе въ Силистрію и другія крѣпости.

Чтобы положить этому конецъ, кн. Прозоровскій, главнокомандующій Дунайскою арміею, приказалъ, флота капитанъ-лейтенанту Акимову, стоявшему съ своею флотиліею въ Сулинскомъ гирлѣ, отдѣлить часть судовъ для прекращенія входа турецкихъ судовъ въ Георгіевское устье

Дуная. Съ этою цѣлью, маркизъ-де-Траверсе отправилъ къ Акимову два брига изъ Севастополя.

Видя бездѣйствіе русскаго флота, турки выслали нѣсколько судовъ къ крѣпости Анапѣ, всегда служившей центромъ средоточія черкесовъ, для враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ на Кубани.

Значительные подарки, розданные черкесамъ, не мало способствовали ихъ намѣренію, сдѣлать рѣшительный набѣгъ на правый берегъ Кубани.

Оборона теченія Кубани была возложена на Херсонскаго генералъ-губернатора, Дюка-де-Ришелье, пребывавшаго всегда въ Одессѣ. Уже одно это обстоятельство препятствовало ему принимать соотвѣтственныя мѣры, такъ какъ распоряженія его не могли быть сдѣланы своевременно.

Къ тому-же, на Кубани было очень мало войскъ. Главное вниманіе было обращено на усиленіе арміи Тормасова, дѣйствовавшаго по другую сторону Кавказскаго хребта. Черкесы не могли не знать этого обстоятельства и подготовили нападеніе, которое, по энергіи и значительности собранныхъ войскъ, рѣзко отличалось отъ прежнихъ набѣговъ.

11 мая толпа черкесовъ, силою до 5.000 чел., переправились на правый берегъ Кубани, близь ея устья, противъ Новогеоргіевскаго редута, въ которомъ находилось до 100 чел. русскихъ солдатъ.

Овладѣвъ редутомъ, черкесы двинулись далѣе, къ берегу моря, и сожгли на пути всѣ хутора, а также селеніе Татаровское, забравъ въ плѣнъ мѣстныхъ жителей; совершенно разрушили Новогеоргіевскій редутъ, взяли бывшую на немъ пушку, и увели въ плѣнъ казаковъ и солдатъ Азовскаго гарнизоннаго баталіона, бывшихъ въ редутѣ, гдѣ осталось 15 труповъ. Затѣмъ, черкесы двинулись на кордонъ, бывшій у Широкой Балки, и сожгли его. Но съ батарей, близь кордона, непріятелю

былъ нанесенъ чувствительный уронъ, что и заставило его отступить за Кубань.

Дюкъ-де-Ришелье, донося объ этомъ дѣлѣ гр. Аракчееву, замѣчаетъ — «что нынѣшное нападеніе черкесъ, отнести должно къ самымъ чрезвычайнымъ, каковыхъ они, съ такимъ усиліемъ и съ такими успѣхами, никогда не производили. Изъ сего происшествія нельзя не заключить, что тѣ-же черкесы, особливо при нынѣшнемъ успѣхѣ, могутъ легко и далѣе продолжать нападеніе, вверхъ по Кубани, и могутъ напасть на самый Екатеринодаръ» [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, для обороны Кубани имѣлось всего 2 баталіона, и столько-же было выслано изъ Кубанскаго отряда въ Тамань, по требованію маркиза-де-Траверсе, въ распоряженіи котораго, въ Крыму, и безъ того находилось 30 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи и $15^1|_2$ артиллерійскихъ ротъ, расположенныхъ на пространствѣ отъ Томани, до ос. Березани, включительно.

Такимъ образомъ, являлось необходимымъ, по обстоятельствамъ, высылать подкрѣпленія, съ Кубани въ Крымъ, или изъ Крыма на Кубань. Между тѣмъ, оборона перваго была поручена Траверсе, а Кубани—Ришелье. Въ виду этого неудобства, Ришелье просилъ поручить оба командованія одному лицу, а именно маркизу-де-Траверсе, чтобы слить оборону Крыма и Кубани, въ одно нераздѣльное цѣлое, что и было Высочайше повелѣно исполнить.

Лучшимъ средствомъ удержать черкесовъ отъ набѣговъ на правый берегъ Кубани, маркизъ-де-Траверсе полагалъ въ томъ, чтобы угрожать имъ, въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, по лѣвому берегу рѣки.

---

[1]) Донесеніе Дюка-де Ришелье Аракчееву отъ 22 мая 1809 г. Дѣло В. Уч. Арх. № 1343.

Съ этою цѣлью онъ отправилъ капитанъ-лейтенанта Стулли, съ нѣсколькими судами, для демонстраціи противъ Анапы и Суджукъ-Кале.

Стулла бросилъ якорь между обоими этими пунктами, и овладѣлъ нѣсколько турецкими судами, близь Анапы. Произведенная рекогносцировка этой крѣпости показала, что въ ней не имѣется артиллеріи, и самыя укрѣпленія очень слабы.

Это дало де-Траверсе мысль, овладѣть Анапой, обложивъ ее съ моря и съ сухого пути.

Между тѣмъ, извѣстіе о прибытіи русскихъ судовъ къ Анапѣ, сильно встревожило черкесовъ, которые, выйдя изъ дефилей горъ, массами собрались къ крѣпости и засѣли на прилегающихъ къ ней берегахъ. Отсюда они производили усиленную ружейную стрѣльбу, чтобы показать свою многочисленность, и съ цѣлью воспрепятствовать десанту.

Но все это мало могло вліять на рѣшеніе овладѣть Анапой.

Распоряженіе де-Траверсе, для занятія Анапы, состояло въ слѣдующемъ:

Часть судовъ, стоявшихъ у крымскихъ береговъ, получида приказаніе направиться къ Анапѣ, и составила особую эскадру, подъ начальствомъ капитана Перхурова. Въ составъ этой эскадры вошли, одинъ корабль, два фрегата, 1 бомбарда, 1 транспортъ и авизъ. На нихъ находились — баталіонъ Владимірскаго гарнизона и баталіонъ 4-го морскаго полка, съ 14 орудіями и 1.000 четвертями муки и крупъ, для войскъ, которыя предполагалось оставить въ Анапѣ, послѣ овладѣнія ею.

Эскадра Перхурова должна была блокировать Анапу съ моря; а съ сухого пути, дѣйствовать противъ крѣпости, высланъ былъ изъ Тамани отрядъ генералъ-маіора Панчулидзева, изъ двухъ баталіоновъ Эстляндскаго полка, по одному баталіону 12 и 22 егерскихъ полковъ,

Витебскаго гарнизоннаго баталіона, полуроты конной артиллеріи, 4 легкихъ орудій, 50 драгунъ, 100 Донскихъ и 300 Черноморскихъ казаковъ.

Въ то время, какъ отрядъ Панчулидзева и эскадра Перхурова, поведутъ главную аттаку на крѣпость, одинъ фрегатъ и бригъ направятся къ Суджукъ-Кале, чтобы отвлечь туда часть непріятельскихъ силъ отъ Анапы. Въ тоже время, атаману Черноморскаго войска Бурсаку, съ его казаками и 3 баталіонами, приказано переправиться на правый берегъ Кубани, съ цѣлью воспрепятствовать черкесамъ, затруднить движеніе отряда Панчулидзева къ Анапѣ и, въ случаѣ надобности, поддержать его. Наконецъ, атаманскому начальнику Борзикову, приказано собрать небольшую флотилію для дѣйствія по берегамъ Кизильташскаго лимана и для сообщенія съ Таманемъ, откуда, въ случаѣ надобности, могли быть высланы новыя войска, къ самой-ли Анапѣ или на Кубань.

15-го іюля Перхуровъ бросилъ якорь предъ Анапой и, тотчасъ-же, открылъ по крѣпости огонь. Черкесы оставили городъ и укрылись въ ближайшихъ горахъ. Тогда инженеръ-полковникъ Ферстеръ, съ частью экипажа, произвѣлъ дессантъ и занялъ Анапу безъ сопротивленія.

Отрядъ Панчулидзева прибылъ къ Анапѣ спустя уже нѣсколько часовъ послѣ ея занятія, разгоняя встрѣченныхъ имъ на пути слѣдованія партіи черкесовъ.

По занятіи Анапы, было сдѣлано воззваніе къ жителямъ, съ предложеніемъ возвратиться въ свои жилища и прекратить враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Но черкесы не приняли предложенія; почему, 18 числа, полковникъ Золотницкій, съ небольшимъ отрядомъ, былъ высланъ въ горы. Разсѣявъ главное скопище черкесовъ, Золотницкій выжегъ всѣ окрестные аулы. Съ другой стороны, отрядъ Бурсака, сжегъ 10 ауловъ, съ 800 жи-

лищами на правомъ берегу Кубани, разгоняя вездѣ встрѣчаемыя имъ партіи черкесовъ.

Съ потерею Анапы, которая сильно была укрѣплена русскими, черкесы потеряли свою опорную точку на Кубани.

Тѣмъ не менѣе, они упорно отвергали предложеніе о замиреніи. Поэтому, нельзя было полагаться на ихъ бездѣйствіе. Впрочемъ, принятыми мѣрами, всѣ враждебныя попытки со стороны черкесовъ уничтожались, въ самомъ ихъ началѣ.

На укрѣпленіяхъ Анапы поставлено 14 пушекъ, съ гарнизономъ изъ 3 баталіоновъ что, вполнѣ, обезпечивало прочное занятіе Анапы. Отрядъ генерала маіора Панчулидзева наблюдалъ всѣ движенія черкесовъ въ полѣ [1]). Лишивъ черкесовъ, на долгое время, возможности предпринять что либо на Кубани, маркизъ де-Траверсе обратилъ теперь вниманіе на крымскихъ татаръ, на миролюбіе которыхъ также нельзя было расчитывать, если-бы турки, какъ ихъ единовѣрцы, сдѣлали дессантъ на крымскіе берега.

Лучшимъ средствомъ лишить татаръ возможности помогать туркамъ, Траверсе видѣлъ въ отнятіи у нихъ всѣхъ лошадей, такъ какъ безъ лошадей, турки не могли проникнуть внутрь края.

Поэтому, маркизъ де Траверсе испросилъ у морскаго министра, Чичагова, разрѣшеніе, выслать изъ Крыма оба конные татарскіе полки и 100.000 обывательскихъ лошадей, за Перекопъ, въ Махновку.

Но противъ этой мѣры возсталъ херсонскій губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, выставляя на видъ, что татары ничѣмъ не выразили своей неблагонадежности, а между тѣмъ, лишить ихъ всѣхъ лошадей, значить окончательно раззорить весь Крымъ. Сверхъ того, скопленіе

---

[1]) Донесеніе маркиза де-Траверсе, морскому министру, отъ 25 іюня 1809 г.

такой массы лошадей въ одномъ пунктѣ, около Махновки, въ самое короткое время уничтожитъ весь кормъ въ окрсстностяхъ Перекопа, и за неимѣніемъ его, настанетъ неизбѣжный конскій падежъ, въ огромныхъ размѣрахъ.

Не смотря на эти доводы, Чичаговъ настоялъ на приведеніи столь тягостной мѣры въ исполненіе, говоря, что иначе онъ не ручается за безопасность Крыма.

Опасенія эти были напрасны, такъ какъ о нападеніи на Крымъ не могло быть и рѣчи: англичане, занятые войною въ Испаніи и Португаліи, были далеки отъ мысли произвести дессантъ на крымскіе берега, а турки, безъ ихъ содѣйствія, хорошо знали изъ прежнихъ опытовъ, чѣмъ оканчиваются для нихъ подобныя попытки. Весь конецъ 1809 г. прошелъ, поэтому, въ напрасныхъ опасеніяхъ, за безопасность Крымскаго полуострова, и разореніе татаръ было вполнѣ безплодною жертвою, не вызываемою дѣйствительными потребностями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1.

Въ легкихъ артиллерійскихъ ротахъ:

Для возки запаснаго лѣсу, мази колесъ и прочаго, въ каждой полуротѣ повозокъ 2

Походная кузница 1

А въ той полуротѣ, гдѣ оной нѣтъ, можетъ пользоваться отъ полка; инструментныхъ повозокъ не полагается, а можно помѣстить оныхъ необходимое число въ полуфурахъ.

Артельныхъ полуфурокъ. 6

То есть для двухъ орудіевъ по 1-й, сіе на случай откомандировки баталіона отъ полка; на оныхъ удобно умѣстить 10-ти дневный провіантъ, съ тѣмъ, который люди имѣютъ на себѣ.

Лекарями и медикаментами пользуются отъ полковъ.

Въ батарейной ротѣ:

Повозокъ для возки запаснаго лѣсу, колесъ, мази и прочаго 6

Походная кузница, ежели доставится, то полагается . 1

Для возки необходимыхъ въ походѣ инструментовъ, для починки артиллеріи, повозка, на которой имѣли возиться . 1

Артельныхъ полуфурокъ для провіанта, палатокъ и котловъ. 8

на коихъ удобно помѣстить и 10-ти дневный провіантъ.

Лазаретная фура 1

Для казны и письменныхъ дѣлъ, одинъ ящикъ отдается на волю командующаго ротою.

Въ ротѣ конной артиллеріи:

Повозокъ для возки запаснаго лѣсу, колесъ, мази и прочаго. 4

Походна кузницая 1

Повозка для инструментовъ. 1
Для провіанта палатокъ и котловъ полуфурокъ, . . 8
на коихъ и помѣстится 10-ти дневный провіантъ.
Лазаретная фура, при которой имѣть нужное число лекарствъ. 1
Ящикъ для казны и письменныхъ дѣлъ отдается на волю командующаго ротою.

Въ понтонной ротѣ, когда она слѣдуетъ за арміею.

Повозокъ для запаснаго лѣса, колесъ, мази и прочаго. 10
Походныхъ кузницъ 2
Инструментальныхъ повозокъ 2
Подъ настоящій продольный канатъ повозокъ . . . 2
Для провіанта, котловъ и палатокъ провіантскихъ полуфурокъ, ... 8
на коихъ помѣстится 10-ти дневный провіантъ.
Лазаретная фура. 1
Ящикъ для казны и письменныхъ дѣлъ отдается на волю командующаго ротою.

Въ Драгунскомъ полку:

Патронныхъ ящиковъ 5
Палаточныхъ ящиковъ 5
Провіантскихъ фуръ, ... 4
въ коихъ удобно имѣть провіанта на 6-ть дней, а съ людьми обыкновенно есть на 4 дни, который помѣщается въ обоихъ концахъ, чемоданахъ въ особливыхъ холщевыхъ мѣшкахъ, всего на 10-ти дневный; сверхъ сего по необходимости можно помѣстить еще въ чемоданахъ сухарей, толчи, на одни сутки.
Казенный ящикъ для казны и письменныхъ дѣлъ отдается на волю шефа.
Кузница полковая 1
Артельныхъ повозокъ по 1-й въ эскадронѣ, всего. . 5
Вьючныхъ лошадей 5
Котлы возятъ на артельныхъ повозкахъ.
Въ Кирасирскомъ полку имѣть по сему же назначенію обозъ.

Въ Гусарскомъ полку:

Патронныхъ ящиковъ 5
Провіантскихъ фуръ, ... 4
въ коихъ помѣстить удобно провіанта на 6 сутокъ, а съ людьми, какъ у драгунъ, по положенію на четыре дни.
Артельныхъ повозокъ въ эскадронѣ по 1-й, всего . . 10
Лазаретныхъ повозокъ, въ каждый баталіонъ по 1-й, всего 2
Казенный ящикъ для казны и письменныхъ дѣлъ, отдается на волю шефа.
Кузница полковая 1
Нужное количество лекарствъ помѣстить при лазаретныхъ фурахъ.
Вьючныхъ лошадей подъ котлы 10
а можно возить котлы и на артельныхъ повозкахъ.
Піонерной ротѣ имѣть весь положенный обозъ, кромѣ аптечнаго и казеннаго ящиковъ.

Партикулярный обозъ:

Генералъ-маіорамъ и шефамъ полковъ повозокъ. . . 3
Да для экипажей шефскаго и бригаднаго адъютантовъ. 1
Генералъ лейтенантамъ повозокъ 4
Двумъ его дивизіоннымъ адъютантамъ повозка . . . 1
Дивизіонному аудитору и буде есть у генералъ-лейтенанта шефскій адъютантъ, для обоихъ 1
Для писарей и письменныхъ дѣлъ повозка 1
Дивизіонному доктору повозка. 1
Генералъ-аншефамъ повозокъ 5
Адъютантамъ его, при немъ находящимся, на двухъ повозка 1
Подъ экипажъ генераламъ, буде есть карета, лошадей. 6
Подъ прочія повозки по 4 лошади . . . . . —
Подъ адъютантовъ или полковыя письменныя дѣла по— 3
Верховыхъ лошадей генералъ.маіорамъ по 4 и 2 для конюховъ . . . . . —
Генералъ-лейтенантамъ 6
и двѣ для конюховъ; генералъ-аншефамъ 8 и 3 для конюховъ. Адъютантамъ генеральскимъ 2 лошади, позволяется 3. Штабъ

офицерамъ по 1 повозкѣ въ 4 лошади, ротнымъ командирамъ 1 повозка въ 3 лошади, всѣмъ субалтернъ-офицерамъ, вмѣстѣ, по 1 повозкѣ въ роту, въ 4 лошади.

Въ артиллеріи же, въ каждой полуротѣ, оберъ-офицерамъ по 1-й повозкѣ въ 4 лошади.

Палатки же ихъ помѣстить въ палаточныхъ ящикахъ.

Полковому адъютанту одна повозка въ 3 лошади.

Экипажъ баталіоннаго адъютанта помѣщать при первой ротѣ того баталіона, въ которомъ онъ находится.

Квартирмейстеру и казначею повозка въ 3 лошади, аудитору и священнику повозка одна, въ 3 лошади каждому, на случай откомандировки баталіона; въ гусарскихъ же, въ каждомъ баталіонѣ лекарямъ по 1 повозкѣ въ 3 лошади, благочинному повозка одна въ 3 лошади.

Верховыхъ лошадей.

Кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ верховыхъ лошадей 3 для себя, да 2 подъ конюховъ; оберъ-офицерамъ верховыхъ лошадей для себя 2; подъ конюха 1.

Пѣхотнымъ штабъ-офицерамъ по 2 лошади, да одна подъ конюховъ.

Полковымъ и баталіоннымъ адъютантамъ по 2 лошади, оберъ, офицерамъ по 1 лошади, лекарямъ, квартирмейстеру, казначею и аудитору по 1 верховой лошади.

Квартирмейстерской части инженернымъ штабъ и оберъ офицерамъ, каждому по 1-й повозкѣ въ 4 лошади; верховыхъ, штабъ-офицеру 3 и для конюха.

Оберъ-офицерамъ каждому по двѣ лошади.

Приложеніе № 2.

Князь Александръ Александровичъ! Изъ послѣднихъ депешей вашихъ отъ 29-го ноября видя, съ одной стороны, благопріятный отзывъ, полученный вами отъ новаго визиря, съ другой, общіе слухи о готовности турецкихъ войскъ и народнаго духа къ

воинскимъ дѣйствіямъ, я не могу сдѣлать инаго заключенія, что Порта Оттоманская, при смутномъ положеніи, въ коемъ нынѣ находится, изъявила желаніе приступить къ мирнымъ переговорамъ, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы выиграть время; избавиться зимней кампаніи, тягостной для турецкихъ войскъ; и продолжать воинскія приготовленія, съ вящею дѣятельностію для открытія лѣтней кампаніи. Почему настоитъ нужда побудить турецкое министерство обнаружить свои намѣренія, безъ потери времени, татакимъ образомъ, чтобы за онымъ послѣдовалъ разрывъ перемирія, или чистосердечное расположеніе къ миру, на извѣстныхъ условіяхъ.

Для достиженія одной изъ двухъ цѣлей, я признаю за нужное, чтобы вы отправили отъ себя нарочнаго къ новому визирю съ объясненіемъ: что медленность въ присылкѣ турецкихъ полномочныхъ, или въ приступленіи къ мирнымъ переговорамъ, вы признаете за разрывъ перемирія; при чемъ можете назначить срокъ къ полученію отвѣта, сколько по разчисленію нужно будетъ времени, для курьерской ѣзды въ Константинополь и обратно.

Ежели бы, между тѣмъ, турецкіе полномочные прибыли въ Главную Квартиру, то, оставя обыкновенные этикеты въ подобныхъ случаяхъ наблюдаемые, съ сохраненіемъ, однако же, надлежащаго гостепріимства, вы предложите имъ немедленно прелиминарныя статьи, на коихъ можетъ быть приступлено къ формальному трактованію о мирѣ.

1) Согласіе Порты на опредѣленіе границы по Дунаю между россійскими и турецкими владѣніями.

2) На признаніе независимости сербскаго народа подъ покровительствомъ Россійской и Турецкой имперій.

3) На признаніе зависимости Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ россійской державы.

Въ случаѣ несогласія турецкихъ полномочныхъ на принятіе сихъ предложеній за основаніе мирныхъ переговоровъ, Я разрѣшаю васъ, съ Божіею помощію, начать военныя дѣйствія; дабы, воспользовавшись послѣднею половиною зимней кампаніи, вы могли очистить хотя нѣкоторыя крѣпости, по сію сторону Дуная лежащія, естьли время не позволитъ утвердиться по всему пространству лѣваго берега, какъ бы сего желалось.

Я съ удовольствіемъ утверждаю избранныхъ вами полномочныхъ, въ лицѣ генералъ-лейтенанта Милорадовича, тайнаго совѣтника и сенатора Кушникова и инженера генералъ-маіора Гартинга, и, въ заключеніе сего, не могу не изъявить вамъ благодарности за дѣя-

тельность и благоразумныя распоряженія, отличающія ваше управленіе по части воинской, политической и гражданской. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
Декабря, 19-го дня,
1808 г.

Приложеніе № 3.

Господамъ генералъ-лейтенанту и кавалеру Милорадовичу, тайному совѣтнику и кавалеру Кушникову и инженеръ генералъ-маіору и кавалеру Гартингу, уполномочнымъ для трактованія, заключенія и подписанія мирнаго договора съ Блистательною Портою Оттоманскою.

Его Императорское Величество, желая возстановить на прочномъ основаніи прежнее доброе согласіе и дружбу между Имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою, къ заключенію окончательнаго мира, Всемилостивѣйше наименовать меня соизволилъ верховнымъ отъ Высочайшаго лица своего полномочнымъ, предоставя мнѣ и назначеніе особъ къ трактованію съ полномочными Порты Оттоманской; вслѣдствіе чего, основываюсь на испытанной любви вашей къ отечеству, на непоколебимомъ усердіи вашемъ къ славѣ и пользѣ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего и на опытности и свѣдѣніяхъ, службою и трудами вами пріобрѣтенныхъ, я рѣшился важное, знаменитое дѣло сіе возложить на васъ. Сей выборъ мой Высочайшимъ Его Императорскаго Величества рескриптомъ на имя мое, 19-го декабря минувшаго 1808 года послѣдовавшимъ, удостоенъ Высокомонаршаго одобренія и утвержденія Государя Императора: по таковомъ назначеніи вашемъ, предлежитъ мнѣ начертать вамъ здѣсь главныя статьи обязанности вашей, въ предпріемлемомъ нынѣ вами дѣлѣ, предоставляя себѣ, впрочемъ, въ продолженіи негоціаціи давать вамъ разрѣшенія на всѣ тѣ случаи, которые со стороны Порты Оттоманской, во время конференцій, обнаружены быть могутъ, и которые въ предначертанный здѣсь планъ войти не могли.

По предварительному сношенію моему съ бывшимъ верховнымъ визиремъ Порты Оттоманской, полномочные со стороны ея

наименованы, и въ самомъ непродолжительномъ времени имѣютъ прибыть въ *Яссы*.

Послѣ наблюденія обыкновеннаго церемоніала и взаимныхъ визитовъ, имѣетъ быть назначенъ, бозъ продолженія времени, съ общаго согласія, день для первой конференціи, о которой возвѣщено будетъ чрезъ оберъ-церемоніймейстера конгресса.

Сія первая конференція начнется и произведена быть имѣетъ на основаніи прилагаемой здѣсь, подъ литерою *A* [1]). записки. Послѣ обыкновенныхъ угощеній, россійскіе полномочные откроютъ засѣданіе приличнымъ привѣтствіемъ, по примѣру того, какъ въ запискѣ изображено; на что турецкіе полномочные таковымъ же отвѣтствовать будутъ.

Затѣмъ надлежитъ полномочнымъ россійскимъ предложить приступить къ обыкновенному предъявленію, разсматриванію и размѣну полныхъ мочей, на каковый конецъ и препровождаю къ вамъ при семъ двѣ полныя мочи, коими я отъ Его Императорскаго Величества снабженъ, одна за подписью Государя Императора, другая же безъ подписи, за одною только государственною печатью. Сіе дѣлается для того, что ежели верховный турецкій полномочный, или же въ случаѣ неназначенія таковаго, имѣющіе прибыть на конгрессъ полномочные, снабдены будутъ полною мочью за подписью султана, то и съ моей стороны таковую же употребить должно; есть ли-же у нихъ только за печатью, то и я представляю равную, оставя другую безъ употребленія; для сего и надлежитъ предварительно объ этомъ узнать чрезъ посредство перваго россійскаго драгомана. Полномочные россійскіе прикажутъ прочесть полную мочь отъ Государя Императора мнѣ данную, секретарю конгресса на россійскомъ, а первому драгоману на турецкомъ языкахъ. Потомъ прикажите вы, такимъ же порядкомъ, на обоихъ языкахъ, прочесть полную мочь, отъ меня вамъ данную, которую при семъ и препровождаю. По прочтеніи же полныхъ мочій, данныхъ турецкимъ полномочнымъ, надлежитъ приступить драгоману россійскому къ повѣркѣ подлинныхъ турецкихъ мочей, съ переводами, и коль скоро найдутся во всемъ сходными, тогда слѣдуетъ вамъ, обще съ драгоманомъ и секретаремъ конгресса, приступить къ подробному и самоточнѣйшему разсмотрѣнію тѣхъ полныхъ мочей, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, соотвѣтствуютъ ли они, во всѣхъ частяхъ, и совершенно, той не-

[1]) Приложеній подъ литерами здѣсь не приводится.

ограниченности, съ каковою даны полныя мочи отъ Его Императорскаго Величества, мнѣ, а отъ меня вамъ. Для большаго и вѣрнѣйшаго въ томъ руководства, препровождаю при семъ подъ литерами *B*, *C* и *D*, переводы съ полныхъ мочей, данныхъ турецкимъ полномочнымъ для мирныхъ переговоровъ въ 1791 году.

Коль скоро найдете въ полныхъ мочахъ турецкихъ полномочныхъ какое-либо ограниченіе, нашей полной мочи несоотвѣтствующее, какъ, напримѣръ: чтобы они заключили миръ на прежнихъ основаніяхъ, или съ опредѣленіемъ прежнихъ границъ, или же чтобы истребовали себѣ время на размышленіе, брали бы дѣло *ad referendum* и испрашивали бы дальнѣйшаго разрѣшенія Порты и тому подобныя: тогда имѣете объяснить таковое неравенство полныхъ мочей и объявить, что по таковому непредвидѣнному и неожиданному случаю, вы въ необходимости находитесь донести объ оном верховному полномочному, и просите ихъ собраться на слѣдующій день въ назначаемый часъ, для сообщенія имъ отзыва, который вы отъ меня получите.

Въ сіе втерое засѣданіе, вы имъ отъ имени моего объявите, что по таковой ограниченности ихъ полныхъ мочей и неравенствѣ оныхъ, съ неограниченною полною мочью, которую я отъ Государя Императора снабденъ, ни я, ни вы, не можете приступить къ какому либо трактованію, ссылаясь при томъ на прилагаемое здѣсь въ копіи, подъ литерою *E*, письмо мое къ бывшему верховному визирю Порты Оттоманской, Мустафѣ пашѣ, коимъ я предлагалъ ему прислать полномочныхъ для мирныхъ переговоровъ въ Яссы, и въ которомъ я именно требовалъ, чтобы они были снабжены *достаточною полною мочью*, дабы въ состояніи были рѣшить все сами собою, не требуя новыхъ отъ Порты разрѣшеній и наставленій, точно на томъ самомъ основаніи, какъ я отъ Его Императорскаго Величества снабденъ, неограниченною полною мочью. Объявите имъ въ то же время, что, не взирая на то, я возложилъ на васъ, вручить имъ прелиминарныя статьи, содержащія ultimatum, условій Россійскаго Императорскаго двора, долженствующихъ служить основаніемъ къ заключенію окончательнаго мира. Въ то же время, вручите вы имъ препровождаемыя присемъ прелиминарныя статьи, чрезъ посредство перваго нашего драгомана. Турецкіе полномочные, конечно, пожелаютъ разсматривать тѣ статьи въ своей комнатѣ, чего воспрещать имъ наслѣдуетъ. Потомъ, безъ сомнѣнія, возвратясь въ залу засѣданія, объявятъ невозможность ихъ принять и согласиться на таковыя отяготительныя статьи, и въ то же время сильно настаивать будутъ въ томъ, чтобы имъ

позволено было отправить нарочнаго въ Константинополь и ожидать здѣсь, какъ присылки новыхъ полныхъ мочей, такъ и разрѣшеній Порты на тѣ прелиминарныя статьи. На таковое предложеніе, клонящееся единственно къ продленію времени, что для нихъ полезно, а для насъ вредно, вы, ни подъ какимъ предлогомъ, соглашаться не можете, а напротивъ, надлежитъ имъ рѣшительно объявить, что по недостатку или ограниченности ихъ полныхъ мочей, вы ни къ какимъ негоціаціямъ приступить не въ состояніи; что вручили имъ прелиминарныя статьи для доведенія оныхъ до свѣдѣнія Порты, дабы она руководствоваться могла ими въ дальнѣйшей своей рѣшимости; но что на посылку курьеровъ въ Константинополь, для испрошенія разрѣшеній Порты, вы согласиться не можете, поелику сіе произвело бы единственную потерю времени, безъ всякой пользы, и вмѣсто приближенія, удаляло бы насъ отъ желаемой цѣли скорѣйшаго заключенія мира; и что таковую проволочку признаю я вредною для интересовъ Всеавгустѣйшаго моего Монарха. Впрочемъ, можете дать полномочнымъ почувствовать, что въ случаѣ соглашенія Порты на постановленіе рѣки Дуная границею между обѣими Имперіями, она можетъ получить, при заключеніи мира, выгоды въ торговлѣ съ сими княжествами, какъ, напримѣръ, безъпошлинный вывозъ опредѣленнаго количества хлѣба, соли и другихъ продуктовъ. По подробномъ имъ всего того объясненіи, сдѣлайте имъ, наконецъ, рѣшительный отзывъ, что таковую ограниченность ихъ полныхъ мочей должны мы почесть самымъ вѣрнымъ доводомъ не искренняго расположенія Порты къ миру, что по той причинѣ конгрессъ разрушенъ, и что тѣмъ самымъ уничтожается существовавшее доселѣ прекращеніе военныхъ дѣйствій, которыя и они, по тому же праву, начать могутъ, когда за благо признаютъ. Что относительно особъ самыхъ полномочныхъ и ихъ свиты, они могутъ возвратиться за Дунай, съ тою же почестью и доказательствами дружбы, съ каковыми прибыли, и что, наконецъ, есть ли они рѣшатся ожидать на правомъ берегу Дуная новыхъ отъ Порты полномочій и наставленій, то по полученіи ими оныхъ, я во всякое время готовъ буду приступить къ мирнымъ переговорамъ, съ тѣмъ, однако же, что тѣмъ продолженіе военныхъ дѣйствій, ни въ какомъ случаѣ, до настоящаго заключенія мира, остановлено не будетъ.

Но есть ли полныя ихъ мочи найдутся въ надлежащей формѣ, неограниченными и совершенно достаточными, въ такомъ случаѣ имѣете приступить къ размѣну засвидѣтельствованныхъ копій взаимныхъ полныхъ мочей, послѣ чего скажите имъ, что, найдя пол-

ныя мочи достаточными, вы признаете нужнымъ довести сіе до свѣдѣнія верховнаго полномочнаго, и испросивъ отъ него прелиминарныя статьи къ миру, предложите имъ оныя въ слѣдующее собраніе, срокъ коего тутъ же опредѣлить должно, сколько можно ближе, для избѣжанія во всякомъ случаѣ излишней проволочки.

Высокомонаршая Государя Императора воля есть, дабы въ настоящихъ обстоятельствахъ употребить самыя дѣятельныя мѣры, къ поспѣшнѣйшему доведенію Порты до настоящей рѣшимости къ миру или къ войнѣ, на каковый конецъ и предложить имъ, тотчасъ, прелиминарныя статьи, долженствующія служить основаніемъ къ заключенію окончательнаго мира. Во исполненіе таковой Высочайшей воли и надлежитъ вамъ, на второмъ засѣданіи, объявить турецкимъ полномочнымъ, что удостовѣрены будучи въ равномѣрномъ со стороны ихъ желаніи, споспѣшествовать всѣми силами къ скорѣйшему довершенію возложеннаго на васъ и ихъ благого дѣла, для поспѣшнѣйшаго доставленія мира и блаженства подданныхъ взаимныхъ Монарховъ нашихъ, вы признали за нужное и полезное, къ достиженію сей цѣли, предварительныя статьи, долженствующія служить основаніемъ къ заключенію окончательнаго мира, предложить имъ на разсужденіе; при чемъ чрезъ посредство драгомана и вручить имъ тѣ прелиминарныя статьи, которыя здѣсь прилагаются, объявя при томъ, что оныя содержатъ, ultimatum Высочайшаго двора нашего.

Они, конечно, захотятъ разсматривать оныя на свободѣ, чего воспретить нельзя; а легко статься можетъ, что пожелаютъ взять оныя на размышленіе до будущаго засѣданія, то вы на сіе также согласиться можете, опредѣливъ, однако же, срокъ того засѣданія. Но когда потребуютъ отправленіе курьера въ Константинополь, съ тѣмъ, чтобы ожидать разрѣшенія Порты, то на сіе, ни подъ какимъ предлогомъ, по вышеписаннымъ причинамъ, соглашаться не слѣдуетъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прелиминарныя сіи статьи встрѣтятъ большое противорѣчіе и сопротивленіе со стороны турецкихъ полномочныхъ, и что они распространяться станутъ насчетъ несправедливо, яко бы, начатой Россіею противу Порты войны, внезапнаго вступленія войскъ россійскихъ въ Молдавію, Валахію и Бессарабію, занятія подъ разными неосновательными предлогами крѣпостей, возмущенія противу Порты собственныхъ ея подданныхъ, сербовъ, и прочее. Для преподанія вамъ спо-

собовъ къ учиненію сильнаго на все то возраженія, я нужнымъ почитаю изложить вамъ здѣсь, съ нѣкоторою подробностію, всѣ тѣ обстоятельства, которыя служатъ, какъ къ полному и совершенному опроверженію всѣхъ показаній и обвиненій турецкихъ, такъ и къ явному доказательству справедливости, требуемаго Государемъ Императоромъ возмездія.

Въ исходѣ 1805 года Порта Оттоманская возобновила прежній съ Россіею, въ 1798 году заключенный, союзный договоръ, торжественно ратификованный обоюдными Императорами. Онымъ подтверждены всѣ прежніе трактаты, акты и конвенціи; но, напротивъ, между прочимъ особенно обѣщаны взаимная помощь и пособіе противу всякаго непріятеля, которой либо стороны, и позволивъ безвозбранный проходъ россійскихъ военныхъ судовъ и кораблей, равно какъ и войскъ и воинскихъ транспортовъ, чрезъ проливъ Константинопольскій и Дарданеллы. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и именно въ началѣ 1806 года, дошли до свѣдѣнія Государя Императора достовѣрныя извѣстія, какъ о связи, въ которую вступила Порта съ Франціею, тогдашнею непріятельницею Россіи, такъ и о военныхъ приготовленіяхъ, Портою дѣлаемыхъ, какъ то: составленіемъ лагеря предъ Измаиломъ, усиліемъ гарнизона сей крѣпости до 10,000 человѣкъ; подобнымъ же усиліемъ хотинскаго гарнизона, заведеніемъ магазейновъ въ Молдавіи и Валахіи, вступленіемъ паши скодрскаго съ арміею въ Румелію и прочее. Всѣ сіи приготовленія, естественно, ни противъ кого болѣе не могли быть направлены, кромѣ противъ Россіи. Таковыми поступками уже во многихъ частяхъ нарушенъ былъ вышепомянутый союзный договоръ: тѣмъ не менѣе Его Императорское Величество, желая употребить средства миролюбивыя къ убѣжденію Порты держаться, для собственнаго ея блага, прежней своей системы, предписалъ находившемуся въ Константинополѣ россійскому посланнику г. Италинскому, представить Портѣ всю несовмѣстность таковыхъ ея поступковъ и требовать точнаго соблюденія трактатовъ, между Россіею и Портою заключенныхъ; но всѣ настоянія того министра остались безъ дѣйствія. На основаніи конвенцій, издавна между Россіею и Портою существовавшихъ и неоднократно возобновленныхъ, первая торжественно приняла на себя ручательство обывателямъ Молдавіи и Валахіи въ возвращеніи имъ, по всей справедливости, принадлежащихъ земель и владѣній, въ такъ называемыхъ *раяхъ крѣпостей*, и въ сохраненіи спокойствія и тишины въ ихъ земляхъ, которыя соблюсти обязалась Порта.

Не взирая на то, помянутыя земли не были возвращены, а Валахія двѣнадцать лѣтъ сряду подвержена была безпрерывнымъ набѣгамъ Пасевана-оглу и другихъ аяновъ задунайскихъ; изобильнѣйшія и плодороднѣйшія земли ея опустошены были въ конецъ, ходатайство же и настоянія россійскаго посольства въ прекращеніи сего зла не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, въ вящшее оскорбленіе достоинства имперіи всероссійской, и пренебреженіе должнаго къ особѣ Его Императорскаго Величества, яко союзника Его Султанова Величества уваженія, Порта, въ совершенную противность вышепомянутыхъ конвенцій, и безъ всякой причины, отрѣшила господарей молдавскаго и валахскаго, и опредѣлила на мѣсто ихъ другихъ, гораздо прежде установленнаго въ тѣхъ конвенціяхъ, особенно въ гати-шерифѣ 1802 года срока, и даже безъ всякаго предварительнаго о томъ сношенія съ россійско-императорскимъ дворомъ. Вскорѣ послѣ того отрѣшенія господарей, Порта получила ноту французскаго посла, коею угрожаютъ, въ случаѣ дальнѣйшаго пропуска россійскихъ войскъ и военныхъ судовъ чрезъ проливъ Константинопольскій и Дарданеллы, что армія французская, приближась къ Днѣстру и перейдя чрезъ оный, учинитъ съ сей стороны вторженіе въ предѣлы Россіи. Вмѣсто учиненія, по обязанности своей, яко союзная держава, сильнаго на то возраженія, Порта приняла оную съ удовольствіемъ и сообщила ее оффиціально за извѣстіе, россійскому посольству. Сей поступокъ, конечно, и въ очахъ цѣлыя Европы не можетъ согласоваться съ союзнымъ договоромъ, незадолго передъ тѣмъ заключеннымъ. Нарушеніе онаго усугублено Портою еще двумя оффиціальными ея нотами, изъ коихъ послѣднею сама настоятельно требовала прекращенія прохода россійскихъ войскъ и военныхъ судовъ чрезъ помянутые проливы. Между тѣмъ, связи Порты Оттоманской съ Франціею, бывшею тогда въ войнѣ съ Россіею, день ото дня усиливались, и Его Императорское Величество получилъ достовѣрное извѣстіе о переговорахъ, дѣлаемыхъ Портою къ заключенію союзнаго договора, съ тогдашними непріятелями Россіи; военныя же приготовленія самой Порты противу Россіи часъ отъ часу умножались.

Всѣ сіи обстоятельства обнаружатъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, сколько крайне и постоянно миролюбивыя расположенія Его Императорскаго Величества, столько, напротивъ, употребленіе Портою всѣхъ возможныхъ средствъ къ начатію войны противу Россіи, безъ всякаго со стороны сей послѣдней къ тому повода; ибо кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, вся Европа въ томъ удостовѣрена, что

Россія, будучи въ то время занята столь сильнымъ и могущественнымъ непріятелемъ, какова Франція, не могла имѣть желанія, или намѣренія, начать еще другую войну противъ Порты и раздѣлять такимъ образомъ силы свои, слѣдовательно, никакому и не подлежитъ сомнѣнію, что Порта есть зачинщица той войны. Въ таковомъ положеніи дѣлъ, Государь Императоръ питался все еще надеждою, что Порта обратится къ прежней своей системѣ. Видя, однако же, ополченія Порты приготовляющіяся, для огражденія собственныхъ своихъ предѣловъ отъ набѣговъ турецкихъ, принужденнымъ нашелся велѣть части войскъ своихъ вступить въ предѣлы Молдавіи и Валахіи, занять крѣпости, съ твердымъ, однакоже намѣреніемъ, и торжественнымъ притэмъ объявленіемъ, что сіе дѣлается единственно для собственнаго обезпеченія и безъ всякихъ видовъ завоеваній. Коль скоро первое о томъ извѣстіе дошло въ Константинополь, и посланникъ нашъ, Италинскій, не имѣлъ еще отъ двора своего никакого по сему предмету увѣдомленія и настовленія, не могъ дать Портѣ рѣшительнаго отзыва; то сія послѣдняя сама согласилась на то, чтобы отправленъ былъ нарочный въ С.-Петербургъ для полученія отъ россійскаго Императорскаго двора объясненій, которыхъ и обѣщала ожидать; но курьеръ въ сопровожденіи татарина, самой Портой отправленный, не успѣлъ еще переѣхать черезъ Дунай, какъ Порта объявила войну Россіи, а потомъ, изъяснительныя двора нашего депеши перехватила, сообщила тогдашнему непріятельскому послу, и опубликовала въ вѣдомостяхъ. Между тѣмъ, сіи самыя депеши, должны были ей служить удостовѣреніемъ, что Его Императорское Величество никогда не имѣлъ непріязненныхъ противу Порты видовъ.

По таковомъ объявленіи Портою войны, не оставалось Государю Императору ничего болѣе дѣлать, какъ воспротивиться имъ силою. Тогдашняя война Россіи съ могущественною державою, Франціею, требовала всѣхъ ополченій, для отраженія такого непріятеля. Тѣмъ вящшія усилія Россіи требовались къ сопротивленію въ то-же время и Портѣ. Государь Императоръ въ необходимости нашелся, не только отдѣлить въ сей край часть регулярной своей арміи, но и составить милицію и образовать такимъ образомъ другую армію, для подкрѣпленія арміи регулярной, и для защиты собственныхъ своихъ предѣловъ. Слѣдовательно, весьма естественно имѣетъ Его Величество полное и неоспоримое право требовать возмездія за убытки, сею, вовсе несправедливо на него, безъ малѣйшаго со стороны Россіи повода, и въ столь тягостное время Портою нанесенною войною причиненные, и, конечно, ни-

какая власть не въ силахъ принудить Государя Императора къ заключенію мира, несоотвѣтствующаго славѣ и достоинству Имперіи.

Что принадлежитъ до сербовъ, то сіи подданные Порты, гораздо прежде, настоящей войны, имѣли собственныя свои причины искать силою оружія справедливости въ обидахъ, имъ причиняемыхъ. Когда-же въ послѣдствіи времени, Порта вовлекла Россію въ настоящую войну, то Его Императорское Величество принялъ сербовъ на то время подъ высокое свое покровительство, и вотъ причина, по которой Государь Императоръ настоитъ нынѣ въ доставленіи имъ тѣхъ-же преимуществъ, которыя Порта сама имъ неоднократно предлагала.

Выше упомянулъ я только о самыхъ главныхъ статьяхъ, коими Порта Оттоманская нарушила трактаты, ею съ Имперіею Всероссійскою заключенные; но есть еще множество обстоятельствъ, коими она не только не исполнила своихъ обязательствъ, но явно нарушила святость договоровъ и оскорбила должное къ союзной и дружественной державѣ уваженіе, какъ, напримѣръ: явное пренебреженіе, оказанное возвращеніемъ интригантовъ, сосланныхъ по требованію россійско-Императорскаго двора; несправедливыя преграды, полагаемыя Портою въ нашей коммерціи, и между прочимъ, воспрещеніе вывоза масла и покупки шелка въ другихъ мѣстахъ кромѣ Константинополя, и тому подобныя; явное неисполненіе 61-й статьи торговаго трактата 1783-го и 7-й Ясскаго мирнаго трактата 1791 года, въ доставленіи удовлетворенія за ограбленное корсарами варварскихъ кантоновъ имущество россійскихъ подданыхъ, и неуваженіе рекламацій о томъ россійскаго посольства; многократныя насильства, причиненныя во всей Имперіи Оттоманской чиновниками ея противу подданныхъ россійскихъ, и недоставленіе за то удовлетворенія; несоблюденіе установленныхъ тарифовъ и ежедневныя тягости по коммерціи, вновь налагаемыя; превратное толкованіе весьма ясныхъ статей договоровъ, съ Россіею заключенныхъ; явное и насильственное нарушеніе 51-й статьи торговаго трактата, относительно драгомановъ, привиллегіями снабженныхъ, и извѣстныхъ подъ именемъ баратеровъ и тому подобныя—всѣ сіи обстоятельства служатъ къ вящему подтвержденію недружественныхъ расположеній Порты къ Россіи.

Еще въ началѣ 1807 года, Его Императорское Величество соизволилъ отправить полковника Поцо-ди-Борго на эскадру вице-адмирала Сенявина, для учиненія Портѣ предложеній къ заключенію мира, на весьма выгодныхъ для нея условіяхъ; но предложеніе его, чрезъ цѣлые три мѣсяца, оставлено безъ всякаго, ни

утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Сіе обнаруживаетъ весьма малое уваженіе къ великой державѣ сосѣдней, и крайне непріязненныя расположенія.

Въ послѣдствіи времени, при заключеніи мира между Россіею и Франціею, Его Императорское Величество согласился принять посредство императора Наполеона, питаясь надеждою, что симъ средствомъ достигнетъ скорѣе желаемой цѣли, заключенія мира съ Портою. Военныя дѣйствія тотчасъ прекращены были, и хотя перемиріе, въ Слободзеѣ заключенное, будучи утверждено особою и неимѣвшею къ тому полной мочи, и не отвѣтствуя содержаніемъ своимъ достоинству имперіи, не было принято Государемъ Императоромъ и признано не существующимъ, о чемъ мною торжественно и объявлено Портѣ чрезъ посредство французскаго въ Константинополѣ посла, тѣмъ не менѣе, Его Величество повелѣть соизволилъ соблюсти со всею строгостію прекращеніе военныхъ дѣйствій, уповая таковыми средствами умѣренности, довести Порту къ настоящимъ миролюбивымъ и дружественнымъ расположеніямъ. Вслѣдъ за исключеніемъ помянутаго перемирія, армія россійская начала отступать; но едва приступила она къ тому, какъ подданные турецкіе перешли на лѣвый берегъ Дуная, причинили на ономъ многія неистовства и грабежи, и заняли какъ постъ галацкій, отъ котораго отступили по прибытіи войскъ нашихъ, такъ и разныя острова на Дунаѣ. Происшествія сіи, извѣстныя Портѣ по рекламаціямъ генерала барона Мейндорфа, совершенно противоборствуютъ статьямъ перемирія, признаннаго Портою, и на которое она столь часто ссылается. По симъ то причинамъ, войска наши и принуждены были остановиться. Въ самое то время снабденъ я былъ отъ Его Императорскаго Величества полною мочью къ заключенію, принятію и утвержденію окончательнаго мира между Россіею и Портою; но въ послѣдствіи времени, сія послѣдняя изъявила желаніе, чтобы мирные переговоры произведены были въ Парижѣ, и на сіе Государь Императоръ тотчасъ согласился, повелѣвъ мнѣ, данныя полныя мочи оставить безъ дѣйствія, и снабдивъ таковыми посла своего въ Парижѣ, генералъ-лейтенанта графа Толстаго. Его Величество далъ Портѣ, такимъ образомъ, новое доказательство истиннаго своего расположенія къ миру, тогда когда Порта обнаруживала совершенно тому противное. Ибо во все время продолженія прекращенія военныхъ дѣйствій, не переставала она снабжать крѣпости, на лѣвомъ берегу Дуная находящіяся, военными припасами и другими потребностями. Я велѣлъ остановить нѣсколько таковыхъ судовъ, въ Сулинскія гирла

пришедшихъ, и склонить ихъ къ возвращенію въ море; но они исполнили сіе мое требованіе единственно для того, дабы войти опять въ Дунай, Егорьевскими гирлами. Исполняя волю Всеавгустѣйшаго моего Монарха, я вооружился терпѣніемъ, въ надеждѣ достигнуть тѣмъ скорѣе желаемой цѣли мира.

По миновaніи срока помянутымъ перемиріемъ установленнаго, я получилъ извѣщеніе французскаго въ Константинополѣ посла, яко бы между россійскими и турецкимъ полномочнымъ въ Парижѣ постановлено продолжить прекращеніе военныхъ дѣйствій до окончанія негоціацій въ Парижѣ. Я согласился ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Высочайшаго двора нашего, не имѣя никакихъ отъ онаго по сему предмету извѣщеній. Сіе продолженіе прекращенія военныхъ дѣйствій, еще сомнительнѣйшими происшествіями, нежели прежнее перемиріе отъ Порты, публикованы были повсюду фирманы для вооруженія всѣхъ, отъ мала до велика, противу христіанъ, подъ которыми конечно не могли разумѣть ни кого кромѣ россіянъ, яко ближнихъ сосѣдей; повсюду, въ Адріаполѣ, Софіи и во многихъ мѣстахъ на правомъ берегу Дуная, собирались многочисленныя арміи изъ войскъ, европейскихъ и азіатскихъ составленныя; гарнизоны крѣпостей на лѣвомъ берегу Дуная усилены, и предъ самою Журжею, въ совершенную противность столь одобряемаго Портою перемирія, составленъ былъ лагерь изъ 25.000 человѣкъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и долженъ я былъ опасаться ежедневной атаки и въ необходимости нашелся усилить ввѣренную мнѣ армію войсками изъ за Днѣстра, и принять всѣ мѣры предосторожности, къ отраженію всякаго нападенія.

Въ продолженіи всего того времени, Мустафа паша рущукскій, бывшій потомъ верховнымъ визиремъ, неоднократно относился ко мнѣ, какъ письменно, такъ и словесно, чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, о приступѣ къ мирнымъ негоціаціямъ, безъ всякаго чужаго посредства, къ чему я тогда, по вышеписаннымъ причинамъ приступить не могъ; тѣмъ не мѣнѣе, однако же, обязанностію моею началъ доводить оное всегда до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, минувшаго года, получилъ на то Высокомонаршее разрѣшеніе Государя Императора, по чему не теряя ни мало времени, отнесся я, о присылкѣ полномочныхъ къ верховному визирю, письмомъ, приложеннымъ здѣсь въ копіи, подъ литерою *Е*. Теперь долженъ я еще коснуться до статей, предполагаемыхъ прелиминаріею.

Первая и вторая статья не будутъ подвержены никакому затрудненію; но третья, въ совокупности съ четвертою, наиболѣе будутъ турецкими полномочными оправергаемы. Не взирая на это, отъ силы и содержанія оныхъ вы, ни подъ какимъ видомъ, отступать не должны, упираясь, какъ выше описано, на справедливости требованія Государемъ Императоромъ удовлетворенія за убытки, причиненные ему войною, столь не справедливо Портою начатою. Но въ то же время можете вы имъ обѣщать, что Его Императорское Величество, въ вящшій доводъ искренняго своего расположенія къ миру, соизволяетъ доставить Портѣ выгоды, въ удобнѣйшемъ пріобрѣтеніи хлѣба, соли и другихъ продуктовъ изъ сихъ княжествъ, дозволяя Портѣ безпошлинный вызовъ опредѣленнаго количества тѣхъ произведеній сей земли. Весьма вѣроятно, что полномочные турецкіе будутъ предлагать разныя, относительно сихъ княжествъ, модификаціи, какъ, напримѣръ: назначеніе отъ двора россійскаго къ управленію оными князя, или князей, и оставленія ихъ подъ верховною властію турецкаго и подъ гарантіею россійскаго двора, и тому подобныя; но всѣ таковыя ограниченія вами въ уваженіе приняты быть не могутъ.

Пятая и шестая статьи относятся до сербовъ и содержатъ только тѣ выгоды и преимущества, которыя уже предъ симъ отъ Порты имъ предлагаемы были, кромѣ одного покровительства Государя Императора, на что уповательно полномочные турецкіе, безъ дальнѣйшаго затрудненія, согласятся. Но есть ли бы они возразили, что сербы не исполнятъ настоящаго о нихъ постановленія, и полномочные бы требовали, чтобы Россія, пріемля на себя покровительство и гарантію въ пользу сербовъ, принудила бы ихъ какъ къ исполненію ихъ обязанности, такъ и къ тому, чтобы оставались они въ спокойствіи и тишинѣ, тогда можете вы предложить полномочнымъ, присовокупить къ мирному трактату особую секретную статью, въ которой постановить, что если бы сербы не довольствовались настоящимъ о нихъ постановленіемъ, и начали бы опять войну противу Порты, въ такомъ случаѣ Его Императорское Величество, отрекаясь отъ пріемлемаго на себя покровительства сербовъ, представляетъ ихъ собственной ихъ судьбѣ и единственному распоряженію Порты, безъ всякаго со стороны россійскаго Императорскаго двора вліянія.

Седьмая статья касается до Азіатскихъ предѣловъ. Для большаго объясненія сихъ обстоятельствъ прилагаю при семъ, подъ литерою *Ѣ*, копію съ записки, доставленной мнѣ отъ генералъ-фельдмаршала графа Гудовича. Признаніе Грузіи, Имеретіи, Мин-

греміи и Гуріи во владѣніе Императора Всероссійскаго, и оставленіе Абхазіи подъ покровительствомъ Россіи, ни какого пожертвованія со стороны Порты не составляетъ; ибо области сіи не состоятъ во владеніи ея, и первыя двѣ всегда были болѣе зависимы отъ Персіи. Крѣпостца Поти также большаго для Порты уваженія не заслуживаетъ; ибо, находясь на границѣ Гуріи со стороны Мингреліи, удалена она отъ предѣловъ турецкихъ, и болѣе 70 лѣтъ не была занимаема отъ Порты; оставаясь же посреди владѣній россійскихъ, будетъ всегда причиною раздоровъ и несогласій. Впрочемъ, статья сія не встрѣтитъ большихъ затрудненій, есть ли прежнія утвердятся, и то тѣмъ болѣе, что предѣлы турецкіе остаются съ той стороны прежніе.

Осьмая статья не можетъ Портѣ причинить ни вреда, ни опасенія, тѣмъ болѣе, что число проходящихъ кораблей крайне ограниченно.

Изложивъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя къ руководству вашему служить могутъ, я нужнымъ нахожу дополнить, что естьли никакія убѣжденія не въ силахъ будутъ склонить турецкихъ полномочныхъ къ подписанію тѣхъ прелиминарныхъ статей, тогда вы, точно на томъ основаніи, какъ выше сказано на случай недостаточныхъ полномочій, объявите турецкимъ полномочнымъ, что конгресъ разрушенъ, что тѣмъ самымъ уничтожится существовавшее доселѣ прекращеніе военныхъ дѣйствій, которыя и они, по тому же праву, начать могутъ, когда за благо признаютъ; что относительно особъ самихъ полномочныхъ и ихъ свиты, они могутъ возвратиться за Дунай, съ тою же почестью и доказательствами дружбы, съ каковыми прибыли, и что, наконецъ, естьли они рѣшатся ожидать на правомъ берегу Дуная новыхъ отъ Порты разрѣшеній, то, по полученіи ими оныхъ, я, во всякое время, готовъ буду приступить къ мирнымъ переговорамъ, съ тѣмъ, однако же, что затѣмъ военныя дѣйствія, ни въ какомъ случаѣ, до заключенія мира, оставлены не будутъ, какъ то неоднократно между европейскими державами производилось, и, между прочимъ, во время вестфальскаго конгресса, семь лѣтъ продолжавшагося, на которомъ трактовались важнѣйшіе интересы почти цѣлой Европы. Присовокупить имъ, однако же, тутъ, что естьли таковымъ упорствомъ Порты кровопролитіе опять начнется, то я не пріемлю на себя отвѣтственность, чтобы Государь Императоръ согласился заключить миръ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, которыя нынѣ Портѣ предлагаетъ.

Я полагаю, что и тутъ будутъ они просить отсрочки для отправленія курьера въ Константинополь, съ испрошеніемъ дальнѣйшихъ разрѣшеній; но на сіе никакъ вамъ согласиться не должно.

Если встрѣтятся такія обстоятельства, которыя въ сей предначертаемый вамъ планъ не входятъ, въ такомъ случаѣ можете выйти въ свою комнату для разсужденія, и между тѣмъ чрезъ одного изъ васъ испросить моего разрѣшенія; буде же предметъ встрѣтится важный и требующій продолжительнаго размышленія, то можно взять дѣло *ad referendum*, до будущаго засѣданія; но сего безъ нужды не дѣлать, для избѣжанія напрасной потери времени.

Приложеніе № 4.

Князь Александръ Александровичъ! въ рескриптѣ отъ 19-го декабря прошлаго года я изъяснилъ вамъ желаніе мое и причины, побуждающія какъ можно скорѣе обнаружить истинныя расположенія Порты къ миру, или войнѣ, дабы воспользоваться частію зимней кампаніи, въ случаѣ несогласія турецкихъ полномочныхъ на прелиминарныя статьи. Въ послѣднихъ депешахъ вашихъ, отъ 31 декабря, вы объяснили нѣкоторыя трудности, не позволяющія открыть кампаніи прежде марта. Я уважаю разсужденія ваши, основанныя на познаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, и на воинскомъ обозрѣніи тамошняго края. Однако, я почитаю нужнымъ вторично поставить вамъ въ виду, что доходящія сюда извѣстія, совокупно утверждаютъ, о намѣреніи Порты медлить переговорами и выигрывать время, выжидая благопріятнѣйшихъ для себя происшествій, что весьма согласуется съ настоящимъ положеніемъ сей имперіи. Къ сей увѣренности присовокупляется еще другая, ни малѣйшему сомнѣнію не подверженная, что турки не согласятся уступить границы по Дунай, не бывъ къ тому принуждены силою оружія. А затѣмъ, вы сами видите, что не остается другаго средства достигнуть до желаемаго мира, какъ посредствомъ войны, къ начатію коей, безъ отлагательства, сколько побуждаютъ съ одной стороны надежды на выгодное положеніе дѣлъ нашихъ относительно Порты, столько же и европей-

скія обстоятельства, вообще, къ тому призываютъ, дабы воспользоваться стеченіемъ происшествій, кои могутъ перемѣниться.

Я увѣренъ, что вы, убѣдясь сими разсужденіями, не допустите при самомъ открытіи конгресса, чтобы турецкіе полномочные достигли до цѣли своей, похищая напрасными переговорами драгоцѣнное время, которое вы можете употребить для увеличенія славы и пользы своего отечества. Даже и въ такомъ случаѣ, когда бы дѣло дошло до преодолѣнія естественныхъ преградъ или непредвидимыхъ препятствій, зная отличныя ваши дарованія, подкрѣпляемыя усердіемъ къ отечеству и храбростію войскъ, начальству вашему ввѣренныхъ, я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы сіи трудности не должны были уступить вашей дѣятельности, будучи во увѣреніи, что вы, вступивъ на старые слѣды вашихъ подвиговъ, пріобрѣтете себѣ и отечеству новую славу. Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
Января, 23-го дня,
1809 г.

Приложеніе № 5.

Князь Александръ Александровичъ! Послѣднія извѣстія отъ барона Гюбша, при донесеніи вашемъ, въ свое время я получилъ. Содержаніе ихъ столь уважительно, что я счелъ нужнымъ настоящее предписаніе по особенной его важности отправить къ вамъ нарочно, съ флигель-адъютантомъ моимъ полковникомъ Ставицкимъ.

Перемиріе, доселѣ съ Портою существовавшее, основано было на правилахъ умѣренности, коихъ я постоянно въ семъ дѣлѣ, съ самаго начала, держался, и на коихъ желалъ основать миролюбное его окончаніе.

Посреди сихъ мирныхъ сближеній, Порта перемѣнила свое поведеніе. Готовясь съ нами говорить о мирѣ, она между тѣмъ допустила къ себѣ англійскаго полномочнаго и, слѣдовательно, отвергла на дѣлѣ то, что на словахъ предлагала.

Поступокъ сей пріемлю я совершеннымъ разрывомъ и прекращеніемъ перемирія.

И вслѣдствіе того поручаю вамъ, избравъ одного изъ надежнѣйшихъ офицеровъ, въ подобныхъ случаяхъ вами употребляемыхъ, отправить его, немедленно по полученіи сего, въ Константинополь, и именемъ моимъ, и по точному моему повелѣнію объявить турецкому министерству:

«Что пріемъ англійскаго полномочнаго въ Константинополѣ «считаю я совершеннымъ разрывомъ перемирія;

«Что вслѣдствіе того не будутъ приняты никакія предло«женія о мирѣ, хотя бы даже и уполномоченные ихъ на мѣсто прибыли, естьли англійской министръ не будетъ высланъ, и по«сланный вами чиновникъ, *чрезъ два дни*, не отправится съ от«вѣтомъ, въ точности сему требованію удовлетворяющимъ;

«Что сей *двудневный срокъ* есть послѣдній, и что по воз«вращеніи посланнаго отъ васъ, безъ удовлетворительнаго от«вѣта, имѣете вы повелѣніе открывать военныя дѣйствія».

Ославъ чиновника съ таковымъ объявленіемъ, вы не оставите устроить сообразно тому и ваше поведеніе и сдѣлать всѣ распоряженія, чтобъ, естьли по истеченіи срока отвѣта не будетъ, или будетъ онъ тогда по силѣ объявленія неудовлетворителенъ, дѣйствовать тогда, съ помощію Божіею, ввѣренными вамъ силами рѣшительно. До тѣхъ же поръ, съ полномочными не входить въ переговоры, изъяснивъ имъ всѣ вышеписанныя причины. Пребываю вашимъ всегда доброжелательный.

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
Февраля, 5-го дня,
1809 г.

Приложеніе № 6.

Диспозиція.

По данному мною вчерашняго числа росписанію корпуса, мнѣ ввѣреннаго, всѣ начальники принимаютъ сего числа назначеніе по оному колоннъ, и выступить сего числа въ походъ изъ деревни Филаштока, пополудни въ 5 часовъ въ Даю, куда прибыть должны къ полуночи, слѣдующимъ образомъ:

Первая обсерваціонная колонна, подъ начальствомъ полковника Лопухина, которая составляетъ до Даи авангардъ; за оною слѣдуютъ 1, 2, 3, 4 и 5 колонны.

Генералъ-маіоръ графъ Цукато приказываетъ занять Даю, сего вечера въ 8 часовъ, казаками донскаго полка Грекова, находящимися въ деревнѣ Суатъ.

Въ Даѣ всѣ колонны получаютъ фашины, которыя несть съ собою, по 6 штурмовыхъ лѣстницъ, и формируются слѣдующимъ образомъ:

Авангардъ изъ 20 казаковъ для открытія, передъ колонною 20 человѣкъ піонеровъ съ плотниками изъ баталіоновъ; 60 человѣкъ рабочихъ для носки лѣстницъ, которые, несучи дорогою, перемѣняются піонерами и плотниками; за оными изъ каждаго баталіона по 20 человѣкъ охотниковъ, составляющіе 60 человѣкъ, за оными слѣдуетъ полкъ, за коимъ одинъ баталіонъ, который для каждой колонны составляетъ резервъ, при эскадронѣ гусаръ и сотнѣ казаковъ.

Такимъ образомъ каждая колонна слѣдуетъ самымъ тихимъ образомъ и въ достодолжномъ порядкѣ, при своихъ квартирмейстерахъ, на назначенныя по росписанію до самой крѣпости Журжи, на предполагаемыя мѣста, гдѣ съ поможію Божіею предпріемлется штурмъ.

Во время слѣдованія отъ Даи къ крѣпости, г-нъ генералъ-маіоръ графъ Цукато прикажетъ окружить деревею Чедыръ-Джоглу казачьимъ полкомъ Грекова, которымъ занимаемъ Дая, и однимъ эскадрономъ гусаръ, ежели не занята непріятелемъ оная, то входятъ въ деревню.

Прибытіе къ крѣпости колоннамъ должно быть по утру въ четыре часа; я буду имѣть свое мѣстопребываніе съ инженеръ генералъ-маіоромъ Гартингомъ, на правотъ флангѣ, между пер-

вой и второй колоннами, и дамъ сигналъ къ штурму спущеніемъ ракеты.

Обсерваціонная колонна, подъ начальствомъ полковника Лопухина, слѣдуетъ изъ Даи къ Слободзеи, занимаетъ оную, остается тамъ и обсервовываетъ Дунай, дабы изъ Рущука, на случай, не дали бы сикурса.

Съ 3 колонною генералъ-маіоръ Ставицкій войдетъ въ ретраншементъ передъ самою крѣпостью, по дорогѣ изъ Турбата. Оставитъ свой резервъ на самомъ ретраншементѣ и старается все вниманіе непріятеля привлечь на себя, безъ штурма на самую крѣпость, дабы оттянуть отпоръ непріятельскій на правый флангъ 1-й и 2-й, и лѣвый 4-й и 5-й колоннъ; однако, ежели непріятель бросится толпой въ крѣпость изъ города, то онъ съ нимъ войдетъ въ оную.

Тремъ эскадронамъ гусаръ слѣдовать съ 3 колонною; коль скоро сія колонна войдетъ въ ретраншементъ, то оные эскадроны принимаютъ предъ ретраншементомъ: два направо и одинъ влѣво, остаются по хребту у Дуная, гдѣ оканчивается ретраншементъ, и ожидаютъ повелѣнія моего. Каждый оберъ-квартирмейстеръ и инженерный офицеръ, опредѣленный въ колонну, снабжается планомъ, гдѣ и на какое мѣсто вести оную.

Артиллерійскимъ начальникамъ при каждой колоннѣ должно имѣть свои орудія во время штурма при резервѣ; резервъ не долженъ быть далѣе отъ колонны, которая идетъ на штурмъ, какъ отъ 150 до 200 саженъ, дабы ежели которой колоннѣ и не было бы удачи въ штурмѣ,чего быть не можетъ, и принуждена бы была ретироваться, тогда могли бы быть подъ прикрытіемъ и защищеніемъ артиллеріи.

Люди имѣть на себѣ должны трехдневный провіантъ; весь обозъ остается въ Филаштокѣ у переправы чрезъ рѣку Кильништъ; къ прикрытію онаго назначается одинъ баталіонъ 27-го егерскаго полка.

Его сіятельство господинъ генералъ - фельдмаршалъ князь Прозоровскій, между прочими данными мнѣ наставленіями, сказалъ: что касательно дисциплины, его сіятельство увѣренъ, что оная содержима будетъ въ наилучшемъ порядкѣ; грабительство и неприличные поступки, самые храбрые подвиги затмятъ въ глазахъ его сіятельства.

Я знаю солдатъ, коими я командую; въ успѣхѣ не сомнѣваюсь, а въ наблюденіи порядка увѣренъ.

Господа генералы, командующіе частьми, всѣ извѣстны своими подвигами; дѣло солдатъ слѣдовать ихъ примѣру, повиноваться, малѣйшій безпорядокъ можетъ быть пагубенъ; кто оному причиною, будетъ вреденъ чести и славѣ полковъ; я люблю добрыхъ солдатъ и истреблю виновниковъ.

Когда ретраншементъ форштадта занятъ, тутъ наиболѣе соблюдать устройство. Ни одинъ не долженъ оставлять своего мѣста; въ улицахъ удвоить стараніе соблюсти порядокъ, и посоѣшно достигнуть до крѣпости, тогда побѣда, труды, награды, успѣхъ, честь и слава.

Его сіятельство г-нъ генералъ-фельдмаршалъ отдастъ каждому справедливость.

Филаштокъ.
Марта, 23-го дня,
1809 г.

Къ приложенію № 6.

Росписаніе корпусу въ колоннахъ.

1-ю Колонною командуетъ *г.-м. Палицынъ*: 2 бат. Апшеронскаго полка, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ, 2 орудія легкихъ, казаковъ одна сотня Астахова полка, 20 человѣкъ піонеровъ, при оной колоннѣ оберъ-квартермейстеръ маіоръ *Тропоръ*.

2-ю Колонною командуетъ полковникъ Бриммеръ, 2 батал. Малороссійскихъ, и 2 баталіона Олонецкого, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ, 2 орудія легкихъ, казаковъ одна сотня Астахова, 20 чел. піонеровъ. За оберъ-квартермейстера инженеръ-поручикъ Гулькопіусъ.

3-ю Колонною командуетъ *генералъ-маіоръ Ставицкій*.

2 батал. Новоингерманландскаго мушк. полка и одинъ баталіонъ Олонецкій, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ, 2 орудія легкихъ, одна сотня казаковъ Астахова, 20 человѣкъ піонеровъ. За оберъ-квартермейстера подпоручикъ Милорадовичъ.

4-ю и 5-ю колонною командуетъ *генералъ-маіоръ графъ Шукато*.

4) Колонною командуетъ *генералъ-маіоръ Ушаковъ*.

2 батал. Одесскаго мушк. полка, и два бат. 6-го Егерскаго, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ, 2 орудія лег-

кихъ, одна сотня казаковъ Астахова, 20 человѣкъ піонеровъ. За оберъ-квартермейстера поручикъ Аганьевъ.

5-ю Колонною командуетъ *полковникъ Толбухинъ.*

2 батал. Орловскаго мушк. полка и одинъ баталіонъ 6-го Егерскаго полка, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ, 2 орудія легкихъ, одна сотня казаковъ Астахова, 20 человѣкъ піонеровъ. Оберъ-квартермейстеръ инженеръ-маіоръ Грамберхъ.

Обсерваціонный командиръ *полковникъ Лопухинъ.*

Одинъ баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полка, 1 эскадронъ гусаръ, 2 орудія батарейныхъ и 2 орудія конной артиллеріи. Въ 1-й, 2-й и 3-й колоннахъ командуетъ артиллеріею маіоръ Веселицкій, въ 4-й и 5-й колоннахъ командуетъ артиллеріею *маіоръ Малденко.*

Остающимся четыремъ эскадронамъ гусаръ означены будутъ мѣста въ диспозиціи.

Приложеніе № 7.

Нельзя безъ сожалѣнія, не только предводителю войскъ, но и всякому россіянину, видѣть случившееся прошедшей ночью предпріятіе только ретраншамента около форштата крѣпости Браиловской, когда батареями, апрошами, доведено было въ 3-хъ мѣстахъ, въ одномъ на 300, а въ прочихъ на 250 саженей отъ рва, и когда нашими непріятельскія батареи были сбиты, что дѣлаетъ честь артиллерійскому корпусу; сверхъ сего учреждена батарея при берегѣ Дуная съ апрошами, и сады по сю сторону заняты были егерями; при сихъ укрѣпленіяхъ были сборныя мѣста, на кои ни малѣйшаго отпору отъ непріятеля не было дѣлано. Данную диспозицію отъ г. генералъ-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова я разсматривалъ и утвердилъ, зная притомъ и положеніе околичныхъ мѣстъ крѣпости, кои самимъ мною были разсматриваемы, колонны собрались на сборныя мѣста. Фосъ-аттаку назначено было вести лѣвому флангу, которую велѣно было не прежде начать, какъ когда колонны аттакующія вступятъ уже въ дѣйствіе; въ то время двумъ отдѣленіямъ, по 200 человѣкъ, приближась ко рву стрѣлять и кричать ура! но сдѣлано тому противное. Едва двинулись колонны ко рву, то тѣмъ

и начато, отъ чего непріятель приведенъ былъ въ осторожность. Охотниками и рабочими съ лѣстницами, при коихъ предъ каждой колонной были опредѣлены по одному піонерному офицеру, лѣстницы поставлены въ лѣвой колоннѣ подъ командою генералъ-маіора князя Вяземскаго; съ охотниками были камеръ-юнкеръ и гвардіи прапорщикъ Самойловъ и адъютантъ генералъ-лейтенанта Эссена 1-го Бокъ, и когда рабочіе взошли на валъ, то болѣе четверти части подкрѣпленія не было; графъ Самойловъ былъ раненъ и они были разбиты; а аттакующія колонны, приближась только ко рву, начали стрѣлять и кричать, хотя имъ запрещено было, прежде когда не будутъ уже на валу; и вдругъ спустясь всѣ колонны въ ровъ, когда бы должно молчать и по баталіонно спущатся, средняя колонна подъ командою генералъ-маіора Хитрово, спустясь первая, начала во рву стрѣлять, а потомъ и всѣ тому же примѣру послѣдовали. Одна правая колонна генералъ-маіора Рѣпнинскаго, при которой находился и генералъ-лейтенантъ Алсуфьевъ 3-й, какъ мнѣ донесено было, чрезъ посланнаго отъ меня адъютанта барона Барвеца, взошла на валъ и взяла батарею; а какъ Хитрово колонна была во рву и генералъ-лейтенантъ Алсуфьевъ потребовалъ резервъ къ себѣ, то сіе понудило меня и Хитрово подкрѣпить резервомъ, чтобы подкрѣпя тѣмъ Алсуфьева, удержать занятый валъ; но послѣ Алсуфьевъ донесъ, будто-бы были сбиты въ ровъ резервы, на подкрѣпленіе посланные. Спустясь въ ровъ, они также стрѣляли; каковому печальному позорищу я былъ свидѣтель и не могу надивиться, отчего теперь ввелось въ войскахъ, что въ полѣ, гдѣ надобно стрѣлять, тамъ на штыки идутъ, а тутъ гдѣ штыки нужны, тамъ производятъ пальбу? Таковой поступокъ былъ причиною большой потери въ людяхъ, безъ всякой пользы, что ни начальникамъ колоннъ, ни войскамъ, славы не дѣлаетъ. Турки, стрѣляя по нашимъ сверху въ ровъ, могли и каменьями ихъ убивать, а стрѣльба изъ рва вверхъ не могла непріятелю причинить вредъ и, конечно, уронъ непріятельскій великъ быть не можетъ. Между тѣмъ насталъ день — по такому безпорядку не могъ я сдѣлать никакого поправленія, и съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ и пролитіемъ слезъ, принужденъ былъ велѣть ретироваться, что крайне было затруднительно, тѣмъ болѣе, что батареи наши, доколѣ очистились отъ ретирующихся войскъ, не имѣли способствовать при ретирадѣ. Гарнизонъ непріятельскій не преслѣдовалъ. Конечно, остерегался онъ нашихъ батарей, а притомъ ретирада изъ лагеря въ удобныхъ мѣстахъ войсками была прикрыта. Что

не менѣе означаетъ слабость гарнизона, это-то: что турки едва вышли за валъ, въ развалины сожженныхъ ими строеній и ретирующихся войскъ, — въ саду оборонялись хорошо и непріятелю сдѣлали уронъ; въ помощь имъ посланы были при эскадронѣ драгунъ, орудіе конной артиллерін; но турки тотчасъ ретировались въ ретраншаменты; ретирада изо рва не могла иначе быть, какъ по малымъ частямъ; честь дѣлаетъ войску, что нижніе чины вытерпѣвали убійство, не трогались съ мѣста прежде повелѣнія, и выйдя изо рва шли тихимъ шагомъ; но нѣкоторые солдаты пробирались по деревнямъ мародировать, и посланными казаками возвращены.

О всѣхъ поступкахъ чиновниковъ, кто какое имѣлъ въ семъ дѣлѣ, я приказалъ г. генералъ-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову собрать основательныя свѣдѣнія, и разсмотрѣвъ, мнѣ съ мнѣніемъ его представить. Между тѣмъ я, какъ усердный слуга Монарху и отечеству, счастіемъ желаю жертвовать, въ древнихъ моихъ лѣтахъ, послѣдними днями жизни моей, какъ и должно каждому россіянину, носящему почтенное званіе военнаго человѣка, поставлять жизнь менѣе его обязанности, чиновники-жъ званіе сіе сами на себя пріемлютъ. — Осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что впредь таковаго печальнаго позорища и таковаго безпорядка видѣть не буду; каковой неслыханный въ самыхъ сраженіяхъ въ войскахъ безпорядокъ, прежнюю славу россійскихъ войскъ помрачить долженъ.

При перевязкѣ раненыхъ, замѣчены пьяные солдаты, что означаетъ совершенную безпечность, начиная съ частнаго начальника лагеря и до фельдфебеля, что за симъ не блюли, ибо пьяной, какъ безумной, все равно, будетъ храбръ безъ разбора, равно и трусъ; не мѣнѣе странно видѣть въ регулярномъ войскѣ, что вмѣсто разряжанія ружей, солдаты изъ нихъ стрѣляютъ, а многіе генералы равнодушно на сіе смотрятъ. Всегда въ порядочныхъ войскахъ, войдя въ лагерь, разрядить должно ружье и вычистить и такъ впредь, чтобъ я сего неистовства не видалъ.

Приложеніе № 8.

Князь Александръ Александровичъ, въ тотъ же день, какъ дошло ко мнѣ донесеніе ваше отъ 11-го мая, получено здѣсь извѣстіе, о занятіи Французскимъ Императоромъ Вѣны. Быстрые его успѣхи противъ Австріи отъемлютъ всякое вѣроятіе, чтобъ сія держава могла озаботить насъ своимъ, на турецкія дѣла, вліяніемъ. Озабочиваетъ меня напротивъ та перемѣна, которую предполагаете вы ввести въ планъ вашихъ движеній. Перемѣна сія основана на такихъ усмотрѣніяхъ, кои не могутъ быть соглашены съ настоящимъ положеніемъ вещей. Изображу вамъ кратко въ чемъ оно состоитъ.

Война между Франціею и Австріею возникшая, по быстротѣ ея движеній, не можетъ долго продолжаться; настоящіе успѣхи ручаются въ будущихъ; но есть ли бы, противъ всѣхъ очевидныхъ вѣроятностей, и можно еще было колебаться въ заключеніи о рѣшительномъ ихъ концѣ; то нельзя, однако же, ни какъ предполагать, чтобъ Австрія, среди сей войны, или по окончаніи ея, вдругъ могла найти себя въ мѣрѣ. противодѣйствовать намъ на Дунаѣ.

Между тѣмъ, въ дѣлахъ шведскихъ, я имѣю всѣ причины предвидѣть близкій конецъ. По отреченіи Короля отъ престола и по совершенномъ преобразованіи политической системы, къ коей держава сія прилѣплялась, всѣ помышленія ея приклонились къ миру. Необходимость его для Швеціи и положительныя ея къ тому вызовы ручаются мнѣ въ скоромъ его совершеніи.

Изъ сего краткаго начертанія настоящаго положенія дѣлъ усмотрѣть вы можете: что заботы наши со стороны Австріи не могутъ имѣть никакого основанія; не могутъ онѣ быть ни малѣйшимъ поводомъ къ перемѣнѣ принятыхъ нами прежде расположеній. Напротивъ, война сія должна ускорить наши движенія: въ настоящемъ положеніи всего важнѣе и драгоцѣннѣе время. Не могу вамъ довольно изобразить, какъ всякая потерянная минута кажется мнѣ здѣсь наипаче не возвратною.

И такъ, ни мало не отступая отъ прежнихъ предположеній и, напротивъ, считая ихъ со дня на день болѣе настоятельными, я желаю, чтобъ всѣ усилія употребили вы къ переходу за Дунай и къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Мѣры осторожности, полагаемыя вами къ обезпеченію тыла, по мнѣнію моему, могли бы быть замѣнены и ограничены устрое-

ніемъ на сей сторонѣ Дуная укрѣпленнаго ретраншаментами лагеря, и постановленіемъ на сторонѣ противолежащей сильнаго tete de pont.

Работа сія можетъ быть препоручена, подъ наблюденіемъ искуснаго инженера, резервному корпусу.

Обезпечивъ симъ образомъ достаточно вашъ тылъ и двинувшись силами вашими за Дунай, вы могли бы предварить себя впечатлѣніемъ страха, который быстрымъ и сильнымъ движеніемъ всегда предшествуетъ.

Въ семъ впечатлѣніи, весьма полѣзное дѣйствіе могло бы произойти, есть ли бы, съ тѣмъ же нарочнымъ, съ коимъ отправите вы препровождаемыя при семъ французскія депеши, внушили вы непріятелю:

1) Что столица Австріи занята Французскимъ Императоромъ, 2) что дѣла наши съ Швеціею положены на мѣрѣ счастливаго окончанія, 3) что со стороны самой Персіи имѣемъ мы неоднократно повторенныя о мирѣ предложенія. Стеченіемъ всѣхъ силъ обстоятельствъ могутъ они измѣрить превосходство нашихъ усилій, и мѣра сія, безъ сомнѣнія, должна произвести полезныя дѣйствія, когда вмѣстѣ съ сими внушеніями увидятъ они войска наши за Дунаемъ.

Такимъ образомъ, всѣ уваженія настоящихъ обстоятельствъ приводятъ къ одному и тому же заключенію, то есть къ необходимости скораго движенія. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, коего отправляю къ вамъ съ сими депешами, имѣетъ отъ меня повелѣніе, лично, въ большей подробности, изобразить вамъ мысли мои о настоятельности сихъ уваженій. Я желаю, чтобъ съ свойственнымъ вашъ благоразуміемъ, измѣривъ ихъ во всемъ пространствѣ, и ощутивъ всю силу ихъ необходимости, обратили вы на нихъ все вниманіе и дѣятельность, коихъ отъ ревности и опытности вашей и довѣрія моего къ вамъ я несомнѣнно ожидаю и надѣюсь. Пребываю всегда вамъ благосклоннымъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ
въ 20 день мая 1089 г.

Приложеніе № 9.

(В. Уч. Арх. № 1395 стр. 53—60).

Мнѣніе генерала отъ инфантеріи князя Багратіона.

Дабы составить планъ предпріемлемой кампаніи, надлежитъ положить основаніемъ точное соображеніе силъ, въ распоряженіи главнокомандующаго состоящихъ. Изъ прилагаемаго при семъ росписанія явствуетъ, что ограничивъ, до самаго нельзя, гарнизоны въ крѣпостяхъ и городахъ, и внутреннія надобности, потребно для того 13 баталіоновъ пѣхоты и 4 полка казачьихъ; на флотилію необходимо нужно 5 баталіоновъ; для огражденія Малой Валахіи отъ набѣговъ турецкихъ со стороны Виддина и Кладова, и для обереженія магазейновъ въ Краіовѣ и Слатинѣ, назначается 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, 1 полкъ казачій и полъ-роты конной артиллеріи. Отрядъ въ Сербію отправленный составленъ изъ 11-ти баталіоновъ пѣхоты, 3-хъ полковъ казачьихъ, полуроты батарейной артиллеріи и полуроты конной артиллеріи. Для блокады крѣпости Журжи, для занятія Турны, Зимницы и Слободзеи, для каларашскаго поста противу Силистріи, и для внутренныхъ гарнизононовъ, необходимо нужно 20 баталіоновъ пѣхоты 15 эскадроновъ кавалеріи, 3 полка казачьихъ, полторы роты батарейной артиллеріи, полъроты конной артиллеріи, 5 ротъ осадной артиллеріи и полъроты піонеръ. Изъ числа назначенныхъ въ Малую и Большую Валахію, 20-ть эскадроновъ кавалеріи, могутъ со временемъ отдѣлены быть 5 эскадроновъ для подкрѣпленія отряда въ Сербіи.—И такъ, за всѣми таковыми расходами остается, сверхъ отряда Сербскаго, для дѣйствія на правой сторонѣ Дуная, 83 баталіона пѣхоты, 95 эскадроновъ кавалеріи, 16 полковъ казачьихъ, 6 ротъ батарейной артиллеріи, $4\frac{1}{2}$ роты конной артиллеріи и 2 роты піонеръ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для достиженія цѣли настоящей войны, надлежитъ обратить главныя силы на центральный сборный пунктъ войскъ турецкихъ, то есть на Шумлу. И для того полагаю я составить главный, или центральный корпусъ арміи, самымъ сильнѣйшимъ. Путемъ, то есть переходомъ, близь Туртукая, идти на Шумлу, и аттаковать армію Верховнаго Визиря тамъ, гдѣ оная ветрѣтится. Но есть ли оставить изъ виду крѣпости въ тылу остающіяся, силы непріятельскія съ права и съ лѣва, могущія сдѣлять сильныя диверсіи, и даже самый тотъ

корпусъ тревожить съ фланговъ, пярехвачивать транспорты и пресѣчь оному коммуникацію съ лѣвымъ берегомъ Дуная, то предположенная цѣль достигнута быть не можетъ. Не малыя силы турецкія находятся въ Базарджикѣ, подъ предводительствомъ Пегливанъ-Паши, а весьма значущія въ Варнѣ, которыя безпрестанно подкрѣпляемы быть могутъ изъ Константинополя и изъ Азіи. Съ правой стороны Никополь находится въ центрѣ всей Болгаріи. Окружающіе оный уѣзды, преимущественно предъ всѣми прочими, наилучше обработаны и наиболѣе населены, какъ христіанами, такъ и турками, которые весьма къ войнѣ пріобыкли. Знатная сила и почти все продовольствіе арміи турецкой получается изъ уѣздовъ по сію сторону Балкановъ. Если всѣхъ тѣхъ военныхъ обывателей оставить спокойными и безопасными въ ихъ уѣздахъ, то побѣгутъ они на помощь другихъ уѣздовъ аттакованныхъ; но коль скоро угрожаемы и аттакуемы будутъ сами, то магометане поспѣшатъ спасать свои семейства и свое имѣніе, и не захотятъ, и не возмогутъ идти на помощь другихъ уѣздовъ верхней и нижней Болгаріи. Тогда у непріятеля отнимется способъ набирать тамъ войска, а хлѣбъ и фуражъ обратятся въ пользу арміи нашей, особливо, есть ли со всею строгостію соблюдены будутъ правила дружелюбнаго обхожденія съ христіанскими обывателями, и они ограждены будутъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій.

По всѣмъ таковымъ соображеніямъ, признаю я необходимо нужнымъ, раздѣлить вышеупомянутыя, остающіяся въ распоряженіи главнокомандующаго войска, на три корпуса, которые должны наступать: одинъ со стороны Гирсова, другой отъ Тортукая, а третій отъ Никополя. Сей послѣдній долженъ состоять изъ 18-ти баталіоновъ пѣхоты, 15-ти эскадроновъ кавалеріи, 3-хъ полковъ казачьихъ, 1-й роты батарейной артиллеріи, полуроты конной, полуроты піонеръ и полуроты понтонной. Онъ переправится чрезъ Дунай, въ трехъ часахъ выше города, гдѣ турки всегда опасались перехода, поелику рѣка тамъ гораздо уже, нежели въ прочихъ мѣстахъ. Для учрежденія переправы имѣется, построенныхъ по предписанію моему, 15 способныхъ къ тому судовъ; а къ устроенію моста велѣно собрать около 30 судовъ на Ольтѣ и Жіи, и строятся уже 80 новыхъ понтоновъ, на подобіе тѣхъ, изъ коихъ составленъ мостъ Гирсовскій.—Корпусъ сей, по переходѣ, долженъ стараться, тотчасъ, овладѣть Никополемъ. Положеніе его не позволяетъ долговременнаго сопротивленія; притомъ же, не можетъ онъ получить помощи ни отъ куда, кромѣ изъ Систова, который за-

виситъ отъ Боснякъ-Аги, непримиримаго врага Аяна Никопольскаго, такъ, что ни Боснякъ-Ага не захочетъ послать ему помощи, ни онъ принять ее. Взятіе сего города заставитъ и Турну сдаться. По занятіи Никополя, одинъ отрядъ сего корпуса, изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи и одного казачьяго полка состоящій, пойдетъ на Плевну, Ловчу, Рахову, Вратцу и Берковцу. Надѣяться должно, что мѣстечки сіи сдадутся безъ дальняго сопротивленія; ибо они имѣютъ либо весьма мало артиллеріи, либо вовсе никакой, и рвы ихъ не суть ни широки, ни глубоки.

Отъ Берковцы до Виддина, или до того мѣста, гдѣ возьметъ позицію генералъ-маіоръ Исаевъ на рѣкѣ Тимокѣ, не болѣе 16 часовъ или 80 верстъ; а какъ ему предписано дѣлать поиски впередъ, по Константинопольской дорогѣ, то симъ способомъ и можетъ учредиться связь и сношеніе между тѣми двумя отрядами.—Остальная часть сего корпуса, состоя изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты, 10-ти эскадроновъ кавалеріи и 2-хъ полковъ казачьихъ, съ батарейною артиллеріею, пойдетъ отъ Никополя къ Систову. Рвы сего города болѣе уважительны; въ ономъ находится также нѣкоторое число артиллерійскихъ орудій, къ оборонѣ же своей можетъ онъ собрать до 2.000 человѣкъ; но дома въ ономъ чрезвычайно стѣснены, такъ, что они дѣйствіемъ артиллеріи, вскорѣ раззорены и обыватели къ сдачѣ, принуждены быть могутъ. Турки въ Зимницѣ поспѣшатъ очистить укрѣпленіе сіе, коль скоро увидятъ, что Систовъ аттакованъ. — Отъ Систова отрядъ сей пойдетъ къ Тырнову, который, по причинѣ чрезвычайнаго стѣсненія домовъ, также дѣйствію артиллеріи противустоять не можетъ. По занятіи же Тырнова, отрядъ сей долженъ обратиться къ Рущуку и маскировать сію крѣпость.

Корпусъ, который двинется со стороны Туртукая, долженъ состоять изъ 40 баталіоновъ пѣхоты, 55-ти эскадроновъ кавалеріи, 8-ми полковъ казачьихъ, 4-хъ ротъ батарейной артиллеріи, 3-хъ ротъ конной артиллеріи и полуторы роты піонеровъ. Дабы предпринять переходъ чрезъ Дунай, я сдѣлалъ уже всѣ нужныя распоряженія, чтобы перевести туда мостъ Галацкій, и операція сія въ непродолжительномъ времени произведена будетъ въ дѣйство. Корпусъ сей долженъ тотчасъ взять Туртукай, дабы имѣть твердую ногу на правой сторонѣ Дуная, а потомъ пойдетъ къ Разграду, занятіемъ коего пресѣчена будетъ коммуникація между Шумлою и Рущукомъ, и сей послѣдній городъ не

въ состояніи будетъ получить какую либо помощь изъ Шумлы или изъ-за Балканскихъ горъ.

Правда, что есть ли-бы не посылать корпуса на Никополь, то бы корпусъ, переходящій при Туртукаѣ, могъ быть 15-ю баталіонами пѣхоты, 10-ю эскадронами кавалеріи и однимъ полкомъ казачьимъ сильнѣе; но съ одной стороны, потерялись бы изъ виду всѣ, весьма значущія выгоды, пріобрѣтаемыя, какъ выше описано, дѣйствіемъ корпуса никопольскаго; а съ другой, корпусъ туртукайскій, во всѣхъ обстоятельствахъ долженствовалъ бы отдѣлить отъ себя въ право, не менѣе 10-ти баталіоновъ пѣхоты и 10-ти эскадроновъ кавалеріи, съ однимъ полкомъ казачьимъ, для маскированія Рущука, что уже возлагается на корпусъ Никопольскій. А потому, отдѣленіемъ сего послѣдняго убавляется весьма мало силъ отъ главнаго арміи корпуса, въ сравненіи тѣхъ выгодъ, которыхъ отъ такого отдѣленія, по всей справедливости, ожидать должно.

По взятіи Разграда, главный арміи корпусъ, останется тамъ дотолѣ, доколѣ корпусъ Никопольскій успѣетъ придти маскировать Рущукъ и учредитъ коммуникацію съ Разградомъ. Тогда только можно идти на Шумлу; ибо отправясь ранѣе, корпусъ сей подвергается опасности быть аттакованнымъ съ тылу гарнизономъ рущукскимъ.

Далѣе отъ Шумлы, операціи сего корпуса зависятъ отъ обстоятельствъ и отъ движеній непріятельскихъ.

Корпусъ, который двинется изъ Гирсова, состоять будетъ изъ 25 баталіоновъ пѣхоты, 25 эскадроновъ кавалеріи, 5 полковъ казачьихъ, одной роты батарейной артиллеріи, одной роты конной артиллеріи и полуроты піонеровъ. Онъ раздѣлится на два отряда. Одинъ—изъ 10 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, двухъ полковъ казачьихъ и полуроты конной артиллеріи, будетъ маскировать Силистрію, и употребитъ всѣ способы къ учрежденію связи съ главнымъ арміи корпусомъ, коль скоро оный займетъ Разградъ; ибо до того времени, другой коммуникаціи съ лѣвымъ флангомъ не будетъ, коль только чрезъ лѣвый берегъ Дуная. Другой отрядъ, составленный изъ остальной части войскъ сего корпуса, пойдетъ къ сторонѣ Варны и Базарджика, дабы наблюдать оба сіи мѣста, содержать войска оныхъ въ почтеніи и возбранять имъ дѣлать какія либо движенія; наступательно же дѣйствовать ему только тогда, когда обстоятельства представятъ вѣрныя и несомнительныя выгоды.

Весьма легко статься можетъ, и даже вѣроятно, что турки, по полученіи извѣстія о переходѣ нашемъ, стараться будутъ сосредоточить силы свои въ Базарджикѣ, или Шумлѣ. Естьли войска изъ Базарджика захотятъ идти въ Шумлу, то они должны быть атакованы въ пути отрядомъ Гирсовскимъ; естьли же, напротивъ того, верховный визирь изъ Шумлы захочетъ соединиться съ войсками въ Базарджикѣ, то тогда должно будетъ его аттаковать съ двухъ сторонъ, то есть, съ одной, главнымъ арміи корпусомъ, а съ другой отрядомъ Гирсовскимъ.

Коль скоро корпусъ Гирсовскій двинется впередъ, и одинъ отрядъ пойдетъ къ Силистріи, то флотилія, назначенная къ дѣйствію на Дунаѣ, за исключеніемъ той части, которая должна оборонять гирлы дунайскія, имѣетъ подняться вверхъ по рѣкѣ. Одинъ отрядъ останется противъ Силистріи для блокады ея, а остальная часть должна пройти мимо крѣпости, во что бы ни стало, дабы охранять мостъ туртукайскій и нашу коммуникацію; а притомъ, буде возможность откроется, пресѣчь сношенія между Журжею и Рущукомъ.

Когда войска предпримутъ переправу чрезъ Дунай, то въ то же время корпусъ, въ Большой Валахіи остающійся, долженъ стараться овладѣть Слободзеею и потомъ, сколь можно тѣснѣе, блокировать крѣпость, на каковый конецъ и нужна осадная артиллерія.

Такимъ образомъ, совершенно ограждена будетъ Большая Валахія отъ всякаго непріятельскаго вторженія, и надѣяться можно, что при исполненіи вышеписаннаго плана, при угрозахъ, дѣлаемыхъ самому Рущуку и при искусной блокадѣ Журжи, крѣпость сія сдастся.

Единовременное нападеніе на непріятеля, съ центра и съ обоихъ фланговъ, должно непремѣнно распространить тревогу, неустройство, страхъ и безпорядокъ между турками; они не въ состояніи будутъ препэдавать другъ другу руку помощи, и такимъ образомъ можно надѣяться одержать надъ ними большія выгоды.

Хотя всѣ сіи предположенія и преподаютъ надежду въ счастливыхъ успѣхахъ, однако же, обязанность главнокомандующаго требуетъ также обратить вниманіе на тѣ преграды, которыя непріятель ему поставить можетъ въ исполненіи его плана. Въ таковомъ соображеніи нахожу я, что турки имѣютъ самую большую удобность войти въ озеро Розельмъ и тамъ, или же въ другомъ береговомъ мѣстѣ, какъ то, въ Кара-Арманѣ или Кар-

галыкѣ высадить войска, и такимъ образомъ турнировавъ лѣвый флангъ арміи, произвесть столь сильную диверсію, что армія должна будетъ ретироваться. Для предупрежденія сего, и для обезпеченія совершенно открытаго лѣваго фланга арміи, слѣдовательно для удостовѣренія кампаніи, которая должна быть рѣшительна, признаю я необходимо нужнымъ, чтобы черноморскій флотъ нашъ выступилъ въ море, занялъ двумя фрегатами и нѣсколькими мелкими судами озеро Розельмъ и крейсировалъ бы близь черноморскихъ береговъ турецкихъ, воспретя строжайше проходъ, всѣмъ вообще турецкимъ судамъ, изъ Константинополя въ Варну и другія пристани. Такимъ только образомъ можетъ непріятель лишенъ быть способа усилить войска свои противъ лѣваго нашего фланга и доставлять туда продовольствіе. Когда же операціи будутъ счастливы, и отрядъ Гирсовскій успѣетъ, и въ состояніи будетъ, занявъ Базарджикъ, послѣ овладѣнія главнымъ арміи корпусомъ Шумлой, безпрепятственно подступитъ къ Варнѣ, то тогда бомбардированіе сей крѣпости со стороны моря также необходимо потребно.

Генералъ отъ инфантеріи гр. Багратіонъ.

Бухарестъ.
Марта 00-го дня,
1810 г.

ОПЕЧАТКИ

II тома.

Страница.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	30	подагалъ	полагалъ
11	20	Императоръ	Императоръ
15	26	Киржаліемъ	Кирджаліевъ
27	15	графъ	князь
31	23	согласилось	согласилась
38	7	мѣрѣ	мѣры
39	13	Гагоша	Гогоша
41	5	Ланферона	Ланжерона
45 и 46	9 и 32	Махмуда	Мустафы
45	33	Мугидъ-эфенди	Гулибъ-эфенди
49	1	его	ею
61	23	личыхъ	личныхъ
80	1	двигать	двигаясь
111 и 112	27 и 16	Мимишъ	Милишъ
120	12	Молла	Мулла
125	12	къ намъ	къ нимъ
157	30	подъ оружіемъ	подъ ружьемъ
178	28	въ Куру	въ Араксъ
183	5	будетъ	будутъ
214	13	успѣлъ бѣжать	отправилъ своего агента, который успѣлъ бѣжать
234	24	не небольшими	небольшими
289, 290 и	27, 1 и		
300	23	Крагуевацъ	Крушевацъ
295	8	Гутанцли	Гушанцли
314	29	Поланскѣ	Паланкѣ
315	7	и Родофиникина	на Родофиникина
322, 335	30 и 25	Волкова	Воинова
351	34	лѣвое крыло	правое крыло
377	27	Туртукаю	Туртукаю
439	32	въ Измаиловъ	въ Измаилъ
443	25	Перевозка	Перевозку
487	26	ея	ее
513	27	разбѣжалась	разбѣжались
515	22	Арпача	Арпачай
533	18	Томани	Тамани
566	8	части	часа

ГПИБ России

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами съ 1769—1774 годъ.**

Пять томовъ съ планами и картой.

(Осталось всего 50 экземпляровъ).

Цѣна 5 р. Пересылка за 5 пунтовъ.

2. **Война Россіи съ Турціей съ 1787—1791 г.г.**

Два тома съ планами и картой.

Цѣна 3 р. Пересылка за 2 фунта.

(Удостоено отъ Императ. Академіи Наукъ, Уваровской преміи 1881 г. Осталось до 100 экз.).

Складъ у В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ. Колокольная, № 14.